РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ В. Д. КУЗНЕЦОВА

2 (40)

Апрель–Май–Июнь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2013

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,* д.п.н. *О. В. Гневэк,*
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2013
© Магнитогорский государственный университет, 2013
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2013

“ВОЛЬНОЕ ДЕЛО” — “НАЧАЛЬНИКУ ФАНАГОРИИ”

Владимира Дмитриевича Кузнецова мы знаем с 2004 года. Тогда, после встречи учредителя нашего фонда О. В. Дерипаска с академиком Г. М. Бонгард-Левиным, было решено начать работу над новым благотворительным проектом — “Историко-культурное наследие Кубани”. Ядром нового проекта должна была стать всесторонняя поддержка Фанагорийской (тогда ещё Таманской) археологической экспедиции Института Археологии РАН.

Большинство из нас, не археологов по жизни и образованию, хотя бы раз, хотя бы в детстве мечтали побывать на настоящих раскопках, увидеть, как из земли извлекается меч или кубок, которые до этого держали в руках жившие тысячелетие назад люди. И пусть не сложилось, не довелось — детская мечта всё равно остаётся где-то глубоко в тебе.

Может быть, о чём-то подобном думал и учредитель нашего Фонда, первый раз прилетев на место раскопок Фанагории. Было, наверное, и опасение — вдруг всё окажется не так интересно, как рассказывали? Что это за античный город без живописных руин, колонн и мозаичных полов, как где-нибудь в Греции?..

И здесь, пожалуй, самое время сказать — мы знаем В. Д. Кузнецова, в первую очередь, не как замечательного учёного или организатора (хотя и в этом плане можем поделиться своими наблюдениями). Что важнее для дела, — он человек, способный “заразить” окружающих своей убеждённостью.

Чтобы понять суть нового проекта, для нас, мало что знавших о подлинной археологии, было важно по-настоящему увлечься им. Можно сказать даже — полюбить огромную жаркую яму раскопа семиметровой глубины с черепками древних сосудов, выгоревшую на жарком солнце траву по курганам и такие же выгоревшие палатки расположенного между ними полевого лагеря.

И мы — увлеклись. Владимир Дмитриевич настолько предан своей цели, что трудно вслед за ним не принять, как свои, его устремления: сделать экспедицию лучшей в стране, привлечь в неё лучших специалистов разных научных дисциплин; создать для них комфортные условия полевой работы и обработки материалов, построить в Фанагории Научный центр с крупнейшей в России библиотекой по античной истории и археологии. И, наконец, как венец вышесказанного — воплощение мечты о создании федерального историко-археологического музея-заповедника, где впервые в России посетители, выйдя из залов с уникальными находками, могли бы попасть непосредственно на место, где находки эти были сделаны, увидеть, как работают археологи — и на земле, и в затопленной морем части древнего города.

В. Д. Кузнецов убедил нас, что это всё возможно, и мы поверили в достижимость, казалось бы, неосуществимого. Поверили, потому что видели перед собой не просто известного учёного, отдавшего сорок лет изучению самого большого в

стране памятника античной эпохи, но ещё и опытного руководителя, твёрдо убеждённого в правильности выбранной цели.

Для нас сегодня Владимир Дмитриевич — по-настоящему коренной житель Фанагории. С нею он пережил трудные времена начала девяностых, когда вся экспедиция порой состояла из нескольких человек. Но он не просто не бросил ставший для него родным город — он открыл перед ним новые перспективы. Имя основанного два с половиной тысячелетия назад и исчезнувшего, казалось бы навсегда, тысячу лет назад города теперь снова на слуху. Будем надеяться, что следующие тысяча лет для него сложатся удачнее. Может быть — кто знает? — стараниями Кузнецова городу вернутся и “столичные” функции. Например, как одному из научных и туристических центров Кубани и всей России...

Сорок фанагорийских лет из общего счёта юбилейных шестидесяти — это не просто б***о***льшая часть жизни. Это лучшие и самые плодотворные для любого человека годы. Уже в полной мере ясно, чего он на самом деле стоит, чего добился — и, вместе с тем, чего ещё добиться может. “Начальник Фанагории” и добился многого, и ещё очень-очень многого добьётся! Мы верим в это.

Желаем юбиляру крепкого здоровья и той самой гармонии с самим собой и окружающим миром, в которой, как говаривали древние греки, и есть истина. И, конечно — новых уникальных находок на суше и под водой, больших курганов (желательно, не разграбленных какими-нибудь генуэзцами) и, поскорее — музея Фанагории, красивого и самого современного!

Нам же, в свою очередь, хочется верить, что в достижениях Фанагории, настоящих и будущих, есть толика и наших трудов, нашей увлечённости и души. Надеемся ещё поработать вместе!

Всегда с Вами,
Фонд Олега Дерипаска «Вольное Дело»

ЮБИЛЕЙ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА КУЗНЕЦОВА

20 августа 2013 г. исполняется 60 лет Владимиру Дмитриевичу Кузнецову, доктору исторических наук, заведующему отделом классической археологии Института археологии РАН.

В.Д. Кузнецов родился 20.08.1953 г. в городе Куйбышеве. В 1978 г. он окончил исторический факультет МГУ по кафедре истории древнего мира; в 1983 г. — аспирантуру ИА РАН. Учителями Владимира Дмитриевича были профессора Г.А. Кошеленко, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина. В 1984 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Ремесло классической Греции» (под руководством проф. Г.А. Кошеленко). Докторская диссертация «Организация общественного строительства в древней Греции» была защищена В.Д. Кузнецовым в 1996 году.

В Институте археологии РАН В.Д. Кузнецов работает с 1983 г., пройдя по «служебной лестнице» от лаборанта до заведующего отделом, который он возглавляет с 2008 г. Владимир Дмитриевич является членом Ученого совета ИА РАН, членом редколлегии журнала «Российская археология», зам. главного редактора журнала «Проблемы истории, филологии, культуры». Совместно с Г.М. Бонгард-Левиным (а после его ухода из жизни — единолично) В.Д. Кузнецов был ответственным редактором фундаментального научного издания «Античное наследие Кубани» (М., 2010). Он является также ответственным редактором основанной им серии «Фанагория. Результаты археологических исследований» (в этом году увидел свет 1-й выпуск этого издания: «Материалы по археологии и истории Фанагории», М., 2013).

Основные научные интересы юбиляра лежат в области классической археологии, античной экономики и эпиграфики. Эта тематика отражена в его замечательной монографии «Организация общественного строительства в Древней Греции» (М., 2000) и целом ряде серьезных исследовательских работ, опубликованных в различных изданиях. Все эти труды отличают самостоятельный, нестандартный подход к существу рассматриваемых проблем, глубокое знание отечественной и зарубежной научной литературы. Можно сказать, что это «фирменный стиль» научной работы В.Д. Кузнецова. Его стараниями была реорганизована и пополнилась новыми изданиями библиотека Отдела классической археологии (Мемориальный кабинет В.Д. Блаватского).

Но, говоря о научных интересах юбиляра, нельзя не сказать о том, что определяющим фактором всей его биографии стала всепоглощающая любовь к Фанагории. Хотя полевая деятельность В.Д. Кузнецова и началась в 1971 г. на других археологических памятниках, но, оказавшись впервые в Фанагории, он навсегда остался пленен ее холмами, живописно спускающимися к берегу Таманского залива. Уже в 1978 г. он возглавил работу Фанагорийского отряда, в 1981–1983 гг. был научным сотрудником Фанагорийской экспедиции ИА РАН. После некоторого перерыва (в 1984–1989 гг. он возглавил раскопки в Кепах) в 1990 г. вернулся в Фанагорию, с 1993 г. и по настоящее время остается бессменным начальником Фанагорийской экспедиции.

В особенности в последнее десятилетие, благодаря неиссякаемой энергии Владимира Дмитриевича, нашедшего доброжелательную и заинтересованную поддержку в Фонде О.В. Дерипаски «Вольное дело», — полевые работы в Фанагории

приобрели размах и планомерность, невиданные прежде не только на Таманском полуострове, но и в Причерноморье в целом. Сейчас его детище стало одной из самых крупных античных экспедиций в мире. Здесь, пожалуй, нет необходимости перечислять достижения экспедиции, ее серьезные научные открытия. Достаточно сказать, что никогда прежде не проводились одновременно столь масштабные комплексные исследования на городище, некрополях Фанагории и под водой, на затопленной морем части города, а также на памятниках сельской округи Фанагорийского полиса. Здесь плодотворно трудится созданный юбиляром большой коллектив специалистов, не только археологов, но и антропологов, палеозоологов, почвоведов и т.д. В 2012 г. был открыт научный центр Фанагорийской экспедиции ИА РАН, в котором разместились прекрасно оборудованные лаборатории, роскошное помещение библиотеки (оно же — конференц-зал), комфортабельные жилые помещения. О таком центре археологи не смели и мечтать… Реализация данного замысла — во многом заслуга юбиляра, сумевшего привлечь к Фанагории внимание общественности, государственной власти и частных лиц, финансирующих проект. Нельзя не отметить особо тот факт, что благодаря настойчивости В.Д. Кузнецова и работе, проделанной возглавляемым им коллективом сотрудников, Фанагория — археологический памятник федерального значения — впервые получила обоснованные охранные зоны, что гарантирует ее неприкосновенность. Есть надежда, что со временем здесь будет построен большой федеральный музей Фанагории...

Заслуги юбиляра высоко оценены и мировым научным сообществом. Он принимал участие в различных международных конгрессах в Европе и Америке. Престижнейшие учебные и научные заведения Франции, Германии и других стран неоднократно приглашали его для чтения курсов лекций по античной археологии Греции и Северного Причерноморья. Признанием высокого научного авторитета В.Д. Кузнецова стало избрание его членом-корреспондентом Немецкого Археологического Института (Берлин).

Наш юбиляр полон замыслов и идей. И как показывает практика, многие из его задумок (еще недавно казавшиеся фантастическими) реализуются. Поздравляя Владимира Дмитриевича с 60-летием, мы прежде всего желаем ему крепкого здоровья, поскольку все его свершения и новые планы требуют величайшего напряжения сил. А еще — «свободного времени», которое он сможет с радостью использовать для научного творчества (и которого ему, порой, так катастрофически не хватает). Что еще можно пожелать В.Д. Кузнецову? Пожалуй, побольше надежных и толковых помощников, которые, хотя бы отчасти, были бы так же преданы Фанагории, как и он сам. С днем рождения!

Хорошо зная, сколь не любит юбиляр всяческий апофеоз и славословие, мы завершаем свое поздравление кратким повторением: «*Salve*»!

Отдел классической археологии ИА РАН,
редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии и культуры,
друзья,
коллеги,
единомышленники

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. Д. КУЗНЕЦОВА

1983

1. Новые зарубежные работы о древнегреческом ремесле // ВДИ. 4, 186–196.

1984

2. Ремесло классической Греции. Автореф… канд. дисс. М.
3. Организация строительных работ в Эпидавре (обработка камня) // СА. 1, 170–182.

1986

4. Ремесленники-металлисты Эпидавра // Проблемы античной культуры / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 43–47.

1989

5. К проблеме греческой колонизации // Проблемы исследований античных городов. Тезисы докладов. М., 62–64.
6. Ремесленники Элевсина // ВДИ. 3, 127–147.

1990

7. Строители Эрехтейона // ВДИ. 4, 27–44.
8. Некоторые вопросы организации общественного строительства в Афинах // СА. 4, 45–50.
9. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье VII-II вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 30–47 (совместно с Г. А. Кошеленко).
10. La colonisation grecque du Bosphore Cimmerien // Le Pont Euxin vu par les Grecs. Paris, 67–84 (совместно с Г. А. Кошеленко).

1991

11. Кепы: ионийская керамика // СА. 4, 36–52.

1992

12. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.
13. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 6–28 (совместно с Г. А. Кошеленко).
14. Раскопки в Кепах 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 28–45.

1993

15. La colonisation grecque du littoral septentrional de la Mer Noire // Les Dossiers d'archeologie. 188. Les villes grecques de la Mer Noire. Paris, 10–15.
16. Le royaume du Bosphore // Les Dossiers d'arheologie. 188. Les villes grecques de la Mer Noire. Paris, 34–39 (совместно с Г. А. Кошеленко).

1994

17. Греческая бронзолитейная мастерская: вазопись и эпиграфика // ВДИ 2, 111–118.

18. ΘΥΡΕΤΡΟΝ в делосских надписях // ПИФК. I, 70–74.

1995

19. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. Вып. 6. М., 99–125.
20. Заметки по делосской эпиграфике // ВДИ. 3, 227–233.
21. Делосское святилище Аполлона и его строители (по данным эпиграфики). М.

1996

22. Colchis and Bosporus: Two Models of Colonisation? // New Studies on the Black Sea Littoral. Colloquia Pontica. 1. Oxford, 17–30 (совместно с Г. А. Кошеленко).
23. Кепы // 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань археологическая (II раздел). Тамань, 44–47.

1997

24. Phanagoria. 1800 years of history on the Black Sea // Minerva. Vol. 8. No. 5, 21–27 (совместно с Г. Р. Цецхладзе).

1998

25. Greek Colonisation of the Bosporos // The Greek Colonisation of the Black Sea. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 249–263 (совместно с Г. А. Кошеленко).
26. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. Вып. 1. СПб., 7–12.

1999

27. Early Types of Greek Dwelling Houses in the North Black Sea // Ancient Greeks West and East / G. R. Tsetskhladze (ed.). Leiden–Boston–Köln, 531–564.
28. Работы Фанагорийской экспедиции в 1998 г. // ПИФК. VII, 392–393.
29. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // Territoire des cités grecques. Actes de la Table ronde internationale, 31 octobre – 3 novembre 1991 / BCH Suppl. 34, 341–353.

2000

30. On the Cult of Aphrodite in Kepoi // Periplous. Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman / G. R. Tsetskhladze, A. J. N. W. Prag, A. M. Snodgrass (eds.). London, 353–360 (совместно с Г. Р. Цецхладзе).
31. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1, 107–120.
32. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 1, 16–41.
33. Рец.: D. A. Amix, P. Lawrence. Studies in Archaic Corinthian Vase Painting. Hesp. Suppl. 28. Princeton, New Jersey, 1996, 161 p. // РА. 1, 246–247.
34. Организация общественного строительства в древней Греции. М.
35. Фанагория и ее метрополия // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). СПб., 30–32.
36. История мертвого города // Наука в России. 3, 62–72.

2001

37. Метрополия Фанагории // ДБ. 4, 227–236.
38. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. 4, 237–253.
39. Archaeological Investigations in the Taman Peninsula // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica. 6 / G. R. Tsetskhladze (ed.). Leiden–Boston–Köln, 319–344.
40. Подводные исследования в Фанагории // Наука в России. 5, 40–48 (совместно с В. Н. Латарцевым).
41. Phanagoria and its Metropolis // Talanta. Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical society. Vol. XXXII-XXXIII, Amsterdam, 67–77.

2002

42. Phanagoreia. Eine griechische Kolonie im asiatischen Teil des Bosporanischen Reiches // Das Bosporanische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / J. Fornasier, B. Böttger (hrsg). Mainz am Rhein, 59–68.

2003

43. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 6, 153–175 (в соавторстве с В. Н. Латарцевым, Е. Е. Латарцевой, А. О. Амелькиным).
44. Kepoi // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II / D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (eds.). Thessaloniki, 895–897.
45. Phanagoria // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II / D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (eds.). Thessaloniki, 897–921.
46. Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II / / D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (eds.) / D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (eds.). Thessaloniki, 921–955.
47. Фанагория подводная. Воронеж. (в соавторстве с А. О. Амелькиным и В. Н. Латарцевым).

2004

48. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. XIV, 94–123.

2005

49. Клазоменская керамика из Фанагории // ДБ. 8, 267–273.
50. Уникальные открытия на Таманском полуострове // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М, 51–66.
51. Фанагория: новые исследования // КСИА. 219, 77–93.

2006

52. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.
53. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 9, 260–280 (совместно с В. Н. Латарцевым и А. Б. Колесниковым).
54. Тамань заповедная // Родная Кубань. 1, 44–54.
55. Исследования в Фанагории // Современные проблемы археологии России. Т. I. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 40–42.

56. Fouille de Phanagorie: Nouveaux documents archéologiques et épigraphiques du Bosphore // CRAI (Académie des inscriptions et belles lettres. Comptes rendus. 2006 janvier–mars. Paris, 255–292 (совместно с Г. М. Бонгард-Левиным и Г. А. Кошеленко).

2007

57. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 1, 5–15.
58. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.
59. Раскопки в Фанагории // Археологические открытия 2005 года. М., 323–325.
60. Археологические исследования последних лет в Фанагории // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 223–246 (совместно с Г. М. Бонгард-Левиным и Г. А. Кошеленко).
61. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 11, 225–234.

2008

62. Фанагория. По материалам Таманской археологической экспедиции. М.
63. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. XXI, 392–403.
64. Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. 4, 184–194 (совместно с М. Г. Абрамзоном).
65. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг. // ДБ. 12/2, 370–412 (совместно с А. Б. Колесниковым и С. В. Ольховским).

2009

66. Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 13, 280–304.
67. Кепы // Большая Российская Энциклопедия. Т. 13, 581 (совместно с Д. В. Журавлевым)
68. Underwater Investigations at Phanagoria, 2004–2007 // 110th Annual Meeting of the Archaeological Institute of America. January 8–11. Philadelphia, 104.
69. Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 192–198.
70. Phanagoreia. Die vergessene Metropole am Schwarzen Meer. Eine Expedition berichtet. Nach den Berichten der archäologischen Taman-Expedition / V. Kuznetsov, N. Povalahev (hers.). Göttingen (совместно с Н. Л. Поваляевым).
71. Новейшие исследования в Фанагории // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Н. А. Макаров (ред.). М., 190–204.
72. Исследования в Фанагории // Археологические открытия 2006 года. М., 392–395.

2010

73. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 1, 393–429 (совместно с Л. А. Голофаст).
74. Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 1, 59–85 (совместно с М. Г. Абрамзоном).
75. О мастерских фанагорийских ювелиров второй половины VI в. до н.э. // Боспорские чтения. Вып. XI. Ремесла и промыслы. Керчь, 256–265 (совместно с А. А. Завойкиным).
76. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 406–426 (совместно с Г. А. Кошеленко).

77. Фанагория — столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 428–469.
78. Сельское хозяйство, ремесла и промыслы // Античное наследие Кубани / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 206–234 (совместно с Г. А. Кошеленко).
79. Кепы // // Античное наследие Кубани / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). Т. 1. М., 540–555 (совместно с Д. В. Журавлевым).
80. О времени основания Фанагории // ДБ. 14, 313–321.

2011

81. Исследования в Фанагории // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV. М., 67–73.
82. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинскихполевых исследований (Методика полевых археологических исследований). Вып. 4. М., 117–130.
83. The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. 17, 75–110 (совместно с М. Г. Абрамзоном).
84. Phanagoreia – die Hauptstadt des asiatischen Bosporos // Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos / N. Povalahev und V. Kuznetsov (hrsg.). (Altertümer Phanagoreias (V. Kuznetsov, N. Povalahev, G. A. Lehmann (hrsg.). Bd. 1). Göttingen, 11–50.
85. Dachziegelstempel des Kimmerischen Bosporos // Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos / N. Povalahev und V. Kuznetsov (hrsg.). (Altertümer Phanagoreias. V. Kuznetsov, N. Povalahev, G. A. Lehmann (hrsg.). Bd. 1). Göttingen, 141–154.
86. Grabinschriften Phanagoreias // Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos / N. Povalahev und V. Kuznetsov (hrsg.). (Altertümer Phanagoreias. V. Kuznetsov, N. Povalahev, G. A. Lehmann (hrsg.). Bd. 1). Göttingen, 173–180 (совместно с Н. Л. Поваляевым).
87. Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории // ВДИ. 2, 64–94 (совместно с М. Г. Абрамзоном).
88. The Phanagorian Revolt Against Mithridates VI Eupator (Numismatic Evidence) // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.) / N. Povalahev und V. Kuznetsov (hrsg.). (Altertümer Phanagoreias. V. Kuznetsov, N. Povalahev, G. A. Lehmann (hrsg.). Bd. 2). Göttingen, 15–89 (совместно с М. Г. Абрамзоном).
89. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 4, 188–198 (совместно с А. А. Завойкиным).

2012

90. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Керчь, 130–146 (совместно с А. А. Завойкиным).

ИСТОРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНАГОРИИ

© 2013

М. Ю. Трейстер

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА 63 г. до н.э. НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

Данная заметка посвящена золотым ювелирным изделиям, найденным в 1999 г. при работах Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН под руководством В. Д. Кузнецова в слое пожара на акрополе Фанагории, который датируется находками монетных кладов 63 г. до н.э. Набор золотых украшений, предположительно хранившихся в шкатулке, сгоревшей в пожаре, включающий два перстня и элементы как минимум двух серег, в том числе щиток с кастами и две подвески в виде Эротов, обнаруживает по своему составу, форме и декору наиболее близкие параллели в таких относительно хорошо датированных комплексах, происходящих из бассейна Эгейского моря, как клад, найденный на Делосе в 1964 г. (122 или 88 г. до н.э.), и кораблекрушение у о. Антикитира (70–60-е гг. до н.э.). Фанагорийская находка еще раз демонстрирует тот факт, что в позднеэллинистическую эпоху в Северном Причерноморье получают распространение ювелирные изделия, известные по находкам в Греции, Малой Азии и на островах Эгейского моря. Фанагорийский комплекс золотых украшений является еще одним основанием (наряду с монетными находками) датировки пожара на акрополе Фанагории.

Ключевые слова: золотые украшения эллинистического времени, перстни, серьги с подвесками в форме Эротов, акрополь Фанагории

Данная заметка посвящена золотым ювелирным изделиям, найденным в 1999 г. при работах Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН под руководством В. Д. Кузнецова в слое пожара на акрополе Фанагории, который датируется находками монетных кладов 63 г. до н.э.[1] В опубликованных юбиляром совместно с М. Г. Абрамзоном статьях находки оплавленных и сильно пострадавших в пожаре ювелирных изделий, которые, вероятно, изначально находились в шкатулке, были лишь вкратце упомянуты и проиллюстрированы фотографией[2]. Очевидно, однако, что они заслуживают более подробного комментария, который

Трейстер Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, научный сотрудник Института переднеазиатской археологии, Свободный Университет, Берлин. E-Mail: mikhailtreister@yahoo.de

[1] Абрамзон, Кузнецов 2010, 59–85; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 75–110; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 15–89.

[2] Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

стал возможен в результате осуществления инициированного нами с В. Д. Кузнецовым проекта по комплексному исследованию находок из золота, происходящих из раскопок городских слоев и некрополя метрополии Азиатского Боспора.

Публикуемые золотые изделия включают два перстня (цв. вкл. 1, рис. 1, *7–8*; цв. вкл. 2), две подвески серег в форме Эрота (цв. вкл. 1, рис. 1, *2–3*; 3–4), постамент какого-то украшения (серег?) (цв. вкл. 1, рис. 1, *5*; цв. вкл. 5, *1–4*), полурасплавленный щиток серьги с основаниями кастов для вставок (цв. вкл. 1, рис. 1, *6*; цв. вкл. 5, *5–6*), глобулу (цв. вкл. 1, рис. 1, *1*; цв. вкл. 6, *1–2*) и полурасплавленный стержень с глобулой на конце (цв. вкл. 1, рис. 1, *4*; цв. вкл. 6, *3–4*), которые могли изначально представлять собой петли серег.

Оба перстня кат. № 1 и 2 из высокопробного золота (табл. 1, № 1–2) относятся к одному типу (цв. вкл. 1, рис. 1, *7–8*; цв. вкл. 2). Они имеют овальный щиток с узким горизонтальным краем и углублением под вставку. Шинка перстней полая. Внутренняя часть шинки, плоская, образована кольцом — верхняя часть кольца образует основание щитка, в котором изначально крепилась гемма или вставка из полированного камня. Внешняя сторона шинки — выпуклая. У одного из перстней сохранилась припаянная к верхней части кольца округлая тонкая золотая пластина, служившая основанием утраченной вставки (цв. вкл. 2, рис. 2, *8*). Как показывает изучение таких перстней[3], свободное от вставки пространство между пластиной щитка и кольцом могло заполняться белым пастообразным материалом.

Перстни рассматриваемой формы и конструкции получают распространении в эпоху позднего эллинизма, особенно во II — начале I в. до н.э.[4] Аналогии фанагорийским перстням происходят из погребений некрополей Тарента[5] и Патр (II в. до н.э.),[6] Самофракии (конец II или начало I в. до н.э.),[7] гробницы в Дарданосе в Троаде[8], из клада, открытого на о. Делосе в 1964 г.[9] Находки таких перстней известны и в Западном Причерноморье: в Месембрии[10] и погребении I в. до н.э. некрополя Том[11]. Среди указанных выше находок заслуживает особого внимания перстень, происходящий из клада, найденного в 1964 г. «в квартале ювелиров» на о. Делос. Клад, состоящий из ювелирных изделий и монет, достаточно надежно датируется последними временем или ок. 122 или 88 г. до н.э.[12]

Близкий по форме и конструкции перстень, правда, с несколько более высоким щитком, происходит из кораблекрушения у расположенного между Пелопон-

---

[3] См., например, один из перстней, найденных в Дарданосе (Sevinç, Treister 2003, 229, No. 55; pl. 5, fig. 56).

[4] См., например: Pfeiler-Lippitz 1972, 112, Taf. 36, 12; Boardman, Vollenweider 1978, no. 343, pl. LVII; Vollenweider 1984, Nr. 151; Plantzos 1999, 37, fig. 2, type III.

[5] Cat. Milan 1984, 299, No. 236, Тарент, Нац. Археологический музей, инв. № 54.130; Cat. Milan 1984, 300, No. 240, Тарент, Нац. Археологический музей, инв. № 22.442.

[6] Papapostolou 1978, 361–362, No. 5, pl. 112,α-β; 1990, 128, Nos. 43–44, figs. 43–44; 133–134. Патры, Нац. музей, инв. № 1026, 2130, 4043.

[7] Dusenbery 1998, 999, 138–24 (57.263D).

[8] Sevinç, Treister 2003, 228–229, Nos. 51–55; 238–239; pl. 5, fig. 56. Чанаккале, Археологический музей, инв. № 2334c.

[9] Hackens, Lévy 1965, 552, No. 5, pl. XVII; Zafiropoulou 1998, 295, no. 254. Делос, Археологический музей, инв. № B 10347.

[10] Gălăbov 1955, 138, fig. 10a-b; 145. Бургас, Исторический музей, инв. № 1304–1305.

[11] Bucovală 1967, 110–111, No. 68, f.

[12] Hackens, Lévy 1965, 533–534.

несом и северо-западным побережьем Крита о. Антикитиры[13]: комплекс находок различных категорий, в том числе амфоры с клеймами (Родос, Эфес, Кос)[14] и монеты[15] датируют кораблекрушение временем не позднее середины I в. до н.э., с большой долей вероятности (по монетам) 70–60-ми гг. до н.э.

Интересно, что в кладе, найденном на Делосе в 1964 г.[16], и в кораблекрушении из Антикитиры[17] находки перстней рассматриваемого типа сопровождались серьгами одного типа с подвесками в виде фигурок Эрота, держащего в поднятых над головой руках раскрытое складное зеркало (подвеска сохранилась лишь у одной серьги из кораблекрушения у о. Антикитира). Из кораблекрушения у Антикитиры происходит еще одна серьга со щитком подобного же типа и подвеской в форме Эрота, играющего на кифаре[18].

С этой точки зрения подвески серег из Фанагории (цв. вкл. 1, рис. 1, 2–3; цв. вкл. 3–4), которые пострадали в огне очень сильно, заслуживают особенного внимания.

Сохранились две подвески серег, относящихся к разным типам.

Подвеска кат. № 3 (цв. вкл. 1, рис. 1, *2*; цв. вкл. 3) представляет собой фигурку Эрота с опущенной вниз левой рукой и алабастром в согнутой в локте правой руке. Черты лица Эрота практически не сохранились. К затылку припаяна вертикальная проволочная петля, возвышающаяся над головой.

Подвески в виде Эротов, держащих в одной руке алабастр, довольно хорошо известны[19] (в левой руке на таких подвесок находится раковина). Интересно, что одна из таких подвесок, в настоящее время хранящаяся в Кембридже, происходит из Эрмитажной продажи 1931 г. на Сотебиз и, соответственно, с большой вероятностью была найдена в Северном Причерноморье[20].

Подвеска кат. № 4 (цв. вкл. 1, рис. 1, *3*; цв. вкл. 4) представляет собой фигурку, которая под воздействием огня плавно деформировалась дугой. Тем не менее, в левой руке Эрота сохранился маленький округлый предмет — скорее всего фиала, а за его левым плечом заметен цилиндрический колчан для стрел. Трудно сказать, что могло находиться в сильно поврежденной правой руке, изогнутой полукругом.

Очевидно, что и у этой фигурки была петля, припаянная к затылку. На оборотной стороне фигурки сохранился и проволочный крюк, продетый в эту петлю. К спине фигурки и ее ногам с оборотной стороны (цв. вкл. 4, рис. 4, *2–4*) прикипел еще один стержень с полурасплавленной глобулой на конце, напоминающий отдельно сохранившийся предмет кат. № 8 (цв. вкл. 4, рис. 1, *4*; цв. вкл. 6, *3–4*).

---

[13] Stassinopoulou 2012, 147, No.. 115. Афины, Нац. Археологический музей, инв. № Χρ. 1645.

[14] Kourkoumelis 2012, 211.

[15] Tselekas 2012, 218.

[16] Hackens,Lévy 1965, 541–547, fig. 6, pls. 17, 20; LIMC III, s.v. Eros (A. Hermary, H. Cassimatis, R.Vollkommer), 909, no. 672a; Zafiropoulou 1998, No. 256. Делос, Археологический музей, инв. № B 10342–10343.

[17] Jackson 2010, 181–182, figs. 2a-b; 3; 192; Stassinopoulou 2012, 149–150, No. 119. Афины, Нац. Археологический музей, инв. № Χρ. 1579, 1579a.

[18] Jackson 2006, 157, No. 3, pl. 11; 2010, 179–180, figs. 1a-b; 192; Stassinopoulou 2012, 144–149, no. 118 (с лит.). Афины, Нац. Археологический музей, инв. № Χρ. 1646.

[19] Jackson 2006, 163, no. 1, pl. 14B: место хранения неизвестно; 163, No. 2, pl. 14B: Балтимор, Галерея Уолтерса, инв. 57.1498–1499; 164, No. 3, pl. 14C: место хранения неизвестно; 164.165, No. 4, pl. 14C: место хранения неизвестно.

[20] Jackson 2006, 163–164, No. 4, pl. 14B: место хранения неизвестно.

Фиала довольно распространенный атрибут фигурок Эротов — подвесок серег. В другой, обычно поднятой, руке могла находиться ойнохоя, как у подвесок серег из второй плитовой гробницы, открытой 20 октября 1834 г. Д. В. Карейшей у Карантинного шоссе в Керчи[21], ритон, как у подвески серьги, происходящей из Фанагории, приобретенной экспедицией ГМИИ им А. С. Пушкина в 1928 г.[22], или алабастр, как у подвесок серег, хранящихся в Гамбурге и приобретенных в Смирне[23], и экземпляров из погребения в Амфиссе в Фессалии[24]. В опущенной правой руке держат фиалы Эроты-подвески серег из гробницы второй половины III — первой половины II в. до н.э. в Амфиполисе (Македония)[25].

Полурасплавленный предмет кат. № 5, напоминающий ресницу, сохранил некоторые детали, позволяющие судить о его первоначальной форме и назначении. Есть основания предполагать, что это был вертикальный овальный щиток, на котором один над другим были смонтированы два каста, очертания которых хорошо прослеживаются. Нижний каст имеет округлую форму, верхний — овальную (цв. вкл. 1, рис. 1, *6*; цв. вкл. 5, *5–6*). Интересно, что в большинстве случаев подобные щитки имели серьги, именно с подвесками в форме фигурок Эротов[26].

Серьга из погребения № 2 второго гимнасия Патр с подвеской в виде фигурки Эрота также имеет щиток, состоящий из двух кастов, нижнего — подквадратной формы и верхнего — круглого (аметист и стеклянная паста)[27]. Две пары серег, хранящиеся в Гамбурге, также с подвесками в виде фигурок Эротов, имеют щитки, состоящие из двух крупных кастов овальной формы, расположенных по вертикальной оси один над другим[28]. Подобную же структуру имеет серьга, поступившая в 1851 г. в Керченский музей[29]. Щитки серег с подвесками в виде фигурок Эрота из клада, найденного на Делосе в 1964 г., образованы тремя кастами, выстроенными вертикально в ряд: два нижних — круглые; верхний — полуовальный[30]. Также тремя кастами (овальной и миндалевидной формы) украшены и серьги с подвесками в форме Эротов из кораблекрушения у Антикитиры.

По сторонам такие щитки могли украшаться проволочками с нанизанными на них жемчужинами — остатки таких проволочных колечек наблюдаются по сторонам от кастов на полурасплавленном щитке из Фанагории (цв. вкл. 1, рис. 1, *6*; цв. вкл. 5, *5*). Подобным же образом оформлены щитки серег из Палеокастро в Гамбурге[31].

[21] Pfrommer 1990, 278. Anm. 2517; Jackson 2006, 133–134, No. 6, pl. 8; Трейстер 2010, 590 с лит., рис. 607, 5; 676: Гос. Эрмитаж, инв. № П.1834.94. Гробница вероятно датируется последней четвертью III в. до н.э.: см. Трейстер 2010, 591.

[22] Не опубликована. Москва, ГМИИ, инв. № II 1e 1049 (Бз 273).

[23] Hoffmann, von Claer 1968, 122–123, Nr. 80; Jackson 2006, 147, No. 9, pl. 10C.

[24] Jackson 2006, 148, No. 13, pl. 10C.

[25] Jackson 2006, 146, No. 5, pl. 10C;

[26] См. в целом, Трейстер 2007, 122.

[27] Daux 1966, 830–831, fig. 1.

[28] Инв. 1918, 58/59: Палеокастро: Küthmann-Kusel 1925, 169–170, Nr. 1–2, Taf. VIII,1–2; Hackens, Lévy 1965, 547 figs. 7–8; Hoffmann, Davidson 1965, 286–287, No. 136; Hoffmann, von Claer 1968, 33–36, Nr. 25; Pfeiler-Lippitz 1972, 111 Taf. 35, 2–3. — Инв. 1895, 211: Hoffmann, von Claer 1968, 124–127, Nr. 81; Pfeiler-Lippitz 1972, 111. См. также аналогичную структуру щитка серьги с подвеской в виде фигурки Эрота, хранящейся в Вене (Художественно-исторический музей, инв. № VII 975): Cat. Vienna 1999, 222–223, Nr. 142.

[29] Reinach 1892, 49, pl. VII, 18; Трейстер 2007, 122, кат. № C/1.19.1.4.

[30] См. выше прим. 16.

[31] См. выше прим. 17–18.

Не исключено, что к подвеске серьги относился и найденный миниатюрный постамент трапециевидной формы со следами припоя фигурки и двумя вертикально припаянными трубочками, служившими для вставки атрибута, обрамленными напаянными на верхнюю поверхность постамента шариками калиброванной зерни (кат. № 6, рис. 1, *5*; цв. вкл. 5, *1–4*). Хотя точных параллелей по форме ему не известно, тем не менее, в ряде случаев подвески серег в форме Эротов монтировались на постаментах[32].

Подводя итоги представленным здесь наблюдениям, мы приходим к выводу, что набор золотых украшений, предположительно хранившихся в шкатулке, сгоревшей в пожаре 63 г. до н.э. на акрополе Фанагории, обнаруживает по своему составу, форме и декору наиболее близкие параллели в таких относительно хорошо датированных комплексах, происходящих из бассейна Эгейского моря, как клад, найденный на Делосе в 1964 г. (122 или 88 г. до н.э.), и кораблекрушение у о. Антикитира (70–60-е гг. до н.э.). Фанагорийская находка еще раз демонстрирует тот факт, что в Северном Причерноморье в позднеэллинистическую эпоху получают распространение ювелирные изделия, известные по находкам в Греции, Малой Азии и на островах Эгейского моря. Фанагорийский комплекс золотых украшений является еще одним основанием (наряду с монетными находками) датировки пожара на акрополе Фанагории.

КАТАЛОГ НАХОДОК

1) Перстень.

Перстень имеет овальный щиток с узким горизонтальным краем и углублением под вставку. Шинка перстней полая. Внутренняя часть шинки плоская, образована кольцом — верхняя часть кольца образует основание щитка, в котором изначально крепилась гемма или вставка из полированного камня. Внешняя сторона шинки — выпуклая.

Сохранность: утрачены части шинки, щитка и вставка; часть шинки покрыта окисленным расплавленным серебром.

Золото. Ковка листа, гибка разрезка, пайка, инкрустация.

Без окислов серебра. В. 2,22 см. Щиток — 1,99 х 1,73 см. Шинка — шир. внизу 0,37 см.

У перехода к щитку: 0,95 см. Толщ. щинки: 0,2 см. (внизу); толщ. верхней части 0,43 см. Ширина бортика щитка 0,27 см. Углубление — 1,45 х 1,15 см. Толщина верхней пластинки щитка — 0,6 мм. Отверстие для пальца — 1,63 х 1,75 см.

Вес 6,23 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *7*; цв. вкл. 2, рис. 2, *4–7*.

---

[32] См., например, Jackson 2006, 151, No. 4, pl. 10F; 155, No. 16, pl. 10G; 162, No. 3, pl. 14A; 163–164, Nos. 1–4, pl. 14B; 164–165, Nos. 1, 3, 4a,pl. 14C.

2) Перстень.

Перстень имеет овальный щиток с узким горизонтальным краем и углублением под вставку. Шинка перстней полая. Внутренняя часть шинки плоская, образована кольцом — верхняя часть кольца образует основание щитка, в котором изначально крепилась гемма или вставка из полированного камня. Внешняя сторона шинки — выпуклая.

Сохранность: утрачены часть щитка и вставка; значительная часть шинки и отдельные части щитка покрыты окисленным расплавленным серебром.

Золото. Ковка листа, разрезка, пайка, инкрустация.

С окислами серебра на шинке. В. 2,51 см. Щиток: 1,78 х 1,66 см. Шинка: шир. Внизу

0,30 см, у перехода к щитку — 0,85 см. Толщ. шинки внизу — 0,21 см; толщ. в верхней части перстня: 0,45 см. Шир. бортика щитка 0,23 см. Углубление — 1,24 х 1,13 см. Толщ. верхней пластины щитка 0,5 мм. Отверстие для пальца –1,72 х 1,86 см.

Вес 9,82 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II — I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *8*; цв. вкл. 2, рис. 2, *1–3*, *8*.

3) Подвеска серьги в виде фигурки Эрота с вертикальной петлей для подвешивания из согнутой, круглой в сечении проволоки. Эрот представлен с опущенной вниз левой рукой и алабастром — в согнутой в локте правой руке.

Сохранность: подвеска находится в сильно поврежденном от температурного воздействия состоянии; оплавлена; левая нога и нижняя часть правой ноги утрачены, черты лица Эрота практически не сохранились.

Золото. Литье, пайка.

В. с петлей 2,81 см. Шир. макс. 0,61 см, толщ. макс. без алабастра 0,54 см (с алабастром 0,94 см).

Вес 5,08 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II — I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *2*; цв. вкл. 3, рис. 3.

4) Сильно оплавленная и деформированная подвеска серьги в виде фигурки Эрота. В правой руке, согнутой в локте, — фиала (?). К затылку припаяна петля для подвешивания из круглой в сечении проволоки.

Сохранность: подвеска находится в сильно поврежденном от температурного воздействия состоянии; сильно оплавлена и деформирована, утрачена часть пра-

вой руки, черты лица Эрота практически не сохранились, крюк для подвешивания, находящийся в деформированном виде, прикипел к оборотной стороне подвески.

Золото. Литье, пайка.

В. 2,04 см. Шир. макс. 0,99 см, толщ. макс. 0,96 см. Дужка сечения 1,2 мм.

Вес 4,89 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *2*; цв. вкл. 3, рис. 3.

5) Предмет овальной формы с ажурным обрамлением по краю, вероятно, часть щитка серьги.

Полурасплавленный предмет овальной формы, на котором сохранились основания двух кастов. Нижний каст имеет округлую форму, верхний — овальную. По сторонам ажурное обрамление из проволочек.

Сохранность: находится в сильно поврежденном от температурного воздействия состоянии; сильно оплавлен; утраты по левому краю.

Золото; ковка листа, пайка.

Дл. 2,1 см. Шир. 1,28 см, толщ. 0,17 см.

Вес 2,2 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *6*; цв. вкл. 5, рис. 5, *5–6.*

6) Постамент — деталь подвески серьги (?).

Постамент подпрямоугольной формы со скругленными углами. Одна сторона плоская, вторая вогнутая. На вогнутой стороне имеется бортик. У широкого торца два вертикально припаянные трубочки. С узкого торца на внутренней стороне паз.

Дл. 1,39 см. Шир. 0,57 и 0,68 см. В. с трубочками 0,62 см. Дм. трубочек 0,17–0,18 см.

Толщ. листа 0,7 мм.

Вес 0,67 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *5*; цв. вкл. 5, рис. 5, *1–4.*

7) Капля расплавленного металла неправильной формы с подтеком.

Дл. 1,55 см. Шир. 0,58 см, толщ. 0,39 см.

Вес 2,15 г

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл., рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *1*; цв. вкл. 6, рис. 6, *1–2*.

8) Полурасплавленный предмет в виде загнутого стержня с аморфным окончанием в виде капли расплавленного металла.

Дл. 2,72 см. Сечение проволоки 0,13 см. Глобула на конце: дл. 0,8 см, шир. 0,65 см, толщ. 0,48 см,

Вес 1,68 г.

Место находки: Фанагория. 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85.

Хранение: Москва, Институт археологии РАН.

Дата: II–I вв. до н.э.

Литература: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61, 62, цв. вкл. 1, рис. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011a, 78, 79, fig. 1; Abramzon, Kuznetsov 2011b, 16, 74, fig. 5.

Цв. вкл. 1, рис. 1, *4*; цв. вкл. 4, рис. 4; цв. вкл. 6, рис. 6, *3–4*.

Таблица 1. Результаты XRF-анализов металла[33]

№ кат.	Au	Ag	Cu	Pb	Ni	Fe	Zn	
1	93.05	5.42	1.07	0.46	—	0.46	—	
2	93.35	5.2	1.45	—	—	—	—	шинка
2	92.03	6.86	1.1	—	—	—	—	щиток
3	76.35	21.42	1.62	0.4	0.08	0.4	—	верхняя часть (не петля)
4	69.54	26.12	3.03	0.67	—	0.67	—	центральная часть с лицевой стороны
4	66.19	29.2	2.46	0.96	0.08	0.96	—	центральная часть с оборотной стороны
5	82.09	15.35	1.52	0.17	—	0.23	—	
6	81.92	15.54	1.86	0.17	—	0.51	—	
7	84.8	13.17	1.87	—	—	0.17	—	
8	74.46	21.33	3.44	0.34	0.17	0.34	—	

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. // ВДИ. 1, 59–85.

Трейстер М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья (2 в. до н.э. — 2 в. н.э.) (эллинистическая традиция) // *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. — II в. н.э. Т. 1. Симферополь; Бонн, 15–194.

[33] Анализы выполнены П. В. Хворовым (Институт минералогии УрО РАН, Миасс) на рентгенофлуоресцентном анализаторе INNOV-X (α-серия) в штатном режиме измерения металлов и сплавов. Результаты приведены в процентах. С учетом преимущественно сложной геометрической формы анализируемых предметов и их малых размеров приведенные данные носят полуколичественный характер.

Трейстер М. Ю. 2010: О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д. В. Карейши и А. Б. Ашика 1834–1835 гг. // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений / Paul Du Brux. Oeuvres. Т. 1 / И. В. Тункина (ред.). СПб., 589–601.

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. 2011a: The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence) // ACSS. 17.1, 75–110.

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. 2011b: The Phanagorian Revolt Against Mithridates VI Eupator (Numismatic Evidence) // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Colonization (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.) / N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), (Altertümer Phanagoreias. Bd. 2). Göttingen, 15–89.

Boardman J., Vollenweider, M.-L. 1978: Ashmolean Museum. Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Oxford.

Bucovală M. 1967: Necropole elenistice la Tomis. Constanţa.

Cat. Athens 2012 : The Antikythera Shipwreck: the Ship, the treasures, the mechanism / N. Kaltsas, E. Vlachogiani, P. Bouyia (eds.). Athens.

Cat. Milan 1984: Gli ori di Taranto in età ellenistico / E. M. De Juliis (ed.). Milan.

Cat. Vienna 1999 : W. Seipel (Hrsg.), Bilder aus dem Wüstensand. Wien.

Dusenbery E. B. 1998: The Nekropoleis (Samothrace, 11). Princeton.

Gălăbov I. 1955: Tombeuaux en pierre de Nesebar // Bulletin de l'Institut archéologique bulgare (Serta Kazaroviana). XIX, 129–147.

Hackens T., Lévy E. 1965: Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964 // BCH. 89, 503–566.

Hoffmann H., Davidson P. F. 1965: Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander. Mainz.

Hoffmann H., von Claer V. 1968: Antiker Gold- und Silberschmuck: Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Mainz.

Jackson M. M. 2006: Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology (BAR International ser., 1510). Oxford.

Jackson M. M. 2010: New Jewellery Evidence from the Antikythera Shipwreck: A Stylistic and Chronological Analysis // BCH. 134, 177–194.

Kourkoumelis D. 2012: Transport Amphorae // Cat. Athens 2012, 208–215.

Küthmann-Kusel H. 1925: Thessalischer Goldschmuck im Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe // AM. 50, 167–191.

Lévy E. 1968: Noveaux bijoux à Délos // BCH. 92, 523–539.

Papapostolou J. 1978: Ελληνιστικοί τάφοι τῆς Πάτρας. II // ADelt. 33A, 354–385.

Papapostolou J. 1990: Κοσμήματα Πατρῶν καὶ Δίμης // AEphem, 83–140.

Pfeiler-Lippitz B. 1972: Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // Antike Kunst. 15.2, 107–119.

Pfrommer M. 1990: Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (Istanbuler Forschungen, 37). Tübingen.

Reinach S. 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris.

Sevinç N., Treister M. 2003: Metalwork from the Dardanos Tumulus // Studia Troica. 13, 215–260.

Stassinopoulou E. 2012: The Golden Jewels and the Silver Vases // Cat. Athens 2012, 146–151.

Tselekas P. 2012: The coins // Cat. Athens 2012, 216–226.

Vollenweider M.-L. 1984: Deliciae Leonis. Antike geschnittene Steine und Ringe aus einer Privatsammlung. Mainz.

Zafiropoulou F. 1998: Δήλος. Μαρτυριες απο τα Μουσειακα εκθεματα. Athens.

GOLD JEWELRY FROM PHANAGORIAN ACROPOLIS FIRE LAYER OF 63 BC

M. Yu. Treister

The paper deals with gold jewelry found in 1999 by Phanagorian expedition from RAS Institute of Archeology that was headed by V. D. Kuznetsov. It was found in Phanagorian acropolis fire layer dating coin hoards as far back as 63 BC. Gold jewelry set probably kept in a casket that burnt down in the fire comprises two finger-rings, fragments of two ear-rings, a flap with casts and two Eros-shaped pendants. The jewelry composition, shape, and décor provide a direct parallel to such well-dated complexes of the Aegean sea. This is a Delos hoard found in 1964 (122 or 88 BC) and shipwreck off Antikitira (the 60s — 70s BC). The find in Phanagoria once again shows that late Hellenistic epoch saw the circulation of jewelry that is known due to the finds in Greece, Asia Minor, and on Aegean islands. Phanagorian jewelry set together with coin finds provides more evidence of dating Phanagoria necropolis fire.

Key words: Hellenistic gold jewelry, rings, ear-rings with Eros-shaped pendants, Phanagorian acropolis

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2013

М. Г. Абрамзон

ЗОЛОТЫЕ АНТИЧНЫЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ФАНАГОРИЙСКИХ НАХОДОК

В статье публикуются золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок и приобретений археологических экспедиций, работающих на памятнике. Этот нумизматический материал позволяет вновь поставить вопрос о путях проникновения иноземных золотых монет на Боспор, а также осветить экономические и политические связи Фанагории с Кизиком, Македонским царством, Восточной Римской империей и ранней Византией.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, Кизик, Македония, Римская империя, Византия, денежное обращение, золотые монеты

Находки золотых и электровых монет в археологических слоях Фанагории (как и других боспорских поселений) представляют очень большую редкость[1]. На денежном рынке Фанагории золотые монеты еще с V в. до н.э. традиционно играли роль престижного платежного средства и предназначались не для широкого повседневного использования, но для обслуживания важных коммерческих операций с иноземными купцами, осуществляемых слоем местных крупных торговцев-посредников. В V–II вв. до н.э. иноземное и пантикапейское золото использовалось в качестве интерлокальной валюты, а мелкое боспорское серебро (а с IV в. до н.э. и медь — *М.А.*) чеканилось для удовлетворения местного внутреннего рынка[2]. Отмечено, что в римское время разрыв между функциями золота и меди составлял одну из важнейших характеристик денежной системы Боспора, предполагая наличие двух разграниченных сфер обращения. Первая обслуживала нужды малочисленной элиты на основе золотой монеты, вторая — массовые мелкие повседневные операции[3]. Именно поэтому золотые монеты, имеющие статус дорогих денег, встречаются намного чаще в кладах, чем в единичных находках в слоях боспорских городов и погребениях.

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru.

[1] Я выражаю искреннюю признательность зав. Отделом нумизматики Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Н. М. Смирновой, а также главному хранителю Краснодарского государственного историко-археологического заповедника им. Е. Д. Фелицина Т. В. Юрченко и зав. Отделом археологии Е. А. Хачатуровой за любезно предоставленные ими фотоснимки золотых монет из раскопок Фанагории, хранящихся в фондах данных музеев.

[2] Шелов 1956, 16.

[3] Безуглов 2000, 94–95.

Публикация золотых монет из фанагорийских находок и приобретений археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и Фанагорийской экспедиции ИА РАН позволяет вновь поставить вопрос о путях проникновения иноземных золотых монет на Боспор и соседние территории Крыма и Кавказа, а также осветить экономические и политические отношения Фанагории с Кизиком, Македонским царством, Восточной Римской империей и ранней Византией.

1. КИЗИК

В 1962 г. Археологическая экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина приобрела электровый статер Кизика (цв. вкл. 7, рис. *1*), найденный местными жителями на хут. Приморский, расположенном к западу от Фанагорийского городища. Обе стороны монеты рассечены находчиками. Кизикин поступил на хранение в фонды ГМИИ и был впервые опубликован К. В. Голенко в 1977 г.[4]

На аверсе представлена полуфигура Геи, держащей на вытянутых руках младенца Эрихтония. Данный тип хорошо известен в специальной литературе[5]: Он принадлежит к III группе кизикинов, относимой Г. фон Фритце к 480–410 гг. до н.э.[6], а А. Бэлдуин-Бретт — к 460–400 гг. до н.э. Значительная часть типов этой группы отражает влияние Афин, включивших Кизик в состав своей державы[7]. Отсюда на статерах III группы нередко воспроизводятся памятники монументальной аттической скульптуры. Среди них, например, представлена скульптурная группа тираноубийц Гармодия и Аристогитона работы Крития и Несиота[8], установленная на афинском Акрополе в 477/476 гг. до н.э. и упомянутая Павсанием (Paus. I. 3. 5). Известен тип кизикина с изображением статуи Афродиты, опирающейся на колонну[9], тип статуи спящего или отдыхающего юноши[10] и, наконец, типы статуи Геи с младенцем Эрихтонием и статуи Геи с виноградным кустом[11].

Тип Геи с младенцем Эрихтонием[12] и тип Кекропа[13] воспроизводят, по мнению В. Гринвэлла, части аттической мраморной скульптурной группы, которая имеет параллели также и в коропластике, судя по известной терракоте из Берлина[14]. Оба типа напрямую связаны с Афинами: согласно мифу, Эрихтоний, один из первых царей Аттики, был рожден Геей от Гефеста, спрятан в ларец и отдан на хранение дочерям Кекропа.

К. В. Голенко отмечал, что ему известно всего три экземпляра данного типа[15]. Между тем кизикины с изображением Геи и Эрихтония встречаются на Боспоре.

---

[4] Голенко 1977, 37–41.

[5] Greenwell 1887, 63, no. 31, pl. II, 8; BMC 15, pl. VI, 11; Babelon 1907, pl. CLXXV, 6; Fritze 1914, 12, Nr. 157, Taf. V, 5; Baldwin Brett 1955, 196, no. 1500.

[6] Fritze 1914, 1.

[7] Булатович 1982, 105, прим. 27.

[8] Baldwin Brett 1955, 196, no. 1496.

[9] Baldwin Brett 1955, 204, no. 1566.

[10] Gerassimov 1966, 429–430.

[11] Булатович 1982, 105, прим. 28.

[12] Baldwin Brett 1955, 196, no. 1500.

[13] Baldwin Brett 1955, 196, no. 1499.

[14] Greenwell 1887, 63–64.

[15] Naville IV, 50, N 736, tab. XXVIII.

Так, еще три экземпляра этого типа имеются в Мирмекийском кладе 2003 г.[16]

Присутствие кизикина среди фанагорийских находок объясняется той важной ролью интерлокальной валюты, которую играли эти монеты в денежном обращении Причерноморья и Боспора в частности[17]. На Тамани кизикины, будучи дорогими деньгами, встречаются главным образом в кладах[18].

Таблица 1. Клады кизикинов на Таманском п-ове

№ п/п	Место находки и год	Дата тезаврации
1.	Патрей, 1998 г.[19]	500–460 гг.
2.	Пос. Волна, 1997 г.[20]	330-е гг.
3.	Таманский п-ов, 1844 г.[21]	Около 330 г.
4.	Ст. Тамань, до 1854 или 1866–1867 гг.[22]	Около 330 г.
5.	Ст. Тамань, Пуленцовский клад 1845 г.[23]	330–320-е гг.

Единичные находки, как отмечалось выше, встречаются на боспорских поселениях намного реже кладов. Среди них следует упомянуть, например, кизикины из Нимфея[24] и Пантикапея[25].

2. МАКЕДОНСКОЕ ЦАРСТВО

В 1982 г. в юго-западной части Фанагорийского городища при расчистке городской улицы (раскоп «Южный город», кв. XVIII, XXXIV, объект № 18.3) были найдены два золотых статера Филиппа III Арридея (323–317)[26]. На реверсе одного из них помещены монограмма ᗰ и дифферент — свернувшаяся змея вправо (цв. вкл. 7, рис. *2*). Аналогичные экземпляры имеются в коллекции Британского музея[27] и Анадольском кладе[28]. Л. Мюллер относил подобные статеры Александра III к центрам *Thraciae meridionales*[29], но эта атрибуция давно устарела. М. Прайс с осторожностью относит такие статеры Филиппа III к чеканке монетного двора Абидоса (?)[30]. Стиль их имеет близкие параллели в чеканке Лампсака.

[16] Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина 2006, 26, № 74–76, табл. V, 74–76; Abramzon, Frolova 2007, 39–40, nos. 74–76, pl. V, 74–76; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 91, № 74–76; 645, табл. 10, 74–76; Абрамзон, Иванина 2010, 208–209, табл. 58–59.

[17] Шелов 1949, 93–98; 1956, 129.

[18] Список боспорских кладов кизикинов см. Абрамзон 2011, 181.

[19] Абрамов, Болдырев 2001, 144. Это, скорее всего, содержимое кошелька, в состав которого входила и гекта Кизика.

[20] Абрамзон, Фролова 2007–2008, 610, № 126.

[21] Абрамзон, Фролова 2007–2008, 597, № 4.

[22] Пахомов 1940 (III), 11, № 674 (ср. № 685); IGCH 1012.

[23] IGCH 1013; Тункина 2002, 579–582; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 97–98.

[24] Терещенко 1999, 71–72; Абрамзон, Иванина 2010, 83, 103. Тип–Baldwin Brett 1955, 203, no. 1559.

[25] Абрамзон, Иванина 2010, 83, 104. Плохая сохранность, тип неясен.

[26] Abramzon, Gorlov 1996, 129–132.

[27] Price 1991, 229, no. P31, pl. XV.

[28] Придик 1902, 79, № 6.

[29] Müller 1855, tab. X, no. 625.

[30] Price 1991, 229, no. P31, pl. XV.

Монетный двор Абидоса (?) открылся в то же самое время, что и лампсакский, или несколько позднее. Группа монет с монограммой Μ связана с воцарением Филиппа III, после выпусков которого завершился первый период чеканки и произошла приостановка деятельности данного монетного двора. М. Прайс считает, что месторасположение его достаточно надежно связывается с областью Лампсака. Атрибуция подобных статеров к продукции Абидоса до сих пор не доказана, но наиболее предпочтительна[31].

Второй экземпляр несет на реверсе монограмму ΑΙ (цв. вкл. 7, рис. *3*). Аналогичный экземпляр имеется в собрании Британского музея; М. Прайс относит его к чеканке неизвестного восточного монетного двор и датирует 325–300 гг. до н.э.[32].

Как известно, в IV в. до н.э. золото Филиппа II, Александра III Великого, Филиппа III Арридея, Лисимаха (а также статеры александровского и лисимаховского типа) вытеснило с причерноморского денежного рынка кизикины, лампсакины и пантикапейские статеры, игравшие роль международной валюты. Северо-Западное Причерноморье было наводнено золотой монетой Александра III и его ближайших преемников[33], в том числе и Филиппа III Арридея. Статеры последнего представлены как единичными находками, так и в составах кладов в Румынии, Молдавии, на Украине[34]. В то же время золотые монеты Филиппа II, Александра III, Лисимаха и статеры александровского и лисимаховского типа нечасто встречаются на Боспоре и Кавказе[35]. Еще большую редкость составляют там находки статеров Филиппа III. Среди последних абсолютное большинство принадлежит выпускам восточных монетных дворов.

Таблица 2. Статеры Филиппа III в Северном Причерноморье и на Кавказе

№ п/п	Место и год находки	Двор	Определение
1.	Ольвия, 1893 г.[36]	«Вавилон»	Price 1991, 471, no. P193, pl. XVI
2.	Ольвия, 1978 г.[37]	«Вавилон»	Price 1991, 470, no. P178, pl. XVI
3.	Фанагория, 1982 г.	Абидос (?)	Price 1991, 229, no. P31, pl. XV
4.	Фанагория, 1982 г.	Неизвестный восточный двор	Price 1991, 501, no. P224, pl. XVI
5.	Ст. Таманская (Темрюкский р-н, Краснодарский край), 1911(1912) г.[38]	?	?
6.	Агудзера (Гульрипшский р-н, Абхазия), 1970 г.[39]	Лампсак	Price 1991, 213, no. P13, pl. XV

[31] Price 1991, 225.
[32] Price 1991, 501, no. P224, pl. XVI.
[33] Зограф 1951, 129.
[34] Абрамзон 2004, 206.
[35] Зограф 1926, 3–4; 1945а, 85–99; Анисимов 1992, 332; Абрамзон 2010, 498, № 2–22.
[36] Крыжицкий 1982, 32, 148, табл. II, 2; Карышковский 2003, 306, № 41 (см. библиографию). С. Крыжицкий вслед за Л. Мюллером (Müller 1855, tabl. XXVII, 23) относит статер к чеканке Аканфа.
[37] Крыжицкий 1982, 32–34.
[38] Пахомов 1957 (VI), 9, № 1703.
[39] Абрамзон 2004, 204–206; Abramzon 2007, 170, no. 23.

Находка статеров Филиппа III отражает роль македонского золота в обслуживании крупных торговых операций в Фанагории, представляющей в эллинистическое время один из самых важных боспорских рынков, процветающей во многом благодаря внешнеторговой деятельности[40].

3. БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Золотые боспорские монеты в фанагорийских материалах представлены статером неизвестного боспорского правителя, чье имя скрывается за монограммой ⌂ (9/8 г. до н.э. — 7/8 г. н.э.), и двумя статерами Савромата II (174–210).

В 1947 г. на Фанагорийском городище был случайно найден золотой статер с монограммой ⌂ и датой ЕϘΣ — 295 г. б.э. = 3/2 г. до н.э. (цв. вкл. 7, рис. *4*). В. В. Кропоткин вслед за Е. А. Пахомовым, назвавшим монету с изображениями Августа и Агриппы ауреусом, ошибочно отнес ее к римской чеканке[41]. Статер был правильно атрибутирован Д. Б. Шеловым, отметившим уникальность экземпляра данного года[42]. В дальнейшем этот экземпляр неоднократно упоминался в специальной литературе[43].

Золотые монеты с монограммой ⌂ хорошо известны еще с XIX в.[44] Они выпускались с 9/8 гг. до н.э. по 7/8 гг. н.э., но эмиссия 3/2 г. до н.э. представлена до сих пор единственным известным экземпляром из Фанагории. Вопрос о личности эмитента и идентификация с Динамией остается предметом дискуссии[45].

На Таманском п-ове зафиксированы и другие находки статеров с монограммой ⌂. Так, самый ранний статер — с датой ΘΠΣ (9/8 г. до н.э.) — входил в состав клада, найденного в 1870 г. на берегу Боспорского залива, к востоку от косы Чушки, вместе с денарием Цезаря 49–48 гг. до н.э., тремя статерами Асандра и 17 драхмами Полемона I[46]. Комплекс, безусловно, связан с появлением на Боспоре Полемона I, отправленного Агриппой против Скрибония. Как известно, Динамия, вдова Асандра, стала женой Полемона I около 15 или 14 г. до н.э. Около 8 г. до н.э. Полемон I начал боевые действия против меотских племен, сопровождавшиеся разрушением укреплений Фонталовского п-ова. Оперируя против племени аспургиан, занимавшего часть Таманского п-ова, он попал в засаду и погиб (Strabo. XI. 2. 11; XII. 3. 29). Такого мнения относительно даты смерти Полемона I придерживается большинство исследователей[47]. Именно в этот год на Боспоре начинается чеканка золота с монограммой ⌂.

Еще один статер с датой ΘΠΣ, но с несколько иным написанием монограммы найден в Мирмекии в 1998 г.[48]

---

[40] Кобылина 1956, 24 сл.
[41] Кропоткин 1961, 110, № 1691.
[42] Шелов 1962, 68, № 11.
[43] Голенко 1966, 39, рис. 3; Анохин 1986, 148, № 264; Burnett, Amandry, Ripolles 1992, 331, no. 1871; Фролова 1997/I, табл. XI, 10; Frolova, Ireland 2002, 62, pl XI, 10; Абрамзон, Фролова 2011, 350, табл. XII, 7.
[44] Бурачков 1884, табл. XXVI, 63–68; Анохин 1986, 148, № 259–269а; Фролова 1997/I, 194–196.
[45] См. Фролова 1997/I, 24–40.
[46] Абрамзон, Фролова 2007–2008, 291–294.
[47] См. Фролова 1997/I, 24–29.
[48] Бутягин, Терещенко 2004, 60–62.

Находка статера с ⛢ и датой 304 г. б.э. = 7 г. н.э. зарегистрирована в Краснодаре[49].

М. Ростовцев, вслед за Т. Моммзеном видевший в монограмме ⛢ сокращение имени Динамии, выдвинул гипотезу о ее втором правлении на Боспоре с 9/8 г. до н.э. по 7/8 г. н.э., которую он пытался подтвердить с помощью эпиграфических источников, в том числе и известной надписи из Фанагории (КБН 979), посвященной общиной агриппийцев своей спасительнице и благодетельнице Динамии. Он связывал дату этого документа с чеканкой золота с монограммой ⛢ и городской меди с названиями ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ и ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ, начавшейся, по его мнению, в 8 г. до н.э.[50] Все его выводы основывались на высказывании А. В. Орешникова о предполагаемой датировке монет с названиями Кесарии и Агриипии. Однако Н. А. Фролова аргументирует более раннюю датировку городской чеканки и данной надписи из Фанагории и считает, что власть на Боспоре в 8 г. до н.э. захватила не Динамия, а какой-то другой представитель династии Митридатидов, чье имя сокрыто за монограммой ⛢. Отмечено, что до сих пор не имеется достоверных данных о втором правлении на Боспоре Динамии или иного лица, чеканившего золото с монограммой ⛢[51].

Наконец, остается открытым вопрос об идентификации лица, изображенного на реверсе статеров с монограммой ⛢. Существует мнение о том, что на монетах представлены Август и Агриппа, которые являлись благодетелями Динамии[52]. На аверсе, бесспорно, изображен Август; он представлен и на аверсах статеров последующих правителей с монограммами ΚΛΕ, ΠΑΡ, ΒΑΕ, связанных общностью штемпелей л.с. Портрет на реверсе принадлежит либо Агриппе, либо местному правителю[53]. Не вызывает сомнений только то, что выпуск золотых монет конца I в. до н.э. с монограммами ⛢, ΚΛΕ, ΠΑΡ, ΒΑΕ и т.д. происходил с ведома Рима и под контролем римских чиновников.

В 1947 г. на Фанагорийском городище был найден электровый статер Савромата II, отчеканенный в 197 г. н.э.[54] Статеры этого года не являются редкостью: Н. А. Фроловой, например, учтен 21 экземпляр[55].

В 2012 г. на раскопе «Верхний город» (кв. 84, шт. 9) найден электровый статер того же царя, выпущенный в 198 г. н.э. (цв. вкл. 7, рис. *6*). Эмиссия этого года была еще обильнее, чем предыдущего; Н. А. Фролова зафиксировала 52 экземпляра[56]. Публикуемый экземпляр представляет достаточно редкую разновидность и несет на обороте дифферент в виде полумесяца, помещенный между портретами Септимия Севера и Каракаллы.

Оба статера принадлежат ко второму периоду чеканки Савромата II — 186–196 гг. н.э. По наблюдениям Н. А. Фроловой, золотая чеканка этого периода велась более интенсивно по сравнению с первым. Средний вес статеров второго периода

[49] Зограф 1945а, 52–53, № 1а; Пахомов 1949 (V), 16–17, № 1352.

[50] В. А. Анохин выдвинул идею даже третьего правления Динами, датируя его 310 г. н.э. См. Анохин 1986, 88–89, 93–94.

[51] Фролова 1997/I, 37–39.

[52] Burnett, Amandry, Ripolles 1992, 508.

[53] Анохин 1986, 82; Burnett, Amandry, Ripolles 1992, 508.

[54] Кобылина 1949, 50; Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1933; Шелов 1962, 68, № 12.

[55] Фролова 1997/I, 308–309, табл. LXXVII, 17–26; 7–25; LXXVIII, 1–6.

[56] Фролова 1997/I, 308–311, табл. LXXVIII, 7–25; LXXIX, 1–23.

составляет 7,70 г, состав их сплава ухудшается, и содержание золота падает до 33,3 %. В статерах 197–201 гг. содержание золота чуть повышается, но остается ниже 375 пробы[57].

Электровые монеты Савромата II встречаются в шестнадцати известных мне кладах, причем в них представлены выпуски этого царя не ранее 180 г. н.э., и преобладают статеры 180–190-х и начала 200-х гг.[58]. Единичные находки статеров на Боспоре и прилегающих районах Предкавказья также не редкость:

Таблица 3. Единичные находки электровых статеров Савромата II на Боспоре

№ п/п	Место и год находки	Год н.э.
1.	Горгиппия, 1962 г.[59]	175
2.	Тиритака, 2010 г.[60]	179
3.	Пос. Кучугуры (Темрюкский р-н), нач. 2000-х гг.[61]	181
4.	Ростов-на-Дону, 1914 г.[62]	192–197
5.	Ст. Даховская (Краснодарский край) 1936–1937 гг.[63]	193
6.	Пантикапей, до 1984 г.?[64]	193
7.	Пос. Горячий ключ (Каснодарский край) 1927 г.[65]	196
8.	Фанагория, 1947 г.[66]	197
9.	Хут. Каратаево (Сухо-Чалтырское городище), начало 1980-х гг.[67]	197
10.	Фанагория, 2012 г.[68]	198
11.	Анапский р-н, Краснодарский край, до 1959 г.[69]	198
12.	Танаис, 1999 г.[70]	198
13.	Пантикапей, до 1983 г.?[71]	198
14.	Мирмекий, 1948 г.[72]	200
15.	Окрестности аула Тауйхабль (Адыгея), 1990–2004 гг.[73]	?

Золотые и электровые боспорские статеры неизменно играли роль дорогих денег и не предназначались для широкого повседневного использования, поэтому боспорское золото I–III вв. н.э. часто встречается в кладах, и редко — в слоях боспорских городов, и еще реже — в погребениях[74].

57 Фролова 1997/I, 149, 164.
58 См. список: Абрамзон, Зинько 2012, 174–175.
59 Кругликова 1970, 35, № 41.
60 Абрамзон, Зинько 2011, 166–179.
61 Строкин 2012, 161–162.
62 Безуглов 2000, 92.
63 Зограф 1945а, 52–53, № 6.
64 Абрамзон, Иванина 2010, 103, № 425.
65 Фасмер 1929, 285, № 36.
66 Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1933; Шелов 1962, 68, № 12.
67 Безуглов 2000, 91, 94, № 6, цв. фото 15–16.
68 № описи Ф-12–52.
69 Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1932.
70 Медная имитация электрового статера 198 г. См. Яценко 2000, 24–26.
71 Абрамзон, Иванина 2010, 103–104, № 426.
72 Белова 1958, 342, № 193.
73 Хушт, Тов 2007, 28, № 5.
74 Безуглов 2000, 94–95.

4. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

В материалах Фанагорийской экспедиции представлены две золотые монеты Восточной Римской империи, принадлежащие Феодосию II (408–450) и Зенону (474–491).

В 2012 г. Фанагорийская экспедиция приобрела у жителей пос. Сенной золотой тремиссес Феодосия II (цв. вкл. 7, рис. *7*). Происхождение монеты, возможно, не связано с Фанагорией и ее округой, но, несомненно, — с Краснодарским краем (Предкавказьем). Эта находка имеет большое значение для изучения экономических связей Боспора с Римской империей.

Тремиссес отчеканен на монетном дворе Константинополя в 430–440 гг. н.э.[75]. В течение V в. н.э. значение этого номинала в денежном обращении Империи неуклонно возрастало как в ее восточной части, так и западной. При Феодосии II велась интенсивная чеканка данного номинала, причем тремиссесы императоров и императриц различались типологически. Феодосий I и Гонорий выпускали преимущественно традиционный тип тремиссеса *Victoria Augustorum*. Виктория с венком и крестом на шаре и звездой в правом поле появилась еще в предшествующее правление. В надписях на реверсах более поздних тремиссесов Феодосия II встречаются ошибки; количество тремиссесов с безграмотными легендами значительно возрастает при Льве I и достигает пика при Зеноне[76]. Публикуемый экземпляр отчеканен небрежно; на аверсе и реверсе заметны следы двойного удара и смещения изображения.

Золотые монеты Феодосия II изредка встречаются на Европейском Боспоре, в Предкавказье, на Северном Кавказе и в Закавказье. Преимущественно это солиды чеканки монетного двора Константинополя. К ним примыкают еще более редкие кавказские находки солидов Гонория (395–423) также константинопольской чеканки. В количественном отношении константинопольские солиды Феодосия II превосходили аналогичные монеты Гонория в пропорции 5:2[77].

Таблица 4. Золотые монеты Феодосия II и Гонория на Боспоре и Кавказе

№ п/п	Место и год находки	Двор, номинал	Дата	Количество
		Феодосий II		
1.	Зеленый мыс (Восточный Крым), 1985[78]	Константинополь, Солиды	441–450	2
2.	Краснодарский край, 2012 г.	Константинополь, тремиссес	430–440	1
3.	Чегем (Кабардино-Балкария), до 1897 г.[79]	Солид	408–450	1
4.	Сурхохи (Ингушетия), 1926 г.[80]	Константинополь, Солид	408–450	1

[75] RIC X, 261, no. 273, pl. 11.
[76] RIC X, 83–84.
[77] RIC X, 73.
[78] Abramzon, Maslennikov 1998, 2–7; Абрамзон, Масленников 1999, 79–83.
[79] Кропоткин 1961, 48, № 247.
[80] Зограф 1945а, 54–55. № 20а; Пахомов 1940 (III), 30, № 786.

№ п/п	Место и год находки	Двор, номинал	Дата	Количество
5.	Ирага (Грузия), 1945 г.[81]	Константинополь, Солид	408–450	1
6.	Телави (Грузия), 1943 г.[82]	Константинополь, Солид	443–444	1
7.	Мцхета (Грузия, 1946 г.)[83]	Солид	408–450	1
		Гонорий		
8.	Воронцовка (Ейский р-н, Краснодарский край), 1940 г.[84]	Константинополь, солид	395–423	1
9.	Гагры (Абхазия), 1904 г.[85]	Солид	395–423	1
10.	Гудаутский р-н (Абхазия), 1920–1930-е гг.[86]	Константинополь, солид	408–420	1
11.	Хараба-Гилян (Армения)[87]	Солид	395–423	1

Вслед за золотом Феодосия II и Гонория на Кавказ и в Крым поступают немногочисленные солиды последующих правителей Восточной Римской империи — Льва I и Зенона. Их монеты также зарегистрированы в Фанагории. Так, в 1959 г. при археологических раскопках М. М. Кобылиной на Фанагорийском городище был найден золотой солид Зенона[88] (цв. вкл. 7, рис. *8*). Монета отчеканена в 4-ой оффицине монетного двора Константинополя в период второго правления этого императора (с августа 476 г. по 11 апреля 491 г. н.э.). Она относится к третьему выпуску Зенона[89]. Две бронзовые монеты его предшественника и тестя Льва I (457–474) также найдены в Фанагории: на раскопе «Береговой» в 1962 г.[90] и подводном раскопе в 2009 г.[91] Они однотипны и, подобно солиду Зенона, принадлежат монетному двору Константинополя.

Публикация в данной статье золотых монет Феодосия II и Зенона заставляет вновь обратиться к вопросу о путях проникновения римских золотых монет V в. н.э. на Боспор и прилегающие территории. Топография редких находок позднеримского золота в Крыму свидетельствует о том, что малочисленные золотые монеты поступали сюда главным образом через Добруджу, Нижнее Подунавье и Северо-Западное Причерноморье, изобилующие единичными находками римских монет и целыми кладами, в том числе состоящими из солидов. В этих областях золотом снабжались опорные пункты Восточной империи. Подобная ситуация, по-видимому, складывается и на Кавказе[92]. Например, найденные в приморских крепостях Колхиды римские золотые монеты, по мнению К. В. Голенко, были за-

[81] Кропоткин 1961, 106, № 1592.
[82] Кропоткин 1961, 108, № 1663.
[83] Пахомов 1949 (V), 30, № 1437.
[84] Кропоткин 1961, 39, № 3.
[85] Кропоткин 1961, 105, № 1575.
[86] Абрамзон 2004, 205, 207–211.
[87] Кропоткин 1961, 104, № 1539.
[88] Кропоткин 1961, 40, № 21; Abramzon 2011, 272, pl. 2, 1.
[89] RIC X, 307, no. 910, pl. 30.
[90] Фролова 1981, 104, № 35. Тип: RIC X, 291, no. 661.
[91] № описи Ф–09–251. Тип: RIC X, 291, no. 658.
[92] Абрамзон 2004, 208–211.

везены морем[93]. Через опорные пункты, расположенные на Черноморском побережье Кавказа, римские солиды и их фракции могли поступать в Закавказье (Абхазию, Грузию, Армению, Азербайджан) и на Северный Кавказ (в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Осетию, Кабардино-Балкарию), откуда они проникали в Предкавказье, включающее и территорию Азиатского Боспора.

Топография находок римских золотых монет V в. н.э. на Азиатском Боспоре и в близлежащих районах Закавказья отражает, по-видимому, политическую ситуацию в регионе. Феодосий II вел войны с гуннами, персами и армянами. Во время войн с армянами золотые монеты Феодосия II и членов династии проникали, как свидетельствуют перечисленные выше находки, в Закавказье, на Северный Кавказ и в Предкавказье. Оттуда они уходили еще дальше — в боспорские поселения Восточного Крыма[94], Прикаспийскую низменность и даже в волжско-уральские степи и Башкирию[95] (о чем свидетельствуют находки солида Евдокии, супруги Феодосия II, в с. Замьяны Астраханской области[96], а также солида Феодосия II в Уфе[97]). Представляется, что во время операций Феодосия II против персов римское золото проникало в Иран и даже граничащий с ним Туркменистан, о чем свидетельствует найденный в сел. Багир солид Гонория константинопольской чеканки[98].

Тем же путем, по-видимому, попадает в Закавказье и Предкавказье и золото правителей Восточной империи второй половины V в. н.э. Льва I и Зенона, а также первых византийских императоров, начиная с Анастасия[99]. Абсолютное большинство найденных на Кавказе и в Восточном Крыму золотых монет этих правителей принадлежит к продукции монетного двора Константинополя.

Таблица 5. Находки солидов Льва I, Зенона и Анастасия в Крыму, на Боспоре и Кавказе

№ п/п	Место и год находки	Император	Дата	Количество
1.	Гурзуф (Крым), 1903 г.[100]	Лев I	457–474	2
2.	Двин (Армения), 1937–1951[101]	Лев I	457–474	1
3.	Люксембурги (Грузия), 1919 г.[102]	Лев I	457–474	1
4.	Цхумали (Грузия), 1930-е гг.[103]	Лев I	457–474	1
5.	Фанагория, 2006 г.	Зенон	476–491	1
6.	Цхумарл (Грузия), 1930-е гг.[104]	Анастасий	491–518	1

93 Голенко 1964, 50.
94 Abramzon, Maslennikov 1998, 2–7; Абрамзон, Масленников 1999, 79–83.
95 См. Абрамзон, Масленников 1999, 8; Абрамзон 2004, 210–211.
96 Кропоткин 1961, 40, № 33.
97 Кропоткин 1961, 48, № 245.
98 Кропоткин 1961, 104, № 1539.
99 Монеты позднеримских и византийских императоров нередко встречаются в кладах совместно. См. Кропоткин 1962, 34, № 217 (Аркадий, Гонорий, Юстиниан I и др.), 220 (Валериан, Константин I, Констанций II, Гонорий, Лев I, Зенон, Анастасий, Юстиниан I) .
100 Кропоткин 1961, 63, № 576.
101 Кропоткин 1961, 104, № 1551; 1962, 50, № 366.
102 Зограф 1945а, 54–55, № 21; Кропоткин 1961, 105, № 1570 (Больниси).
103 Зограф 1945а, 54–55, № 22.
104 Зограф 1945а, 54–55, № 22; Кропоткин 1961, 109, № 1672.

№ п/п	Место и год находки	Император	Дата	Количество
7.	Комунта и Голианта (Осетия)[105]	Анастасий	491–518	?
8.	Новый Джерах (Северная Осетия)[106]	Анастасий	491–518	1
9.	Чегем (Кабардино-Балкария), 1897 г.[107]	Анастасий	491–518	

Так или иначе, отдельные монеты римских императоров конца IV–V вв. н.э. встречаются на боспорских городищах достаточно редко и не составляют сколько-нибудь значительной группы, в отличие от Ольвии или Херсонеса. Фанагория не представляет исключения: лишь несколько медных монет Восточной империи (Феодосий I, Флакилла, Аркадий, Лев I) и золотой солид Зенона происходят из нее. Что касается последней монеты, то она вплотную подходит к византийской чеканке, и лишь около полувека отделяет ее от солида Юстиниана I, также найденного на Фанагорийском городище.

Таблица 6. Бронзовые монеты Восточной империи из раскопок Фанагории

№ п/п	Император	Монетный двор	Определение	Год и место находки	Издание, № описи
1.	Феодосий I (379–395)	Никомедия	RIC IX, 257, no. 25(c).	2010 г, восточный некрополь, погр. 142	Ф–10–167; Abramzon 2011, 271, pl. 1, 6
2.	Феодосий I (379–395)	?	Тип ср. RIC IX, 245, 25(b)	2010 г, восточный некрополь, погр. 142	Ф–10–168; Abramzon 2011, 271, pl. 1, 7
3.	Феодосий I (379–395)	?	То же.	2006 г., случ. нах.	Ф–06–1; Abramzon 2011, 271, pl. 1, 8
4.	Флаккилла (383–388),	Константинополь	RIC IX, 233, no. 82	2011 г., Верхний город, кв. 89, отвал	Ф–11–91
5.	Аркадий (395–408),	Никомедия	RIC IX, 261, no. 44(c)	2007 г., Верхний город, кв. 63, шт. 7	Ф–07–24
6.	Лев I (457–474)	Константинополь		1962, Раскоп «Береговой»	Фролова 1981, 104, № 35
7.	Лев I (457–474),	Константинополь	RIC X, 291, no. 658	2009 г., подводный раскоп	Ф–09–251

5. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

В Фанагории зарегистрированы находки двух золотых солидов Византийской империи, один из которых принадлежит Юстиниану I (527–565), второй — Константину V Копрониму (741–775). Кроме них, из раскопок городища и некрополя происходит несколько медных и серебряных византийских монет, в том числе и т.н. «варварских» подражаний:

[105] Пахомов 1926 (I), 44, № 66; 1938 (II), 16. № 360; Кропоткин 1962, 30, № 138.
[106] Пахомов 1957 (VII), 29, № 1757.
[107] Кропоткин 1962, 30, № 133..

Таблица 7. Византийские монеты из Фанагории

№ п/п	Император	Металл	Место и год находки	Издание
1.	Юстиниан I (527–565)	AV	Верхний город, траншея XIX в.. 2006 г.	Abramzon 2011, 272, pl. 2, 2.
2.	Ираклий (610–641) или Констант II (641–668)	AE	Городище, раскопки В. Д. Блаватского 1939 г.	Кропоткин 1962, 22, № 19а.
3.	Константин V Копроним (741–775) и Лев IV Хазар (с 751 г.)	AV	Приобретена Л. П. Харко в 1928 г.	Кропоткин 1962, 22, № 17.
4.	Константин VII и Зоя (913–959)	AE	Фанагория или окрестности, 1954 г.	Кропоткин 1962, 22, № 20.
5.	Василий II и Константин VIII (976–1025)	AR	Рядом с Блевакой, в погребении, 1865 г.	Кропоткин 1962, 22, № 16.
6.	Василий II и Константин VIII (976–1025)	AR	Там же	Кропоткин 1962, 22, № 16.
7.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	BL	Городище	Кропоткин 1962, 22, № 17а.
8.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	AE	Городище, полевые сборы Л. П. Харко, 1928 г.	Кропоткин 1962, 22, № 18.
9.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	AR	Городище, 1928 г.	Кропоткин 1962, 22, № 18а.
10.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	BL	Городище, куплена Л. П. Харко, 1929 г.	Кропоткин 1962, 22, № 18б.
11.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	AR	Городище, раскопки 1937 г.	Кропоткин 1962, 22, № 19.
12.	Василий II и Константин VIII (976–1025), «варварское» подражание	AR	Городище, 1955 г.	Кропоткин 1962, 22, № 21
13.	Константин X и Евдокия (1059–1067)	AE	Городище, 1954 г., случ. нах.	Шелов 1962, 111, № 945.
14.	Никифор II Ботаниат (1078–1081)	AR	Городище, 1950 г., случ. нах.	Шелов 1962, 125, № 1285.

В 2006 г. на раскопе «Верхний город» при обследовании отвала траншеи конца XIX в. (раскопки И. Е. Забелина[108]) В. Д. Кузнецовым был найден золотой солид Юстиниана I[109] (цв. вкл. 7, рис. *9*). Эта находка чрезвычайно важна для изучения политического статуса и экономики Фанагории в ранневизантийский период.

[108] Для сравнения, о «качестве» раскопок И. Е. Забелина свидетельствуют найденные в отвалах одной из его траншей в Ольвии в 1873 г. золотые статеры Филиппа III и Лисимаха. См. Крыжицкий 1982, 33.

[109] Abramzon 2011, 272, pl. 2, 2.

Солид относится ко второму периоду чеканки Юстиниана I, т.е. к 538–565 гг. Он отчеканен в 9-ой оффицине монетного двора Константинополя[110]. Как известно, в 538 г. н.э. Юстиниан I произвел существенные изменения в монетной чеканке: он заменил свое изображение в ¾ фасовым портретом как на золотых, так и бронзовых монетах, а также стал помещать на последних год выпуска[111].

Солиды Юстиниана I нередко встречаются на Боспоре и примыкающих районах Крыма и Кавказа. По моим данным, на Боспоре зарегистрировано 5 находок солидов этого императора, причем все 9 содержавшихся в них экземпляров относятся к продукции Константинопольского монетного двора.

Таблица 8. Находки солидов Юстиниана I в Крыму, на Боспоре и Кавказе

№ п/п	Место и год находки	Двор, оффицина	Дата	Тип	Количество
		Европейский Боспор и Крым			
1.	Артек, ло 1907 г.[112]	Константинополь	527–565	?	1
2.	Сел. Тополевка (Старо-Крымский р-н), 1959 г.[113]	Константинополь	527–565	?	2
3.	Керчь, 1873 г.[114]	?	527–565	?	1
4.	Китей, 1987 г.[115]	Константинополь, 4-ая оффицина (Δ)	527–538	Ср. Wroth 1966/I, 26, no. 1–6, pl. IV, 9.	1
		Азиатский Боспор и Кавказ			
5.	Сел. Джигинское (Анапский р-н, Краснодарский край), 1892 г.[116]	Константинополь, 10-ая оффицина (I)	Апрель-август 527 г. н.э.	Ср. Wroth 1966/I, 23, no. 4–5.	1
6.	Ильичевское городище, 1975 г.[117]	Константинополь, 1) 2-ая оффицина (B)	527–538	Wroth 1966/I, 26, no. 1.	2
		2) 10-ая оффицина (I)		Wroth 1966/I, 26, no. 6.	1
		3) 3-я оффицина (Г)		Ср. Wroth 1966/I, 27, no. 8–18.	1
		4) 6-ая оффицина (S)	538–565		1
7.	Фанагория, 2006 г.	Константинополь, 9-ая оффицина (Θ)	538–565	Wroth 1966/I, 27, no. 17, pl IV, 12.	1
8.	Комунта (Осетия)[118]	Константинополь, солид	538–565	?	?

[110] На солидах константинопольского двора встречаются номера десяти оффицин, маркированные цифрами от A до I (1–10).

[111] Wroth 1966, xci.

[112] Кропоткин 1962, 33, № 198.

[113] Из погребения. См. Кропоткин 1962, 34, №. 223.

[114] Раскопки А. Е. Люценко; разграбленная катакомба № 25 на северном склоне г. Митридат. См. Кропоткин 1962, 34, № 206.

[115] Раскоп IV, B2/9. См. Молев 1990, 114–115, 121, № 143; 1996, 81, № 99.

[116] Кропоткин 1962, 21, № 9. Золотое украшение, включавшее в качестве детали солид соправителей Юстина I и Юстиниана I, выпущенный в период между августом и апрелем 527 г. н.э.

[117] Фролова, Николаева 1978, 173–179; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 565–571.

[118] Пахомов 1926 (I), 44, № 66; 1938 (II), 16. № 360; Кропоткин 1962, 30, № 138.

№ п/п	Место и год находки	Двор, оффицина	Дата	Тип	Количество
9.	Смекаловка (Батумский округ)119	Константинополь	538–565	?	4
10.	Чхороцку (Грузия)120	?	527–538	?	2
Итого:					18+?

Итак, насколько мне известно, всего 18 экземпляров (не считая неясного количества из Комунты) солидов Юстиниана I зарегистрировано на пространстве от Крыма до Закавказья. Из них экземпляр из сел. Джигинского относится ко времени совместного правления Юстина I и Юстиниана I — апрелю-августу 527 г. н.э. Солид самого Юстина I (518–527) найден в сел. Горячий Ключ (Горячеключевской р-н, Краснодарский край). На Северном Кавказе известны и солиды преемника Юстиниана I — Юстина II (565–578)[121]. Наконец, помимо солидов этих императоров, в Крыму зафиксированы находки их бронзовых монет[122] и одной золотой субэратной монеты времен Юстиниана I[123].

Как известно, территория Боспора привлекала в IV в. н.э. гуннов, а позднее Византию. В 375–376 гг. н.э. полчища гуннов, двигаясь через Азово-Кубанские степи, достигли Боспора в северной части Таманского п-ова. Опустошив Тирамбу, Кепы, Фанагорию, Гермонассу, Патрей и целый ряд укрепленных поселений: Батарейку I, Батарейку II, Красноармейское, Каменную Батарейку, Ильичевское городище, — гунны переправились через пролив и обрушились на Европейский Боспор. Были разрушены Пантикапей, Мирмекий и Тиритака[124]. Прокопий Кесарийский сообщает, что на протяжении V в. н.э. гунны были хозяевами всей территории от Боспора до Херсонеса (Proc. De h. Pers., II). Более того, временами Боспор, отождествляемый теперь с Пантикапеем, платил им дань.

Между тем нумизматические материалы из Фанагории свидетельствуют о том, что после удара гуннов жизнь в городе вовсе не прекратилась. Об этом говорят находки в слоях Фанагорийского городища и в некрополе монет как римских императоров третьей четверти IV–V в. н.э. (Грациана (367–383), Валента (364–378), Валентиниана II (375–392), Феодосия I (379–395), Флаккиллы (383–388), Аркадия (395–408), Льва I (457–474), Зенона (474–491)), так и византийского императора Юстиниана I (527–565). Чеканка трех последних императоров лишь по формальным признакам относится к римской или византийской, их разделяет лишь реформа Анастасия (чьи монеты также известны в Закавказье).

Продолжало функционировать почти без перерыва вплоть до третьей четверти VI в. н.э. и расположенное севернее Фанагории Ильичевское городище (где был найден клад с 5 солидами Юстиниана I) — мощная крепость, самая северная в системе крепостей, опоясывающих Фанталовский полуостров. Большинство этих

119 Пахомов 1926 (I), 42, № 52; Фарсмер 1929, 283, № 14.
120 Пахомов 1957 (VII), 30, № 1758.
121 Пахомов 1926 (I), 44, № 66; Кропоткин 1962, 30, № 132–133, 138.
122 Кропоткин 1962, 33–34, № 203, 217, 220.
123 Кропоткин 1961, 34, № 225, рис. 17, 5.
124 Фролова, Николаева 1978, 178.

крепостей прекратило свое существование в середине VI в. н.э., а Ильичевская крепость погибла во второй половине 560-х — начале 570-х гг. н.э.

В VI в. н.э. Византийская империя была особо заинтересована в овладении Боспором и примыкавшими к нему территориями: через Боспор она осуществляла постоянный обмен с местными земледельческими жителями, гуннами, кочевниками Приазовья и Северного Кавказа. Кроме того, Боспор прикрывал с восточного фланга Херсонес — важнейший византийский форпост в Крыму, а также обеспечивал защиту северных границ самой Империи. Первая попытка овладеть Боспором была предпринята еще при Юстине I (518–527) (Proc. De h. Pers. I. 12), но только Юстиниану I с помощью военной силы удалось превратить Боспор в федерат Византийской империи. Эпиграфические источники и нумизматические находки свидетельствуют о том, что во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива, в том числе и Таманский п-ов с Фанагорией и Ильичевским городищем[125], из которых происходят золотые солиды Юстиниана I.

Византийская чеканка VII в. н.э. в средневековых слоях Фанагорийского городища представлена медной монетой Ираклия (610–641) или Константа II (641–668) достоинством в 40 нуммий[126]. Со второй половине VII в. город становится одним из административных центров хазарского каганата. В 704 г. н.э. в Фанагории поселился в изгнании Юстиниан II (685–694 и 705–711) с женой Феодорой, сестрой кагана[127].

К хазарскому периоду истории Фанагории принадлежит золотая византийская монета, приобретенная Л. П. Харко в 1928 г. В период с 1927 по 1938 гг. исследователь проводил разведки на Таманском п-ове и посещал Фанагорийское городище, где собрал большую коллекцию монет, которую передал впоследствии в ГИМ для изучения[128]. Купленный им в Фанагории золотой солид Константина V Копронима (741–775) и Льва IV Хазара поступил на хранение в ГМИИ им. А. С. Пушкина[129]. На аверсе своих монет Константин V помещал портрет отца, Льва III, а в 751 г. н.э. ввел на реверсе изображение и имя только что коронованного «Льва молодого», т.е. Льва IV, своего сына от Ирины, дочери хазарского кагана. Солид из Фанагории отчеканен в 9-й оффицине монетного двора Константинополя после интронизации Льва IV и несет на реверсе бюсты обоих соправителей. За свое происхождение Лев получил прозвище «Хазар»; с 751 г. он правил вместе с отцом, а после его смерти в 775 г. н.э. стал единовластным правителем[130].

В соседней ст. Таманской при раскопках 1931 г. был найден еще один золотой солид Константина V Копронима и Льва IV Хазара[131]. Солиды этих императоров могли попасть в Фанагорию и Самкерц в связи с тем, что в течение VIII в. хазары сохраняли прочные контакты с Византией. Известны находки их солидов и в Крыму. На Боспоре же ареал распространения солидов Константина V и его соправителей ограничивается территорией Темрюкского и Крымского районов Краснодарского края, которую в VIII в. занимали хазары.

[125] Фролова 1997/II, 176–178.
[126] Кропоткин 1962, 22, № 19а.
[127] Кузнецов 2012, 13–14.
[128] Крушкол 1951, 257.
[129] Кропоткин 1962, 22, № 17.
[130] Толстой 1914 (VIII), 948.
[131] Кропоткин 1962, 22, № 27.

Таблица 9. Находки золота Константина V Копронима и соправителей в Крыму и на Азиатском Боспоре

№ п/п	Место и год находки	Соправитель	Дата	Количество
1.	Дурмень (Крым), 1873 г.[132]	Лев IV Хазар	751–775	1
2.	Коктебель (Планерское), 1951 г.[133]	Лев III Исавр	720–741	1
3.	Коктебель (Планерское), 1951 г.[134]	Лев IV Хазар	751–775	1
4.	Коктебель (Планерское), 1952 г.[135]	—	741–751	1
5.	Коктебель (Планерское), 1952 г.[136]	—	741–751	1
6.	Коктебель (Планерское), 1958 г.[137]	Лев IV Хазар	751–775	1
7.	Скалистое (Бахчисарайский р-н), 1960 г.[138]		741–775	1
8.	Фанагория, 1928 г.[139]	Лев IV Хазар	751–775	1
9.	Ст. Таманская (Темрюкский р-н), 1931 г.[140]	Лев IV Хазар	751–775	1
10.	Ст. Крымская (Крымский р-н), 1951 г.[141]	Лев III Исавр	720–741	1
11.	Ст. Курчанская (Темрюкский р-н), 1893 г.[142]	Лев III Исавр	720–741	1
12.	Сочи, 1937 г.[143]	Лев III Исавр	720–741	1

Приложение

СПИСОК ЗОЛОТЫХ МОНЕТ ИЗ ФАНАГОРИИ

КИЗИК

460–400 гг. до н.э.

EL. Статер

Л.с. Гея в подпоясанном хитоне без рукавов и платке появляется из земли, среди камней, вправо; на вытянутых руках держит младенца Эрихтония; последний обнажен до пояса, поперек груди лента с подвесками; руки протянуты перед собой; внизу тунец вправо.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, поверхность которых имеет наклон в противоположные стороны.

Лит.: Baldwin Brett 1955, 196, no. 1500.

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина; инв. № 211331.

Изд.: Голенко 1977, 37–41; Абрамзон 2010, 481, табл. I, *7*.

1. 15.93 г; 19мм.

132 Кропоткин 1962, 33, № 205.
133 Кропоткин 1962, 34, № 212.
134 Кропоткин 1962, 34, № 212.
135 Кропоткин 1962, 34, № 213.
136 Кропоткин 1962, 34, № 213.
137 Кропоткин 1962, 34, № 214.
138 Кропоткин 1962, 34, № 29а. Тремиссес.
139 Кропоткин 1962, 22, № 17.
140 Кропоткин 1962, 22, № 27.
141 Кропоткин 1962, 22, № 13.
142 Кропоткин 1962, 22, № 14.
143 Кропоткин 1962, 22, № 23.

МАКЕДОНСКОЕ ЦАРСТВО
Филипп III Арридей (323–317)
Абидос (?)
323–317 гг. до н.э.
AV. Статер
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо; шлем украшен изображением свернувшейся змеи.
О.с. Ника стоит влево; в правой вытянутой руке держит венок, в левой мачту (*stylis*); слева в поле Μ, ниже свернувшаяся змея вправо; справа вертикально ΦΙΛΙΠΠΟΥ.
Лит.: Price 1991, 229, no. P31, pl. XV.
Место хранения: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицина; инв. № 10333/4–2.
Изд.: Abramzon, Gorlov 1996, 130, fig. 2; Абрамзон 2010, цв. вкл. 24, *3*; Абрамзон, Фролова 2010, 350, табл. XII, *5*.
2. 8.570 г; 18–18.5 мм.

Восток. Неизвестный монетный двор
325–300 гг. до н.э.

AV. Статер
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо; шлем украшен изображением свернувшейся змеи.
О.с. Ника стоит влево; в правой вытянутой руке держит венок, в левой мачту (*stylis*); слева в поле Α; справа вертикально ΦΙΛΙΠΠΟΥ.
Лит.: Price 1991, 501, no. P224, pl. XVI.
Место хранения: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицина; инв. № 10333/6.
Изд.: Abramzon, Gorlov 1996, 130, fig. 1; Абрамзон 2010, 488, табл. II, *7*; цв. вкл. 24, *2*; Абрамзон, Фролова 2010, 350, табл. XII, *6*.
3. 8.629 г; 16–19 мм.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Неизвестный правитель Τ (9/8 г. до н.э.–7/8 г. н.э.)
3/2 г. н.э.

AV. Статер
Л.с. Голова Августа без венка влево.
О.с. Мужская голова вправо; слева Τ, внизу ЕϟΣ (= 295 г. б.э.).
Лит.: Анохин 1986, 148, № 264; RPC I, 331, no. 1871.
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина; инв. № 9657а.
Изд.: Кобылина 1949, 50; Похомов 1959 (VIII), 12–13, № 1917; Кропоткин 1961, 104, № 1691; Шелов 1962, 68, № 11; Голенко 1966, 39, рис. 3; Фролова 1997/I, табл. XI, *10*; Frolova, Ireland 2002, 62, pl XI, *10*; Абрамзон, Фролова 2011, 350, табл. XII, *7*.
4. 7.94 г; 18 мм.

Савромат II (174–210 гг.)
197 г. н.э.

EL. Статер
Л.с. ВАСІΛЕωС САУРОМАТОУ. Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема; справа палица. Точечный ободок.
О.с. Бюст Септимия Севера вправо; на голове лавровый венок; справа трезубец; внизу ΔϟΥ (= 494 г. б.э.). Точечный ободок.
Лит.: Бурачков 1884, табл. XXX, *212*; Анохин 1986, табл. 26, 575б.
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина; инв. № 540.
Изд.: Кобылина 1949, 50; Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1933; Шелов 1962, 68, № 12; Фролова 1997/I, табл. LXXVII, *24*.
5. 7.59 г; 20 мм.

198 г. н.э.
EL. Статер
Л.с. ВАСІΛЕωС САУРОМАТОУ. Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.
О.с. Бюсты Септимия Севера (слева) и Каракаллы (справа) лицом друг к другу; на голове каждого лавровый венок; между ними полумесяц; внизу Еϟ Υ (= 495 г. б.э.). Точечный ободок.
Лит.: Frolova 1979, pl. XXXII, *35*; Анохин 1986, табл. 26, 576е; Фролова 1997/I, LXXVIII, *21–22*.
6. 7.67 г; 20 мм; № описи Ф-12–52.

ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Феодосий II (408–450)

Константинополь
430–440 гг. н.э.

AV. Тремиссес
Л.с. D N THEODO—SIVS P F AVG. Бюст Феодосия II в панцире и плаще вправо; на голове жемчужная диадема.
О.с. VICTORIA—AVGVSTORVM. Виктория идет вправо, голова смотрит влево; в правой руке держит венок, в левой шар, увенчанный крестом; справа в поле звезда, под обрезом CONOB.
Лит.: RIC X, 261, no. 273, pl. 11.
7. 0.97 г; № описи Ф-12–129.

Зенон (474–491)

Константинополь
476–491 гг. н.э.

AV. Солид
Л.с. D N ZENO—PER P AVG. Бюст Зенона в панцире в фас; на голове шлем и жемчужная диадема; в правой руке копье, лежащее на плече; левое плечо прикрыто щитом, украшенным изображением всадника, поражающего копьем поверженного врага.
О.с. VICTORI—AAVGGGΔ. Виктория стоит влево, поддерживая длинный крест, украшенный драгоценными камнями; справа в поле звезда, под обрезом CONOB.
Лит.: RIC X, 307, no. 910, pl. 30.
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина; с/о 6 инв. № Н–211334.
Изд.: Кропоткин 1961, 40, № 21; Abramzon 2011, 272, pl. 2, *1*.
8. 4.48 г.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Юстиниан I (527–565)

Константинополь
538–565 гг. н.э.

AV. Солид
Л.с. D N IVSTINIANVS P P AVG. Бюст Юстиниана I, безбородого, в панцире, в фас; на голове шлем с плюмажем; в правой руке шар, увенчанный крестом; левое плечо прикрыто щитом, украшенным изображением всадника, поражающего копьем поверженного врага.
О.с. VICTORI AVGGGΘ. Виктория, одетая в хитон и пеплос, стоит прямо; в правой руке держит длинный крест; в левой шар, увенчанный крестом; справа в поле звезда; под обрезом CONOB.
Лит.: Morrison 1970, 71, nos.18–19.
Изд.: Абрамзон, Фролова 2010, 350, табл. XII, 8; Abramzon 2011, 272, pl. 2, *2*.
9. 4.1 г; № описи Ф-06–49.

Константин V Копроним (741–775)
Со Львом IV Хазаром с 751 г. н.э.

Константинополь
751–775 гг.

AV. Солид
Л.с. C LЄ ONPAMЧLΘ. Бюст Льва III (отца Константина V), с бородой, в фас, в одеянии, украшенном рисунком в виде ромбов с кружками в них; на голове корона, увенчанная крестом на шаре; в правой руке напрестольный крест.
О.с. CONSTANTINOSSLEONONEOS. Слева бюст Константина V, с бородой, в фас; справа бюст его сына Льва IV, без бороды, в фас; у каждого на

голове корона, украшенная крестом на шаре; оба одеты в полудамент и панцирь; вверху между ними небольшой крест или точка.

Лит.: Толстой 1914 (VIII), 957, № 37; Wroth 1966, 379, no. 8.

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Изд.: Кропоткин 1962, 22, № 17.

10. Вес не известен.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г. 2004: Золотые античные монеты из собрания Абхазского государственного музея // ВДИ. 4, 204–211.

Абрамзон М. Г. 2010: Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // ПИФК. 1, 477–520.

Абрамзон М. Г. 2011: Корпус боспорских монет. Т. 2. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) // Боспорские исследования. Suppl. 7. Симферополь; Керчь.

Абрамзон М. Г., Иванина О. А. 2010: Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. II. Киев.

Абрамзон М. Г., Зинько В. Н. 2011: Золотые статеры Евпатора и Савромата II из раскопок Тиритаки // ПИФК. 4, 166–179.

Абрамзон М. Г., Масленников А. А. 1999: Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 4, 79–83.

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // Боспорские исследования. Suppl. Т. 1. Симферополь; Керчь.

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2010: Глава 4. Денежное обращение // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред., сост.). Античное наследие Кубани: в 3 т. Т. II. М., 290–350.

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н., Иванина О. А. 2006: Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. 1. Киев.

Абрамов А. П., Болдырев С. И. 2001: «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001, 143–144.

Анисимов А. И. 1992: Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ. 10, 329–353.

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Безуглов С. И. 2000: К реконструкции состава донских кладов боспорского золота // ДА. 2, 86–97.

Булатович С. А. 1982: О классификации и хронологии электровых монет Кизика // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 98–105.

Бурачков П. О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Бутягин А. М., Терещенко А. Е. 2004: Золотой статер из Мирмекия // СГЭ. LXI, 60–62.

Голенко К. В. 1966: Статеры из новых приобретений ГМИИ // СГМИИ. III, 36–41.

Голенко К. В. 1977: Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // М.М. Кобылина (ред.). История и культура античного мира. М., 37–40.

Зограф А. Н. 1926: Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюллетень Керченской конференции археологов СССР. 3. Ленинград, 3–4.

Зограф А. Н. 1945а: Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. I, 29–85.

Зограф А. Н. 1945б: Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОИИКАМГЭ. I, 85–99.

Молев Е. А. 1990: Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // АМА. 7, 111–121.

Карышковский П. О. 2003: Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Одесса.

Кобылина М. М. 1949: Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. 27, 49–51.

Кобылина М. М. 1956. Фанагория. Введение // Фанагория. МИА. 57, 5–101.

Кропоткин В. В. 1961: Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4–4. М.

Кропоткин В. В. 1962: Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4–4. М.

Кругликова И. Т. 1970: Монеты из раскопок Горгиппии 1960–1966 гг. // НЭ. VIII, 27–47.

Крушкол Ю. С. 1951. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. XV, 256–272.

Крыжицкий С. Д. 1982: Статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в 1978 г. // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 32–34.

Кузнецов В. Д. 2012: История Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.). Фанагория. По материалам Фанагорийской экспедиции ИА РАН. М., 11–17.

Пахомов Е. А. 1926–1966: Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I-IX. Баку.

Придик Е. М. 1902: Анадольский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. 3, 58–92.

Строкин В. Л. 2012: Заметки по нумизматике Боспора римского времени // ПИФК. 4, 161–168.

Терещенко А. А. 1999: Электровый кизикин из Нимфея // Боспорский город Нимфей. Тезисы докладов конференции. СПб., 71–72.

Толстой И. И. 1912–1914: Византийские монеты. Вып. I-IX. Пг.

Тункина И. В. 2002: Русская наука о классических древностях (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Хушт М. А., Тов А. А. 2007: Новые находки боспорских монет на южном берегу Краснодарского водохранилища (Республика Адыгея) // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург, 27–29.

Фасмер Р. Р. 1929: Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики в 1920—1925 гг. // СГАИМК. II, 281–324.

Фролова Н. А. 1981. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1, 100–135.

Фролова Н. А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. — середина IV в. н.э. Ч. I-II. М.

Фролова Н. А., Николаева Э. Я. 1978: Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 39, 173–179.

Шелов Д. Б. 1949. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 2, 93–98.

Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. Москва

Шелов Д. Б. 1962. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ III, 56–129.

Abramzon M. G. 2007: Gold and Silver Greek Coins of the 5th — 2nd centuries BC found in Dioscurias (the Abkhazian Museum) // Античните цивилизации и морето. Acta Musei Varnaensis. Vol. V. Varna, 159–175.

Abramzon M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria // N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251–274.

Abramzon M., Frolova N. 2007: Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes // RE. 163, 15–44.

Abramzon M. G., Gorlov Ju.V. 1996. Two Staters of Philip III Arrhidaeus Found in Phanagoreia // ACSS. 3, 129–132.

Abramzon M. G., Maslennikov A. A. 2008: Gold Coins of Theodosius II From East Crimea // ACSS, 5.2, 1–7.

Babelon E. 1907: Traité des monnaies gresques et romaines. 1–2. Paris.

Baldwin Brett A. 1955: Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts. Boston.

Burnett A., Amandry M., Ripolles P. P. 1992: Roman Provincial Coinage. Vol. I–II. London; Paris.

Fritze H. von. 1912: Die Elekronprägung von Kyzikos // Nomisma. VII, 1–45.

Frolova N. A. 1979: The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69–328 // BAR International Series. 56.

Frolova N. A., Ireland S. 2002: The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD // BAR International Series. 1102.

Gerassimov T. 1966: A Cyzicus stater with the Representation of a Statue // Mélanges offerts à Kazimerz Michalowski. Warsawa, 429–430.

Greenwell W. 1887: The Electrum Staters of Cyzicus // NC. VIII, 1–126.

Morrison C. 1970: Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale. T. I. Paris.

Müller L. 1855: Numismatique d'Alexander le Grand. Suivie d'un appendice constenant les monnaies de Philippe II et III. Planches et tables. Copenhague.

Price M. J. 1991: The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Vol. I. Zurich; London.

Wroth W. 1966: Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. I. Chicago.

GOLD ANTIQUE AND BYZANTINE COINS FROM PHANAGORIAN FINDS

M. G. Abramzon

The article presents gold antique and Byzantine coins from Phanagorian archaeological finds discovered by the expeditions working there. The numismatic material makes it possible to anew raise the problem of foreign gold coins penetration to Bosporos, and to cover economic and political ties of Phanagoria with Cyzicus, Macedonian Kingdom, Eastern Roman Empire, and early Byzantine Empire.

Key words: Bosporos, Phanagoria, Cyzicus, Macedonia, Roman Empire, Byzantine Empire, monetary circulation, gold coins

© 2013

Ю. Н. Кузьмина

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ V в. до н.э. ИЗ РАСКОПОК НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ФАНАГОРИИ

Во время исследований юго-восточного квартала Фанагории в 1985 году (раскоп «Южный город», квадрат XXXIII) был открыт неординарный керамический комплекс второй четверти V в. до н.э. В материк на глубину примерно 0,2 м было вдавлено большое количество керамики: фрагменты амфор, миниатюрных сосудов (кувшинчики, амфориски), а также семь фрагментов крупных погрудных протом. Несмотря на то, что контекст находки остается непонятен, ясно, что подобный набор однотипных миниатюрных сосудов и вышедших из одной формы крупных протом предназначался для культовых целей. Вполне возможно, что протомы из комплекса могли быть изготовлены в расположенной неподалеку мастерской коропласта, функционировавшей также во второй четверти V в. до н.э.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, поздняя Архаика, протомы, миниатюрные сосуды

Изучение материалов из раскопок территории у южного склона восточной части верхнего плато Фанагории (раскоп «Южный город») представляет собой особый интерес[1]. В ходе охранно-спасательных работ, связанных со строительством коллектора очистных сооружений в период 1979–1988, 1990–1991 гг. эта часть города была исследована большими площадями (рис. 1). На примере полученных материалов можно проследить этапы функционирования одного из важных районов города с момента его возникновения и до ранневизантийского времени. К сожалению, в настоящее время большая часть полученных в ходе раскопок материалов все еще ждет публикации. Последней крупной работой стала монография А. А. Завойкина, в которой он опубликовал и охарактеризовал археологические комплексы «Южного города» второй половины V в. до н.э., а также на основании имеющихся археологических и нумизматических источников предложил реконструкцию исторических событий конца V в. до н.э.[2], когда в ходе масштабный разрушений, связанных, вероятно, с присоединением Фанагории к государству Спартокидов, были уничтожены городские стены, жилые и ремесленные постройки.

Кузьмина Юлия Николаевна — младший научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: julia_orient@mail.ru

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12–31–01293 «Сакральные комплексы Фанагории VI-I вв. до н.э.».

[2] Завойкин 2004. Кроме того, в предисловии автор ссылается на предшествующие работы: см. Завойкин 2004, 9.

Не меньший интерес представляет период, предшествующий «бурным» событиям второй половины V в. до н.э. Согласно археологическим данным, в архаический период на южной окраине городища располагался древнейший некрополь Фанагории. Во второй четверти V в. до н.э. на месте древних погребений появляются первые строительные жилые и производственные комплексы, что интересно, ориентированные по сторонам света, в том числе глиняно-плетневые сооружения и мастерская коропласта[3]. Именно в это время юго-восточный район входит в состав города и окружается оборонительной стеной.

Во время исследований юго-восточного квартала Фанагории в 1985 году (раскоп «Южный город», квадрат XXXIII) был открыт неординарный керамический комплекс второй четверти V в. до н.э. (рис. 1,*1*). В материк на глубину примерно 0,2 м было вдавлено большое количество керамики (1661 фр.). Преобладающими являются фрагменты амфор VI-V вв. до н.э.: фрагменты хиосских пухлогорлых, протофасосских, фасосских амфор, амфор типа КТБ IV (с полыми доньями), с рюмкообразной ножкой, самосского, лесбосского производства, амфор круга Фасоса. Также в комплексе засвидетельствовано наличие небольшого количества поздней примеси (фрагменты хиосских прямогорлых амфор и амфор типа Солоха II)[4].

Кроме того, в комплексе было найдено «довольно много фрагментов чернолаковой расписной посуды, в частности, выполненной в чернофигурном стиле, а

[3] Долгоруков 1990, 32; Завойкин, Кузнецов 2012, 136.

[4] Долгоруков 1985, 1–2; Долгоруков 1985 а, рис. 26–32. Мне хотелось бы выразить глубочайшую благодарность ведущему научному сотруднику Отдела классической археологии Института археологии РАН Алексею Андреевичу Завойкину за помощь и ценные комментарии. Со слов Алексея Андреевича, датировка амфор из комплекса, по его наблюдениям, не выходит за вторую четверть V в. до н.э., а наличие небольшого процента поздней примеси объясняется тем, в момент раскрытия комплекса шли сильные ливневые дожди, которые привели к порче культурного слоя и оползанию бортов.

также лекифов с росписью черным лаком по белому покрытию, характерной для VI в. …, донце чернолакового сосуда с граффито ┼ΔIIII..., чернолаковый лекиф с пояском точечного орнамента и венчик арибала финикийского стекла» (рис. 2)[5]. Арибалические лекифы с росписью в виде пояска точечного орнамента были распространены во второй половине VI — начале V вв. до н.э. (рис. 2,*1*)[6].

Также в комплексе были обнаружены фрагменты 11 одинаковых светлоглиняных амфорисков на круглом поддоне, ранее окрашенных бурой краской (краска практически не сохранилась) (рис. 3,*11*), 10 миниатюрных красноглиняных «кувшинчиков» (судя по сохранившимся фрагментам венцов, это также могут быть миниатюрные арибалические лекифы[7]) (рис. 3, *1–10*) и целый сероглиняный кувшинчик.[8] Миниатюрные керамические изделия, повторяющие по форме стандартные сосуды, характерны для эпох архаики и классики и практически исчезают в эллинистический период[9]. Существует несколько интерпретаций назначения миниатюрных сосудов, непригодных для использования по прямому назначению. Ряд ученых трактует их как детские игрушки, другие подчеркивают их вотивную роль, а также то, что чаще всего они встречаются именно в сакральных комплексах[10]. В некоторых святилищах насчитывается более тысячи находок миниатюрной керамической посуды и светильников. Например, они занимают большую часть среди находок на Центральном святилище на агоре Моргантины (Сицилия), в святилище Деметры и Персефоны в Кирене, в критских святилищах[11]. Находки данного вида керамических изделий встречаются и на памятниках Боспора, например, на святилище элевсинских богинь «Береговой IV»[12]. Гюннел Экрот считает, что маленькие сосуды были дешевле больших, поэтому их могли жертвовать в целях экономии[13]. Также важным моментом могла быть не столько экономия денег, сколько экономия места, отведенного под приношения в святилище.

Кроме того, в комплексе были обнаружены фрагменты от «не менее чем шести терракотовых протом Деметры архаического облика, явно вышедших из одной формы»[14] (рис. 4), изготовленных из фанагорийской глины, а также фрагментов аналогичной протомы самосской глины, покрытой белой обмазкой, которая, по мнению В. С. Долгорукова, служила патрицей для изделий местного производства[15]. По сохранившимся образцам можно судить, что они представляли собой протомы-полуфигуры «ионийского типа» с удлиненным овальным лицом,

[5] Долгоруков 1985, 2. В альбоме к отчету за 1985 год представлена фотография одного чернолакового лекифа с пояском точечного орнамента, донца сосуда с граффито и арибала финикийского стекла (рис. 2,3), фотографии и рисунки других описанных в отчете чернофигурных сосудов отсутствуют.

[6] Например, аналогичный сосуд из погребения, датируемого 500–490 гг. до н.э., из раскопок Афинского Керамика: Kerameikos 2000, taf. 6.1.

[7] Sparkes, Talcott 1970, 186, 336, pl. 46. 1140.; Kerameikos 2000, taf. 30. 173.2

[8] Долгоруков 1985, 2.

[9] Perachora 1962, 290; Hayes 1992, 196; Smetana-Scherrer 1982, 86.

[10] Horsnæs 2001, 80-84; Carter 1994, 195; Doepner 2000, 63-65; Anderson-Stojanović 2002, 75-77.

[11] Edlund-Berry 2001, 71; The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene 1984, 21; Sporn 2002, 355.

[12] Завойкин 2003, 117; Завойкин, Сударев 2009, 178–179.

[13] Ekroth 2003, 36.

[14] Долгоруков 1985, 2. На основании фотографий из полевого отчета, а также архива Фанагорийской экспедиции ИА РАН известно о семи фрагментах протом.

[15] Долгоруков 1990, 34.

на котором выделяется крупный нос. Лицо богини кажется тяжеловесным из-за больших выпуклых глаз. Волосы разделены в центре на два валика, сверху на них накинуто покрывало, спадающее на плечи, руки симметрично прижаты к груди. В коллекциях фанагорийской экспедиции сохранился фрагмент одной протомы из комплекса (рис. 4,*1*). Интересно отметить, что верхний край протомы сильно загнут внутрь, возможно, на нем располагалось отверстие для подвешивания, что, к сожалению, невозможно проверить, так как большая часть верхнего края утрачена (рис. 4, *1а*). Подобный тип протом получает распространение в эпоху поздней архаики и встречается в разнообразных вариантах, с добавлением тех или иных атрибутов и деталей, в различных уголках эллинского мира[16].

Протомы наиболее часто встречаются среди находок в святилищах, а В. Хинц приводит данные о том, что в западногреческих колониях протомы встречаются только в святилищах, в большинстве случаях посвященных Деметре и Коре[17]. С. И. Финогенова собрала информацию о нескольких случаях находок протом в городских слоях: в Нимфее, Тиритаке, на Лузанском поселении и т.д. Однако в большинстве своем они были найдены в помещениях и использовались в домашних культах[18]. Не раз в отечественных и зарубежных исследованиях затрагивался вопрос о том, кто изображался на протоме: божество или даритель[19]. Более вероятной представляется версия о том, что протомы изображали божество. Это находит подтверждение в изготовлении в одной форме многочисленных стандартных реплик. Вероятно, если бы речь шла об изготовлении протомы, изображающей дарителя, то он постарался бы заказать у коропласта фигурку с максимально большим количеством индивидуальных черт.

Таким образом, очевидно, что рассмотренный комплекс представляет собой неординарный памятник второй четверти V в. до н.э. с только что вошедшей в черту города юго-восточной окраины Фанагории. Несмотря на то, что контекст находки остается непонятен, ясно, что подобный набор однотипных миниатюрных сосудов и вышедших из одной формы крупных протом предназначался для культовых целей. Вполне возможно, что протомы из комплекса могли быть изготовлены в расположенной неподалеку мастерской коропласта, функционировавшей также во второй четверти V в. до н.э.[20]

ЛИТЕРАТУРА

Долгоруков В. С. 1985: Отчет о раскопках в Фанагории в 1985 г. // НА ИА РАН. Р-1. 11165. М.

Долгоруков В. С. 1985а: Альбом к отчету о раскопках в Фанагории в 1985 г. Т. I // НА ИА РАН. Р-1. 11165а. М.

Долгоруков В. С. 1990: Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 197, 30–37.

[16] Bagnasco 1986, 64, tav. XVII, №88 CI; Higgins 1954, №1062; Hinz 1998, 39; Guldager Bilde 2010, pl. 327.

[17] Hinz 1998, 37.

[18] Финогенова 2000, 217.

[19] Blinkenberg 1931, 589; Croissant 1983, 1–8; Финогенова 2000, 218–219; Muller 2009, 81–95.

[20] Подробнее о некоторых находках из мастерской коропласта см.: Финогенова 1998, 1–12; 2010, 381–382.

Завойкин А. А. 2003: Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 93–99.

Завойкин А. А. 2004: Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н.э. (по материалам «Южного города»). М.

Завойкин А. А., *Сударев Н. И.* 2009: Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 гг. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 174–189.

Завойкин А. А., *Кузнецов В. Д.* 2012: Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспорские чтения XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Керчь, 188–198.

Ильина Т. А. 2010: Терракотовые статуэтки Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 380–390.

Финогенова С. И. 1998: Архаическая мастерская фанагорийского коропласта // Тезисы доклада конференции, посвященной *памяти Н. И.* Сокольского. М., 1–10.

Финогенова С. И. 2000: Античные протомы в системе жертвоприношения // Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 213–223.

Anderson-Stojanović V. 2002: The Cult of Demeter and Kore at the Istmus of Corinth // Peloponnesian Sanctuaries and Cults. Stockholm, 75–83.

Bagnasco M. B. 1986: Protomi in terracotta da Locri Epizifiri. Contributo allo studio della sculturaarcaica in Magna Grecia. Torino.

Blinkenberg Ch. 1931: Lindos. Fouilles de Γ Acropole (1902–1914). I. Les petits objects. Berlin.

Carter J. J. 1994: Sanctuaries in the Chora of Metaponto // Placing the Gods. Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxford, 161–198.

Croissant F. 1983: Les Protomés féminines archaïques: recherches sur les représentations du visage dans la plastique grecque de 500 à 480 av. J.-C. Vol. 1. Paris.

Doepner D. 2000: Steine und Pfeiler für die Götter. Weihgeschenkgattungen in westgriechischen Stadtheiligtümern. Wiesbaden.

Edlund-Berry I. E. M. 2001: Miniature Vases as Votive Gifts Evidence from the Central Sanctuary at Morgantina (Sicily) // Ceramics in Context. Stockholm.

Ekroth G. 2003: Small Pots, Poor People? The Use and Funktion of Miniature Pottery as Votive Offerings in Archaic Sanctuaries in the Argolid and the Corinthia // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Padeborn.

Guldager Bilde P. 2010: Terracottas // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century B. C. to the 4th Century A. D. Vol. 2. Aarhus, 439–464.

Hayes J. W. 1992: Fine Wares in the Hellenistic World // Looking at Greek Vases. Cambridge.

Higgins R. A. 1954: Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Vol. 1. London.

Hinz V. 1998: Der Kult von Demeter und Kore auf Sizilien und in der Magna Graecia. Wiesbaden.

Horsnæs H. W. 2001: Miniature Pottery and the Questions of Domestic cult in Lucania // Ceramics in Context. Stockholm.

Kerameikos 2000: Ergebnisse die Ausgrabungen. Bd. VII. Die Nekropole von der Mitte des 6. Bis zum Ende des 5. Jahrhunderts. München.

Muller A. 2009: Le tout ou la partie. Encore les protomés: dédicataires ou dédicantes? // La donatrice, l'offrante et la déesse. Kernos supplément 23.

Perachora 1962: The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Vol. 2. Pottery, ivories, scarabs and other objects from the Votive Deposit of Hera Limenia. Oxford.

Smetana-Scherrer R. 1982: Spätklassische und hellenistishe Keramik // Alt-Ägina. Bd. II,1. Mainz/Rhein.

Sparkes B. A., *Talcott L.* 1970: The Athenian Agora. Vol. XII. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.

Sporn K. 2002: Höhlenheiligtümer in Griechenland // Kultur und Kommunikation. Medien in Heiligtümer der Antike (ZAKMIRA-Schriften 4). Wiesbaden.

The Extramural Sanctuary The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. Vol. 1. 1984: Background and Introduction to the Excavations. Philadelphia.

CERAMIC COMPLEX OF THE SECOND QUARTER OF THE 5th century BC FROM THE EXCAVATION IN THE SOUTHERN SUBURB OF PHANAGORIA

Yu. N. Kuzmina

The study of Phanagoria south-eastern section in 1985 (excavation “Southern town”, square XXXIII) revealed a unique ceramic complex dating as far back as the second quarter of 5th century BC. Abundant ceramic fragments of amphorae, miniature vessels and seven fragments of busts were embedded in the earth as deep as 0.2 m. Though the find context remains obscure, it is quite clear that such a set of similar miniature vessels and big fore-parts from the same mould belonged to religious worship. The fore-parts from the complex could have been made in a nearby koreplactic workshop that also functioned in the second quarter of the 5th century BC.

Key words: Bosporus Kingdom, Phanagoria, Late Archaic, fore-parts, miniature vessels

© 2013

Е. Г. Застрожнова

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФАНАГОРИИ В 1921–1929 гг.

История археологического изучения Фанагории насчитывает уже более двух столетий. Однако до сих пор сведения об изучении Фанагории в 1920-х гг. оставались недоступными широкому кругу ученых. В ходе работы с невостребованными ранее материалами из Государственного архива Российской Федерации, Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея и Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина были получены новые сведения о проведении археолого-топографических работ на территории Фанагории под руководством Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

Ключевые слова: Фанагория, история изучения, архивные материалы, источники, раскопки

История археологического изучения Фанагории, крупнейшего античного памятника на территории Российской Федерации, насчитывает уже более двух столетий. Тем не менее, в научный оборот введена только часть информации, касающаяся истории изучения «столицы» Азиатского Боспора. И если данные о раскопках, проведенных в конце XVIII–XIX вв., можно найти в ряде современных исследований[1], то сведения об изучении Фанагории в 1920-х гг. оставались недоступными широкому кругу ученых. В ходе работы с невостребованными ранее материалами из Государственного архива РФ, Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея (НВА ГИМ) и Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (ОР ГМИИ) удалось восполнить пробелы в истории изучения Фанагории в этот период.

После событий Гражданской войны первые попытки возобновления археологических раскопок на территории этого центра были связаны с именем археолога-антиковеда, на тот момент директора Керченского музея, К. Э. Гриневича. В 1921 г. ему удалось лично зафиксировать общее состояние городища и некрополей, отметив постепенное разрушение курганов вследствие береговой абразии[2]. В 1923 г. им была подана докладная записка в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК), содержавшая примерный план по возобновлению

Застрожнова Евгения Григорьевна — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. E-mail: pankratova0484@yandex.ru

[1] Кузнецов 2007; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов 2009; Виноградов 2009; Тункина 2010.

[2] ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. I. Д. 217. Л.55.

охранных археологических работ в Фанагории. Однако его проект был отклонен руководством РАИМКа в силу ряда субъективных причин[3].

В 1925 г. заведующим Таманским музеем А. А. Остроумовым была составлена учетная опись археологических памятников Таманского полуострова[4]. Особо он выделял Фанагорию, отмечая, что «лишь только научная экспедиция с техническими силами и средствами может проделать необходимую для памятника работу, за отсутствие которой мы ругаем своих ближних и дальних предков не одно столетие»[5].

Первый подготовительный шаг к масштабным исследованиям Фанагории был сделан исследовательской группой Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН).

В 1923 г. постановление Совета народных комиссаров предписало переименовать Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных Наук при I Московском государственном университете в РАНИОН. В нее вошли двенадцать институтов, в том числе и Институт археологии и искусствознания[6]. В 1924 г. в аспирантуру РАНИОН были приняты В. Д. Блаватский, Л. П. Харко и М. М. Кобылина, которые также являлись научными сотрудниками ГМИИ (В. Д. Блаватский – Отдела античного искусства; М. М. Кобылина – Отдела классического Востока; Л. П. Харко — Отдела нумизматики).

В 1925 г. при активном участии этих аспирантов был организован Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов[7]. Руководство Коллективом взял на себя действительный член РАНИОН А. С. Башкиров, в его состав вошли, кроме упомянутых исследователей, сотрудники ГМИИ Н. П. Кивокурцева и Н. П. Лосева. Члены Коллектива приступил к активному сбору материалов о древностях юга России: литературы, архивных документов и античных коллекций в музейных собраниях. Вскоре был сформирован Институт консультантов в составе В. А. Городцова, А. Н. Зографа, Н. П. Орешникова, Н. Д. Протасова и Б. В. Фармаковского. На протяжении 1925–1926 гг. велась работа кабинетного характера по подготовке и обработке полученных материалов. Летом 1926 г. Коллектив предпринял рекогносцировочную экспедицию по Таманскому полуострову[8]. Стоит отметить, что на эту экспедицию А. С. Башкирову было выделено 500 рублей, что в четыре раза больше, чем на другие экспедиции, проводимые в этом году РАНИОН.

Рабочая группа в составе В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, Л. П. Харко под руководством А. С. Башкирова занималась исследованием восточной и юго-восточной части Таманского полуострова на предмет выявления и постановки на учет археологических объектов. В первую очередь планировалось проведение топографической фиксации и зондажных разведок культурных слоев. В ходе работ 1926 г. было заключено, что необходимо постоянное и систематическое наблю-

[3] Панкратова (Застрожнова) 2011, 347-352.
[4] НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 103. Л. 4.
[5] НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 103. Л.3.
[6] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.
[7] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 144. Л. 141.
[8] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 144. Л. 141 об.

дение за Фанагорией[9]. Первоочередной задачей являлась фиксация топографии городища и обследование разрушающихся частей акрополя и могильников.

Хотелось бы сделать небольшое отступление и привести первые впечатления М. М. Кобылиной об увиденном фанагорийском городище: «Из всего виденного более всего поразило нас своими размерами и красотой расположение городища Фанагории. Оно опускалось к Таманскому заливу двумя террасами. Здесь была полная тишина. С холмов и с берега влево открывался вид на широкие просторы залива, справа был виден другой изгибающийся берег залива»[10].

В этом же году по материалам экспедиции в РАНИОН была организована выставка. На ней были представлены следующие материалы: пробы культурных слоев городищ; карты, чертежи, рисунки, эстампажи; географические карты и редкие издания из библиотеки им. В. И. Ленина и библиотеки ГИМа; архивные материалы – выписки из архива Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК); каталог древних карт; описи археологических памятников из Темрюкского музея и протоколы о разрушении и гибели памятников[11]. В план Коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов на 1927 г. была поставлена публикация материалов экспедиции 1926 г., а также подготовка к экспедиции 1927 г.

В 1927 г. экспедиция была проведена под руководством А. С. Башкирова, к ней присоединились студенты МГУ В. И. Чепелев, Е. В. Веймарн и И. П. Снегирев. Целью экспедиции было окончательное доследование юго-восточной части полуострова. Маршрут следования проходил от Анапы до станицы Таманской. Сохранились записи из полевой книжки одного из участников экспедиции, впоследствии известного крымского археолога Е. В. Веймарна. В ней сохранилась следующая запись от 8 августа: «Я участвовал в отряде, шедшем маршрутом Титаровская – Приморская, отрядом руководил Башкиров. Пройдя по косе, отделяющей Ахтанизовский лиман от озера Яновского, отправились по берегу озера к Фанагорийской сопке. По дороге до сопки мною было занесено на карту 21 курган отдельно и целый комплекс курганов идущих от сопки целой аллеей, насчитывающей в себе до 40 курганов. На сопке мною был сделан маленький доклад о работе топографической группы коллектива в 1927 г. Около 3 часов группа приступила к осмотру Фанагорийского городища и некрополя. Уже после заката отряд прибыл в коммуну Приморская»[12]. На следующий день, 9 августа, «вся работа была сосредоточена на фанагорийском городище, где был заложен зондаж на берегу Таманского залива в 700 м к западу от хутора Семеняки. По поручению Башкирова я вел дневник зондажа, который представлен отдельно (Среди материалов архива ГИМа он обнаружен не был — Е.З.). В районе Сенной курганы приобретают массовые комплексы (Вероятно, имеются в виду аллеи курганов — Е.З.), некоторые курганы размыты морем»[13].

В 1928 г. ГМИИ совместно с Коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов РАНИОН начал стационарно-археологическое

[9] Башкиров 1928, 38.
[10] Кобылина 1989, 13.
[11] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 144. Л. 144 об.
[12] НВА ГИМ. Ф.1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 100.
[13] НВА ГИМ. Ф.1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 103.

исследование в районе станции Сенной. Работа экспедиции явилась продолжением изысканий 1927 г. Можно предположить, что объединение усилий этих организаций было связано с тем, что РАНИОНу в 1928 г. были урезаны финансовые средства на Таманскую экспедицию[14].

Руководителем экспедиции был назначен Л. П. Харко, состав исследовательской группы остался неизменным. В этом году перед археологами стояла задача по изучению площади 114 кв. км в центральной части Таманского полуострова (Шимарданская бухта – Киммерийский вал, Тиздар – Пересыпь — Шимарданская бухта). В ходе работ была составлена археологическая карта указанного района, регистрирующая 629 археологических пунктов. Было также проведено геолого-археологическое исследование пограничных частей древнего «фанагорийского» острова. Удалось определить прохождение трех древних русел Кубани, деливших современный полуостров на два острова. Кроме того, на месте был проработан материал к карте прежних исследований, производившихся в данном районе с конца XVIII века до 1927 г. Масса подъемного материала, собранная на исследуемой территории, была отправлена в ГМИИ[15].

В октябре 1928 г. по материалам двухлетней работы в ГМИИ состоялась отчетная выставка Таманской экспедиции, приуроченная к XI годовщине Октябрьской революции[16]. На выставке был представлен картографический и чертежный материал, фотографии, рисунки и археологические находки.

В 1929 г. в производственный план Института археологии и искусствознания на 1930–1931 гг. были включены научно-исследовательские работы по изучению «рабовладельческих формаций Причерноморского и Прикаспийского бассейна». В частности, А. С. Башкировым должны были выполняться работы по «изучению культур эпохи античного капитала и феодального общества на территории Нижней Кубани и Таманского полуострова», а В. Д. Блаватскому было поручено «изучение культуры греческих колоний на основании археологического материала». Важно отметить, что руководство ГАИМКа было недовольно деятельностью Института археологии и искусствознания, так как «проведение РАНИОН работ без согласования с ГАИМКом дробит результаты исследований и приводит к перерасходу средств». Вместе с тем, в своей докладной записке Н. Я. Марр отмечал, что «неотложность выполнения работ на Таманском полуострове объясняется исключительным значением его археологических памятников, находящихся в чрезвычайно угрожаемом состоянии, вследствие действия грязевых сопок и моря, разрушающего городище и могильники одного их крупнейших центров античного поселения Причерноморья – Фанагории»[17]. Видимо, таким образом руководство ГАИМКа стремилось добиться объединения под своим руководством всех археологических работ на юге России.

Однако 1929 г. стал последним в истории существования РАНИОН. М. Н. Покровский, санкционировавший некогда ее создание, выступил с обличениями этого учреждения как «скопища старой реакционной профессуры»[18]. Он утверждал,

[14] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.
[15] ОР ГМИИ. Ф 5. Оп V. Д. 28. Л. 1.
[16] НА РО ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1-1928. Д. 177. Л. 3.
[17] ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.
[18] Формозов 2006, 52.

что готовы новые кадры, способные заменить старые, нанятые на время. Многих членов РАНИОН арестовали, в том числе А. С. Башкирова, а само учреждение было закрыто 1 октября 1929 г. Начинался сложный период в истории отечественной античной археологии, связанный с проблемой формирования мировоззрения ученых на базе марксистского понимания исторического процесса[19]. Именно события начала 1930-х гг. положили начало формированию принципиально нового, научного плана по изучению «столицы» Азиатского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Башкиров А. С. 1928: Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. III, 26–40.

Виноградов Ю. А. 2009: Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия. СПб., 248–401.

Кобылина М. М. 1989: Фанагория. М.

Кузнецов В. Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2, 5-15.

Медведева М. В., *Всевиов Л. М.*, *Мусин А. Е.*, *Тихонов И. Л.* 2009: Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия. СПб., 21-247.

Панкратова (Застрожнова) Е. Г. 2011: Археологическое изучение Фанагории в 20-х гг. XX в. // Археологические вести. 17, 347–352.

Платонова Н. И. 2010: История археологической мысли в России. СПб.

Тункина И. В. 2010: История изучения // Античное наследие Кубани. Т.1. М., 20-129.

Формозов А. А. 2006: Русские археологи в период тоталитаризма. М.

ARCHAEOLOGICAL-TOPOGRAPHIC HISTORY OF PHANAGORIAN STUDIES IN 1921–1929

Ye. G. Zastrozhnova

Phanagorian archaeological studies started as far back as over two centuries ago. Yet, the data concerning Phanagorian studies in the 1920-s remain unavailable to wide academic circles. The study of formerly unclaimed documents from the State Archive of the Russian Federation, science department archives of the State Historical Museum, and manuscript department of the Pushkin Museum of Fine Arts helped to obtain new data about Phanagorian archeological-topographic work sponsored by Russian association of social science research institutes.o

Key words: Phanagoria, historical study, archive materials, sources, excavation

[19] Платонова 2010, 23.

© 2013

Л. А. Голофаст, С. В. Ольховский

АМФОРНАЯ ТАРА ИЗ ПОДВОДНЫХ РАСКОПОК В АКВАТОРИИ ФАНАГОРИЙСКОЙ ГАВАНИ*

В статье представлена коллекция амфор, найденных в ходе подводных исследований в гавани Фанагории в 2010 и 2012 гг. Амфоры составляют так называемые амфорные скопления, образовавшиеся, скорее всего, в результате очистки кораблей от мусора и испорченной при перевозке части груза. За исключением нескольких амфор IV–VII вв., подавляющее большинство находок на рассматриваемых точках составляли амфоры т.н. причерноморского типа VIII–IX вв. Публикуемый материал лишен стратиграфических привязок и не может быть использован для хронологических наблюдений, но поможет понять, как функционировал фанагорийский порт, и будет использован для разработки типологии амфор из раскопок города.

Ключевые слова: подводные исследования амфоры причерноморского типа, порт

Первые масштабные подводно-археологические исследования в прилегающей к Фанагории акватории Таманского залива были проведены в 1958–1959 гг. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В. Д. Блаватского. В результате разведок акватории, раскопок участков береговой полосы и подводных шурфов были приблизительно определены границы затопленной части города и выявлены оказавшиеся под водой остатки культурных слоев IV–II вв. до н.э.[1] Кроме того, в результате визуального осмотра дна были локализованы 3 каменные гряды, которые В. Д. Блаватский определил как остатки забутовки оборонительных стен города (рис. 1).

В 1999 г. подводные археологические исследования были продолжены экспедицией ИА РАН под руководством В.Д. Кузнецова[2]. С 1999 по 2005 гг. проводились работы по приборной и визуальной разведке акватории, составлению батиметрической карты поверхности дна, раскопки ряда объектов. В 120 м от берега был выявлен и исследован т.н. «мол», расположенный по линии север-юг; осушен и раскопан в урезе воды фундамент здания IV в. до н.э. В ходе составления батиметрической карты затопленной части городища было установлено, что северная

Голофаст Лариса Алексеевна — научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Ольховский Сергей Валерьевич — научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail:ptakkon@yandex.ru

*Авторы глубоко признательны В. Д. Кузнецову за разрешение опубликовать материал.

[1] Блаватский, Кузищин 1961, 83; Блаватский 1961; Блаватский, Кошеленко 1963.

[2] Кузнецов, Латарцев, Латарцева, Амелькин 2003.

Рис. 1. Затопленный участок городища Фанагории.

граница затопленной прибрежной террасы отстоит от современного берега в среднем на 250 м.

В 2005–2011 гг. подводные работы были сконцентрированы на расчистке выявленного в 2004 г. ряжа с подходящей к нему с берега дорогой[3]. С 2010 года начались исследования акватории Таманского залива в районе предполагаемой гавани Фанагории. В ходе обследования, которое ведется путем протыкания верхних донных отложений щупом с шагом в 20–30 см, выявляются места скопления крупных фрагментов амфор (амфорные скопления[4]). Для их фиксации в центре скоплений устанавливается буек, координаты которого определяются с поверхности GPS-приемником.

Скопления, скорее всего, являются следствием очистки кораблей на рейде от мусора и испорченной при перевозке части груза. Находки происходят из 60-см слоя верхнего «кочующего» (или «перемещенного») ила. Часть амфорных фрагментов имеют следы окатанности, на некоторых заметны следы водорослимшанки, что указывает, по мнению океанологов, на продолжительное пребывание керамики в поверхностных слоях донных осадков. Кроме того, в результате длительного пребывания в морской воде изменился цвет глины и цвет включений. На внутренней поверхности и дне некоторых фрагментов сохранилась органика, в некоторых горлах — пробки из плотной темной массы: сосновой смолы с частичками коры этого дерева.

В 2010 г. для поиска возможного продолжения каменной кладки ряжа, лежащей по линии СВ-ЮЗ, в ее створе в мористом направлении на протяжении более 100 м было проведено обследование дна. В результате продолжение каменного завала не выявлено, но обнаружено скопление амфор (GPS-точка 3). Скопление находится на условной линии берегового свала — мористой части затопленной прибрежной террасы. Глубина залива в районе обнаружения амфорного скопления превышает 2,5 м.

Каталог амфор с GPS-точки 3

1. Фрагмент верхней части тулова амфоры типа Зеест-99[5] (класс 16 по херсонесской классификации 1995 г.[6]) предположительно критского производства с непрофилированным вертикально поставленным венчиком и овальными в сечении гладкими ручками (рис. 2, 1). Глина темно-бежевая у внешней поверхности и коричневая у внутренней, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими серыми и темно-красными включениями. По мнению А. Опайта, данные амфоры представляют собой поздний вариант критских амфор типа «amphore crétoise 1a» и датируются последней четвертью VI–VII вв.[7] А. В. Сазанов, основываясь на комплексах Тиритаки, Зенонова Херсонеса и Ятруса, считает, что они появляются во второй четверти VI в., и относит их к числу наиболее распространенных типов VI в. Последнее подтверждают комплексы Ильичевки и Тиритаки, где значительное количество их находок зафиксировано в слоях третьей четверти VI в.[8]

[3] Кузнецов, Латарцев, Колесников 2006; Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008.

[4] Понятие амфорного скопления подразумевает повышенную концентрацию керамических фрагментов в радиусе 10–15 м от условного центра.

[5] Зеест 1960, табл. XXXIX, 99а, б.

[6] Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 35–36, табл. 11, 68; 17.

[7] Opaiţ 2004, 24, pl. 15, 1–3.

[8] Сазанов 1989, 50.

Рис. 2. Амфоры с GPS-точки 3: 1 — амфора типа Зеест-99; 2, 3 — красноглиняные кругло-донные амфоры типа Opait B-Id.

2. Фрагмент тулова амфоры с перехватом (горло и дно отбиты). На верхней части тулова — крупная желобчатость. На плечике — основание ручки. Глина темно-коричневая, с мелким песком и пироксеном. Сохранность амфоры не позволяет дать более или менее узкую дату сосуда. Следует только отметить, что амфоры с перехватом, Зеест-103[9], широко распространенные в Северном и Восточном Причерноморье, производились в нескольких центрах Колхиды[10], хотя не исключается возможность их производства в Гераклее[11]. Время их бытования обычно ограничивают V–VII в. Однако они встречаются и в закрытых комплексах конца VII–VIII вв. в сочетании с амфорами с мелким зональным рифлением (подробно вопрос о верхней дате бытования амфор с перехватом рассматривает Л. Ю. Пономарев[12]).

3. Красноглиняная круглодонная амфора типа Opait B-Id[13] (тип 5 по херсонесской классификации[14]). Венчик небольшой, валикообразный, на внутренней стороне под венчиком — вогнутость (рис. 2, 3). Под венчиком прикреплена небольшая овальная в сечении ручка со слабо выраженным валиком на внешней поверхности. Нижний прилеп ручек на плечиках. На нижнем прилепе одной из ручек сбоку — пальцевое вдавление. Тулово — желудевидное, желобчатое: желобчатость усиливается на плечиках и почти сходит на нет в придонной части. Дно коническое в сечении. Глина оранжевая, с крупными красновато-коричневатыми включениями, плотная, хорошо отмученная. Поверхность — темно-темно-коричневая, следы светлого ангоба. Д. венчика — 6,4 см; Д. устья — 4,6 см; В. горла — ок. 6,5 см; В. тулова — 41,0 см; Нб. Д. тулова — 18,3,0 см; Ш. ручки — 2,8 см.

4. Фрагмент верхней части тулова амфоры типа Opait B-Id (тип 5 по херсонесской классификации) (рис. 2, 2). Венчик небольшой валикооразный; на внутренней стороне под венчиком — вогнутость. Под венчиком прикреплена небольшая ручка с двумя желобками на внешней поверхности. Нижний прилеп — ручек на плечиках. Верхняя часть тулова желобчатая. Глина красная с желтоватым оттенком (почти оранжевая), с крупными красновато-коричневатыми и редкими мелкими светлыми включениями, плотная, хорошо отмученная. В средней части тулова — следы светлого ангоба. Внутри местами сохранились остатки содержимого амфоры.

А. Опайт считает рассматриваемые амфоры поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип B-I), который бытовал с III по VII вв. включительно. Сменяющие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательной вытеснял «старый»[15], поэтому точно определить время появления того или иного варианта чрезвычайно трудно. А. Опайт отмечает, что в Западном Причерноморье поздний вариант (тип Opait B-1d) был особенно распространен во второй половине VI в., хотя появляется зна-

[9] Зеест 1960, табл. XL, 103.
[10] Внуков 2012.
[11] Opaiţ 2004, 32.
[12] Пономарев 2003, 269–270.
[13] Opaiţ 2004, 28–29.
[14] Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук 1971, 85.
[15] Opaiţ 2004, 27.

чительно раньше[16]. А. В. Сазанов датирует его появление второй четвертью VI в.[17] Однако вопрос о времени их появления пока следует считать открытым. Производили амфоры рассматриваемого типа и в Западном и в Северном Причерноморье, хотя мастерские по их производству пока не найдены. Судя по многочисленным находкам фрагментов аналогичных амфор в комплексах Херсонеса, публикуемые экземпляры относятся к продукции северо-причерноморских центров.

10 фрагментов принадлежали гладкостенным амфорам причерноморского типа с мелким зональным рифлением. Все амфоры принадлежат одному типу, характеризующемуся яйцевидным туловом, высоким расширяющимся книзу или цилиндрическим горлом со слегка отогнутым наружу треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью, срезанной с некоторым наклоном наружу или горизонтально. Диаметр венчика колеблется от 8,0 до 9,2 см, высота горла — от 9,0 до 12 см, диаметр тулова в самой широкой части — от 34,0 до 35,6 см.

5. Амфора причерноморского типа с яйцевидным туловом (дно утрачено) с легким перехватом в придонной части (рис. 3, 1). Горло расширяющееся книзу, высокое. Венчик слегка отогнут, треугольный в сечении с плоской верхней поверхностью, срезанной с небольшим наклоном наружу. Внутренняя сторона венчика ровная, без западины. Ручки подромбовидные в сечении. Еле заметное рифление украшает только горло и верхнюю часть тулова. Глина коричневая у внутренней поверхности и темно-коричневая у внешней, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими светлыми включениями. Д. венчика — 8,7 см; Д. устья — 7,0 см; В. горла — ок. 10,0 см; Нб. Д. тулова — 34,0 см; Ш. ручки — 3,3 см.

6. Амфора причерноморского типа с яйцевидным туловом с двумя поясами мелкого рифления на плечиках (рис. 3, 2). Горло цилиндрическое высокое. Венчик слегка отогнут, треугольный в сечении с плоской верхней поверхностью, срезанной с небольшим наклоном наружу. На внутренней стороне венчика имеется слабо выраженная западина. Ручки овальные в сечении с небольшим валиком между двумя неглубокими широкими желобками на внешней поверхности. На внутренней и внешней стороне хорошо виден стыковочный шов между горлом и туловом. Глина темно-красновато-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими темно-коричневыми включениями. Д. венчика — 8,0 см; Д. устья — 6,0 см; В. горла — ок. 10,7 см; Нб. Д. тулова — 34,0 см; Ш. ручки — 3,5 см.

7. Фрагмент верхней части амфоры с широким, слегка суживающимся книзу туловом с четырьмя поясами мелкого рифления на плечиках и верхней части тулова (Рис. 3, 3). Горло подцилиндрическое с расширением в нижней части. Венчик треугольный в сечении с плоско срезанной верхней поверхностью. Внутренняя сторона венчика ровная, без западины. Ручки овальные в сечении с валиком на внешней поверхности. Стыковочный шов между горлом и туловом виден как на внутренней, так и на внешней стороне сосуда. Глина темно-красная, плотная, хорошо отмученная, с мелкими темными включениями. Д. венчика — 9,2 см; Д. устья — 6,8 см; В. горла — ок. 12,0 см; Нб. Д. тулова — 34,0 см; Ш. ручки — 3,9 см.

8. Верхняя часть амфоры с широким суживающимся книзу туловом с тремя поясами мелкого рифления на плечиках (рис. 3, 4). Горло трапециевидное. Венчик слегка отогнут наружу, с плоской верхней поверхностью, срезанной с небольшим

[16] Opaiţ 2004, 29.
[17] Sazanov 2000, 124.

Рис. 3. Гладкостенные амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением с GPS-точки 3.

наклоном наружу. Внутренняя поверхность венчика ровная, без западины. Ручки овальные в сечении с легкой профилировкой на внешней поверхности. На внутренней стороне хорошо виден стыковочный шов между горлом и туловом, на внешней стороне он заметен, но хорошо заглажен. Глина темно-красная, плотная, хорошо отмученная, с мелкими темно-коричневыми и сероватыми включениями. Д. венчика — 9,0 см; Д. устья — 6,8 см; В. горла — ок. 10,0 см; Нб. Д. тулова — 35,6 см; Ш. ручки — 3,8 см.

9. Верхняя часть амфоры с широким суживающимся книзу туловом с четырьмя поясами мелкого рифления на плечиках и верхней части тулова (рис. 3, 5). Горло высокое цилиндрическое, с легким расширением в нижней части. Венчик слегка отогнут, треугольный в сечении с плоской верхней поверхностью, срезанной с небольшим наклоном наружу. На внутренней стороне венчика имеется слабо выраженная западина. Ручки овальные в сечении с двумя слабо выраженными валиками на внешней поверхности. На внутренней стороне хорошо виден стыковочный шов между горлом и туловом, на внешней стороне он заметен, но хорошо заглажен. Глина темно-красная, плотная, хорошо отмученная, с мелкими темно-коричневыми и сероватыми включениями. Д. венчика — 8,8 см; Д. устья — 7,0 см; В. горла — ок. 9,0 см; Нб. Д. тулова — 35,0 см; Ш. ручки — 3,7 см.

10–12. Там же найдено еще три фрагмента верхней части аналогичных амфор с мелким зональным рифлением на плечиках, слегка отогнутым треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью, срезанной с небольшим наклоном наружу и овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности. Глина амфор красновато-бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими коричневато-красными и цвета глины включениями; темно-серовато-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими светлыми и цвета глины включениями и темно-серовато-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мельчайшими светлыми и более крупными и редкими цвета глины (шамот?) включениями.

Кроме того, найдены 2 фрагмента нижней части амфор этого же типа с округлым дном с поясом неглубокого широкого рифления в придонной части. Глина фрагментов серовато-коричневая с темно-коричневым закалом, плотная, хорошо отмученная, с редкими темно-коричневыми и единичными блестящими черными включениями и темно-коричневая с темно-коричневато-серым закалом, плотная, хорошо отмученная, с редкими темно-коричневыми и мельчайшими светлыми включениями.

GPS-точка 1

GPS-точка 1 соответствует стратиграфическому шурфу, расположенному в 96 м к северо-востоку от каменного завала ряжевого комплекса (рис. 1). Площадь шурфа — 3 х 3 м.

Каталог амфор с GPS-точки 1

13. Амфора типа C Snp I-1 по Д. Кассаб Тезгер[18] (Opait E-I[19], Зеест-100[20]) с коротким расширяющимся книзу горлом с легкой желобчатостью и двухчастным

[18] Kassab Tezgör 2010, 128–129.
[19] Opaiţ 2004, 29–30.
[20] Зеест 1960, 120, табл. XXXIX, 100.

венчиком с вогнутой верхней поверхностью (рис. 4, 1)[21]. Ручки массивные, овальные в сечении, с валиком на внешней поверхности. Тулово морковкообразное, с едва заметным перехватом в средней части. Дно коническое в сечении. На стыке горла с туловом и с внешней, и с внутренней стороны виден шов. На внешней стороне нижней части тулова — неаккуратно выполненные желобки. На внутренней стороне — остатки темного покрытия, похожего на смолу. Глина темно-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темно-коричневыми и светлыми включениями. Д. венчика — 11,3 см; Д. устья — 7,4 см; В. — 88,4 см; Нб. Д. тулова — 37,0 см; Ш. ручки — 4,1 см.

14. Коническое донце амфоры типа C Snp I-1 по Д. Кассаб Тезгер (Opait E-I; Зеест-100). На внутренней поверхности — слой смолы. Глина красная, с редкими мелкими темными и цвета глины включениями.

По комплексам Демирджи, где были открыты печи по производству данного типа амфор, Д. Кассаб Тезгёр датировала их IV–V / началом VI вв.[22], к этому же времени относит их А. Опайт, который выделил 4 фазы бытования таких амфор[23], и А. В. Смокотина[24].

15. Верхняя часть амфоры с цилиндрическим гладким горлом, валикообразным, слегка отогнутым наружу венчиком и овальными в сечении широко расставленными ручками с валиком между двумя широкими желобками на внешней поверхности (рис. 4, 2). На верхней части сферического тулова у горла — пояс легкой желобчатости. В верхней части тулова виден стык между горлом и туловом. Глина сиреневато-коричневая, плотная, с редкими мелкими темно-коричневыми и светлыми включениями, а также мелкими частицами слюды. Поверхность амфоры шероховатая. Д. венчика — 6,3 см; Д. устья — 5,4 см; В. горла — ок. 8,0 см; Нб. Д. тулова — 29,0 см; Ш. ручки — 3,3 см. Ряд морфологических особенностей, глина, а также характер обработки поверхности, шероховатой в отличие от гладкостенных амфор причерноморского производства с очень хорошо заглаженной, как бы «замытой» поверхностью, позволяет предположить ее скорее средиземноморское происхождение.

16. Верхняя часть гладкостенной амфоры с мелким зональным рифлением с довольно высоким трапециевидным в сечении горлом с крупной желобчатостью и слегка отогнутым наружу треугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 4, 3). Ручки широко расставлены, овальные в сечении с ребром на внешней поверхности. На уровне нижнего прилепа ручек — пояс мелкого рифления. На внутренней стороне в нижней части горла хорошо виден стык между горлом и туловом, незаметный на внешней стороне. Глина темно-красновато-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными и светлыми включениями и мелкими частицами слюды. Д. венчика — 8,3 см; Д. устья — 8,4 см; В. горла — ок. 9,0 см; Ш. ручки — 3,3 см.

17. Верхняя часть тулова гладкостенной амфоры с мелким зональным рифлением с довольно высоким желобчатым горлом со слегка отогнутым треугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 4, 4). Ручки

[21] Амфора реставрирована Д. А. Лихтиным.
[22] Kassab Tezgör 2010, 132.
[23] Opaiţ 2004, 29–30.
[24] Смокотина 2011, 358.

Рис. 4. Амфоры с GPS-точки 1: 1 — амфора типа C Snp I-1 по Д. Кассаб Тезгер (Зеест-100); 2 — амфора VIII-IX вв. неизвестного центра; 3–5 — гладкостенные амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением.

подромобовидные в сечении. На сохранившейся части тулова — пояс мелкого рифления. На внутренней стороне в верхней части тулова хорошо виден стык между горлом и туловом, почти незаметный на внешней стороне. Глина красновато-бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями и мелкими частицами слюды. Д. венчика — 7,5 см; Д. устья — 7,4 см; В. горла — ок. 10,0 см; Ш. ручки — 3,6 см.

18. Верхняя часть тулова гладкостенной амфоры с мелким зональным рифлением с довольно высоким горлом (венчик сбит). Ручки подромбовидные в сечении, с ребром на внешней поверхности. На внутренней стороне в верхней части тулова хорошо виден стык между горлом и туловом. На внешней стороне горло как бы намазано на верхнюю часть тулова. На сохранившейся части тулова, на плечиках — два пояса мелкого рифления. Глина красновато-бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными и светлыми включениями, а также мелкими частицами слюды.

19. Фрагмент горла гладкостенной амфоры с мелким зональным рифлением с валикообразным венчиком с западиной на внутренней стороне. Ручки подромбовидные в сечении, с ребром на внешней поверхности. Внутри венчика сохранились остатки смоляной пробки. Глина красновато-бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями и мелкими частицами слюды.

20. Фрагмент нижней части гладкостенной амфоры с округлым дном (рис. 4, 5). Глина темно-коричневая, плотная, с мелкими и крупными темно-красновато-коричневыми включениями и мелкими частицами слюды.

21. Нижняя часть гладкостенной амфоры причерноморского типа с округлым дном (рис. 5, 4). Глина темно-коричневая, плотная, с мелкими и крупными темно-красновато-коричневыми включениями и мелкими частицами слюды.

22. Верхняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом, коротким расширяющимся кверху горлом, слегка отогнутым наружу округлым венчиком с западиной на внутренней поверхности (рис. 5, 1). Ручки овальные в сечении, со слабой профилировкой на внешней поверхности. На внутренней стороне в верхней части тулова хорошо виден стык горла с туловом, почти незаметный на внешней стороне. Внутри горла — пальцевое вдавление на уровне верхнего прилепа ручек. Внутри венчика сохранились остатки смоляной пробки. Глина красновато-желтая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды. Д. венчика — 8,4 см; Д. устья — 7,0 см; В. горла — ок. 7,0 см; Нб. Д. тулова — 17,8 см. Ш. ручки — 3,5 см.

23. Верхняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом (рис. 5, 2). Горло короткое, со слегка отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком, срезанным с некоторым наклоном наружу, желобком на верхней поверхности и слабо выраженной западиной на внутренней стороне. Ручки овальные в сечении, с валиком на внешней поверхности. На внутренней стороне в верхней части тулова хорошо виден стык между горлом и туловом. На внешней стороне горло как бы намазано на верхнюю часть тулова. Внутри венчика сохранились остатки смоляной пробки. Глина темно-серая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными и мельчайшими светлыми включениями, а также мелкими частицами слюды. Д. венчика — 6,4 см; Д. устья — 4,2 см; В. горла — ок. 6,3 см; Нб. Д. тулова — 23,0 см; Ш. ручки — 3,0 см.

Рис. 5. Амфоры с GPS-точки 1: 1–3, 5–7 — амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом; 4 — гладкостенная амфора причерноморского типа с мелким зональным рифлением.

24. Верхняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом, коротким горлом, слегка отогнутым наружу подтреугольным довольно массивным венчиком с закругленным краем, слабо выраженной вогнутостью на верхней грани и западиной на внутренней поверхности (рис. 5, 3). Ручки овальные в сечении: одна — с уплощенной внешней поверхностью, вторая — с ребром на внешней поверхности. На внутренней стороне в нижней части горла хорошо виден стык между горлом и туловом. На внешней стороне горло как бы намазано на верхнюю часть тулова. Внутри венчика сохранились остатки смоляной пробки. Глина темно-серая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями и мелкими частицами слюды. Д. венчика — 6,9 см; Д. устья — 4,2 см; В. горла — ок. 5,2 см; Нб. Д. тулова — 22,0 см. Ш. ручки — 3,2 см.

25. Нижняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом и округлым дном (рис. 5, 5) и 5 крупных фрагментов желобчатых стенок, вероятно, от той же амфоры. Глина красновато-желтая, очень грубая, с крупными светлыми, красновато-коричневыми и цвета глины включениями.

26. Нижняя часть тулова амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом и округлым желобчатым дном (рис. 5, 6). На внутренней и внешней сторонах хорошо виден стык между дном и туловом. Глина темно-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми и цвета глины включениями, а также мелкими частицами слюды.

27. Яйцевидное тулово амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом и округлым дном (рис. 5, 7). На внутренней и внешней сторонах хорошо виден стык между дном и туловом. На внутренней стороне подтеки смолы. На внешней — белое покрытие (?). Глина темно-коричневая у внешней поверхности и темно-красная у внутренней, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими темными и цвета глины включениями, а также мелкими частицами слюды. Нб. Д тулова — 24,9 см.

28. Нижняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом и округлым желобчатым дном (Б/рис.). На внутренней стороне хорошо виден стык между дном и туловом. Глина темно-красная, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими светлыми и темными включениями, а также мелкими частицами слюды.

GPS- точка 11

Точка соответствует амфорному скоплению, выявленному за краем свала затопленной прибрежной террасы. Выявленный радиус скопления — до 15 м от центра.

Каталог амфор с GPS-точки 11

28. Амфора LRA2[25] (Hayes-type 9[26]) с цилиндрическим горлом, заканчивающимся массивной воронкой с почти плоским краем, срезанным с некоторым наклоном наружу (рис. 6, 1)[27]. Ручки овальные в сечении, с двумя слабо выраженными валиками на внешней поверхности. Зона перехода от плечиков к тулову украшена поясом горизонтального глубокого рифления. Дно округлое (самая нижняя часть утрачена). Придонная часть украшена поясом более широкого и не

[25] Riley 1979, 217–218.
[26] Hayes 1992, 66.
[27] Амфора реставрирована Д. А. Лихтиным.

такого глубокого рифления. Глина темно-серая, плотная, очень хорошо отмученная, с редкими мелкими светлыми и единичными мелкими темными включениями, а также мелкими частицами слюды. Д. венчика — 12,8 см; Д. устья — 8,4 см; В. горла — ок. 12,0 см; б.Д. тулова — 36,0 см; В. — ок. 53,0 см; Ш. ручки — 3,7 см.

Дж. Хейс отмечает широкое распространение амфор этого типа в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V в.[28] Их производство, которое, по-видимому, закончилось к середине VII в., зафиксировано на Хиосе, Книде и в Арголиде[29]. Перевозили в них вино или масло, хотя в последнее время исследователи более склоняются в сторону масла как основного содержимого амфор данного типа[30]. Тип Пьери LRA2B[31]. Скорее всего, рассматриваемая амфора может быть отнесена ко времени до середины VI в. или до последней трети столетия, когда амфоры с коническим горлом, заканчивающимся воронкой, сменяют амфоры с более или менее цилиндрическим горлом со слабо выраженным воронковидным завершением или простым валикообразным венчиком[32].

29. Гладкостенная амфора причерноморского типа с яйцевидным туловом, коротким расширяющимся кверху горлом и округлым венчиком с западиной на внутренней стороне (рис. 6, 4). Ручки подромбовидного сечения с валиком на внешней поверхности. Дно и часть тулова утрачены. На внутренней стороне хорошо виден распложенный в верхней части тулова шов, соединяющий горло с туловом. Глина красновато-коричневая, плотная, очень хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими темными включениями и мелкими частицами слюды. Черепок очень хорошо обожжен. Д. венчика — 7,2 см; Д. устья — 4,8 см; В. горла — ок. 6,0 см; Нб. Д. тулова — 22,8 см; Ш. ручки — 3,0 см.

30. Верхняя часть гладкостенной амфоры причерноморского типа с высоким расширяющимся кверху и книзу горлом с массивным округлым венчиком с небольшой западиной на внутренней стороне (рис. 6, 2). Ручки овальные в сечении со слабо выраженным валиком на внешней поверхности. На внутренней стороне хорошо виден шов, соединяющий горло с туловом и расположенный в верхней части тулова. На внутренней и внешней поверхности горла — подтеки смолы. Горло амфоры было запечатано смолой, от которой сохранились пластины какого-то вещества, похожего на кору. Глина светло-коричневая, плотная, очень хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими темными включениями и мельчайшими частицами слюды. Черепок очень хорошо обожжен. Д. венчика — 7,0 см; Д. устья — 4,2 см; Ш. ручки — 3,1 см.

31. Нижняя часть расширяющего кверху тулова гладкостенной амфоры причерноморского типа с округлым дном с небольшим коническим выступом на нижней поверхности (рис. 6, 3). Глина красная, плотная, очень хорошо отмученная, с мелкими редкими светлыми и темными включениями, а также мелкими частицами слюды.

32. Яйцевидное тулово гладкостенной амфоры со слабо выраженной желобчатостью и округлым дном с небольшим полусферическим выступом на нижней

[28] Hayes 1992, 66.
[29] Opaiţ 2004, 11.
[30] Swan 2007, 255; Karagiorgou 2001, 148–149.
[31] Pieri 2005, 88.
[32] Pieri 2005, 88.

Рис. 6. Амфоры с GPS-точки 11: 1 — амфора типа LRA2; 2–4 — гладкостенные амфоры причерноморского типа.

поверхности (рис. 7, 4). Глина темно-бежевая, плотная, очень хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми и темными включениями, а также мелкими частицами слюды. Сохр. В. — 34,2 см; Нб. Д. тулова — 26,5 см.

Кроме того, найдено еще 4 фрагмента доньев амфор типа с МЗР.

33. Верхняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом, коротким расширяющимся кверху горлом и двухчастным венчиком (создается впечатление, что на внешнюю сторону венчика наложен дополнительный жгут глины) с западиной на внутренней стороне (рис. 7, 1). Ручки овальные в сечении, с валиком между двумя желобками на внешней поверхности. На внутренней стороне хорошо виден шов, соединяющий горло с туловом и распложенный на стыке горла и тулова; на внешней стороне шов расположен в верхней части тулова. Глина красновато-коричневая, плотная, очень хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими темными включениями и мельчайшими частицами слюды. Д. венчика — 7,2 см; Д. устья — 5,2 см; В. горла — ок. 6,0 см; Нб. Д. сохранившейся части тулова — 22,9 см; Ш. ручки — 3,7 см.

34. Верхняя часть амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом с коротким горлом, валикообразным, слегка отогнутым наружу венчиком, с вогнутой внутренней поверхностью и овальной в сечении ручкой с уплощенной внешней поверхностью (рис. 7, 2), а также фрагмент нижней части желобчатого тулова с округлым дном (рис. 7, 3) и 4 крупных фрагмента желобчатых стенок от этой же амфоры. Внутри на венчике сохранились остатки смоляной заливки. Глина красная с желтоватым оттенком, грубая, с многочисленными мелкими темно-красновато-коричневыми и более редкими и крупными светлыми включениями, а также немногочисленными мелкими частицами слюды. Д венчики и устья неопределим; Ш. ручки — 3,0 см.

Помимо амфор, на точке найдено 4 фрагмента керамид, в том числе 1 — VIII–IX вв. из красновато-коричневой, очень грубой глины с многочисленными крупными включениями шамота.

За исключением нескольких амфор IV–VII вв., подавляющее большинство находок на рассматриваемых точках составляли амфоры, за которыми по их производству в Таврике закрепилось общее название амфор причерноморского типа (историю возникновения термина см. монографию В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарева[33]).

Амфорам этого типа посвящено огромное количество работ, в которых рассматриваются все вопросы, касающиеся истории их изучения, происхождения, ареала, типологии, хронологии и проч., что освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этих вопросах.

Традиционно их разделяют на амфоры с мелким зональным рифлением (варианты 1 и 3 по А. Л. Якобсону)[34] и с бороздчатым или желобчатым туловом (вариант 2 по Якобсону)[35]. Многочисленные печи по их производству обнаружены в Крыму (выявлено свыше 35 гончарных центров[36]), откуда они вывозились далеко

[33] Зинько, Пономарев 2009, 35.

[34] Якобсон 1979, 29–32.

[35] Термин « гладкостенные амфоры с мелким зональным рифлением» достаточно условный, т.к. амфоры 1 и 3 вариантов представлены сосудами как с зонами врезного линейного орнамента, нанесенного мелким гребенчатым штампом, так и без него.

[36] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 53–79.

Рис. 7. Амфоры с GPS-точки 11: 1–3 — амфоры причерноморского типа с желобчатым туловом; 4 — гладкостенная амфора причерноморского типа.

за пределы полуострова, в том числе и на Тамань. Причем в некоторых центрах производились и желобчатые, и гладкостенные амфоры с мелким зональным рифлением. Этим, по-видимому, объясняется частая морфологическая схожесть их венчиков, ручек и других деталей. Об отсутствии значительных различий между вариантами писал еще выделивший их А. Л. Якобсон, который «наблюдал больше черт сходства» между ними[37]. С другой стороны, каждая из огромного числа мастерских выпускала продукцию, чем-то отличающуюся от изделий других центров; даже в пределах одного центра часто одновременно использовались различные технологические приемы и производились амфоры, отличающиеся друг от друга какими-то морфологическими характеристиками[38]. Этим объясняется довольно большое количество выделяемых исследователями типов и вариантов. Примером их большого разнообразия может служить рассматриваемая коллекция, в которой нет двух абсолютно одинаковых экземпляров.

Амфоры варианта 2, по А. Л. Якобсону[39], — это небольшие круглодонные сосуды с коротким горлом и хорошо выраженной желобчатостью на тулове. Венчики диаметром 6,5–8,8 см могли быть самой разной формы. Овальные в сечении ручки с продольным ребром на внешней поверхности и часто на боковых гранях верхним прилепом, как правило, прикреплены к внешней стороне венчика или непосредственно под ним.

Единого мнения по поводу времени их бытования нет. Называются разные даты их появления: VIII в.[40], вторая половина — конец VIII в.[41], первая половина — середина или вторая половина IX в.[42] Морфологически они схожи с ранневизантийскими круглодонными амфорами типа 5 по херсонесской классификации 1971 года[43] или, как считают некоторые исследователи[44], с т.н. амфорами с рифлением типа набегающей волны (LRA1 по Райли-1979[45]), которые, возможно, послужили образцом для амфор более позднего времени. Первые бытовали до VII в. включительно[46]; амфоры типа LRA1, возможно, исчезают только в VIII в.[47], а происходящие от них небольшие амфоры с перехватом производились до IX в. включительно. Возможно, отмеченные А. И. Айбабиным находки причерноморских амфор варианта 2 (к сожалению, рисунки в публикации отсутствуют) относятся к числу наиболее ранних[48]. При этом следует отметить, что в ходе относительно недавних исследований в Крыму удалось выделить последовательно сменявшие друг друга закрытые комплексы, среди которых более ранние содержали исключительно амфоры с МЗР, а более поздние — исключительно желобчатые амфоры варианта 2. Речь идет о святилище у с. Заветное, где выделены закрытые комплексы, содержавшие только амфоры с мелким зональным рифлением в сочетании с

[37] Якобсон 1979, 32.
[38] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 76; Зинько, Пономарев 2008, 422–423.
[39] Якобсон 1979, 31, рис. 13, 1–3.
[40] Якобсон 1979, 32; Айбабин 2000, 173.
[41] Зинько, Пономарев 2001, 148.
[42] Науменко 1997, 334.
[43] Антонова и др. 1971, 85, рис. 6.
[44] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 76; Нидзельницкая 2009; Чхаидзе 2005.
[45] Riley 1979, 212–216.
[46] Riley 1981, 116; Hayes 1992, 64.
[47] Sodini, Villeneuve 1992, 197.
[48] Айбабин 2000, 172, 173.

фрагментами амфор с перехватом, ойнохой баклинского типа и горшков салтовского облика, и более поздние комплексы, сформировавшиеся после перестройки святилища, в которых присутствовали только амфоры с бороздчатым туловом, кувшины с плоскими ручками и салтовские кухонные горшки[49]. Аналогичная картина наблюдается в Сугдее, где выявлены горизонты конца VII–VIII вв., содержавшие исключительно фрагменты амфор с мелким зональным рифлением в сочетании с амфорами с перехватом, и более поздние — с амфорами с желобчатым туловом и кувшинами с плоскими ручками[50]. Возможно, отсутствие желобчатых амфор в перечисленных комплексах с амфорами с мелким зональным рифлением объясняется тем, что они могли в них просто не попасть в силу их незначительного количества на рынке, т.к. пик их бытования, несомненно, приходится на вторую половину IX — первую половину X вв.[51] Однако они отсутствуют и в засыпи огромного херсонесского водохранилища, засыпанного в первой половине IX или даже в VIII в.[52]

Производство амфор варианта 2, по-видимому, прекратилось после гибели во второй четверти X в. многих городов и поселений Таврики[53] и более не возрождалось[54].

Среди амфор с мелким зональным рифлением выделяют два варианта, которые при идентичности горл отличаются друг от друга формой тулова: удлиненным суживающимся книзу у варианта 1[55] и сферическим у варианта 3[56].

Время бытования обоих вариантов обычно определяется в рамках VIII–XI вв. (список работ, в которых обосновывается указанная дата, приведен в статье В. Н. Зинько и Л. Пономарева[57]), т.е. одновременно с амфорами варианта 2. Более того, амфоры варианта 1 и 2 обжигались в одних и тех же печах в урочище Чабан-Куле, Канакской балке, у села Лучистое, в Мисхоре и на северной стороне Севастопольской бухты[58], хотя следует отметить, что исследователи выделяют в рассматриваемых гончарных центрах как печи, в которых обжигались исключительно гладкостенные амфоры, так и «более поздние» горны, в которых обжигались как амфоры с мелким зональным рифлением, так и амфоры с желобчатым туловом.

Следует подчеркнуть, что амфоры варианта 3 по Якобсону в VIII–IX вв. были широко распространены по всему Средиземноморью (типы 29, 32–42 по Дж. Хейсу[59]) и производились в многочисленных центрах, расположенных на островах Эгейского моря, на территории Турции, Северной Африки, Южной и Центральной Италии, и Испании[60]. Предлагаются и другие даты их бытования: ок. VII–VIII вв. (возможно, до середины IX в.)[61]. В западной литературе они известны под названием “Globular amphoras”. Образцом для них послужили амфоры переходно-

[49] Пономарев 2003, 271–273.
[50] Баранов, Майко, Джанов 1997, 40; Майко 2012.
[51] Зинько, Пономарев 2001, 149; Зинько, Пономарев 2008, 423.
[52] Седикова 1995.
[53] Баранов 1990, 152–153; Айбабин 1999, 227.
[54] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 77; Майко 2001, 118.
[55] Якобсон 1979, 29–30.
[56] Якобсон 1979, 32.
[57] Зинько, Пономарев 2008, 423.
[58] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 58–59, 61, 66, 69–70, рис. 10, 14, 15, 20, 31, 39.
[59] Hayes 1992, 71, fig. 23.
[60] Pieri 2005, 89, fig. 49; Vroom 2005, 61.
[61] Vroom 2005, 61.

го типа LR 2C по классификации Д. Пьери (тип 9 по Дж. Хейсу[62]), бытовавшие в последней трети VI — первой половине VII вв. Помимо похожей формы тулова, они имели аналогичное рассматриваемым амфорам мелкое горизонтальное или волнистое рифление на стенках[63].

В Северном Причерноморье наиболее ранние экземпляры рассматриваемых амфор найдены при раскопках раннесредневекового квартала в портовой части Сугдеи, в слое рубежа VII–VIII — первой половины VIII вв.[64], 2 целые амфоры со сферическим туловом варианта 3 найдены на Пастырском городище, прекратившем существование во второй половине VIII в.[65]. Что же касается верхней даты, то, скорее всего, в Северном Причерноморье, как и в средиземноморских центрах, они были распространены до IX в. включительно, хотя есть мнение, что они вышли из употребления еще раньше: уже к IX в.[66] Последнюю дату опровергает их присутствие в Саркеле, основанном в середине 30-х гг. IX в.[67] Кроме того, известны комплексы, в которых амфоры с мелким зональным рифлением находят вместе с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками, появление которых исследователи датируют серединой — второй половиной и даже концом IX в., а расцвет относят к X — первой половине XI в.[68] Так, в Керкинитиде в засыпи ямы, правда, сильно пострадавшей от перекопов, несколько амфор с мелким зональным рифлением найдены вместе с обломками кувшина с плоскими ручками[69]; в Тиритаке в культурном слое, заполнявшем раскопанные в 1935 году помещения I и II, многочисленные фрагменты амфор с мелким зональным рифлением были найдены вместе с амфорой с желобчатым туловом варианта 2 и фрагментами высокогорлых кувшинов с плоскими ручками[70], хотя не исключено, что отсутствие крупных фрагментов амфор с МЗР является показателем того, что они в данном контексте представляют «примесь снизу». Гладкостенная амфора с МЗР варианта 1 была выявлена в Херсонесе на поверхности засыпи склепа с монетами Романа I (920–944)[71]. Однако датировку этой находки тоже нельзя назвать бесспорной.

Не исключено, что при одновременном бытовании в пределах VIII–IX вв. на рынке сначала доминировали амфоры с мелким зональным рифлением, а затем амфоры с бороздчатым туловом (некоторые аргументы в пользу этого предположения приводятся в работе Паршиной и др.[72]). Смена доминирующего типа, по мнению ряда исследователей, в Юго-восточном Крыму и на Керченском полуострове происходит в районе середины IX в.[73]

В представленной коллекции амфор причерноморского типа уверенно доминируют гладкостенные амфоры с яйцевидным туловом, высоким расширяющим-

[62] Hayes 1992, 66.
[63] Pieri 2005, 88, pl. 27.
[64] Баранов, Майко, Джанов 1997, 40; Баранов, Майко 2000, 84, рис. 7.
[65] Приходнюк 2005, 63, рис. 95, 5; 96, 1, 2; фото 36, 2; 47, 1, 2.
[66] Нидзельницкая, Ильяшенко 2007, 197–198.
[67] Плетнева 1959, рис. 29, 5.
[68] Плетнева 1981, 74; Плетнева 2003, 175; Сазанов 1994, 47; Рыжов, Седикова 1999, 320; Зинько, Пономарев 2009, 54, 57.
[69] Кутайсов 1990, 27, рис. 5.
[70] Гайдукевич 1952, 51.
[71] Белов 1953, 254, рис. 26.
[72] Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 77.
[73] Зинько, Пономарев 2008, 423; Баранов, Майко 2000, 85; Майко 2000, 102.

ся книзу или цилиндрическим горлом со слегка отогнутым наружу треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью, в большинстве случаев срезанной с некоторым наклоном наружу или, реже, горизонтально (№№ 5–12, 16–18, 20). Большая их часть украшена зонами мелкого гребенчатого рифления. Амфоры этого варианта выпускали гончарные мастерские, обнаруженные на территории современной Большой Ялты[74].

Двумя фрагментами представлены амфоры причерноморского типа с вытянутым корпусом, расширяющимся кверху горлом и округлым венчиком с западиной на внутренней стороне из светло-коричневой или бежевой, плотной, очень хорошо отмученной и хорошо обожженной глины с немногочисленными мелкими темными включениями и мелкими частицами слюды (№№ 19, 29 и 30).

Среди амфор с желобчатым туловом можно выделить 4 варианта:

1. С коротким расширяющимся кверху горлом и двухчастным венчиком с западиной на внутренней стороне (боковой валик венчика сформован путем наложения на внешнюю сторону венчика дополнительного жгута глины (№ 33), с овальными в сечении ручками с валиком между двумя желобками на внешней поверхности. Глина красновато-коричневая, плотная, очень хорошо отмученная, с немногочисленными мелкими темными включениями и мельчайшими частицами слюды;

2. С коротким горлом со слегка отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком с западиной на внутренней стороне и овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (№№ 23 и 24). На внешней стороне обеих хорошо виден стык тулова с горлом, как бы намазанным на верхнюю часть тулова. Глина темно-серая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными и мельчайшими светлыми включениями, а также;

3. С коротким расширяющимся кверху горлом, слегка отогнутым наружу округлым венчиком с западиной на внутренней поверхности и овальными в сечении ручками со слабой профилировкой на внешней поверхности (№ 22). Глина красновато-желтая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды.

4. С коротким горлом, валикообразным, слегка отогнутым наружу венчиком с вогнутой внутренней поверхностью и овальными в сечении ручками с уплощенной внешней поверхностью (№ 34) из очень грубой красной с желтоватым оттенком глины с многочисленными мелкими темно-красновато-коричневыми и более редкими и крупными светлыми включениями, а также немногочисленными мелкими частицами слюды.

Амфоры из подводных раскопок, лишенные каких-либо стратиграфических привязок, не могут быть использованы для хронологических наблюдений, но в дальнейшем, с накоплением материала, собранного в акватории Таманского залива, помогут понять, как функционировал фанагорийский порт в разные периоды, и будут использованы для разработки типологии амфор из раскопок города.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
Айбабин А. И. 2000: Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. VII, 168–185.

[74] Баранов 1979, 116.

Антонова И. А., *Даниленко В. Н.*, *Ивашута Л. П.*, *Кадеев В. И.*, *Романчук А. И.* 1971: Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7, 81–101.

Баранов И. А. 1979: Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии. Свердловск, 112–118.

Баранов И. А. 1990: Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.

Баранов И. А., *Майко В. В.*, *Джанов А. В.* 1997: Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 38–45.

Баранов И. А., *Майко В. В.* 2000: Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины IX вв. // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. Тырново, 83–99.

Белов Г. Д. 1953: Западная оборонительная стена и некрополь возле нее // МИА. 34, 237–254.

Блаватский В. Д. 1961: Подводные раскопки древней Фанагории // СА. 1, 277–279.

Блаватский В. Д., *Кошеленко Г. А.* 1963: Открытие затонувшего мира. М.

Блаватский В. Д., *Кузищин В. И.* 1961: Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. 83, 136–138.

Внуков С. Ю. 2012: Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 4, 5–15.

Гайдукевич В. Ф. 1952: Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25.

Зеест И. Б. 1960: Керамическая тара Боспора // МИА. 83.

Зинько В. Н., *Пономарев Л. Ю.* 2001: Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 1, 147–158.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. 2008: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности юга России. М., 420–440.

Зинько В. Н., *Пономарев Л. Ю.* 2009: Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I // БИ. Suppl. 5.

Кузнецов В. Д., *Латарцев В. Н.*, *Латарцева Е. Е.*, *Амелькин А. О.* 2003: Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 6, 153–175.

Кузнецов В. Д., *Латарцев В. Н.*, *Колесников А. Б.* 2006: Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 9, 260–269.

Кузнецов В. Д., *Колесников А. Б.*, *Ольховский С. В.* 2008: Подводные исследования Фанагории // Фанагория. М., 40–49.

Кутайсов В. А. 1990: Античный город Керкинитида. Киев.

Майко В. В. 2000: Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. VII. Тырново, 101–123.

Майко В. В. 2001: К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор Юго-восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ, 118–122.

Майко В. В. 2012: Праболгарские памятники Юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. 5, 79–93.

Науменко В. Е. 1997: Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1, 324–340.

Нидзельницкая Л. Ю., *Ильяшенко С. М.* 2007: Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. 2, 193–214.

Нидзельницкая Л. Ю. 2009: Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V — начала IX вв. (по материалам донских музеев // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 257–282.

Паршина Е. А., Тесленко Б., Зеленко М. 2001: Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ, 52–81.

Плетнева С. А. 1981: Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С. А. 1959: Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 75. М.-Л., 212–272.

Плетнева С. А. 2003: Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв. М., 171–183.

Пономарев Л. Ю. 2003: Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. III. Симферополь, 264–282.

Приходнюк О. М. 2005: Пастирське городище. Київ;Чернівці.

Романчук А. И., *Сазанов А. В.*, *Седикова Л. В.* 1995: Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.

Рыжов С. Г., *Седикова Л. В.* 1999: Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. X, 312–329.

Сазанов А. В. 1989: О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 4, 41–60.

Сазанов А. В. 1994: К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 42–57.

Седикова Л. В. 1995: Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 2, 170–177.

Смокотина А. В. 2011: О хронологии амфор типа C Snp I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 355–360.

Чхаидзе В. Н. 2005: Раннесредневековые амфор из Фанагории // ДБ. 8, 443–464.

Якобсон А. Л. 1979: Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Hayes J. W. 1992: Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton.

Karagiorgou O. 2001: LR2: a Container for the Military annona on the Danubian Border? // Kingsley S., Decker M. (eds.). Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Sommerville College, Oxford 29th May, 1999. Oxford, 129–166.

Kassab Tezgör D. 2010: Typologie des amphores sinipéennes entre les IIe — IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de ’atelier amphorique de Demirci près de Sinope / D. Kassab Tezgör (ed.). Paris, 121–140.

Opaiţ A. 2004: Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th — 6th centuries AD). BAR International Series.

Pieri D. 2005: Le commerce du vin oriental à l’époque Byzantine (Ve — VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth.

Riley J. A. 1979: The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Tripoli, 112–236.

Riley J. A. 1981: The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI / J. H. Humphrey Ann Arbor, 86–124.

Sazanov A. 2000: Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe — troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique // Les sites archéologiques en Crimeé et au Caucase Durant l’antiquité tardive et le haut moyen-age / M. Kazanski, V. Soupault (eds.). Leiden; Boston; Köln, 123–149.

Sodini J.-P., Villeneuve E. 1992: Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance a l’Islam (VIIe — VIIIe siecles). Actes du colloque international. Damas, 195–217.

Swan V. 2007: Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // The transition to late antiquity on the Danube and beyond (Proceedings of the British Academy. 141) 251–280.

Vroom J. 2004: Late Antique Pottery, Settlement and Trade in the East Mediterranean: a Preliminary Comparison of Ceramics from Limyra (Lycia) and Boeotia // Recent Research on the Late Antique Countryside / W. Bowden, L. Lavan, C. Machado (eds.). Leiden; Boston, 281–331.

Vroom J. 2005: Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht.

AMPHORAE FROM UNDERWATER EXCAVATIONS IN THE HARBOUR OF PHANAGORIA

L. A. Golofast, S. V. Ol'khovskiy

The article presents the collection of amphorae that come from underwater excavations in the harbour of Phanagoria in 2010 and 2012 field seasons. Amphorae are more likely to be a part of accumulated debris due to the ships dumping their waste and spoiled goods into the water. Vessels span the period from the first centuries AD up to the 8th — 9th centuries AD with considerable prevalence of the 8th — 9th centuries ones that were manufactured on the Northern Black Sea littoral. The study and publication of these finds will contribute to a better understanding of some issues concerning the operation of the Phanagorian port and to the development of amphorae typology from the site excavations.

Key words: underwater study, Black Sea littoral amphorae, port

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2013

Т. Г. Шавырина

БРОНЗОВЫЙ МЕДАЛЬОН ИЗ ЖЕНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ № 27 (ВОСТОЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ФАНАГОРИИ)

Статья посвящена описанию ритуального предмета — бронзового медальона. На кольце медальона помещены изображения различных животных, выполненные в технике литья (кабан, бык, олень, змей, орёл). В религиозном мышлении древних греков животные и птицы отождествлялись с зооморфной сущностью богов, идущей от тотемов. Животные медальона раскрывают суть культа божеств земледельческого цикла, существующих в сложном единстве, связанного с представлением о жизненном цикле человека: рождение — жизнь — смерть.

Ключевые слова: герма, хтонические божества, некрополь, вотивы, артефакты, тотемы, синкретизм, зооморфизм

Как прекрасно, когда открывается единство целого комплекса явлений, которые при непосредственном восприятии кажутся совершенно независимыми друг от друга.

Альберт Эйнштейн

В 2003 г. на восточном некрополе Фанагории было исследовано женское захоронение № 27, совершенное в простую грунтовую могилу. Могильная яма зафиксирована на глубине 2,86 м от нулевого репера, длина 1,62 м, ширина 0,55 м. На дно могильной ямы были установлены деревянные носилки, на которые уложено тело женщины adultus, завернутое в войлок. Костяк лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях, голова ориентирована на север. Погребение ограблено в древности (плечевой пояс и кости рук разрушены). Скорченное или с элементами скорченности положение погребённого было распространено у греков, сарматов и меотов. Существует мнение, что такое положение связано не с этнической принадлежностью, а с определенными идеологическими представлениями, связанными с тотемическим культом и отождествлением производительных сил природы[1]. Инвентарь, состоящий из восьми артефактов, сосредоточен в области головы: краснолаковая тарелка с клеймом в виде стопы, в ней находился бронзо-

Шавырина Татьяна Георгиевна — доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского Университета Дружбы Народов. E-mail: tshavyrina@mail.ru

[1] Лапин 1966, 223–229.

вый браслет с шишечками по ободу, внутри каштан. На браслет уложен бронзовый нагрудный медальон. Рядом с тарелкой зафиксированы мелкие фрагменты серебряной фибулы, одна гешировая бусина и две крупные округлые из меловой породы, небольшая кучка мелких морских ракушек.

Погребение датируется первой половиной I в. н.э.

Смерть представлялась и представляется человеку как неизбежное зло, пугающее своей неминуемостью, что склоняло человека к смирению перед неизбежностью. Неминуемость смерти символизировал образ «Неумолимого» Аида «Адамаста», строго следящего за этим процессом (Hom. Il. 9.158). Греки имели определенное представление о смерти и пребывании человека в подземном мире, главным образом благодаря комедии Аристофана «Лягушки», в которой описано мрачное подземное царство, наполненное тенями умерших, ожидавших своей участи. Гомер в уста греческого героя, осаждавшего Трою, Ахилла, вкладывает такие слова: «Лучше быть последним человеком на земле, чем царствовать в Аиде» (Hom. Od. II. 489–491). Греческая поэтесса Сапфо (650 до н.э.) писала: «Смерть есть зло. Умирали бы и боги, если бы благом смерть была» (apud Aristot. Rhet. 1398b).

В бессилии перед смертью человек обращается к Богам, пытаясь с их помощью воздвигнуть шаткую защиту против смерти, и уже не смиряется перед ней, а в какой-то степени пытается отрицать смерть.

Рис. 1.

Общение бессмертной души человека с Богами происходит через посвятительные дары, которым является погребальный инвентарь. Бытовые предметы, служившие человеку при жизни и сопровождавшие его после смерти, приобретают охранительную магическую силу и становятся религиозными символами, отражающими определенные религиозные представления и верования человека, связанные с потусторонним миром. Понять языческую религию и объяснить ма-

гический смысл, заложенный в вотивных приношениях, без знания истории и мифологии трудно.

На рубеже веков, в период кризиса античного строя, старые языческие греческие верования продолжали почитаться, но стали переплетаться с новыми разнообразными религиозными верованиями, содержащимися в индоиранской и египетской религии. Происходит синкретизм культов. Мотивы переплетения свидетельствуют, что тема жизни и смерти продолжает оставаться центральной и отражает единство и общность во взглядах человека на продолжение жизни после смерти. В каждом мифе заложен объясняющий структуру человеческого мышления конкретный образ, ставший затем символом. Скрытый смысл символа несут в себе вотивные дары, анализируя которые, мы сталкиваемся с индивидуальным характером верований и часто не можем в достаточной степени объяснить символику культа, известную древним, но частично забытую сейчас, потому и скрытую от нас.

Каждый из восьми предметов вотивного набора несёт в себе определённую сакральную информацию, прослеживающуюся в греческих, индоиранских и египетских культах.

Рис. 2. Браслет бронзовый медальон

Посвятительные дары, кроме бронзового медальона, заключают в себе достаточно известный традиционный религиозный смысл, заложенный в них, поэтому подробно на этом останавливаться мы не будем. Детально будет проанализирована зооморфная символика, связанная с образами животных, расположенных на бронзовом медальоне.

Бусы обладают охранительной магической силой, являвшейся продолжением изображения глаза в египетском искусстве. Глаз как мифологический символ об-

ладает способностью видеть, оставаясь сам при этом невидимым. Глаз бога солнца Ра может и сам выступать как самостоятельный мифологический персонаж[2]. Мифологическим мотивом является похищение глаза у бога его соперником (Сет похищает глаз у Гора); последующее исцеление рассматривается как возрождение бога[3]. Круглая форма глаза становится солярным символом для всех предметов круглой формы[4].

Ракушки использовали для подсыпки дна могил меоты, сарматы и аланы — одно из сильнейших сарматских племен. Белые спиралеобразные раковины травяных съедобных улиток (turitella communis) считались символом возрождения: солнце и свет символизировал их белый цвет. Кости человека и раковины являются карбонатами кальция и имеют близкий химический состав. В этом сакральное назначение любых веществ, являющихся карбонатами кальция (яичная скорлупа, жемчуг, известняк, мрамор) — быть охраной и опорой. Ракушки охраняли душу умершего.

Браслет (диаметр 8,5 см) цельнометаллический, изготовлен из толстой бронзовой проволоки, украшен по ободу 11-ю шишечками. Подобные браслеты широко распространены в Северном Причерноморье в первые века нашей эры.

Каштан, согласно астрологии древесных знаков, символизирует борьбу за справедливость, а благодаря белым свечам своих цветов стал символом очищения[5]. Каштан положен в женское захоронение не случайно. Свойства древесных знаков в психологических качествах женщин выявляются в большей степени, нежели у мужчин. Каштан может определить психологический тип усопшей женщины на основании сроков нахождения Солнца в знаках по солнечному календарю. На современном этапе изучения древесной системы названия древесных знаков можно рассматривать лишь как символические. Тем не менее, об усопшей женщине можно сказать, что она родилась под знаком Тельца или Скорпиона[6].

Краснолаковая тарелка (диаметр 12 см) на невысоком кольцевом поддоне с вертикальным бортиком. Внутренняя поверхность тарелки орнаментирована круговым двойным пояском насечек, представлявших собой мелкие треугольные выемки. Внутри пояска врезаны четыре уменьшающиеся по размеру круга. Центр тарелки подчеркнут штампованным сигмообразным знаком, внутри которого штампованное изображение правой стопы в сандалии. Круглая форма тарелки, круговой поясок насечек, четыре врезанных круга подчёркивают её солярный символ. Мотив круга является солярным символом, отражает вечное движение солнца по небосклону в течение года, отмечая четыре времени года. Гелиос, Солнце, мчится по небу на четверке коней, ночью склоняется к западу, двигаясь к месту своего восхода. Число четыре символизирует солнце, связано с природой и божествами плодородия. Ритуальную символику усиливает сигмообразный знак и штамп в виде стопы. Сигмообразный знак мы склонны рассматривать как букву греческого алфавита сигму (σ). В этом случае сигма, по свидетельству Плутарха,

---

[2] Иванов 1987а, 306.
[3] Иванов 1987а, 307.
[4] Соломоник 1978, 6–9.
[5] Кагаров 1913, 285.
[6] Бендюрин 1991, 192–194.

может передавать общее понятие «одновременно совершать жертвоприношения»[7]. Фукидид сообщает, что на дорическом диалекте слово «Бог» звучит σιός и приравнивается к θεός (Thuc. 5.77), обозначая двух богинь: Деметру и Персефону[8]. По мнению Аристофана, существительное «конь с С-образным тавром» означает Деметру (Aristoph. Nub. 122) на основании мифа, в котором жеребец Посейдон покрыл кобылицу Деметру (Schol. in Lycophr. 153).

Рис. 3. Стопа

Знак стопы связан с представлениями древних о душе человека, находящейся, по их мнению, в стопе, что нашло отражение в гомеровском эпосе в виде мифологемы «ахиллесова пята»[9]. Среди многообразия поз погребенных встречается редкое положение, когда ноги согнуты в коленях и поставлены стопами на дно могильной ямы. Ритуал отражает контакт души усопшего с прародительницей Геей — Землей, почитавшейся как «великая обитель мертвых, погребаемых в землю»[10]. Связь с богиней осуществлялась через удар ногой по земле, отпечатавшейся в виде следа стопы, а стопа, обутая в сандалию, усиливала охранный знак-оберег[11]. Мать-земля Гея у греков являлась творцом природы, женщиной-матерью, продолжающей род. Захоронение человека являлось ритуальным действием возвращения его туда, откуда рождается всё живое. Отсюда представление о жизни и смерти как едином процессе, которое тесно переплелось с идеей плодородия, постепенно перейдя в веру о существовании умирающих и воскресающих богов. К ним относятся боги земледельческого культа, занимающие промежуточное положение между жизнью и смертью и соединяющие в конечном итоге жизнь и смерть. Ведь физическая смерть человека, по мнению греков, означала не конец жизни, а ее видоизменение в виде перехода в трансцендентный мир.

Образ богини земли Геи частично воплотился в Деметре и Персефоне — древних богинях хлебных злаков, бывших одновременно «владычицами преисподней», что подтверждается их общим эпитетом «Потнии» (Soph. O.C.1050; Aristoph. Thesm. 1149). Общность культа богинь, объединенных единой хтонической

[7] Дворецкий 1958, s.v. συγ-καθᾰγίζω.
[8] Дворецкий 1958, s.v. Θεά и Θεός.
[9] Довженко, Солтыс 1991, 117–120.
[10] Тахо-Годи 1987д, 300–301.
[11] Довженко, Солтыс 1991, 121–127.

сущностью, породила единую божественную субстанцию, их стали называть «Две богини» (τώ θεώ) или просто «Деметры» (Δημήτερες). Мать и дочь почитались в Элевсине как диада уходящих и возвращающихся божеств. Отсюда клятвенная формула женщин: νή (или μα′) τώ θεώ! — «клянусь обеими богинями». Знание мифа помогает понять суть языческих элевсинских мистерий, заключавшуюся в возвращении, хоть и временном, Персефоны на землю к матери, что означало победу Деметры над смертью, которая была залогом такой же победы и для людей. В связи с этим Деметра, по свидетельству Гесиода, стала называться «Несущая жизнь» (Hes. Theog. 693). Деметра олицетворяется с египетской богиней плодородия Исидой, часто выступая под ее именем — Исис[12]. Культ Деметры связан с культом Зевса, что нашло отражение в элевсинских мистериях, где ежегодно разыгрывалась мистическая сцена брака Зевса с его сестрой Деметрой. Основой для соединения этих культов послужило отождествление Зевса с дождем, необходимого для посевов, покровительницей которых являлась Деметра. Надежду на воскресение после смерти связывали с Зевсом ещё и потому, что его имя, согласно Платону (Plat. Crat. 396a), означает бога, «через которого всегда получают жизнь»[13]. К нему обращались как к личному покровителю, ведь он «Икетесий» — «заступник» всех просящих у него защиты при жизни и после смерти (Hom. Od. 13.213). Но люди напрасно надеялись на заступничество Зевса после смерти, ведь, по определению Гомера, он «Катахтоний» (Hom. Il. 9.457) и как «подземный», «преисподний» бог ассоциируется с «Неумолимым» Аидом «Адамастом».

Сын Зевса и Персефоны Дионис (по одному из вариантов мифа его родила Деметра) в элевсинских мистериях почитался совместно с богинями под культово-мистическими именами «Иакх» и «Иобакх»[14]. Данная триада растительных божеств в связи с развитием земледельческой религии, в основе которой лежала идея умирания и возрождения природы, соединились в единый образ, связанный с верой в бессмертие.

Нагрудный медальон представляет собой кольцо диаметром 10 см, изготовленное из толстой бронзовой слегка уплощенной проволоки дрота. Обод кольцевидного медальона украшают 22 шишечки, сгруппированные по три, итого 66 шишечек. В символике каждая деталь несёт какую-то мысль. Кольцевидная форма — это знак кольца, издревле считавшегося символом вечного движения жизни, что подтверждается числом три, символизирующим рождение, жизнь и смерть. Астрологическое число три отражает трехчленную вертикальную структуру вселенной: небо — земля — нижний мир. Трехчленные структуры существуют практически в каждой отдельной мифологии. Римская триада божеств Юпитер — Марс — Квирин сходна с аналогичной древнеиндийской структурой Митра — Варуна — Индра. У египтян это Исида, Гор и Осирис. В Северном Причерноморье (Горгиппия) известны манумиссии I века нашей эры, которых сообщается об освобождении рабов под защитой Зевса, Геи и Гелиоса (КБН. 1123, 1126). Кольцо — это круг, в котором заключена солярная символика. Тут прослеживается связь бога солнца Гелиоса с «Лучезарным светилом» Зевсом «Электо-

[12] Дворецкий 1958, s.v. Ἰσις.
[13] Лосев 1957, 96 и сл.
[14] Дворецкий 1958, s.v. Ἴακχος и Ἰό-βακχος.

ром», обладавшим солярными характеристиками, заимствованными у восточных солнечных божеств.

Герма. Через кольцо проходит герма, исполненная в технике ковки. Герма представляет собой четырехгранный стержень с головой Гермеса, являясь символическим знаком мужского начала бога, ведь первоначально Гермес был не богом, а тотемной силой фаллического каменного столба[15]. Черты бородатого лица тщательно проработаны. Голову обхватывает повязка. Руки переданы в виде четырехгранных отростков. В нижней части гермы обозначены половые органы с фаллом в возбужденном состоянии.

Животные. Греческие колонисты в конце VII-VI вв. до н.э. принесли в Северное Причерноморье культы своей родины, среди которых были культы, выраженные через символический образ животных. Практически все животные и птицы в религиозном мышлении древних греков отождествлялись с зооморфной сущностью богов, идущей от тотемов. Человек верил, что душа умершего перейдет в тотемное животное, в образе которого человек будет жить после смерти, отсюда связь животного с миром мертвых и возникновение обряда почитания бога с чертами животного и принесения жертвенного животного в честь умирающего и воскресающего бога. Зооморфные символы связаны, как правило, не с одним, а с несколькими богами, и в этом случае сложно определить, какого именно бога олицетворяют животные и птицы. В таких случаях, на наш взгляд, надо исходить из отправления культов тех богов, чьи хтонические функции проступают наиболее отчетливо и с которыми наиболее тесно связаны определенные животные и птицы. На рубеже веков зооморфная символика приобретает особенно глубокий смысл.

Животные, помещённые на кольцо медальона, выполнены в технике литья объемно и реалистично. Изображения четырех голов животных (кабан, бык (2), олень), одного пресмыкающегося (змей) и одной хищной птицы (орёл) приближают медальон к произведению изобразительного искусства звериного стиля. Расположенные по кругу животные окружают герму со всех сторон. Такое расположение неслучайно, ведь первоначально Гермес был богом скотоводства и покровительствовал животным. Вокруг фаллических столбов отправлялись местные доэллинские культы плодородия[16], связанные с увяданием и последующим возрождением природы. В этом смысле герма символизирует единство жизни и смерти, которые рассматриваются как единый процесс. По отношению к герме животные занимают строго определённые места. Ключевыми фигурами, на наш взгляд, являются орёл и олень.

Орёл. Хищная птица сидит на ободе кольца, упираясь когтистыми лапами на голову Гермеса. Голову орла венчает венок, представлявший собой уменьшенную копию кольцевидного медальона: кольцо с четырьмя тройными шишечками по ободу. Орёл в спокойном состоянии зорко смотрит вперёд, слегка приподнятые мощные крылья показывают, что он готов сражаться за свои интересы. Образ орла, имея тотемный характер, связан с культом предков и может выступать в качестве самостоятельного персонажа[17]. Как знаковый символ орла можно счи-

[15] Грейвс 1992, 14.1.
[16] Грейвс 1992, 15.1; 17.2.
[17] Иванов, Топоров 1988, 348.

тать одним из древнейших прообразов, присутствующих в мифологиях разных народов, не связанных между собой генетическим происхождением. Существуют образы одноголового, двухголового и трехголового орла. В образе одноголового орла соединена мужская и женская символика.

Мужская символика связана с религиозной верховной властью, которую в греческой мифологии олицетворяет **Зевс**, выступающий в образе одноголового орла[18]. В «Илиаде» орёл описан как «любимая птица Зевса» (Hom. Il. 24.310–311) на основании мифа, в котором орёл родился вместе с Зевсом, кормил его, охранял и предсказал победу в борьбе с гигантами и титанами[19]. Способность птицы подниматься в небе так высоко, как не может никакая другая птица, и оттуда молнией падать вниз, делают орла самым сильным среди птиц и приближают его к солнцу, ассоциируясь у древних народов с молнией и громом[20].

Зевс, отмеченный знаком орла, обладал заимствованными у восточных солнечных божеств солярными характеристиками, что подтверждает, по свидетельству Гомера, одно из значений его имени: «Дневное сияние неба»[21]. Зевс становится знаком огненной стихии, он «Электор» — «лучезарное светило»[22]. Гомер называет Зевса «Высший Промыслитель» (Hom. Il. 8.22, 17.339), что связывает его с космическим огнём и подтверждает существование Зевса Космического. Солярные характеристики являются второстепенными в культе Зевса, ему всегда подчинялись громы и молнии, он известен как «громовержец» (Hom. Il. 16.298) и «тучегонитель» (Hom. Il. 15.46 et al.). Жезл Зевса «Скипетрода»[23] ассоциируется с молнией и символизирует свет, пронизывающий тьму, под которой подразумевается смерть. Борьба «Громовержца» за преодоление смерти и возможность вернуть душ умерших к жизни на земле сопровождается плодоносящим дождём. О зевсовых ливнях упоминает Гомер (Hom. Il. 354; IV 30; V 672; XIV 54; XVI 297–300), отсюда отождествление Зевса, получившего эпитет «Дождит», с небом — источником дождя. Тут просматривается связь культа Зевса с культом Деметры и с Геей-Землей. Павсаний свидетельствует, что в Афинах была статуя Геи-земли, молящей Зевса пролиться дождём над пашнями (Paus. I 24, 3). Зевс почитался на Крите как бог тайных сил природы, его чтили как умирающего и воскресающего бога растительности, связанного с земной и водной стихиями. (Hes. Opp. 626). Вода и плодородие являются характерными чертами нижнего мира, они находят выражение в хтонических божествах плодородия.

Орел — символ бессмертия и олицетворение жизни. Душа усопшего, подобно птице, могла летать, поэтому ее в знаковой символике часто изображали в виде птицы. Орел, олицетворяя воздух, как следствие олицетворяет жизненное дыхание, т.е. душу (дух) усопшего. Неслучайно на консекрационных монетах, чеканившихся по поводу причисления умершего римского императора к сонму государственных богов, смерть императора изображалась вознесением его на небо на орле[24].

[18] Кагаров 1913, 271.
[19] Кагаров 1913, 271.
[20] Лосев 1987в, 464.
[21] Лосев 1987в, 463.
[22] Дворецкий 1958, s.v. ηλέκτωρ.
[23] Дворецкий 1958, s.v. σκίπων.
[24] Абрамзон 1995, 398.

Орёл связан с Зевсом как символ бессмертия, к богу обращались как к личному покровителю, надеясь при жизни на заступничество Зевса «спасителя», известного как «Сотер»[25], Зевса «Харидота» — «подателя радости» (Plut. Mor. 1048c) и Зевса «заступника» — «Икетесия» (Hom. Od. 13.213). Просящие у него защиты надеялись с его помощью обрести после смерти второе рождение, ведь, по мнению Платона, его имя означает бога, «через которого всегда получают жизнь» (Plat. Crat. 396a).

Латинское слово «aquilo», означающее северо-восточный ветер Аквилон, является производным от «aquila» — «орёл». Это неслучайно. В мифологии ветры связаны с солнцем, самыми популярными у греков были два ветра — Борей и Зефир, у римлян Аквилон и Фавоний. Ветры были связаны с природными циклами и, как следствие, с растительностью и плодородием[26]. От взмахов крыльев орла поднимался ветер, символизировавший смену сезонов. В период смены сезонов происходит ожесточенная борьба между наступающей весной и не желающей уступать зимой с ее особо сильными ветрами, дующими в феврале. Символическая борьба зимы и весны связана с солярным циклом и иллюстрирует кругообращение солнца, где его восход символизирует возрождение (жизнь), а заход — закат (смерть). Как солярный образ орёл расположен вверху зооморфной композиции и символизирует восходящее солнце, то есть возрождение[27]. В целом смысл символики заключается в победе весны (жизнь) в облике орла над зимой (смерть) в облике быка. Неслучайно орёл и бык расположены на медальоне соответственно.

Хтонический символ орла. Существует подземный, преисподний Зевс «Катахтоний» (Hom. Il. 9.457). Вергилий называет его Juppiter Stygius (Verg. Aen. 4.638), в этой функции он выступает как «адский», «зловещий», «смертоносный», «губительный» и ассоциируется с мрачным и невидимым богом преисподней Аидом (Soph. Aiax 606).

Зевс — «владыка и повелитель», «отец людей и богов» (Hes. Theog. 886, Hom. Il. 1.544), давал людям законы, строго следил за их исполнением. Постепенно ряд функций Зевс перекладывает на своих родственников, находившихся гораздо ближе к человеку, в основном на сестру-жену Деметру и сына Диониса. Орёл становится священной птицей Диониса «Загрея», который мог принимать облик орла[28].

Женская символика одноголового орла связана с женскими божествами плодородия, основными из них являются Деметра, Кора-Персефона, Кибела и Дионис.

Деметра. Стремление обеспечить урожай влекло за собой различные ритуалы земледельческой магии, где проявлялась магическая сторона культа Деметры «Хлои»[29], олицетворявшей появление «первых всходов», то есть рождение новой жизни. Отсюда связь Деметры с фригийской Кибелой, она, подобно «матери Богов» Кибеле, известна как «Богиня Мать» (Mater dea), регулировавшая зачатие женщин. Деметра часто выступает под именем древнеегипетской богини плодо-

[25] Дворецкий 1958, s.v. σωτήρ.
[26] Мейлах 1987, 241.
[27] Мейлах 1987, 240.
[28] Иванов, Топоров 1988, 347.
[29] Дворецкий 1958, s.v. Χλόη.

родия Исиды, чье имя звучит «Исис»[30]. Культ Деметры был соединен с культом Зевса «Дождита», основой послужило отождествление Зевса с небом — источником дождя, необходимого для посевов (Hes. Opp. 626). Единство культов подтверждается Элевсинскими мистериями, где ежегодно разыгрывалась мистическая сцена брака Зевса и Деметры. Деметра, связанная с природными циклами умирания и возрождения природы, одновременно стала ассоциироваться с жизнью и смертью, занимать промежуточное положение между ними, соединяя в конечном итоге жизнь и смерть. Деметра становится «владычицей подземного мира», она «тёмное» хтоническое божество — «Скотия»[31] и «Хтония»[32].

Персефона. Древняя богиня хлебных злаков связана с матерью единой хтонической сущностью. Диада богинь почитается вместе; как «две богини» — τώ θεώ они получили общий эпитет «Потнии» — «владычицы преисподней» (Soph. O.C. 1050; Aristoph.Thesm. 1149).

Дионис. Культ Диониса, больше известного под культово-мистическим именем «Иакх»[33], особенно почитался в Греции. Причиной популярности этого культа стало учение орфиков о Дионисе, согласно которому его под именем «Загрей» родила Персефона от Зевса (по другой версии мифа, разработанной Овидием, его родила Деметра). Отсюда связь Диониса с обеими богинями. Данная триада растительных божеств, соединившаяся в единый образ, почиталась в их общем храме в Элевсине, на Фронтоне которого была надпись: «Ничем жизнь не отличается от смерти». Основной концепцией элевсинской религии была идея возрождения через смерть: зерно во время сева «погребалось в землю», оно «возрождалось», когда созревал урожай. Этот вечный круговорот природы проецировался и на человека. Знание мифа позволяет понять суть языческих элевсинских мистерий, заключавшуюся в возвращении, хоть и временном, Персефоны на землю к матери, что означало победу над смертью, которая была залогом такой же победы и для людей. Персефону стали называть «Несущая жизнь» (Hes. Theog. 693).

Олень. Голова оленя с ветвистыми рогами расположена в основании Гермы, которое приходится между рогов животного. Уши имеют листовидную форму, ушные раковины тщательно проработаны. Чувственные ноздри близки к натуре. Глаза моделированы в виде накладного круга с маленьким накладным зрачком в центре.

Олень во многих мифологиях символизирует страстность и созидание. В этой связи местоположение головы оленя под обозначением фаллоса на Герме выбрано неслучайно и подчеркивает созидательную силу животного.

Олень — солнечное божество. В индоиранской символике олень с глубокой древности относится к солярному архетипу. Солнечные лучи символизирует треугольная форма полых и наполненных воздухом шерстинок оленьей шкуры. Рога оленя символизируют связанное с солнцем возрождение, основанное на ежегодной смене рогов животного. Ветвистые оленьи рога ассоциируются с небесными ярусами, отождествляясь с образом мирового дерева и являясь его вершиной. В этом смысле мифологический образ оленя, являясь знаковым символом, аллего-

[30] Дворецкий 1958, s.v. Ἶσις.
[31] Дворецкий 1958, s.v. σκοτία.
[32] Дворецкий 1958, s.v. χθόνιος.
[33] Дворецкий 1958, s.v. Ἰακχος.

рически перекликается с мифологическим образом орла. Неслучайно на медальоне олень и орёл расположены на одной вертикальной оси.

Олень — звездный символ. Солнце не просто движется по небу. В пределах двенадцатигодичного цикла солнце 12 раз вступает в контакт с определенными созвездиями, образуя так называемый «круг животных» — зодиак. На этом основании олень становится проводником из мира живых в звездный мир.

Египетская покровительница плодородия Исида в греко-римском варианте мифа почитается как создательница небесных светил. Неслучайно, после того как Исида восстановила и воскресила тело своего мужа Осириса, тот превращается в созвездие *Орион*. Осирис был приравнен к богу Ра и стал изображаться с солнечным диском на голове. В эллинистический период культ Осириса сливается с культом священного быка Аписа, и новый сложный образ бога получает имя Серапис, олицетворявший умирающую и воскресающую растительность. Этот же сюжет прослеживается и в греческой мифологии, где созвездие *Орион* связано с образами знаменитых охотников Актеона и Ориона.

Артемида. В греческой мифологии олень считался священным животным богини, о чем свидетельствуют ее эпитеты «Элафия» — «оленья»[34] и «Элафоидеа» — «оленеподобная»[35]. Актуализацией греческого мифа явились созвездия *Кассиопеи, Персея* и *Возничего.* Конфигурация этой триады напоминает оленя, головой обращенного в сторону движения. *Кассиопея* имеет форму оленьих рогов (оленьи самки не имеют рогов, только у канадского оленя карибу самка имеет рога). *Персей* похож на передние ноги животного, а *Возничий* напоминает заднюю часть туловища оленя. Функции богини Луны сближают Артемиду (Диану) с небом.

В архаическом прошлом Артемида была божеством плодородия, что подчеркивается эпитетом «Ортия» — «Всходящая», «Прямостоящая»[36]. В этой ипостаси ее культ сближается с культом Великой Матери Богов Кибелы. «Владычица зверей» (Hom. II. 21.470) Артемида должна защищать всех животных, сосущих молоко. Но охранные функции мало интересуют богиню. Известна Артемида «Агротера» — «охотница»[37] и Артемида «Тавропола» — «охотящаяся на быков»[38] — эпитеты, подчеркивающие ее функции охотницы. Артемида убивает и людей. От стрел Артемиды «Стрелометательницы» (Hom. II. 5.53 et al.) погибли два знаменитых греческих охотника — Актеон и Орион. Актеон погиб за попытку совершить насилие над богиней, за что был превращён в оленя, растерзанного собаками охотника[39]. Орион во время охоты влюбился в одну из семи сопровождавших богиню девочек-нимф Плеяд, за что и был убит. Боги превратили охотника Ориона в созвездие *Орион*, находящееся рядом с созвездием *Плеяд*.

Артемида вынуждена убивать. Эта программа заложена в самом имени богини, среди возможных вариантов этимологически неясного имени присутствует «убийца»[40]. В классическом варианте греческого мифа Артемида целомудренная

[34] Дворецкий 1958, s.v. ἐλᾰφα.
[35] Дворецкий 1958, s.v. ἐλᾰφο-ειδής.
[36] Дворецкий 1958, s.v. ὀρθία.
[37] Дворецкий 1958, s.v. ἀγροτέρα.
[38] Дворецкий 1958, s.v. ταυρο-πόλα.
[39] Тахо-Годи 1987а, 56; Грейвс 1992, 22.i.
[40] Тахо-Годи 1987б, 107–108.

богиня — она девственница и защитница целомудрия. Она отвергает брак и связанные с ним обязательства. Актеон был убит потому, что увидел в ней женщину. Артемида покровительствует юношам и девушкам, не достигшим брачного возраста, и тем, кто, дав обет служения ей, отказывается от брака. Нарушивших его Артемида жестоко наказывает. Она убила свою спутницу нимфу Каллисто за нарушение обета целомудрия и за любовь к ней Зевса, по этой же причине был убит Орион.

Известна и другая Артемида, которой поклонялись как оргиастической Афродите с мужским консортом, почитание ее сопровождалось фаллическими танцами, и здесь ее главным символом тоже выступает олень[41].

Многие народы, знакомые с греческим мифом, актуализировали его. У некоторых тюркских народностей созвездие *Орион* называется «оленья голова», или «вожак стада оленей». Согласно древним верованиям, народ саами называл созвездия *Кассиопеи, Персея и Возничего* «созвездие Лося» и считал, что опорой небесного свода являлась *Полярная Звезда,* всегда находящаяся на одном месте, поэтому она может служить постоянным ориентиром. Марийцы называют Полярную Звезду «оленья звезда», в чем и заключается символизм звезды.

Дионис связан с оленем на основании самого факта рождения, ведь он родился рогатым ребенком, без указания на конкретное животное[42]. Возможно, он родился оленем. Связь Диониса с оленем навлекала гибель на людей и животных. «Странствующий» по миру Дионис «Фойталиот» (AP 9.524.22) и его спутники, пребывая в состоянии экстаза, разрывали на куски встретившихся животных, в том числе и оленей. Животных съедали в сыром виде, за что Дионис получил эпитет «Сыроядный»[43] (AP 9.524.25). Сопротивлявшихся установлению его культа Дионис жестоко наказывал, выступая как «Бог топора» — таким его почитали в Фессалии. Жестокий и «кровожадный» Дионис «Оместес»[44] явился причиной гибели Леарха, сына своего спасителя царя Атаманта, в доме которого Рея спрятала внука от посягательств ревнивой Геры. Узнав об этом, Гера наслала на царя безумие, и тот убил собственного сына, приняв его за оленя. Дионис в облике оленя — это Леарх, убитый своим отцом[45]. Выступивший против вакхического неистовства фиванский царь Пенфей был растерзан собственной матерью — большой поклонницей вакханалий. Находясь в состоянии опьянения, она с помощью менад растерзала царя, приняв его за оленя[46]. В Беотийском городе Орхомене три царские дочери Миниады за отрицание культа Диониса были растерзаны оленем, в которого бог превратил сына одной из сестер[47].

Змей расположен под орлом справа. Змей в три витка обвивает не совсем ясный предмет. Свободный хвост нервно подрагивает, щитки, расположенные на голове впереди, слегка раздуты, змей пристальным немигающим взглядом смотрит вперед. Поза пресмыкающегося напоминает позу Змея, обвившегося вокруг

---

41 Грейвс 1992, 22.1.
42 Грейвс 1992, 27.2.
43 Дворецкий 1958, s.v. ὠμ-ηστής.
44 Дворецкий 1958, s.v. ὠμ-ηστής (значение 2).
45 Грейвс 1992, 27.a; 27. 2.
46 Грейвс 1992, 27.f ; Лосев 1987, 380–381.
47 Грейвс 1992, 27.g.

туловища древнеиранского мифологического персонажа Митры[48], выступающего как божество солнца («Яшт» X 44). Митру отождествляли с Зевсом (Юпитером), он, как и Зевс, «дающий жизнь» и выступает судьей над душами усопших («Яшт» X 142, 143). С Митрой связано культовое значение Змея как символа плодородия и мужского оплодотворяющего начала[49]. Змей-демиург Офион обвивался вокруг Мирового яйца, снесенного, не без его участия, богиней всего сущего Эвриномой, но высиженного им. Когда из яйца вышло всё, что существует на свете, Офион объявил себя творцом вселенной. Эврином не смогла с этим согласиться и изгнала Змея с Олимпа, загнав жить в подземелье. Миф отражает главенствующее положение женщины в древнейшие времена. Отцовство не признавалось, по мнению древних, зачатие могло произойти от ветра, а Офион являлся персонификацией северного ветра Борея. В греческом доэллинском мифе об Уране-небе и Гее-земле просматривается первичность женского начала, именно земли, а не неба. Мифологический мотив разъединения неба и земли заложен в сюжете мифа, где Гея, руководствуясь собственными замыслами, устраняет Урана, вступает в другие браки, рождает потомство.

Змеиный культ прослеживается в египетской и греческой (доэллинской) мифологиях. В египетской мифологии образ Змея отражает космогонические представления, в которых змея способна соединять и разъединять небо и землю. Небо и земля являются прародителями всего сущего, они неразделимы. Власть фараона на небе и на земле символизировало изображение священной кобры Урея, прикрепленное к головному убору фараона [50]. Способность змеи свертываться в кольцо, как бы кусающую свой хвост, отражает бесконечный круговорот Вселенной и вечное движение Солнца по небосклону, отмечая четыре времени года[51]. В этой функции Змей благодетелен, олицетворяет жизнь, выступает как защитник и спаситель всех живых и всех усопших. В греческой мифологии мудрость богини Афины воплощена в Змéе — носителе сокровенных знаний. Орфический гимн называет богиню «пестровидной змеёй» (Hymn. Orph. 32.11), Вергилий в «Энеиде» говорит о ней как о «покровительнице змей» (Verg. Aen. 2.225–227). Как пережиток тотемизма в культе Афины присутствует щит-эгида с головой змеевласой Медузы и Змея. Змей символизирует как женскую, так и мужскую производящую силу.

Женская производящая сила. Олицетворяя женское начало, Змея прежде всего связана с божествами плодородия. Греческая Гея-Земля олицетворяет землю и земные недра, то есть преисподнюю. Как божество плодородия Гея является супругой Неба и связана с дождём, которое посылает Небо для оплодотворения почвы. Деметра также считается матерью земли, оплодотворяемой Небом (зевсовы грозы); по свидетельству Гомера, её имя означает «земля-мать» (Hom. II V 499–501). Деметра «Хлоя» олицетворяет появление «первых всходов», то есть рождение новой жизни. Отсюда связь Деметры с фригийской «Богиней Матерью» Кибелой, регулировавшей зачатие женщин. Обе богини являются первоначалом

[48] Топоров 1988, 155.
[49] Иванов 1987б, 468.
[50] Иванов 1987б, 469
[51] Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 42–43.

жизни и матерью всего сущего, которое возвращается в конечном итоге в лоно земли.

В разных культурах, у разных народов встречаются изображения женщин-богинь со змеями. В скифо-иранской традиции известна богиня со змеиными ногами и двумя змеями, растущими из плеч[52]. В Древнем Египте в виде кобры, или с головой кобры изображались богиня плодородия и урожая зерна Рененутет и бог земли Геб. В крито-микенских мифах Афина считалась богиней плодородия и изображалась со змеями в руках[53]. У горгоны Медузы вместо волос извивались змеи. Древнейшее хтоническое божество Гекату изображали со змеями, факелами и клинками.

Способность змеи во время линьки сбрасывать кожу единым куском, выворачивая ее, как чулок, древние связывали с обновлением организма пресмыкающегося. У женщин обновление связано с определёнными циклами, происходящими в их организме. Женские циклы подчинены Луне. Символическое мышление древних связало лунную природу женского организма со змеей. Змея стала олицетворять женщину, а Луна становится «владыкой женщины». Луну никогда не почитали как луну. Люди поклонялись Луне во имя силы, сосредоточенной в ней. Будучи персонифицирована, в мифологиях древних народов Луна могла принимать образ Змея и вступать в отношения с женщинами. В Македонии культ змеи был государственной религией. Филипп II, видя, как рядом с его женой Олимпией в постели вытягивается змея, верил, что это Зевс в образе змея[54]. Мать римского императора Августа зачала его от объятий со Змеем в храме Аполлона, аналогичное предание связано со Сципионом Старшим.

Змея-Луна связана с плодородием земли, ведь посевы и урожай подчинены той периодичности, которой управляют фазы луны. Плодородие невозможно без воды, а вода, с ее приливами, отливами и дождем, подчинена Луне. Вода стала выступать как среда зачатия природы и как аналог материнского лона[55]. Покровительница материнства и деторождения Афродита связана с водой как с «влагой», увлажняющей лоно женщины во время определенных процессов, происходящих в ее организме[56]. Как вид жидкости вода олицетворяет материнскую кровь, неизбежную во время рождения ребёнка[57]. Присутствие Змеи-Луны в обрядах инициации связано с этой же символикой.

Таким образом, Змея, будучи эпифанией Луны, отражает разнообразные связи змеиного, лунного и фаллического культов, объединенных в общее понятие «плодородие».

Мужское оплодотворяющее начало Змея связано с Зевсом, вынужденным превратиться в Змея, пытаясь в его облике спрятаться от преследований своего отца Крона[58]. Миф отразил культовое значение Змея, символизирующего плодородие и мужское оплодотворяющее начало[59]. Зевс мог принимать облик «тво-

[52] Иванов 1987б, 469.
[53] Иванов 1987б, 468; Лосев 1987а, 126.
[54] Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 146.
[55] Аверинцев 1987, 240.
[56] Аверинцев 1987, 241.
[57] Аверинцев 1987, 240.
[58] Лосев 1987в, 463–464.
[59] Иванов 1987б, 468–469.

рящего дождь» Крона[60], неслучайно в мифе о Данае Зевс проникает к ней Змеем-искусителем в виде золотого дождя[61]. В сюжете мифа прослеживается тема оплодотворяющего начала.

Бог растительности Дионис с образом Змея связан по праву рождения. Он родился зимой в образе рогатого Змея, отсюда его змеиные кудри и змеиный венец — символ подземного Бога[62]. В архаическом варианте мифа родителями Диониса считаются Зевс Критский и Персефона (до похищения ее богом подземного царства Аидом). Миф умалчивает, был ли это законный, но тайный брак или просто любовная связь. Зевс принял облик рогатого Змея, отчего ребенок родился рогатым и назван «Загрей», что означает «Рогатый»[63]. Греческий поэт Нонна (V в. до н.э.) пишет: «О, Персефона-дева … справишь ты свадьбу с драконом, ибо, лицо изменив, сам Зевс, в переменах искусный, мужем проник, извиваясь как змей…» (Nonn. Dion. 6.155–158, пер. Д. С. Недовича). В эллинистическое время культ Диониса «Загрея» стал сливаться с культом фригийского божества Сабазия, чьим священным животным считалась Змея. Со змеями Дионис связан и через Деметру, которая часто изображалась в сопровождении змей или на колеснице, запряженной драконами, что напоминает о том, что в архаический период Деметра считалась подземной богиней.

Хтоническая сущность Змея. Змей может символизировать зло и опасное начало[64]. В индоиранской мифологии бог войны и грозы Индра убивает демонического Змея — Дракона. Культурный греческий герой Геракл побеждает лернейскую гидру, обладательницу 9-ти змеиных голов. Змей тут выступает как представитель нижнего (подземного) мира. Неслучайно фиванский некрополь в Египте охраняет «любящая молчание» змеиная богиня Меритсегер. Кибела и Деметра вместе с Гекатой и Персефоной являются «владычицами» подземного мира, их называют «Потнии» (Soph. OC 1050, Aristoph. Thesm. 1149). Подземным богам в качестве жертвенной пищи клали в могилы медовые лепёшки. Медовыми лепёшками кормили Змей, содержащихся при храмах, что делает их хтоническими животными, олицетворявшими души усопших. Бронзовые браслеты и бронзовые поясные пряжки часто украшались поперечными насечками или бугорками, имитирующими структуру кожи змеи и рисунок на ней. На разъемные концы браслетов и язычки пряжек расплющивали, имитируя хвост и голову, что вместе с орнаментом создавало образ Змея.

Мистерии особенно популярны в первые века нашей эры, что объясняется сложными процессами, происходившими в обществе в результате переплетения греческих и восточных мифологических представлений. В кастах заклинателей Змей змеи выступали как символы охраны тайн и мистерий. Самые известные мистерии связаны с Дионисом — это «Великие Дионисии», «Ленеи» и «Анфестерии» (Herod. Hist. IV, 78–80). Праздники первоначально были простыми и веселыми, в них прослеживались следы аграрной магии. Со временем, веселые карнавалы приняли оргиастический характер, возможно, это связано с мифом о

[60] Грейвс 1992, 30.3; 129.2.
[61] Тахо-Годи 1987е, 351.
[62] Грейвс 1992, 27а; 27.4; 30.3.
[63] Грейвс 1992, 129.2.
[64] Иванов 1987б, 470.

Дионисе. Гера, не сумевшая с помощью титанов погубить младенца Диониса, предпринимает вторую попытку, наслав на него безумие. Великая фригийская богиня Кибела излечивает Диониса, попутно посвящая его в таинства своих оргиастических мистерий. Во фригийских обрядах, связанных с Дионисом, большую роль играл фаллос как символ производительной мощи. Известны древние культовые изображения Диониса в виде столба без рук, вместо лица была бородатая маска, фаллос изображали в возбуждённом состоянии. Отсюда фаллические процессии, сопровождаемые сексуальным разгулом. В мистериях могли принимать участие только женщины, славящие «гудящего», «поющего» Диониса «Бромия»[65] и Диониса «Ленея»[66], «освобождающего» людей от мирских забот и тягот быта. Магическая сторона мистерий содержалась в полной секретности, по всей видимости, в них проявлялась хтоническая сторона культа Диониса «Владычицы», культа Диониса «Потниады»[67]: вплетали в волосы змей, обвивали ими шею, в руках у них были тирсы, увитые плющом и еловыми шишками. Безумствующие «бассариды», славя Диониса «Бассарея» [68], жевали мухомор и зародыши ржи рогатой (Cornutu Secale), вызывающие галлюцинации и усиливающие сексуальную потенцию. Вакханалии, сопровождаемые насилием, иногда убийствами, приняли такой размах, что в 186 году до н.э. римский сенат принял постановление против подобных мероприятий, но полностью искоренить их так и не удалось.

В качестве заключения мы можем высказать предположение, что Змей символизирует Диониса и связанные с ним мистерии. Такой вывод, на наш взгляд, вытекает из позы Змея, сходной с позой Змея — демиурга Офиона. В мифе об Офионе и в мистериях, посвященных Дионису, главенствующую роль играли женщины.

Кабан помещен под орлом слева. Кабан изображен с подогнутыми ногами, уши имеют подтреугольную форму, пятачок выполнен близко к натуре. Голова животного тщательно проработана, что связано, по всей видимости, с тем, что голова кабана символизирует здоровье и хранит от опасностей. Задняя часть туловища животного украшена мощным отростком — клыком. В результате изображение кабана утрачивает свой реалистический облик и наделяется фантастическими чертами. Дикий кабан, наряду с оленем, входил в традиционный набор жертвенных животных.

Кабан — символ военной мощи. В древнем Иране кабан связан с богом войны, в Египте свинья была священным животным Сета, олицетворявшим злое начало. Особое место в мистериях занимает борьба Сета с Богом Дня Гором, когда он вырывает у Гора глаз и проглатывает его. В греко-римской традиции кабан посвящен богу войны Аресу (Марсу). По всей видимости, клык на спине животного должен усилить его военную силу, олицетворяя в данном случае зло.

Хтоническая сущность кабана. Символизируя зло, кабан символизирует смерть. Этот мотив прослеживается в мифе об олицетворявшем жизненную силу финикийском божестве Адонисе, задранном клыками вепря, зооморфный образ которого принял Арес, по другому варианту мифа это был Аполлон

---

[65] Дворецкий 1958, s.v. Βρόμιος.
[66] Дворецкий 1958, s.v. Ληναῖος.
[67] Дворецкий 1958, s.v. Ποτνιάς.
[68] Дворецкий 1958, s.v. βασσᾰρίς = βάκχη.

«Стрелометатель»[69]. Аналогичную судьбу разделил фригийское божество природы Аттис, миф о котором аналогичен мифу об Адонисе. Мстительная богиня Артемида отомстила царю Калидона Ойнею при помощи своего священного животного вепря, который стал «…Дианы слуга и ее оскорбления мститель» (Ov. Met. 8.272, пер. С. В. Шервинского).

Свинья сыграла отрицательную роль в эпизоде поисков Деметры дочери Персефоны. Овидий пишет: «… дальше идет, на следы девичьей ступни нападает, и отпечаток родной видит на почве она. Может быть, тут и конец её наступил бы блужданью, ежели свиньи кругом не истоптали бы всё…» (Ov. Fast. 4.463–466, пер. Ф. А. Петровского).

Как воплощение духа предков, свинья считалась священным животным богини смерти Гекаты и сама олицетворяла смерть[70]. Жена Аида Персефона становится «Гепайной» — «грозной» и «страшной» богиней подземного мира[71], сливаясь с образом богини подземного мира Гекатой, что делает свинью и ее животным.

Солярный символ кабана. Щетинки на шкуре животного древние ассоциировали с лучами солнца, что делает кабана солнечным символом. Солярная символика основана на движении солнца в течение года, где закат солнца символизирует умирание, а восход символизирует возрождение. Солнечные лучи дают жизнь всему живому, олицетворяя плодородие земли и утверждая жизнь. Мотив победы над смертью прослеживается в мифах о победе Геракла над Эриманфским вепрем и победе Мелеагра над Калидонским вепрем.

Мужской принцип кабана. Солярный символ кабана чаще олицетворяет мужской принцип[72]. Свинья представлялась древним как дух полей, что связывало животное с такими божествами природы, как Адонис, Аттис и Дионис[73].

Хтоническая сторона культа Диониса связана с богинями подземного мира Персефоной и Деметрой. Неразрывная связь «подземных» богинь подчеркивается общим определением «Хтонии»[74], подтверждена мифологически и отражает зарождающуюся веру в загробную жизнь, связанную с противопоставлением жизни и смерти. Олицетворением диады богинь являлась белая свинья, пожирающая трупы, она же стала олицетворять и Диониса.

Женская производящая сила свиньи связана с Деметрой. Наиболее близкой культу «Матери хлеба» Деметры была домашняя свинья, которая, взрыхляя землю клыками в поисках корма, как бы производила вспашку, поэтому связывалась с пахотой земли и считалась воплощением духа полей[75]. Древние греки вспашку земли и заклад в неё зерна сравнивали с сексуальным актом, дающим начало новой жизни (Hes. Theog. 969–974). Согласно одному малоизвестному варианту орфического мифа, именно свиньи, провалившиеся вместе со свинопасом Эвбулеем в образовавшийся провал во время похищения Персефоны[76], указали Деме-

[69] Грейвс 1992, 18.i, j; 126.a.
[70] Грейвс 1992, 170.5.
[71] Дворецкий 1958, s.v. ἐπαινή.
[72] Кагаров 1913, 269.
[73] Кагаров 1913, 269.
[74] Дворецкий 1958, s.v. χθόνιοι.
[75] Грейвс 1992, 24.7; Томпсон 1958, 217–218.
[76] Грейвс 1992, 24.f.

тре место нахождения дочери[77]. Эвбулей неслучайно был первым, кто узнал об участи Персефоны, ведь слово «свинопас» в древнеевропейских мифах означало «прорицатель»[78]. Белая свинья, пожирающая трупы, стала олицетворять Деметру. Во время Фесмофорий в честь богини в пропасть сбрасывали живых свиней, а их разложившимися останками удобряли посевное зерно[79].

Клыки вепря похожи на лунный серп. Вепри стали символизировать Луну и связанную с ней женскую природу, стали священными животными лунных богинь[80]. Архаический Дионис подчинялся Луне — богине Семеле[81] и во время ее оргий, в которых принимали участие исключительно женщины, был обречен на гибель[82]. Жрец призывал Семелу явиться из «омфала» в сопровождении «духа весны», которым был юный Дионис (Pind. fr.75.3; Plut. Quaest. Gr.12). Фригийское имя матери Диониса, смертной женщины Семелы, означает «земля»[83]. Став взрослым, Дионис сумел с помощью Персефоны, одно из имен которой было Семела[84], забрать мать из Аида[85], и она под новым именем «Фиона» стала бессмертной обитательницей Олимпа.

Магические и **пророческие способности кабана**. Жизненная сила животного сосредоточена в его ушах, их использовали для исполнения религиозных обрядов. В искупительно-очистительных ритуалах, связанных с кровной местью, с проблемой вины, употребляли кровь поросёнка. Сын троянского героя Агамемнона Орест по настоянию Аполлона обязан был убить собственную мать за то, что она лишила его отца. Владевшая искусством колдовства Цирцея, жившая на острове Эя, превратила в свиней спутников Одиссея. Смысл мифа заключается в том, что имя «Цирцея» означает «богиня смерти», название острова «Эя» означает остров «мертвых», а люди, превращенные в свиней, — это просто тени умерших[86]. Мифический свинопас Эвбулей неслучайно провалился в преисподнюю, ведь он «прорицатель» и связан со свиньей — оракулом Форкидой, пожирающей трупы[87]. В римской мифологии Форкида известна как божество смерти под именем «Орк», доставлявшая тени людей в подземный мир. «Орк» может обозначать «подземное царство» и саму «смерть»[88], в этом смысле он тождествен греческому Аиду и римскому Плутону.

Образ кабана сочетает в себе положительные и демонические свойства, он принадлежит к верхнему и нижнему миру**.**

Бык. Головы двух быков симметрично расположены друг против друга, справа и слева от Гермы. Голова быка считается самой важной частью туловища, она вместилище мозга, являвшегося источником жизненной силы животного. Неслучайно из черепов делали кубки, пьющие из них как бы вливали в себя жизненную

[77] Грейвс 1992, 24.7; Ростовцев 1913, 360.
[78] Грейвс 1992, 24.7; 96.2.
[79] Грейвс 1992, 24.7; 74.4; 96.2.
[80] Грейвс 1992, 126.1.
[81] Грейвс 1992, 14.5; 27.2.
[82] Грейвс 1992, 27.2.
[83] Ярхо 1988, 425.
[84] Грейвс 1992, 27.10.
[85] Грейвс 1992, 27.k.
[86] Грейвс 1992, 170.5.
[87] Грейвс 1992, 24.7; 74.4; 96.2.
[88] Дворецкий 1976, s.v. Orcus.

мощь животного. В греческой мифологии был очень силён сексуальный символизм быка, что подтверждается обрядами, носящими оргиастический характер, с участием быков в честь Диониса «Тавра». Расположение бычьих голов на уровне фалла Гермы подчеркивает сексуальный символизм животного.

Бык I. Голова быка расположена справа от Гермы. Выразительные глаза моделированы в виде накладного круга с накладным выпуклым зрачком. Подтреугольной формы уши тщательно проработаны. Ноздри выполнены близко к натуре. Широкая фронтальная поверхность, как наиболее значимая часть головы, орнаментирована беспорядочно нанесенными справа налево мельчайшими треугольными выемками-насечками, передающими, по всей видимости, шерсть быка, чем подчеркивается его реалистический облик. Рога животного накладные, вылиты из одного жгута, концы округло подняты вверх.

Олицетворение женщины. Округлые рога, образуя полукруг, напоминают лунный серп. Если полукруг завершить, то образуется круг, означающий знак полной луны. Символическое мышление древних связало форму рогов быка с луной, сделав его лунным животным. Женский организм подчинён определённым фазам луны, бык становится женским символом лунного серпа. Способность женщины зачать, по мнению древних, зависела от лунного быка. Во время полной фазы луна подпитывает обильное семя быка, что способствует зарождению новой жизни. Диодор Сицилийский сообщает, что неспособные зачать египетские женщины обнажались перед изображениями божества плодородия в образе чёрного быка Аписа. На быке ездят древнесемитская покровительница оплодотворяющей силы природы, богиня брака и любви Астарта, отождествлявшаяся с греческой Афродитой, и доэллинское божество земледелия Европа, похищенная позднее Зевсом в образе быка. Бык связан с египетской богиней плодородия Исидой, изображавшейся в виде коровы или женщины с коровьими рогами[89]. Образ быка через Исиду связан с Деметрой. В греческой традиции в образе белоснежной коровы выступает жена Зевса Гера[90]. На ее связь с животным указывает эпитет «волоокая» (Hom.II. I 568 след.). Геру в Аргосе почитали в виде коровы (Eur. EL. 171 след.), в жертву ей приносили белоснежных коров (Sen. Agam. 352). В женской ипостаси бык символизирует укрощение мужского начала.

Бык II. Голова быка расположена слева от Гермы. Форма головы Быка II повторяет форму головы Быка I, отличаясь лишь более узкой лобной частью и формой рогов. Накладные длинные извилистые рога выполнены из одного жгута. В основании рога сложены таким образом, что правый заходит за левый рог, а левый за правый, создавая впечатление, что рогов четыре. В месте переплетения рогов образовалось маленькое округлое сквозное отверстие.

Мужской принцип быка. Извилистые рога можно рассматривать как солнечные лучи, которые в «Ригведе» сравниваются с быками (V, 69: I). В греческой мифологии образ быка, идущий от тотемов, связан с Зевсом. Солнечные лучи могут характеризовать Зевса как «бога ясного неба»[91], являющегося источником тепла и света, дающие жизнь. Солнечные лучи — это еще и молнии Зевса, символизирующие грозу. Отсюда Зевс мыслится «огнём» (Tertul. Adv. Marc. I 13), убива-

[89] Грейвс 1992, 36.2.
[90] Тахо-Годи 1987г, 275–276.
[91] Лосев 1987в, 463.

ющим жизнь. Соединение в образе Зевса созидательной и разрушительной силы подчеркивает его символ — двойной топор «лабрис», дающее и убивающее жизнь оружие.

Внебрачный сын Зевса Дионис чаще всего представлялся в облике быка, что связано с его рождением, о чем свидетельствует его эпитет «Бугений» — «порожденный быком» (Plut. Mor. 364f). Отсюда его второе имя «Тавр»[92]. Еврипид сообщает, что в храме звучало такое приветствие: «Приди в свой храм, о прекрасный бык, с твоей бычьей ногой» (Eur. IA 275). Диониса-младенца часто изображали с головой телёнка, сидящего на коленях у матери, взрослый Дионис имел голову быка, иногда просто рога[93]. «Бычья» сущность Диониса проявлялась во время посвященных ему праздников «месяца виноделия», когда Дионис принимал облик быка и его называли «с лицом быка», «двурогий», «быкообразный» (Her. Hist. IV, 78–80). Неслучайно титаны растерзали Диониса именно в облике быка, несмотря на то, что он постоянно менял свой облик, превращаясь то в рыкающего льва, то в неукротимого коня, то в дракона с рогами, то в тигра. Дионис являлся в образе этих животных потому, что они считались календарными эмблемами его трёхсезонного года[94]. В этом наиболее полно проявляется териоморфизм (способность к перевоплощению) «зверобога» Диониса.

Дионису присущи черты грозового божества, что подчеркивается его эпитетом «Бромий»[95]. Диодор Сицилийский свидетельствует, что Дионис родился во время грозы (Diod. Sic. 4.5.1), за что и назван «Шумный». С другой стороны, эпитет может указывать на его родство с Зевсом «Громовержцем» (Ζευς βροντῶν, от βροντάω — «греметь»).

В первые века нашей эры происходят тесные контакты ираноязычных сарматских племён с античными колониями Северного Причерноморья. У разных народов, в разных культурах существуют похожие божества и похожее религиозное мировоззрение. Наблюдается переплетение разнообразных верований.

С быком связано древнеиранское божество солнца Митра, чей культ проник и распространился на значительной территории Римской империи в начале нашей эры. Греки отождествляли Митру с богом солнца Гелиосом и Зевсом в ипостаси «дневное сияющее небо»[96], о чем свидетельствуют посвятительные надписи, выраженные через формулу: «Зевсу — Гелиосу — Митре»[97]. Митра также выполняет функции бога договора, он охраняет страну от войн, если в ней чтут договор, и наказывает врагов, нарушавших его[98]. Эта функция делает Митру причастным к войне и связанным с ней убийствам и разрушениям, что объясняет мотив убийства быка в его культе. Митра определяет морально-нравственную границу между добром и злом, правдой и ложью, что делает его посредником между божественным и человеческим, между верхом и низом, связывая с хтоническими божествами[99].

---

92 Дворецкий 1958, s.v. ταῦρος – бык.
93 Лосев 1957, 160.
94 Грейвс 1992, 27.4; 31.7; 75.2; 123.
95 Дворецкий 1958, s.v. Βρόμιος.
96 Лосев 1987в, 463.
97 Топоров 1988, 157.
98 Топоров 1988, 154–155.
99 Топоров 1988, 154.

В египетской мифологии «прекрасный душой» священный бык Апис являлся слугой бога Пта — творца мира и всего в нём существующего[100]. Как созидающая сила, Пта был объединен с богом плодородия, одновременно и покровителем умерших, Осирисом и сам стал богом загробного мира[101]. В эллинистический период культ Осириса слился с культом посвященного ему быка Аписа, в результате возникло синкретическое божество плодородия и подземного мира, которого греки называли Серапис, отождествляя его с богом подземного мира Аидом, с повелителем стихий и явлений природы солнечным богом Аполлоном и главенствующим над миром небесным Зевсом. Согласно мифу, Серапис в облике быка был привезен «путешествующим» Дионисом «Фойталиотом» из Индии в Египет, получив эпитет «Священный бык».

Рога Быка II переплетены таким образом, что создается впечатление, что рогов четыре, образуя в месте переплетения сквозное отверстие.

В египетских «Текстах Пирамид» (470) упоминается о страже над небесными путями — четырёхрогом быке. Извилистая форма рогов, на наш взгляд, может намекать на Митру, ведь он божество границ, он «выпрямитель линий (границ)»[102]. Округлое сквозное отверстие — это круг, солярный символ, возможно связанный с Сераписом, которого называют «Солнце в быке»[103].

Бык, являясь самым распространенным сексуальным символом, символизирует солярную возрождающуюся силу, олицетворяя мужской принцип. Из всех божеств, связанных с быком, наиболее тесная связь просматривается с древним божеством растительности Дионисом «Тавром», олицетворяя наземного Диониса. Неслучайно головы двух быков расположены на уровне фалла Гермы. В треугольных насечках, изображающих шерсть, можно, по всей видимости, видеть геометрическую фигуру треугольник, выступающий как греческий символ «знак власти», в равной степени обозначая женское и мужское верховное божество[104].

Хтоническая сущность быка. Являясь многофункциональным символом, бык символизирует землю и жизнь, прошедшую через смерть, и, как следствие, символизирует подземное царство. Как символ смерти и возрождения бык является центральной фигурой в культе древнеиранского Митры, которому во время ритуальных праздников в его честь приносили в жертву быка, чья кровь и семя символизировали жизненный цикл[105]. Культ аграрного божества Диониса сливается с культом фригийского божества природы Сабазия, имя его становится эпитетом Диониса[106]. Синкретический образ Диониса-Сабазия, возникший на Боспоре во II в. до н.э, продолжал иметь место и в I–II вв. н. э.[107] Символизм, связывающий быка со смертью и возрождением, широко распространился в позднее античное время и отодвинул на второй план символизм сексуальный, что очень заметно в египетской мифологии, где смерть ездит на чёрном быке.

---

[100] Рубинштейн 1988, 345.
[101] Рубинштейн 1988, 346.
[102] Топоров 1988, 155.
[103] Рубинштейн 1988, 346.
[104] Лосев 1957, 96 и след.; Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 36.
[105] Топоров 1988, 156.
[106] Иванов 2000, 29–31.
[107] Кобылина 1974, 20–30.

Рис. 4.

На рубеже веков старые языческие греческие верования, продолжая почитаться, стали переплетаться с новыми религиозными верованиями, содержащимися в индоиранской и египетской религиях. Происходит синкретизм культов, в которых прослеживается общность взглядов на возрождение жизни после смерти, оставаясь центральной темой.

Медальон, безусловно, является ритуальным предметам, и каждая его деталь содержит определённый символ.

Ключевым элементом медальона можно считать Герму. Герма символизирует двух богов: Гермеса и Диониса. Первоначально изображение фаллоса на Герме являлось лишь знаком мужского начала, олицетворяя древнейшее божество скотоводства Гермеса. Постепенно Гермесу стали присваиваться новые функции, и в верхней части Гермы появилось изображение головы бога. С Гермой, на наш взгляд, Гермеса связывают три функции. В культе Гермеса имелись черты, характеризующие его как подземное божество, о чем свидетельствует его эпитет «Психопомп», в этом качестве он сопровождает души умерших в царство мертвых, став посредником между богами и людьми. В эллинистический период Гермес отождествлялся с древнеегипетским богом мудрости Тотом, в результате чего стал считаться покровителем мистериальных таинств, его стали называть «Трисмегист», то есть «Трижды величайший» Гермес. Таманский полуостров являлся житницей, зерновым районом, экспортировавшим в больших количествах пшеницу (или ячмень) была Фанагория. Особой популярностью пользовалась не только Деметра, под покровительством которой находились зерновые, но и покровители торговли. Рыночной торговле покровительствовал Гермес «Агорей».

Герма символизировала и наиболее загадочное и мистическое божество Греции Диониса, культовые изображения представляют его в виде столба без рук, на котором вместо лица была бородатая маска, фаллос символизировал производительные силы природы[108].

В греческой мифологии стрела является символом молнии и мужского начала. Громы и молнии всегда подчинялись Верховному Зевсу (Hes. Theog. 504 след.). В этой связи в Герме можно усмотреть скрытый образ стрелы, олицетворявшей Зевса.

В круглой форме медальона, на наш взгляд, также можно видеть намек на Зевса Олимпийского, что связано с его рождением. Согласно мифу о рождении Зевса, его отец Крон должен был проглотить новорожденного. Мать Рея обманула мужа, дав ему вместо ребенка завернутый камень. В Дельфах почитался древнейший фетишистский символ омфал («пуп земли»), символизирующий камень, проглоченный Кроном, или камень как пуп младенца Зевса (Paus. X 16, 3; Strab. IX 3, 6). Омфал был поставлен Зевсу как памятник (Hes. Theog. 497–500).

Животные, изображенные на медальоне, соединили в себе функции мужского оплодотворяющего начала и женской производящей силы, символизируя неразрывно связанные между собой процессы: рождение — жизнь — смерть. Проанализировав связь животных с различными богами, мы выяснили, что среди них чаще повторяется Дионис, из всех богов греческого пантеона наиболее соответствующий понятию «зверобог», ибо он чаще остальных богов появлялся в зооморфном облике, слившись с образами плодовитых животных, что делало Диониса одним из могущественных богов производительных сил природы[109].

Олень, змей и бык считаются животными Диониса по праву рождения. Его изображали рогатым ребёнком, не указывая, чьи это рога, поэтому эти животные в равной степени могли находиться в родстве с Дионисом[110]. Дионис родился зимой в образе Змея, отсюда его змеиный венец, весной превратился в быка, в этом облике его растерзывают на части и поедают в сыром виде титаны[111]. Змей символизировал Зиму (смерть), бык символизировал Новый год (возрождение)[112]. В индоиранской символике олень и бык рассматривались как субъекты одного семантического ряда и с глубокой древности относились к солярному архетипу, символизируя солнце и являясь одновременно проводниками из мира живых в звездный мир.

Косвенная связь Диониса с орлом и кабаном идёт через родителей. Орёл — птица Зевса, кабан — культовое животное Деметры и ее дочери Коры (Персефоны). Хтоническая сторона культа Диониса связана с отцом, ведь Зевс в архаическое время считался царём подземного мира[113], и с культом «Двух Богинь»; неразрывная связь их с подземным миром подчеркивается общим словом «Хтонии» (Paus. VI, 2, 15).

Древнегреческие философы мистики-орфики связывали бесконечные превращения Диониса с бесконечностью самой материи, а сердце растерзанного (тита-

[108] Лосев 1987б, 380–381.
[109] Сорокина 1997, 39–44.
[110] Грейвс 1992, 27.2.
[111] Грейвс 1992, 30.а.
[112] Грейвс 1992, 2.2.
[113] Лосев 1987, 462.

нами) в образе быка Диониса они воспринимали как воплощение Мировой души, а не просто души человека[114].

Остальные артефакты из погребения также, на наш взгляд, выделяют Диониса.

Браслет украшен шишечками (бугорками) по ободу. Возможно, шишечки на браслете надо рассматривать как сосновые шишки, связанные с образом Диониса. Когда титаны задумали убить младенца Диониса, они выманили его из колыбели при помощи его любимой игрушки — сосновой шишки[115].

Английский миф олог Роберт Грейвс, ссылаясь на работу Дж. Е. Харрисон («Пролегомены», гл.VIII), указывает, что бог вина Дионис — это более поздняя подмена пивного бога Диониса[116]. Пиво варили из еловых (сосновых) шишек, приправляли плющом и подслащивали мёдом[117]. Неслучайно тирсы менад, увитые плющом, венчались сосновой шишкой.

P. S. Дж.Е. Харрисон в своей работе высказала предположение, что слово «трагедия» произошло не от греческого слова «козел» (τράγος), как считал Вергилий, а от латинского слова «tragum», означающего «полба» (разновидность пшеницы), из которой, по мнению Корнелия Цельса и Плиния Старшего, в Афинах варили пиво[118]. Она ссылается на вазопись, где спутники Диониса изображены не козлами, а лошадьми, что находит подтверждение в мифах, где критский козел ассоциируется с вином, а эллинский конь с пивом[119].

Ракушки, собранные на берегу Таманского залива, вполне могут имитировать морские раковины — игрушки младенца Диониса, которыми титаны выманили его, чтобы убить[120]. Морские раковины олицетворяют Диониса «Тавра». Для оплодотворения земли необходим дождь. Во время весенних Дионисийских мистерий дождь вызывали, дергая быка за рог, и от боли тот мычал, а мычание быка, согласно поверьям, предвещает грозу. С этой же целью раскачивали большие морские раковины, издававшие звуки, похожие на мычание быка.

Медальон принадлежит женщине. Этот предмет, несомненно ритуальный, мог, по всей видимости, являться знаком отличия и подчеркивать отношение усопшей к культу Диониса.

Из всех олимпийских богов мифы наиболее тесно связывают с женщинами Диониса. Со смертными женщинами Диониса связывают миф о рождении его земной женщиной Семелой и миф о воспитании младенца после гибели матери ее сестрой Иной на женской половине дворца ее мужа — беотийского царя Афаманта. Миф подтверждает существование критского обычая держать мальчиков, переодетых девочкой, на женской половине до достижения половой зрелости, отсюда эпитет Диониса «Тэлюмитр» — «носящий женскую митру, то есть “по-женски одетый”» (Luc. Dial. Deor. 18. I).

Воплощая мужскую ипостась плодородия, Дионис был близок богине производительных сил земли Деметре, отвечающей за зерновые, культ которой развился и укрепился в Фанагории в тесной связи с культом женского божества у

[114] Лосев 1957, 151–161.
[115] Грейвс 1992, 30.a.
[116] Грейвс 1992, 27.2; 27.3.
[117] Грейвс 1992, 27.2.
[118] Грейвс 1992, 27.3.
[119] Грейвс 1992, 27.3.
[120] Грейвс 1992, 30.a.

местных племен[121]. С культом Деметры неразрывно связан культ ее дочери Коры (Персефоны), связанной, в свою очередь, с богиней смерти Гекатой, которая, по свидетельству Гесиода, передав функции богини смерти Персефоне, стала фигурировать только в тайных обрядах чёрной магии[122]. Объединенная общими функциями, как аграрными, так и хтоническими, триада божеств (Деметра, Персефона, Дионис) совместно почиталась в их общем храме в Элевсине (Paus. VIII, 31, 1; XVIII, 8; XXXVII, 6). Суть элевсинской религии, основанной на вечном круговороте природы, заключалась в идее возрождения через смерть, которая переносилась и на человека.

Дионис являлся аграрным божеством, но под его покровительством находилось виноградарство и виноделие. Чрезмерное употребление вина вызывало состояние опьянения, что накладывало отпечаток на характер представлений о культе Диониса. Дионис, сопровождаемый сатирами, силенами и менадами, являлся любимым экстатическим божеством народных масс. Это объясняет популярность его культа на Европейском Боспоре (КБН 15,24) [123]. Эпиграфические документы, свидетельствующие о культе Диониса на территории азиатского Боспора, отсутствуют, но археологические исследования Горгиппии свидетельствуют о существовании там культового сооружения, связанного с почитанием Диониса[124]. Веселые праздники «месяца виноделия» были известны фанагорийцам, о чём свидетельствуют, обнаруженные на городище фрагменты терракоты танцора с подвесными членами тела — тип статуэтки, связанный с оргиастическими культами, и фрагмент фигурки Диониса-Сабазия[125].

В первые века на Боспоре почитались традиционные греческие культы, где преобладали женские божества, что подтверждается эпиграфическим документом, в котором сообщается, что в 105 году царь Савромат I выделил средства для реконструкции портика, окружающего храм Афродиты Урании в Фанагории (КБН 1045). Такие финансовые вложения свидетельствуют, что Афродита в этот период являлась главной покровительницей Боспорского царства, и подтверждаются монетами Савромата II, где богиня стоит со скипетром в левой руке, у ног ее бюст императора[126]. Бронзовый бюст (раскопки городского дома в Горгиппии) синкретической богини Афродиты — Изиды в одежде и прическе, характерных для римских императриц конца II — начала III века, также подчёркивает связь богини с культом обожествлённого римского императора[127].

В фанагорийском святилище Афродиты Урании (Небесной), владычицы Апатура, о котором сообщает Страбон (Strabo. XI, 2, 10), отправлялись культы Деметры и Персефоны[128], совместно с диадой богинь в данном святилище могли почитать и Диониса. Элевсинский культ Деметры и Коры (Персефоны) и возникшие из него мистерии пользовались особой популярностью во всем античном мире. В элевсинском святилище почитались всего две пары богов: Деметра (Мать) и

[121] Кобылина 1956, 58; Сапрыкин 1983, 60–63.
[122] Грейвс 1992, 31.7.
[123] Гайдукевич 1949, 161; Блаватский 1964, 74; Deubner 1932, 94–100.
[124] Алексеева 1986, 50; 1987, 62–64.
[125] Кобылина 1956, 60; 1974, 26, № 51, табл. 24, 5.
[126] Frolova 1979, 273, табл. XXXI; 240, 244–245.
[127] Кобылина 1978, 116.
[128] Ильина 2008, 18.

Кора (Дева), «Бог» (Плутон) и «Богиня» (Персефона), позднее к тайным мистериям присоединился Дионис. К посвящению в таинства мистерий допускались не только свободные граждане греческих полисов, но и рабы, многие римские императоры принимали посвящение[129]. В Фанагории известно святилище Деметры, расположенное в центре сельскохозяйственных угодий города (Майская гора), как и положено аграрному божеству. Культ Диониса мог отправляться и там.

Животные медальона раскрывают суть культа божеств земледельческого цикла, существующих в сложном единстве. Благодаря плодородным землям Северного Причерноморья культ аграрных божеств утвердился здесь повсеместно, сразу и навсегда. В основе культа аграрных божеств лежит единое индоевропейское, по своей природе, представление о вертикальном трёхчленном мифологическом символе, связанном с представлением о жизненном цикле человека: рождение — жизнь — смерть.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г. 1995: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.

*Аверинцев С. С.*1987: Вода // МНМ. I, 240–241.

Алексеева Е. М. 1986: Культы Горгиппии // СА. 4, 34–53.

Алексеева Е. М. 1987: Коропластика Горгиппии. Тайны терракот. Краснодар.

Бауэр В., Дюмоц И., Головин С. 1995: Энциклопедия символов. Символика и мифология греков. М.

Бендюрин В. 1991: Астрология древесных знаков // Астрология век XX / Н. А. Додонова (сост.). М.

Блаватский В. Д. 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

*Гайдукевич В. Ф.*1949: Боспорское царство. М.; Л.

Грейвс Р. 1992: Мифы Древней Греции. М.

Дворецкий И. Х. 1958: Древнегреческо-русский словарь. Т. I. II. М.

Дворецкий И. Х. 1976: Латинско-русский словарь. М.

Довженко Н. Д., Солтыс О. Б. 1991: О традиции изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 117–127.

Иванов В. В. 1987а: Глаз // МНМ. I, 306–307.

Иванов В. В. 1987б: Змей // МНМ. I, 468–471.

Иванов В. В., Топоров В. Н. 1988: Птицы // МНМ. II, 347–349.

Иванов В. И. 2000: Дионис и прадионисийство. СПб.

Ильина Т.А. 2008: Проблемы исследования античной коропластики Боспора: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.

Кагаров Е. Д. 1913: Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.

Кобылина М. М. 1956: Фанагория // МИА. 57, 1–101.

Кобылина М. М. 1972: Античная скульптура Северного Причерноморья. М.

Кобылина М. М. 1974: Терракотовые статуэтки Фанагории // САИ. IV. Придонье и Таманский полуостров. М., 20–30.

Кобылина М.М. 1978: Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.

Лапин В. В. 1966: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.

[129] Нильсен 1998, 58–88.

Лосев А. Ф. 1957: Античная мифология в ее историческом развитии. М.
Лосев А. Ф. 1987а: Афина // МНМ. I, 125–129.
Лосев А. Ф. 1987б: Дионис // МНМ. I, 380–382.
Лосев А. Ф. 1987в: Зевс // МНМ. I, 462–466.
*Мейлах М.Б.*1987: Воздух // МНМ. I, 241.
Нильсен М. 1998: Греческая народная религия. СПб.
Ростовцев М. И. 1913: Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
Рубинштейн Р. И. 1988: Птах // МНМ. II, 345–346.
Сапрыкин С. Ю. 1983: Культ Деметры в Боспорском царстве VI–IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький.
Соломоник Э. И. 1978: Граффити античного Херсонеса. Киев.
Сорокина Н. П. 1997: Религия и коропластика в античности. М.
*Тахо-Годи А.А.*1987а: Актеон // МНМ. I, 56–57.
*Тахо-Годи А.А.*1987б: Артемида // МНМ. I, 107–108.
*Тахо-Годи А.А.*1987в: Асклепий // МНМ. I, 113–114.
*Тахо-Годи А.А.*1987г: Гера // МНМ. I, 275–277.
Тахо-Годи А.А. 1987д: Гея // МНМ. I, 300–301.
*Тахо-Годи А.А.*1987е: Даная // МНМ. I, 351.
Топоров В.Н. 1988: Митра // МНМ. II, 154–157.
Ярхо В. Н. 1988: Семела // МНМ. II, 425.
Deubner L. 1932: Attische Feste. Berlin.
Frolova N.A. 1979: The Coinage of the Kingdom of Bosporus. Oxford.

THE BRONZE MEDALLION FROM A WOMAN'S GRAVE no. 27 (THE EAST NECROPOLIS OF PHANAGORIA)

T. G. Shavyrina

The article is dedicated to a ritual item — a bronze medallion. There are imprints of different animals casted on the ring of the medallion. Religious beliefs of the ancient Greeks considered animals and birds to be the sole of totems and the reflection of the zoomorphic character of gods.

The animals on the medallion uncover the essence of the worship of agricultural gods, That exist in a complex union, which is connected with the views upon humans' circle of life: Birth — Life — Death.

Key words: Herma, chthonic gods, necropolis, votives, artifacts, totems, syncretism, zoomorphism.

© 2013

Т. Г. Шавырина

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО С РЕЛЬЕФНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ФАНАГОРИИ

Целью статьи является попытка объяснить религиозный смысл, заключённый в орнаменте сарматского зеркала II в. н.э. В первые века сарматская культура занимает всё большее место в жизни Боспора и оказывает сильное влияние на культуру народов на северопонтийской периферии античного мира. Общие для всех народов истоки религии приводили к сходным формам религиозных верований и культов. Некоторые сведения о скифской религии сообщает Геродот, называя ряд скифских божеств и сопоставляя их с богами греческого Олимпа, что позволяет проследить взаимодействие греческой и сарматской традиций. Среди развитого греческого пантеона богов легко можно было найти близкие аналогии для скифо-сарматских божеств в их примитивной религиозной системе. Анализ знакового орнамента даёт возможность проследить единство духовной культуры греков и сарматов.

Ключевые слова: Боспор, некрополь Фанагории, сарматы, скифы, религиозные верования, хтонические божества

В 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории было исследовано женское захоронение в грунтовой могиле с «заплечиками» (погребение 2) II века нашей эры**.** Из артефактов особого внимания заслуживает прекрасно сохранившееся бронзовое зеркало — подвеска, лежащее в области яремной ямки грудной клетки рабочей стороной вверх. Не рабочая сторона зеркала украшена четким рельефным орнаментом, состоящим из изображения круга и радиально направленных лучеобразных отрезков. Традиция орнаментировать оборотную сторону сарматских зеркал-подвесок возникает во II в. н.э. [1]

На ручке просматривается нечеткое рельефное изображение живописной розетты (плохое изображение связано, по всей видимости, с производственным браком во время отливки).

Рельеф орнамента низкий (высота 1мм.), отлит в литейной форме в процессе отливки зеркала. Диаметр диска 5 см., толщина 4 мм. По краю диска проходит валик, края скошены, в центре округло-коническое утолщение. Ручка боковая плоская с овальным отверстием (4мм.) для подвешивания на пояс или на шею. Состав зеркала: сплав меди (90%), стронция (5%), цинка (2 %), марганца (2%).

Шавырина Татьяна Георгиевна — доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского Университета Дружбы Народов. E-mail: tshavyrina@mail.ru

[1] Виноградов, Петренко 1977, 47.

Зеркала-подвески типичны для всех культур сарматского круга [2], особенно широко распространены у сарматов Северного Кавказа[3]. А. М. Хазанов выделяет зеркала-подвески в тип VIII и считает, что они попали к сарматам Прикубанья

[2] Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 211, табл. 48, 604; каталог № 268,3; табл. 91, 1123,3.
[3] Виноградов, Петренко 1977, 47.

в начале нашей эры от сарматов Поволжья[4]. М. П. Абрамова относит подобные зеркала (вариант I) к I–II вв. н.э.[5] Зеркала-подвески встречаются преимущественно в женских сарматских погребениях[6], в детских и мужских они встречаются гораздо реже[7]. Зеркала встречаются не в каждом женском захоронении. В период исследования Восточного некрополя с 2001 по 2008 гг. зеркала — подвески зафиксированы лишь в пяти женских сарматских захоронениях (2002/1,2; 2003/37; 2004/32; 2008/136). Видимо зеркала положены в могилы не как принадлежность женского туалета, а связаны с ритуальным предназначением, что, на наш взгляд, подтверждается наличием в погребениях не только целых, но и разбитых зеркал, чаще на три части, и вновь сложенных воедино (2003/37; 2004/32). Число «три» не случайное, оно символизирует в скифо-сарматской мифологии женское божество огня, солнца, плодородия и домашнего очага Табити, принимающую души умерших в царстве мёртвых[8]. Возможно, зеркала свидетельствуют о связи их владелиц еще при жизни с культом Табити. Не случайно зеркала в могилах лежат орнаментированной, не рабочей стороной, вниз, подчеркивая их религиозное назначение и связь с божествами подземного мира.

О мифологии сарматов известно очень мало, ещё меньше чем о скифской. С IV–III вв. до н.э. скифов с востока начинают теснить племена сарматов. Скифы иранского происхождения, их религия принадлежит к тому же типу, что и религия персов. Сарматы родственны савроматам, которые, по свидетельству Геродота (IV 110-117), произошли от союза скифских юношей с амазонками. Это обстоятельство предполагает близость сарматской религии к скифской. Истоки религии для всех народов общие, что в дальнейшем привело к сходным формам религиозных верований и культов в разных культурах.

Для изучения духовной культуры сарматов важнейшее значение имеют археологические исследования некрополя, ведь обрядовая сторона религии, отправление культов наиболее ярко проявляются в погребальном обряде. Представление о религии сарматов может дать анализ выполненного на зеркале декоративно-магического орнамента. Без понимания ситуации, сложившейся на Боспоре в первые века нашей эры, и знания греческой мифологии, это сделать трудно.

С I века до н.э. по IV век н.э. происходят тесные контакты ираноязычных сарматских племён с греческими колониями Северного Причерноморья и местными варварскими племенами. Переплетение разнообразных верований наиболее ярко проявилось в погребальном обряде. Несомненно, погребальный обряд не полностью отражает содержание той или иной древней религии с их представлениями о богах. Погребальный обряд в этот период по-прежнему продолжает соответствовать греческим традициям, однако в религиозное мировоззрение греков стали проникать специфические черты, свойственные культовой жизни варварских племён, преимущественно сарматских.

Тема жизни и смерти и в новых религиозных верованиях продолжает оставаться самой важной, ведь смерть во все времена представлялась человеку как

---

[4] Хазанов 1963, 58-70.
[5] Абрамова 1959, 65.
[6] Хазанов 1964, 89; 96.
[7] Шилов 1959, 53.
[8] Рябчиков 2002, 18; 38-39.

неизбежное зло, пугающее своей неминуемостью. В бессилии перед смертью человек обращается к Богам, надеясь с их помощью воздвигнуть защиту против смерти. Прежде всего, человек возлагал надежду на земледельческих Богов, связанных с природными циклами умирания и последующим возрождением природы. Отсюда вера человека в бессмертие, ассоциировавшаяся с жизнью и смертью, занимающая промежуточное положение между ними, и соединяющая в конечном итоге жизнь и смерть. Общение души умершего человека с Богами происходит через посвятительные дары, которыми являются артефакты в могилах, наделенные определенной сакральной функцией. О культовом содержании артефактов по большей части можно судить только исходя из аналогий, путём сопоставления с лучше известными религиями.

Некоторые сведения о скифской религии сообщает Геродот, называя ряд скифских божеств и сопоставляя их с богами греческого Олимпа. Скифская религиозная система, по сравнению с греческой, была довольно примитивной, что позволило Геродоту среди развитого греческого пантеона божеств легко найти близкие аналогии для скифских богов. Сведения Геродота позволяют понять магический смысл, заключённый в орнаментальной схеме, выполненной на диске зеркала.

Мы попытались проанализировать орнамент с точки зрения сарматской культуры и греческой традиции. Анализ свидетельствует о единстве духовной культуры греков и сарматов. Лишь дальнейшее развитие науки в области скифо-сарматской мифологии даст оценку степени достоверности тех или иных положений.

Сарматская культура. Орнамент, выполненный в едином стиле, состоит из изображения круга и радиально направленных лучеобразных отрезков. Что же представляет собой каждый знак?

Знак 1. Круг. С глубокой древности круг в представлении людей символизирует солнечный диск. Мотив круга был самым распространённым среди форм многочисленных сарматских знаков Причерноморья и является солярным знаком, определяющим «Солнце» [9]. Солярная символика заложена в самой форме зеркала, что определяет его охранное значение. Зеркало украшено большим кругом (диаметр 4см.) с вписанным в него меньшим по размеру кругом (диаметр 2 см.). Сарматы знак «круг» с вписанным в него маленьким знаком «круг» рассматривали как небесное светило — «Солнце»[10]. Знак «два круга» — это два Солнца — символизирует движение Солнца в двух мирах[11]. Солнце выезжает на колеснице и объезжает четыре стороны света, склоняясь ночью к западу. Закат солнца рассматривается как пребывание его в мире теней[12]. Центр двух кругов общий, он обозначен рельефным округлым выступом (высота 2 мм.). Выпуклость в центре, если на нее смотреть сверху, можно, на наш взгляд, рассматривать как маленький кружок. Получается три круга. Три солярных знака. Три Солнца. Число «три» является скифо-сарматским символом Солнца и огня, присутствующего во всех сферах Вселенной[13]. Наиболее вероятно, что сюжет в виде круга, вписанного в два других круга, символизирует три стадии развития Вселенной и подчеркивает

[9] Драчук 1975, табл. XVII, 1-20.
[10] Рябчиков 2002, 6, рис. 3; 198.
[11] Рябчиков 2002, 17, 38.
[12] Тахо-Годи 1987а, 271.
[13] Рябчиков 2002, 21.

древнее индоиранское единство скифо-иранской мифологии[14]. Наиболее полным источником по скифскому пантеону является IV книга «Истории» Геродота, где он сообщает, что главной богиней являлась богиня Табити (Herodot. IV. 59). Геродот отождествляет Табити с греческой Гестией на основании высшей клятвы скифов: клятва «царскими Гестиями» (Herodot. IV. 68). Гестия считалась покровительницей домашнего очага. Отсюда она символизирует незыблемый космос и неугасимый огонь – начала, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью[15].

Знак «круг», как символ Солнца и огня, поклонение которому как высшему началу, известно в индоиранских традициях, и, несомненно, может олицетворять Табити, как божество домашнего очага и огня во всех его проявлениях[16]. Зеркало связано с магической стороной культа Табити, что подтверждается ее изображением на золотой эрмитажной бляшке IV в. до н.э. из кургана Чертомлык: богиня сидит на троне, смотрится в зеркало, которое держит в правой руке. В греческой иконографии зеркало являлось атрибутом богини красоты Афродиты, которой у скифов соответствовала Аргимпаса. Образы богинь тесно переплелись. Один и тот же образ мог изображать любую из них. О переплетении образов женских божеств может свидетельствовать изложенный Страбоном миф, в котором на Афродиту Апатуру напали гиганты. Богиня попросила помощи у Геракла. Укрывшись в пещере, богиня по одному принимала гигантов, передавая их Гераклу для умерщвления. Миф объясняет значение эпитета «Апатура». Греки производили это слово от греческого απατη (обман, хитрость). В мифе Афродита выступает как «обманщица». К этому мифу близок известный миф о происхождении скифов, где в качестве родоначальницы выступает полуженщина-полузмея Эхидна, так же связанная с Гераклом и пещерой. Геродот называет Табити «царицей скифов» и отождествляет с греческой матерью-землей Геей (Herodot. IV. 127). Чтобы понять это, надо вспомнить миф о происхождении савроматов — племени родственного сарматам. Геродот рассказывает, что савроматы произошли от союза молодых людей из племени царских скифов с амазонками (Herodot. IV. 110-117). В сюжете мифа принято видеть высокое положение женщин в сарматском обществе[17]. Не случайно Табити занимает главенствующее положение в скифском пантеоне и связана с древнейшим доолимпийским божеством Геей, игравшей значительную роль в теогоническом процессе у греков (Hes. Theog. 116 след.). Образ Геи частично воплотился в Деметре с ее неиссякаемым плодородием[18], отсюда, по всей видимости, связь Табити с землей и функции божества плодородия.

Стихия Геи проявилась в союзе с Тартаром, обозначающим в греческой мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида, в нём залегают корни земли, все концы и начала[19]. В дальнейшем Тартар был переосмыслен как самое отдаленное место Аида, также обозначающее пространство в недрах земли, куда приводит души умерших греческий Гермес (Hom. II XX 61-65).

---

[14] Топоров 1988г, 154-157.
[15] Тахо-Годи 1987б, 299.
[16] Раевский 1988, 445-450.
[17] Раевский 1988, 449.
[18] Тахо-Годи 1987в, 300.
[19] Тахо-Годи 1987в, 300.

В этой связи Табити можно считать хтоническим божеством, принимавшим души умерших в царстве мертвых.

Число «Три» символизирует тройственную природу богини Табити, олицетворявшую жизнь. Круг — это символ вечного движения жизни, основанный на умирании (закат) и возрождении (восход) солнца в процессе его движения по небу. Однако вопрос о магическом значении зеркал у сарматов пока недостаточно изучен.

Знак 2. **Радиальные лучи**. В малом круге проведены четыре пересекающиеся в центре линии, образующие восемь радиально расположенных лучей. Знак в виде прямых пересекающихся линий, широко известен на сарматских зеркалах[20]. Пересекающиеся линии в круге, напоминают колесо со спицами. В мифологии древнеиранских и индоиранских народов этот символ выражает требование для кочевников постоянно двигаться вперед в поисках пастбищ для скота, чтобы выжить[21]. Солярные мифы связывают его с колесом колесницы бога Солнца, который, как и колесо, «катится» по небу, объезжая на четверке коней четыре стороны света[22].

Пересекающиеся линии можно рассматривать как солнечные лучи. В «Ригведе» солнечные лучи сравниваются с быками (Ригведа V. 69:1). Образ быка связан с верховным божеством греческого Олимпа Зевсом, имеющим прямое отношение к происхождению скифов. Согласно мифу, изложенному Геродотом, от брака Зевса и дочери Борисфена (р. Днепр) родился первый человек Таргитай, три сына которого стали родоначальниками скифского народа. Греческий Зевс тождествен скифскому Папаю – Зевсу, входящему в скифский пантеон [23]. Зевс, чье имя означает «бог ясного неба»[24], не всегда является источником света и тепла, дающим жизнь, у Гомера он «высокогремящий», «тучегонитель» (Hom. II. I. 354; IV. 30; V. 672; XIV. 54; XVI. 297-300). Солнечные лучи – это еще и молнии Зевса. В образе Зевса соединилась созидательная и разрушительная сила. Не случайно его символом был лабрис — двойной топор – символическое оружие, дающее и убивающее жизнь. Здесь просматривается связь Зевса «громовержца» со скифо-сарматским богом грозы Таргитаем[25]. На Крите Зевса почитали как бога растительности, связанного с земной и водной стихиями. В скифо-сарматской мифологии супругой Папая-Зевса была богиня Апи, связанная с водой и землей[26]. Она прародительница скифов, в этом проявляется ее созидательная сила. Змеевидный облик делает ее хтоническим божеством, воплощением нижнего мира. Апи, как и греческий Зевс, созидает и разрушает.

Теперь о числовой символике в скифо-сарматской мифологии. В числовом выражении Бог Солнца обозначается числом «один»[27]. Число «четыре» символизирует четырех коней в колеснице Бога Солнца и четыре стороны света, которые он объезжает. Число «четыре» является солярным символом и, в свою оче-

[20] Драчук 1975, табл. XVI, 29, 30: табл.XVII, 9; Соломоник 1959,150, № 123.
[21] Хазанов 1964, 95.
[22] Тахо-Годи 1987а, 271.
[23] Раевский 1988, 447.
[24] Лосев 1987, 463.
[25] Рябчиков 2002, 17-18; 44.
[26] Раевский 1988, 447.
[27] Рябчиков 2002, 19.

редь, отражает вечное движение жизни, основанное на умирании (закат солнца) и возрождении (восход солнца)[28]. Геродот описывает, что Скифия имеет форму правильного квадрата, то есть четырехугольника (IV. 101).Число «четыре» может символизировать ираноязычный народ скифов.

«Четыре» и «один» — это число «пять», являющееся в скифской мифологии символом Солнца и огня, и, следовательно, символом божества огня и домашнего очага Табити, мужской формой которой считался греческий бог войны и огня Арес[29]. Геродот не называет имя скифского божества, которого он отождествляет с Аресом, но описывает посвященный ему ритуал (IV. 62). Сооружался огромный жертвенник из хвороста, в который втыкали символ божества – меч. Как военному божеству ему ежегодно приносили в жертву, помимо скота, каждого сотого пленника. Сарматы, как и скифы, особенно чтили огонь. Аммиан Марцеллин (XXX. 2. 21) пишет, что аланы, одно из сарматских племен, поклонялись Марсу в облике меча, который вонзают в землю. Этот обычай близок к культу скифского Ареса.

Знак 3. Незаконченные треугольники. Восемь радиальных лучей малого круга пересекаются в центре. Если их рассматривать как отрезки прямых, сходящихся под острым углом к центральному округлому выступу, то образуются фигуры в виде восьми треугольников. Нижними концами они опираются на внутреннюю сторону окружности. Такие треугольники называются незаконченными, так как у них отсутствует третья сторона. Геометрический знак треугольник является знаком власти женского божества[30], в скифо-сарматской мифологии символизирует богиню Табити, как воплощение нижнего мира[31]. Восемь (треугольников) — число не случайное. «Восемь» в числовой символике символизирует скорбь, рок и смерть[32], в скифской мифологии это число связано с образом Древа мирового в функции «древо смерти, «древо подземного мира[33]. Чаще основная идея Древа мирового связана с жизненной силой, бессмертием, хранящимся в нем[34].

По внешней стороне окружности малого круга расположено восемнадцать отрезков прямых, образующих острые углы, обращенные в сторону большого круга. Образованные девять незаконченных треугольников нижними концами опираются на внешнюю сторону окружности малого круга.

Число «девять» это «три» в кубе. В «Ригведе» (V, 69: 1) существует «три светлых мира», «три неба», «три воздушных пространства». Согласно скифо-сарматским верованиям «три» передает три сферы Вселенной и связано с тройственной природой скифо-сарматской Табити, культ которой сформировался в процессе слияния с культами царствующих над миром «вседержателей»: древнеиндийским Варуной и величайшии из богов ведийского пантеона Индрой[35]. К этой паре соответствующих божеств присоединился древнеиранский мифологический персонаж Митра, выступающий как бог солнца[36]. Солярные функции Митры связыва-

[28] Рябчиков 2002, 17, 38.
[29] Рябчиков 2002, 19, 22.
[30] Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 36.
[31] Рябчиков 2002, 78.
[32] Милаш 2006, 139–140.
[33] Рябчиков 2002, 38.
[34] Топоров 1987а, 398–406.
[35] Топоров 1988, 217–218.
[36] Топоров 1988, 217–218.

ют его с греческим Гелиосом и через мотив огня с Гефестом. В верованиях других народов также известны триады верховных богов. У египтян это Исида, Гор и Осирис. У греков Зевс, Гея и Гелиос.

Скифо-сарматская Табити является женской формой ведийского и индуистского бога огня, домашнего очага и жертвенного костра Агни[37]. Агни находится одновременно в трех сферах Вселенной: он огонь на небе (солнце, молния), он огонь в водах и огонь жертвенного костра, возносящий жертву языками пламени на небо[38]. Астрологическое число «три», символизирует три периода жизни человека: рождение, жизнь и смерть, «девять» означает жизнь в непрестанной борьбе[39].

«Девять» — числовой символ Табити[40]. Это находит подтверждение в «Истории» Геродота (IV. 69), где с божествами царского очага ассоциируются 9 предсказателей.

Незаконченные треугольники расположены таким образом, что вершинки восьми треугольников обращены к центру малого круга (вниз), вершинки девяти обращены сторону большого круга (вверх). Такое направление вершинок обозначает два противоположных пути: вершинки вниз означают смерть, вершинки вверх — жизнь[41]. В целом композиция символизирует победу жизни над смертью: мотив смерти, переданный 8-ю треугольниками, взят в жизнеутверждающее кольцо из 9-ти треугольников. Знаки в виде незаконченных треугольников встречаются среди сарматских знаков как самостоятельные[42], так и в качестве составных элементов других знаков[43].

Знак 4. Ромбы. Незаконченные треугольники нижними концами с двух сторон опираются на окружность малого круга. Символическое мышление позволяет видеть в полученной геометрической фигуре «ромб». Ромб (измененный квадрат) можно считать символом скифского народа, ведь по Геродоту Скифия имеет форму правильного квадрата (IV. 101). Квадрат в древнеиндийских и зороастрийских космологических представлениях является одной из простейших реализаций идеи упорядоченного пространства[44]. В скифо-сарматской мифологии ромб жизнеутверждающий знак, означающий солнце, долгую жизнь, жизненную силу[45]. С ромбом связано число «четыре», символизирующее движение солнца по четырем сторонам света и указывающее на форму (четыре стороны) фигуры.

Орнамент на ручке изображает цветочную головку с неясным количеством лепестков. Цветочная головка с лепестками похожа на звезду. На территории Римской империи в конце II и начале III веков очень популярны были верования, согласно которым астральными символами, стали звезды. После смерти человека бессмертная душа его устремлялась ввысь, попадая на звезды, затем, обретя вто-

---

37 Топоров 1987, 35-36.
38 Раевский 1994, 204-205.
39 Милаш 2006, 141-142.
40 Рябчиков 2002, 38.
41 Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 36.
42 Соломонік 1962, 163, рис. 10; Драчук 1975, табл. IX, 599-600, 712-713.
43 Соломоник 1956, 217, рис.5; 1959, табл. 23-26, 28-29, 31-34, 83, 134-136, 138,143-166; 1962, табл. 601-711, 714-715; Драчук 1967, 234.
44 Раевский 1988, 445-450.
45 Рябчиков 2002, 6, 8, 12, 18.

рое рождение, возвращалась обратно на землю[46]. Как правило, цветочные головки – звезды имели пять или шесть лепестков. Число «пять» символизирует Табити во всех ее воплощениях[47], число «шесть» является солярным громовым знаком и трактует богиню как божество огня во всех его проявлениях[48].

Среди сарматских знаков встречаются незаконченные треугольники, расположенные таким образом, что образуют звезды[49]. Элемент орнамента на зеркале, состоящий из девяти незаконченных треугольников, расположенных по внешней стороне окружности малого круга, на наш взгляд, можно рассматривать как девятилучевую звезду.

Греческая мифология. Слово «зеркало» древнеиранского происхождения имеет значение «глядеть», это же значение сохранилось и в современном осетинском языке[50]. Основываясь на свойстве полированного бронзового диска отражать абсолютно точно и бесконечно смотрящегося в него, Павсаний считал зеркало «вместилищем души» человека (Paus. VII. 21.12). Согласно Павсанию, зеркала применялись в обрядности культа Деметры (Paus. VII. 21.5), жрицы в ее святилище в Патрах использовали их для предсказывания будущего (Paus. VIII. 2.11).

Древнегреческие философы мистики, известные как орфики, считали зеркало символическим атрибутом Диониса на основании мифа, когда на него, по приказу Геры, напало старшее поколение богов – титаны, заставлявшие Диониса в процессе казни смотреться в зеркало[51]. Зеркало отражало не живого Диониса, а его душу, что связывало его с миром живых и с миром мертвых, объединяя, в конечном итоге, эти два мира. Требование титанов придавало убийству символико-мистичесий характер. Не случайно и расчленение тела Диониса на семь частей. Число «семь» символизирует Древо жизни, плодородие и изобилие[52].

Во все времена человека занимала тема жизни и смерти, человека интересовало, может ли он, чья жизнь заканчивается или уже закончилась, продлить или возродить ее? Человек считал, что это возможно, основываясь на естественных циклах умирания и последующего возрождения природы. Надежда возлагалась, прежде всего, на земледельческих богов, самыми популярными были древнейшие богини хлебных злаков Деметра и Персефона, почитавшиеся как диада уходящих и возвращающихся божеств. В Фанагории культ Деметры, развившийся и укрепившийся в тесной связи с культом женского божества у местных племен, был очень популярен[53]. Связь с божествами осуществлялась через артефакты в могилах и посредством различных знаков со значением «тайна», получивших широкое распространение в первые века нашей эры (Tac. Germania X). Орнаментальная схема зеркала содержит тайну, которую нам предстоит попытаться раскрыть.

Знак 1. Круг. Зеркало украшено двумя разными по размеру кругами, вписанными друг в друга с общим центром в виде округлого выступа. Большой круг обозначает небесное светило, а заключенный в нём малый круг божество солнечного

[46] Сапрыкин 1983, 19.
[47] Рябчиков 2002, 3, 19, 269.
[48] Рябчиков 2002, 20.
[49] Драчук 1975, табл. XVII, 8.
[50] Абаев 1958, 41.
[51] Лосев 1957, 143-151,161.
[52] Топоров 1987б, 396-397.
[53] Кобылина 1956, 58; Сапрыкин 1983, 60-63.

света[54]. Греческим богом солнца был Гелиос, хотя он и не являлся олимпийским богом, а был всего лишь сын титана Гипериона (Hes. Theog. 371-374). Имя Гипериона Гомер определяет как «сияющий», буквально, «идущий наверх», то есть по небу, что и дало основание отождествить титана с Гелиосом (Hom. Od. I 24; Hom. II. XIX 398). Божество солнечного света Аполлон Феб (эпитет «φοιβος» указывает на чистоту и блеск)[55], отождествлялось с Солнцем (Macrob. Sat. I. 17), обладая всеми его целительными и губительными функциями. К божеству солнечного света относится отец Аполлона Верховный Зевс, обладающий заимствованными у восточных солнечных божеств солярными характеристиками, что подтверждается, по свидетельству Гомера, его эпитетом «Электор» — «лучезарное светило»[56], хотя солнечные характеристики в культе Зевса являются второстепенными[57]. Выпуклый центр двух кругов, если на него смотреть сверху, смотрится как маленький кружок. В этом случае он может обозначать божество, наследующее солярные функции через связь с божеством солнца. Таким божеством может считаться бог растительности Дионис, образ которого, по свидетельству Павсания, сблизился с образом Аполлона Феба еще в VI в. до н.э.(Paus. X 32, 7). Дионис олицетворяет светлое, теплое начало через солнечные лучи, столь необходимые для произрастания всего живого.

Таким образом, три уменьшающиеся по размеру круга, олицетворяющие трех убывающих по значимости солнечных божеств, дают число «три» », символизирующее в греческой мифологии три основные стихии мироздания: Земля, Небо, Вода.[58]. Греческая Гея — Земля олицетворяет плодородие земли и земные недра, то есть преисподнюю. В качестве божества плодородия Гея является женой Неба, которое она создала из себя, но может иметь мужем и Солнце. Как супруга Неба она связана с молнией и дождем, отсюда в греческой мифологии отождествление Геи с Гестией, богиней священного очага и огня. По свидетельству Гомера к трем владыкам прибавляется всёвидящее божество Гелиос (Hymn. Hom. V 64-87; XXXI. 9-14).

В верованиях древних народов известны триады верховных богов. В Северном Причерноморье (Горгиппия) известны манумиссии I века нашей эры, в которых сообщается об освобождении рабов под эгидой «защитника городских жителей» Зевса «Полия», Геи и Гелиоса (КБН. №№ 1123, 1126).

Мотив круга в греческой символике отражает вечное движение солнца по небосклону в течение года, отмечая четыре времени года. Солнце Гелиос днем мчится по небу на четверке коней, ночью склоняется к западу, двигаясь к месту своего восхода. Везде присутствует число «четыре», являющееся солярным символом и связанное с природой и богами плодородия.

Знак 2. **Радиальные лучи**. Восемь пересекающихся радиальных линий в малом круге можно рассматривать как солнечные лучи. Солнечные лучи в «Ригведе» отождествляются с быками (Ригведа V. 69: 1). В греческой мифологии зооморфный образ быка связан с Зевсом, его женой Герой и с богом плодоносящих сил земли Дионисом.

[54] Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 295
[55] Дворецкий 1958, s.v. φοιβος.
[56] Дворецкий 1958, s.v. ηλέκτωρ.
[57] Лосев 1987, 463-466.
[58] Рабинович 1987, 466-467.

Отождествление Зевса с быком идет от тотемов. Солнечные лучи характеризуют космического Зевса, известного в этой ипостаси как «дневное сияющее небо»[59]. Существует космический Зевс, в этой функции он «высокогремящий» «громовержец»[60] и «тучесобиратель»[61]. Скипетр Зевса символизирует молнию, отсюда Зевс мыслится «огнём», «горячей субстанцией» (Tertull. Adv.Marc. I 13), обитающий в эфире (Eur. Frg. 487). Молния Зевса рассматривается как знак «гроза». Молния Зевса может пронизывать тьму и на землю обрушиваются дожди и ливни. В этом случае молния выступает как знак «дождь». О зевсовых ливнях упоминают Гомер (Hom. Il. I 354; IV. 30; V. 672; XIV. 54; XVI. 297-300) и Гесиод (Hes. Opp. 626). Отсюда связь культа Зевса с культом его сестры-жены Деметры. Основой для соединения этих культов послужило отождествление Зевса с небом — источником дождя, необходимого для посевов, покровительницей которых являлась Деметра. Павсаний пишет, что в Афинах была статуя Геи-земли, молящей Зевса пролиться дождем над пашнями (Paus. I. 24, 3). Зевс получает эпитет «Дождит». На Крите Зевса почитали как бога тайных сил природы, чтили как умирающего и воскресающего бога растительности, связанного с земной и водной стихиями.

На связь Геры с животным указывает ее эпитет у Гомера «волоокая» (Hom. Il. I 568 след.). Геру почитают в Аргосе в виде коровы (Eur. El. 171 след.), в жертву ей приносят белоснежных коров (Sen. Agam. 352). В гомеровских гимнах прослеживается хтоническая связь Геры с землей, ведь от прикосновения к ней она породила чудовище Тифона (Hymn. Hom. II. 154-174).

«Бычья» сущность Диониса проявлялась во время посвященных ему веселых праздников «месяца виноделия» Ленеи и Анфестерии, когда Дионис принимал облик быка (Herod. Hist. IV. 78-80). Не случайно, согласно мифу, титаны растерзали Диониса именно в образе быка, несмотря на то, что борясь с титанами, он постоянно менял свой облик, превращаясь то в отца Зевса, одетого в козью шкуру, то в рыкающего льва, то в неукротимого коня, то в дракона с рогами, то в тигра.

Растительные функции Диониса приобретает Аполлон Феб. Несмотря на противоположность сути двух божеств: один по преимуществу божество светлого начала, другой больше известен губительными действиями, образы их сблизились. Павсаний свидетельствует об устраиваемых на Парнасе (место обитания Аполлона) оргиях в их честь (Paus. X. 32, 7). Аполлона почитали как Диониса (Himer. Orat. XXI. 8), часто называли его культово-мистическими именами: «Иобакх» и «Плющевый» (Aesch. frg. 341).

Знак 3. Незаконченные треугольники. По внутренней стороне окружности малого круга расположены восемь незаконченных треугольников, образованные сходящимися под острым углом к центру радиальными лучами, по внешней стороне — девять. Символическое мышление позволяет незаконченные треугольники рассматривать как полноценную геометрическую фигуру, образованную тремя сторонами. Мотив треугольника один из всеобъемлющих греческих символов. По свидетельству Пиндара треугольник олицетворяет женщину. Геометрический знак «треугольник» похож на четвертую букву греческого алфавита дельту (Δ),

[59] Лосев 1987, 463.
[60] Дворецкий 1958, s.v. στεροπηγερέτα.
[61] Дворецкий 1958, s.v. νεφελ-ήγερέτης.

выступающую как знак власти верховного божества, в равной степени обозначающую как Геру, так и Зевса[62].

Имя Геры предположительно означает «охранительница»[63], на ее помощь рассчитывал человек. Гера через мать Рею близка по своим функциям фригийской богине Кибеле, которую Лукреций в поэме «О природе вещей» характеризует как «дарующая плоды земли» (Lucr. II. 600-643). Культ Реи — Кибелы был широко распространен в Северном Причерноморье в первые века нашей эры[64].

Одиночная дельта традиционно обозначала Деметру в посвящениях богине (Paus. VI. 2.15).

Владычицу царства мёртвых Персефону называли «Дайра» — «Знающая», «Просвещённая»[65]. Не исключено, что дельта могла обозначать Персефону «Дайру» и божество земного плодородия Деметру – мать и дочь.

Перечисленные греческие женские божества связаны с умирающей и возрождающейся природой, почитались как уходящие и возвращающиеся божества.

Дельта считалась знаком власти Зевса, ведь с нее начинаются формы косвенных падежей древнегреческого имени «Зевс»[66]. Имя Зевса означает, согласно Платону, бога, «через которого всегда получают жизнь» (Plat. Crat. 396a). Гомер в «Одиссее» называет его «Икетесий» — «заступник всех просящих у него защиты» (Hom. Od. 13. 213). В то же время Зевс «Катахтоний» (Hom. II. 9. 457), как «подземный», «преисподний» бог, ассоциируется с «неумолимым» Аидом «Адамастом», строго следящим за неизбежным процессом смерти (Hom. II. 9. 158).

Одиночная дельта традиционно обозначала Диониса в посвящениях богу (Paus. VI. 2.15).

Сын Зевса и Персефоны Дионис (по одному из вариантов мифа его родила Деметра) почитался совместно с диадой богинь в их храме в Элевсине под культово-мистическими именами «Иакх», «Иобакх» и «Леней»[67]. Объединенные единой хтонической сущностью, богини получили общий эпитет «Потнии» — «Владычицы преисподней» (Soph. O. C. 1050; Aristoph. Thesm. 1149). Деметра стала «темным» хтоническим божеством, она «Скотия» и «Хтония»[68]. Через богинь Дионис приобрел хтонические функции.

Данная триада растительных божеств, соединившаяся в единый образ, связанный с верой в бессмертие, основанной на умирании и последующем возрождении природы, стала ассоциироваться с жизнью и смертью, занимая промежуточное положение между ними, и соединяя в конечном итоге жизнь и смерть. Знание мифа помогает понять суть языческих элевсинских мистерий, заключавшуюся в возвращении, хоть и временном, Персефоны на землю к матери, что означало победу над смертью, которая была залогом такой же победы и для людей. Персефона, по свидетельству Гесиода, стала называться «Несущая жизнь» (Hes. Theog. 693).

---

62 Лосев 1957, 96 и сл.
63 Тахо-Годи 1987, 275-276.
64 Кобылина 1978, 10.
65 Дворецкий 1958, s.v. Δάειρα (Δαίρα).
66 Дворецкий 1958, s.v. Δι или Διι dat. к Ζεύς.
67 Дворецкий 1958, s.v. Ιακχος, Ιόβακχος , Ληναϊος.
68 Дворецкий 1958, s.v. σκοτία, χθόνιος – тьма.

Треугольники, расположенные с двух сторон окружности малого круга, являясь частью орнаментальной схемы зеркала, символизируют победу жизни над смертью. Мотив смерти, переданный 8-ю треугольниками, взят в жизнеутверждающее кольцо из 9-ти треугольников. Окружность круга можно рассматривать как символическую линию, отделяющую жизнь от смерти. Число «девять» представляет собой тройное «три», символизирующее рождение, жизнь и смерть. Этот тезис, в свою очередь, подчеркивается тремя сторонами, образующими треугольник. У незаконченных треугольников две стороны. Число «два» указывает на движение в прошлое и будущее[69].

Знак 4. Ромбы. Незаконченные треугольники нижними концами с двух сторон опираются на окружность малого круга. Образуется геометрическая фигура, похожая на ромб. Измененная форма квадрата «ромб» связан с числом «четыре». «Четыре» символизирует движение Солнца по небосклону, указывая на четыре времени года и четыре стороны света[70]. Число «четыре» — это «два» в квадрате. Число «два» отмечает восход и закат Солнца[71]. В солярной мифологии это число символизирует движение в прошлое (жизнь) и будущее (смерть)[72]. У ромба два острых угла. В композиции зеркала острые углы фигуры обращены вверх и вниз. Ориентированные вверх углы, направленные к окружности большого круга, то есть к Небесному светилу, означают жизнь, ориентированные вниз углы символизируют черное солнце нижнего мира, то есть смерть[73]. Жизнь (число «два») и смерть (число «два») процессы, как известно, неразрывные. Число «четыре» являлось солярным символом, также связано с божествами огня и плодородия.

Орнамент на ручке представлен изображением цветочной головки с неясным числом лепестков. В мифопоэтических представлениях растения связаны с землей, рассматриваемой как их материнское лоно или могила, скрывающая погибшее зерно[74]. С растениями и их частями (цветы, плоды), олицетворявшими общую идею растительного плодородия, связаны преимущественно земледельческие божества. В греческой мифологии это Гея, Деметра, Персефона, Дионис, Пан.

Растения – важный атрибут погребальной церемонии. У греков существовал обычай приносить на могилы цветы, число их должно быть чётное. Цветы держали над раскрытой могилой перед зеркалом, которое удваивало их количество. Равное число цветов связывало два мира, связывало с ними живых и мёртвых, показывая, что разницы между мирами нет, что всё в них одинаково и смерти бояться нет причин (Ovid. Fast. V 220-260). Распространенным погребальным цветком являлся мак. Это не случайно. В римской мифологии Церера без отдыха странствует в поисках дочери Прозерпины. Боги сжалились над ней: перед богиней при каждом шаге возникают цветы мака, которые она собирает и от их опьяняющего запаха засыпает. В мифопоэтической традиции мак связан не только со сном (атрибут божества сна Гипноса), но и со смертью (атрибут божества смерти

[69] Рябчиков 2002, 55.
[70] Тахо-Годи 1987а, 271.
[71] Тахо-Годи 1987а, 271.
[72] Иванов 1988, 461-462.
[73] Бауэр, Дюмоц, Головин 1995, 36.
[74] Топоров 1988, 368-371.

Танатоса). Оба брата-близнеца живут в подземном царстве (Hom. II. XIV 231; XVI 672; Hes. Theog. 211, 758), приносят всем успокоение в виде наркотического «вина милосердия», приготовленного из семян мака (Hes. Theog. XXIV 25). Мак связан с жертвоприношениями, не случайно русское слово «мак» выводится из древне-индийского *makha*, означающего «жертвоприношение»[75]. На основании римского мифа о Церере, ей посвящен мак, его могли приносить в жертву богине (на восточном некрополе Фанагории в 2008 году, в склепе 136 — второй половины II века — первой половины III века н. э. были зафиксированы четыре маковые головки). Она, как и греческая Деметра, «Мекона» (греч. *Μήκων* — мак). Происхождение мака в мифах связывается с кровью невинно убитых людей[76], что делает цветок, по мнению Гомера, символом «запятнанного кровью» бога коварной, вероломной войны Ареса (Hom. II. XIII 444), Рождение Ареса связано с цветком, правда не указывается, какой именно цветок. Гера породила Ареса без участия Зевса, прикоснувшись к «какому-то цветку» (Ovid. Fast. V. 220-260).

Мак связан с Громовержцем, что подтверждается редуплицированными названиями мака (лат. *Papaver*; греч.*Παπαιος*), совпадающими, или сходными с именем Зевса, или с именами, связанных с ним персонажей[77]. Геродот отмечает, что Зевс-Юпитер тождествен скифскому божеству Папаю-Зевсу, входящему в скифский пантеон и стоящему на средней ступени иерархии. Возможно, имя Папая является производным от слова мак. Полевой мак в отличие от махрового пятилепесткового садового цветка, имеет четыре лепестка. Число «четыре» и число «пять» являются распространенными солярными символами, связанными с греческим Гелиосом и Аполлоном, с фригийским Сабазием, культ которого в римское время слился с культом Юпитера) также олицетворяют плодородие в целом и божеств с растительными функциями[78].

Орнаментальная схема зеркала воспринимается, прежде всего, как декоративная. В то же время в ней содержится определённая сакральная информация. Декоративно — магический характер орнамента характеризуется как оберегающий символ, соединяющий в единую композицию орнаментальные знаки. Самый главный, безусловно, это круг. Круг в представлении людей неразрывно связан с солнцем[79], с ним же связаны радиально направленные лучеобразные отрезки[80]. Не случайно восемь радиальных лучей, сходятся в центре, охватывающего их круга. Круг, отрезки прямых, образующие незаконченные треугольники, соединяясь воедино, содержат заложенный в них общий магический смысл.

Зеркала – атрибут женского божества, связь с ними подчёркивается и знаковым рисунком зеркала. Верховное божество — это «сияющее небо» – «Бог отец». Ему соответствует оплодотворяемая небом (зевсовы ливни) земля, как женское божество – мать, что подчёркивается именем богини плодородия Деметры, означающим «землю-мать» (Hom. II. V. 499-501). Небо и земля являются прародителями всего сущего, они неразделимы. В греческом мифе об Уране-небе и Гее-

[75] Рябчиков 2002, 88.
[76] Топоров 1988, 90.
[77] Топоров 1988, 90.
[78] Алексеева 1986, 52.
[79] Соломоник 1962, 38.
[80] Драчук 1975, табл. XI, 809-810, 814.

земле прослеживается мифологический мотив разъединения неба и земли. Гея устраняет Урана, вступает в другие браки, рождает потомство, руководствуясь собственными замыслами, что может указывать на первичность именно земли, а не неба. После разъединения неба и земли появляется «дочь солнца», которой, олицетворяя женское начало, стала сестра Гелиоса и Селены «божество рассвета» Эос (Hes. Theog. 371-374).

Бог-отец находится наверху, на небе, он олицетворяет верхний мир, жизненную силу. Но существует повелитель нижнего мира, он «собственник», связан с душами умерших. Два владыки, два мира – небо и земля. Между ними происходит постоянная вражда. Борьба Громовержца за преодоление смерти и возможность вернуть души к жизни на земле сопровождается плодоносящим дождём. Вода и плодородие являются характерными чертами нижнего мира, они находят выражение в хтонических божествах плодородия. Божеством плодородия и растительности, богом дикой природы считают Марса[81]. Став богом войны, Марс получил атрибут в виде горящего факела, что делает его божеством огня. Существует два вида огня: небесный и земной. Небесный огонь — это Солнце. В земном огне присутствует чередование женских и мужских божеств. «Круглый», внутренний, женский, связан с богинями огня Вестой, Гестией и с домашним очагом[82]. «Четырехугольный» огонь олицетворяет мужское начало и небо[83]. Отсюда символика круга и числа «четыре». В этом проявляется трёхчленная вертикальная структура вселенной: небо — земля — нижний мир и четырехчленная горизонтальная: четыре стороны света[84]. Трёхчленные структуры сходны практически в каждой отдельной мифологии. Римская триада божеств: Юпитер – Марс – Квирин сходна с аналогичной древнеиндийской структурой: Митра – Варуна – Индра. Число «три» и число «четыре» в сумме дают число «семь», являющееся сакральным числом. В состав скифо-сарматского пантеона, по данным Геродота, входило семь божеств. На семь частей расчленили титаны тело Диониса.

Подводя итоги нашего анализа можно прийти к выводу, что в орнаментальной схеме рассматриваемого зеркала отражается специфический характер символики, как эллинов, так и представителей иранского мира — сарматов. Символика культа в известной степени может быть объяснима как из эллинских, так и из иранских мифологических представлений во многом сходных типологически. Однако очевидна и гипотетичность такого рода толкований этой основательно забытой к нашему времени символики, хорошо известной, понятной и доступной древним жителям Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. 1958: Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.

Абрамова М. П. 1959: Сарматская культура II в. до н.э. — I в. н.э. // СА. 1, 52-72.

Алексеева Е. М. 1986: Культы Горгиппии // СА. 4, 34-53.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. 2001: Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.

[81] Штаерман 1988, 119-120.
[82] Иванов, Топоров 1987, 527-532.
[83] Иванов, Топоров 1987, 531
[84] Иванов, Топоров 1987, 532.

Бауэр В., Дюмоц И., Головин С. 1995: Энциклопедия символов. М.

Виноградов В. Б., Петренко В. А. 1977: К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. 148, 44–49.

Дворецкий И. Х. 1958: Древнегреческо — русский словарь. Т. I–II. М.

Драчук В. С. 1967: Стела со знаками из Теребовельщины // СА. 2, 243–244.

Драчук В. С. 1975: Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Иванов В. В. 1988: Солярные мифы // МНМ. II, 461–462.

Иванов В. В., Топоров В. Н. 1987: Индоевропейская мифология // МНМ. I, 527–533.

Кобылина М. М. 1956: Фанагория // МИА. 57, 1–101.

Кобылина М. М. 1978: Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.

Лосев А. Ф. 1957: Античная мифология в ее историческом развитии. М.

Лосев А. Ф. 1987: Зевс // МНМ. I, 462–466.

Милаш М. 2006: Знаки судьбы. М.; СПб.

Рабинович Е. Г. 1987: Земля // МНМ. I, 681.

Раевский Д. С. 1988: Скифо-сарматская мифология // МНМ. II, 445–450.

Раевский Д. С. 1994: Скифский пантеон: семантика структуры // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева / В. Я. Петрухин (ред.). М., 204-205.

Рябчиков С. В. 2002: Скифо-сарматские истоки славянской культуры: материалы Южно-Российской фольклорно-этнографической экспедиции. Ростов.

Сапрыкин С. Ю. 1983: Культ Деметры в Боспорском царстве VI–IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький.

Соломоник Э. И. 1956: О таврении скота в Северном Причерноморье // История и археология древнего Крыма. Киев.

Соломоник Э. И. 1959: Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Соломонік Е. І. 1962: Нові памъятки з сарматскими знаками // Археологічні памьятки Українськой РСР. Т. XI. Київ.

Тахо-Годи А. А. 1987а: Гелиос // МНМ. I, 271.

Тахо-Годи А. А. 1987б: Гестия // МНМ. I, 299.

Тахо-Годи А. А. 1987в: Гея // МНМ. I, 300.

Топоров В. Н. 1987а: Древо мировое // МНМ. I, 389–406.

Топоров В. Н. 1987б: Древо жизни // МНМ. I, 396–398.

Топоров В. Н. 1987в: Варуна // МНМ. I, 217–218.

Топоров В. Н. 1987г: Растения // МНМ. I, 368–371.

Топоров В. Н. 1987д: Мак // МНМ. I, 90.

Топоров В. Н. 1988: Митра // МНМ. II, 154–157.

Хазанов А. М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 4, 58-71.

Хазанов А. М. 1964: Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 3, 89–96.

Шилов В. П. 1959: Калиновский курганный могильник // МИА. 60, 323–523.

Штаерман Е. М. 1988: Марс // МНМ. II, 119–120.

THE BRONZE SARMATIAN MIRROR WITH A RELIEF ORNAMENT FROM PHANAGORIA

T. G. Shavyrina

In the first centuries AD the sarmatian culture started to play a more important role in the life of Bosporan Kingdom and influenced deeply the culture of peoples of the north-pontic periphery of the ancient world. Common sources of religion led to similar forms of religious beliefs and worships. The aim of the article is to explain the religious sense implied by the ornament on the sarmatian mirror of the 2nd century AD and to retrace the interaction of the greek and the sarmatian tradition. Herodotus gives some information on the scythian religion, naming some scythian gods and comparing them to gods of the greek Olympus.In the developed pantheon of greek gods some analogies to Scythian-Sarmatian gods could easily be found, althogh the latter religious system was not that elaborated. The analysis of the significant ornament gives us the opportunity to retrace the unity of the spiritual culture of the Sarmatians and the Greeks.

Key words: Bosporan Kingdom, Phanagorian necropolis, the Sarmatians, the Scythians, religion, chthonic gods

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2013

Е. В. Добровольская

ОПЫТ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СКОТОВОДСТВА И ОХОТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ФАНАГОРИЯ И МЫСХАКО 1

В статье анализируются две остеологические коллекции — из поселения Мысхако I (энеолит и античное время) и Фанагории (античное время и раннее средневековье). Выяснено, что в энеолите основу питания населения составляла мясная пища, как разводимая, так и добываемая. Начиная с античности необходимости в охоте как способе добычи пищи уже не существует.

Ключевые слова: энеолит, античность, остеологические фрагменты, охота, скотоводство, крупный и мелкий рогатый скот, лошадь

Особое значение для понимания эволюции скотоводства и охоты имеет выяснение взаимосвязи этих занятий с окружающей природной средой. При заселении человеком новой территории развиваются целые сообщества копрофагов, грызунов, птиц, которые приспосабливаются жить на пастбищах и полях. Другим мощным фактором изменения биоразнообразия в локальных фаунах является создание населенных пунктов, и чем крупнее поселение, тем больше его влияние на окружающую среду. Возникают сообщества животных-синантропов, жизненная стратегия которых позволяет им занять свободные экологические ниши в жилищах человека и в поселениях.

Под воздействием выпаса преобразуются экосистемы на больших пространствах, постепенно формируются степные и полупустынные ландшафты. Для того чтобы правильно реконструировать состав древнего стада домашних животных для дальнейших археоэкономических построений во времени, необходимо представлять характеристики природных ландшафтов на различных временных отрезках. Такую информацию могут предоставить обнаруживаемые остеологические фрагменты диких животных, обитавших в интересующее нас время на определенной территории. Мелкие мышевидные грызуны и другие мелкие животные зачастую являются видами-индикаторами состояния окружающей человека среды.

Археологические памятники Фанагория и Мысхако I, располагающиеся соответственно на полуостровах Таманский и Абрау, являются частью энеолитической, античной, а потом и возникшей на ее месте раннесредневековой хазарской

Добровольская Елена Всеволодна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН. E-mail: evdobrovolskaya@mail.ru

культур. Они своеобразны по положению, размерам и населению. Азиатский Боспор занимал две рядом расположенные, но сильно отличающиеся друг от друга по природным условиям территории. Первая из них — это архипелаг невысоких островом между Черным (Понт Евксинский) и Азовским (Меотида) морями: это та основа, на которой формировался современный Таманский полуостров. Вторая территория охватывала гористую северную часть черноморского побережья Кавказа на участке от Анапы (Горгиппия времен Боспорского государства) до Геленджика (Торик). Первые упоминания о том, что азиатские владения Боспора складывались из двух несхожих по своему облику земель, находим у античных авторов. Так, Страбон (Strabo VII. 4) делил эту территорию на азиатскую часть Боспора и Синдскую область.

Поселение Мысхако I находится на берегу Черного моря в пос. Мысхако, входящем в административные границы г. Новороссийска. Поселение занимает обширный пологий холм, ограниченный с запада широкой ложбиной с руслом ливневого водотока, с востока — небольшой бухтой, а с юга — обращенным к морю скальным обрывом высотой до 9-12 м над уровнем моря. В 1990–1991 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН под руководством А.Н.Гея и Е.И.Савченко на памятнике проведены раскопки на площади 1510 кв. м. Результатом стали достаточно полные и детальные данные о существовавшем тут античном поселении 1-го века н. э. и открытых в нижней части культурного слоя культуры жемчужно-накольчатой керамики, датируемого концом V — 1-й четвертью IV тыс. до н. э. В меньших объемах раскопки были продолжены в 2000-2002 гг. Полученная значительная по объему остеологическая коллекция Мысхако (11708 экземпляров костей и их фрагментов) представляет безусловный интерес для изучения фауны того времени и форм хозяйствования населения, обитавшего здесь в энеолите — раннем бронзовом веке и в античное время[1].

Раскопки в Фанагории с 1994 года проводятся археологической экспедицией Института Археологии РАН под руководством д.и.н. В. Д. Кузнецова. Археологический памятник Фанагория располагается на юго-восточном берегу Таманского залива около поселка Сенной Темрюкского района Краснодарского края, где были обнаружены пять культурных напластований, относящихся к раннесредневековому, римскому, эллинистическому, классическому времени и периоду поздней архаики — ранней классики. Исследования осуществлялись в центральной части городища — раскоп «Верхний город» (более 2500 кв. м). В настоящее время это наиболее изученный в археозоологическом направлении античный памятник России[2].

Таблица № 1. Видовой спектр животных, костные фрагменты которых были обнаружены в ходе раскопок памятника Мысхако I в слоях энеогена

№ п/п	Животные	Кол-во	% от определенных	ИТОГО:
ДОМАШНИЕ:				
1	КРС	173	9,4	**1131**
2	МРС	253	13,7	
3	Свинья	531	29,1	**(61,6 %)**

[1] Гей, Добровольская 2009, 73-74.
[2] Добровольская 2009, 113-118.

№ п/п	Животные	Кол-во	% от определенных	ИТОГО:
4	Лошадь	35	1,9	**1131**
5	Собака	133	7,2	
6	Кошка	6	0,3	**(61,6 %)**
ДИКИЕ:				
1	Моллюски	373	20,4	
2	Рыбы	39	2,1	
3	Птицы	9	0,6	
4	Дельфины	182	9,9	
5	Олень	15	0,9	**696**
6	Кабан	35	1,9	
7	Косуля	1	0,05	**(38,4%)**
8	Зубр	8	0,5	
9	Серна	2	0,06	
10	Волк	13	0,8	
11	Лиса	9	0,6	
12	Леопард	2	0,06	
13	Заяц	5	0,3	
14	Крыса	3	0,2	
15	Суслик	2	0,06	
Всего поднято: 3212		**1829**	**100%**	

Обращают на себя внимание количественная представительность серий большинства определенных видов, достаточно разнообразный состав как домашней, так и дикой фауны, присутствие за редкими исключениями (серна, волк, еж) практически всех определенных видов во всех выборках, а также отсутствие резких диспропорций между их процентными показателями в энеолитической, античной и раннесредневековой выборках. Фиксируемые изменения имеют вид тенденций и не позволяют говорить о кардинальных различиях в распределении (кроме раннесредневековой выборки).

Таблица 2. Видовой спектр животных, костные фрагменты которых были обнаружены в ходе раскопок памятника Мысхако I в античных слоях

№	Животные	Кол-во	% от определенных	ИТОГО
ДОМАШНИЕ:				
1	КРС	215	14,4	
2	МРС	507	34,0	
3	Свинья	329	22,0	**1192**
4	Лошадь	43	2,9	
5	Собака	98	6,4	**(80,3%)**
6	Кошка	8	0,5	
ДИКИЕ:				
1	Моллюски	48	3,2	**293**
2	Рыбы	78	5,4	
3	Птицы	77	5,2	**(19,7%)**
4	Дельфин	45	3,0	

№	Животные	Кол-во	% от определенных	ИТОГО
5	Олень	6	0,4	**293**
6	Кабан	4	0,3	
7	Косуля	6	0,4	**(19,7%)**
18	Зубр	1	0,1	
9	Лиса	18	1,2	
10	Заяц	3	0,2	
11	Еж	4	0,2	
12	Крыса	2	0,1	
13	Суслик	1	0,1	
Всего поднято:2641		1485	100%	

Для представления о скотоводческой деятельности требуется переход от выборки кухонных остатков к оценке мясного потребления населения. Мы проводили реконструкцию по методике Е. Е. Антипиной[3]. В таблице 3 представлены результаты реконструкции стад в разные временные эпохи.

Таблица № 3. Этапы реконструкции стада домашнего скота Мысхако I и Фанагории в различное историческое время

Памятник	Историческое время	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	ИТОГО
	Остеологические спектры					
Мысхако I	Энеоген	17,5%	25,5%	53,5%	3,5%	100%
	Античность	19,7%	46,3%	30,1%	3,9%	100%
Фанагория	Античность	37,5%	43,1%	11,1%	8,3%	100%
	Раннее средневековье	37,7%	40,1%	10,4%	11,8%	100%
Подсчет объемов мясных продуктов в условных единицах						
Мысхако I	Энеоген	105	253	796,5	192,5	1347
	Античность	118,1	46,3	45,2	21,5	231,1
Фанагория	Античность	225	43,1	16,7	45,7	330,5
	Раннее средневековье	226,2	40,1	15,6	64,9	346,8
Спектры мясного рациона						
Мысхако I	Энеоген	7,8%	18,8%	59,1%	14,3%	100%
	Античность	51,1%	20,0%	19,5%	9,4%	100%
Фанагория	Античность	68,0%	13,0%	5,0%	14,0%	100%
	Раннее средневековье	65,9%	11,8%	4,5%	18,8%	100%
Иерархия видов по относительной численности						
Мысхако I	Энеоген	IV	II	I	III	
	Античность	I	II	III	IV	
Фанагория	Античность	I	II	IV	III	
	Раннее средневековье	I	III	IV	II	

В результате реконструкции мы получили стада с абсолютным доминированием крупного рогатого скота и в античное, и раннесредневековое время.

В энеогене по численности на первом месте была свинья, затем МРС, затем лошадь и на последнем месте — КРС. В античное время наблюдается принципи-

[3] Антипина 2008, 68-80.

ально другая картина: первое место уверено держит КРС, на втором по-прежнему МРС, затем свинья, на последнем месте лошадь.

Практически во всех исследованных греческих, скифских и синдских городах наблюдается при переходе от ранних периодов к более поздним закономерная замена мелкого рогатого скота крупным. У этого процесса может быть несколько интерпретаций. Во-первых, увеличение количества крупного рогатого скота в эллинистических и римских слоях может являться показателем увеличения доли земледелия в сельском хозяйстве[4]. А так как основной рабочей силой были волы, с помощью которых распахивали и засеивали землю, понятен рост доли этих животных в стаде. К тому же, когда лошадь стали использовать не для еды, а в качестве тягловой силы, то количество ее остатков в поселениях снизилось. И это могло послужить причиной роста доли крупного рогатого скота. Во-вторых, тот же самый процесс Каспаров и Бутягин[5] ассоциируют с изменением уровня жизни населения. Увеличение темпов потребления говядины, которая является более деликатесным продуктом по сравнению с бараниной и козлятиной из-за более высоких затрат на ее производство, может быть связано с повышением благосостояния населения.

В группе диких животных большинство видов демонстрирует тяготение к раннему, энеолитическому, слою, что достаточно хорошо прослеживается на примере доли диких видов. В энеогене доля этих животных составляет 38,4% (Мысхако I), в античности только 19,7% (Мысхако I) и 1,8 % (Фанагория), а в реннесредневековье 1,6% (Фанагория) от определимых фрагментов.

Таблица 4. Видовой состав охотничьих видов зверей и птиц, обитавших в Фанагории в античное время

№	Вид	Количество находок	ИТОГО: кол-во и % от охотничьих видов
	Млекопитающие		
1	Олень благородный (*Cervus elaphus L.*)	57	**449 (47,2%)**
2	Косуля (*Capreolus capreolus L.*)	58	
3	Кабан (*Sus scrofa ferus L.*)	42	
4	Волк (*Canis lupus L.*)	89	
5	Лисица (*Vulpes vulpes L.*)	98	
6	Леопард (*Pantera pardus L.*)	2	
7	Заяц-русак (Lepus eupopeus Pall.)	103	
	Птицы	503	**503 (52,8%)**

Для того чтобы лучше увидеть происходящие изменения, мы решили посчитать соотношения между видами, которые нам кажутся наиболее интересными.

[4] Блаватский 1953, 137-140.
[5] Бутягин, Каспаров 2007, 139-140.

Таблица № 4. Соотношения встречаемости костных остатков домашних животных и дельфинов на памятнике Мысхако I

Время	КРС/дельфин	МРС/ дельфин	Лошадь/ дельфин	Собака/ дельфин
Энеоген	1 : 1	1,4 : 1	1 : 5	1 : 1,4
Античность	5 : 1	11 : 1	1 : 1	2 : 1

Соотношения долей тех или иных животных заметно меняются во времени. Если в энеолите доли КРС и дельфина одинаковы, то в античные времена это соотношение серьезно меняется: костей дельфина встречается в 5 раз меньше, а по сравнению с костями МРС — уже на порядок меньше. И такая закономерность прослеживается по всем основным группам домашних животных. На наш взгляд, все вышесказанное свидетельствует о том, что в энеогене роль охоты была несравненно выше, чем в античные времена. Это косвенно подтверждает достаточно высокая доля костей собаки. Такая же тенденция наблюдается и по находкам раковин моллюсков. Из этого можно сделать вывод, что в энеогене, конечно же, существовало местное скотоводство, но охота и собирательство играли еще достаточно важную роль в жизни населения Мысхако. В античное время (с приходом нового населения), видимо, слегка поменялся и видовой спектр охотничьих видов. По-видимому, в античные времена охота на дельфинов отсутствовала, в отличие от более ранних времен. Об этом говорит тот факт, что 73% костей дельфинов со следами кухонной разделки были обнаружены в слое энеогена, 19% — в смешанном и 8% — в античном слоях Мысхако). Это можно дополнить фактом обнаружения в энеолитическом слое костей дельфинов 4 видов (белобочка, афалина, морская свинья и обыкновенная гринда), а в античном только 3-х. Энеолитический спектр охотничьих видов млекопитающих содержит на 2 вида больше. Были составлены ряды, в которых представлены охотничьи виды зверей по убыванию находок:

ЭНЕОГЕН (Мысхако I)

Благородный олень — кабан — косуля — лисица — волк — заяц — дикая кошка — серна — зубр — леопард

АНТИЧНОСТЬ (Мысхако I)

Лисица — волк дикая кошка — заяц — благородный олень, косуля — кабан — серна — леопард

АНТИЧНОСТЬ (Фанагория)

Заяц — лисица — волк — дикая кошка — кабан — косуля — благородный олень

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (Фанагория)

Заяц — волк

В античное время на двух достаточно удаленных друг от друга памятниках мы наблюдаем одинаковую тенденцию — первые места занимают пушные звери, и лишь затем следуют звери, мясо которых употреблялось в пищу. Даже раннесредневековые данные (при всей их немногочисленности) дают похожую картину.

В раннесредневековое хазарское время (Фанагория) из костей диких животных обнаружено всего 1 плечо волка (*Canis lupus*) и 12 различных фрагментов скелета зайцев-русаков (*Lepus europeus)*[6]. Удивительным фактом является полное

[6] Добровольская 2010а, 441-442.

отсутствие остеологических фрагментов диких копытных. Также хотелось бы обратить внимание на почти постоянное присутствие в слоях костей птиц и рыб. Птицы представлены 6 видами: это 3 вида диких уток рода *Anas*, домашняя курица *Gallus gallus domesticus*, большая поганка *Podiceps cristatus* и чайка рода *Larus*[7].

Как можно заметить при такой интерпретации полученных данных, стада домашнего скота в разное время имели совершенно разные составы. В энеогене по численности на первом месте была свинья, затем мелкий рогатый скот, затем лошадь и на последнем месте крупный рогатый скот. В античное время наблюдается принципиально другая картина: первое место уверенно держит крупный рогатый скот, на втором по-прежнему мелкий, затем свинья, на последнем месте лошадь. В мясном рационе жителей раннего средневековья, обитавших в Фанагории, преобладала говядина, на втором месте находился мелкий рогатый скот, свинина, видимо, тоже потреблялась, но в несравнимо меньшем количестве.

Отсюда можно сделать некоторые выводы:

1. В энеолите, видимо, в районе Мысхако земледелие было развито крайне слабо. Можно предположить, что основу питания энеолитического населения составляла мясная пища, как разводимая, так и добываемая на суше и на море.

2. В античности сельское хозяйство уже было развито гораздо больше (и Мысхако I и Фанагория), необходимости в охоте как способе добычи пищи не существовало. Это можно подтвердить и составом стада, и небольшой долей моллюсков, и меньшей долей охотничьих видов.

3. В раннесредневековое время это положение остается в силе, меняется только соотношение скота в стаде.

ЛИТЕРАТУРА

Гей А. Н., *Добровольская Е. В.* 2009: Остеологические материалы поселения Мысхако I из раскопок 1990, 1991 и 2001 гг. // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. М., 72-83.

Антипина Е. Е. 2008: Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 67-85.

Блаватский В. Д. 1953: Земледелие в Античных государствах Северного Причерноморья // Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5, 127-143.

Бутягин А. М., *Каспаров А. К.* 2007: Костные остатки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Боспорский феномен. Ч. 1, 133-141.

Добровольская Е. В. 2009: Археозоологические исследования в Фанагории (2005–2008 гг.) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 113-118.

Добровольская Е. В. 2010а: Археозоологические исследования в Фанагории хазарского времени // ПИФК.1 (27), 439-444.

Добровольская Е. В. 2010б: Охота и рыболовство в жизни населения Фанагории и Мысхако I // XI Боспорские чтения. Керчь, 117-120.

[7] Добровольская 2010б, 118-119.

COMPARATIVE ARCHAEOZOOLOGICAL STUDIES OF CATTLE-BREEDING AND HUNTING IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION: MYSKHAKO I AND PHANAGORIA

Ye. V. Dobrovolskaya

This is the analysis of two osteological collections: the first one has provenance from the Settlement of Myskhako I (the Eneolithic and the Antiquity); the next one is from Phanagoria (the Antiquity and the Early Middle Ages). The comparative study of both collections allows us to reveal that the nourishment of population was based on using meat of domestic cattle and wild animals. The need for hunting for food disappeared in the Antiquity.

Key words: the Eneolithic, the Antiquity, osteological fragments, hunting, cattle-breeding

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

Причерноморье

© 2013

P. Dupont

NOTE SUR UN RECHAUD PORTATIF ARCHAÏQUE DE BEREZAN

Le fonds « Berezan » du Musée de l'Hermitage renferme une importante collection de céramique grise remontant très majoritairement à l'époque archaïque. Parmi cet ensemble, une pièce attire l'attention par ses caractéristiques particulières[1].

Il s'agit d'une grande écuelle (diam 27 cm; prof. cons. 10 cm) au profil échinoïde, malheureusement très fragmentaire, porteuse un peu en dessous du bord intérieur du fragment conservé d'un tenon légèrement redressé et, au fond de la vasque, le départ d'une cavité latérale en calotte (fig. 1).

De telles particularités morphologiques évoquent d'emblée un réchaud : le tenon observable sur le fragment ne devait pas être isolé et d'autres (deux probablement) devaient jalonner le pourtour de la vasque, un dispositif qui ne pouvait guère avoir d'autre destination que de supporter un récipient à fond bombé de type culinaire du genre *chytra*. Quant à la cavité latérale de fond de vasque, elle devrait être à interpréter comme un garde-braises.

La pâte, elle, de teinte gris moyen en surface et gris beige uni à cœur, est assez grossière, chargée en petit dégraissant, avec inclusion de petits graviers, et très micacée. L'intérieur de la cavité latérale présente encore des traces de suie. Le fait que le potier ait choisi de confectionner son vase à l'aide d'une argile ou préparation argileuse à forte granulométrie correspond sans doute à un choix délibéré : faute de disposer sur place d'une argile spécifique, faiblement calcaire et riche en alcalins, propre à supporter une cuisson à température élevée et les chocs thermiques répétés d'une utilisation culinaire journalière à l'instar des véritables marmites tournées à paroi mince de type grec, la solution technique d'une texture lâche à gros dégraissant couplée à une cuisson à basse température s'imposait, une solution de pis-aller entraînant une fragilité aux chocs d'origine mécanique, obligeant à renforcer l'épaisseur des parois.

A l'appui de notre interprétation de cette pièce comme un réchaud portatif, les *comparanda* ne sont pas nombreux. Le meilleur rapprochement pour l'époque archaïque nous est fourni aux antipodes de l'*oikoumènè*, par deux découvertes sous-marines fragmentaires, effectuées au large de l'île de Majorque, parmi la vaisselle de bord de l'épave

Pierre Dupont — CNRS, UMR 581 Maison de l'Orient, Lyon, France

[1] Inv. B. 77-170 (ex-Ber 77-10). Je remercie S. Solovëv, conservateur du fonds «Berezan» de l'Hermitage de m'avoir libéralement autorisé à publier cette pièce et fourni les informations sur son contexte de découverte.

Fig. 1 : Réchaud du Musée de l'Hermitage, St. Petersbourg, inv. B. 77-170.

de Cala Sant Vicenç, datée de la fin du VIe s.[2] (fig. 2). Leur taille reconstituée est certes moindre (une vingtaine de centimètres seulement), le fond plus ou moins plat et le profil de vasque au bord en dévers, mais on y retrouve le même dispositif de tenons de support de marmites. Seule manque la dépression latérale de fond de vasque, peut-être en raison du diamètre trop restreint ; mais ce genre de dispositif est bien attesté, paraît-il, sur les réchauds traditionnels cambodgiens[3]. Quant aux garde-braises proprement dits ou supposés tels, ils sont attestés de longue date dans le monde égéen[4] et, semble-t-il, en mer Noire, au tournant de notre ère dans la céramique géto-dace[5]. A noter également que le fond, vraisemblablement bombé ou, de toute façon, déformé par l'excroissance du réceptacle garde-braises, de l'exemplaire de Berezan suggère qu'il était destiné à être installé au sommet d'un support, circulaire ou en fer à cheval, à l'instar d'une pièce hellénistique de l'Agora d'Athènes[6], auquel cas, le terme de fourneau amovible serait à substituer à celui de réchaud portatif. Une dernière possibilité serait d'interpréter cette pièce de Berezan non comme un petit réchaud (gr. εσχαριον; lat. *foculus*), mais comme un vase de cuisson à l'étouffée du genre faitout, dont les tenons intérieurs massifs seraient prévus pour supporter un couvercle en cloche, le transformant en four de campagne (gr. πνιγευς; lat. *testum*), mais à la capacité limitée du fait de l'encombrement du garde-braises.

[2] Santos 2009, 120 et 121 fig. 112.

[3] Je remercie mon collègue Armand Desbat de cette précieuse information. La seule autre interprétation pourrait être celle d'une buse de tirage, de taille totalement disproportionnée dans le présent cas.

[4] Johansen 1958, 53 V.9, 59 fig. 121-122, 60 fig. 123, 167-169. Cette pièce unique d'Exochi (2e moitié du VIIIe s.), quoique d'une morphologie différente, est également munie de tenons sur l'intérieur du bord, mais regroupés d'un seul côté, apparemment pour un usage autre que celui de support de marmite et donc de réchaud.

[5] C'est vraisemblablement la destination des récipients tronconiques connus sous l'appellation de « tasses daces » (cf. Crişan 1978) et interprétés généralement comme des ustensiles d'éclairage, alors qu'ils se rapprocheraient assez de certains garde-braises créto-mycéniens, également reproduits par Johansen, op. cit. 168 fig. 226-227.

[6] Rotroff 2006, fig. 94 n° 787.

Fig. 2 : Réchaud de l'épave de Cala Sant Vicenç (d'après Santos 2011).

Quant au contexte de trouvaille, c'est celui d'une maison d'habitation relativement bien datée par la présence de tessons attiques à figures noires et de deux amphores de transport du type «à fond en gobelet» de Zeest, alias «Fractional red» de Clinkenbeard ou «Lesbos rot» de Bîrzescu, de la fin du VIe ou du début du Ve s. av. J.-C., soit une datation assez proche de l'exemplaire de l'épave de Cala Sant Vicenç.

BIBLIOGRAPHIE

Crişan I.H. 1978: *Ziridava*, Arad // Ceaşca dacica. 128-129, 31-32.

Johansen K.F. 1958 : Exochi. Ein frührhodisches Gräberfeld.Copenhague.

Rotroff S.I. 2006 : Hellenistic pottery. The plain wares, The Athe-nian Agora. Vol. XXXIII. Princeton.

Santos R.M. 2011: Vaixella de bord i vasos per al comerç : la ceràmica fina i comuna // El vaixell grec arcaic de Cala Sant Vicenç / X.Nieto, M. Santos (eds.), Barcelona, 81-124.

© 2013

А. В. Буйских

ХИОССКИЙ КУБОК СТИЛЯ GRAND ИЗ БОРИСФЕНА

Статья посвящена введению в научный оборот фрагментов редкого расписного хиосского кубка из раскопок В. В. Лапина на о. Березань. На основании стилистического анализа уточнена его датировка первой — рубежом второй четверти VI в. до н. э., определено его место в ранней керамической коллекции Борисфена.

Ключевые слова: археология, Борисфен, хиосская керамика, стиль Grand

Раскопки В. В. Лапина на острове Березань (античный Борисфен) в 1960-1980 гг. оставили большую и до сих пор полностью не обработанную коллекцию привозной керамики из разных средиземноморских центров. В ней мое внимание привлекли несколько фрагментов крупного кубка, изготовленного на о. Хиос. Он выделяется своей редкостью даже на фоне подробно изученной коллекции хиосской расписной керамики из раскопок, проведенных на этом памятнике экспедицией Государственного Эрмитажа[1]. Сам автор раскопок назвал этот сосуд в своем отчете подлинным шедевром, несмотря на то, что он дошел во фрагментах[2]. Фото двух лучше сохранившихся фрагментов публиковались дважды. Первая, очень краткая публикация принадлежит В. Н. Корпусовой в обзоре расписной керамики из Борисфена в коллективной монографии, посвященной исследованию культуры Ольвии и ее округи архаического времени[3].

Второй раз они были опубликованы в монографическом исследовании расписной керамики, произведенной на о. Хиос. Однако автор этой обобщающей работы, А. Лемос, при определении стилистической принадлежности сосуда, имела возможность воспроизвести лишь фото из упомянутой публикации В. Н. Корпусовой, тем не менее, верно определив общую стилистическую принадлежность березанского сосуда стилю Grand[4]. При этом фото, которые могла использовать А. Лемос, не позволили ей дать исчерпывающую характеристику особенностей росписи кубка. Но, благодаря именно работе А. Лемос, березанский кубок стал широко известным. Его неоднократно упоминал Р. Кук при анализе стиля Grand в обобщающей работе по восточногреческой керамике[5]. К этому кубку, опира-

Буйских Алла Валерьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины. E-mail: abujskikh@ukr.net

[1] Ильина 2005.
[2] Лапин 1976/116, 4.
[3] Корпусова 1987, 45, рис. 18, 1-2.
[4] Lemos 1991, cat. Nr. 799, о стиле и датировке сосуда: p. 184.
[5] Cook, Dupont 1998, 71-73.

ясь на переопубликованные А. Лемос из работы В. Н. Корпусовой фото в крайне низкокачественном воспроизведении, обратился также Д. Виллиамс при анализе коллекции хиосской керамики из Навкратиса. Березанским фрагментам было уделено специальное внимание в связи с существующей в историографии длительной попыткой решить вопрос о подлинности хиосского происхождения сосудов этого стиля, найденных, в частности, в Навкратисе. При повторном анализе атрибутированных фрагментов сосудов стиля Grand автор счел березанский сосуд неопределенным (“indeterminate vessel”). При этом высказано сомнение в хиосском происхождении сосуда со ссылкой на Ю. И. Ильину, якобы указавшую автору, что светлая глина наводит на мысль о его коринфском производстве[6]. Представляется, однако, что эта безусловная ошибка (ссылка на мнение Ю. И. Ильиной передана явно некорректно) основана на том, что Д. Виллиамс писал о сосуде, который не имел возможности видеть.

Рис. 1. Профиль кубка.

Все сказанное означает, что полноценная научная обработка сосуда, включающая его полную публикацию, атрибуцию, анализ морфологии формы и стиля многочисленных деталей росписи, вплоть до настоящего времени не была осуществлена на должном уровне, что и породило разногласия в его интерпретации. Это заставило меня обратиться к сосуду снова, поскольку, в отличие от всех перечисленных авторов, писавших о кубке, я имела возможность изучить его фрагменты *de visu*[7].

От кубка дошли только верхние части в количестве около тридцати фрагментов, зачастую очень мелких, с поврежденным лицевым покрытием. Все они были найдены в течение двух полевых сезонов, в 1975–1976 гг., на площади 25-30 кв. м, на разной глубине, а один фрагмент — еще и в расположенной рядом яме[8]. Гли-

[6] Williams 2006, 130, note 61.

[7] Фрагменты кубка хранятся в экспозиции Музея археологии Института археологии НАН Украины. Благодарю заведующую музеем Л. В. Кулаковскую и заведующую экспозицией Л. И. Иванченко за содействие в работе с сосудом.

[8] Лапин 1976/116, 4-5, табл. 20.

на однородная, хорошо отмучена, с редчайшими мелкими включениями извести, 5YR 6/4 light reddish brown. Вместе удалось собрать четыре крупных фрагмента. В сечении верхняя часть сосуда имеет усеченно-конусовидную форму, край заострен на уровне устья. Стенка кубка прямая, слегка сужается к краю. Реконструированный диаметр 33 см, кубок сохранился на максимальную высоту 12 см, толщина стенки в нижней части достигает 4 мм (рис. 1).

Стиль Grand был определен Дж. Бордманом по находкам фрагментов хиосских кубков в Навкратисе. Для изобразительного поля сосудов, отнесенных к этому стилю, характерны крупные монументальные фигуры людей, что позволило выделить такие сосуды и считать редкими даже на фоне собственно хиосских и синхронных восточногреческих, а также богатое использование полихромии, прежде всего, пурпура на лицевой стороне[9]. Сосуды именно такого крупного стандарта, как березанский, характерны для стиля Grand[10]. По мнению Дж. Бордмана, такие кубки имели размеры кратеров[11]. Его поддержал Р. Куком, согласно которому такие сосуды уже можно считать кратерами[12]. Судя по сохранившимся фрагментам, сюжет росписи центрального фриза березанского кубка был ассиметричен, что также характерно для этого стиля. Он включал изображения людей, животных и фантастических существ, а также крупный заполнительный орнамент. Дж. Бордман отмечал, что мастера указанного стиля являлись одними из основных в обширной группе всего восточногреческого стилевого направления, кто охотно изображал основные мифологические темы[13]. К сожалению, полностью композицию росписи и последовательность изображения отдельных составляющих сюжета березанского кубка восстановить не представляется возможным. Можно отметить, что такая же ситуация характерна для всех кубков стиля Grand: вплоть до настоящего времени все они атрибутированы только по отдельным фрагментам, и полные сюжеты на них пока не известны[14].

Фрагмент 1 собран из двух частей (цв. вкл. 10, рис. 2, 1). Верхняя была обнаружена в 1975 г.[15], нижняя — в 1976 г.[16] Фрагменты 2 и 3, также обнаруженные в 1975 г., собраны из мелких обломков. По внешней стенке кубок был покрыт плотным светлым желто-коричневым ангобом, который практически полностью оказался утраченным по фрагменту 2 (цв. вкл. 10, рис. 2, 2). Роспись по внешней стенке фрагмента 1 выполнена в резервной технике, нанесена коричневым лаком, детали выделены накладной краской — пурпуром. По краю — орнамент из чередующихся прямоугольников и точек, под ними две тонкие сдвоенные линии, между которыми — простой прерывистый меандр. Такой вариант декора края известен для кубков стиля Wild Goat (тип 5 по А. Лемос)[17]. Основной живописный фриз содержит фигуру обнаженного воина-гоплита вправо со щитом и копьем, сохранившуюся почти полностью, за исключением обеих стоп. Судя по незна-

[9] Boardman 1956, 55 ff.; 1998, 145.
[10] Lemos 1991, 80, fig. 42; о стиле — 95.
[11] Boardman 1998, 145.
[12] Cook, Dupont 1998, 71.
[13] Boardman 1998, 145.
[14] Boardman 1998, 145; Cook, Dupont 1998, 71.
[15] Лапин 1975/114, табл. 22, 2.
[16] Лапин 1976/116, табл. 19.
[17] Lemos 1991, 44, fig. 24, 5.

чительным остаткам фрагментов росписи у сколов, сюжет изображал батальную сцену, состоявшую из нескольких пар сражающихся воинов: справа от фигуры виден профиль повернутого влево воина, слева от фигуры — часть голени повернутого влево воина из другой пары.

В стилистическом отношении рисунок выполнен в соответствии с канонами ионийского искусства архаической эпохи: при общей постановке фигуры в профиль крупный глаз передан в фас, губы слегка изогнуты в «архаической» улыбке. Характерна также передача позиции метания копья правой рукой в лицо стоящему напротив противнику «за головой», чтобы не перекрыть лицо. Пропорции и моделировка фигуры, передача анатомических деталей уверенной непрерывной контурной линией свидетельствует о высоком мастерстве художника-вазописца. Необходимо обратить внимание и на попытку мастера передать верхнюю часть торса полностью статичной фигуры воина в трехчетвертном развороте по плоскости. Плечо и правая рука с подчеркнутой мускулатурой предплечья оказались развернутыми в фас, тогда как левое плечо отсутствует, а голова, шея, грудь, живот и широко расставленные ноги переданы в профиль. Эта попытка оказалась не совсем удачной, но она, безусловно, свидетельствует о том, что массовое производство расписной керамики для импорта одновременно было и процессом творческим, связанным с поиском передачи перспективных изображений. Прослеженные пропорциональные несоответствия при свободной линии рисунка, скорее всего, следует объяснять именно той характерной живописной манерой, которую Р. Кук определил как “free painting”, сравнив ее с росписью деревянных или терракотовых панелей или стен[18].

Значительное внимание художник уделил также деталям фигуры, особенно головы: прорисовке прически с резервной перевязью на голове и падающими крупными буклями на лоб и на спину, каждая из которых прописана отдельно; густой, фигурной формы бороды, заканчивающейся на конце узким клином; крупной изогнутой раковине уха, переданной двойной линией. Детали прически обозначены двумя тонкими полосами пурпура. У атрибутированных сосудов стиля Grand уже зафиксированы близкие детали в изображении причесок и бороды, а также глаза и брови в фас[19]. Точечной розеттой, состоящей из мелких точек, обозначен сосок на груди, изящными изгибами переданы кисти рук с выделенным большим пальцем. С мелкими деталями передана конструкция внутренней стороны круглого щита и декор его отдельных элементов — обе рукояти, широкая, фиксировавшая левую руку до локтя и тонкая, за которую воин держится рукой, а также кольца со свисающими волнистыми шнурами. Весь фон внутренней части щита залит густым пурпуром. Исключением является край окружности, украшенный точками в шахматном порядке. Вероятно, повторяясь в каждой паре воинов, пурпурные щиты создавали выразительные цветовые акценты. В активном использовании пурпура крупными пятнами также определяются характерные особенности живописной манеры стиля Grand[20].

Помимо фигур, по внешней стенке кубка размещен также крупный заполнительный орнамент. Под сдвоенной тонкой линией края — округлая, слегка вытя-

[18] Cook, Dupont 1998, 71-73.
[19] Lemos 1991, 97, fig. 49, cat. Nr. 701-702, fig. 57, cat. Nr. 724.
[20] Cook, Dupont 1998, 73.

нутой формы подвеска, имеющая широкий контур с тонкими частыми палочками, центром, обозначенным тонкой линией с удлиненным язычком. Такая манера прорисовки подвесок типична для росписи хиосских сосудов декора Wild Goat и стиля Grand[21]. В нижней части фриза — шестилепестковая округлая розетта с точкой в центре и в каждом лепестке, заключенная по внешней окружности в двойной неровный контур. Изобразительная манера также имеет прямые аналогии в заполнительном декоре, характерном для стиля Grand[22].

Фрагмент 3, собранный из четырех мелких частей (цв. вкл. 10, рис. 2, 3), содержит частично сохранившееся изображение сидящего сфинкса влево. Туловище с удлиненными пропорциями, высокое узкое бедро задней лапы характерны для иконографии сфинкса архаической эпохи. Оперение крыла и контур колена переданы резервными линиями, детали мускулатуры подсвечены пятнами пурпура. Под животом сфинкса — крупная округлая подвеска, опирающаяся плоским основанием на края изобразительного фриза, прорисованная аналогично подвеске на фрагменте 1.

Фрагмент 4 (рис. 3), собранный из двенадцати частей, был обнаружен в 1976 г. Композиционным центром этой части фриза является всадник на коне влево. Голова и шея, как и у воина на фрагменте 1, также изображены в профиль, глаз — в фас, торс и левая нога в профиль. И в этой фигуре обращает на себя внимание прорисовка рук. Левой опущенной рукой с напряженными мышцами предплечья всадник держит натянутые поводья, переброшенные через шею коня влево, поднятой и согнутой в локте правой — копье, которым он целится в направлении вниз. Таким образом был передан трехчетвертной разворот сидящей фигуры со спины, но при этом не прорисованы лопатки. Абрис торса передан как при изображении в фас, а перспектива подчеркнута левым соском на груди в виде окружности из нескольких точек. Из одежды на всаднике только пурпурная набедренная повязка, завязанная на талии и свисающая треугольником на круп коня. В передаче деталей: головы и лица, прически, бороды, мускулатуры и кистей рук — очевидно безусловное сходство с воином на фрагменте 1. Однако, в отличие от этого фрагмента, фигура воина несколько не масштабна относительно коня, кроме того, голова человека немасштабна даже относительно его туловища — пропорциональный расчет фигуры человека и крупа лошади художнику явно не удался.

Конь, на котором сделан акцент, отличается крупными размерами, массивным крупом, тонкими ногами и большой, тщательно проработанной головой. С мелкими подробностями деталей и декора прорисована упряжь, U-образные псалии с разведенными и завернутыми концами. Обращает внимание крупный «человеческий» глаз с бровью и слегка открытая пасть с зубами. Густая грива залита пурпуром. Заметна также небольшая ошибка художника, начавшего покрывать пурпуром контурную линию конской морды, проведя ее непрерывно от резервного пятна уха. Необходимо отметить, что среди фрагментов сосудов, атрибутированных со стилем Grand, уже известен случай изображения морды лошади с приоткрытой пастью, в которой видны зубы, причем каждый из них выписан отдельно[23].

[21] Lemos 1991, fig. 35, 61.
[22] Lemos 1991, fig. 61.
[23] Lemos 1991, fig. 55, cat. Nr. 807.

Свободное пространство фриза покрыто заполнительным орнаментом. Это подвесные треугольник и подвеска, многолепестковые розетты, подвеска в нижней части фриза. Подвесной треугольник с двойной линией внешнего контура и залитыми лаком внутренними ромбами находит прямые аналогии в заполнительном орнаменте расписных хиосских сосудов стиля Wild Goat и стиля Grand[24]. Представляет интерес и манера прорисовки сложной розетты под крупом коня, состоящей из шести вписанных окружностей с точками в центре каждой, разделенных «лепестками» вытянутой треугольной формы. Такие розетты также начинаются в росписи сосудов стиля Wild Goat, а завершенную форму приобретают в стиле Grand[25]. Помимо этой, поле под крупом коня заполняет еще и подвеска, крепящаяся основанием на горизонтальной линии, ограничивающей изобразительный фриз сосуда и по стилю идентичная подвесной.

Внутренняя сторона кубка покрыта типичным для хиосских сосудов густым и блестящим черным лаком, по которому нанесено несколько фризов росписи накладными красками. Верхний фриз образован гирляндой из раскрытых цветов лотосов с несоприкасающимися лепестками, между которыми помещены девятилепестковые круглые розетты в двойном контуре и крупной точкой в центре, нанесенной белой краской. Все детали цветов и розетт подсвечены пурпуром. Верхний фриз отделен от нижнего сдвоенными тонкими линиями белой краски, пространство между которыми заполнено мелким зигзагом. Между сдвоенными линиями нанесены тонкие линии пурпура, треугольное поле зигзагов с чередованием через два закрашено пятнами пурпура. Нижний фриз обрамлен также сдвоенной полосой белой краски, акцентированной снизу тонкой полосой пурпура. Широкое поле этого фриза заполнено группами чередующихся орнаментов — расположенных на равных расстояниях соединенных треугольников и капель с розеттами. Треугольники вершинами вверх образованы тонкими сдвоенными линиями белой краски, крайние треугольники обрамлены волютами. Поле каждого треугольника заполнено пурпуром. Капли вершинами вверх также образованы тонкими сдвоенными линиями белой краски с пурпурными центрами и отходящими в стороны волютами, нанесенными белой краской. Четырнадцатилепестковые розетты прорисованы белой краской с чередованием пурпурных лепестков, центр выделен окружностью белой краски с точкой пурпура.

Вопрос о датировке кубка важен, поскольку он прямо связан со стилистическим анализом особенностей его росписи. Фрагменты 1-3 были выявлены на уровне горизонта стены № 216[26]. Поэтому условия их находки, исходя из современных представлений о хронологии строительных остатков Борисфена, позволяют ограничить нижнюю дату появления сырцово-каменных сооружений серединой VI в. до н. э.[27] Соответственно, это *terminus ante quem* для публикуемого сосуда. Несмотря на условия находки, В. Н. Корпусова отнесла оба фрагмента ко второй половине VII в. до н. э.[28] Эта датировка, однако, не была подкреплена необходимой аргументацией даже с поправкой на прежнюю хронологию строи-

[24] Lemos 1991, fig. 33, 61.
[25] Lemos 1991, fig. 61.
[26] Лапин 1975/114, 34.
[27] Чистов 2012, 6.
[28] Корпусова 1987, 45.

тельных остатков Борисфена. Дж. Бордман датировал время существования стиля Grand 580-550 гг. до н. э., считая, что в стилистическом ряду хиосской вазописи он следовал за группой т.н. кубков с животными (Animal chalices)[29]. А. Лемос на основании тщательного стилистического анализа согласилась с предложением Дж. Бордмана отнести небольшую группу сосудов стиля Grand ко второй четверти VI в. до н. э., причем как производных от стиля Wild Goat в целом. При этом березанский кубок она определила как “very important”. Исходя из его декоративных элементов, как видно, в целом ряде случаев действительно характерных для стиля Wild Goat, было высказано предположение об ограничении верхней границы этого сосуда в пределах первой четверти VI в. до н. э.[30]

Принимая эту датировку и соглашаясь с основной линией прослеженного стилистического развития, следует все же отметить еще один момент. Сопоставление заполнительных орнаментов обоих стилей показывает безусловное сходство в прорисовке крупных орнаментов, однако хиосские сосуды стиля Wild Goat, особенно его позднего этапа, Wild Goat II, обладают значительно большим количеством заполнительного декора. Эта количественная разница, несомненно, объяснима использованием в сосудах стиля Wild Goat декоративных элементов меньших размеров, покрывавших практически все свободное от изображений поле. В березанском кубке весь заполнительный орнамент достаточно крупный, а типологическое разнообразие самих декоративных элементов — меньшее. Такая трактовка декора, как представляется, может служить хронологическим репером, позволяющим в пределах первой четверти VI в. до н. э. оставить нижнюю границу сосуда, тогда как верхнюю поднять до рубежа первой — второй четверти или первой декады второй четверти этого столетия. Поэтому стиль Grand, скорее всего, является одним из поздних вариантов стиля Wild Goat II, существовавшего в хиосской вазописи синхронно со стилем Late Wild Goat в североионийской вазописи.

При анализе стилистических особенностей росписи березанского кубка нельзя не обратить внимание на близкое сходство его отдельных композиций (батальные сцены развернутых по фасаду пар воинов, всадники) с сюжетами, характерными для коринфской вазописи и обильным использованием пурпура. Интересно, что они характерны, начиная от протокоринфского периода до среднекоринфского, т.е. до первой четверти VI в. до н. э.[31] Позднее этого времени многофигурные композиции в коринфских вазах уже не встречаются. Поэтому вполне вероятно, что хиосский мастер, работавший в стиле Grand, мог заимствовать такие сюжеты, воспроизведя их, однако, в характерной для хиосской вазописи этого времени резервной технике. Надежные сюжетные и стилистические аналогии в коринфской вазописи косвенно подтверждают и время выпуска указанных хиосских сосудов.

Определяя хронологические рамки сосудов стиля Grand, можно воспользоваться также материалами Ольвии. В коллекции ее ранней расписной керамики продукция Хиоса занимает значительное место, как, собственно, уже давно по-

[29] Boardman 1998, 145.

[30] Lemos 1991, 184-185.

[31] См., например общий анализ изобразительных сюжетов: Payne 1931, 72-73, 94-95; конкретно для среднего коринфского периода: Benson 1956, fig. 40; Bakir 1974, cat. Nr. K 29; Dehl- von Kaenel 1995, cat. Nr. 3358.

дозревалось в историографии[32]. При этом сосуд, который можно соотнести со стилем Grand, пока представлен единственным фрагментом[33], что, однако, уже интересно само по себе, так как расширяет географию их импорта за пределы о. Хиос. Но для Ольвии такая ситуация является и определенным хронологическим репером, поскольку, как мне неоднократно приходилось отмечать, именно первая четверть VI в. до н. э. дает значительное количество фрагментов сосудов из разных центров, представленных единичными экземплярами. Во второй четверти этого столетия коллекция восточногреческой керамики в количественном отношении умножена многократно.

В результате проведенного стилистического анализа фрагментов березанского кубка стиля Grand, как представляется, можно отказаться от необоснованных сомнений в его не-хиосском происхождении. Более того, этот сосуд подтверждает мысль Р. Кука о том, что общее направление хиосского импорта в Понт для Хиоса было не менее значительным, чем в Навкратис, а еще и более надежным (credible)[34]. Поэтому полная публикация коллекции хиосской керамики из Борисфена, необходимость которой очевидна, позволит уточнить многие вопросы, касающиеся не только производства, но и ее распространения в Восточном Средиземноморье и Причерноморье во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Буйских А. В. 2013: Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев.

Ильина Ю. И. 2005: Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1. / С. Л. Соловьев (ред.). СПб., 70-173.

Корпусова В. Н. 1987: Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время / С. Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 35-53.

Лапин В. В. 1975/114: Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1975 г. (экспедиция Археологического музея ИЗ АН УССР) // НА ИА НАНУ. Ф. э. 7764.

Лапин В. В. 1976/116: Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Ф. Э. 8222.

Чистов Д. Е. 2012: Комплексы и напластования конца VII — середины VI в. до н. э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005-2009 гг. СПб., 8-19.

Bakir T. 1974: Der Kolonnettenkrater in Korinth und Attika zwischen 625 und 550 v. Chr. Würzburg.

Benson J. L. 1956: Some Notes on Corinthian Vase-Painters // AJA. Vol. 60, 219-230.

Boardman J. 1956: Chian and Naucratite // BSA. Nr. 51, 55-62.

Boardman J. 1998: Early Greek Vase Painting 11th — 6th centuries BC . A Handbook. London.

Cook R. M., Dupont P. 1998: East Greek Pottery. London; New York.

Dehl- von Kaenel Ch. 1995: Die archaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. Berlin.

[32] Lemos 1991, 203.
[33] Буйских 2013, кат. № 10. 13.
[34] Cook, Dupont 1998, 73.

Lemos A. A. 1991: Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. Oxford.

Payne H. 1931: Necrokorinthia. A Study of the Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford.

Williams D. 2006: The Chian Pottery from Naukratis // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean / A. Villing, U. Schlotzhauer (eds.). London, 127-132.

CHIAN GRAND STYLE GOBLET FROM BORYSTHENES

A. V. Buiskikh

The paper introduces fragments of a rare decorated Chian goblet from V. V. Lapin excavation on the Berezan island. Stylistic analysis made it possible to date it more accurately as the first quarter of 6th century BC and not later than the beginning of the second quarter of the 6th century BC. The analysis also made it possible to determine its place in Borysthenes early ceramic collection.

Key words: archeology, Borysthenes, Chian ceramics, Grand style

© 2013

В. И. Мордвинцева

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ИЗ БУЛАХОВКИ И «РИТУАЛЬНЫЕ КЛАДЫ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III–I вв. до н.э.

В 1972 г. у с. Булаховка Днепропетровской области в насыпи кургана эпохи бронзы был обнаружен комплекс предметов I в. до н.э.: пять позолоченных фаларов, 3 серебряных чаши, остатки железного пластинчатого панциря, серебряные и золотые бляшки, фрагмент бронзового сосуда и ременные пряжки. Судя по обстоятельствам находки и составу предметов, комплекс из Булаховки относится к числу т.н. «ритуальных кладов» - захоронений вещей в насыпях курганов, естественных возвышенностях и балках при отсутствии костей человеческого скелета. Клады Северного Причерноморья III–I вв. до н.э., скорее всего, связаны с погребальным ритуалом. Ничтожно малое число погребений в Северном Причерноморье в период с III по I вв. до н.э. может свидетельствовать о том, что в данном регионе был распространен погребальный обряд, при котором археологически невозможно зафиксировать останки погребенного. Состав ритуальных кладов и типы обнаруженных в них вещей демонстрируют близость культуры Северного Причерноморья позднеэллинистического времени культурам круга Ла Тэна, распространенным на территории современной Болгарии, Румынии и Венгрии.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, курган, ритуальные клады

В 1972 г. при сельскохозяйственных работах на поле у с. Булаховка Павлоградского района Днепропетровской области были обнаружены четыре позолоченных фалара и серебряная чаша. В этом месте археологами был заложен шурф 4х4 м, в котором были найдены еще один фалар и две чаши, остатки железного пластинчатого панциря, серебряные и золотые бляшки, фрагмент бронзового сосуда и ременные пряжки (рис. 1–6, цв. вкл. 11, рис. 7). Неподалеку от этого места находилась группа курганных насыпей. В 1973 г. в одном из них было обнаружено погребение лошади и полностью ограбленная могильная яма, в которой найден литой бронзовый котел[1]. Судя по тексту полевого отчета, связь между этой находкой и расположенной неподалеку ямой с фаларами не прослежена, хотя в иллюстрациях к отчету они обозначены как происходящие из погребения 1 кургана 2. В. И. Костенко и К. Ф. Смирнов в своих публикациях считают их относящимися к одному погребальному комплексу вместе с котлом[2].

Мордвинцева Валентина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины. E-mail: v_mordvintseva@mail.ru

[1] Ковалева 1973.

[2] Костенко 1978, 78; Смирнов 1984, 110, 111, рис. 52.

Рис. 1. *1* — Бронзовый котел из насыпи кургана 2; *2–7* — Предметы из клада у Булаховки. *2*; *3* — Пуговицы; *4* — Золотые бляшки; *5* — Фрагменты железного панциря, орнаментированного золотыми нитями; *6* — Серебряные кольца; *7* — Серебряная чаша.

Фалары конской упряжи (пять экземпляров) изготовлены из серебра и покрыты позолотой (рис. 3–6, цв. вкл. 11, рис. 7). Они имеют полусферическую форму, их края отогнуты под прямым углом, образуя бортик. Они покрыты растительным орнаментом в виде розетты из листьев аканфа и лотоса. Фон покрыт рядами точек. На бортике частично сохранились железные гвозди с широкой расклепанной шляпкой, которыми крепились железные пластины для соединения со сбруей. Все фалары деформированы и фрагментированы. По своей форме и типу декора они сходны с популярными в позднеэллинистическое время рельефными керамическими (т.н. «мегарские чаши») и серебряными сосудами. Стилистически они относятся к группе «Причерноморского графического стиля», характерного для предметов торевтики Северного и Северо-Западного Причерноморья[3]. Декоративными особенностями рассматриваемой группы являются графические орнаменты в виде рядов точек, полос треугольников, зигзага, бегущей волны и ов. Н. Феттих, исследуя новые находки на территории Венгрии и Румынии впервые сопоставил фалары, найденные на территории Украины и южной России с материалами дакийских кладов. Он сделал также вывод об изготовлении всех этих предметов в Ольвии во второй половине 1 в. до н.э., т.е. в период царствования Буребисты[4].

Серебряные чаши (рис. 1: *7*; рис. 2) найдены вложенными одна в другую. Они имеют округло-коническую форму. Венчик утолщен, слегка отогнут наружу, под ним прорезана линия. Рассматриваемые чаши происходят, как правило, из комплексов 2–1 вв. до н.э. Находки подобных чаш известны на территории Испании и Италии, несколько экземпляров происходят с территории Греции и Малой Азии[5]. Находки подобных сосудов хорошо известны в ритуальных кладах, обнаруженных на территории Западного Причерноморья (тип 3а по классификации Хоредта). Причем в этих комплексах представлено сразу по несколько экземпляров, как и в случае с Булаховкой — четыре экземпляра в кладе из Якимово[6], девять — в кладе в Бохоте[7]. Хоредт отмечал находки восьми экземпляров таких сосудов в пяти комплексах из Дакии[8]. На одной из чаш на дне точками выгравированы греческие буквы IΔ, а сбоку прочерчена тамга (рис. 2: *1*) — знак родовой или племенной принадлежности. Появление этих знаков в Северном Причерноморье обычно связывают с распространением культуры сарматов[9].

Плоские серебряные «пуговицы» круглой формы, в центре изображена четырехлепестковая розетта в технике перегородчатой инкрустации, ячейки которой заполнены синей и зеленой эмалью (рис. 1: *2, 3*). Аналогичные украшения обнаружены в воинском погребении 1 кургана 1 могильника Октябрьский-V в междуречье Волги и Дона[10], который содержал предметы, датирующиеся в диапазоне от IV в. до н.э. до I в.н.э. Авторы датируют комплекс I в.н.э.

Серебряные колечки (7 экз.) (рис. 1: *6*) являлись, возможно, обоймами ногайки. Аналогичные колечки были обнаружены в вотивных кладах Северного

[3] Mordvinceva 2001, 37.
[4] Fettich 1953, 171.
[5] Treister 2007.
[6] Gold of the Thracian Horsemen 1987, Nr. 494–497.
[7] Gold of the Thracian Horsemen 1987, Nr. 484–492.
[8] Horedt 1973, 143–144 Abb. 8: G3a.
[9] Драчук 1982.
[10] Мыськов, Кияшко, Скрипкин 1999, рис. 6: 3, 27–29.

Рис. 2. *1–2* Серебряные чаши из клада у Булаховки.

Причерноморья — Бравичены[11], Великоплоское[12], Марьевка[13], которые датируются в рамках III-II вв. до н.э.

Золотые штампованные бляшки (7 экз.) в форме «башенных зубцов» и одна полусферическая бляшка (рис. 1: 4) являлись нашивками костюма. Золотыми штампованными бляшками и пластинами с изображениями расшивали в древности ткани. Идея нашивать золотые пластины на одежду появилась очень рано. Из-под Варны в Болгарии происходят аппликации в форме букраниев и полных звериных фигур, которые датируются 5 тыс. до н.э.[14]. Среди украшений ахеменидского Ирана имеются штампованные бляшки геометрических форм, в том числе в виде «башенных зубцов»[15]. Этот элемент орнамента можно встретить и на предметах торевтики эллинистического времени. В памятниках Северного Причерноморья находки бляшек в виде «башенных зубцов» встречаются достаточно широко, в том числе в комплексах позднеэллинистического времени[16].

Кроме перечисленных предметов в шурфе были собраны мелкие обрывки коррозированного железного панциря (?), инкрустированного золотой проволокой (рис. 1: 5).

Предметы, найденные в Булаховском комплекса, позволяют датировать его I в. до н.э.

Судя по обстоятельствам находки и составу предметов, комплекс из Булаховки относится к числу т.н. «ритуальных кладов» — захоронений вещей в насыпях курганов, естественных возвышенностях и балках при отсутствии костей человеческого скелета. Большинство предметов в этих комплексах находят в поломанном виде. Они датируются в рамках от III до I вв. до н.э.

Впервые эти захоронения вещей назвал кладами А. А. Спицын, опубликовавший наиболее полную на то время подборку таких находок на территории юга Российской империи[17]. «Клады» содержали редкие вещи, в том числе серебряные фалары конской упряжи с художественными изображениями.

Не сразу было обращено внимание на то, что речь идет об особой группе археологических памятников. Называя публикуемые находки кладами, А. А. Спицын не подразумевал какого-то особого ритуала, связанного с захоронениями этих вещей. Скорее всего, употребление им этого термина объясняется тем, что большинство комплексов было открыто случайно, и приобретено Императорской археологической комиссией для главных музеев страны — Эрмитажа (С.-Петербург) и Исторического музея (Москва) или частными коллекционерами. Не исключено, что подобные находки фигурировали как «клады» и у лиц, профессионально занимавшимися их поисками. М. И. Ростовцев, пристально интересовавшийся фаларами Южной России, не уделял особого внимания контексту, в котором они были найдены, и называл эти комплексы просто «находками»[18].

---

[11] Федоров 1960, 9, рис. 1: 2–7, 13–14.
[12] Дзис-Райко, Суничук 1984, 150, рис. 1: 15.
[13] Iakunina-Ivanova 1927, 101, рис. 1.
[14] Rehm 1992, 210.
[15] Rehm 1992, 175.
[16] Mordvintseva, Zaytsev 2003, 205 рис. 5: 16; Мордвинцева, Шинкарь 1999, 139–140.
[17] Спицын 1909.
[18] Rostovtzeff 1922, 136.

Рис. 3. Фалар из клада у Булаховки.

Рис. 4. Фалар из клада у Булаховки.

Рис. 5. Фалары из клада у Булаховки.

Впервые на необычные обстоятельства обнаружения фаларов указал Н. Феттих. Он провел параллель с дакийскими находками, указав, что некоторые категории вещей (серебряные гривны, фибулы и другие украшения) редко встречаются в дакийских погребениях, но они дошли до нас в памятниках особого рода: «их не клали с умершим владельцем, а уничтожали после его смерти, и в этом состоянии хоронили в фамильных кладах»[19].

Эта идея поначалу не нашла приверженцев в отечественной науке. Фалары продолжали считаться «безусловно» происходящими из разрушенных богатых погребений, инвентарь которых полностью не сохранился[20]. Но вскоре стали обнаруживаться новые клады с фаларами, теперь уже открытые или доследованные археологами[21], что привело к интерпретации их как особой группы памятников — ритуальных кладов, которым М. Б. Щукин дал поэтическое название «странные комплексы»[22].

Первый суммарный анализ кладов провел А. В. Симоненко[23]. Он выделил в их составе три основные категории предметов: украшения и функциональные части конского снаряжения (фалары, удила, псалии), вооружение (оружие, шлемы) и предметы роскоши (металлическая и стеклянная посуда, украшения). Исследователь также особо подчеркнул тот факт, что ни в одном случае находчики не отмечали останков человека. По его наблюдениям, этот круг памятников объединяет также топография находок: они выявлены в большинстве случаев в насыпях курганов или в естественных возвышенностях. В итоге, А. В. Симоненко интерпретирует рассматриваемые клады как памятники поминального характера, связанные с воинским культом[24]. То, что эти комплексы не являются погребальным инвентарем, он аргументирует тем, что в них часто входят несколько комплектов удил и псалиев, а в погребениях даже высшей знати этого и последующего времени не содержится более одного уздечного набора[25].

В период с III по I вв. до н.э. на территории Северного Причерноморья погребальные памятники чрезвычайно малочисленны — известно всего несколько десятков погребений[26]. Ю. П. Зайцев считает, что эта территория не была заселена, а «вотивные клады» могли маркировать основные пути сообщения через незаселенную территорию, и являются остатками неких обрядовых действий, совершенных во время следования караванов[27]. Представляется, однако, что для такого утверждения нет достаточных оснований. Караваны обычно следуют по определенным маршрутам. И если эти маршруты маркировались «кладами», это проявились бы при картографировании их находок. Распределение же «кладов» по территории Северного Причерноморья[28] показывает, что их находки покрывают ее практически полностью.

[19] Fettich 1953, 128 Anm. 1.
[20] Костенко 1978, 78–85; Смирнов 1984, 80–81, 86.
[21] Дзис-Райко, Суничук 1984; Редина, Симоненко 2002, 78–96; Зарайская, Привалов, Шепко 2004, 130–144.
[22] Щукин 1994, 97.
[23] Симоненко 1993a.
[24] Симоненко 1993a, 89.
[25] Симоненко 2001, 95.
[26] Симоненко 1993b.
[27] Зайцев 2012, 71.
[28] Зайцев 2012, Abb. 1.

Рис. 6. Фалар из клада у Булаховки.

Для интерпретации находок «кладов» важное значение имеют обстоятельства их обнаружения (характер места находки и состояние, в котором были найдены вещи — целые или поломанные) и состав комплекса[29]. Все памятники этого типа находились вдалеке от поселений, поблизости от мест погребений или даже в насыпях курганов. Большинство предметов преднамеренно поломано. Эти признаки свидетельствуют о том, что имело место преднамеренное захоронение вещей, совершенное без цели их последующего использования. Т.е. очевидно, что эти «клады» имели сакральный характер. Мотивом захоронения такого клада могло быть вотивное приношение неким сверхъестественным силам или посвящение умершему для загробной жизни. Вотивные приношения кельтов богам описаны Цезарем[30] и Тацитом[31]. Сакральные клады как часть погребального ритуала упоминаются в древнегерманских сагах[32].

Чтобы выяснить, к какому типу ритуальных кладов относятся северочерноморские комплексы, обратимся к их составу. Большинство таких находок состоит из предметов упряжи и ее декоративных элементов, серебряных чаш для питья и фрагментов амфор, оружия, защитного доспеха, реже украшений. В некоторых случаях есть сведения о том, что вещи были сложены в некое вместилище — бронзовый сосуд или шлем. Следовательно, захоронение вещей было одноразовой акцией, связанной с каким-то конкретным событием. В некоторых местностях, где традиция погребения подобных «кладов» получила распространение (Нижний Дон, междуречье Волги и Дона, Прикубанье), состав этих комплексов аналогичен погребальному инвентарю погребений элиты — воинов-всадников. Следовательно, событием, к которому было приурочено зарывание сакрального «клада», скорее всего, была смерть представителя элиты. Наличие одновременно нескольких наборов упряжи не противоречит этому выводу, т.к. одним из возможных признаков погребений элиты является Überausstattung — захоронение необычно большого количества предметов одного функционального назначения (особенно это касается предметов престижа) с целью подчеркнуть значимость погребенного.

Таким образом, ритуальные клады Северного Причерноморья, скорее всего, являлись преднамеренными захоронениями предметов, связанными с погребальным ритуалом. Ничтожно малое число погребений в Северном Причерноморье в период с III по I вв. до н.э. может свидетельствовать о том, что в данном регионе был распространен погребальный обряд, при котором археологически невозможно зафиксировать останки погребенного (водное, воздушное погребение и т.п.). Обряд, состав ритуальных кладов и типы обнаруженных в них вещей демонстрируют близость культуры Северного Причерноморья позднеэллинистического времени культурам круга Ла Тэна, распространенным на территории современной Болгарии, Румынии и Венгрии. В этих землях также была распространена традиция захоронения вотивных кладов с драгоценными фалярами конской сбруи, серебряными чашами и т.д. Вполне очевидно, что эти регионы Восточной Европы, в том числе Нижнее Поднепровье, были включены в одну систему политических отношений.

---

[29] Schmauder 2002, 35–36.
[30] Caes. Gall. VI 17. 3–5.
[31] Tac. Ann. XIII 57.
[32] Thule III. 171–172; XIV 33–34.

ЛИТЕРАТУРА

Дзис-Райко Г., *Суничук Е.* 1984: Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья / Г. Дзис-Райко (ред.). Киев, 148–161.

Драчук В. 1982: Дорогами тысячелетий. Киев.

Зайцев Ю. 2012: Северное Причерноморье в III-II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Н. П. Тельнов (ред.). Тирасполь, 67–72.

Зарайская Н., *Привалов А.*, *Шепко Л.* 2004: Курган железного века у пос. Острый // Донецкий археологический сборник. 11, 130–144.

Ковалева И. Ф. 1973: Отчет Фрунзенской археологической экспедиции Днепропетровского госуниверситета за 1972 г. Научный архив Института археологии АН УССР № 7189. Днепропетровск.

Костенко В. И. 1978: Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. / И. Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 78–85.

Мордвинцева В., *Шинкарь О.* 1999: Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 2, 138–149.

Мыськов Е., *Кияшко А.*, *Скрипкин А.* 1999: Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. 2, 149–167.

Редина Е., Симоненко А. 2002: «Клад» конца II–I в. до н.э. из Веселой долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2, 78–95.

Симоненко А. 1993a: Клады снаряжения всадника 2–1 вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологическая конференция / И. Марченко (ред.). Краснодар, 89–90.

Симоненко А. 1993b: Сарматы Таврии. Киев.

Симоненко А. 2001: Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. 4, 92–106.

Смирнов К. Ф. 1984: Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Спицын А. 1909: Фалары Южной России // ИАК. 29, 18–52.

Федоров Г. 1960: Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. до н.э. // МИА. 89). М.

Щукин М. 1994: На рубеже эр. СПб.

Fettich N. 1953: Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // Acta Archaeologica. 3, 127–178.

Horedt K. 1973: Die dakischen Silberfunde // Dacia. XVII, 127–167.

Iakunina-Ivanova L. 1927: Une trouvaille de l'âge la Tène dans la Russie méridionale // Eurasia septentrionalis antiqua. 1, 100–109.

Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria. 1987. Montreal.

Mordvinceva V. 2001: Sarmatische Phaleren. Rahden; Westf.

Mordvinceva V., *Treister M.* 2007: Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. (Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe, 2). Simferopol; Bonn.

Mordvintseva V., *Zaytsev Yu.* 2003: The Nogaichik Burial-Mound in the steppes of the Crimea // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 9, 3–4, 193–257.

Rehm E. 1992: Der Schmuck der Achämeniden. Münster.

Rostovtzeff M. 1922: Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.

Schmauder M. 2002: Oberschichtgräber und Verwahrfunde in Südeuropa im 4. und 5. Jahrhundert. Bd. I. (Archaeologia Romanica, III). Bukarest.

THE ASSEMBLAGE OF ARTEFACTS FROM BULAKHOVKA AND THE "RITUAL HOARDS" OF THE NORTH PONTIC REGION OF THE 3rd — 1st CENTURIES BC

V.I. Mordvintseva

In 1972 there was found grave goods in the burial mound of the Bronze Age near the village of Bulakhovka (Dnepropetrovsk region) dated to the 1st century BC: five gilded silver phalerae of horse harness, three silver cups, remains of an gilded iron armour, silver and gold plaques, a fragment of the bronze vessel and belt buckles. Judging from the circumstances of the discovery and the composition of objects, the assemblage from Bulakhovka belongs to the so-called "ritual hoards" — artefacts found in mounds, natural hills and ravines in the absence of the bones of a human skeleton. The hoards of the North Pontic Region dated from the 3rd to the 1st centuries BC most likely were connected with the burial rituals. A negligible number of burials in Northern Black Sea Region in the same period may reflect the fact that here the burial rites were distributed, in which the archaeological remains of the deceased cannot be discovered. The composition of these hoards and types of discovered objects demonstrate the similarity of the archaeological culture of the North Pontic Region in the late Hellenistic period to the cultures of the La Tène circle distributed on the territories of modern Bulgaria, Romania and Hungary.

Key words: North Pontic Region, burial mounds, ritual hoards

© 2013

Д. В. Журавлев

ПРОНИЗИ В ВИДЕ ФИГУРЫ СТОЯЩЕГО СКИФА ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)[1]

В статье публикуются четыре пронизи середины IV в. до н.э. с изображением стоящего скифского воина с горитом на бедре и круглым сосудом в руке. Эти пронизи попали в Государственный исторический музей в XIX в. из разграбленной части кургана Куль-Оба неподалеку от Керчи.

Ключевые слова: Керчь, курган Куль-Оба, скифы, горит, декор одежды

Одним из интереснейших памятников античного времени не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья является курган Куль-Оба, с открытия которого можно вести отсчет и истории античной археологии в России. К сожалению, до настоящего времени материалы этого кургана полностью не опубликованы, хотя львиная доля ювелирных изделий из него хрестоматийно известна всем специалистам.

Находки из Куль-Обы издавна заслуженно вызывают огромный интерес во всем мире, в последнее время появилось также немало исследований и о «пионере» боспорской археологии Поле Дюбрюксе[2]. Недавно были полностью опубликованы материалы раскопок П. Дюбрюкса[3], найденные И. В. Тункиной в различных архивах, — это, несомненно, важнейший шаг вперед в области изучения древностей Куль-Обы. Роль и значение этой публикации, снабженной замечательным справочным аппаратом и прекрасными комментариями, трудно переоценить.

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник 1 категории отдела археологических памятников Государственного исторического музея, начальник Боспорской археологической экспедиции. E-mail: denzhuravlev@mail.ru

[1] Исследование проведено в рамках проекта, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (№ 09-01-00196а). Я признателен своим коллегам Е. Ю. Новиковой и М. С. Шемаханской за совместную работу в рамках проекта. Завершение статьи стало возможны в ходе работы в библиотеках Германского археологического института в Берлине, Риме и Франкфурте. Рисунки выполнены О. И. Куринских (Фризен) (ИА РАН), фотографии — И. А. Седеньковым (ГИМ).

[2] Власова 1999а, 35–41; 1999б, 45–48; 2000, 27–33; 2006, 47–53; Gavignet, Ramos, Schiltz 2000, 323–338 (русский вариант: Гавинье, Рамос, Шильц, 2010, 102–109); Тункина 2002; Хршановский 1999, 160–172; Непомнящий 2001, 8–10; и др. Следует специально выделить исчерпывающий очерк И. В. Тункиной, посвященный «отцу боспорской археологии» Полю Дюбрюксу (Тункина 2010а, 13–101).

[3] Дюбрюкс 2010.

После раскопок коллекция находок из Куль-Обы была передана в Императорский Эрмитаж, где хранится и поныне. Менее известны другие собрания куль-обских древностей, попавшие в Москву, Одессу, Париж, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, а возможно — и в другие города. Одной из таких коллекций является собрание Государственного исторического музея в Москве, где хранится несколько десятков золотых изделий с паспортом «Куль-Оба»[4]. Эти предметы, большинство из которых представлено золотыми бляшками различных типов, после краткой публикации П.Сабатье за редким исключением еще не были объектом специального исследования[5].

В рамках проекта, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом, нами была подготовлена полная публикация этих материалов, хранящихся в Государственном историческом музее[6]. В публикуемой статье я остановлюсь лишь на четырех золотых пронизях, представляющих собой фигурку стоящего скифа.

Нам уже несколько раз приходилось писать о драматической истории золотых предметов из Куль-Обы московского собрания и об их долгом пути из разграбленного царского кургана в Керчи на Красную площадь г. Москвы. Некоторое количество золотых бляшек было приобретено в 1848 г. «французским нумизматом на русской службе»[7] П. Сабатье[8]. Он писал в своей книге «Керчь и Воспор»: «…во время пребывания моего в Керчи я смог приобресть несколько древностей довольно редких; но владетели этих вещей, постоянно остерегающиеся, всегда представлялись ко мне ночью, поодиночке, так, что мне невозможно было узнать ни имени их, ни жительства»[9]. А. Ашик отмечает, что «граф С. А. Уваров и известный нумизмат г. Сабатье, бывшие недавно в Керчи, приобрели покупкою от купца Созонова много древних золотых вещей и монет. Керченские жители большие охотники до древностей; но охотники, как купцы до товара, который можно легко и выгодно сбыть при случае»[10]. Большая часть купленных Сабатье древностей через графа А. С. Уварова попала впоследствии в собрание Российского Императорского Исторического музея[11]. Таким образом, из четырех пронизей, хранящихся ныне в ГИМ, три происходят из собрания графа А. С. Уварова, а одна — из собрания А. М. Раевской[12]. Интересно, что одна из фигурок собрания А. С. Уварова (Кат. № 1) и экземпляр из собрания А. М. Раевской (Кат. № 4) близки между собой

[4] Указатель 1893 г., 380–382.

[5] Журавлев 2002, 98; 2012, 359–386; Журавлев, Новикова 2002, 46–48; 2009а, 132–134; 2009б, 45–54; 2012а, 70–76; 2012б, 80–97.

[6] Журавлев, Новикова, Шемаханская, в печати.

[7] Брашинский 1979, 52.

[8] Сабатье Петр Иванович (или Петрович) (Sabatier, 1792–1869) — нумизмат, действительный член ООИД. Уроженец Тулузы, участвовал в походе Наполеона в 1812 г. в Россию. С 1834 по 1856 гг. проживал в России. Получил известность как коллекционер римских и византийских монет, также занимавшийся скупкой иных древностей. См. подробнее: Тункина 2002, 248 (с литературой).

[9] Сабатье 1851, 105.

[10] Ашик 1849, 60.

[11] Примечательно, что вещи Сабатье попали не только в Исторический музей, но и в Эрмитаж. Так, одна из львиных головок от утраченной гривны (Сабатье 1851, pl. IV, 6) была приобретена у него для Эрмитажа (Брашинский 1979, 52; Дюбрюкс 2010, рис. 268).

[12] Анна Михайловна Раевская (1819–1883) — археолог, коллекционер древностей и нумизматических памятников. Подробнее о деятельности А. М. Раевской см.: Тункина 2007, 214–219; http://www.ethnology.ru/biobib/Result.php?fnc=178.

в деталях, а две другие из Уваровской коллекции (Кат. № 2–3) также очень похожи[13].

Фигурка пустотелая, состоит из спаянных рельефной лицевой пластины и плоской оборотной, к которой в свою очередь припаяно крепление в виде длинной уплощенной трубочки-пронизи. Рельеф представляет фигуру стоящего мужчины-скифа в ракурсе влево: ноги и туловище в ¾ оборота, стопы ног показаны в профиль, голова также передана в профиль. Лицо с прямым носом, высокими скулами, широкая борода и усы; волосы длинные, зачесанные назад[14]. На мужчине короткий запашной кафтан с оторочкой по бортам, правая пола длиннее левой, длинные штаны со свободными штанинами, ниспадающими складками, на ногах мягкая обувь без каблука. Верх рукавов кафтана гладкий, на левой руке чуть ниже локтевого сгиба рукав показан поперечными складками, на правой руке этот участок не виден. В правой, согнутой в локте под прямым углом руке мужчина держит за горлышко круглодонный сосуд. Левая, чуть согнутая рука лежит на висящем у пояса горите. Размеры: 5,8–6,3 х 3,1–3,2 х 0,6–0,8 см.

П. Сабатье «имел случай видеть многие экземпляры этой вещи, которые часто находят в керченских могилах; они отличаются вообще между собой по весу, который изменяется от одного до двух с половиной золотников»[15]. Аналогичные экземпляры известны также из куль-обского собрания Государственного Эрмитажа[16]. П. Дюбрюкс так описывает их место в погребении: «Выше головы царя, за доской, закрывавшей ларь с этой стороны, были положены пять статуэток из электрума, четыре — очень посредственной работы — были признаны господином Стемпковским во всем подобными тем, которые господин де Бларамберг в своем описании некоторых древних предметов, найденных в 1821 г. в Керчи в захоронении, сходном с описываемым мной, объявил статуями Геркулеса Скифского»[17]. По мнению М. И. Артамонова, они украшали парадные башлыки царя[18]. Еще раз подчеркнем, что в отличие от бляшек, фигурки скифов не пришивались к одежде, а нанизывались через пронизь. Как писал М. И. Ростовцев, «судя по их оборотной стороне, они нанизаны были на спускавшиеся вертикально ремни. Такие ремни мы видим, например, на горитах скифов, изображенных на … воронежском сосуде»[19].

Насколько мне известно, в других памятниках подобные пронизи не встречаются, за исключением кургана Патиниоти, раскопанного в окрестностях Керчи.

---

[13] Пронизь из Уваровского собрания упоминает и М. И. Ростовцев (1913, 11).

[14] О прическах и бородах скифов см. Rolle 1991, 115–126.

[15] Сабатье 1851, 121.

[16] ДБК 1854, табл. XXXII, 1; Толстой, Кондаков 1889, 61, рис. 44; Reinach 1892, pl. XXXII, 1; Minns 1913, 197, fig. 90; Becatti 1955, tav. CXXVIII, 455ab; Артамонов 1961, 80, рис. 23; 1966, 62, рис. 204; Piotrowski, Galanina, Gratsch 1986, Abb. 198; и др.

[17] Дюбрюкс 2010, 184.

[18] Артамонов 1961, 79. Ср. мнение М. И. Ростовцева: «Под головой покойника, но за доской катафалка, лежали четыре золотых фигурки с горитом на поясе и круглым ритуальным сосудом в правой руке… Разбирая подробно значение этих изображений, я предположил, что фигуры эти составляли набор пояса покойного, но место их находки и аналогия с подобной же сценой, изображенной на головном уборе женщины, погребенной в кургане Карагодеуашхе, допускают возможность предположения, что все эти фигурки нашиты были на ритуальный головной убор погребенного царя» (Ростовцев 1925, 379).

[19] Ростовцев 1913, 12.

Но в кургане Патиниоти, насколько можно судить и по материалам И. П. Бларамберга, и по архивным данным, выявленным и опубликованным И. В. Тункиной, изображение скифа несколько отличалось от куль-обского: в руке скифа был не круглодонный сосуд, а ритон[20]. Маловероятно, чтобы эта столь очевидная разница не была замечена учеными XIX в.[21] В книге П. Сабатье опубликованы два изображения стоящих скифов: одно из них представляет собой скифа с круглодонным сосудом из собрания А. С. Уварова (Кат. № 1), а второе — скифа с ритоном в руках из собрания В. В. Кочубея, как раз аналогичное найденным в кургане Патиниоти. Последняя фигурка никогда в Исторический музей не поступала. Поэтому согласиться с отнесением Ю. А. Виноградовым ГИМ-овских фигурок к кургану Патиниоти я не могу[22]. Должен отметить, что в Историческом музее нет и никогда не было пронизей с изображением стоящего скифа с ритоном в руках, подобно описанному как находка из кургана Патиниоти, более того, все четыре имеющихся у нас фигурки происходят из собраний А. С. Уварова и А. М. Раевской, а вовсе не из Румянцевского музея!

Согласно данным И. В. Тункиной, в кургане Патиниоти было найдено «четыре небольших электровых статуэтки стоящего скифа с горитом у пояса и ритоном в руке высотой в 1 дюйм 4 линии (2,6 см)». Обратим внимание не только на отличия в размерах с вещами, хранящимися в ГИМ, но и на то, что две фигурки попали в Одесский музей, откуда и были похищены в 1876 г.[23] Еще одна фигурка попала в собрание В. В. Кочубея[24]. И еще об одном. П.Дюбрюкс писал о четырех бляшках «посредственной работы» с изображением скифа, найденных в Куль-Обе. Но даже в собрании Эрмитажа их не четыре (ГЭ. ОАМ. КО-37–40), а пять — одна из них попала туда позднее, в 1926 г. из коллекции Строганова (ГЭ. ОАМ. КОС-1), т.е. один экземпляр явно не соответствует описанию П.Дюбрюкса. Более того, три фигурки (КО 37–39) поступили в Эрмитаж в 1831 г., а четвертая (КО-40) — лишь в 1842 г.[25] Эта ситуация видится нам следующим образом: П. Дюбрюкс вполне понятно писал о четырех «статуэтках из электрума», поступивших в Эрмитаж — это были реально существующие вещи. Еще как минимум четыре статуэтки могли попасть разными путями в Исторический музей, а еще одна — в Эрмитаж, но уже позднее. В экспозиции Лувра находится еще одна идентичная фигурка — таким образом, общее число фигурок скифов достигает 10! Были ли они пропущены при раскопках и похищены при разграблении склепа или находились в погребении под плитами пола, нам неизвестно.

---

[20] См. Тункина 2010б, 414–415, рис. 189–191, 194.

[21] Ср. например: «Однородные со статуэтками Куль-Обы, нашитыми на головной убор или на пояс четыре электровые статуэтки скифов, но не с круглой чашей, а с рогом в руке…» (Ростовцев 1925, 386). Он же писал о том, что пронизь из собрания В. В. Кочубея является pendant к куль-обским пластинкам из собрания Эрмитажа и графа Уварова (Ростовцев 1913, 11).

[22] «Подобные золотые бляшки, предположительно происходящие из Куль-Обы, хранятся в собрании ГИМ (Журавлев, Новикова. 2002, 48, №№ 133, 134). Однако, скорее всего, они были найдены в кургане Патиниоти, попали в собрание Н. П. Румянцева, а позднее поступили в Румянцевский музей, затем в ГИМ» (Дюбрюкс 2010, 203, комментарий 37, написанный Ю. А. Виноградовым).

[23] Диамант 1967, 250–252.

[24] Диамант 1967, 250–252; Тункина 2010б, 417; ср.: Сабатье 1851, 119–120, pl. V, 3–4; Дюбрюкс 2010, рис. 316.

[25] Я признателен бывшему хранителю Золотой кладовой Л. А. Некрасовой за возможность изучить коллекции из Куль-Обы в Эрмитаже и за ряд важных консультаций.

Короткий запашной кафтан (или куртка) с оторочкой по бортам — типичная мужская одежда скифов[26]. По бокам он чуть ниже пояса, а спереди полы его удлиняются, образуя треугольник. Подобный кафтан известен и на других золотых бляшках, и на куль-обском и воронежском сосудах, и на солохском гребне и на других памятниках[27]. Штаны у стоящего скифа широкие и свободные, что подчеркивается складками.

В руках скифа нет оружия, лишь сбоку у него подвешен горит. Горит — специальный футляр для лука и стрел — являлся характерным предметом вооружением скифского воина, по мнению Е.Минза, — скифской особенностью[28]. Изображения горитов представлены на целом ряде изображений, тогда как археологические находки этих предметов редки. Исключение составляют лишь роскошные обкладки горитов IV в. до н.э. из нескольких царских курганов. Типология горитов представлена в работах А. И. Мелюковой и Е. В. Черненко.

Рис. 2. Пронизи с изображение скифа. Государственный исторический музей, Москва. Рисунок О. И. Куринских (Фризен).

[26] Манцевич 1975, 12–13; Клочко 1984, 58–64; Фиалко 2004, 53.

[27] См. Клочко 1984, рис. 3.

[28] Minns 1913, 67: «these combined quivers and bow-cases (γορυτοσ) were peculiar to the Skythic culture».

А. И. Мелюкова, впрочем, считала, что на куль-обской бляшке представлен не горит, а колчан[29]. На наш взгляд, Е. В. Черненко, не отрицая возможности существования колчанов у скифов в целом, справедливо писал, что здесь «изображены гориты, из которых вынуты луки. Хорошо заметны характерное для горитов расширение, особенно четко выраженное у левого края, и прямоугольный или треугольный клапан, закрывавший карман для стрел»[30]. Гориты подвешивались с левого бока воина и крепились на портупейном ремне[31] — это хорошо видно, например, у воинов в сцене «укрощения коня» на Чертомлыцкой амфоре.

Что касается небольшого сосуда, который скиф сжимает в своей правой руке, следует, вероятно, определить его как сосуд для возлияний, связанных с каким-то обрядом. Это типично скифская форма круглодонного кубка (все находки этих сосудов, за исключением куль-обского с изображениями скифов, — серебряные). Изображения таких сосудов фиксируются на других памятниках скифской торевтики, например, пластине из Карагодеуашха[32], сахновской пластине[33]. Подробному анализу этих сосудов посвящено несколько специальных работ[34], и нет необходимости рассматривать этот вопрос вновь. А. П. Манцевич настаивала на фракийском происхождении подобных кубков[35], но традиционная точка зрения об их скифской принадлежности, прекрасно обобщенная А. И. Мелюковой[36] и поддержанная большинством специалистов, представляется нам более верной.

По мнению М. И. Артамонова, здесь представлен образ обожествленного предка Таргитая-Геракла с круглодонным сосудом в руке и с горитом у пояса (атрибутами скифского родоначальника). Он отмечает, что «в культовом характере этих фигурок едва ли можно сомневаться; вместе с тем трудно подыскать для них другое содержание. Это — образ обожествленного героя, мифического предка скифов»[37]. Не исключено, что стоящая фигура скифа могла являться и составной частью какой-то композиции[38].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, отмечу, что полная публикация материалов раскопок XIX в., в том числе и знаменитых курганов в окрестностях Керчи, — одна из главных задач современного поколения археологов и музейных хранителей.

---

[29] Мелюкова 1964, 33.

[30] Черненко 1981, 51, 53.

[31] Черненко 1981, 93.

[32] Манцевич 1964, рис. 1, 1; 2, 1. А. П. Манцевич сравнивает это изображение с росписью Казанлыкского склепа и интерпретирует его как погребальную трапезу; см. также: Алексеев 2012, 234–235.

[33] Артамонов 1961, 61, рис. 4; Раевский 1977, 99, рис. 9; Cat. San-Antonio 1999, 146–147, No. 40.

[34] Манцевич 1964, рис. 3; Мелюкова 1979, 186–192; Грач 1984, 100–109; Рябова 1986, 31–44; Кузнецова 1988, 17–23; Королькова 2003, 42–50; Мозолевский, Полин 2005, 340–343.

[35] Манцевич 1964, 132–133, рис. 3.

[36] Мелюкова 1979, 186–192.

[37] Артамонов 1961, 79.

[38] Во всяком случае, стоящий скиф с круглодонным кубком в руке композиционно отдаленно напоминает левую мужскую фигуру в нижней части Карагодеуашхской пластины. Более того, два скифа, стоящие по сторонам сидящей богини, несут гориты на левом боку (См. Piotrowski, Galanina, Gratsch 1986, Abb. 232). На левом бедре бородатого скифа с ритоном справа от богини на Сахновской пластине также висит горит (см. например: Cat. San-Antonio 1999, 146, No. 40).

КАТАЛОГ[39]

1. Пронизь — фигурка стоящего скифа

Фигурка пустотелая, состоит из спаянных рельефной лицевой пластины и плоской оборотной, к которой в свою очередь припаяно крепление в виде длинной уплощенной трубочки. Рельеф представляет фигуру стоящего мужчины-скифа в ракурсе влево: ноги и туловище в ¾ оборота, стопы ног показаны в профиль, голова также передана в профиль. Лицо с прямым носом, высокими скулами, широкая борода и усы; волосы длинные, зачесаны назад, показаны длинными вертикальными прядями, лежащими на плечах. На мужчине короткий запашной кафтан с оторочкой по бортам, правая пола длиннее левой, длинные штаны со свободными штанинами, ниспадающими складками, на ногах мягкая обувь без каблука. Верх рукавов кафтана гладкий, на левой руке чуть ниже локтевого сгиба рукав показан поперечными складками, на правой руке этот участок не виден. В правой, согнутой в локте под прямым углом руке мужчина держит за горлышко круглодонный сосуд. Левая, чуть согнутая рука лежит на висящем у пояса горите.

Сохранность: на оборотной стороне — коричневая патина, тулово круглодонного сосуда смято; многочисленные вмятины по поверхности.

Размеры: 6,3 х 3,2 х 0,6 см. Золото. Вес 9,07 г.

Химико-технологическое описание: лицевая пластина сделана методом металлопластики, к обороту припаян золотой лист, излишки листа обрезаны и загнуты на лицевую сторону. На оборотной стороне припаяна втулка, свернутая из золотого листа. Толщина листа втулки — 0,15 мм. Лист хорошего качества. Пайка с излишками припоя.

Техники: ковка листа, металлопластика, вырезка, гибка, пайка.

Техники: ковка листа, тиснение, вырезка, гибка, пайка.

Состав золотого сплава: фигура скифа: Au-67,67%; Ag-31,43%; Cu-0,90%.

ГИМ 54791. Оп. Б 90/1/1; ЗБ-6469.

Около 350 г. до н.э.

Литература: Сабатье 1851, pl. V, *11*; Журавлев, Новикова 2002, 48, Кат. 134; 2009б, рис. 1, *5*; 2012а, рис. 1, *5*.

2. Пронизь — фигурка стоящего скифа

То же, что Кат. № 1. Волосы зачёсаны со лба и висков назад, показаны короткими горизонтальными прядями. Верхняя часть оторочки кафтана гладкая, не проработана; левый рукав в складках от самого плеча. На оборотной стороне припаяно крепление в виде длинной уплощенной трубочки.

Сохранность: трубочка и оборотная пластина несколько вогнуты внутрь.

Размеры: 5,8 х 3,1 х 0,8 см. Золото. Вес 7,08 г.

Химико-технологическое описание: лицевая пластина сделана методом металлопластики, к обороту припаян золотой лист, излишки листа обрезаны и загнуты на лицевую сторону. На оборотной стороне припаяна втулка, свернутая из золо-

[39] Описание всех статуэток сделано совместно с Е. Ю. Новиковой. Химико-технологическое описание всех предметов выполнено М. С. Шемаханской. Анализ состава золотого сплава произведен на рентгенофлуориесцентном энергодисперсионном анализаторе «Призма М (Au)» экспертом Государственного исторического музея А. В. Будниковым.

того листа. Толщина листа втулки — 0,34 мм. Лист хорошего качества. Пайка с излишками припоя.

Техники: ковка листа, металлопластика, вырезка, гибка, пайка.

Состав золотого сплава: Au-50,78%; Ag-46,30%; Cu-2,92%.

ГИМ 54791; Оп. Б 90/1/2; ЗБ-6470.

Около 350 г. до н.э.

Литература: Журавлев, Новикова 2002, 48, Кат. 133; Журавлев 2012, 372.

3. Пронизь — фигурка стоящего скифа

То же, что Кат. № 2. Крепление на обороте отсутствует.

Сохранность: на оборотной стороне видны следы утраченного крепления, в местах присоединения крепления разрывы и утраты.

Размеры: 5,8 x 3,1 x 0,65 см. Золото. Вес 4,74 г.

Химико-технологическое описание: лицевая пластина сделана методом металлопластики, к обороту припаян золотой лист, излишки листа обрезаны и загнуты на лицевую сторону. Толщина листа — 0,11 мм. На оборотной стороне, видимо, была припаяна втулка, свернутая из золотого листа, которая утрачена.

Техники: ковка листа, металлопластика, вырезка, гибка, пайка.

Состав золотого сплава: Au-54,808%; Ag-41,46%; Cu-3,74%.

ГИМ 54791; Оп. Б 90/1/3; ЗБ-6471.

Около 350 г. до н.э.

Литература: Firsov, Žuravlev 2007, 277, Abb. 1a; Firszov, Zsuravljov 2009, 90, kép. 1a.

4. Пронизь — фигурка стоящего скифа

То же, что Кат. № 1. На оборотной стороне припаяно крепление в виде длинной уплощенной трубочки.

Сохранность: разрывы и мелкие утраты на втулке.

Размеры: 6,4 x 3,1 x 0,7 см. Золото. Вес 9,38 г.

Химико-технологическое описание: объемная пустотелая фигурка сделана в технике металлопластики, к обороту припаян золотой лист, излишки листа обрезаны и загнуты на лицевую сторону. Толщина листа — 0,15 мм. На оборотной стороне припаяна трубочка, свернутая из золотого листа. Под нижний конец трубочки подложен золотой лист. Толщина листа трубочки — 0,34 мм. Лист хорошего качества. Пайка с излишками припоя.

Техники: ковка листа, металлопластика, вырезка, гибка, пайка.

Состав золотого сплава: Au-52,51%; Ag-44,51%; Cu-2,98%.

ГИМ 34625; Оп. Б 226/19; ЗБ-6453.

Около 350 г. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю. 2012: Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.

Артамонов М. И. 1961: Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 2. Л., 57–87.

Артамонов М. И. 1966: Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.

Ашик А. Б. 1849: Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1–3. Одесса.

Брашинский И. Б. 1979: В поисках скифских сокровищ. Л.

Власова Е. В. 1999а: Поль Дюбрюкс и археологические исследования в Керчи // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / М. В. Вахтина и др. (ред.). СПб., 35–41.

Власова Е. В. 1999б: Поль Дюбрюкс. Раскопки кургана Куль-Оба // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 45–48.

Власова Е. В. 2000: Открытие кургана Куль-Оба // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столицы. Материалы международной конференции. Керчь, 27–33.

Власова Е. В. 2006: Куль-Оба // БИ. XIII / В. Н. Зинько (ред.). Симферополь; Керчь, 47–53.

Гавинье Ж.-П., Рамос Э., Шильц В. 2010: Поль Дюбрюкс. Куль-Оба и скифы: данные о Поле Дюбрюксе во французских архивах // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. / И. В. Тункина (ред.). СПб., 102–109.

Грач Н. Л. 1984: Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // СГЭ. XXIV, 100–109.

Диамант Э. И. 1967: Скифский котел из кургана, открытого вблизи Керчи в1821 г. // Записки Одесского археологического общества. Т. 2 (35), 250–252.

Древности Боспора Киммерийского. 1854. СПб.

Дюбрюкс П. 2010: Собрание сочинений. Т. I-II. СПб.

Журавлев Д. В. 2002: Коллекции из Керчи в собрании Государственного Исторического музея // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 95–99.

Журавлев Д. В. 2012: Из истории одной забытой коллекции: Золото из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея // Вестник истории, литературы, искусства. T.VIII,359–386.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.* 2002: Ювелирные изделия // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее / Д. В. Журавлев (ред.). М., 46–60.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.* 2009а: Материалы из кургана Куль-Оба в собрании ГИМ // Боспорские чтения. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 132–134.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.* 2009б: Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного Исторического музея // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 45–54.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.* 2012а: Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного Исторического музея // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов (ред.). М., 70–76.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.* 2012б: Бляшка с изображением *Rankenfrau* из кургана Куль-Оба // Образы времени. Из истории древнего искусства. Тр. ГИМ. Вып. 189 / И. В. Белоцерковская (ред.). М., 80–97.

Журавлев Д. В., *Новикова Е. Ю.*, *Шемаханская М. С.*, в печати. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея: историко-технологическое исследование.

Клочко Л. С. 1984: Верхній плечовий одяг скифів // Археологія (Київ). 47, 57–68.

Королькова Е. Ф. 2003: Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 36, 28–59.

Кузнецова Т. М. 1988: Скифские ритуальные сосуды // КСИА. Вып. 194, 17–23.

Манцевич А. П. 1964: О пластине из кургана Карагодеуашх (к толкованию сюжета) // АСГЭ. 6, 129–138.

Манцевич А. П. 1975: Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archeologia. XXVI, 1–45.

Мелюкова А. И. 1964: Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. М.

Мелюкова А. И. 1979: Скифия и фракийский мир. М.

Мозолевский Б. Н., *Полин С. В.* 2005: Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев.

Непомнящий А. А. 2001: Один из основателей Керченского музея древностей Поль Дюбрюкс // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.). Керчь, 8–10.

Раевский Д. С. 1977: Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.

Ростовцев М. И. 1913: Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49, 1–62.

Ростовцев М. И. 1925: Скифия и Боспор. Л.

Рябова В. А. 1986: Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / В. Н. Станко (ред.). Киев, 138–149.

Сабатье П. 1851: Керчь и Воспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб.

Толстой И., Кондаков Н. 1889: Русские древности в памятниках искусства. Древности скифо-сарматские. Вып. 2. СПб.

Тункина И. В. 2002: Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Тункина И. В. 2007: Забытая женщина-археолог А. М. Раевская // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / И. В. Тункина (ред.). СПб., 214–219.

Тункина И. В. 2010а: «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т.I./ И. В. Тункина (ред.). СПб., 13–100.

Тункина И. В. 2010б: Раскопки в окрстностях Керчи в 1820–1822 гг. (курганы Патиниоти) // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. / И. В. Тункина (ред.). СПб., 413–419.

Указатель 1893 г. Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М.

Фиалко Е. Е. 2004: Скифская Аргимпаса (К интерпретации изображения на ажурной пластинке из Гюновки) // БИ. VII, 47–62.

Хршановский В. А. 1999: Француз из Петербурга: К 225-летию Поля Дюбрюкса // Звезда. 12, 160–172.

Черненко Е. В. 1981: Скифские лучники. Киев.

Becatti G. 1955: Oreficerie antiche. Dalle Minoiche alle Barbariche. Roma.

Cat. San-Antonio 1999: Skythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York.

Firsov K., Žuravlev D. 2007: Kul'-Oba, Kozel und Aksjutentsy: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Prestel / W.Menghin, H.Parzinger (hrsg.). München, 276–290

Firszov K., Zsuravljov D. 2009: Kul-Oba, Kozel és Akszjutenci: fejedelmi sírok a Krím és az erdős sztyeppe között // Szkíta aranykincsek. Kiállítás a Magyar Múzeumban 2009. Március 25 május 31. Budapest.

Gavignet P., Ramos E., Schiltz V. 2000: Paul Du Brux, Koul-Oba et les Skythes: presence de Paul Du Brux dans les archives Françaises // Journal des Savants, Juillet-Décembre.

Minns E. H. 1913: Skythians and Greeks. Cambridge.

Piotrowski B., Galanina L., Gratsch N. 1986: Skythische Kunst. Altertümer der skythischen Welt. Mitte des 7. Bis zum 3. Jahrhundert v.u.Z. Leningrad.

Reinach S. 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Paris.

Rolle R. 1991: Haar- und Barttracht der Skythen // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine / R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (hrsg.). Neumünster, 115–126.

PENDANTS IN THE FORM OF A STANDING SCYTHIAN FROM THE BURIAL MOUND KUL OBA (BASED ON STATE HISTORICAL MUSEUM COLLECTION)

D. V. Zhuravlyov

The article presents four pendants of the mid 4th century BC showing a standing Scythian warrior with a gorit (quiver) on his thigh and a round vessel in his hand. The pendants got into the State Historical Museum in the 19th century from a ransacked part of the burial mound Kul Oba in the vicinity of Kerch.

Key words: Kerch, burial mound Kul Oba, Scythians, gorit (quiver), clothes style and decoration

© 2013

С. Ю. Сапрыкин, И. Пыслару

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТЕ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА В КАЛЛАТИСЕ*

В статье публикуется новая надпись, обнаруженная в западнопонтийском городе Каллатисе, в которой упоминается гимнасий и еще какая-то постройка, от названия которой сохранилась, к сожалению, только одна последняя буква. Оба сооружения, названные в надписи, были посвящены от имени Народа каллатийцев Цезарю Августу, т.е. императору Августу. Отсутствие в надписи указания на то, что Цезарь Август являлся автократором, позволяет датировать документ началом 20-х годов до н.э., когда в Римской империи и в союзных ей государствах начал складываться культ Августа. Гимнасий в Каллатисе и еще какая-то постройка находились на агоре города, которую начали реконструировать около этого времени и где возвели теменос Августа, алтарь, храм и гимнасий, отныне призванные стать центром почитания римского императора.

Ключевые слова: Каллатис, Цезарь Август, Римская империя, Себастейон, Кайсареон, гимнасий, эпиграфика

В курортном румынском городе Мангалии (древнем Каллатисе), на территории древнего города, где никаких археологических исследований не проводилось, при строительстве отелей начали вывозить грунт из котлованов для будущих зданий за пределы города и на остров, который образовался в результате прорытия канала и превращения залива в протоку. На этом острове недалеко от берега на глубине 20–30 см под дорогой в 2009 г. случайно был обнаружен большой мраморный фрагмент архитектурной детали — архитрава или карниза с остатком выносной плиты от антаблемента постройки общественного характера, на котором сохранилась часть большой надписи на греческом языке. Недалеко от места его находки были найдены фрагмент не до конца обработанного блока для дорической колонны, а далее на берегу и в полосе прибоя несколько обработанных известняковых и мраморных блоков. На расстоянии около 100 м к югу в воде прослеживались остатки стены из каменных блоков, идущей перпендикулярно берегу.

Сапрыкин Сергей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: mithridates @ mail.ru

Пыслару Ион — доктор исторических наук, научный сотрудник Археологического музея Каллатис-Мангалия. E-mail: pslr2007@gmail.com

*Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00122а «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» и № 12-01-00116а «Магические надписи античного Северного Причерноморья». Авторы выражают благодарность Н. Ф. Федосееву за помощь в подготовке статьи.

Рис. 1. Мраморный фрагмент архитектурной детали от колоннады гимнасия. Каллатис.

Рис. 2. Оборотная сторона архитектурной детали со следами углубления.

Длина сохранившегося архитектурного фрагмента с надписью 120 см, ширина 53 см, высота 20 см, а полная длина могла составлять приблизительно 170–172 см. На верхней поверхности от лицевого края, ширина которого 4 см, сохранились следы тонкой работы троянкой, а далее поверхность камня менее гладкая и обработана грубее. Фрагмент обломан почти со всех сторон, верхняя его часть сильно оббита, причем наиболее глубокий скол проходит в левой части плиты. При сколе был поврежден карниз архитрава, в результате чего его мутулы сохранились на расстояние чуть больше половины длины плиты. Справа заметны остатки пилястра выносной плиты архитрава, фриз которого гладко заглажен (рис. 1–2). На нем отчетливо читаются греческие буквы двустрочной надписи, от которой дошла только правая половина. Высота букв колеблется в пределах 40–38 мм , ширина — 35–40 мм, расстояние между буквами от 5–7 до 10 мм (рис. 3).

Рис. 3. Прорисовка надписи на архитраве гимнасия с посвящением Августу.

На оборотной стороне плиты на расстоянии 16 см от края и по центру имеется углубление 35 х 35 мм и глубиной 35 мм со следами свинца, очевидно, от крепления, которое соединяло ее с другой плитой от портика или от фасада какого-то здания (рис. 2). Материал — белый мрамор, но качество его не очень высокое, так как на изломе отсутствуют блестки. Текст греческой надписи выглядит следующим образом:

‘Ο δάμος
[ὁ Καλλατιανῶν ……..]ν καὶ τὸ γυμνάσιον Καίσαρι Σεβαστάι

Перевод: «Народ (каллатийцев ……..) и гимнасий Цезарю Августу посвятил».

Надпись начертана на дорийском диалекте, характерном для Каллатиса, колонии Гераклеи Понтийской. Ее дата — конец I в. до н.э. или начало I в. н.э. На такую датировку указывают ее содержание — упоминание императора Августа (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.), а также палеографические признаки: широкие контуры букв, особенно *сигмы*, *омикрон*, *омеги*, *альфы*, *мю*, ломаная поперечная гаста *альфы*, параллельные гасты *сигмы*, легкое апицирование. Шрифт надписи близок единственному каллатийскому эпиграфическому документу с упоминанием Автократора Цезаря Августа (ISM III. 58: Αὐτοκράτορι Καίσαρι Σεβαστῶϊτοῦς κείονας τᾶς στοιὰς. ‘Ο δάμος — «Императору Цезарю Августу народ (посвятил) колонны портика»). По мнению А. Аврама, эта надпись была поставлена в 3/2 г. до н.э. — 14 г. н.э. еще при жизни императора ближе к концу его правления[1].

В левой, утраченной части публикуемой надписи, с большой долей уверенности можно дополнить этникон каллатийцев, поскольку упоминание «народа», т.е. народного собрания полиса, как правило, требовало пояснения, граждане какого полиса, точнее его гражданской общины, собирались на экклесию для принятия важнейших решений. «Народ» и этникон «каллатийцы» засвидетельствованы в Каллатисе неоднократно. Самое раннее их упоминание относится к эпохе эллинизма — ок. 253 г. до н.э. (ISM III. 7), а словосочетание τὸν δᾶμον τὸγ Καλλατιανῶν сохранилось в проксенических декретах второй половины III в. до н.э. в честь парионца Деметрия (ISM III. 9), в честь некоего тирита (ISM III. 10) и хер-

[1] См. Avram 1999, 369–371. Не исключено, что надпись датируется чуть более ранним временем, например, 13–12 гг. до н.э. В посвятительной надписи префекта П. Рубрия Барбара из египетской Филе, датированной этими годами, Август также поименован как «Автократор Цезарь Август» (OGIS 657).

сонесита Аполлония, сына Пармия (ISM III. 12). Совет и Народ каллатийцев фигурируют в постановлении, вынесенном около рубежа нашей эры (ISM III. 30). «Народ» и «полис каллатийцев» упоминаются в посвятительной надписи в честь Публия Виниция, пресбевта и легата императора, покровителя и эвергета граждан Каллатиса, которая была поставлена ок. 3–2 гг. до н.э. в правление императора Августа (ISM III. 57). Этникон Καλλατιαν[οὺς] убедительно восстанавливается в очень фрагментированной надписи II в. н.э. (ISM III. 50). Перечисленные эпиграфические памятники говорят о том, что полисные институты власти сохранялись в Каллатисе, по крайней мере, до II в. н.э. Поэтому реконструкция этникона Καλλατιανῶν в публикуемой надписи в высшей степени вероятна.

Новонайденная надпись свидетельствует, что граждане Каллатиса по решению «Народа», т.е. Народного собрания, посвятили гимнасий Цезарю Августу. Это заставляет предполагать, что они либо возвели его заново либо реконструировали его старое, уже ранее существовавшее здание. Однако последняя буква N от какого-то слова перед гимнасием и соединительный союз καί показывают, что вместе с гимнасием Цезарю Августу был посвящен еще какой-то объект. Его могли также построить или отремонтировать вместе с гимнасием, поскольку оба объекта освящены именем римского императора.

В эпиграфике достаточно примеров посвящения зданий римским императорам: из каппадокийского города Себастополиса происходит надпись, в которой говорится о возведении неким лицом стои «из отеческой заботы» и эргастериев «из собственных средств» и посвящении их императору Адриану и полису себастополитов (IGR III. 112); в надписи из понтийской Амасии 222–235 гг. н.э. упоминается посвящение какого-то здания прокуратором и легатом провинции Понт императору Александру Северу и его матери Юлии Мамее[2]; в окрестностях малоазийского города Перге была найдена надпись о посвящении жрицей Деметры Аретой башни императору Домициану и Артемиде Пергайе Защитнице[3]. В эпоху Империи во многих городах римских восточных провинций строились гимнасии, стои, экседры, портики и колоннады. Их возводили римские чиновники, местные гимнасиархи, богатые горожане, которые в целях собственного прославления оставляли надписи на архитравах с указанием посвящения их богам или обожествленным римским императорам. В одной из надписей из города Эги в Эолиде на дорическом архитраве от какой-то общественной постройки говорится о том, что она посвящена неким лицом, которое являлось гимнасиархом. В надписи из Сеста упоминается гимнасиарх Менас, который благоустроил купель и смежное помещение и посвятил каменную статую (OGIS 339, l. 33ff.). На Андросе гимнасиарх построил гимнасий, украсив его дверь белым мрамором, посвятив и экседру. В Кимах Луций Вакций Лабеон, бывший гимнасиархом, был связан со строительством купели для храмов (IGR IV. 1302, 38ff.). В Пергаме гимнасиарх Диодор соорудил место для прогулок и философских бесед, конистерион — площадку для состязаний в борьбе, покрытую песком, экседру и купальню (IGR IV. 293). В каком-то неизвестном по названию малоазийском городе, расположенном на равнине Караюк, некий гимнасиарх потребовал украсить в гимнасии экседру, а в Миласе гимнасиарх на собственные средства выстроил палестру. В Пепарете

[2] French 1986, 75.
[3] Merkelbach, Şahin 1988, 158, 159.

гимнасиарх Евкрат, сын Калликрата, посвятил купель (IG XII. 8, 642), а в Гипате гимнасиарх Эвандр, сын Агафокла, посвятил Гермесу и полису экседру, помещение для слуг (οἶκον), баню и помещение для умащивания тел атлетов после упражнений (IG IX 2, 31). В Фисбе местный гимнасиарх на собственные средства посвятил стою (τh;ν στοα;ν), вход и дверь Гермесу, Гераклу и родному полису (IG VII, 2235), а в Кифере Онасиполь, бывший гимнасиархом, посвятил Гермесу парильню (пюриатерион) и песочницу (для посыпания тела песком). На Мелосе некий Бакхий, помощник гимнасиарха, посвятил экседру (ἐξέδραν) и статую Гермесу и Гераклу (IG XII 3, 1091). На блоке от архитрава гимнасия Иасоса сохранилась надпись, что гимнасиарх Сопатр посвятил стою[4].

Эти надписи приводятся нами для того, чтобы показать читателю, сколько возможных вариантов, связанных с архитектурой гимнасиев, дает греческая эпиграфика римского времени для возможного восстановления утраченного слова с окончанием на […]N в публикуемом документе. Гимнасиархи и их помощники, а также агонофеты, отвечавшие за проведение спортивных упражнений и состязаний, посвящали гимнасии и связанные с ними строения родному городу, а также Гермесу и Гераклу, которые считались покровителями агонов и палестр. Они возводили или ремонтировали их на личные средства и по своей инициативе, поскольку непосредственно участвовали в организации и проведении гимнастических занятий и прочих общественных мероприятий. В каллатийской почетной надписи ок. середины I в. н.э. упоминается Аполлоний — гимнасиарх, агонофет и герусиарх, декрет в честь которого должен был быть выставлен в самом видном месте гимнасия, где не без его участия устраивались дорогостоящие пиры (ISM III. 31). Гимнасиархи засвидетельствованы в соседних Томах (ISM II. 12, 17, 26, 95), где, очевидно, был и гимнасий, а также в греческих полисах фракийского побережья — Месембрии (IGB I². 322, 322bis), Аполлонии (ibid. 390), Дионисополе (ibid. 15,16), Одессе (150, 188, 224). В декрете I в. до н.э. из Одесса говорится об увенчании «коллегией молодых» на празднике Гермеса некоего Ксенандра, сына Апатура, за щедрость к ним, причем забота о провозглашении и награждении венком возлагалась на ежегодно избираемых гимнасиархов (IGB I². 44). Это свидетельствует о том, что в число приоритетных занятий членов коллегии гимнасиархов в западнопонтийских полисах, как и в других городах восточных провинций Римской империи, входили спортивные агоны и гимнастические упражнения в гимнасии, которые считались одним из важных видов воспитания молодежи. Однако, в отличие от приведенных выше надписей гимнасиархов о посвящении зданий гимнасиев и смежных с ними строений, публикуемый документ из Каллатиса связан с распоряжением его полисных властей о строительстве, реконструкции или восстановлении некоего сооружения и гимнасия на средства самого полиса. Это могло быть вызвано особым значением этих сооружений для городской общины, тем более что их по распоряжению Народа посвятили Августу.

Дополнение в надписи некоего термина в винительном падеже, который предшествовал упоминанию гимнасия, вызывает определенную трудность. Если бы под ним подразумевались строения, входившие в гимнасий, как, например, песочница, баня, помещения для атлетов и обслуживающего персонала, то на первом месте наверняка упомянули бы сам гимнасий. Однако мы имеем последнюю бук-

[4] Robert 1970, 76–79.

ву слова, относившегося к какому-то сооружению, которое имело если не большее значение для каллатийцев, нежели гимнасий, то во всяком случае по своему влиянию на граждан не уступало последнему. А может быть даже в чем-то и превосходило. Поэтому в посвятительной надписи Цезарю Августу его поставили на первое место. Это сооружение должно было быть связано с гимнасием и соответствовать тем функциям, которые на него возлагались.

Гимнасии предназначались для обучения молодежи гимнастическим упражнениям. Первоначально они состояли из двориков, окруженных колоннадами. Позднее гимнасии расширялись, их внешнюю и внутреннюю отделку стали украшать различными деталями, придававшими зданию роскошь. Каждый полис имел гимнасий, а в больших городах их могло быть даже несколько. Гимнасии и палестры подробно описаны Витрувием (V. 11. 1–4): они состояли из большого квадратного и продолговатого двора — перистиля (περιστύλιον), с трех сторон окруженного портиками — колоннадами. В трех портиках сооружались обширные экседры, где располагались кресла для философов, риторов и прочих, кто увлекался научными беседами и спорами. В двойном портике размещались зал для эфебов (ἐφήβειον)– обширная экседра с сиденьями, помещения для игр с мячом, песочница; по обе стороны эфебея находились бани. В палестре были перистили, т.е. окруженные колоннами залы. За перистилями располагались три портика: один для выходящих из перистиля, другой, двойной и широкий, был обращен к западу, а третий портик (ξυστός) представлял собой довольно простое сооружение. По его сторонам, тянувшимся вдоль стен и примыкавшим к колоннам, были устроены дорожки и выемка посередине со ступеньками для спуска с дорожки на площадку, где занимались гимнастическими упражнениями. За ксюстом располагался стадион (στάδιον), на котором состязались атлеты[5].

Колоннада вокруг гимнасия называлась стоей (στοά). Этот термин появился в V в. до н.э. и обозначал свободно стоящую колонную залу или помещение, замыкавшее заднюю сторону зала. Стоя — часть перистиля, например, колонная зала, которая окружала закрытый дворик, или предзальное помещение перед каким-то большим строительным комплексом. Колоннады такого рода строились также отдельно и имели с одной стороны стену, а с другой ряд колонн. В этом случае стоя была крытой[6].

Если в публикуемой надписи название здания перед гимнасием действительно относилось к строению, которое было связано с последним, но не входило в состав его помещений, то речь могла идти о стадии, стое, экседре или перистиле. Мы знаем, что в Каллатисе в 3/2 г. до н.э. — 14 г. н.э по решению Народного собрания императору Августу были посвящены колонны какого-то портика (ISM III. 58). Эта произошло позднее посвящения ему гимнасия, так как надпись об этом была поставлена позже публикуемой (см. выше). Дело в том, что титулатура принцепса в ней более полная, нежели в надписи о гимнасии. Она характерна для эпиграфических документов с упоминанием императора Августа после 17 г. н.э. Следовательно при Августе в Каллатисе уже существовал отдельно стоящий портик, который был посвящен первому принцепсу и основателю Римской империи. В таком случае вряд ли публикуемая надпись свидетельствовала о посвя-

[5] Irmscher, Johne (eds.) 1977, 213; Delorme 1960, 25 ff.
[6] Kuhn 1985, 169–173; Hellmann 1992, 385.

щении Августу стои и гимнасия. Можно осторожно высказать мнение, что в ней упоминался стадий, который в комплексах с гимнасиями и палестрами выступал как отдельно стоящее строение, но был функционально с ними связан. Павсаний, описывая агору Элиды, говорит, что там находился гимнасий и одна ее часть предназначалась для состязаний в беге, а другая для упражнений в беге и пентатлоне. Агора была окружена колоннадами, а один из выходов из гимнасия вел на агору и в элланодикеон (здание для судей спортивных агонов), куда элланодики приходили в гимнасий на состязания в беге и пентатлоне. В императорское время агора стала именоваться ипподромом, где местные жители обучали лошадей (Paus. VI. 23–24). Это показывает, что гимнасий был связан с постройками спортивного характера, где проводились различные соревнования. Поэтому упоминание в нашей надписи стадия не исключено. Конечно, возможны и иные дополнения, в частности, термины, обозначавшие экседру или перистиль, но эти сооружения являлись органической частью гимнасия и вряд ли бы их отделили от упоминания здания гимнасия.

А. Аврам, разбирая вышеупомянутую надпись о сооружении стои и посвящении ее императору Августу, выдвинул обоснованное предположение, что свободно стоящая колоннада — стоя, зала или помещение, замыкавшее заднюю сторону зала, — находилась на агоре Каллатиса, которая была сооружена в эпоху Августа. В таком случае вероятно, что гимнасий и еще какое-то сооружение также располагались на агоре этого полиса. Агора в городах римских провинций напоминала постройку типа римского форума с четко выделенной структурой в виде дворика, портика с трех сторон и базилики. По мнению А. Аврама, возведение агоры и стои в Каллатисе было связано с культом Богини Ромы и Августа, поскольку после учреждения императорского культа посвящение зданий императору осуществлялось только по решению Народа, т.е. Народного собрания и Совета. На агоре мог располагаться храм Августа и Ромы, окруженный колоннами, или алтарь Августа[7]. На агоре Элиды, например, находился толосообразный храм с колоннадой, посвященный римским императорам (Paus. VI. 25).

Таким образом есть веские основания полагать, что Каллатис благоустраивался под покровительством императора Августа. В этом городе, как и в других западнопонтийских городах в I в. до н.э. — I в. н.э., сложился императорский культ и справлялись празднества Цезареи в честь императоров и членов их семей (SEG I. 327). Поэтому обустройство агоры, строительство портиков, гимнасия и связанных с ним построек могло быть вызвано популярностью среди каллатийцев официального культа императора. Предполагается, что введение культа Августа и возведение комплекса посвященных ему сакральных построек, т.е. Кайсареона, осуществлялось в Каллатисе под покровительством легата Августа Публия Виниция, который ок. 3–2 гг. до н.э. был почтен как патрон и эвергет города (ISM III. 57). В соседней Истрии на агоре существовали храм Автократора Цезаря Ав-

[7] Avram 1999, 369–371; о реконструкции агоры в полисах различных провинций и постройке там зданий, связанных с введением императорского культа Августа см. Martin 1972, 912; Martin 1951, 508–518. В одной из каллатийских надписей засвидетельствован булевтерий, где проходили заседения городского Совета (ISM III. 49). А. Аврам предположил, что после введения культа Августа в Каллатисе мог быть сооружен алтарь, встроенный в здание булевтерия или гимнасия (Avram 1999, 370).

густа, построенный Папасом, сыном Теопомпа, на собственные деньги при жреце Филодеме, очевидно, после обожествления принцепса в последние годы до н.э. или в первые годы н.э. (ISM I. 146)[8], и стоя (ISM I.8). В этом полисе засвидетельствованы гимнасиархи (ISM I, 223; 268) и гимнасий, который функционировал с эпохи эллинизма и, как минимум, до III в. н.э. (ср. ISM I. 44: ..τ]w`ι γυ[μνασίωι...], II в. до н.э.; 59: τῶι γυμνασίωι, II в. до н.э.), поскольку в первой половине III в. н.э. некий истриец Полифем, сын Полифема, реставрировал гимнасий, за что он и его предки были почтены постановкой мраморной базы (ISM I. 181).

Активное строительство зданий, связанных с культом Августа, велось по всей Римской империи, включая города восточных провинций и западнопонтийский регион. Однако ни в одной из провинций Август не согласился на посвящение храма себе самому, он предпочел, чтобы его почитали в храмах только вместе с Богиней Ромой. В Риме же он отвергал все попытки оказать ему эту почесть (Suet. Vita Aug., 52). Это происходило в 29 г. до н.э., о чем сохранилось упоминание у Диона Кассия: «Цезарь (Август — *С.С., И.П.*), помимо занятий общими делами, дал разрешение на посвящение священных участков в Эфесе и Никее Богине Роме и своему отцу Цезарю, которого он величал Героем Юлием. Эти города в то время достигли выдающегося положения в Азии и Вифинии. Он распорядился, чтобы проживавшие в этих городах римляне оказывали почести этим двум божествам; но он разрешил иностранцам, которых он именовал собственно эллинами, посвящать ему священные участки — жителям провинции Азии в Пергаме, а Вифинии в Никомедии» (Dio Cass. LI. 20. 6–7). Следовательно Август начал вводить культ императора в провинциях с того, чтобы его подданные вначале почитали героизированного и обожествленного Юлия Цезаря и Богиню Рому. Однако затем он повелел почитать уже себя самого вместе с Богиней Ромой, что постепенно перешло в практику посвящения ему теменосов храмов и прочих сакральных мест в Пергаме, Никомедии и других городах Малой Азии[9]. Одним из наиболее ранних свидетельств о почитании Августа является надпись о постановке ему статуи в храме Аполлона в Кларосе, где он величается Автократором, сыном Бога, Цезарем. Отсутствие в титулатуре принцепса указания, что он имеет эпитет «Август» (Σεβαστός), коим его стали величать с 16 января 27 г. до н.э., позволяет датировать эту почетную надпись 31–29 гг. до н.э.[10] В 31–30 гг. до н.э. Октавиан соответственно в шестой и седьмой раз был аккламирован как император (ILS 80, 81;

[8] Pippidi 1959, 238. В публикуемой надписи утраченный текст можно было бы дополнить как [ὁ Καλλατιανῶν τὸν ναὸ]ν? καὶ τὸ γυμνάσιον Καίσαρι Σεβαστῶι. Однако это маловероятно. Гимнасии и храмы на агоре были отдельно стоящими постройками, поэтому храм не мог быть вместе с гимнасием посвящен императору, ибо такое посвящение осуществлялось по отдельности для каждого значимого в общественном плане сооружения. Филон (Leg. ad Gaium, 149–150), описывая, какие постройки посвящались императору Августу в связи с обожествлением, указывает: «…и вся Вселенная проголосовала за почести ему (Августу — С.С., И.П.), равные олимпийским богам, и это подтверждают храмы, пропилеи, площади перед храмами, стои». В этом перечне отсутствуют гимнасии, а это означает, что упоминание в нашей надписи храма Августа вместе с гимнасием вряд ли возможно.

[9] Magie 1950 II, 1332–1334, 1613–1615. В этом плане показательна надпись Аполлония Пассала, датируемая 27–5 гг. до н.э. (ее датировку следует сузить до 27–25 гг. или 17 г. до н.э.), где говорится о постановке статуи Августа и устройстве священного участка – теменоса для его культа в Эфесе (AE 1975, 214, № 799; Jobst 1980, 253, 254).

[10] Ferrary 2000, 357; Ferrary 2001, 19.

Oros. VI. 14. 19), причем следующая восьмая такая аккламация имела место только в 25 г. до н.э., когда он уже имел почетное имя Цезарь Август[11]. Это позволяет высказать предположение, что наречение принцепса в публикуемой посвятительной надписи из Каллатиса всего лишь титулом «Цезарь Август» без упоминания его как автократора позволяет датировать ее временем после 27–25 гг. до н.э. Это сближает данное посвящение с почетной надписью понтийского царя Полемона I из Зелы, которая была поставлена в 26 г. до н.э. и в которой принцепс также поименован как Καῖσαρ Σεβαστός[12].

В большинстве надписей, поставленных до 17 г. н.э., Август величается «Цезарем Августом», «Августом Цезарем», «Автократором Цезарем Августом» или «Цезарем Августом Автократором», «Автократором Августом». С конца 20-х годов до н.э. начали появляться надписи, где принцепса поначалу именовали на прежний манер «Автократором Цезарем, сыном Бога (т.е. божественного Цезаря — *С.С., И.П.)*», добавляя теперь уже ставший традиционным эпитет «Август» (ILS 94). Это было следствием его повеления от 29 г. до н.э. посвящать теменосы Божественному Герою Юлию (Цезарю — *см. выше*) и одновременно возводить в некоторых городах римского Востока сакральные комплексы, связанные с его именем. После 17 г. до н.э. в Риме и Италии стали активно внедрять культ божественного Августа, поэтому в надписях его теперь все чаще называли «Автократором Цезарем Богом Августом» или просто «Богом Августом» (SEG IV. 490, Приена, 9 г. до н.э.; XV. 815, Апамея; IGR IV. 1302, Кимы, 2 г. до н.э. — 14 г. н.э.; OGIS 533, Анкира; IGR III. 718, 719, Ликия, Миры, до 12 г. до н.э.)[13]. Наиболее ярко эта черта императорского культа стала прослеживаться после 17 сентября 14 г. до н.э., когда по постановлению римского Сената принцепс официально получил эпитет Divus Augustus, и особенно после 12–9 гг. до н.э., когда сложился апофеоз божественного Августа. По всей Империи сооружались алтари Августа, тем более, после того как в 9 г. до н.э. был официально возведен Алтарь Мира Августа (Ara Pacis Augusti) и начали строить храмы и сакральные комплексы — Себастейоны, Августейоны или Кайсареоны, посвященные обожествленному принцепсу[14].

Тенденция поэтапного формирования культа божественного императора прослеживается по Res Gestae Divi Augusti, авторство которого приписывают самому Октавиану Августу, в окончательном виде отредактировавшего его к 14 г. н.э. В нем, в частности, указано, что в 19 г. до н.э. Сенат посвятил Фортуне алтарь, на котором приносили ежегодные жертвы в ознаменование возвращения императора из Сирии в Рим и этот день объявлялся «днем Августа» в честь его почетного эпитета. В 13 г. до н.э. после возвращения императора из Галлии и Испании Сенат по случаю этого события постановил посвятить на Марсовом поле алтарь Миру Августа для ежегодных жертвований (Res Gestae, 11–12). Это показывает, что бо-

[11] Schumacher 1985, 221; Eck 2003, 50; ср. Парфенов 2001, 31–32.

[12] Marek 2003, Abb. 67; Сапрыкин 2008, 42.

[13] Ehrenberg, Jones 1949, № 62, 166, 171 сл. Однако в ряде мест, в частности, в Гортине (IGR I/II. 960, 2 г. до н.э. – 7 г. н.э.). и Александрии (IGR I/II. 1055, 1056, 10–11 г. н.э.), Августа по-прежнему именовали «Автократором Цезарем, сыном Бога, Августом». Такая титулатура сохранилась потому, что в надписях упоминалась датировка по годам его консульства или по введенной им цезарианской эре, что уходило корнями к тому времени, когда Август еще не величался богом.

[14] Pippidi 1939, 167–169; Машкин 1949, 565 сл.; Свенцицкая 1981, 37; Ross Taylor 1991, 35ff.; Southern 1999, 166.

жественные почести Августу стали активно воздавать на рубеже предпоследней и последней четверти I в. до н.э.[15], а возведение Алтаря Мира символизировало окончательное оформление культа Бога Августа.

Подданные в провинциях и союзники Рима на Востоке не могли не откликнуться на эти события в жизни Империи, что наглядно демонстрируют надписи в честь Августа и его жены Ливии. В посвятительной надписи Аполлону из окрестностей Кизика, поставленной после 15 г. до н.э., упоминаются «Автократор Цезарь, бог, сын бога, Август, богиня Ливия Деметра и (Марк Агриппа) Аполлон»[16], что явно отражает существование культа божественного императора и его ближайшего окружения. Любопытны в этом плане надписи, поставленные боспорской царицей Динамией. Она получила единоличную власть в 21 г. до н.э. и удерживала ее до 12 гг. до н.э., разделяя царские полномочия вначале со своим мужем царем Асандром, а в конце правления с другим мужем — понтийским царем Полемоном I, что было санкционировано Августом. В почетной надписи о посвящении статуи Августа из Гермонассы ее патрон — римский император именуется «Автократором Цезарем, сыном бога, Августом» (CIRB 1046), что относится к 17–14 гг. до н.э., когда в ходу было распоряжение принцепса греческим подданным и союзникам-вассалам почитать его вместе с божественным Юлием Цезарем, о чем сообщает Дион Кассий (см. выше). В надписи, поставленной в Фанагории Ливии, супруге Августа, боспорская царица величает ее просто «женой Августа» (CIRB 978). Это позволяет также отнести посвящение к ранним годам царствования Динамии, т.е. ко времени до 17–14 гг. до н.э. В эти годы культ божественного Августа еще не оформился в должной мере, поэтому принцепса нередко именовали по одному эпитету «Август»[17]. В третьей надписи из Пантикапея Динамия называет

[15] В Милете Августа почитали уже при жизни, так как вскоре после 26–25 гг. до н.э. там во дворе здания городского Буле возвели его алтарь Ara Augusti с округлым основанием; одновременно подобные алтари стали появляться в Алабанде, Траллах, Гераклее, Афинах, где был построен алтарь Афины и Августа (Tuchelt 1975, 136–140). В Милете императорский культ Августа стал складываться в это же время, но апогея достиг после 17 г. до н.э., когда обожествленный император в знак уважения и божественного почитания стал занимать почетную эпонимную должность стефанефора и в его честь был утвержден культ, который обслуживала коллегия жрецов во главе с первым жрецом (Günther 1989, 178).

[16] Schwertheim 1983, 110–112.

[17] Ср., например, надпись из Алабанды в провинции Азия от 27 г. до н.э., в которой Август именуется простым эпитетом Σεβαστου~ (OGIS 457); см. также надпись префекта Египта П. Рубрия Барбара на обелиске в Александрийском Кайсареоне, датированной по эре Цезаря (т.е. Августа или эре Акция — С.С., И.П.) 18 годом: ιη v Καίσαρος = anno XVIII Caesaris (IGR I. 1072), что соответствовало 13/12 г. до н.э. Она свидетельствует о введении эры в то время, когда Октавиан еще не стал Августом и его по традиции продолжали почитать как Цезаря. Интерес представляет и так называемая «клятва Фаземонитов» Августу из Неоклавдиополя — Фаземона в Пафлагонии, принятая в ознаменование включения области в состав римских провинций в двенадцатое консульство «Автократора Цезаря, сына Бога Августа» на третий год, что позволяет отнести надпись к 3 г. до н.э. (SP III. 66). В самой древней традиционной начальной формуле этой клятвы принцепс поименован как «Август, которому надлежит благоволить как Цезарю Августу», а далее в тексте присяги возведенные в его честь храмы и алтари в различных районах Пафлагонии названы «Себастейонами» и «алтарями Августа». Сооружение алтарей и храмов римскому императору, как и наречение его Августом – Цезарем Августом, относится ко времени до конца 20-х годов до н.э., когда он еще на получил культ обожествленного правителя. Официальная формула «Автократор Цезарь, сын Бога Август», хотя и относится к 3/2 г. до н.э., но восходит к 31–23 гг. до н.э., когда принцепс являлся консулом в последний раз перед 5 г. до н.э. – годом его двенадцатого консулата. В эти годы на рубе-

своего римского благодетеля и спасителя «Автократором Цезарем, Богом, сыном Бога, Августом» (IGR I. 901=CIRB 38)[18], сочетая в титуле императора старые и новые традиции, вызванные его официальным обожествлением. Это дает возможность отнести надпись к 14–12 гг. до н.э., когда сложился культ Divi Augusti.

Таким образом упоминание в надписи из Каллатиса императора как Цезаря Августа позволяет продатировать этот памятник, а значит постройку, ремонт и решение о посвящении гимнасия римскому принцепсу, периодом от 27 г. до н.э. до приблизительно 14 г. до н.э., а быть может даже до 25 г. до н.э., когда Август еще не называл себя автократором, ибо получил очередную аккламацию как император только в 25 г. до н.э. В это время каллатийцы, следуя повелению принцепса греческим подданным и вассалам от 29 г. до н.э., начали строительство или реконструкцию агоры, где должен был появиться священный участок — темен для построек, связанных с почестями Октавиану, только только провозглашенному Августом. Гимнасий и еще какая-то связанная с ним постройка вписывались в архитектурные ансамбли подобного рода. Позднее каллатийцы построили колоннаду портика (стои) и с полным правом посвятили ее уже Цезарю Августу как Автократору, когда культ обожествленного императора набирал силу.

Возведение сооружений, связанных с поклонением Августу в Каллатисе, вписывается в общую стратегию и политику создания сакральных комплексов обожествленного императора по всей Империи, особенно в ее восточных провинциях. В одном из крупнейших греческих городов Малой Азии — Эфесе при Августе уже с 29 г. до н.э. была перепланирована и благоустроена агора-форум, которую окружали строения, связанные с деятельностью нового императора: пританей, святилище Гестии, булея, посвященная покровительнице города богине Артемиде, булевтерий, одеон, базилика. Начал перестраиваться и храм, посвященный Марку Антонию, который отныне превратился в центр культа Августа и Ромы. Храм Августа был построен и в пределах Артемисиона. Все это стало следствием складывавшегося на Востоке и в Риме культа нового императора — Dea Roma et Divus Iulius, который в 19–18 гг. до н.э. перерос в культ Богини Ромы и Августа[19].

В египетской Александрии на месте храма Птолемеев в 48 г. до н.э. возник Кайсареон, посвященный Гаю Юлию Цезарю, что было результатом введения культа Цезаря. При Октавиане, возможно, в 24–20 гг. до н.э., под влиянием его формировавшегося культа как Августа этот теменос, окруженный колоннами, был перестроен, поскольку Страбон упоминает его после построек Марка Антония (Strabo XVII. 1. 9). Храм Августа — Себастейон в Александрии был украшен картинами, статуями, а теменос имел залы, библиотеки, банкетные залы, строения при въезде, широкие площади и просторные дворы. Один из построенных на теменосе залов в форме quadriportucus с храмом в центре имел планировочную связь с упомянутыми сооружениями. Подобные постройки культового и общественного назначения с залами, экседрами, одеонами, театрами, а также гимнасиями, имели прямое отношение к культу обожествленных правителей, включая римских импе-

же предпоследней и последней четверти I до н.э. Августа еще не почитали богом, но его культ уже формировался, о чем свидетельствуют посвященные ему храмы, святилища и алтари.

[18] Ehrenberg, Jones 1949, № 171.

[19] Weinstock 1971, 402 ff.; Jobst 1980, 243ff.

раторов[20]. Об этом убедительно свидетельствует Кайсареон в Кирене с тремя залами и базиликой с храмом. Трехзальная постройка служила гимнасием, который соорудили еще в эпоху эллинизма и посвятили Гераклу и Гермесу (в августовское время он именовался δαμόσιον). При Августе гимнасий и храм были реставрированы, появилась новая экседра, после чего гимнасий получил название porticus C[aes]ar[ei], а храм был посвящен Юпитеру-Августу. Это говорит о том, что киренский гимнасий являлся важныv культовыv местjv почитания императора и потому находился рядом с храмом Августа, поскольку сооружение общественных зданий было инспирировано созданием нового для греков культа божественного императора Августа. Данный вывод подтверждается тем, что гимнасий и храм императора в Кирене были отреставрированы одновременно с реконструкцией агоры в Эфесе. Для нового культа использовали древние сакральные здания, которые во многих случаях сохраняли прежнее предназначение. Например, на агоре Кирены одно из зданий было посвящено эллинистическому божеству Зевсу Сотеру, а другое новым богам Роме и Августу, а в Мессене храм Августа был возведен в пределах храма Гекаты в Лагине. В Афинах под реконструкцию попала агора: при финансовой поддержке Цезаря и Августа там вокруг древнего рынка в сотне метров к востоку от агоры классической эпохи соорудили великолепную колоннаду. Тогда же по распоряжению Августа откуда-то из Аттики на агору перенесли построенный еще в V в. до н.э. храм Ареса и приемный сын императора Гай Цезарь почитался там как «Новый Арес»[21].

Все это являлось своеобразной переработкой культовых функций, которые выполняли прежние строения, но уже в новых условиях, вызванных формированием культа императора Августа. При этом наряду со старыми перестроенными сооружениями возникали новые, что выражалось в постройке залов и портиков, возведении алтарей и храмов. Вследствие этого почитание Августа на теменосах греческих городов происходило в одной части форума–агоры, которая компактно застраивалась храмами, алтарями и где переоборудовались гражданские строения, например, булевтерий в Милете, агора в Эфесе[22], гимнасии в Кирене. Все они были построены еще в доримское время и являлись важными центрами городской жизни[23]. Наиболее ярко это проявилось в Пергаме, где почитать римского императора начали одними из первых (см. выше). Местный гимнасий на средней террасе был связан с храмом Гермеса и Геракла — покровителями палестр. Северная граница этой террасы состояла из ряда помещений за экседрой, выстроенной для отправления культа Августа. Гимнасий в Пергаме, который появился еще при Атталидах, в римское время был перестроен в соответствии с требованиями культа императора — там появился храмик коринфского ордера. Пергамский гимнасий примыкал к храму Богинь Фесмофорий, а гимнасий в Эгах, во многом аналогичный пергамскому, соседствовал с храмом элевсинских богинь Деметры и Коры и имел обширный двор с тремя портиками, где располагался небольшой храмик

[20] Forbes 1945, 32ff.; Sjöqvist 1954, 86; Delorme 1960, 316–318; Tuchelt 1981, 167–186.
[21] Tuchelt 1981, 167–186; McK.Camp II 1990, 28, 115.
[22] Tuchelt 1981, 167–186.
[23] Robert 1969, 738, 814; показателен пример с гимнасием в Приене, где во дворе появился небольшой наиск или алтарь, который мог быть связан с культом обожествленного императора (см. Shede 1934, Abb. 91).

богов. Местные гимнасии (как и подобные сооружения в других городах) имели специальную залу — το; ajκροατήριον, предназначенную для выступлений музыкантов, собраний философов, риторов врачей, поэтов, астрономов[24]. В этой связи вполне правдоподобным выглядит предположение, что в утраченной части каллатийской надписи упоминались если не стадий, то алтарь Августа — [το;ν βωμο;] ν или акроатерий. Ведь гимнасии выступали центрами культа обожествленного императора и составляли единое целое с другими сакральными постройками на агоре.

Каллатис рано превратился в одну из главных опор римского господства в Западном Причерноморье. Отношения с римлянами он установил сразу после поражения Митридата Евпатора. В 70 г. до н.э. Марк Варрон Лукулл, освободив регион от власти понтийского царя, заключил договоры о союзе с греческими городами Малой Скифии и Добруджи. Этим римляне признали за ними их самостоятельность, политию и автономию (Dio Cass. XXXVIII. 10). Тогда же был заключен и договор с Каллатисом, по условиям которого Рим и этот полис воздерживались от враждебных действий и обязывались предоставлять друг другу помощь при нападении на одну из договаривающихся сторон. Римское влияние в Каллатисе и его округе еще более расширилось после военной экспедиции Марка Лициния Красса против фракийцев в 29–27 гг. до н.э. (Dio Cass. LI. 25. 5). В результате этот район Добруджи до 15 г. н.э. оказался под управлением наместника провинции Македонии и составил особый административный округ под названием praefectura orae maritimae. После прихода к власти Октавиана Августа и в связи с провозглашением его Цезарем Августом в Каллатисе (и возможно в других западнопонтийских городах) началась реконструкция агоры с целью создания теменоса культа нового императора. На агоре полиса стал создаваться сакральный комплекс — местный Кайсареон, призванный стать местом почитания римского императора. Он включал ряд построек, в том числе алтарь Августа и гимнасий, который существовал и раньше, но при Августе был перестроен и превратился в один из центров культа нового римского принцепса. В дальнейшем по мере формирования культа божественного Августа на агоре, в том числе и вблизи гимнасия, стали возводить новые строения, в частности, колоннаду портика, которую также посвятили Августу, но уже как императору.

ЛИТЕРАТУРА

Машкин Н. А. 1949: Принципат Августа. М.; Л.

Парфенов В. Н. 2001: Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб.

Сапрыкин С. 2008: Epigraphica Pontica I: надпись Полемона из Зелы // ВДИ. 4, 41–54.

Свенцицкая И. С. 1981: Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I-II вв. н.э. // ВДИ. 4, 33–51.

Avram A. 1999: Inscriptiones Scythiae Minoris greacae et latinae. Bucarest; P.

Delorme J. 1960: Gymnasion. Études sur les monuments consacrès à l'education en Grèce (des origins à l'Empire romain). Paris.

Dörpfeld W. 1902: Die Fortsetzung der Grabungen / Die Arbeiten zu Pergamon 1900–1901 // Bericht über die Arbeiten zu Pergamon 1900–1901. Athen, 159–160.

Eck W. 2003: The Age of Augustus. Cornwell.

[24] Dörpfeld 1902, 160; Robert 1970, 79–81; Tuchelt 1981, 167–186.

Ehrenberg,V., Jones A.H.M. 1949: Documents, illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius. Oxford.

Ferrary J.-L. 2000: Les inscriptions du sanctuaire de Claros en l'honneur de Romains // BCH. 124, 331–376.

Ferrary J.-L. 2001: Rome et la géographie de l'hellénisme: réflexions sur "hellènes" et "panhellènes" dans les inscriptions d'époque romaine // The Greek East in The Roman Context. Proceedings of a Colloquium orginised by The Finnish Institute at Athens, May 21–22, 1999. Helsinki, 19–35.

Forbes A. 1945: Expanded Uses of The Greek Gymnasium // CPh. 60, 32 ff.

French D. 1986: Recent Epigraphic Research in Pontus // EA. 8, 71–83.

Günther W. 1989: Zu den Anfängen des Kaiserkults in Milet // IM. 39, 173–178.

Hellmann M.-Chr. 1992: Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecques d'après les inscriptions de Délos. Paris.

Irmscher I., Johne R. (eds.) 1977: Lexikon der Antike. Berlin.

Jobst W. 1980: Zur Lokalisierung des Sebasteion-Augusteum in Ephesos // IM. 30, 241–260.

Kuhn G. 1985: Untersuchungen zur Funktion der Säulenhalle in archaischer und klassischer Zeit // JDAI. 100, 169–317.

Magie D. 1950: Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton.

Marek Ch. 2003: Pontus und Bithynien. Die römischen Provinzen im Norden Kleinasiens. Mainz.

Martin R. 1951: Recherches sur l'agora grecque. Étude d'histoire et d'architecture urbaine. P.

Martin R. 1972: Agora et Forum // MEFRA. 84, 912 ff.

McK. Camp J. 1990: The Athenian Agora. Athens.

Merkelbach R., Şahin S. 1988: Die Publizierte Inschriften von Perde // EA. 11, 97–170.

Pippidi D.M. 1939: Recherches sur le culte impérial. Bukurest.

Pippidi D.M. 1959: Ein Augustus-Tempel in Dobrudscha // JÖAI. Beiblatt, 230–238.

Robert L. 1969: Opera minora selecta. Vol. II. Amsterdam.

Robert L. 1970: Études anatoliennes. Paris; Amsterdam.

Ross Taylor L. 1991: The Divinitz of The Roman Emperor. Middletown.

Schumacher L. 1985: Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die auspicial des Augustus // Historia. 34, 2. 221 ff.

Schwertheim E. 1983: Die Inschriften aus der Sammlung Necmi Tolunai in Bandirma // EA. 1, 107–118.

Shede M. 1934: Die Ruinen von Priene. Berlin. Leipzig.

Sjöqvist E. 1954: Kaisareion. A Study in Archaeological Iconography // OpRom. I, 86 ff.

Southern P. 1999: Augustus. London; New York.

Tuchelt K. 1975: Bouleuterion und Ara Augusti. Bemerkungen zur Rathausanlage von Milet // IM. 25, 91–140.

Tuchelt K. 1981: Zum Problem Kaisareion-Sebasteion. Eine Frage zu den Anfängen des römischen Kaisrkulten // IM. 31, 167–186.

Weinstock S. 1971: Divus Julius. London; Oxford.

NEW EVIDENCE ON EMPEROR AUGUSTUS CULT IN CALLATIS

S. Yu. Saprykin, I. Pyslaru

The article presents a new inscription found in Callatis, a west Pontus town, which mentions gymnasium and some other construction whose name is lost but for one letter. Both constructions named in the inscription were dedicated by Callatis people to Caesar Augustus, i.e. to Emperor

Augustus. Lack of evidence that Caesar Augustus was an autocrat makes it possible to refer the document to the early 20-s BC when Augustus cult began to grow. Gymnasium and some other construction were on the agora whose reconstruction started approximately at this time. Augustus Temenos, the altar, the temple, and gymnasium built there were to become Roman Emperor worship center.

Key words: Callatis, Caesar Augustus, Roman Empire, Sebasteion, Caesareon, gymnasium, epigraphy

© 2013

В. Н. Зинько

ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Археологические исследования последних лет свидетельствуют о нарастании военной напряженности на побережье Европейского Боспора и позволяют утверждать существование постоянной военной угрозы, которую испытывали эллинские апойкии, начиная с середины VI в. до н.э. Последнюю из этих угроз, датируемую концом первой четверти V в. до н.э., теперь можно с большой долей уверенности связать со скифской экспансией. О первых двух угрозах же — середины и конца VI в. до н.э. — следует делать только самые осторожные предположения. Так, военные события конца VI в. до н.э. в приморских городах Боспора, возможно, следует связывать с персидскими военными походами к северному побережью Понта на рубеже последних десятилетий VI в. до н.э. Как складывались в это время взаимоотношения боспорских эллинов и персов, без письменных источников представить сложно, а археологические свидетельствуют только о последствиях каких-то военных столкновений.

Ключевые слова: археология, Боспор Киммерийский, поздняя архаика

Реконструкция истории Боспора сопряжена с важной методической проблемой: соотношением информации, полученной из двух важнейших групп источников — письменных и материальных, археологических. Особенно остро это ощущается для раннего периода боспорской истории, очень скудно освещенного отрывочными свидетельствами древних авторов, при полном отсутствии значительных эпиграфических памятников. Результаты же археологических исследований, несмотря на их, казалось бы, точные относительные и абсолютные датировки, не могут дать, в силу своей специфики, однозначные ответы при историческом осмыслении материалов. К тому же сохранность ранних слоев и построек в городах европейского Боспора очень плохая, т.к. большинство из них подверглись в последующем значительным перестройкам, особенно в первые вв. н.э. Лишь при раскопках на достаточно больших площадях, при значительной доле удачи, можно надеяться на открытие позднеархаических комплексов.

Изучение в 30–50-х гг. прошлого века таких памятников, как Пантикапей, Нимфей и Тиритака, дало возможность исследователям представить в работах

Зинько Виктор Николаевич — доктор исторических наук, директор Благотворительного фонда «Деметра». E-mail: zinko@demetra.ua

обобщающего характера реконструкцию ранней истории Боспора[1]. Последующие археологические исследования, в первую очередь Мирмекия, хотя и внесли определенные коррективы в сложившиеся обобщенные представления о раннем периоде истории Боспора, но в целом рассматривались в русле сложившихся схем, как поступательное развитие эллинских колоний, которые лишь около 480 г. до н.э. вступили в период военно-политической дестабилизации. В этом исследователи видели решающую причину консолидации боспорских городов[2]. Хотя источник этой дестабилизации оценивается по-разному: одни исследователи придерживаются мнения, что это связано с вторжением с востока очередной волны кочевников[3]; другие видят причину в столкновении интересов боспорских полисов, и в первую очередь с Пантикапеем[4].

Новейшие археологические исследования Пантикапея, Тиритаки и Мирмекия открыли значительное количество фактов, недвусмысленно указывающих на *постоянную* военную напряж енность в районе европейского побережья Боспора Киммерийского во второй половине VI — первой четверти V вв. до н.э. Это чередующиеся слои пожаров с находками предметов вооружения. Наиболее ранние слои пожаров, датируемые около середины VI в. до н.э., фиксируются в Пантикапее и Мирмекии. Так, А. М. Бутягин полагает, что в середине VI в. до н.э. в пожаре погибло все раннее поселение на Карантинном мысу. О силе пожара свидетельствует его значительная площадь и сам характер слоя, возникшего в ходе интенсивного горения, а также сплавившиеся фрагменты амфор. Исследователь считает, что подобный пожар мог быть возможен только в случае наличия каких-либо деревянных сооружений[5].

В результате раскопок в 2011–2012 гг. В. П. Толстиковым на Новом Верхнем Митридатском (НВМ) раскопе был выявлен над поверхностью материка горелый слой, причем местами его толщина превышала 1 м. Судя по всему, первый строительный период на данной территории верхнего плато Пантикапейской апойкии завершился мощным пожаром, который предварительно относится к середине VI в. до н.э.[6].

В ранних поселениях южной части европейского побережья Боспора — Тиритаки и Нимфее — слоев с пожаром середины VI в. до н.э. не выявлено. Лишь значительно позднее, когда во всех ранних апойкиях активно идет процесс строительства наземных домов, ближе к концу VI в. до н.э., фиксируется новая катастрофа, сопровождающаяся разрушениями, сильным пожаром и находками наконечников стрел и мечей.

Так, в Тиритаке большое строительство начинается в последней трети VI в. до н.э. Еще В. Ф. Гайдукевичем в западной части апойкии были открыты два многокамерных сырцово-каменных дома[7] и остатки еще одной двух-трех камерной

---

[1] Гайдукевич 1949,7–42; Жебелев 1953, 48–73, 159–179; Блаватская 1959; Виноградов 1983, 366–420; Шелов-Коведяев 1985, 44–63.

[2] Виноградов 1983, 402, 405; Толстиков 1984, 44; Шелов-Коведяев 1985, 67.

[3] Толстиков 1992, 30–32; Виноградов 2001, 124.

[4] Васильев 1992, 116–117; Молев 1997, 34–37; Сапрыкин 2006, 182–183.

[5] Бутягин 2012, 17.

[6] Толстиков, Муратова 2013, 182.

[7] Гайдукевич 1952, 74–86.

постройки на восточной окраине[8]. Основываясь на этих находках, В. Ф. Гайдукевич сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время[9]. Это предположение было подтверждено моими раскопками 2007–2011 гг., когда в центральной части Тиритаки (раскоп XXVI) на значительной площади были исследованы самые ранние археологические комплексы и культурные слои, датируемые второй третью VI — первой третью V вв. до н.э.[10]. Стратиграфически их можно разделить на два строительных периода. К первому и наиболее раннему строительному периоду, который датируется 565–560 — около 530 гг. до н.э., относятся первые постройки эллинских колонистов. Это заглубленные в материк непритязательные сооружения: полуземлянка №1, землянка №2, полуземлянка №3, а также небольшие хозяйственные ямы. Культурные напластования I строительного периода по всей площади раскопа отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми лишь с уровня предматерикового слоя — темном стерильном слое погребенной почвы. Все эти археологические объекты выявлены в восточной части раскопа XXVI. Они перекрываются культурными слоями и сырцово-каменными постройками, относящимися ко II строительному периоду. Общая мощность свиты культурных напластований позднеархаического времени в центральной части верхнего города составляет в среднем более 1,4 м.

Рис. 1. Слои пожаров и разрушений конца VI и конца первой четверти V в. до н.э. с внешней стороны западной крепостной стены Тиритака.

[8] Гайдукевич 1958, 178–179.
[9] Гайдукевич 1958, 179.
[10] Зинько 2010.

Культурные напластования и сооружения II строительного периода выявлены на всей площади раскопа. Во II строительном периоде, который датируется около 530 г. — 480–470 гг. до н.э., отчетливо стратиграфически выделяются две фазы (II-А, II-Б), границей которых служат горизонты пожарищ и разрушений (рис. 1). В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных домов на всем исследуемом участке. В последнее десятилетие VI в. до н.э. эти постройки сгорают, но затем быстро восстанавливаются. В рамках последующей фазы II-Б происходит перестройка отдельных помещений зданий и сооружение новых хозяйственных объектов. Завершается эта фаза сильным пожаром и разрушениями, которые можно датировать 480–470 гг. до н.э.

К археологическим комплексам II строительного периода принадлежат большие сырцово-каменные дома СК-XXXIII, СК-XXXIV, СК-XXXV, СК-XXXVI, СК-XXXVII и многочисленные хозяйственные ямы. Слою строительства и функционирования построек II-го строительного периода стратиграфически соответствуют прослойки темно-серо-желтого оттенка мощностью до 0,30 м, прослойки темно-зеленого суглинка мощностью до 0,12 м, золистые прослойки мощностью до 0,18 м, а также слой суглинка серо-желтого оттенка мощностью до 0,46 м. Напластования и постройки II-го строительного периода сильно пострадали от перекопов и больших хозяйственных ям последующих эпох, а также от сплошной перепланировки города в I в. н.э., полностью уничтожившей эллинистические слои и частично затронувшей позднеархаические постройки. Поэтому сохранность археологических комплексов, прежде всего построек, очень плохая. Большая часть кладок сохранилась фрагментарно, а многие разобраны практически полностью. В связи с этим реконструировать планировку открытых комплексов довольно затруднительно. Все это также не позволяет на всей площади раскопа достаточно четко провести границу между ранними сооружениями (фаза II-А) и более поздними перестройками (фаза II-Б). Однако там, где это удалось проследить, границей служат упомянутые выше золистые прослойки мощностью до 0,18 м, соответствующие пожару конца VI в. до н.э. Исследовано не менее пяти городских усадеб, которые состояли из нескольких помещений и внутреннего двора. Эти дома строились вплотную друг к другу и, вероятно, образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора.

Начало создания градостроительной структуры Тиритаки можно датировать временем около 530 г. до н.э. Возведенные дома с некоторыми перестройками просуществовали пару десятилетий, а затем погибли в результате сильного пожара в конце VI в. до н.э.[11]. Из слоя пожара происходят находки бронзовых наконечников стрел и фрагмент железного наконечника копья (?). Непосредственно на слое этого пожара в конце VI в. до н.э. строится ранняя крепостная стена Тиритаки. При ее строительстве западные стены двух домов на окраине города были включены в раннюю оборонительную стену. Эта древнейшая крепостная стена на этом участке имеет толщину 1,7–2 м. В. Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя стена Тиритаки была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу

[11] Зинько 2012.

и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников[12]. Фрагменты ранней крепостной стены были также открыты в южной (нижней) части города (участки I, V, XV) и судя по всему, в конце VI в. до н.э. ею был защищен весь город на площади около 5 га.

Одновременно или несколько ранее какие-то системы укреплений возводятся в апойкиях северной части Боспора Киммерийского — Мирмекии и Порфмии. Так, на территории мирмекийского акрополя открыты несколько мощных каменных стен (толщина — 1 м), относящихся ко второй половине VI в. до н.э.[13]. С новым пиком военной напряженности, вероятно, следует связывать и находку в Мирмекии фрагмента махайры, датированного последней четвертью VI в. до н.э.[14] Укрепления акрополя Мирмекия ранее считались одними из самых ранних античных крепостных стен среди выявленных не только в районе Боспора Киммерийского, но и во всем Северном Причерноморье. По конструкции и технике сооружения они близки ранним укреплениям другой боспорской апойкии — Порфмия[15]. Древнейшие фортификационные сооружения Порфмия достигали ширины 1–1,1 м и были возведены во второй половине VI в. до н.э.[16] По всей трассе стены выявлен горелый слой, лежавший на материке. М. Ю. Вахтина считает, что археологический материал позволяет отнести какую-то катастрофу, происшедшую на поселении, ко второй половине — концу VI в. до н.э.[17] К оборонительной стене на рубеже VI–V вв. до н.э. было пристроено большое сырцово-каменное здание, раскрытое на площади 16 х 10 м и состоящее не менее чем из 9 небольших помещений. Эта постройка погибла в пожаре в конце первой трети V в. до н.э.[18].

Крепостные стены, датируемые концом VI в. до н.э., выявлены еще на одном поселении в северной части европейского побережья Боспора — Парфении. Здесь в 2011–2012 гг. на юго-западном пологом склоне городища исследована монументальная крепостная стена шириной 2,25 м, которая могла опоясывать или прикрывать со стороны степи какую-то часть мыса, занимаемого Парфением[19]. Строительству стены предшествовал пожар, в золистый слой которого и впущен нижний ряд камней.

Слои пожара конца VI в. до н.э. исследованы и в Пантикапее, где на западном плато вершины Первого кресла горы Митридат в 2002 г. был открыт интересный комплекс — землянка № 10. На дне землянки был найден железный кинжал типа махайры, а несколько выше в горелом слое найдены фрагменты второго кинжала со следами деревянной обкладки рукояти, явно побывавшего в огне[20]. Эта землянка относится к последней фазе 1 строительного периода, и, судя по материалу, она могла какой-то краткий период сосуществовать с первыми наземными монументальными сооружениями, возникшими на западном плато в 20-е — 10-е годы VI в. до н.э.[21] Ее разрушение связывается исследователями с какими-то пока

[12] Гайдукевич 1952, 89.
[13] Виноградов 2000, 230.
[14] Виноградов 1999, 153.
[15] Вахтина, Виноградов 2001, 41–44.
[16] Вахтина 2001, 11, рис. 1.
[17] Вахтина 2001, 13.
[18] Вахтина 2001, 14.
[19] Столяренко 2012, 406.
[20] Толстиков и др. 2003, 260.
[21] Толстиков и др. 2003, 262.

неизвестными событиями в центральной части Пантикапея, сопровождавшимися пожаром, в конце VI в. до н.э.[22]

Полученные в результате новейших археологических исследований в Пантикапее, Мирмекии, Парфении, Порфмии и Тиритаке данные о пожарах и каких-то вооруженных столкновениях в конце VI в. до н.э. следует соотнести с известными материалами раскопок М. М. Худяка в Нимфее. В конце VI в. до н.э. гибнет в пожаре архаическое святилище Деметры[23]. Этим же временем датируется и клад серебряных пантикапейских монет, сокрытый среди камней нижних рядов стены одного из нимфейских домов[24]. Итак, в результате каких-то военных действий все ранние поселения европейского побережья Боспора Киммерийского в конце VI в. до н.э. охвачены огнем. Однако эти пожары и столкновения не останавливают начавшийся в последней четверти VI в. до н.э. процесс урбанизации этих городов, а даже в какой-то степени являются их катализатором. На большинстве городищ: Тиритаке, Мирмекии, Парфении, Порфмии — возводятся крепостные стены, но особенно большое строительство разворачивается в Пантикапее. Здесь на западном плато исследован целый архитектурный ансамбль, включающий в себя монументальные многокамерные здания (МК I, II, III, IV) и толос, служивший композиционным и функциональным центром этого ансамбля. Многочисленный керамический материал из слоя бытования и разрушения этого ансамбля позволил В. П. Толстикову датировать его периодом между 510 и 485 гг. до н.э.[25]

Этот период бурного строительства в Пантикапее завершается около 480 г. до н.э. и сопровождается большим пожаром, «впрочем не столь мощным, как первый»[26]. Из этого слоя пожарища происходят находки наконечников стрел. Так, на небольшим участке у здания МК III было найдено около 20 наконечников стрел, причем некоторые из них обнаружены торчащими в сырцово-каменных стенах[27]. В это же время возводятся и первые фортификационные сооружения Пантикапея, опоясывающие по периметру весь район вершины Первого кресла[28]. Как и в случае с более ранней стеной Тиритаки, в Пантикапее в крепостную стену включают разрушенные к этому моменту здания[29].

Концом первой четверти V в. до н.э. датируется слой пожара с многочисленными наконечниками стрел, исследованный в последние годы в центральной части и у западной стены верхнего плато города Тиритака (рис. 2). Так, во дворе большой усадьбы СК-XXXIII в слое пожара было найдено около полутора десятка бронзовых наконечников стрел (рис. 3), некоторые из которых застряли в кладке построек. Разрушения и пожар отмечается и у стен Порфмия. Здесь к оборонительной стене на рубеже VI–V вв. до н.э. было пристроено большое сырцово-каменное здание, раскрытое на площади 16 х 10 м и состоящее из не менее чем 9 небольших помещений. Эта постройка погибла в пожаре в конце первой трети

[22] Толстиков и др. 2003, 264.
[23] Худяк 1962, 47.
[24] Худяк 1962, 18.
[25] Толстиков, Муратова 2013, 178–179.
[26] Толстиков, Муратова 2013, 187.
[27] Толстиков и др. 2003а, 323–324.
[28] Толстиков и др. 2003а, 322.
[29] Толстиков и др. 2003, 324.

Рис. 2. Слой пожара конца первой четверти V в. до н.э. в СК-XXXIII.

V в. до н.э[30]. Пострадал от нападения неприятеля в это же время и Мирмекий. При раскопках в западной половине города выявлена картина значительных разрушений: рухнувшие стены, завалы битой керамики, часто встречающиеся среди них наконечники стрел[31]. Лишь один город европейского Боспора, Нимфей, вероятно, избежал нападения. По крайней мере, каких-либо следов пожаров конца первой четверти V в. до н.э. здесь до сих пор не зафиксировано. Хотя следы пожаров этого времени зафиксированы на поселениях нимфейской хоры[32].

С событиями 480 г. до н.э. В. П. Толстиков связывает также ритуальное жертвоприношение боевого коня степной породы в непосредственной близости от главного храма Пантикапейского полиса и других сакральных сооружений[33]. Аналогичное жертвоприношение, только уже трех низкорослых коней с тремя чернолаковыми аттическими чашами первой трети V в. до н.э., было совершено во дворе дома со святилищем у западной стены Тиритаки. Вероятно, следует согласиться с В. П. Толстиковым, что как и в Пантикапее, так и в Тиритаке представлен сакральный ритуал, направленный на сдерживание вражеских (скифских) нападений, дабы избежать в будущем последствий предыдущего столкновения[34].

[30] Вахтина 2001, 14
[31] Виноградов, Тохтасьев 1994, 58.
[32] Зинько 2007, 62.
[33] Толстиков 2011, 58.
[34] Толстиков, Муратова 2013, 190.

Рис. 3. Наконечники скифских стрел из пожара в СК-XXXIII

Эти два археологических открытия последний лет окончательно подтвердили предположение о напряженном противостоянии греков и скифов в конце первой четверти V в. до н.э. на большей части европейского побережья Боспора Киммерийского. Поэтому вряд ли можно согласиться с гипотезой некоторых исследователей, что разрушения на акрополе Пантикапея и в других городах Боспора, которые археологически фиксируются в конце первой четверти V в. до н.э., могли быть вызваны не скифской угрозой, а внутриполитической борьбой в Пантикапее и стремлением последнего подчинить себе соседние города[35].

Таким образом, результаты новейших археологических исследований не только значительно увеличили число фактов, указывающих на нарастание военной напряженности в районе европейского побережья Боспора, но позволяют утверждать о *постоянной* военной угрозе, которую испытывали эллинские апойкии с периодичностью в несколько десятков лет, начиная с середины VI в. до н.э. Если последнюю из этих угроз, датируемую концом первой четверти V в. до н.э., теперь можно с большой долей уверенности связать со скифской экспансией, то о первых двух: середины и конца VI в. до н.э. — следует делать только самые осто-

[35] Молев 1997, 33; Григорьев 1998, 40.

рожные предположения. Так, военные события конца VI в. до н.э. в приморских городах Боспора, возможно, следует связывать с персидскими военными походами к северному побережью Понта на рубеже последних десятилетий VI в. до н.э. По сообщению Ктесия Книдского, каппадокийский сатрап Ариарамн незадолго до скифского похода Дария совершил морскую экспедицию на 30 военных судах, захватив при этом в плен брата скифского царя (Ctesias Cnid). Б. А. Рыбаков, основываясь на том, что Каппадокия имела выход к Черному морю между устьями рек Галиса и Ириса, находившимися напротив Боспора Киммерийского, полагает что «эскадра Ариарамна переправилась прямо на север к Боспору и воевала с крымскими скифами»[36]. Позднее, во время скифского похода Дария, в Понт была приведена эскадра из 600 кораблей под командой ионийских тиранов. Вероятно, она не только охраняла дунайский мост (Herodot. IV, 98.), но и поддерживали с моря действия персов. Как складывались в это время взаимоотношения боспорских эллинов и персов, без письменных источников представить сложно, а археологические свидетельствуют только о последствиях каких-то военных столкновений.

Результаты археологических исследований последних лет входят в противоречие с распространенным представлением о том, что в течение всего VI в. до н.э. обстановка в регионе была исключительно мирной[37]. Кроме того, это же заставляет отказаться от мысли о единственном факторе военно-политической напряженности в регионе — скифской. К тому же вряд ли стоит утверждать, что пик военно-политической напряженности на Боспоре приходится на конец первой четвертей V в. до н. э., ведь, судя по материалам археологических исследований, события конца VI в. до н.э. имели для городов европейского побережья не менее, а возможно и более значительные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватская Т. В. 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М.

Бутягин А. М. 2012: Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора // Греческая архаика Северного Причерноморья. СПб.

Васильев А. Н. 1992: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.

Вахтина М. Ю. 2011: Новые данные о боспорском городе Порфмии // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековье. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 11–15.

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. 2001: Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 41–45.

Виноградов Ю. А. 1999: Обломок махайры из Мирмекия // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь.

Виноградов Ю. А. 2000: К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. СПб., 227–232.

Виноградов Ю. А. 2001: Две Скифии и скифы царские // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. СПб.

[36] Рыбаков 1979, 170.

[37] Виноградов 2002, 13.

Виноградов Ю. А., *Тохтасьев С. Р.* 1994: Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 4, 54–63.

Виноградов Ю. Г 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.

Гайдукевич В. Ф. 1949: Боспорское царство. М.; Л.

Гайдукевич В. Ф. 1950: Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 25, 15–134.

Гайдукевич В. Ф. 1958: Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 85, 149–218.

Григорьев Д. В. 1998: К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 5, 38–43.

Жебелев С. А. 1953: Основные линии экономического развития Боспорского государства // Северное Причерноморье. М.; Л., 116–158.

Зинько В. Н. 2007: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. XV, Симферополь; Керчь.

Зинько В. Н. 2010: Основание и становление Тиритаки //ДБ. 14, 220–232.

Зинько В. Н. 2012*:* Основы городской планировки Тиритаки в VI-V вв. до н.э. // Материалы XIII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь,152–156.

*Молев Е. А.*1997: Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород.

Рыбаков Б. А. 1979: Геродотова Скифия. М.

Сапрыкин С. Ю. 2006: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства //Античная цивилизация и варвары. М., 91–102.

Столяренко П. Г. 2012: О раннем этапе урбанизации античного Парфения // Боспорские чтения. XIII, 404–408.

Толстиков В. П. 1984: К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 3, 24–47.

*Толстиков В. П.*1992: Пантикапей — столица Боспора // ОАИБ. М., 45–99.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2003: Новая землянка в Пантикапее // Боспорские чтения. IV, 259–264.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2003: Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. 6, 307–350.

Толстиков В. П., Муратова М. Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1, 176–192.

Худяк М. М. 1962: Из истории Нимфея VI–II вв. до н.э. Л.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1985: История Боспора в VI–IV вв до н.э. //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 5–187.

LATE ARCHAIC HISTORY OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE CONTEXT OF RECENT ARCHEOLOGICAL STUDIES

V. N. Zinko

Archaeological studies of the past years, having considerably increased a number of facts that pointed to growing military tension in the littoral area of European Bosporus, which makes it possible to speak of a continual military threat to Hellenic apoikiai throughout decades beginning with mid 6th century BC. The threat in the first quarter of the 5th century BC can without doubt be attributed to Scythian expansion, but the first two in the mid and late 6th century BC are

open to speculation. Military events of the late 6th century BC in Bosporus seaside towns have a possible connection with Persian campaign on the northern coast of Pontus at the turn of the last decades of the 6th century BC. It is next to impossible to speak about Bosporus Greeks and Persian contacts without relying on records, archeological data display consequences of military clashes. On the whole the results of archeological study run counter to widespread notion of a peaceful situation in the region. Besides, it makes it possible to give up the idea of Scythian factor as the only one responsible for political and military tension in the region. One can hardly allege that the peak of political and military tension in Bosporus falls to the first quarter of the 5th century BC. Archaeological data show that events of the late 6th century BC are of more far-reaching consequences.

Key words: archaeology, Cimmerian Bosporus, the late Archaic

© 2013

А. А. Завойкин

СОЮЗ КОНЯ И ВСАДНИКА (ЗАМЕТКИ О «БОСПОРСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ПЕРИОДА РАННИХ СПАРТОКИДОВ)*

В статье рассматриваются две попытки концептуально осмыслить источники, которые проливают свет на политическую структуру Боспорского государства периода Ранних Спартокидов (IV в. до н.э.). Одна из них принадлежит автору статьи, другая сформулирована в диссертации Д. В. Грибанова, который считает, что Боспорское государство представляло собой федеративный союз греческих полисов, во главе которого стояли Спартокиды. В данной статье показано, что генезис Боспорского государства (военное подчинение других полисов тиранами Пантикапея) принципиально противоречит идее союзного государства. Представление о «двойном гражданстве» (полисном и «федеративном») не может быть принято буквально, поскольку термин «боспорит» (и т.д.) не связан с гражданским правом. Он отражает скорее подданнические отношения греческого населения этого государства по отношению к правителям Боспора.

Ключевые слова: Боспор, монархия, полис, администрация, федеративный союз, «двойное гражданство»

М. И. Ростовцев, размышляя о характере государственного устройства Боспорского государства, очень точно отметил его феноменальность[1]: «Боспорская тирания, — пишет он, — определяется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Ее нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой βασιλεία, т.е. царской властью восточного или эллинистического типа». В своих работах я неоднократно ссылался на эти определения выдающегося отечественного антиковеда[2], сохраняющие свою актуальность, поскольку дискуссия на эту тему все еще очень далека от завершения (если оно в принципе возможно). Лучшее тому подтверждение — итоги круглого стола, проведенного 19 апреля 2012 г. центром «Восточная Европа в античном и

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail: bospor@inbox.ru

*Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Нации и государство в мировой истории. 3. Возникновение, эволюция и типология государственности в мировой истории»: «Боспор в VI в. до н.э. — VI в. н.э.: от полиса к монархии (эволюция государственности)».

[1] Ростовцев 1989, 183.

[2] Например см.: Завойкин 2001, 150–151; Завойкин 2007, 238.

средневековом мире» ИВИ РАН, темой которого было «Образование Боспорского государства: от полиса к царству»[3]. В итоге исследователи боспорского политогенеза, по сути дела, остались каждый при своем мнении (хотя некоторые пункты «схождения» мнений по отдельным вопросам все-таки наметились), в большинстве случаев склоняясь в пользу тиранической модели развития, реже — апеллируя к эллинистическим («протоэллинистическим») аналогиям.

Мне ближе подход М. И. Ростовцева. При этом я акцентирую внимание на необходимости более строго подхода к хронологическим дефинициям, четко отделяя и анализируя состояние государства в разные исторические периоды, а не пытаясь представить его характеристику как своего рода «среднюю температуру по больнице». В рамках исторической периодизации[4] я посчитал возможным особо рассматривать политическую структуру, которая сложилась в последние два десятилетия правления Сатира I — первые две декады правления Левкона I (к 360-м гг. до н.э. Боспор как единое государство в основном сформировался и получил свое наименование) и вплоть до коронации Спартока III, принявшего официально царский титул. Важной предпосылкой для выделения этого периода стала характеристика имеющихся в нашем распоряжении источников (именно для него свойственно особое внимание литературной традиции к региону; только со времени Левкона I вводится пышная титулатура правителей, только в это время они от своего имени издают декреты, дарующие привилегии иноплитам, и др.), хронологически ему соответствует максимальное развитие внешней торговли (в первую очередь — экспорт зерновых, основа экономического процветания Боспора). По этой причине использовать для характеристики политического строя державы ранних Спартокидов более поздние материалы (иногда — уже митридатовского или даже римского периодов) следует с предельной осторожностью. Прежде всего это требует серьезной доказательной базы, подтверждающей уместность ретроспекций. (В большинстве случаев, исключая прямые ссылки в поздних источниках на более ранние, абсолютные по своей убедительности доказательства здесь, пожалуй, невозможны.)

Отсутствие явных следов полисной жизни в этот период за пределами Пантикапея, тотальное молчание источников о деятельности полисных советов и экклесий и заставило в свое время исследователей думать, будто полис на спартокидовском Боспоре, если можно так сказать, «растворился без остатка» в этом едином политическом котле. (Во что, разумеется, невозможно поверить: если мы рассуждаем об античном обществе, значит, полис был, другое дело — каков был его статус в составе территориальной державы.) К. М. Колобова попыталась опровергнуть расхожее представление и отыскать следы полисной жизни в различных источниках, рассмотрев которые, она пришла к заключению, что «города… сохраняют и гражданскую общину и полисное самоуправление»[5]. Однако сложно

[3] См. Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2012, 286–329. В настоящее время готовится развернутая публикация материалов в ежегоднике «Древнейшие государства Восточной Европы».

[4] Мой доклад на круглом столе и был посвящен этой проблематике. См. Завойкин 2012, 288–298.

[5] Колобова 1953, 52 сл.

не заметить, что почти вся подборка приведенных в ее статье примеров лежит за пределами IV — первой половины III вв. до н.э., иногда слишком далеко[6].

Итак, вопрос вопросов: какое место в структуре единого государства занимал полис? (Вновь напомню, что здесь и далее мы говорим только о Боспоре ранних Спартокидов.) Пытаясь как-то объяснить «исчезновение полиса», я высказал *рабочую гипотезу*[7], что объяснить происхождение названия государства «Боспор» (и от него производных) можно в том лишь случае, если допустить, что собирание боспорских земель под властью Спартокидов (во всяком случае первоначально[8]) происходило путем инкорпорирования в состав Пантикапейского полиса иных гражданских общин, включавшихся в его структуру на правах, говоря условно, «демов»[9]. Предположение о существовании этой *симполитии* (своего рода «мегаполиса», принявшего второе, неофициальное имя Пантикапея — «Боспор», для того, чтобы, во-первых, отличить его от той части государства, что называлась «Пантикапей», во-вторых, чтобы противопоставить это ядро государства («Боспор» титулатуры) недавно включенной в состав державы Феодосии[10], наконец, в-третьих, — чтобы в последствие дать общее название государству, используемое в декретах правителей с определением «весь») многое могло бы объяснить в государственном строе и истории Боспора.

Я всячески подчеркивал и подчеркиваю, что подобное предположение есть некая условная модель, рабочая гипотеза, которая призвана прояснить *генезис* Боспора, не более того. Я далек от мысли, что, скажем, Фанагория в собственном смысле слова стала *демом* расширившегося до пределов «Боспора» пантикапейского полиса. Нет, конечно. Она оставалась полисом, но полисом с сильно урезанными политическими правами: часть исконных прав некогда автономного полиса (внешние сношения, чеканка монеты и др.) становится прерогативой центральной власти. В основном, видимо, права полиса ограничивались сферой муниципальной жизни, регулирования поземельных отношений в пределах хоры (хотя какого-то рода вторжение Спартокидов в земельный фонд полиса вероятно — см. e.g. декрет 1976 г. времени Левкона I/Перисада I)[11]. Строго говоря, мы не можем утверждать, что в этот период главные полисные институты (совет и народное со-

[6] Сошлюсь на частный, но показательный в целом пример, когда в качестве свидетельства «полисного строя» Боспорского государства приводится письмо царя Полемона Херсонесу, который в то время входил в состав царства (Колобова 1953, 55).

[7] Здесь и всюду далее курсив мой. — А.З.

[8] В качестве хронологического ориентира удобно принять захват Левконом I Феодосии (по моим представлениям — между 370–365/364 гг. до н.э.).

[9] Завойкин 2001, 173–176.

[10] Может быть, уже на иных основах, чем ранее завоеванные полисы (см. Завойкин, 2002). С. Ю. Сапрыкин (2003, 25) считает, что вычленение в титуле Спартокидов Феодосии — следствие исключительно ее географического положения. Но ведь и Синдская Гавань (ставшая Горгиппией) тоже была завоевана (и даже после Феодосии) Спартокидами и лежит вне пределов пролива. Однако этот город подпадал под определение «Боспор». Исследователи подчеркивают «привилегированное» положение Феодосии, указывая на формулу титулатуры (Каллистов 1949, 182; Колобова 1953, 52; Виноградов 1978, 22–25; Гуров 1983, 50–58; Петрова 1991, 97–105; и др.). Однако с равным (если не с большим) основанием можно говорить и об особенности положения Феодосии «с противоположным значением»: во-первых, полис ожесточенно сопротивлялся власти Спартокидов; во-вторых, положение столичного Пантикапея, входившего в состав «Боспора», не могло быть ниже Феодосии.

[11] Яйленко 1984, 219 сл.; Яйленко 2001, 474 сл.; ср.: Шелов-Коведяев 1985, 59–60; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, 70.

брание) не функционируют. Формально у нас нет свидетельств, подтверждающих их существование ни до, ни после (вплоть до 88/87 г. до н.э.[12]) рассматриваемого времени. Но ведь сомневаться в их деятельности, по крайней мере в период автономии полиса (вторая половина VI–V вв. до н.э.), не приходится.

В чем тогда смысл концепции «мегаполиса»? В первую очередь в том, что, помимо полисной, иной политической модели эллинский мир еще не знал[13]. Не существенно, идет ли речь о республиканской (демократической) ее форме или о монархической (тирания). До политической доктрины о царской власти «милостью Божьей» было еще далеко. Поскольку сомневаться в самом существовании полиса невозможно, мы обязаны искать объяснение тому факту, что следов его в IV в. до н.э. мы почти (за пределами городского самоуправления) не находим. Предложенная концепция в какой-то мере объясняет этот факт. Мы не находим ясных проявлений полисной жизни в отдельных полисах Боспора потому, что они скрываются от нас проявлениями жизни полиса-гегемона (Пантикапея), власть в котором была узурпирована его тиранами, Спартокидами[14]. И власть эта, изначально базировавшаяся на силах одного только родного их полиса, по мере расширения территориальных границ, подчинения других полисов (а потом и племен Нижнего Прикубанья) постепенно приобретает новый ресурс, контролируемый уже не столько полисом-гегемоном, сколько его тиранами. Тираны Пантикапея перестают быть просто «первыми среди равных» даже на словах (на деле они не были таковыми и прежде). На этой почве и формируется наследственная монархия Спартокидов. Однако полного разрыва с полисными традициями, конечно, не происходит. Правители Боспора (так стало называться созданное их силой государство) должны были в той или иной степени придерживаться тех политико-правовых норм (а равно и политической лексики), которые были выработаны в полисе классической эпохи. Во всяком случае, то и дело нарушая их на практике, они не могли ими пренебречь полностью. В особенности выпукло формальная приверженность Спартокидов полисным устоям проявляется в их отношениях с другими государствами Греции. Во внутриполитической жизни самого Боспора они, конечно, были менее щепетильны. Но и здесь Спартокиды были не вольны перекраивать все только на собственный вкус — по крайней мере первые десятилетия, но, думаю, хотя бы в меньшей степени, и после. Да и едва ли их собственные политические воззрения могли полностью противоречить полисным стандартам: идеология эллинизма еще не завладела умами современников Левкона I и даже Перисада I. Реально же возникавшие противоречия решались по ходу политогенеза, который (уже в новых политических условиях!) завершился официальным принятием царского титула.

Здесь реализовывалось право завоевателя, который *вправе* (прошу прощения за нарочитую тавтологию) был распоряжаться завоеванным полисом по собственному усмотрению. Я остаюсь стойким сторонником мнения, что объединение боспорских полисов происходило «сверху», путем военного их подчинения, а не

[12] Виноградов 1991.

[13] О союзных объединениях полисов речь пойдет ниже.

[14] Поэтому и полисная жизнь самого Пантикапея «заслонена» от нас его тиранами, деятельность которых выходит на передний план и очевидна лишь в частных проявлениях (чеканка монеты; в экстраординарных случаях — формальное санкционирование на народном собрании вступления на престол предков нового тирана-узурпатора (Евмела); этникон (пантикапеец) Левкона I в международных документах — КБН 37).

некоего экономического (или какого иного) «взаимопритяжения» полисов. Если даже допустить, что какой-нибудь небольшой полис был готов сдаться потенциальному захватчику, сути дела это решение не меняло (разве что можно было рассчитывать на милость завоевателя, на некоторые привилегии по сравнению с теми гражданскими общинами, которые оказали ожесточенное сопротивление). В принципе завоеватель мог полностью уничтожить захваченный полис, а его население переселить в другой (случаи такого рода достаточно известны, например, в деятельности Дионисия Старшего) или заселить его территорию новым населением (полностью или частично)[15]. Однако уничтожить полисную жизнь тотально не мог никто. Подчиненные полисы, потеряв политическую автономию, утрачивали существенную долю своих исконных прав и прерогатив (в том числе право на внешнеполитические связи, чеканку монеты и др.). Эти «утраченные права» отныне переходили Пантикапею, а вернее — его тирану и главе объединенного (созданного) ими государства. Таким образом, полностью лишенные суверенитета, полисы, полномочные решать лишь вопросы муниципального уровня, становились по своему положению чем-то наподобие аттических демов, т.е. административно-территориальными подразделениями Боспорского государства, которым правили Спартокиды (об их администрации мы, к сожалению, мало что можем сказать).

Может быть, предложенная концепция не самая удачная, но, по крайней мере, она учитывает наличие проблемы, которую в других случаях попросту игнорируют. Иных попыток объяснить ее до последнего времени не было. Но совсем недавно был сформулирован новый подход, претендующий на концептуальное решение этой проблемы. Он предложен молодым исследователем из Харьковского университета Д. В. Грибановым, который выполнил диссертационную работу по теме ««Полис на раннеспартокидовском Боспоре (438–303 гг. до н.э.): административное и социально-правовое устройство»[16].

В мою задачу не входит последовательный анализ этой работы, но дать о ней общее представление, видимо, следует в том объеме, который позволяет составить читателю мнение о ее структуре и существе взглядов исследователя. Основная часть работы состоит из пяти разделов. Первый посвящен определению уровня научной разработки темы и ее обеспечения источниками. Во втором разделе речь идет о государственной системе Боспора при ранних Спартокидах. Д. В. Грибанов указывает, что «существующие подходы к оценке Боспорского объединения раннеспартокидовского периода не объясняют всех особенностей административно-политической организации этого государства. Неразрешенной остается и проблема боспорских проксений, которые, по общему мнению исследователей, являются ключевым источником при изучении государственного устройства раннеспартокидовского Боспора»[17]. Это обстоятельство открывает простор для новых

[15] Вполне вероятно, что такова была судьба Синдской Гавани, ставшей после этого Горгиппией, и, возможно, Киммериды (см.: Завойкин 1998, 138–144; Завойкин 1999, 114–120).

[16] Грибанов 2013. Частично эта проблематика затронута автором в опубликованных тезисах его доклада на конференции в Нижнем Новгороде (Грибанов 2012). Я располагаю и полным текстом диссертации, любезно предоставленным мне Д. В. Грибановым, однако ввиду формальных ограничений пока не могу на нее ссылаться, обращаясь к этому тексту в тех только случаях, когда из-за понятной лаконичности автореферата не мог себе уяснить ту или иную мысль исследователя.

[17] Грибанов 2013, 6.

поисков. И первый камень, положенный в фундамент исследования, представляет идея о формульном сходстве боспорских проксенических декретов с декретами федеративных объединений (Халкидская лига, Беотийский и Аркадский союзы и др.), что, по мысли диссертанта, должно прояснять не только «феномен» боспорских проксений, но и сущность политического строя на Боспоре («союзный», «федеративный»)[18]. Таким образом, подразумевается «двойное гражданство» на Боспоре: «общегосударственное» (федеративное) и полисное. Однако нужно сразу же подчеркнуть и принципиальнейшее, на мой взгляд, различие: боспорские декреты издаются от имени единоличного правителя (с сыновьями).

Для обоснования «общебоспорского гражданства» автор ссылается на политию «на всем Боспоре», предоставляемую в декретах Спартокидов, на этникон (sic!) «боспорит» и использование термина «Боспор» в качестве названия государства Спартокидов в речах аттических ораторов[19], а также отсылает читателя к тексту Страбона (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.!), в котором сообщается о том, «что “боспорцами” называют всех эллинов, *подвластных боспорским правителям*», предполагая, что под этим термином подразумеваются *граждане* боспорских полисов, причем «данное свидетельство отражало реалии спартокидовской эпохи»[20]. Развернутых доказательств, разумеется, в автореферате не было предоставлено, поэтому я ограничусь лишь указанием на тот фрагмент текста Страбона (выделенный выше курсивом), из которого следует однозначно, что речь идет о *подданных* боспорских царей. По этой причине и заключительный в этом подразделе тезис Д. В. Грибанова о «двойном гражданстве» несколько повисает в воздухе. Не говорю уже о том, что без веских доказательств[21] предполагать соответствие политико-правовых норм периода ранних Спартокидов и митридатовской (постмитридатовской) эпохи недопустимо. Пожалуй, уместным будет вспомнить, как именуется в декрете аркадян (*КБН* 37) Левкон I — «пантиикапеит» (не «боспорит»)[22]. На это, конечно, можно возразить, что «общебоспорское граждан-

[18] См. также: Грибанов 2012, 80–81.

[19] Последнее, конечно же, ошибочно — они пользуются в основном термином «Понт», а «Боспор» иногда употребляется лишь Демосфеном (XX. 33 и 36; ср.: XXXV. 31, 35; XX. 30; XXXIV. 36), но, по-видимому, в значении «Пантикапей» (см. Завойкин 1994, 67–68 с лит.)

[20] Грибанов 2013, 6-7.

[21] В тексте диссертации попытка обосновать это соответствие имеется.

[22] Весьма любопытно, что в тексте самой диссертации Д. В. Грибанов, ссылаясь на два документа (в том числе и на декрет Аркадского союза (370–362 гг. до н.э.), в котором владыка Боспора именуется пантикапейцем), отмечет: «Получателем проксении мог быть только гражданин полиса... а следовательно, данная надпись подтверждает факт сохранения Пантикапеем своего полисного статуса в период правления ранних Спартокидов. (…) Как отмечают М. Г. Хансен и Т. Х. Нильсен, указания на принадлежность человека к подразделению гражданской общины (sub-ethnic) без наименования самой гражданской общины (т.е. полиса: city-ethnic) практически никогда не использовались в греческой эпиграфике за границами самого полиса, гражданином которого являлся данный человек (Hansen 2004, 95-97). Следовательно, в соответствии с гипотезой А. А. Завойкина, аркадяне должны были назвать Левкона I «боспорцем» (city-ethnic) или, в крайнем случае, «боспорцем и пантикапейцем» (city-ethnic + sub-ethnic), но никак не «пантикапейцем» (sub-ethnic)» (С. 51). Исследователь, вероятно, не заметил того, что эта логика более эффективно работает против его собственной гипотезы. Но дело даже не в том. Идея «мегаполиса» вовсе не подразумевала того, что Боспор Спартокидов был… полисом (и соответствующего этникона; «боспорит» — это политомим!). Речь шла только о модели (парадигме), которой следовали создатели «надполисного» территориального государства, поскольку политической альтернативы не имелось. Впрочем, Д. В. Грибанов считает иначе: согласно его мнению, парадигмой мог стать федеративный союз полисов.

ство» формируется позднее. Однако, если предполагать федеративный характер боспорского объединения, это довольно странно: трудно допустить, что по мере усиления монархических принципов в государстве крепли и федеративные его начала, предполагающие усиление юридической и политической самостоятельности его субъектов. Это процессы взаимоисключающие.

Уделено внимание «архонтату как институту власти». Исследователь присоединяется к мнению Т. В. Блаватской[23], согласно которому это «должность» главы «эллинского союза». А политико-правовой статус боспорских правителей-архонтов он сравнивает «с положением союзных магистратов, избиравшихся в рамках объединения греческих полисов, подобно фессалийским тагам»[24]. Ссылается также исследователь на аналогии архонтату в союзных объединениях Греции (Беотия, Фессалия, Фокида). Доказательство же приводится, по сути, только одно: разграничение в титулатуре правителей архонтской и царской власти. Может быть, логичнее объяснять это разделение традиционно: архонтская власть — над греческими подданными, царская — над варварскими общинами? А совпадение потестарной лексики (здесь, как и в декретах) объяснимо еще проще — использованием единых средств общего языка и общих политических традиций.

В следующем подразделе характеризуется административно-территориальная структура государства Спартокидов. Д. В. Грибанов вновь ссылается на поздний текст Страбона — который по географическому принципу разделяет боспоритов на европейских и азиатских, — поддерживая по ходу дела старую идею об институте соправительства. Вероятно, по мнению исследователя, элементы государства, выделенные в титулатуре правителей, не отражают реального его членения. Ничего не сказано о подчиненных варварских территориях. (Может быть, потому, что подчиненность меотов Спартокидам не очень укладываются в «федеративную» схему?)

Подраздел о реформах Левкона I и о «государственной символике Боспора» производит двойственное впечатление. Мне, конечно, импонирует, что автор диссертации воспринял некоторые мои соображения, но понял он их, кажется, несколько превратно. Ни о какой «государственной символике» речи быть не может. Кроме символики полисной или персональной (παράσημον на монетах, клеймах и под.), ничего подобного античность не знала. (Примечательно и то, что, собственно кроме «Боспора», и официальных названий территориальных держав не известно.) По мнению автора, «государственные реформы Левкона I были направлены на преобразование Боспорского объединения из *союза* полисов в полноценное территориальное государство с элементами федеративного устройства»[25]. Трудно, однако, поверить в то, что единовластный правитель был озабочен идеей сохранения (?) «элементов федеративного устройства». Собственно, само существование «союза полисов» не было рассмотрено и обосновано исследователем, принимается им a priori, будто это факт, не требующий доказательств. Если я правильно понимаю, единственное реальное воплощение «союзных органов власти» исследователь находит …в лице самих Спартокидов (которые от собственного имени издают декреты «по образцу» федеративных союзов).

[23] Блаватская 1959, 16, прим. 32.
[24] Грибанов 2013, 7.
[25] Грибанов 2013, 8.

В итоге Д. В. Грибанов приходит к выводу, что государственное устройство раннего Боспора сопоставимо с «… государствами позднеклассической эпохи, такими как Македония, Эпир, Фессалия, для которых было характерно совмещение федеративной организации и монархического принципа правления». Признаюсь, такой вывод озадачивает. Даже если мы согласимся с тем, что Боспор ранних Спартокидов был «федеративной монархией», следовало бы серьезно задуматься над тем, какими путями столь различные по своему составу, историческому происхождению (и т.п.) общества могли в итоге прийти к сходным формам государственного устройства? Вряд ли на поставленный вопрос можно дать вразумительный ответ. Аналогия не обоснованная и формальная.

Третий раздел диссертации называется «Статус полиса на раннеспартокидовском Боспоре». Сначала ставится вопрос, какие «города» на Боспоре обладали полисным статусом. (За основу приняты критерии Копенгагенского центра изучения полиса.) Затем анализируются данные источников о «полисных *демотиконах* [т.е. этниконах] и топонимах». По мысли автора, «практика использования полисных демотиконов и топонимов в IV в. до н.э. свидетельствует о сохранении политической самоидентификации отдельными гражданскими общинами Боспора». Мысль верная, хоть и не нова. Жаль, что не во всех случаях здесь уделено достаточно внимания анализу хронологии памятников[26].

Далее речь идет о монетной чеканке. Автор диссертации в частности пишет: «Боспорские полисы (кроме Пантикапея. — *А.З.*) прекратили чеканку монеты после *подчинения* Спартокидам. Следовательно, монеты Пантикапея приобрели общегосударственное значение на Боспоре в IV в. до н.э.»[27]. Пантикапей сохраняет привилегированное положение как столица государства. Как родина тирании, добавлю от себя, обратив внимание на то, как тщательно Д. В. Грибанов избегает употребления самого термина «тирания». В этом источнике, кстати, нет и следов какой-либо «федеративности». Никаких. В отличие от, например, Беотийского союза. В следующем подразделе рассмотрен вопрос о предоставлении статуса проксенов иностранными государствами гражданам боспорских полисов. В нем лишь подтверждается привилегированное положение Пантикапея. Хотя привлекаемый в этом случае декрет аркадян (*КБН* 37) в честь Левкона I, на мой взгляд, не вполне подходит для доказательства данного вывода, поскольку он скорее свидетельствует об особо привилегированном положении самого сына Сатира.

«Полисные институты власти». Здесь в автореферате указано, что «…деятельность полисных органов власти на раннеспартокидовском Боспоре засвидетельствована в целом ряде эпиграфических и нарративных источников. В период правления ранних Спартокидов в Пантикапее продолжали действовать народное собрание, некоторые магистратуры и суд. Полисные магистратуры, такие как агораномия и агонотетия, существовали в Пантикапее, Нимфее, Гермонассе, а также, возможно, в Фанагории и Китее»[28]. В действительности рассуждать о деятельности народного собрания источники позволяют (с рядом важных оговорок) только применительно к Пантикапею. Далее рассмотрены «урбанистические признаки полиса», в основном по археологическим материалам. Это очень непростая за-

[26] Ср. Завойкин 1994, 68; 2007, 236–238; 2012, 288–298
[27] Грибанов 2013, 9.
[28] Грибанов 2013, 10.

дача, поскольку (за вычетом отдельных очевидных случаев) однозначная идентификация открытых раскопками сооружений почти невозможна. Поэтому данный критерий в целом оказался малопродуктивен.

В целом итоговые выводы вполне традиционны: очевиден полисный статус Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Фанагории, Гермонассы и Горгиппии; вероятен — Китея, Кеп, Ахиллия. «Однако, — пишет исследователь, — на наш взгляд, этого недостаточно для вывода о том, что полисами в эпоху правления ранних Спартокидов могли являться и некоторые из т.н. “малых городов” Боспора, хотя и полностью исключать этого нельзя»[29].

В четвертом разделе диссертации речь идет о «государственном устройстве боспорских полисов». О народном собрании Фанагории, Гермонассы, Горгиппии и Патрея говорится в основном в источниках римского периода (в Фанагории — со времени Митридата Евпатора), об экклесии Пантикапея — в сообщении Диодора об утверждении власти Евмела (309 г. до н.э.). Автор работы здесь вновь высказывается в пользу магистратского характера титула боспорских правителей «архонт», что вовсе не обязательно: для пущей авторитетности непопулярных решений тираны нередко апеллируют к народному собранию (примеров в источниках масса, известны они и Д. В. Грибанову). Таким образом, ничего толком о народном собрании периода ранних Спартокидов мы не узнали. Исключая Пантикапей, трудно даже утверждать, что эти важнейшие полисные институты функционировали хотя бы время от времени (что, впрочем, на мой взгляд, вполне вероятно), и какова была их компетенция. Д. В. Грибанов рассматривает некоторые полисные магистратуры (агонотетию и агорономию и др.). Данные об этих магистратурах муниципального уровня отрывочны, но в целом они действительно позволяют говорить о сохранении на спартокидовском Боспоре элементов полисного устройства. (В чем, собственно, и сомневаться трудно.) Исследователь приходит к выводу: «Власть ранних Спартокидов опиралась на административный аппарат, сформированный в соответствии с полисными традициями. Боспорские магистраты (имеются ввиду, вероятно, *полисные* магистраты, или же речь все-таки о «федеративной» (т.е. спартокидовской) администрации? — *А.З.*) осуществляли контрольные и управленческие функции в сфере внутренней торговли и таможенного регулирования, городского строительства, благоустройства и санитарных нужд, в организации агонов и религиозных праздников»[30]. В автореферате по понятным причинам не отражена хронология отдельных памятников, привлеченных исследователем для анализа. По этой причине и я не могу затрагивать данной проблемы. В следующем подразделе поднят вопрос о судопроизводстве, особенность которого, по мнению Д. В. Грибанова, «заключалась не в том, что суд вершился администрацией Спартокидов, а в том, что полисные органы судебной власти находились в подчиненном положении по отношению к правителям»[31].

Наконец, в пятом разделе рассмотрено социальное положение и правовой статус граждан боспорских полисов. По имущественному положению выделены три категории граждан, которые Д. В. Грибанов изучает по погребальным

[29] Грибанов 2013, 10.
[30] Грибанов 2013, 11.
[31] Грибанов 2013, 12.

памятникам. Критерий этот неоднозначен[32]. Для характеристик зажиточных слоев привлечены данные лапидарной эпиграфики. Предпринята попытка на основе просопографического анализа выявить аристократические семейства, игравшие заметную роль в жизни полисов и государства в целом. Заслуживает, на мой взгляд, внимания один из интересных выводов автора: «Важным фактором поддержания стабильности было … то, что, в отличие от обычных греческих полисов классической эпохи, полисы Боспора не являлись строго замкнутой социальной системой, так как входили в состав более крупного территориального государства»[33]. В подразделе «Правовое положение граждан боспорских полисов» предпринята попытка рассмотреть права и обязанности боспорских граждан в период правления ранних Спартокидов. Следует отчасти согласиться с тезисом, что «… политическая активность граждан боспорских полисов была ограничена сферой муниципального управления. Важнейшие решения во внутренней и внешней политике принимались самими Спартокидами и могли лишь формально утверждаться народными собраниями полисов»[34]. Не думаю, что имеются основания предполагать, что сфера внешней политики вообще входила в компетенцию народных собраний. В числе инноваций в области гражданской жизни отмечена замена обязанности военной службы уплатой чрезвычайного налога (эйсфоры). Пожалуй, это заявление слишком категорично. Военную опору власти Спартокидов составляли греческие наемники и контингенты местных варваров, однако думать, будто гражданские ополчения полностью исчезают, пожалуй, безосновательно. Кстати, если такое допускать — про какую-либо «федеративность» следует сразу забыть.

В кратких итогах всего исследования Д. В. Грибанов формулируется тезис: «В … синтезе двух разных принципов построения территориального государства, в соединении монархического и полисного начала, на наш взгляд, выразился уникальный характер Боспорского государства эпохи правления ранних Спартокидов»[35]. С этим, естественно, следует согласиться. И далее (прошу прощения за длинную цитату):

«Вместе с самим полисом в административную структуру раннеспартокидовского государства были включены и отдельные полисные институты власти. Ко времени правления ранних Спартокидов относятся сведения о деятельности в боспорских полисах народного собрания, магистратур и судебных органов власти. При этом на структуру и характер деятельности традиционных полисных институтов власти оказывал значительное влияние тот факт, что они подчинялись администрации Спартокидов. Каждый боспорский правитель, вероятно, проходил через утверждение в народном собрании, однако *реальной власти этот высший полисный институт был лишен*. Боспорское судопроизводство соответствовало общегреческим образцам, но при этом суды могли использоваться Спартокидами и в качестве политического орудия в борьбе против оппозиции. Органы исполнительной власти (магистратуры) в отдельных боспорских полисах сохраняли в своем ведении полномочия в сфере муниципального управления, связанные с

[32] Подробно эта проблема для Боспора рассмотрена в диссертации Н. И. Сударева (2005).
[33] Грибанов 2013, 13-14.
[34] Грибанов 2013, 14.
[35] Грибанов 2013, 15-16.

контролем над розничной торговлей, городским строительством и организацией религиозных праздников и агонов. Таким образом, Спартокидам удалось путем прямого или опосредованного подчинения полисной администрации компенсировать отсутствие у них разветвленного чиновничьего аппарата власти. Это, с одной стороны, свидетельствует о вмешательстве боспорских правителей в дела гражданских общин Боспора, но, с другой стороны, указывает и на незаменимость самого полиса и его институтов для власти ранних Спартокидов и устойчивости созданного ими государства»[36].

Первая фраза цитаты для меня остается загадочной: что исследователь имел в виду? Очевидно, включение полисов в «административную структуру… государства» подразумевает, что полисы были элементами административно-территориальной структуры Боспора. (Странно в таком случае, почему об это не было сказано в соответствующем разделе?) А как понимать «включение» в административную структуру государства «отдельных полисных институтов власти», не представляю. Можно предположить (этого мы не знаем!), что некоторые полисные институты могли в какой-то мере послужить в монархическом государстве своего рода *парадигмой* для формирующейся администрации, судя по всему, довольно неразвитой именно в силу того, что на «муниципальном уровне» управление осуществлялось самими полисами под контролем Спартокидов (ср. положение дел в Пергамском царстве)[37]. Но что имеет в виду Д. В. Грибанов, сказать не берусь. Создание федеративного совета и всеобщего народного собрания? Никаких следов такой «включенности» в источниках не находим. Надо думать, исследователь просто неточно выразил свою мысль.

Как можно видеть, базовой идеей всей работы стала попытка посмотреть на «вековечную загадку» («боспорский феномен») под углом зрения федеративного союза — вдруг этот ключик подойдет ко всем запорам. Трудно установить, на каком этапе работы эта идея овладела исследователем[38]. Но это и не так уж важно. Вполне очевидно, что она проистекает из анализа проксенических декретов. Не-

---

[36] Грибанов 2013, 16.

[37] Климов 2010, 178–179, 194, 346.

[38] Предшественником Д. В. Грибанова в этом вопросе был С. Ю. Сапрыкин. Желая подкрепить свою идею, что вплоть до эпохи Митридата VI на Боспоре была «полисная тирания», а не «эллинистическое царство», он отвергает мнение, что Спартокиды располагали «царской хорой» (или «царской землей»). На этом основании исследователь делает вывод: «Это позволяет определить социально-экономические отношения в государстве и формируемую ими социально-политическую структуру как полисную, включавшую понятие “Боспор” как конгломерат полисных владений крупнейших городов, что было и при ранних Спартокидах» (Сапрыкин 2003, 29). Далее, ссылаясь на известный отрывок Страбона (Strabo VII. 4, 4), он пишет: «Это свидетельствует о том, что владыки Боспора, а к ним можно причислить Археанактидов и ранних Спартокидов, владели лишь землями в окрестностях Пантикапея, исключая хору Феодосии, хора которой граничила с таврами и областью восточнее от нее, подчиненной Пантикапею, т.е. боспорцам. Ею владели “тираны”, т.е. Археанактиды и Спартокиды. Это означает, что, во-первых, эти земли являлись полисными, т.е. приращение осуществлялось из Пантикапея, а во-вторых, подключение к ним других полисов с их хорой по берегам пролива составило своего рода союз или симмахию, основанную в основном на подчинении (sic!) и лишь отчасти добровольно» (Сапрыкин 2003, 24–25). Комментарий к этому тексту см. Завойкин 2007, 227 сл. Ю. Г. Виноградов (1995, 17) полагает, что с приходом к власти Спартокидов «… надобность даже в видимом существовании боспорской конфедерации отпала, т.к. она перерождается в новое для Понта политическое объединение 3-го уровня — территориальную тираническую державу, ἀρχή».

случайно именно этот раздел послужил основой для всего дальнейшего изложения. В принципе эта идея вполне последовательно проводится всюду. Хотя нельзя не заметить, что некоторые возникающие по ходу работы вопросы как бы не вписываются в общую концепцию: не дают источники возможности предполагать здесь «федеративный союз» или даже прямо ему противоречат. Не стану в итоговой части повторять отмеченные несоответствия. Плохо федеративный принцип увязывается с монархическим характером правления Спартокидов (который признает и сам Д. В. Грибанов, вынужденный искать довольно экзотические, в данном случае, аналогии в Македонии, Эпире и др.). Но надо все-таки, в первую очередь, было бы отметить другое. С какой стати мы вообще должны предполагать союзный (федеративный) характер державы Спартокидов? Что позволяет об этом говорить (помимо гипотезы, происходящий из рассмотрения декретов)? Источников нет. Как себе вообще можно представить образование союза полисов, завоеванных тиранами Пантикапея? Воистину это мог быть лишь «союз коня и всадника»! Известно, к чему этот «союз» привел — в начале следующего столетия Спарток III, отбросив псевдо-республиканский «фиговый листок», возложил на свою голову царскую диадему (которую, возможно, примерял еще его отец)[39].

К сожалению, исследователь не уделил достаточного внимания предыстории рассматриваемого им периода. Отчасти по этой причине (но не только) он исключил из своего лексикона термин «тирания». А зря, ибо аттические ораторы применительно к Спартокидам использовали не столько термин «архонт», сколько — «тиран»[40]. В официальных же документах они и вовсе обходились без титула (правильнее было бы написать «их обходили титулом»). И, увы, помимо рассуждений о реформах Левкона I, отмечающих важный исторический рубеж, Д. В. Грибанов мало (на мой вкус) внимания уделил хронологическому аспекту. Каков, собственно, был Боспор до того, как он стал «Боспором» (со времен Левкона I)? Менялось ли что-то в государственном устройстве во времена Перисада I и Евмела? Понятно, что наши скудные источники часто не позволяют дать хронологически дифференцированные ответы. И мы вынуждены обобщать… Но все-таки следует говорить о *процессе* становления и дальнейшего развития («созревания») политической системы, сложившейся при ранних Спартокидах. Ясно, что в период эллинизма Боспор уже не совсем тот, что в IV в. до н.э., не говоря уже о времени правления Митридата Евпатора (и далее). Можно ли в таком случае, пользуясь свидетельствами поздних документов и авторов, переносить характеристики на Боспор именно ранних Спартокидов? Это очень сложная и деликатная задача. Как мы видели, К. М. Колобова не вполне с ней справилась. Свидетельств, подтверждающих гипотезу о «федеративном союзе», в них точно искать не следует. В противном случае мы рискуем создать реконструкцию, сочетающую в себе элементы разновременных политических структур, о которых мы знаем лишь то, что они заведомо различались.

При все том, более внимательное сравнение двух взглядов на существо политического строя Боспора ранних Спартокидов обнаруживает в них немало общего. «Водораздел» же между ними пролегает в области понимания возможности

[39] По-своему примечательно, что при поздних Спартокидах, список которых открывает первый боспорский царь, полисы в своем правовом отношении, похоже, получают некоторые послабления.

[40] Анализ терминологии древних авторов см. Виноградов 1983, 407–409.

(невозможности) федеративного союза (еще раз подчеркну, реальных следов его в источниках нет) между неравноценными в правовом отношении субъектами: завоевателем и завоеванными. На мой взгляд, образовавшееся при Спартокидах объединение можно назвать союзом только в переносном смысле, имея в виду взаимную экономическую и военно-политическую выгоду правителей Боспора и их подданных в целом. Однако эта сторона отношений не имеет непосредственного касательства к гражданскому праву.

Завершая рассмотрение новой концепции, должен подчеркнуть, что рассмотренный опыт, по моему разумению, несмотря на длинный ряд представленных здесь возражений, вовсе не был напрасным. Со времени выхода в свет упомянутой статьи К. М. Колобовой (историографической предшественницы Д. В. Грибанова) появились принципиально новые подходы к теме и, что важнее, новые эпиграфические документы, позволяющие более взвешенно и более обоснованно реконструировать политическую структуру Боспора IV в. до н.э. И их надо было осмыслить в контексте темы, представленной в интересной работе харьковского исследователя. Систематический обзор вытекающих из этой проблемы вопросов и имеющихся в нашем распоряжении источников ярко высветил «прорехи» в наших знаниях. Очевидно, что чисто логическими усилиями проблему не решить. Остается ждать новых находок. А тем временем — искать новые подходы, позволяющие лучше понять те источники, которыми мы располагаем. Если вовсе не ставить перед собой вопросы — в том числе такие, на которые нельзя пока дать однозначный ответ, — не будет ясности даже в том, что и где следует искать.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватская Т. В. 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.

Виноградов Ю. Г. 1978: Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. Тез. докладов. М. (рукопись).

Виноградов Ю. Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса / Е. С. Голубцова (отв. ред.). М., 394–420.

Виноградов Ю. Г. 1991: Фанагорийские наемники // ВДИ. 4, 14–33.

Виноградов Ю. Г. 1995: Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья / С. Д. Крыжицкий (отв. ред.). Севастополь, 5–56.

Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. 2002: Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 4, 58–75.

Грибанов Д. В. 2012: Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти проф. Н. П. Соколова. Материалы международной конф. / А. В. Махлаюк (отв. ред.). Нижний Новгород, 80–82.

Грибанов Д. В. 2013: Поліс на ранньоспартокідівському Боспорі (438–303 рр. до н.е.): адміністративний та соціально-правовий устрій: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук. Харків.

Гуров А. Н. 1983: Феодосия и Фанагория в системе Боспорского государства // Из истории античного общества. 3, 50–58.

Завойкин А. А. 1994: *Завойкин А. А.* Κιμμέριος Βόσπορος — Βόσπορος — *Diod.* XII. 31, 1. (Опыт источниковедческого анализа) // ПИФК. 1, 64–70.

Завойкин А. А. 1998: Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 3, 134–145.

Завойкин А. А. 1999: Периодизация истории Киммериды // ДБ. 2, 114–122.

Завойкин А. А. 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 4, 150–180.

Завойкин А. А. 2002: К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 5, 95–106.

Завойкин А. А. 2007: Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор / Н. А. Гаврилюк, А. А. Масленников (ред.). Москва; Киев; Запорожье, 219–243.

Завойкин А. А. 2012: Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции / Е. А. Мельникова (отв. ред.). М., 288–298.

Каллистов Д. П. 1949: Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.

Климов О. Ю. 2010: Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.

Колобова К. М. 1953: Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 4, 47–71.

Петрова Э. Б. 1991: Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. II, 97–105.

Ростовцев М. И. 1925: Скифия и Боспор. Л.

Ростовцев М. И. 1989: Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 2, 182–197.

Сапрыкин С. Ю. 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–33.

Сударев Н. И. 2005: Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1985: Новые боспорские декреты // ВДИ. 1, 57–72.

Яйленко В. П. 1984: К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология / Л. А. Гиндин (отв. ред.). М., 210–223.

Яйленко В. П. 2001: Вторая фанагорийская проксения // ДБ. 4, 474–486.

Hansen M. H. Introduction // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / M. H. Hansen, T. H. Nielsen (eds). Oxford; New York, 3–153.

THE ALLIANCE OF THE HORSE AND THE RIDER (NOTES ON "THE BOSPORAN FEDERATION" OF THE EARLY SPARTOKID PERIOD)

A. A. Zavoikin

The article examines two attempts to conceptually interpret the sources which throw light on the political structure of the Bosporan state in the Early Spartokid period (the 4th century BC). The article shows that the genesis of the Bosporan state (military subordination of other poleis by the Pantikapaion tyrants) is fundamentally contrary to the idea of the union state.

Key words: Bosporus, monarchy, polis, administration, federal union, dual citizenship

© 2013

Е. А. Молев

О ТИТУЛАТУРЕ ЛЕВКОНА I

Официальный титул боспорские правители принимают со времени правления Левкона I. Титул этот «архонт» первоначально означал «правящий» и распространялся как на эллинов, так и на варваров. Позднее, после присоединения ряда варварских племен к нему был добавлен титул «царствующий» по отношению к варварам.

Ключевые слова: Причерноморье, титулатура, архонт

Тиранический характер власти ранних боспорских Спартокидов засвидетельствован письменными источниками и ни у кого не вызывает сомнения. Однако в документах собственно боспорского происхождения такого определения их власти нет, как нет и вообще никакого определения ни их должности, ни титула до времени правления Левкона I. Как именовали себя Спартокиды в качестве правителей до этого мы не знаем. Левкон же, как свидетельствуют об этом все имеющиеся на сегодня источники[1] принял титул «архонт Боспора и Феодосии». Разумеется при анализе данных этих документов, мы не должны забывать, что вовсе не исключены новые находки, где титул Левкона «архонт» может относиться только к Боспору. И тогда ситуация с объяснением происхождения его будет совершенно иная. Но пока этого нет и при решении данного вопроса мы должны исходить только их имеющихся фактов.

Всестороннее обсуждение термина ʼαρχων боспорских надписей было проделано в ряде работ Ю. Г. Виноградовым[2]. Он отметил, во-первых, что ни в Милете, ни в его колониях в V — начале IV в. до н.э институт архонтов не засвидетельствован[3]. Следовательно, этот титул не мог достаться боспорским тиранам по наследству от «отцов-основателей» и значит был введен, вероятнее всего, по политическим соображениям своего времени. Во-вторых, Ю. Г. Виноградов предположил, что Феодосия была «*подключена* (курсив мой — Е.М.) к титулатуре только после ее окончательного завоевания в первые годы правления Левкона I» и

Молев Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии, искусствоведения и музеологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

[1] Термин просто « arcwn — архонт» для обозначения титула Левкона восстанавливает Т. В. Блаватская в надписи этого царя с Семибратнего городища. См. Блаватская 1993, 37. Но поскольку это лишь восстановление и есть другие его варианты, мы не будет сейчас комментировать это предположение.

[2] Vinogradov 1980, 85–90; Виноградов 1983; Виноградов 1989.

[3] Ehrhardt 1983, 199; Виноградов 1989, 112.

что данный титул был принят как «наиболее подходящий к аналогичным по своей сущности и формам авторитарным режимам, без всякой традиционной филиации полисного института, как с точки зрения генезиса, так и семантики[4]. Однако, документов, свидетельствующих, что о том, что Левкон уже имел титул «архонт Боспора» до подчинения Феодосии у нас пока нет. И значит, пока мы можем только утверждать, что он был введен, а не подключен, именно после подчинения Феодосии.

Представляется несомненным, что принятие официального титула является одним из важнейших внутриполитических изменений в государственной системе и всегда связано с какими-то существенными изменениями в нем. Специально рассматривая вопрос о титулатуре боспорских правителей, С. Р. Тохтасьев пришел к выводу, что «образцом для образования термина, как и вообще всей титулатуры боспорских тиранов, мог быть только персидский прототип[5]. Однако, приведенные автором примеры относятся к уже устоявшейся титулатуре Спартокидов, которая отнюдь не была таковой в момент ее возникновения.

Общепринятая на сегодня последовательность развития титулатуры при Левконе I следующая:

— «архонт Боспора и Феодосии»[6];

— «архонт Боспора и Феодосии и всей Синдики, и торетов, и дандариев и псессов»[7].

— «архонт Боспора и Феодосии и синдов и царь торетов, дандариев, псессов»[8].

— «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов, торетов, дандариев, псессов»[9].

— «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и всех маитов»[10].

На мой взгляд, принятие официального титула боспорскими тиранами связано, прежде всего, *с условиями подчинения Боспору Феодосии* (курсив мой — Е.М.). До подчинения Феодосии проблемы титула для Спартокидов не существовало[11], поскольку все города, входившие в состав их державы находились на сравнительно небольшом удалении от Пантикапея и вполне могли быть инкорпорированы в состав этого полиса путем синойкизма[12], как это не раз бывало и в Греции. Подчинение же Феодосии на таких условиях было затруднено как удаленностью от Пантикапея и отсутствием в то время территориальных границ (степная часть полуострова была заселена скифами, неподвластными Боспору), так и, вероятно, условиями мирного договора, предусматривающими сдачу города Левкону после нескольких лет упорной борьбы. Вот в таких условиях и возникла проблема титула. Его требовала новая форма политического объединения.

Во время его принятия Левконом наименование правителей полиса архонтами было наиболее устоявшимся в Афинах, где этот титул заменил собой титул «царь» еще в XI в. до н.э. Отметим, также, что этот титул первым получил сын царя Ко-

---

4 Виноградов 1983, 411, 413. Это мнение разделяет и С. Р. Тохтасьев (Тохтасьев 2004, 150, сн. 26).
5 Тохтасьев 2001, 164.
6 КБН 1111; Белова 1967, 61–68; Тохтасьев 2001, 67.
7 Соколова, Павличенко 2002, 101.
8 КБН 6а.
9 КБН 6, 1037; 1038.
10 КБН 8.
11 Молев 1997, 75–78.
12 Ср. Завойкин 2001, 27 и сл.

дра Медонт, имя которого (Μέδων) в переводе с греческого означает «властитель, начальник». Это явно подчеркивало как характер власти, так и значение нового титула «архонт». Понадобилось более 300 лет, чтобы последний эволюционировал из монархического в демократический. Учитывая прочные связи Боспора с Афинами сложившиеся уже со времени отца Левкона — Сатира I, мне кажется, этот факт никак нельзя игнорировать при решении нашего вопроса и полностью исключать его «ассоциативную связь его с полисной (прежде всего афинской — Е.М.) магистратурой»[13]. Но, вне всякого сомнения, реальное содержание термина «архонт» в Афинах и на Боспоре имело мало общего друг с другом. На Боспоре, как и в Сицилии, что совершенно справедливо отметил С. Р. Тохтасьев[14], в это понимание, скорее всего, вкладывалось понятие «военный предводитель», каковыми и были на самом деле ранние Спартокиды. Таким образом, вероятнее всего, в нашем случае использование термина «архонт» для наименования характера своей власти Левконом были данью не демократии, а полисным традициям. Другого термина, подчеркивающего фактически монархический характер власти («правящий»), но соответствующего при этом традициям полиса, он не видел.

Предположение, что до принятия этого титула Левкон и его предшественники, как военные предводители, лично возглавлявшие свое войско в походах, могли пользоваться титулом «стратег-автократор»[15], лишь предположение. Тем более, что на протяжении всего времени правления династии не прерывалась и традиция именовать Спартокидов как частных лиц[16]. А с присоединением Феодосии на правах автономной единицы государства власть Левкона приобретала новый, значительно более широкий смысл, чем тот, который можно вложить даже в должность стратега-автократора. Именно это и стало, на мой взгляд, причиной принятия Левконом I титула «архонт».

Из последних по времени авторов обратившихся к вопросу о титулатуре ранних Спартокидов отметим Д. В. Грибанова. В своей кандидатской диссертации «Поліс на ранньоспартокідівскому Боспорі (438–303 рр. до н.е.): адміністративний та соціально-правовий устрій» он, вслед за Т. В. Блаватской[17], указывает, что должность архонта на Боспоре могла изначально представлять собой пост главы «эллинского союза». Это, по его мнению, подтверждается строгим разграничением между архонтатом и царской властью в титулатуре Спартокидов. Наличие архонтата, как эпонимной союзной магистратуры в некоторых греческих федеративных государствах (Беотия, Фессалия, Фокида), по мнению автора, позволяет сравнивать политико-правовой статус боспорских правителей-архонтов с положением союзных магистратов, избиравшихся в рамках объединения греческих полисов, подобно фессалийским тагам[18]. Однако, это слабый аргумент. Архонтат как эпонимная союзная магистратура впервые зафиксирован в эпиграфических источниках, имеющих отношение к Беотийской лиге лишь в 379 г. до н.э. и связан, как отмечает сам автор, с переходом от олигархии к демократии. На Боспоре же мы видим переход к новой форме тиранического, а вовсе не демократическо-

[13] Виноградов 1983, 413.
[14] Тохтасьев 2004, 151.
[15] Виноградов 1983, 417; Завойкин 2001, 170.
[16] Шелов-Коведяев 1990, 178.
[17] Блаватская 1959, 16, прим. 32. Ср. Тохтасьев 2004, 157–175.
[18] Грибанов 2013, 7.

го объединения. Причем какие-либо политические контакты Боспора с Беотией того времени, для того чтобы заимствовать боспорянам политические институты беотийцев, не засвидетельствованы. Зато в Афинах, с которыми Боспор устанавливает весьма прочные контакты уже с начала правления Спартокидов (если речь вести только о них), архонтат существует с VII до н.э. А значит этот термин и его значение были достаточно хорошо известны на Боспоре. Поэтому при принятии своего официального титула, Левкон I, явно ориентировавшийся в своей внешнеполитической деятельности на Афины, скорее должен был учитывать именно афинские традиции. Ведь и для беотийского архонтата, что отмечает сам автор, прообразом могла послужить соответствующая афинская магистратура[19]. Другие примеры автора еще более поздние и еще менее вероятны.

Находка новой посвятительной надписи в Нимфее,[20] вносит некоторые коррективы в понимание термина «архонт». Названный в данной надписи титул боспорских правителей звучит как «Λεόκωνος ἄρχοντος Βοσπόρο καὶ Θεοδοσίης καὶ της Σινδικὴς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησσὼν - правящий Боспором и Феодосией, и всей Синдикой, и торетами, и дандариями, и псессами». Прекрасная сохранность надписи не дает оснований сомневаться в возможности искажения титула правителя. Следовательно, в тот период времени, когда было поставлено это посвящение, титул Левкона действительно звучал, как соответствующая эллинская магистратура.

Дополнительным аргументом в пользу такого понимания смысла термина «архонт» Левкона I, может быть и надпись КБН 6а, в которой по достаточно убедительному восстановлению В. В. Шкорпила[21] , поддержанному Ф. В. Шеловым-Коведяевым[22], Левкон назван «архонтом» по отношению к синдам. Правда, только к ним. Эта надпись по оценке издателей нимфейского посвящения[23] по времени издания следует за нимфейской. Следовательно, данный титул сохранялся еще некоторое время, но уже по отношению только к одному из варварских племен — к синдам. Причину этого издатели посвящения Теопропида, сына Мегакла, видят в особенностях политической организации Синдики и каких-то событиях ее внутренней истории, остающихся нам пока неизвестными[24].

Мне кажется, можно предполагать объяснение этого феномена тем, что синды были первым и некоторое время единственным варварским народом, вошедшим в состав Боспора. Причем уровень их цивилизации был существенно выше их восточных соседей. Мы знаем, что уже отец Левкона Сатир I возвращает на престол царя Синдики Гекатея и для закрепления союза с ним отдал за него замуж свою дочь (Polyaen., VIII, 55). Посвящение Левкона из Семибратнего городища позволяет думать, что некоторое время после восстановления власти Боспора в Азии Гекатей еще был жив, став, однако, полностью подвластным своему боспорскому покровителю[25].

---

[19] Грибанов 2013, 76.
[20] Соколова 2000, 119; 2001, 368–376; Соколова, Павличенко 2002, 99–121.
[21] Шкорпил 1917, 63, 109.
[22] Шелов-Коведяев 1984, 130.
[23] Соколова, Павличенко 2002, 114, 120.
[24] Соколова, Павличенко 2002, 120.
[25] Тохтасьев 2004, 149, 176.

Об особом положении синдов в составе Боспорского царства и далее при Левконе свидетельствует и надпись КБН,8, где Левкон также выделен как «царь синдов» из всех маитов, хотя согласно сообщению Страбона (Strabo., XI,2,11), синды — это одно из меотских племен. Не исключено, что такое выделение синдов было следствием того, что на Боспоре их не считали родственными остальным племенам меотов[26]. Но, возможно, это было и следствием более тесных династических связей ранних Спартокидов и синдской правящей династии.

И тут встает очень важный вопрос — различался ли титул «архонт» по своему реальному содержанию в отношении к эллинам и варварам? Думается, что да, поскольку вряд ли подчиненные племена Прикубанья имели сколь-нибудь значимую форму гражданской организации, требующую предоставления им таких же привилегий, как греческим городам Боспора. И я не вижу пока оснований говорить о «политическом равноправии объединенных в одно государство греческих полисов и варварских племен»[27], исходя только из ранней титулатуры Левкона. Ведь полностью зависимый от него правитель синдов носил титул «царь». Этот титул засвидетельствован Страбоном и Плутархом и для дандариев.

Думается, что именно подчинение вслед за синдами новых варварских племен Азии, управлявшихся своими наследственными правителями, ассоциировавшимися у эллинов с царями, вскоре вновь поставило на Боспоре проблему титула. Левкон усложняет его, вводя дополнительно компонент «царствующий» и таким образом приводит свою титулатуру в соответствие с реальным разграничением своих полномочий по отношению к эллинам и варварам. При этом некоторое время этот титул опять-таки не применялся по отношению к синдам. Я думаю, что это было лишь до тех пор, пока был жив Гекатей, хотя и номинально, но остававшийся царем в глазах своих подданных. Образцом для принятия титула «царь» для Левкона I вполне могла стать титулатура персидского царя, достаточно хорошо известная в античном мире и всегда привлекательная для правителей, пользующихся любыми формами единоличной власти.

ЛИТЕРАТУРА

Белова Н. С. 1967: Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1, 61–68.

Блаватская Т. В. 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.

Блаватская Т. В. 1993: Посвящение Левкона // РА. 2, 34–47.

Виноградов Ю. Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.

Виноградов Ю. Г. 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Грибанов Д. В. 2013: «Поліс на ранньоспартокідівскому Боспорі (438–303 рр. до н.е.): адміністративн*ий* та соціально-правовий устрій»: автореф. канд. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Харьков.

Завойкин А. А. 2001: «Боспорский феномен» или Псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 4, 151–181.

[26] Ср. Тохтасьев 2004, 146. прим. 10. «На Боспоре синды вовсе не рассматривались в качестве части меотов, как у некоторых эллинистических писателей».

[27] Тохтасьев 2004, 179.

Завойкин А. А. 2001: Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 1. СПб.

*Молев Е. А. 199*7: Политическая история Боспора I–IV вв. до н.э. Нижний Новгород.

Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. 2002: Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hiperboreus. Studia Classica. 8. Fasc. 1, 99–121.

Соколова О. Ю. 2000: Боспорский город Нимфей. Итоги и перспективы исследования // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. Керчь, 124–137.

Соколова О. Ю. 2001: Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 4, 368–376.

Тохтасьев С. Р. 2001: Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 1. СПб.

Тохтасьев С. Р. 2001: Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь.

Тохтасьев С. Р. 2004: Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 3, 144–180.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1984: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Шелов-Коведяев Ф. Д. 1990: Замечания о динамике титулатуры Спартокидов // Древнее Причерноморье. Одесса.

Шкорпил В. В. 1917: Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 163, 109–120.

Ehrhardt N. 1983: Milet und seine Kolonien: vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; New York.

Vinogradov Ju. G. 1980: Die historische Entwicklung der Poleis des Nördlichen Schwarzmeerküste im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1053–100.

LEUKON'S TITLES

Ye. A. Molev

Bosporan rulers acquired official titles since the reign of Leukon I. The title archon initially meant ruling and was applied to both Greeks and barbarians. Later, after capturing a number of barbarian tribes it acquired the meaning of reigning with reference to barbarians.

Key words: Northern Black Sea Region, titles, archon

© 2013

А. А. Масленников

ОТ ХИЖИН К «ДВОРЦАМ» И «КАЗАРМАМ»
(к эволюции домостроительства на хоре античного Боспора)*

Анализ различных примеров домостроительной практики на памятниках сельской территории античного Боспора, в том числе выявленных раскопками последних десятилетий, позволяет не только проследить эволюцию типологии и планировки отдельных домов, уровня строительного дела и принципов их блокировки внутри более общих структур, но и по возможности оценить степень государственного регулирования и частной инициативы в этих процессах, а также некие основные направления развития с их временной и локальной спецификой.

Ключевые слова: Боспор, хора, принципы общей и частной планировки сельских домов и поселений, строительное дело, государственное регулирование, общественная организация работ

Название, конечно, претенциозное. Не без этого. Вообще говоря, речь пойдёт о домостроительных традициях. Не в целом на античном Боспоре, а всего лишь на поселенческих памятниках его сельской территории. Про здешние города — разговор особый и длинный, хотя и тут до соответствующих объектов Средиземноморья, да и отчасти Причерноморья по степени сохранности, сложности, разнообразию и изученности нам, что называется, далеко. Как и принято, вначале об источниках. В сущности, в нашем распоряжении, в отличие от «митрополии», нет ни одной по-настоящему пространной и информативной надписи, повествующей о регламентации, оплате и иных аспектах организации общественных или частных строительных работ[1]. В лучшем случае о них только сообщается, иногда с незначительными подробностями, вроде того: кто и за чей счёт их проводил[2]. Про постройки на хоре и вовсе почти нет письменных свидетельств, не считая многократно цитированного и всячески интерпретированного «пассажика» у Страбона о строительной деятельности Асандра. Да и в плане археологии наши знания невелики, а возможности не столь уж и очевидны. В самом деле: как всем хорошо известно, в своём абсолютно подавляющем большинстве на про-

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

*Работа подготовлена при поддержке гранта Президиума РАН и ОИФН РАН. Проект «Боспор в VI в. до –VI в. н.э. От полиса к монархии, эволюция государственности».

[1] Для сравнения: см. капитальное исследование В.Д. Кузнецова на эту тему: «Организация общественного строительства в Древней Греции». М., 2000

[2] См. КБН соответствующие надписи.

странствах сельской территории (каков бы ни был её конкретный статус) Азиатской части Боспорского государства мы имеем дело с сотнями местонахождений археологических артефактов. А проще — керамических фрагментов. А это, как понятно каждому, вовсе не однозначно наличию собственно поселения, какого бы типа оно ни было, хотя в большинстве случаев такая идентификация и наиболее вероятна. Также хорошо известно, что, за редчайшим исключением (т.н. сторожевые башни-форты главным образом на юго-восточном боспорском пограничье, маленькие сельские усадьбы в ближайших окрестностях Анапы - Горгиппии и недавние работы у с. Вестник, открывшие то ли храм, то ли усадьбу довольно раннего времени), даже достаточно масштабные раскопки на месте этих «поселений» почти ничего, кроме хозяйственных и иных ям, не обнаруживают. Остатки оборонительных сооружений, выявленные на некоторых из них (пос. Голубицкое II, Стрелка, Ахтанизовская IV), хотя и впечатляют, заставляя задаваться рядом вопросов, но, в общем-то, предмет для рассуждений на другую тему. Иными словами: как, вернее, в чём жил, так сказать, рядовой боспорский поселянин (кем бы по этносу, культуре и социальному статусу он ни был) на Азиатской части этого государства, мы не знаем.

Ситуация в этом отношении по другую сторону пролива существенно лучше, вернее, отличнее. Здесь усилиями нескольких поколений исследователей раскопаны с той или иной степенью полноты, основательности и масштабности поселенческие структуры самого разного времени. И хотя в ряде случаев наши представления об этих памятниках, точнее их частной и общей планировке, характере строительного дела и иных сопутствовавших «обстоятельствах» весьма неполные, напоминающие образную восточную байку «о слепых и слоне», всё же у нас есть основания для некоторых соответствующих наблюдений и предположений. (Далеко не всегда удаётся, например, определить не только назначение каждого помещения, но даже расположение входа или очага и других «деталей» интерьера, что весьма затрудняет последующие реконструкции. А самое главное: раскопками должна быть выявлена либо вся площадь памятника, либо его значительная часть, причём такая, которая позволяла бы более или менее обоснованно судить о «границах» внутренних структур, то есть домов и кварталов, там, где они были или предполагаются. До недавнего времени таковыми эталонными памятниками в Восточном Крыму являлись Илурат, Ново-Отрадное, Семёновское городище и, отчасти, поселения Андреевка-Южная и Киммерик-холм А).

В сумме своей и, что называется, по идее эти изыскания должны ответить на следующий круг вопросов: особенности локальной топографии памятника и т.н. разбивки его на местности, строительный материал, строительные приёмы и техника работ, общая и частная планировки, примерная организация работ и трудозатраты, функциональное назначение построек и их частей и, наконец, гендерно-демографические и социально-имущественные реконструкции. Разумеется, всё это задачи со многими неизвестными, и их проще обозначить, нежели хотя бы отчасти решить.

В этой связи должно сказать, что первая попытка такого рода изысканий была предпринята ещё довольно давно на материалах раскопок Пантикапея В.Д. Блаватским. Затем к этой теме в той или иной степени обращались и другие специалисты-антиковеды. Наконец, как хорошо известно, последовало и обобщающее

исследование С.Д. Крыжицкого[3], в полной мере сохраняющее свою актуальность. Новые археологические материалы и наблюдения, а таковых немало (назовём прежде всего итоги многолетних работ на поселениях городской — ближней, а также т.н. дальней хоры экспедиций В.Н. Зинько, С.Л. Соловьёва, В.Г. Зубарева, Н.И. Винокурова, А.Н. Гаврилова, да и автора тоже, а также по другую сторону пролива — А.А. Малышева, Н.И. Сударева, Д.В.Журавлёва, Г.А. Ломмтадзе, Г.А. Гарбузова, С. Кашаева), естественно, дополняют, и порой существенно, наши знания и представления в области строительного дела и архитектуры (да простит меня читатель за столь высокий термин, применительно к по большей части весьма скромным во всех отношениях объектам на пространствах боспорской хоры) сельских поселений античного Боспора. Хотя, конечно, желалось бы большего… Вовсе не претендуя на исчерпывание или исчерпание данной темы, автор хотел бы только предложить некий краткий, почти тезисный очерк.

Итак, в чём и как жили обитатели хоры (а таковая неизбежно должна была быть, даже если мы имеем дело с торгово-ориентированными постоянными поселениями) боспорских апойкий и первогородов (точнее городков) в изначальный и относительно ранний периоды их истории? Вопрос «как» оставим в данном случае «за скобками». А вот в чём — тоже непрост. В настоящий момент общепринято, что эти самые «городки» на протяжении нескольких первых десятилетий (вплоть до последней трети — четверти VI в. до н.э., а то и позднее) таковыми по облику и «содержанию», скорее всего, не являлись. Возможно, лишь относительно поздняя Фанагория сразу строилась как «поселение городского типа». В любом случае, все они по своему демографическому потенциалу и экономическим возможностям были пока не в состоянии осваивать на сколько-либо постоянной основе прилегающие земельные пространства. Или, лучше сказать, их обитатели, точнее — те, кто владели окрестными землями и эксплуатировали их, постоянно или хотя бы сезонно там не жили. Да и пространства эти были, надо думать, невелики. Во всяком случае, всё, что нам известно в этом отношении на европейских берегах Боспора Киммерийского, а также в ближайших окрестностях Феодосии (а это, в сущности, почти полное отсутствие всякой археологической конкретики), не противоречит такому выводу.

Написав всё это, автор должен «расшаркаться» в собственной необъективности. И вот почему. Эта, по-своему, казалось бы, логичная и археологически обоснованная «картина», совершенно не касается территорий по другую сторону пролива, где, условно говоря, поселения архаического и классического времени известны во множестве. Факт этот, уже довольно давно ставший очевидным, столь же давно остаётся и необъяснимым, какие бы предположения ни были высказаны. (Ведь сами-то греки со всеми их соответствующими традициями везде, вроде как, были одинаковыми? А местные варвары…, а что варвары? О них ни там, ни тут ничего конкретного для этого периода сказать нельзя. Даже неясно, жили ли они здесь или только появлялись время от времени. Природные особенности… Но и тут, при всей некоторой разнице климата, почв, влажности и т.п., они не были уж слишком велики. Различия в основной хозяйственной направленности: торговая или земледельческая? Да, тоже как-то безосновательно.) Так или иначе, но о сель-

[3] Крыжицкий, 1982.

ских жилищах VI, да и значительной части V вв. до н.э. мы не имеем пока никаких представлений. Может, и были какие-то «шалаши», да только следов не осталось. Тоже касается и вероятных земляночных конструкций, столь характерных для архаических поселений ольвийской округи.

Следующий хронологический этап (вторая половина V — начало следующего столетия) также небогат на соответствующие примеры. Следы неких заглублённых в землю построек (землянок и полуземлянок), возможно, служивших и жилищами и даже остатки каких-то строений на каменном цоколе, известны на предполагаемой хоре Нимфея, Тиритаки и, возможно, Акры (раскопки В.Н. Зинько и С.Л. Соловьёва). Косвенно наличие каких-то жилых построек, причём даже более раннего времени, можно считать доказанным для района Чокракского озера, мыса Казантип, мыса Зюк, а также ближней и, не исключено, более отдалённой округи Феодосии. Пожалуй, эти жилища действительно можно назвать хижинами, причём, скорее, боспорских греков, нежели каких-то местных варваров. Да и то (за исключением ям-землянок), почти безо всякой конкретики, касающейся пощади, планировки, интерьера, характера кровли, размещения на местности и местоположения относительно им подобных. Судя по тому, что известно, характер кладки и материала был тут самым простым и распространённым в обыденной античной строительной практике, а работы не требовали больших временных и иных затрат и велись силами одной или нескольких семей. Ничего явно варварского (как, впрочем, и в облике землянок) мы тут не видим. Хрестоматийный пример с постройкой в районе горы Опук (т.н. холм А) (кстати, несмотря на все старания последних лет, не получивший своего дальнейшего археологического «развития») демонстрирует как будто бы некий единый комплекс-квартал из трёх почти идентичных по всем параметрам, но изолированных (самостоятельных в демографо-хозяйственном отношении?) однокамерных помещений-жилищ с примыкавшими к ним крохотными двориками. Характеристика строений (качество и тип кладок, строительный материал, кровля, планировка, прямолинейная разбивка на местности с использованием особенностей микрорельефа) хотя и проста, но достаточно качественна и, что существенно, вполне в духе соответствующих античных традиций. Сам принцип линейной блокировки однотипных «структур» (равнозначно-параллельный) по-своему показателен, и … найдёт неожиданное повторение спустя более чем полутысячалетие здесь же, но на другой стороне полуострова (Семёновское городище, см. ниже). Итак, перед нами вариант «многоквартирного» дома, по крайней мере, для трёх семей. По степени трудозатрат, особенно с учётом того, что строительный материал — местный известняк — находился и находится буквально «под рукой», а точнее — «под ногами», реализован силами их членов и, вероятно, в весьма непродолжительное время. Всё, включая находки, говорит об имущественном (и социальном?) равенстве при относительной немногочисленности обитателей этих «выселок». (Данное название не случайно: уж очень мал этот коллектив для, т.с., автономного населённого пункта, да ещё в столь раннее время и на таком удалении от местных центров «цивилизации», не считая, конечно, Киммерика, о котором именно в эту эпоху мы по-прежнему почти ничего не знаем. Да и вообще всё, что известно, как-то не производит впечатления, заставляя уповать на подводную «составляющую», в существовании которой ещё следует удостовериться.) Кстати, такая общая постройка, помимо несколько

меньших, чем строительство обособленных, хотя и соседствующих домов трудовых усилий, явно демонстрирует некий единый замысел, общую организацию и заинтересованность. Какие-либо защитные преимущества такой планировки, вопреки высказываемым мнениям, сомнительны. А относительно приличная (до 0,8 м) толщина внешних стен говорит только об их основательности. Стоит ли за всем этим маленький, близкородственный коллектив (большая семья на стадии выделения малой или скорее малая — с сохранением кровнородственных связей) или, что менее вероятно, столь же маленькая группа семей-первоколонистов этих мест, мы вряд ли когда узнаем. Очевидно лишь, что обосновались они тут не ранее второй половины V в. до н.э. или даже несколько позднее. Да и прожили недолго.

На Таманском п-ове ценой значительных усилий (вскрытая площадь составила 850 кв. м) лишь в одном случае (поселение Вышестеблиевская 11) как будто бы удалось выявить некую систему застройки и планировки на «посадской» части поселения. Сложившаяся, по мнению исследователей, во второй половине V в. до н.э. или несколько позднее, она просуществовала довольно долго, представляя собой десятки хозяйственных ям, «сопровождавших» полтора десятка построек. Большинство из последних — слегка заглублённые в материковый суглинок, как правило, однокамерные, подпрямоугольные в плане (с округлыми углами) помещения средней площадью около 20 кв.м, прослеженные благодаря хорошо «читаемым» полам с многослойными обмазками. Стены без всякого цоколя почти во всех случаях складывались из сырцовых (саманных?) кирпичей и снаружи были оштукатурены для лучшей сохранности. Лишь в одном случае зафиксированы остатки стен (цоколя?), сложенных из мелких камней. Иногда постройки перекрывали друг друга, но в основном возобновлялись на прежнем месте, функционируя достаточно продолжительное время. Кровля не предполагала черепицы. Можно допустить, что почти общая ориентация всех помещений объяснялась их «привязкой» к улице, прямое полотно которой шириной 3,5 м состояло из плотного слоя глины и фрагментов керамики (V — начала IV вв. до н.э.). Составляли ли эти строения вместе с ямами своего рода кварталы вдоль дороги, да и вообще, являлись ли они жилыми домами? Последнее — отнюдь не несомненно (нет следов очагов). Первое — наверняка невозможно. Об этом помимо неодновременности всех построек-«домов» говорит их хаотичность в «разбивке на местности», отсутствие границ домовладений, да и вообще какой-либо взаимосвязи всех раскопанных сооружений, исключая, да и то отчасти, хронологию. Таким образом, вопрос о том, считать ли данный тип поселения своего рода деревней с довольно примитивной общей планировкой, остаётся открытым. Непросто судить и об уровне строительного дела оставившего памятник населения. Так или иначе, но сооружение этих домов, точнее жилищ, не требовало больших временных и трудовых затрат и особых знаний и навыков, и вполне могло вестись силами одной семьи. Какая-либо общая регламентация почти не прослеживается. Быть может, как и в большинстве случаев на этой территории, мы имеем здесь дело с сезонными (но долговременными) «деревнями» жителей близлежащих городов и городков и, соответственно, их «частной» инициативой. Самые масштабные, пожалуй, за все годы раскопки на пространствах хоры Азиатского Боспора близ современного посёлка Волна позволили выявить немало интересных археологических деталей и сделать соответствующих наблюдений. Открыты также и остатки нескольких

строений приблизительно V–III вв. до н.э. Но сохранность их оставляет желать лучшего и интерпретация поэтому — сомнительна. К тому же они практически не опубликованы.

Эпоха начиная примерно со второй четверти IV в. до н.э. и по конец первой трети следующего столетия по праву, благодаря новым исследованиям, может считаться для сельской территории Европейского Боспора периодом не только хозяйственного процветания и очевидного демографического подъёма, но и временем пригородных усадеб, усадебных комплексов — «дворцов» и хижин, причём одновременно. Поскольку соответствующая общая и частная археологическая конкретика изложена в целом ряде изданий достаточно полно, ограничимся самыми общими выводами и наблюдениями. При этом почти все они касаются территории т.н. дальней хоры. Прежде всего, это уже достаточно хорошо известные специалистам строительные комплексы усадебного типа в Крымском Приазовье — «Царская» хора (объекты Чокракский мыс, Бакланья скала, Генеральское-западное, Генеральское-западное, юго-западный склон и, не исключено, некое поселение в западной части мыса Казантип). Не повторяясь относительно их площади, площади дворов и отдельных помещений, отметим следующие общие или практически общие «моменты». Тщательный (хотя и не всегда оказавшийся впоследствии удачным) учёт локальных топографических особенностей, природных условий и ресурсов. Мы имеем в виду выбор, как правило, удобных участков побережья (относительно ровных, но не обязательно скалисто-возвышенных, на твёрдых, преимущественно скальных «грунтах», в непосредственной или максимально возможной близости от удобных бухт и бухточек, а также постоянных естественных или специально устроенных и достаточно обильных источников питьевой воды). Во-вторых, прямолинейная, приближающаяся к прямоугольной «генеральная» разбивка на местности. В-третьих, в основе общей планировки лежал принцип блокировки в целом примерно однотипных структур (одно-, реже двухкамерных помещений) вокруг общего двора (равнозначно-параллельный с незначительными элементами последовательно-иерархического). В-четвёртых, наличие в той или иной степени, но достаточно чётко и даже ярко выраженного доминирования (вплоть до полного обособления) отдельных строительных структур в рамках общей «схемы», т.е., некоей «хозяйской половины». В-пятых, весьма высокий уровень строительного дела. А именно: господство постелистой или иррегулярно-постелистой двух-трёхслойной, двухлицевой типов кладок, при наличии участков квадровой, в том числе, простой орфостатной, двухрядной и даже рустованной (более или менее выраженной). В наиболее важных местах — цокольный «ряд» с вырытой под его основание специальной траншеей и «подушкой» (подсыпок-субструкций). Более или менее тщательная, но не всегда очевидная подборка строительного материала (камня) «по месту», а нередко и подтёска «по месту» с фасировкой или без; перевязка между слоями и рядами; использование специально обработанных блоков при оформлении углов и дверных проёмов; в подавляющем большинстве строгая вертикальность и прямолинейность фасов; применение раствора глины и мелкого щебня. Всё это обеспечивало устойчивость даже относительно нетолстых стен (хотя крупные и просто большие камни использовались не столь часто) при их довольно большой высоте. (И даже, местами двухэтажности?) Кое-где зафиксирована кладка (верхних рядов) из сырцовых кирпичей. В-шестых,

налицо определённое внимание к соблюдению достаточно высокому уровня благоустройства и санитарии (черепичная кровля практически всех построек, водостоки, в том числе целиком каменные, водосливы, искусственные уклоны поверхностей полов помещений и общих дворов весьма значительных по площади, крайне небольшое число т.н. хозяйственно-мусорных ям непосредственно в помещениях и на дворах; наличие в целом очень немногих очагов в помещениях, что тоже не случайно; вероятное существование помещений по туалеты; пифосы для наружного сбора осадков (?) и н.др. находки и конструктивные особенности). В-седьмых, присутствие всех признаков основательного и даже товарного винодельческого производства, явно рассчитанного на удовлетворение нужд весьма большого коллектива или даже на некоторые объёмы вывоза (продажи?). А также, пусть и не в таких масштабах, — следов «домашнего» (местного) ремесла. В-восьмых, явные археологические свидетельства перистильного оформления дворов и даже отдельные ордерные элементы (прямоугольные капители аттического ордера?) экстерьера некоторых построек. Столь же явны остатки культовых, общественных и частных (домашних) сооружений (алтари разного типа и размера, специальные культовые сосуды и предметы). Это в-девятых. Данный перечень можно было бы продолжить, но и сказанного, как нам кажется, достаточно, чтобы убедиться в очевидной неординарности этих усадебных комплексов, кому бы конкретно они не принадлежали. А если к этому добавить некую инфраструктуры, прежде всего, из т.н. сопутствующих поселений сезонно-производственного или дозорного характера, наличие, хотя и не везде, солидных оборонительных сооружений, специфику массового археологического материала, а также т.н. индивидуальных находок, то картина станет ещё более впечатляющей.

Несомненна единая (в том числе близкая по времени) и достаточно эффективная организация строительных работ по заранее составленным планам и образцам, что неизбежно подразумевает, как присутствие профессионалов, так и тех, кто их искал, нанимал, оплачивал и обеспечивал всем необходимым, включая, естественно, строительный материал и рабочую силу. Последний фактор совсем немаловажен. Быстрое возведение этих усадеб — сельских резиденций — «дворцов» было невозможно только силами их будущих обитателей. Что же касается строительных материалов, то, хотя древних каменоломен в непосредственной близости от них не выявлено, местность изобилует выходами известняковых пород разной степени прочности. Более чем достаточно и песка. Зато весьма значительный объём кровельной черепицы был привезён (лучше сказать, неоднократно привозился) очень крупными партиями и совершенно очевидно по морю, по крайней мере, из боспорской столицы. Впрочем, на сей счёт есть и иные предположения (частично делалась на месте). Так или иначе, но социально - имущественная, а, быть может, и гендерно-этническая неоднородность (т.е. статус) жителей этих приморских «вилл», бесспорно, что называется, налицо. Весьма примечательна и хронологическая характеристика этих памятников.

Теперь о хижинах. Уже довольно давно и неоднократно отмечалось, что практически синхронно вышеописанным «дворцам» на пространствах Керченского полуострова, условно за пределами хоры городов и угодий, вероятно, принадлежавших правящей династии, располагались земли, скорее всего, имевших некий особый статус и соответственно, характеризующиеся совершенно иным типом

сельских поселений. По всей видимости, значительные территории, примыкавших к Восточному Крыму с запада, также входили в ареал их распространения. И если об их статусе (вернее — статусе их обитателей) почти ничего более конкретного сказать пока нельзя и есть только предположения, то о поселениях, точнее селищах, наши представления хотя далеко не такие полные, как хотелось бы, но всё же достаточно определённые. Во-первых, их — великое множество: сотни. Отсюда — демографический фактор. Во-вторых, они в принципе почти одновременны, разумеется, в рамках одной эпохи. В-третьих, они характеризуются примерно общими принципами локализации (планографии), планировки и домостроения. Обо всём этом также уже писалось и также неоднократно. Если коротко, то эти селища состояли из хаотично расположенных по отношению друг к другу построек жилищно-хозяйственного назначения. Иными словами, эти «дома» не образовывали кварталов или неких обособленных в застроично-хозяйственном и демографическом плане структур («хуторов»). Для «домов» (при всём их разнообразии, что также, кстати, примечательно, ибо отсутствие некоего принятого стандарта есть свидетельство неразвитости строительного (и не только) дела и соответствующих традиций) вне зависимости от площади, числа «помещений» и общей «конфигурации» характерны следующие черты. Непрямоугольная разбивка на местности; доминирование криволинейных, как бы аморфных «очертаний» самих построек, отсутствие чётких углов, хотя отмечены и относительно прямые участки стен. Наверняка эти дома не имели «правильной», одно-двухскатных кровли, тем более приспособленной под черепичное покрытие. Внутренняя планировка предполагала в подавляющем большинстве случаев наличие нескольких «секций»: частью — крытых помещений, частью — крохотных внутренних двориков или, скорее, сеней — тамбуров, а также пристроек разного назначения и времени, общий принцип группировки которых по большей части можно считать последовательно-иерархическим. Полы земляные, с золистой подсыпкой («подушкой»), несколько заглублённые по отношению к внешней поверхности. Очаги самых простых конструкций и, как следствие, плохой сохранности. Впрочем, как и стены. Обращает на себя внимание низкий уровень строительной техники. Кладки, как правило, одно-, двух- и трёхслойные, одно-двухлицевые, иррегулярные. Естественно, из рваного камня, без намёков не только на притёску, но и подборку «по месту», на растворе земли. Цоколь, как таковой, не фиксируется вовсе. Фасы, даже внешние, насколько можно судить по наиболее сохранившимся участкам стен, практически всегда не вертикальные и тем более, не прямые. Всякая перевязка рядов и слоёв кладки отсутствует. Даже использование в нижних «рядах» в ряде случаев (вероятно, в т.н. основных помещениях) достаточно больших камней не делает её ни ровнее, ни прочнее, хотя в углах стен иногда и присутствуют наиболее крупные из камней. Стены, изначально имели вид не столько собственно кладки, сколько некоего навала камней, непрочного и, естественно, невысокого. Особенно примитивно и хило выглядят стены т.н. загородок и пристроек. Не удивительно, что такие конструкции, надо думать, весьма быстро и легко разрушались, камни осыпались, кровля приходила в негодность. Тем более, если случались пожары или какие-то природные катаклизмы, например — землетрясения. Не случайно, до раскопок эти селища, как правило, фиксируются по «пятнам» скоплений камней и бута, а при раскопках дело приходится иметь со сплошными

завалами порой значительной площади и мощности, в которых не просто выявить остатки собственно строительных конструкций. Совершенно очевидно, что у обитателей этих селищ отсутствовал сколь — либо основательный опыт каменного домостроительства, не говоря уже о конкретных приёмах и нормах, выработанных соответствующей античной практикой. Для нас из всего сказанного важно следующее. Данные дома и деревни не могли принадлежать населению, отождествимому с боспорскими греками. (Кстати, и демографически это маловероятно. Никакого не просто массового, а невероятно массового притока населения откуда-то из Средиземноморья или Причерноморья, готового к тому же обосноваться именно на сельской территории Европейского Боспора, нам не известно. Тысяча каллатийцев, упомянутых Диодором Сицилийским, в данном случае «не в счёт».) По всей видимости, в них жили т.н. малые, неразделённые семьи каких-то местных варваров-«скифов», полностью или по большей части перешедших к осёдлому образу жизни и земледелию. Строились эти дома из «подручного» материала без специального плана или хотя бы какой-то регламентации, а скорее — по «обстоятельствам». Надо думать, — силами отдельных семейно-родственных общин, которые и составляли население каждой такой «деревни». Разумеется, без участия специалистов, если считать таковыми — тех, кто был хорошо знаком с соответствующей античной практикой. В тоже время, их строители вполне могли иметь о ней хотя бы поверхностно представление, соседствуя, нередко довольно тесно, с обитателями боспорских городов и сельских усадеб. Иначе сложно объяснить массовость и стремительность процесса появления этих «деревень». Впрочем, если известный рассказ Полиэна о неких эпимелетах, помогавших боспорскому династу Сатиру, отражает какие-то реалии, не исключена и организующая роль в этом верховной боспорской власти. Но — достаточно о «деревнях», хотя таковые, в сущности, и были «собранием» хижин. Тем более что, как и усадебные комплексы — «дворцы», они исчезают с пространств европейской части боспорской хоры ещё стремительнее, нежели появились.

Как шло развитие планировочных принципов и строительной практики в интересующих нас аспектах дальше, в эпоху «общего» эллинизма, а за ней римскую и позднеантичную? Надо сказать, до относительно недавнего времени соответствующих примеров и материалов в распоряжении исследователей почти не было. О т.н. домах башенного типа было написано так много, что они, пожалуй, этого и не заслужили. Число раскопанных — в последние полтора — два десятилетия увеличилось более чем втрое, в том числе и за счёт памятников в Восточном Крыму. Общая же их характеристике при уточнении деталей и хронологии осталась прежней. Это обособленные строения с явно преобладающей над жилой и хозяйственной оборонительной функцией, с прямоугольной, чёткой разбивкой на местности и правильной очень схожей общей планировкой. Совершенно очевиден при этом учёт условий и особенностей окружавшего их ландшафта. Внутренняя застройка характеризуется компактностью и симметричностью при доминировании равнозначно-параллельного принципа. Качество кладок, несмотря на локальную разницу строительных материалов, высокое. А самое главное — они типологически, в том числе и в деталях, очень близки. В сущности, это одна схема, отвечавшая современным им требованиям античного военного и строительного дела к такого рода постройкам. Единый замысел и реализация этого «проекта» не могли быть

частной инициативой, а, как отмечалось уже неоднократно рядом исследователей, являлись своего рода частью государственной программы. Отсюда — статус их обитателей (постоянных или временных), характер организации самих работ, сроки возведения и известная общность судеб. Их населяли относительно немногочисленные гарнизоны, может быть, вместе с их семьями.

Ближнюю, городскую хору III–I вв. до н.э., по-прежнему «достойно» представляют маленькие и простые в планировке усадебки в окрестностях Анапы (Горгиппии) и весьма сложный по планировке и значительный по площади усадебный комплекс, раскопанный, скорее всего, на хоре Мирмекия. Согласно новейшим изысканиям, он мог принадлежать кому-то из оставшихся на Боспоре важных выходцев из города Каллатиса[4]… (Бедные каллатийцы, и куда только из по Боспору не «гоняют».) Не исключено, что усадьба эта была лишь одной среди ей подобных. Так или иначе, она остаётся примером чисто античных архитектурно-строительных решений, реализация которых наверняка потребовала и частной инициативы, и знаний, и привлечения специалистов, и достаточно сложной организации соответствующих работ. Близость к боспорским городским центрам подразумевает под последней — наём рабочих-ремесленников и строителей, может быть, подряд, и т.п., с заключением принятых в таких случаях соглашений и соблюдением неких столь же оговорённых условий.

Что же касается дальней хоры, то тут к прошлому «блеску и нищете» уже никогда не было возврата. Давно было замечено, что новые поселения появились около середины III в. до н.э., как бы одновременно и только в удобных для обороны местах побережья. Некоторые просуществовали недолго (до конца II в. до н.э. или до конца следующего столетия), но значительная часть — с перестройками до катаклизмов середины III в. н.э. и даже дольше. Что же представляли собой первые? Судя по относительно недавним, но достаточно масштабным раскопкам (Крутой берег, Золотое восточное, отчасти, Казантип — восточный 2, Пустынный берег), всё это — по большей части значительные по площади, укреплённые поселения-городища с довольно сложной и неоднозначной внутренней планировкой.

Несомненно, что строительство таких поселений велось централизовано, а оборонительные сооружения возводились, если и не греческими (боспорскими) мастерами - каменщиками, то при участии или под надзором неких специалистов в данной области. Зато жилища невелики по площади, непритязательны по своему «экстерьеру» и просты по общей планировке (одна-двухкамерные с блокировкой помещений преимущественно по последовательно-иерархическому принципу, хотя наличествуют и примеры равнозначно параллельного). Они достаточно прямолинейны и прямоугольны в разбивке на местности. Главное — эти дома-помещения были сгруппированы в кварталы, чего прежде мы на пространствах хоры не наблюдали. Частью кварталы представляли собой ряд (линию) из почти одинаковых построек, которые примыкали либо к участкам внешних стен, либо к подпорным стенам невысоких террас. Но «внутренние» кварталы, не исключено, были образованы по иному принципу. Между ними (кварталами) оставлены вполне прямые улицы. Главная, шедшая от основных ворот имела ширину до 6 м и представляла собой плотно утрамбованный слой грунта, насыщенный обломка-

[4] Федосеев Н.Ф.

ми керамики (городище Золотое-восточное или Сююрташ); поперечные — были много уже, но зато вымощенные и со ступеньками в районах перепада высот. Всё это подтверждает тезис о наличии единого архитектурно-строительного замысла и руководстве всеми работами, может быть, из некоего «центра». Стены домов-помещений сложены, как правило, в простой технике иррегулярной, местам приближающейся к постелистой, двухлицевой, двух-трёхслойной кладки, в массе своей из небольших камней и бута. Цоколь, как таковой, отсутствовал, но кое-где зафиксировано специальное заглубление основания стен до скальной породы. Связки между рядами — редкость. Подборка камня «по месту», вероятно, в ряде случаев проводилась, подтёска — не зафиксирована. Толщина стен в основном небольшая, хотя они в целом прямые, а внешние фасы более или менее вертикальные и ровные. Связующий раствор — земля на воде, реже — глина. Иногда углы стен и проёмы «фиксированы» обработанными плитами. Но это не правило. В общем, даже внешние стены помещений (кварталов), судя по их характеристикам, изначально не были высокими. Нет и иных указаний на наличие, хотя бы у части домов-помещений вторых этажей. В качестве специфики строительного дела самого большого из упомянутых городищ можно сослаться на использования в кладках некоторых стен очень больших, подчас громадных, поставленных на ребро каменных плит, вывернутых из скального массива материка тут же, или притащенных (наряду с аналогичными — для оборонительной стены) откуда-то неподалёку. Напрочь отсутствовала кровельная черепица. В целом, особенно на примере городища Золотое-восточное, бросается в глаза явное несоответствие масштабов и качества оборонительных сооружений и довольно простенького облика, да и интерьера жилых помещений. Создаётся впечатление, что эти поселения строились специально и в спешке центральной властью для некоего «контингента», материально-культурные запросы и традиции которого были достаточно простыми и скромными, если не сказать: ограниченными и полуварварскими. Отсюда встают вопросы сложности организации строительных работ, о чём упомянуто выше. И, конечно, статуса «местных» жителей (полувоенные поселенцы — условные «арендаторы» на царских землях, своего рода катойки и т.п.). Ясно одно: прежние формы хозяйственной деятельности, землевладения и «общежития» стали вдруг или не вдруг нерентабельными и невозможными. Впрочем, другие упомянутые поселения этого периода демонстрируют либо менее определённую, либо как бы усложнённую планировочные схемы. Так относительно «Крутого берега», по-видимому, также можно говорить о застройке кварталами. (Задача в данном случае усложнена тем, что на этом памятнике явно выделяется два-три строительных периода.) Примерно однотипные помещения примыкали к оборонительной стене, образуя один (несколько) из них. Есть однокамерные и двухкамерные, как бы обособленные помещения-дома. Но в массе своей застройка предполагала более сложную их группировку, вычленить в которой отдельные комплексы-дома из нескольких помещений и двориков, построенных согласно равнозначно-параллельному принципу, пока сложно. В целом господствует прямоугольная разбивка на местности и достаточная прямолинейность каменных конструкций. Уровень самой строительной техники, в том числе кладки (в основном двухлицевая, иррегулярная, трёхслойная, местами приближающаяся к постелистой), можно признать удовлетворительным. Кое-где очевидна подборка камня «по месту», есть

примеры использования подтёсанных камней и плит по углам фасадов. Цоколи, кроме оборонительной стены, особо нигде не зафиксированы. Использован необработанный местный известняковый камень, добыча которого не представляет большой сложности, а также бут и земляной раствор (грязь). Свидетельств сырцово-кирпичной кладки вроде бы нет. Нет и находок кровельной черепицы. Между домами и кварталами существовали улицы, вернее узенькие улочки и проулки, в общем довольно прямые, хотя и, как правило, не мощёные. Единство планировочного решения и указание на общественный характер большей части работ, а, следовательно, и их особую организацию, на наш взгляд, просматривается и на этом примере. Да собственно, иначе не могли быть воздвигнуты упомянутые (мы специально не говорим о них подробно) оборонительные сооружения и соблюдена квартальная застройка. Всё это в известной мере относится и к поселению на мысе Казантип, с той лишь разницей, что здесь таковая была существенно усложнена террасным расположением, причём на весьма крутом склоне. Постройка дома, точнее квартала домов требовала предварительного сооружения подпорных стен и значительных земляных работ, что, разумеется, также выполнялось всем коллективом будущих обитателей этого населённого пункта. О прочих особенностях местных построек и принципах их планировки судить пока рано. Ясно лишь, что и тут и на всех вышеописанных памятниках мы имеем дело с вполне античными, хотя и не первоклассными примерами и приёмами рядового, массового жилищно-хозяйственного строительства при весьма и весьма скромных и даже непритязательных запросах и возможностях их исполнителей, а затем и обитателей. Верховная власть берёт на себя функцию защиты своих подданных, ограничивая их «свободу выбора», но гарантируя, скорее всего, хотя и минимальный, но всё же уровень некоего благосостояния. При этом (или в тоже время) также ограничивая, вольно или невольно, и свои притязания и проявления в том, что касается, так сказать, непосредственной среды обитания. Данный тезис можно считать определяющим по отношению почти ко всему, только что, а равно и нижесказанному, т.е. для всех последующих эпох. Иными словами, время хижин прошло, но время дворцов уже никогда не повторится.

Итак, государственное «регулирование» с эллинистического периода местной истории сказалось на дальней хоре в появлении новых типов поселений. Помимо только что описанного, другой составлял как бы второе основное направление в планировочном решении и общем архитектурном замысле. Мы имеем в виду поселения, ядром которого являлись прямоугольные или многоугольные укрепления-крепости разной, но, в общем, довольно ограниченной, хотя порой и не малой площади. В какой-то степени их можно считать развитием и усложнением того направления, которое было представлено выше упоминавшимися домами башенного типа и, так называемыми, дальними «усадьбами — крепостями» (поселение у с. Ново-Отрадное, I -й строительный период). Но в целом это совершенно особый, реализованный, кстати, по обоим берегам пролива «проект». Азиатским «батарейкам» посвящена у нас весьма обширная литература. Об их европейских аналогиях (Ново-Отрадное, Артезиан, Михайловка) тоже написано не мало. При этом остаются спорными вопросы их общей и частной хронологии, да и некоторые другие. Отметим лишь самые основные моменты в рассматриваемом аспекте. Прежде всего, это максимально чёткая, по большей части прямоугольная (прибли-

жающаяся к квадрату) разбивка на местности. При этом выбиралась относительно небольшая природная возвышенность, как в прибрежной части, так и в «глубинке». Важен был (как и в целом для всей системы обороны сельской территории в постмитридатовское и римское время) принцип взаимосвязи, прямой видимости. Затем, — наличие двора (иногда двух), вокруг которого (точнее - по периметру) или с двух-трёх сторон равнозначно-параллельно группировались ряды (кварталы) в основном однотипных, чаще всего однокамерных помещений. Почти не прослеживается последовательно-иерархический принцип их расположения. Самая же яркая черта — это явное доминирование оборонительных функций (толстые стены, башни, рвы, укреплённые ворота). Всем постройкам присуща чёткая прямолинейность планировочных решений. В домостроительстве применялись различные типы кладок, причём в целом несколько более сложных, качественных, нежели на предшествовавших им или синхронных городищах первого типа. Камень, конечно, в основном местный необработанный известняк, но подборка «по месту» и даже подтёска засвидетельствованы. Совершенно очевидно применение сырцовых кирпичей, естественно, более масштабное на Азиатской территории. Фасировка стен если и не безупречна, то вполне «на уровне». Есть свидетельства их оштукатуривания. Обычен приём отделки — связки углов стен и дверных проходов обработанными, специально подобранными плитами. Весьма вероятно наличие вторых этажей и, следовательно, каменных и деревянных лестниц, а также, хотя бы частично, черепичной кровли. Несомненно, были водостоки и водосливы (канализация) и вымостки разной площади и качества. Иными словами, использовались все подходящие, доступные и целесообразные в местных условиях античные строительные приёмы и домостроительные традиции. Чем больше исследуются такого рода памятники, тем больше растёт уверенность в том, что они никак (кроме, да и то лишь вероятного временного проживания) не связаны с какими бы то ни было варварскими традициями. А также в том, что это по своему основному назначению были вполне отвечавшие соответствовавшим задачам крепости разного ранга и значимости, безусловно, построенные если и не совсем одновременно, то всё же по общему стратегическому замыслу. Отсюда, несомненно, централизованная организация работ, со всеми вытекающими отсюда «текущими моментами». В известном отношении, как подсказывают результаты самых недавних раскопок (поселение Артезиан — Н.И. Винокуров), по уровню строительного дела, благоустройству (насколько это возможно на достаточно ограниченном пространстве внутри оборонительных стен), общей характеристике индивидуальных и массовых находок эти поселения-крепости практически почти ни в чём не уступали одновременным им боспорским городам. Не исключено, что их гарнизоны «инспектировались» время от времени высшими иерархами боспорской администрации и даже царём. Но для его резиденции они не годились. Более того, облик жилых и хозяйственных помещений (домов), а равно и находки отсюда рисуют нам картину некоего если и не социально-имущественного равенства, то чего-то близкого к этому. Оно и понятно: военный гарнизон (вместе с «пригородом»- канабой) — всё же подразумевает совершенно очевидную стандартизацию и единообразие. Однако оставим «за скобками» рассуждения на самые заманчивые социально-демографические и культурно-этнические сюжеты и вернёмся к

главной нашей домостроительной теме. Точнее - к характеристике других типов поселений позднеэллинистического и римского времени.

И здесь нельзя обойти вниманием примеры, показательные для т.н. переходной эпохи, т.е. I в. до н.э. Пока памятников с таким узким «диапазоном» исследовано совсем немного. Прежде всего, это поселение Полянка. Раскопанная площадь (более 2500 кв. м) вполне позволяет сделать некоторые выводы. Застройка представляла собой комплекс из нескольких (менее десятка) небольших по размерам кварталов, располагавшихся на ряде невысоких и одной возвышенной террасах. Некоторые — при этом примыкали к оборонительным стенам. Каждый квартал имел свою конфигурацию, площадь и состоял из разного числа условных помещений. Расположение на достаточно ограниченном естественным образом пространстве, видимо, диктовало и известную разницу в господствующей ориентации стен этих построек. Судя по характеру блокировки помещений внутри квартала, заметно преобладал равнозначно-параллельный принцип. Определиться с тем, какое из них являлось жилым, какое хозяйственным, а что — мощёным или нет двориком можно далеко не всегда. В сущности, за небольшим исключением явно обособленных, однокамерных строений разного назначения (винодельческий комплекс, святилище, «башня») эти кварталы можно рассматривать, как одно домовладение (дом-квартал), отделённое от соседних неким подобием мощёных или нет улиц и переулков. Господствует регулярная, прямоугольная разбивка на местности и прямолинейная планировка. Но в ряде случаев — стены помещений и стены-ограды изогнуты и даже круглые. Кладки в основном двухлицевые, двух-трёхслойные, иррегулярные из необработанных камней местного известняка. Однако специфика расположения ряда помещений и даже кварталов на месте раннего зольно-мусорного сброса определила наличие однорядных, однолицевых кладок, составлявших обкладку бортов котлованов, вырытых под помещения. Цоколи стен специально нигде не выделяются, но фасировка большинства — вполне ровная и вертикальная, не считая чуть ли не показательных примеров их последующего искривления, как вероятного последствия некоей сейсмической катастрофы. Следов притёски «по месту» нет, но подборка — в ряде случаев допустима. Примеры специального оформления углов стен и дверных проёмов обработанными плитами единичны. Соединительный раствор — земля на воде. Штукатурка и черепица, скорее всего, не нашли применения, но имеются два примера вполне качественных ливнестоков и довольно значительное по размерам вымощенное пространство — нечто вроде общественной площади, а также весьма производительная винодельня. Существовали, как уже писалось, специальные подпорные стены террас. Помещения домов-кварталов не отличаются разнообразием и числом объектов «интерьера». Это почти всегда один-два прямоугольных очага, прямоугольный или сегментовидный «ларь» из поставленных на ребро плит, кое-где по углам — сегментовидные же возвышения из камней неясного назначения. Сколь-либо примечательные находки (за исключением помещения-святилища) весьма редки. Впрочем, этот показатель вообще относителен ибо, во многом зависел от разного рода «внебытовых» обстоятельствами. Для нас важно подчеркнуть знакомство строителей и обитателей поселения хотя бы с простейшими приёмами античного домостроения, а также то, что таковое велось, скорее всего, в каждом конкретном случае силами одной или нескольких семей. При этом что-то и по-

мимо оборонительных сооружений — всем коллективом. Строительный материал был, как и повсюду в Восточном Крыму, «под рукой». Особой регламентации в общей и частной планировке как будто бы тут не заметно. Значит ли это, что все соответствующие работы были делом «местной» инициативы, опыта и труда? Создаётся впечатление, что в известной степени это так. Центральной власти в это непростое время было просто «недосуг».

Говоря о первых веках н.э. в интересующем нас аспекте, нельзя не отметить следующие важные моменты. Новый экономический подъём и относительная политическая стабильность (скорее — вначале второе, потом первое) не могли не сказаться на демографо-поселенческой структуре сельской территории, а отчасти и наоборот. Это выразилось, прежде всего, в появлении нескольких новых, к тому же с самого начала, очень крупных и важных в хозяйственно-военном отношении городищ. Во-вторых, полноценно или даже в развитии существует подавляющее большинство городищ разного типа, появившихся в I в. до н.э. или даже ранее. В-третьих, проводятся работы по укреплению внешних границ, но уже исходя, видимо, из неких иных принципов и стратегических установок. (Прежние сторожевые дома башенного типа к середине I в. н.э. повсеместно разрушены и в дальнейшем не восстанавливаются.) Одновременно нельзя не отметить полное отсутствие информации о поселенческих памятниках ближней, городской хоры, что вряд ли случайность в контексте столь важной проблемы, как взаимоотношение полиса и царской власти.

Не увлекаясь разного рода гипотетическими построениями относительно всего вышесказанного, обратимся к рассматриваемому сюжету. Не одновременно, но как бы сразу, по заранее «намеченному плану» в Восточном Крыму появляются такие крупные, хорошо укреплённые поселения, как Илурат, Белинское и Савроматий (городище у села Ново-Николаевка). Возможно, этот перечень следует расширить за счёт некоторых городищ в округе Феодосии а также и на Азиатском Боспоре. И если первое из них благодаря масштабным и долговременным раскопкам стало уже давно хрестоматийным памятником, то другие стали известны совсем недавно. Илурат в плане домостроения характеризуется следующими основными чертами. Четкая прямоугольная разбивка построек на местности при господстве равнозначно-параллельного принципа расположения помещений в многокамерных строениях (домах). Все они безордерные, различаются площадью и общей планировкой в основе которой — П- или Г-образная, реже по всему периметру блокировка помещений жилищно-хозяйственного назначения вокруг, как правило, вымощенных двориков, площадь которых достигает трети от общей. Обычны т.н. входные коридоры; заметно выражены хозяйственные функции (лари — кормушки и стойла для скота, зерновые ямы, печи и зернотёрки); вполне вероятно наличие в ряде случаев второго этажа. Но самое примечательное, как уже писалось, правильная, явно предварительно разработанная и тщательно выполненная разбивка на местности. Несколько домов образуют прямоугольные кварталы, чётко разделённые достаточно широкими и прямыми продольными и поперечными улицами. И планировка домов и строительные приёмы совершенно типичны для ординарной античной домостроительной практики и традиции. Кладки, как правило, двухрядные, двух-трёхслойные, постелисто-иррегулярные из местного «рваного» известняка (добытого тут же) и бута. Применялась перевязка между

рядами и слоями. Цоколи специально не выделялись. Фасировка стен изначально прямая и вертикальная. Связующий раствор — глина и «грязь». Толщина стен не превышает традиционных для Крыма размеров (0.6–0.7 м). Примеры использования отёсанных плит и блоков в углах стен и в оформлении дверных проходов многочисленны. Столь же обычны пороговые плиты, вымостки во дворах и части помещений, высота которых совершенно определённо (сохранность это позволяла) была не ниже 2,3–2,4 м. Кровли по большей части двускатные, но черепица — редкость. Подборка камня «по месту» очевидна, подтёска — уверенно не фиксируется. Некоторые стены, вероятно, были оштукатурены (известны граффити). Участие профессионалов-архитекторов и руководителей масштабных работ, равно, как и достаточно многочисленный контингент непосредственных исполнителей (все работы были завершены в очень короткий срок) — несомненны. Отсюда и столь же несомненное государственное руководство и регламентация. Даже значительному коллективу дилетантов-новосёлов такой труд (а мы сознательно ничего не говорим об оборонительных сооружениях) в такой срок не под силу. Вместе с тем, в интерьере и экстерьере домов нет ничего, что свидетельствовало бы о подчёркнуто особом статусе и достатке кого-то из обитателей этого городка. Данный термин, кажется, наиболее подходящим, вследствие не только мощности и сложности системы обороны, но и исходя из чёткой поквартальной внутренней группировки домов.

Судить о домостроительной практике на Савроматии ещё рано, но имеющаяся информация даёт основания для хотя бы частичных аналогий с только что рассмотренными илуратскими примерами. Впрочем, самоназвание данного городища, если оно соответствует таковому, позволяет «пофантазировать» относительно расположения тут царской ставки и, соответственно…

Городище у села Белинское — пожалуй, самое большое по площади на дальней хоре Европейского Боспора. Но о его характеристике в исследуемом контексте можно сказать немногое. Считается, что вся площадь плато, на котором располагалось городище (а в пределах оборонительных стен это около 9 га) была освоена одновременно и по единому плану где-то в начале II в. н.э. Первоначальный строительный замысел был воплощён в регулярной жилой застройке, разделявшейся сетью нескольких пересекавшихся почти под прямым углом улиц шириной от 2,5 до 5 м, представлявших собой плотно утрамбованные слои битой керамики с золой, мелкого бута и известняковой крошки. «Заполнение» кварталов состояло, по-видимому, из однотипных или близких в плане многокамерных жилищно-хозяйственных построек (домов) с равнозначно-параллельным принципом блокировки различных по функциональному назначению помещений «вокруг» общего дворика. Но, ни один из них, не говоря уже о квартале, полностью не раскопан или же последующие перестройки не позволяют охарактеризовать эти дома более основательно. Зато на северном участке городища, вдоль крепостной стены, открыт ряд почти одинаковых, довольно больших по площади, прямоугольных в плане двухкаменых строений. Здесь отчётливо прослеживался последовательно-иерархический принцип расположения помещений. В каждой такой «секции»-доме имелся очаг. В некоторых — т.н. кормушки из поставленных на ребро каменных плит и каменные лари. Вдоль основных улиц выявлены водостоки. Вероятно, существовали на этом городище и какие-то общественные здания. Общая оцен-

ка качества, материала и приёмов самих строительных работ близка илуратским примерам. Как и там первоначальной основой планировочных решений могла быть и, скорее всего, была разбивка на местности под военный лагерь римского типа. В любом случае, роль государственного «начала», особенно в том, что касалось организации работ, выступает достаточно отчётливо. Не исключено, что впоследствии, оба эти значительных населённых пункта постепенно теряли своё преимущественно военное назначение, эволюционизируя в окраинные и очень непритязательные даже по местным понятиям поселения городского типа. Однако этот псевдо-урбанистический процесс был прерван потрясениями и неурядицами «середины» III. в. до н.э. Так или иначе, но когда пошатнулась боспорская государственность, пришли в упадок, а то и вовсе были заброшены многие, если не большинство поселений-городищ на пространствах дальней хоры. Но прежде, чем поставить «точку» в нашем экскурсе завершим соответствующий обзор-анализ самым, пожалуй, показательным примеров, а именно: почти что подлинным поселением-казармой. Мы имеем в виду, как легко догадаться, также уже ставшее хрестоматийным городище близ с. Семёновское на северо-западе Керченского п-ова. Раскопанное почти целиком оно в рассматриваемом плане являет собой как бы наиболее полное воплощение того типологического направления, начало которому положили прибрежные городища III–II вв. до н.э. Да и появилось-то оно, в сущности, тогда же. Просто раскопки в основном зафиксировали соответствующую «эволюцию» на завершающей стадии.

Итак, для поселения был выбран довольно значительный, продолговатый скалистый прибрежный мыс с естественно укреплёнными подходами со стороны суши и моря. Его неровная поверхность и ограниченность площади диктовали относительную компактность и регулярность при заметных элементах криволинейности и непрямоугольности в разбивке на местности и общей планировке. Основной принцип расположения жилых и хозяйственных помещений и двориков в однотипных домах — последовательно-иерархический. В свою очередь эти дома блокировались в линейные кварталы, разделённые продольными улочками и поперечными переулками и располагавшиеся на относительно невысоких террасах. Эти дома, в большинстве своём напоминавшие безордерные постройки мегаронного типа, имели, скорее всего, двускатные кровли, многие — второй (жилой) этаж. На первом помещались очаги, содержался скот (каменные лари и кормушки), а с юга примыкали небольшие мощёные дворики. Были и ещё более простые, одноэтажные, однокамерные дома-помещения без двориков. Но, как исключения, зафиксированы и те, что напоминали скорее типично илуратский тип домовладения. Кладки стен иррегулярные, двух-трёхслойные, одно-двухлицевые из необработанных камней местного же известняка. Иногда фиксировалась «перевязка» слоёв, укрепление углов и стыков стен более крупными и даже подработанными камнями, а также подборка камней «по месту». Связующий раствор, как обычно, глина и грязь. Дверные проёмы, как правило, не имели специального оформления. Нет находок кровельной черепицы и штукатурки. Качество кладки в целом невысокое (стены рассыпаются), фасы нередко неровные, цоколи специально не выделяются. Несомненно, строительство на поселении велось по некоему плану. Но его целостность, единство или не всегда удавалось соблюсти, или оно нарушалось неоднократно впоследствии, при более поздних перестройках. Организация стро-

ительных работ здесь, конечно, требовала единоначалия и какого-то опыта. Но, в общем, все работы могли вестись силами непрофессионалов. Так или иначе, но, как и следовало ожидать, на этой «забытой богом» боспорской окраине античные домостроительные традиции для тех, кто имел удовольствие побывать на памятнике, даже зрительно улавливаются с трудом. Это действительно до конца «своих дней» было поселение-казарма, причём довольно-таки плотнонаселённая.

Что было потом, т.е. в позднеантичный период местной истории? Жизнь продолжалась, это точно, причём по обоим берегам пролива. Но общий упадок государственности уже не позволял говорить о поступательном развитии домостроительной практики и новых планировочных решениях. Некоторые из упомянутых и неупомянутых городищ Крымского Приазовья и, отчасти, «глубинки» п-ова оставались обитаемы вплоть до V — и даже середины VI вв. н.э. И, насколько это позволяют судить раскопки, или сохраняли в целом ту планировку и тот облик домов-помещений, которые им были присущи в предшествовавшие столетия, или же заметно «упростились», потеряв многие черты прежней полуурбанистической структуры. Для Таманского п-ова, да и всего Азиатского Боспора эталонным памятником этого времени, по-прежнему, остаётся Ильичёвское городище. Казармоподобный характер его застройки внутри периметра оборонительных стен неоднократно отмечался в публикациях, к которым мы и отсылаем читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1957: Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–49 м 1952–53 гг. // МИА. 56, 13–46.

Винокуров Н.И. 2012: Городище Артезиан: инфраструктура и планировка // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения XIII / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 92–98.

Гаврилов А.В. 2004: Округа античной Феодосии. Симферополь.

Гайдукевич В.Ф. 1981: Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. Ч. II / А.Л. Якобсон (ред.). Л., 55–75.

Гарбузов Г.П., *Завойкин А.А.* 2012: Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая пол. VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV — начало III вв. до н.э.) // ДБ.16, 114–149.

Завойкин А.А., *Гарбузов Г.П.* 2010: О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14, 189–219.

Зинько В.Н. 1999: Античное сельское поселение близ Мирмекия //Археология и история Боспора. Т. 3 / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 133–142.

Зинько В.Н. 2007: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XV. Керчь.

Зубарев В.Г., *Смекалов С.Л.* 2010: К вопросу о планировке и численности населения городища «Белинское» на начальном этапе его существования//ДБ. 14 / А.А. Масленников (ред.). М., 232–243.

Зубарев В.Г., *Седых Е.Е.* 2012: Городище «Белинское» во II — первой половине III вв. н.э.// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения XIII / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 163–169.

Журавлёв Д.В., *Ломтадзе Г.А.*, *Шлотцауер У.* 2010: Памятники северо-восточной части Таманского полуострова //Античное наследие Кубани. Т. 1. / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 556–581.

Журавлёв Д. В., *Шлотцауер У.* 2011: Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. I, 252–294.

Кашаев С. В. 2012: Строительные комплексы и планировка поселения Вышестеблиевская 11 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения XIII / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 193–197.

Кругликова И. Т. 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.

Кругликова И. Т. 1970: Раскопки поселения у дер. Семёновка // МИА. 155, 4–81.

Кругликова И. Т. 1998: Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ.1, 143–185.

Кругликова И. Т. 2001: Поселение Андреевка Южная // ДБ. 4, 182–226.

Кругликова И. Т. 2002: Южно-Чурубашское поселение // ДБ. 5, 138–170.

Крыжицкий С. Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.

Малышев А. А. 2010: Юго-восточная периферия // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). М., 582–595.

Малышев А. А. 2012: Периферийные районы Азиатского Боспора в свете новых археологических открытий // Scripta antiqua. 2, 66–94.

Масленников А. А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены (Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху). М.

Масленников А. А. 2010: Царская хора Боспора (По материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. I // ДБ. III. М.

Соловьёв С. Л., *Бутягин А. М.* 1998: Землянки на хоре Нимфея // РА. 2, 138–148.

Соловьёв С. Л., *Куликов А. В.*, *Шепко Л. Г.* 2003: Землянки на хоре Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 234–239.

Соловьёв С. Л., *Шепко Л. Г.* 2006: Археологические памятники сельской округи Акры: поселение Заветное 5; Отчёт античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг.// ГЭ. СПб.

Шепко Л. Г. 2010: Археологические исследования памятника Заветное 5 // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII междун. научн. конф. Харьков, 47–48.

FROM HUTS TO PALACES AND TO MILITARY BARRACKS (HOUSE-BUILDING EVOLUTION ON ANCIENT BOSPORAN CHORA)

A. A. Maslennikov

House-building practice analysis based on ancient Bosporan rural monuments, recently excavated ones among them, makes it possible to trace the evolution of typology and layout of buildings, house-building level, principles of interlocking them with bigger constructions as well as to estimate the extent to which state and private initiative control these processes, The analysis also reveals some principal lines of development with their temporal and local peculiarities.

Key words: Bosporan, chora, principles of general and particular layout of rural houses and settlements, building, state control, communitu public work

© 2013

Ю. А. Виноградов

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Изучение поселения Артющенко I, расположенного на азиатской стороне Боспора, привело к ряду важных открытий. История его дискретна. Население то приходило сюда, то надолго оставляло поселение. В его истории можно очертить шесть периодов активного функционирования: архаический (конец VI — первая треть V вв. до н.э.), классический (середина — вторая половина IV в. до н.э.), эллинистический (вторая половина III — первая половина II вв. до н.э.), римский доготский (I — первая половина III вв.), римский послеготский (вторая половина IV в.), салтово-маяцкий (VIII — середина IX вв.).

Ключевые слова: археология, Боспор Киммерийский, сельские поселения

Крупное античное поселение Артющенко I исследуется Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры РАН с 1998 г. Этот памятник расположен на Таманском полуострове, на обрывистом берегу Чёрного моря приблизительно в 4-х км от хутора Артющенко Темрюкского района Краснодарского края. Необходимо подчеркнуть, что первые археологические раскопки на памятнике провёл В. Д. Блаватский, установивший, что поселение здесь функционировало с конца VI — начала V вв. до н.э. до времени раннего средневековья[1]. Исследователь дал этому поселению название Бугазское; переименование связано с деятельностью Я. М. Паромова.

Поселение разделено неглубокой балкой на восточную и западную части. Данное обстоятельство можно было бы особенно не афишировать, но балка сыграла свою не очень понятную роль в древности. Дело в том, что все выявленные археологические объекты к востоку от неё относятся к времени до новой эры, а к западу — после Рождества Христова. В восточной части на протяжении нескольких лет исследования велись на участке II, в западной было заложено шесть раскопов (I, III–VII), но основным здесь был и остаётся участок I.

Многолетние раскопки позволяют уверенно считать, что история поселения была дискретна. На основании полученных материалов можно обозначить шесть периодов его функционирования: архаический (конец VI — первая треть V вв. до н.э.), классический (середина — вторая половина IV в. до н.э.), эллинистический (вторая половина III — первая половина II вв. до н.э.), римский доготский

Виноградов Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. E-mail: vincat2008@yandex.ru

[1] Блаватский 1954.

(I — первая половина III вв.), римский послеготский (вторая половина IV в.), салтово-маяцкий (VIII — середина IX вв.). Кратко охарактеризую каждый из этих периодов.

Архаический (конец VI — первая треть V вв. до н.э.). На этом этапе в восточной части памятника существовало большое сельское поселение, которое, как можно полагать, относилось к хоре Гермонассы. К нему относятся 5 котлованов-полуземлянок (помещения III, V, VI, XI и XII), а также 19 ям[2]. Размеры этих полуземлянок очень небольшие, составляют в среднем 7–8 кв. м. Общий облик конструкций никак не позволяет считать их стационарными постройками; практически нет сомнения, что они сооружались на сравнительно непродолжительное время. Иными словами, есть веские основания полагать, что поселение было сезонным. Нет сомнений также и в том, что оно было земледельческим. Во время просеивания золистого заполнения ям в некоторых из них были обнаружены обгоревшие зёрна культурных растений.

В качестве весьма типичного примера приведу определения зёрен культурных растений из ямы № 9, проделанные Г. А. Пашкевич[3]. Всего в этой яме было обнаружено 1683 зерновок, в их составе:

Triticum aestivum s.l. (пшеница мягкая) — 861 зерновка (51,2 %);
Triticum monococum (пшеница однозернянка) — 15 зерновок (0,9 %);
Triticum dicoccon (пшеница двузернянка) — 75 зерновок (4,5 %);
Triticum spelta (пшеница спельта) — 4 зерновки (0,2 %);
Hordeum vulgare (ячмень плёнчатый) — 607 зерновок (36,1 %);
Hordeum vulgare var.coeleste (ячмень голозёрный) — 102 зерновки (6,0 %);
Secale sp. (рожь) — 7 зерновок (0,4 %);
Panicum miliaceum (просо обычное) — 3 зерновки (0,15 %);
Avena sp. (овёс) — 1 зерновка (0,1 %);
Lens culinaris (чечевица) — 5 семян (0,3 %);
Vicia ervilia (вика эрвилия) — 3 семени (0,15 %).

Этот набор вполне типичен для античного Северного Причерноморья[4], в том числе и для Боспора Киммерийского[5]. Вместе с тем он отличен от набора культурных растений, которые выращивались в Средиземноморье, т.е. в греческой метрополии. Там он сводится к так называемой «триаде» (оливки, виноград, злаковые) или же «квартету» (когда в этот список добавляются бобовые)[6]. Следуя этой логике, находки из Артющенко можно было бы назвать «северопонтийским дуэтом» (зерновые и бобвые)[7], вот только вторая составляющая в количественном отношении имеет здесь всего около 0,5 %. Вполне очевидно, что крестьяне трудились на близлежащих к поселению полях для получения зерновых культур, при этом на первом месте в их составе, безусловно, стояла мягкая, голозёрная пшеница.

[2] Виноградов 2001, 18–19; 2002a; Vinogradov, Lebedeva 2005, 316–317.

[3] Все определения палеоботанических находок с поселения были проведены Г. А. Пашкевич, за что автор выражает ей глубочайшую благодарность.

[4] Кругликова 1984, 155; Пашкевич 2005.

[5] Кругликова 1975, 181 сл.; Кошеленко, Кузнецов 2010, 207.

[6] См.: Sarpaki 1992; Isager, Skydsgaard 1992.

[7] Виноградов 2005a; Vinogradov 2012, 71, 74.

Именно она, как это достаточно надёжно установлено, была главным предметом хлебного экспорта из Северного Причерноморья в Средиземноморье[8].

Находки из архаических строительных комплексов и ям Артющенко I не отличаются особым богатством и разнообразим, тем не менее, по-своему они очень информативны. В общем керамическом массиве, как обычно для античных памятников, преобладают фрагменты амфор: лесбосских красноглиняны, хиосских пухлогорлых и протофасосских, при этом протофасосские амфоры были здесь самыми многочисленными[9]. Без учёта амфорных материалов керамический комплекс демонстрирует одну важную особенность — приблизительно половина фрагментов принадлежит лепным горшкам, изготовленным в традициях местного варварского населения[10]. В количественном отношении им заметно уступают даже обычно доминирующие в наборах посуды на античных памятниках обломки красноглиняной столовой кружальной керамики; фрагменты чернолаковой и расписной посуды вообще очень немногочисленны. Данное обстоятельство, а именно огромное количество лепной керамики, позволяет полагать, что основными обитателями поселения на данном этапе были варвары. Вполне можно допустить, что греки Гермонассы для обработки полей, сравнительно далеко отстоящих от города, привлекали выходцев из местных земледельческих племён[11]. Эти варвары, как представляется, и были теми сезонными работниками, которые на определённых условиях трудились на полях, прилегающих к Артющенко I.

Необходимо обратить внимание, что в западной части памятника, где, как уже говорилось, доминируют объекты первых веков н.э., всё-таки были открыты две ямы, относящиеся к архаическому периоду (раскоп I, ямы №№ 39 и 60). По сделанным находкам они являются обычными для поселения, но их всё-таки выделяют два немаловажных обстоятельства. Во-первых, ни в одной из них не было найдено обгоревших зёрен, а во-вторых, процент лепной керамики в них очень невелик (№ 39 — 8 %; № 60 — 15 %). Так что эти две ямы являются самыми «греческими» архаическими ямами из всех, исследованных на памятнике.

Классический период функционирования поселения приходится приблизительно на середину — вторую половину IV в. до н.э. Археологических объектов этого времени выявлено достаточно много — 15 ям и маловыразительные остатки заглублённых в землю конструкций. В одной из ям была найдена целая амфора, подобные которой С. Ю. Монахов определял как первый тип керамической тары Херсонеса[12]. В культурном слое в немалом количестве обнаружены очень показательные материалы, относящиеся к обозначенному периоду: рыбное чернолаковое блюдо, археологически целый обломок чернолакового канфара и т.п. Все эти находки позволяют уверенно считать, что жизнь в Артющенко I в это время протекала весьма интенсивно, хотя по занимаемой площади классическое поселение явно уступало архаическому.

В связи с этим следует обратить внимание на следующее обстоятельство: все ямы IV в. до н.э. находились в непосредственной близости от линии берега. Учи-

[8] Янушевич 1986, 46 сл.; Щеглов 1990, 113 сл.
[9] Виноградов 2002а, 64.
[10] Виноградов 2002а, 64; 2006, 75.
[11] Виноградов 2006, 75; Vinogradov 2012, 74.
[12] Монахов 1989, 42 сл., 140, табл. I; Абрамов 1993, 40–41.

тывая сильное разрушение памятника при береговой абразии, можно предположить, что значительная часть объектов этого времени попросту погибла. Данное обстоятельство не даёт оснований для сколько-либо обоснованных суждений о характере поселения этого периода. Однако можно высказать осторожное предположение, что оно по-прежнему оставалось сезонным, земледельческим[13]. Доминирования лепной керамики в археологических комплексах этого времени не выявляется.

Эллинистический период в истории поселения можно очертить в диапазоне второй половины III — первой половины II вв. до н.э. Тогда в восточной части Артющенко I функционировала мастерская, связанная с обработкой железной руды и получением железа[14]. На памятнике обнаружены места для складирования железной руды, каменные основания «столов» для её перетирания и промывки, водостоки, по которым отработанная вода отводилась за пределы поселения. Перетирание руды производилось с помощью крупных зернотёрок, обломки которых встречались на площади мастерской почти повсеместно. Имеются веские основания считать, что на памятнике выявлена площадь, связанная, если использовать технические термины, с обогащением железной руды.

Печей для получения железа обнаружить не удалось. Возможно, они находились южнее площади обогащения и, соответственно, были разрушены при береговой абразии. Тем не менее, следует обратить внимание, что одна из крупных ям этого времени (№ 23) использовалась для хранения древесного угля. Ещё более показательный факт — находки железных криц, происходящие из культурного слоя, а в особенно большом количестве — из ямы № 33. В ней было найдено 44 экземпляра целых криц и 710 их обломков.

С железоделательной мастерской связаны любопытнейшие сакральные объекты[15]. В их состав входили как наземные каменные выкладки, служившие, вероятнее всего, алтарями, так и сооружения, заглублённые в землю. Особенно интересны в этом отношении две сильно заглублённые в землю конструкции (помещение VIII и упомянутая выше яма № 33), соединённые между собой подземным проходом (лазом). Во время исследования сакральных объектов были обнаружены два комплекса терракотовых статуэток[16], а также другие культовые предметы (многоярусный светильник и пр.).

Эти открытия, безусловно, имеют очень важное значение. Необходимо подчеркнуть, что на Артющенко I ничего подобного не было выявлено ни для более раннего, ни для более позднего времени. Складывается впечатление, что мастера, трудившиеся в железоделательной мастерской, ощущали особую потребность в сакральной защите. Эту потребность, по всей видимости, следует объяснять тем, что, по существующим тогда представлениям, они вторгались в чрезвычайно опасную для человека, полную демонических сил подземно-огненную сферу.

Керамические находки, обнаруженные при исследовании мастерской, являются вполне обычными для этого времени на Боспоре. Вполне обычным выглядит

---

[13] Виноградов 2001, 19; Vinogradov, Lebedeva 2005, 316.

[14] Виноградов 2001, 19–20; 2010; Vinogradov, Lebedeva 2005, 316–317.

[15] Виноградов 2007; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy 2010, 370–373,

[16] Виноградов 2004; 2005б; 2008; Новикова, 2007; Vinogradov, Lebedeva 2005, 317–319; Vakhtina, Vinogradov, Goroncharovskiy 2010, 391–394, fig. 19–22.

и набор лепной керамики[17]. Её количество в отдельных комплексах, однако, представляется очень большим. К примеру, в заполнении котлована землянки VIII, которая является одной из важнейших структур эллинистического периода на поселении, количество лепной керамики составляет почти 64 % (без учёта амфорных находок); правда, в соединённой с ней лазом яме № 33 этот процент намного ниже — 16 %.

К эллинистическому периоду относится большинство монетных находок, обнаруженных на памятнике[18]. И в этом отношении тоже необходимо подчеркнуть, что у обитателей Артющенко I никогда ни ранее, ни позднее не было в распоряжении столь большого количества денег. Имеющиеся материалы позволяют считать, что железоделательная мастерская прекратила свою деятельность около середины II в. до н.э. Тем не менее, среди находок имеются две монеты, принадлежащие последней четверти этого столетия[19]. Возможно, какая-то жизнь в восточной части поселения теплилась и в обозначенное время, но никаких связанных с этим археологических объектов выявить не удалось. В I в. до н.э., как это сейчас представляется, памятник полностью пустовал.

После достаточно продолжительного перерыва жизнь на Артющенко I возобновилась в I в. н.э., и произошло это в западной части памятника. Основным участком исследований здесь, как было сказано выше, является очень крупный по площади раскоп I. Выявленные здесь объекты римского времени можно разбить на две хронологические группы — доготскую и послеготскую.

Доготский период (I — первая половина III вв. н.э.). К I в. относятся лишь участки культурного слоя, а к II–III вв. — 6 строительных комплексов и 32 ямы. Из названных шести строительных комплексов лишь три можно считать жилыми, но, скорее всего, временными постройками. Из этих трёх два являются полуземлянками, устроенными достаточно просто (помещения X и XVII). Один комплекс (помещение XI) связан с участком каменной стены, и, в общем, его можно считать частью более-менее крупной, наземной постройки[20]. При его исследовании на полу было обнаружено небольшое количество обгоревших зёрен. Несмотря на малочисленность, этот набор почти не отличается по составу культур и по их соотношению между собой от наборов архаического времени:

Triticum aestivum s.l. (пшеница мягкая) — 7 зерновок;
Hordeum vulgare (ячмень плёнчатый) — 2 зерновки;
Secale cereale (рожь посевная) — 2 зерновки;
Sambucus nigra (семена бузины чёрной) — 7 шт;
Bromus arvensis (зерновка сорняка костра полевого) — 1 шт.

Помимо трёх названных строительных комплексов, которые можно считать пусть временными, сезонными, но жилыми, другие три сооружения (помещения VIII, XV и XVI) следует связывать исключительно с хозяйственной деятельно-

[17] Стоянов 2009.
[18] Виноградов, Терещенко 2009.
[19] Виноградов, Терещенко 2009, 142, 147.
[20] Во время работ В. Д. Блаватского на поселении тоже были выявлены остатки каменных, относящиеся к первым векам н.э. См.: Блаватский 1954, 154.

стью. Если первые имеют четырёхугольную форму и более-менее ровный пол, то вторые отличаются неровными, аморфными очертаниями. Все эти комплексы заглублены в землю, но пол их расположен на разных уровнях, глинистые промазки отсутствуют. В структуру таких «помещений» всегда входит несколько ям, в том числе и весьма глубоких. Несмотря на свою примитивность, подобные сооружения следует считать обычными для поселения II–III вв. Во всяком случае, ещё одно такое сооружение было открыто на участке V в 2006 г.

Находки, сделанные во время исследования строительных комплексов, не очень разнообразны и вполне типичны для сельских поселений Боспора этого времени. Процент лепной посуды в них колеблется от 30 до 70 % (без учёта амфорных материалов).

По результатам раскопок на участке I можно сделать ещё одно важное заключение: все строительные комплексы располагаются на расстоянии 10–15 м друг от друга, никаких компактных групп или «кустов» построек здесь пока не выявлено. В общем все эти факты дают основания для предположения, что поселение Артющенко I во II–III вв. было земледельческим, сезонным, как и в более раннее время.

Земледельческий характер поселения нашёл полное подтверждение в сезоне 2012 г. Тогда здесь был исследован участок глинобитной площадки (5,60 × 4,80 м). Эта площадка перекрывает культурный слой I в. н.э., толщина слоя глинистой трамбовки составляет 5 см. Практически нет сомнений, что на памятнике удалось открыть молотильный ток, поскольку на поверхности этой площадки было обнаружено огромное количество обгоревших зёрен злаковых культур[21].

Ямы, расположенные между строительными комплексами, тоже представляют немалый научный интерес. Помимо обычных вещевых находок, некоторые из них содержали скелеты животных: собаки (№ 38), двух собак (№ 52), поросёнка (№ 59), черепа собаки (№ 58). Яма № 9 в этом отношении является самой показательной, поскольку в ней зафиксировано 3 скелета и 2 черепа собак, 6 скелетиков поросят (молочных?), 2 скелета крупных поросят, 2 огромных черепа кабанов-секачей и 1 череп дельфина. В этом контексте необходимо назвать также яму № 55, поскольку на её дне было обнаружено 4 человеческих черепа, а также разрозненные кости людей и животных[22]. Как произошло такое перемешивание и с чем оно было связано, сказать чрезвычайно затруднительно. Что касается погребённых на поселении животных, то их, по всей видимости, можно связывать с культом плодородия, который практиковали приходившие сюда земледельцы.

Послеготский период (вторая половина IV в.). К этому времени относятся котлованы трёх полуземлянок и три ямы, расположенные, в отличие от построек предшествующего времени, компактной группой (на площади приблизительно 13×12 м). Одна из полуземлянок (помещение XIV), имевшая четырёхугольную форму, отличается очень хорошей сохранностью, лучшей из всех строительных комплексов, открытых на поселении Артющенко I за все годы раскопок[23]. На её примере можно судить об устройстве входа, характере перекрытия и т.д. В углу

[21] Зёрна переданы для проведения определений киевской специалистке Г. А. Пашкевич.

[22] Определения человеческих костей были проведены антропологом М. В. Домбровской, за что автор выражает ей свою глубочайшую благодарность. Изучением палеозоологических материалов, полученных за годы раскопок на поселении, занимается А. К. Каспаров.

[23] См.: Виноградов 2011.

полуземлянки была расположена глинобитная двухкамерная печь. Рядом с печью в золистом слое были обнаружены обгоревшие зёрна культурных растений, которые, в принципе, составляют тот же самый, охарактеризованный выше «северопонтийский дуэт» с преобладанием голозёрной пшеницы[24].

Салтово-маяцкий период (VIII — середина IX вв.). Строительные остатки этого времени были обнаружены на памятнике в 1998 г., т.е. в первый год наших раскопок. Тогда на участке I были изучены остатки пяти заглублённых в землю построек четырёхугольной формы[25]. В дальнейшем удалось открыть котлованы трёх круглых полуземлянок (помещения VI, VII IX), в центре которых находилась довольно большая ямка, вероятно, предназначенная для крепления центрального столба.

На небольшом расстоянии к западу от участка I, т.е. на раскопе VI, были обнаружены остатки наземной постройки с каменными основаниями стен, сложенными «в ёлочку». Внутри этой постройки был расположен очень крупный пифос (наибольший диаметр — 2,20 м, глубина — 3,20 м).

О земледельческом характере салтовского поселения свидетельствуют находки обгоревших зерновок в полуземлянках. В помещении VI их было обнаружено всего 12:

Triticum aestivum s.l. (пшеница голозёрная мягкая) — 4 зерновки;
Hordeum vulgare (ячмень плёнчатый) — 8 зерновок.

В помещении VII эти находки были более многочисленными:
Triticum aestivum s.l. (пшеница голозёрная мягкая) — 11 зерновок;
Hordeum vulgare (ячмень плёнчатый) — 23 зерновки;
Hordeum vulgare var.coeleste (ячмень голозёрный) — 2 зерновки;
Vicia sativa (вика посевная) — 2 семени;
Vitis vinifera (виноград культурный) — 1 семя.

Исходя из этой весьма немногочисленной выборки, можно признать, что на Таманском полуострове «северопонтийский дуэт» продолжал своё существование и в период средневековья. Вот только в обоих случаях в составе зерновых проявляется двукратное преобладание ячменя над пшеницей, чего в античное время не было никогда.

Заключая характеристику многовековой истории Артющенко I, какой она представляется сейчас, ещё раз следует обратить внимание на её дискретность. Несмотря на это, сельские поселения возникали здесь вновь и вновь, при этом не как стационарные, а как временные, сезонные. Может быть, такое, с позволения сказать, постоянство надо объяснять отсутствием поблизости от Артющенко выходов пресной воды. Единственная смена функции поселения приходится на период эллинизма, когда здесь действовала мастерская по переработке железной руды и получению железа. За время многолетних раскопок памятника накоплен огромный археологический материал. Теперь на первый план выдвигается задача его всестороннего изучения и систематической публикации.

[24] Виноградов 2011, 317.
[25] Виноградов 2002б.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3, 4–135.

Блаватский В. Д. 1954: Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 51, 149–155.

Виноградов Ю. А. 2001: Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / И. И. Марченко (отв. ред). Краснодар; Анапа, 17–20.

Виноградов Ю. А. 2002а: Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. 4, 61–66.

Виноградов Ю. А. 2002б: Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия I (26). СПб., 73–81.

Виноградов Ю. А. 2004: Музыкант из поселения Артющенко I (Бугазское) на Таманском полуострове // Вопросы инструментоведеня. 5.2, 141–142.

Виноградов Ю. А. 2005а: К изучению зерен культурных растений, найденных в Мирмекии // ХС. 14, 94–98.

Виноградов Ю. А. 2005б: Терракотовые статуэтки поселения Артющенко I // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады / И. И. Марченко (отв. ред). Краснодар, 44–46

Виноградов Ю. А. 2006: Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 1, 69–76.

Виноградов Ю. А. 2007: Культовые комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Боспорские чтения. 7, 62–65.

Виноградов Ю. А. 2008: Терракотовые статуэтки с изображением актёра и музыкантов с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве. Проблемы артикуляции / И. В. Мациевский (отв. ред.). СПб., 181–184

Виноградов Ю. А. 2010: Железоделательная мастерская на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Боспорские чтения. 11, 80–84.

Виноградов Ю. А. 2011: Комплекс IV в. н.э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия. Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Щукину / Д. А. Мачинский (отв. ред.). СПб., 314–320.

Виноградов Ю. А., Терещенко А. Е. 2009: Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // БИ. 22, 135–149.

Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. 2010: Сельское хозяйство, ремесло и промыслы // Античное наследие Кубани / Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов (отв. ред.). Т. 2. М., 206–234

Кругликова И. Т. 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.

Кругликова И. Т. 1984: Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / Б. А. Рыбаков (гл. ред.). М., 154–161.

Монахов С. Ю. 1989: Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов.

Новикова А. Н. 2007: Изображение силена из Артющенко I // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. 1, 207–210.

Пашкевич Г. О. 2005: Археологія та палеоетноботаніка // Археологія. 2, 80–88.

Стоянов Р. В. 2009: Лепная керамика второй половины III — первой половины II вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко I (1999–2006 гг.) // БИ. 22, 268–282.

Щеглов А. Н. 1990: Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. / О. Д. Лордкипанидзе (отв. ред.). Тбилиси, 99–121.

Янушевич Э. В. 1986: Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинёв.

Isager S., Skydsgaard J. E. 1992: Ancient Greek Agriculture. London; New York.

Sarpaki A. 1992: The Paleoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet? // Agriculture in Ancient Greece. Acta Instituti Atheniensis regni Sueciae. 42, 61–76.

Vakhtina, V.A., Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A. 2010: Cult complexes discovered by the Bosporan expedition of the Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg) // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea /A. Maslennikov, E. Petropoulos (eds.). Thessaloniki, 367–398

Vinogradov Ju.A. 2012: La colonisation grecque du Bosphore Cimmérien // Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noir / P. Burgunder (ed.). Lausanne, 57–85.

Vinogradov Yu.A., Lebedeva E. V. 2005: Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskyoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 11.2, 316–319.

BASIC RESULTS OF STUDY OF THE ARTYUSHCHENKO I SETTLEMENT (TAMAN PENINSULA)

Yu. A. Vinogradov

Examination of the Artyushchenko I settlement on the Asian side of the Bosporus brought forth a number of important discoveries. Its history is discrete. Its population either came to stay there or left it for a long time. The settlement history reveal six active periods. These are archaic (the late 6th century — the first third of the 5th century BC), classic (second half of the 4th century BC), Hellenistic (second half of the 3rd century — first half of the 2nd century BC), Roman ante-Gothic (1st century AD — first half of the 3rd century AD), Roman post-Gothic (second half of the 4th century), Saltovo-Mayatsk (the 8th — mid 9th centuries AD).

Key words: archaeology, Kimmerian Bosporus, rural settlements

© 2013

М. Г. Абрамзон, Д. А. Карпов, Н. И. Сударев

ЗОЛОТОЙ СТАТЕР АСАНДРА С МАГИЧЕСКИМ ГРАФФИТО И ЛАБРИС ИЗ ЖЕРТВЕННИКА НА АНТИЧНОМ ПОСЕЛЕНИИ ЦЕМДОЛИНСКОЕ 1

В статье публикуется статер боспорского царя Асандра (49/48–21/20), датированный 10-м годом его правления, найденный в 2013 г. при археологических раскопках античного поселения Цемдолинское 1», находящегося в пригороде Новороссийска. Монета-амулет с нацарапанным на ней магическим граффито в виде пентаграммы использована в качестве вотива вместе с железным лабрисом при жертвоприношении.

Ключевые слова: археология, Боспорское царство, Асандр, поселение Цемдолинское 1, золотой статер, граффити, лабрис, магия, религия

В 2013 г. при раскопках, проводившихся на памятнике «Археологический объект поселения Цемдолинское 1» сотрудниками отряда Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Д. А. Карпова, был найден золотой статер боспорского царя Асандра (49/48–21/20), датированный 10-м годом его правления (цв. вкл. 13, *1*).

Л.с. Голова Асандра в диадеме вправо.
О.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ; Ника с венком и пальмовой ветвью стоит на проре влево; слева в поле I.
Вес — 7,8 г; диаметр — 20 мм.

В монете пробиты два отверстия для подвешивания. Одно, расположенное на удалении 1,8 мм от края, неаккуратное, коническое в профиле. Диаметр входного отверстия 2 мм, выходного — 1,5 мм. Второе отверстие — аккуратное, с ровными краями, цилиндрическое в профиле, смещено к середине монеты и отделено от первого перемычкой толщиной около 0,8 мм. Его диаметр — 2,4 мм. Оба отвер-

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru.

Карпов Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, начальник отряда Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН.

Сударев Николай Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, начальник Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН. E-mail: sudarev@list.ru.

стия пробивались со стороны аверса. С обратной стороны монеты края отверстий гладко зашлифованы. Статер имеет следы потертости, по-видимому, вследствие ношения в качестве амулета-атропея. О другом формальном признаке амулета свидетельствует нацарапанное на аверсе справа от портрета царя граффито — пентаграмма и буква Λ.

Надежно документированных находок статеров Асандра зарегистрировано немного. Среди них:

1. Три статера с годами АК, НК и ΘК из клада, найденного в 1870 г. на косе Чушка (Фонталовский п-ов)[1].
2. Статер из Фанагории, найденный в 1996 г.[2]
3. Статер с годом Н из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму[3].
4. Статер с годом I с поселения Цемдолинское 1.

Статер из Цемдолинского 1 относится к 10-му году правления Асандра. Статеры этого года хорошо известны специалистам с XIX века[4]. Н. А. Фролова и С. Айрлэнд зарегистрировали три экземпляра[5], к которым теперь прибавился еще один.

1. 8,17 г. Берлин[6]. А-а
2. 8,15 г. Колл. Джэймсона[7]. А-а
3. 8,13 г. Аукцион Naville[8]. А-б
4. 7,8 г. Цемдолинское 1. А-в

Таким образом, находка из Цемдолинского 1 представляет четвертый известный нам экземпляр[9]: Все изданные статеры этого года связаны общим штемпелем л.с.; различаются два варианта штемпелей о.с.[10]. Публикуемый статер отчеканен новым штемпелем о.с.

В настоящей публикации мы не ставим целью обзор точек зрения по вопросу о начальной дате золотой чеканки Асандра с царским титулом[11]. Отметим только, что одни авторы полагают, что золотая чеканка Асандра с титулом царя начинается в 47/46 г. до н.э.[12]. Другие относят начало его царской чеканки к 46/45 г. до

---

[1] Люценко 1880, л. 3; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 291–294.

[2] Tsetskhladze, Kuznetsov 1997, 24, fig. 12.

[3] Внуков, Коваленко 2007, 24–25.

[4] Кёне 1859, 163, pl. IX, *11*; Sibirskij 1859, pl. IX, *54*; Sallet 1886, 25; Das Königl. Münzkabinett 1877, 137, Nr. 469; Бертье-Делагард 1913, 105, № 21/1–2; Jameson 1924/III, pl. CXV, 2147; Naville XII (1926), 99, no. 1692; Анохин 1986, 147, № 239; Nawotka 1991–1992, 44, no. 10a, 10b; RPC I 1851; Фролова 1997/I, табл. Ia, *12–13*; Frolova, Ireland 2002, 36, pl. XVIII, *12–13*.

[5] Фролова 1997/I, табл. Ia, *12–13*; Frolova, Ireland 2002, 36, pl. XVIII, *12–13*.

[6] Munzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin. Frolova, Ireland 2002, 36, pl. XVIII, *12*. См также: http://bosporan-kingdom.com/232–4473/.

[7] Jameson 1924/III, pl. CXV, 2147.

[8] Naville XII (1926), 99, no. 1692; Frolova, Ireland 2002, 36, pl. XVIII, *13*.

[9] Известен также еще один экземпляр (.

[10] См.: Фролова 1997/I, табл. Ia, *12–13*;

[11] О дискуссии см.: Фролова 1997/I, 18–23; Frolova, Ireland 2002, 6.

[12] Анохин 1986, 78–79; Leschhorn 1993, 44–51.

н.э.[13] или даже 45/44 г. до н.э.[14]. Отсюда, 10-й год правления Асандра может приходиться как на 41/40 г.[15], так и на 40/39 г, или даже 39/38 г. до н.э.

Главный интерес представляет археологический контекст находки. Поселение Цемдолинское 1 располагается на левом берегу реки Цемес к северу от Цемесской рощи[16] (территория современного поселка Цемдолина, ближайшего пригорода города Новороссийска). Оно вытянуто вдоль русла реки на 250 м. Первоначальная ширина данного комплекса достоверно не установлена, поскольку вся северная часть памятника уничтожена водосбросным каналом реки Цемес. Сохранившаяся территория поселения в ширину достигает 90 м. Общая площадь памятника составляет около 14500 м^2. По предварительным данным, согласно материалам керамического комплекса, поселение может быть в целом датировано IV в. до н. э — I–II вв. н. э. Существовало ли поселение постоянно все это время или жизнь на нем прерывалась, не установлено. Основное количество находок датируется концом I в. до н. э. — рубежом I–II вв. н. э. Судя по составу керамики, представленной амфорным материалом, круговыми столовыми сосудам и лепной сероглиняной кухонной посудой, можно предположить смешанный характер населения поселения.

Характер поселения пока не определен. Однако были обнаружены остатки массивного каменного фундамента, окруженного развалом каменных стен. Ширина фундамента, сооруженного из массивных не обработанных плит мергеля, достигает 0,5 м. Он принадлежал квадратной постройке размерами около 12 х 12 м, которая предварительно рассматривается нами, как сторожевая башня римского времени. Все это позволяет предположить, что поселение, во всяком случае, на последнем этапе своего существования, могло представлять собой какой-то укрепленный пункт типа небольшой сторожевой крепости.

Причина прекращения жизни на поселение также пока не выяснена. Культурный слой памятника и остатки выявленных к настоящему времени построек носят следы пожара, перекрытого мозаичным слоем желто-серого суглинка, связываемого нами со следами селевого потока, который мог двигаться по руслу р. Старый Цемес. Но обитатели, вероятно, к тому времени уже покинули поселение, так как следов экстренной эвакуации или гибели населения нет.

Золотой статер Асандра был найден в северной части кв. Г-1 раскопа 1. Он находился в южной части заполнения ямы овальной формы размерами около 1,2 х 0,8 м, вытянутой по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад, на глубине около 15 см от поверхности материка (-200 см от уровня условного нуля). Полная выборка заполнения ямы еще не проводилась, поэтому ее глубина и характер дна не известны к настоящему времени. По краям яма была нечасто обложена мелкими и небольшими кусками необработанного мергеля. В заполнении встречался мелкий древесный уголь, мелкие фрагменты кальцинированных костей, среди которых был встречен зуб МРС, а также фрагменты красноглинянных круговых сосудов и фрагмент серолощенного сосуда (вероятно, миски) на кольцевом поддоне. Кроме этого в заполнении ямы была найдена половина глазчатой бусины из

[13] Фролова 1997/I, 167.
[14] Frolova, Ireland 2002, 35.
[15] Анохин 1986, 147, № 232.
[16] Памятник природы в северо-восточной части города Новороссийска, вдоль устья реки Цемес.

стеклянной пасты. Она находилась вблизи западной стенки ямы в 60 см к северу от монеты и выше ее на 13 см (-187 см от уровня условного нуля).

Поблизости с монетой был найден железный топор-лабрис длинной 25 см (цв. вкл. 13, *2*).

Особенности объекта, в котором были погребены золотая монета и лабрис, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с жертвенником. Достаточно богатое приношение золотой монеты, превращенной в подвеску, и лабриса, несомненно, связано с магическими действиями при совершении обряда жертвоприношения. О сакральном характере подвески-апотропея, изготовленной из золотого статера Асандра, свидетельствует нацарапанное на нем магическое граффито в виде пентаграммы и буква Λ. Отверстия в золотой монете также свидетельствуют о том, что она представляет собой амулет-апотропей, носимый владельцем на бечевке или пришитый к одежде.

Лабрисы в качестве вотивов применялись в Северном Причерноморье: так, например, в Ольвии изготавливалось множество свинцовых лабрисов, использовавшихся для вотивных приношений как в общественные, так и в домашние святилища[17]

Магия составляла часть народной религии, а магические действия были направлены на защиту человека от воздействия враждебных внешних сил — болезни, стихии, агрессии. Наиболее распространенным видом магии являлась апотропеическая. На Боспоре она представлена, в частности, апотропеическими знаками и надписями на столовой посуде, но чаще филактериями на золотых и серебряных пластинках. Среди них имеются и рисуночные знаки, которые принято связывать с меньшей грамотностью провинциального населения. На керамических изделиях нередко встречаются рисуночные граффити с изображениями как пентаграммы, так и лабриса[18].

Пентаграмма широко распространена в античном мире как оберегающий от всякого зла знак. Она часто встречается среди граффити на керамике, особенно амулетах, от Ближнего Востока до Иберии, в том числе и в Греции[19]. В греческом мире пентаграмма имеет важное значение, близко подходящее к греческому числовому мистицизму, и связанной с ним античной магией. Так, в пифагорейской философии пентаграмма символизирует женское, земное и мужское, небесное начала, что определяет её роль как символа союза небес и земли, мистической гармонии, а также микрокосма. Будучи сакральным символом телесно-духовной гармонии, пентаграмма также служит знаком здоровья и исцеления и связана, в частности, с Гигиейей. Наконец, пентаграмма связана также с культами Аполлона, Исиды, Афины, Немесиды и Афродиты и даже Коры-Персефоны.

Пентаграмма в качестве дифферента, а иногда и реверсного типа, нередко изображалась на греческих монетах (городов Италии[20], Сицилии, Мисии, Карии, Троады и др.), причем чаще всего она ассоциируется с типами голов Зевса и Аполлона. Так, например, г. Питана (Мисия) чеканила тип Зевс/пентаграмма[21]. На Си-

[17] Русяева 2010, 133.
[18] Яйленко 2005, 465; Русяева 2010, 132, № 124; 263, табл. 47, *14, 14а.*
[19] Яйленко 2005, 466.
[20] Пентаграммы: см., например: BMC 1, 59, no. 29 (Центральная Италия, унция);
[21] BMC 15, 171–172, nos. 1–11, 15–17; SNG Aulock I 1429–1430.

цилии в чеканке мамертинов пентаграмма в качестве дифферента сопровождает на аверсе голову Зевса[22], а на сиракузских медных монетах — голову Аполлона[23]. На реверсе монет г. Эреса (Троада) изображена голова Деметры или Аполлона (?), на реверсе — атрибуты этих божеств, соответственно, хлебный колос и пентагон с полумесяцем[24].

Лабрис изображался в качестве типа аверса или реверса на монетах городов Карии: Алинды, Афродисиаса и Плараcы, Еврома, Миласы, Пиксодара[25]. При этом он ассоциируется с Зевсом: так, например, г. Евром в II–I вв. до н.э. чеканит медь типа Зевс/лабрис[26]. Иногда лабрис связан сразу и с Аполлоном и Зевсом: так, на аверсе монет Пиксодора помещеался Аполлон, а на реверсе — лабрис как атрибут Зевса Стратиоса или Лабраунда[27]. Двойной топор в качестве дифферента часто встречается на монетах Александра Великого и Филиппа III, в том числе и на тетрадрахмах и драхмах — рядом с фигурой Зевса, выпущенных в Тенедосе, Милете, Вавилоне[28]. Еще чаще на монетах этих царей фигурирует дифферент-пентаграмма (монетные дворы Македонии, Абидоса, Колофона, Вавилона, Азии, Востока)[29]. Дифферент в виде магического знака — пентаграммы, вписанной в круг, известен на александровских статерах, отчеканенных на Востоке[30]. Встречается пентаграмма и на серебре Лисимаха[31].

Орнаментация расписной родосско-ионийской посуды VII–V вв. до н.э. включает, в частности, пентаграммы и другие знаки апотропеической солярной, хтонической и прочей символики. Эти значки-обереги, пища и питье из украшенных ими сосудов, по верованиям греков, обретали чистоту и целительную силу[32]. В Северном Причерноморье пентаграмма фигурирует в числе скифских тамг, на амулетах из Березани[33], сосудах с граффити магического назначения (например, из Ольвии[34]). Но, главным образом, изображение пентаграммы связывается с астральной магией и считается солярным символом исцеления и здоровья[35].

На Боспоре получили распространение керамические амулеты-апотропеи с изображением пентаграммы. Так, например, в собрании Керченского историко-культурного заповедника хранятся подобные амулеты, один из которых — с пентаграммой — солярным символом здоровья и исцеления вверен покровительству Аполлона[36], другой помимо пентаграммы содержал также свистку — солярный

---

22 BMC 2, 111, no. 30.
23 BMC 2, 190, no. 322.
24 BMC 17, 176, nos. 1–3.
25 Лабрис на монетах Карии см., например: BMC 18, 11, 25, 99, 184.
26 BMC 18, 99, nos. 1–2; SNG Aulock II 2522–2523.
27 BMC 18, 184, nos. 1–4.
28 Price 1991, nos. 1611, 2074–2076, 2136A-2139, 3753.
29 Price 1991, nos. 87, 1523–1526, 1832–1834, 3658, P36–39, P229.
30 Price 1991, nos. 3996–3997.
31 Price 1991, nos. L22–23, 26–28.
32 Яйленко 2005, 466.
33 Яйленко 2005, 466.
34 Русяева 2010, 172, № 30; 276, табл. 60, 3.
35 Русяева 2010, 172.
36 Яйленко 2005, 466, № 1; 512, рис. 1.

символ движения, силы здоровья, олицетворяемый у греков с Зевсом, Гелиосом, Герой, Артемидой[37]. Пентаграмма часто встречается на керамических изделиях[38].

Поскольку рядом с золотой монетой-подвеской обнаружен лабрис, связанный с культом Зевса-громовержца, можно предположить, что амулет-филактерий с пентаграммой и лабрис были посвящены за исцеление Аполлону и Зевсу (возможно, последнему вместе со связанным с ним Деметрой и их дочерью Корой-Персефоной). Культ аграрных божеств Деметры и Персефоны занимал почетное место на Боспоре, что отражают эпиграфические памятники и обильные археологические свидетельства[39]. В Горгиппии встречаются и граффити М, могущие означать посвящения Великой богини или Матери[40]. Отсюда буква М (если это только не Λ или А) на монете-подвеске может быть связана с культом Великой богини или же с личным именем.

Амулет-апотропей с пентаграммой и лабрис, по-видимому, символизируют идеи исцеления, дарованного Аполлоном или Зевсом, а также, возможно, плодородия, умирания и воскрешения, лежавшие в основе культов Деметры-Коры, Афродиты, Великой богини-Матери. 10-й год правления Асандра, отмеченный на статере, предполагает датировку жертвоприношения временем от начала 30-х гг. до н.э. и позднее, а пентаграмма как солярный символом здоровья может указывать как на покровительство Аполлона и Зевса, так и на владычество Афродиты Урании над небесным сводом. Необходимо заметить и то, что для Северного Причерноморья (и Боспора) в эллинистическую эпоху характерен синкретизм культов Тюхэ, Деметры, Коры и Великой матери[41].

Наконец, следует отметить, что монеты с граффити достаточно известны в античной нумизматике, но на Боспоре мы, кажется, сталкиваемся с таким случаем впервые. Зато на Боспоре имеет место практика использования именно золотых статеров в жертвоприношениях, как в домашних святилищах, так и в храмах. Так, например, при раскопках храма в антах в Пантикапее был найден золотой статер Митридата VI Евпатора 69/68 гг. до н.э.[42]. В Тиритаке, в домашнем сакральном комплексе, связанном с культом Диониса, рядом с антропоморфом, в каменном ящике-алтаре обнаружены золотые статеры Евпатора и Савромата II[43].

Все остальные найденные в боспорских святилищах монеты, как правило, представлены мелкими медными номиналами. На Боспоре монеты — одна из наиболее распространенных форм приношений или жертв, в частности, персонажам хтонического «круга»[44]. Так, например, в фависсе из святилища на Майской горе, рядом с Фанагорией, найдены медные боспорские монеты[45]. Монеты в качестве приношений встречены и в каменных «ларях» из целого ряда боспорских

---

37 Яйленко 2005, 468, № 4; 512, рис. 4.
38 Емец, Чевелев 1995, 21–22.
39 Алексеева 1997, 227–229; Кошеленко 2010, 384–388.
40 Алексеева 1997, 231.
41 Алексеева 1997, 231.
42 Зинько, Аветиков 1996, 71–74; Зинько 2000, 219–221; Абрамзон, Иванина 2010, 114, № 557; 150, табл. VI; 276, табл. 126.
43 Абрамзон, Зинько 2011, 166–179.
44 Масленников 2007, 519.
45 Шелов 1963, 90.

сельских святилищ (у поселений «Полянка»[46], Генеральское-Восточное[47] и др.). Археологический контекст монетных находок иногда позволяет предполагать их некий хтонический смысл[48], иногда причастность к ритуалу освящения зданий при строительстве[49]. Так или иначе, они связаны с сакральным контекстом. Серебряные и медные монеты найдены в местах античных святилищ в Западном, Северо-Западном и Северном Причерноморье: в святилище в г. Айтоска Баня (окрестности Бургаса, Болгария), святилищах Ахилла на о-ве Левка и Тендровской косе, лесном святилище близ селения Верхняя Аутка (в окрестностях Ялты) [50].

Таким образом, и жертвенник на поселении Цемдолинское 1 отражает особенности народной религии, в первую очередь, ее части — апотропеической магии, а также частного почитания и отправления домашних культов. Скорее всего, это достаточно богатое жертвоприношение следует связывать с кругом Аполлона и Зевса (возможно, вместе с Деметрой-Персефоной), или Афродиты Урании, Тюхэ, Кибелы-Афины.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Зинько В.Н. 2011: Золотые статеры Евпатора и Саромата II из раскопок Тиритаки // ПИФК. 4, 166–179.

Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010: Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. II. Киев.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Suppl. 2.

Алексеева Е.М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1913: Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. II, 49–134.

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. 2007: Находка статера Асандра в Северо-Западном Крыму // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург — Гатчина, 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 24–25.

Емец И.А., Чевелев О.Д. 1995: Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // ЭВ. 1, 21–23.

Зинько В.Н. 2000: Понтийские монеты из пантикапейского храма в антах // МАИЭТ. VII, 219–221.

*Зинько В.Н., Аветиков А.А.*1996: Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея // ПИФК. III, 71–74.

Зограф А.Н. 1941: Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 7, 152–160.

Кёне Б.В. 1859: Описание музеума князя В.В.Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, ровно, как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. II. СПб.

Кошеленко Г.А. 2010: Глава 1. Религия и культы // Античное наследие Кубани. Т. II. М., 354–416.

[46] Масленников 2007, 17.
[47] Масленников 2007, 100, 113, 146.
[48] Масленников 2007, 161, 493.
[49] Фролова, Савостина 1998, 140–152.
[50] Зограф 1941, 152–160; Тункина 2002, 453, 461–470.

Люценко Е. Е. 1880: Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России. Рукопись // КБКАМ. I, 581–596.

Масленников А. А. 2007: Сельские святилища европейского Боспора. Тула.

Русяева А. С. 2010: Граффити Ольвии Понтийской // МАИЭТ. Suppl. 8. Симферополь.

Тункина И. В. 2002: Русская наука о классических древностях (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Фролова Н. А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. — середина IV в. н.э. Ч. I-II. М.

Фролова Н. А., Савостина Е. А. 1998: Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1, 140–152.

Шелов Д. Б. 1963: Монетные находки на Майской горе // НЭ. IV, 89–94.

Яйленко В. П. 2005: Магические надписи Боспора // ДБ. 8, 465–514.

Burnett A., Amandry M., Ripolles P.-P. 1992: Roman Provincial Coinage. Vol. I–II. London–Paris.

Frolova N. A., Ireland S. 2002: The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD // BAR International Series. 1102.

Jameson R. 1924: Monnaies grecques antiques and imperiales romaines. Paris. T. 3.

Leschhorn W. 1993: Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien, nördlich des Tauros. Stuttgart.

Nawotka K. 1991–1992: Asander of the Bosporus // AJN. 3–4, 21–48.

Price M. J. 1991: The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus (A British Museum Catalogue). Zurich–London.

Sallet A. von 1886: Beiträge zur Geschichte und Numismatic der des Cimmerischen Bosphorus und Pontus. Berlin.

Sibirskij A. 1859: Catalogue des médailles du Bosphore Cimmerién précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays. SPb.

Tsetskhladze G. R., Kuznetsov V. D. 1997: Phanagoria 1800 years of history on the Black Sea // Minerva. Vol. 8, No. 5, 21–27.

ASAHDER'S GOLD STATER WITH MAGIC GRAFFITO AND A LABRYS FOUND IN THE SANCTUARY AT THE ANCIENT SETTLEMENT OF TSEMDOLINSKOE 1

M. G. Abramzon, D. A. Karpov, N. I. Sudarev

The article is a publication of a gold stater of the Bosporan king Asander (49/48–21/20 BC) recording the 10th regnal year. This coin was discovered under 2013 archaeological excavations of the ancient settlement of Tsemdolinskoe 1 situated in the outskirts of Novorossiysk. The coin–amulet with magic graffito as a pentagram and also a labrys were used like the votives under sacrificing.

Key words: archaeology, the Bosporan Kingdom, Asander, the Settlement of Tsemdolinskoe 1, gold steter, labrys, graffiti, magic, religion

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2013

Н. В. Завойкина

ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРСКОЙ ЭЛИТЫ II–III вв.н.э.: ЮЛИЙ МЕНЕСТРАТ И ХОФРАЗМ, СЫН ФАРГОБАКА*

В статье на основании анализа данных эпиграфики рассматривается просопография двух боспорских аристократов, живших во второй половине II — первой половине III вв.н.э. Первый — Юлий Менестрат, представитель «старой» греческой элиты в царском окружении, пик его карьеры приходится на правление царя Савромата II. Его биография связана с Фанагорией, городом, бывшим родовым «гнездом» семьи Менестрата. Второй персонаж — это Хофразм, сын Форгабака. Он был выходцем из сарматской среды, общины танаитов, в Танаисе. Благодаря своим личным качествам и богатству Хофразм сумел проделать головокружительную карьеру от жреца возрастных сообществ до пресбевта царя Ининфимея в 238–239 гг.

Ключевые слова: Боспорское царство, первые века новой эры, элита, эпиграфика, просопография

Среди имен боспорской элиты первых веков привлекают внимание количеством упоминаемых надписей и примечательными послужными списками два персонажа — Юлий Менестрат и Хофразм, сын Фаргобака. Они жили в разных городах, были выходцами из разных социальных слоев боспорского общества. Поэтому будет интересно проследить cursus honorum каждого из них, выяснить их окружение и возможные родственные связи и найти то, что могло объединять этих, в общем разных, людей.

1. Юлий Менестрат

Юлий Менестрат упоминается в трех разновременных надписях, происходящих из Фанагории[1], Гермонассы[2], Танаиса и поставленных в период правления

Завойкина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: zavoykina@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12–01–00122а. Предлагаемая статья является дополненным и переработанным вариантом двух докладов, тезисы которых были опубликованы в материалах Международной конференции «XII Боспорские Чтения» за 2011 г., а также в материалах международной конференции «XIII Чтения памяти проф. Н. Н. Соколова в Нижегородском государственном университет» за 2012 г.

[1] В работе используется традиционное греческое название города Фанагория, несмотря на его переименование в Агриппию не позднее 12 г. до н.э.

[2] Используем исконное греческое название города, несмотря на существующую версию о переименовании Гермонассы в Кессарию не позднее 12 г.до н.э. Краткий обзор высказанных мнений и гипотез приведен в комментарии к КБН 1051; Яйленко 2010, 282–292.

Савромата II (173/4–210/11). В гермонасской почтенной надписи, вырезанной на постаменте статуи царя Савромата II, он упомянут в военном чине хилиарха (КБН 1049; рис. 1). В надписи 192 г. из Танаиса Юлий Менестрат выступает царским пресбевтом и архикотойнитом (КБН 1243, рис. 2). В почетной надписи из Фанагории, выполненной на постаменте статуи Савромата II[3], Юлий Менестрат упоминается в придворном звании архикойтонита (’αρχικοιτωνείτης)[4]. Итак, надпись на базе царской статуи из Фанагории оказывается стоящей в одном ряду с почетными надписями, сделанными на базах статуй царей или императоров (КБН 40, 44, 46, 52, 53, 54, 55, 59 и др.). В. Д. Кузнецов реконструировал по оставшимся углублениям на постаменте вероятный облик царской статуи: она стояла, опершись на левую ногу, тогда как правая опиралась на носок, была согнута в колене и отставлена назад; правой рукой царь держался за какой-то предмет (посох или копье)[5]. Из надписей очевидно, что Юлий Менестрат исполнял в разное время обязанности хилиарха, царского превсбевта и архикойтонита (главного царского постельничего). В.Д.Кузнецов предлагает следующую хронологию трех документов с упоминанием Юлия Менестрата, основанную на иерархии занимаемых их должностей и званий[6]: первой была поставлена гермонасская почетная надпись, в которой Юлий Менестрат упоминается в чине хилиарха (КБН 1049); вторая надпись — эта фанагорийская почетная надпись[7], в ней Юлий Менестрат упоминается в придворном сане архикойтонита; последней оказывается танаисская строительная надпись 192 г., в которой нашей герой назван царским пресбевтом и архикойтонитом (КБН 1243). Из этого следует, что Юлий Менестрат воздвиг статую царя Савромата в Фанагории в период где-то между 173/4–192 гг. Однако существующая датировка фанагорийского постамента не бесспорна, есть основания сузить её, а также предложить причину установки Юлием Менестратом памятника царю Савромату II. Статусные и смысловые отличия между придворным званием архикойтонита и государственными должностями хилиарх, превсбевт царя в Танаисе вполне очевидны. Поэтому при рассмотрении датировки новой почетной надписи следует учитывать, что Юлий Менестрат мог быть освобожден с занимаемых государственных постов, но при этом сохранить придворное звание.

В этой связи привлекает внимание посвятительная надпись из Танаиса 193 г. (КБН 1237). В ней утрачена верхняя часть, которая, судя по содержанию надписи,

---

[3] В публикации надпись обозначена как посвятительная (Кузнецов 2006, 161, надпись № 2). По всей видимости, это техническая ошибка, поскольку публикуемый документ должен быть отнесен к разряду почетных надписей. В заключительной строке текста прямо говорится, что памятник поставлен «почета ради» (τειμῆς χάριν), что не свойственно посвятительным надписям.

[4] Кузнецов 2006, 161–172.

[5] Кузнецов 2006, 166.

[6] Кузнецов 2006, 168: «Статуя царя посвящена неким Юлием Менестратом, который занимал высокую придворную должность главного постельничего. В надписи, которая датируется 192 г. н.э., по всей видимости, тот же самый Юлий Менестрат назван главным постельничим и превсбевтом Савромата II в Танаисе (КБН 1243). Еще в одной надписи, происходящей из Гермонассы, говорится о том, что Юлий Менестрат поставил статую Савромату 2 (КБН 1049). Здесь он назван хилиархом. Должности царского превсбевта и архикойтонита выше должности хилиарха, которые Юлий Менестрат получил не позднее 192 г. Поэтому надпись из Гермонассы должна относиться к более раннему времени, чем КБН 1243. Соответственно новая фанагорийская надпись позднее гермонасской».

[7] Кузнецов 2006, надпись 2.

должна была открываться именем и титулатурой царя Савромата II[8]. Этот памятник поставлен от имени Зенона, сына Зенона, внука Дада, который «был отправлен царем в эмпорий: …᾽εκπεμφθεὶς ῾υπὸ τοῦ βασιλέως εἰς τὸ ᾽εμπόριον...» (КБН 1237, стк. 13–14;). В надписи КБН 1237 для описания назначения Зенона использован глагол ᾽εκπέμπω. Пока это единственный пример[9]. Юлий Местрат в строительной надписи 192 г.[10] также не назван прямо «πρεσβευτής» (ср. КБН 1241), его государственный пост определяется аористным причастием πρεσβεύσαντος (от πρεσβεύω. Таким образом, мы располагаем тремя различными словами для обозначения должности царского посла. Имеются ли смысловые различия в употребление глаголов ᾽εκπέμπω и πρεσβεύω? Первый глагол может использоваться в значении «посылать, отправлять в качестве официального представителя»[11]. Одним из основных значений существительного πρεσβευτής является «официальный представитель, посланник какого-то лица, государства»[12], а значение глагола πρεσβεύω — «выступать официальным посланником, представителем»[13]. Очевидно, что все три слова использовались в надписях как взаимозаменяемые по смыслу для передачи названия официальной должности «царский посланник в Танаисе» (᾽εκπέμπω, πρεσβευτής, πρεσβεύω)[14], поэтому нет необходимости искать существенные отличие между должностными полномочиями Юлия Менестрата в надписях КБН 1237 и КБН 1243.

Примечательно, что в документе 193 г. упоминается уже другой царский посол в Танаисе — Зенон, сын Зенона, внук Дада, в отличие от надписи 192 г. из Танаиса (КБН 1243), в которой, как уже говорилось, эту должность исполнял Юлий Менестрат. Календарные даты в обеих надписях полностью сохранились. Посвятительная надпись 193 г. в честь военных побед Савромата II была поставлена в 490 г.б.э. 1-го числа месяца Дистра, по современному летоисчислению это случилось 18 марта 193 г. [15]. Строительная надпись КБН 1243 поставлена в 489 г.б.э. 1-го числа месяца Лоя, что соответствует 19 августа 192 г. Таким образом, временной разрыв между установкой надписей — 6 месяцев. Итак, в августе 192 г. пресбевтом в Танаисе был Юлий Менестрат, архикойтонит (КБН 1243), а в марте 193 г. эту должность исполнял уже Зенон, сын Дада. Приведенный хронологический анализ надписей позволят считать, что к 18 марту 193 г. Юлий Менестрат уже сложил обязанности царского превсбевта. В результате складывается версия, отличная от предположения В.Д.Кузнецова: Юлий Менестрат сложил полномочия царского пресбевта в Танаисе к марту 193 г. (КБН 1237), но, сохранив придворное звание архикойтонита, возвращается в Фанагорию из дальней провинции, где устанавливает статую царя Савромата II. По всей видимости, это событие могло произойти не ранее зимы 193 г.

В свою очередь возникают закономерные вопросы: почему Юлий Менестрат возвращается именно в Фанагорию и здесь устанавливает царскую статую, а не в

[8] Подробно об эпитетах царской титулатуры Савромата II: Кузнецов 2006, 166–167, 169–170.
[9] Ср. КБН 1241, 1243, 1245, 1246, 1248, 1249, 1250, 1252.
[10] КБН 1243, стк. 4–5.
[11] LSJ, s.v., III.
[12] LSJ, πρευβεύς.
[13] LSJ, πρεσβεύω.
[14] Об этом писали и прежде: Книпович 1949, 94.
[15] Бикерман 1975, 44–45.

Пантикапей? Ведь последний вариант был бы более уместным для придворного такого ранга. Мраморный постамент статуи Савромата II из Фанагории отличается парадным обликом — об этом говорят высокое качество исполнения надписи, украшенной изображением двух листочков в 1-ой строке, а также рельефа быка, передающий напряженное состояние животного (цв. вкл. 14, рис. 1)[16]. Этот рельеф является пока уникальным для региона Боспора Киммерийского[17]. Версия о парадном облике или, можно сформулировать иначе, возведении памятника по какому-то особому случаю находит подтверждение при сопоставлении фанагорийского постамента с тождественными памятниками из других боспорских городов. Так, сравнение фанагорийского постамента с аналогичным памятником, возведенным Юлием Менестратом, хилиархом, в Гермонассе (КБН 1049), подтверждает тезис о парадном облике памятника из Фанагории[18]. Постамент из Гермонассы представляет собой обычную прямоугольную базу статуи, фронтальная сторона которой заполнена почетной надписью, без каких-либо рельефов[19]. Другой пример — это мраморный постамент статуи царя Савромата I, воздвигнутой в 117 г. синодом «молодых Никейцев» в Пантикапее (КБН 44). Этот памятник по форме и характеру близок рассматриваемому, вверху он украшен профилированным карнизом, который сохранился частично. Внешний облик этого постамента и надпись показывают, что этот памятник лишен той парадности, которая свойственна фанагорийскому памятнику Юлия Менестрата. Аналогичное заключение напрашивается и при изучении базы статуи императора Каракаллы, воздвигнутой Савроматом II в 201 г.[20], а также других баз статуй боспорских царей[21]. Итак, очевидно отличие облика постамента из Фанагории от других баз царских статуй на Боспоре. Этот факт порождает вопрос о причине возведения дорогой, а в этом не приходится сомневаться, парадной царской статуи придворным высокого ранга в азиатской столице боспорских эллинов. Пролить свет на этот вопрос помогает, как кажется, рельеф быка. В.Д.Кузнецов определил его как изображение жерт-

[16] Мастер передал это состояние через изображение растопыренных в стороны прямых ног быка, склоненную вниз к ноге голову, прижатые уши и раздутые ноздри, напряженную спину и изогнутый хвост. В боспорском искусстве первых веков найдется немного подобных рельефов: Соколов 1999, 374–389.

[17] Размеры постамента нельзя назвать выдающимися, поскольку известны экземпляры несколько крупнее, как, например, мраморная база статуи Савромата I (CIRB-Album, 44) или мраморный постамент статуи Рескупорида, сына Савромата II (CIRB-Album, 55). Размеры постаментов можно найти также в описании каменей, на которых вырезаны надписи КБН 44 и КБН 55.

[18] Несмотря на многочисленные повреждения, мраморный постамент царской статуи из Гермонассы сохранился почти полностью (CIRB-Album N 1049). Тем удивительнее выглядит тот факт, что календарная дата установки этого памятника в надписи отсутствует: в 7-й стк. после ἐν τῶι следует пустое, отполированное поле размером не менее 9–10 букв. Предположение, что 8-я строка с указанием года, месяца и дня возведения памятника оказалась отбитой, невозможно из-за размеров постамента. Очевидно, что по какой-то причине Юлий Менестрат предпочел оставить незаполненным поле с указанием точной даты установки памятника или, что также нельзя исключать, царская статуя так и не была установлена.

[19] CIRB-Album, 1049.

[20] Верхняя часть постамента с надписью КБН 52 профилирована, по углам карниза помещены акротерии, в центре расположен рельефный щиток. Облик этой базы для статуи в общем выглядит типичным и хорошо известен для тождественных памятников из провинциальных городов Римской империи. Судя по сохранившимся остаткам карниза на постаменте с надписью КБН 44, он мог выглядеть приблизительно так же, как и постамент под статую Каракаллы.

[21] CIRB-Album, 53, 54, 55, 59.

венного быка, о чем свидетельствуют венок, надетый на его туловище, и кольцо, к которому привязано животное[22]. Собственно, подобное предположение не вызывает возражений, поскольку оно подкреплено рядом аналогий. Но каждый памятник следует рассматривать в тех конкретно-исторических условиях, которые были питательной средой для его создания. В связи с этим остается неясным, зачем на парадном постаменте статуи царя Савромата II с почетной надписью, в которой проступает особый «восточный» пиетет царедворца по отношению к своему повелителю, изображен жертвенный бык. Если принять предлагаемую датировку надписи периодом примерно не позднее зимы 193 г., а также учесть парадный облик постамента можно попытаться найти ответ на вопрос о причине установки статуи царя. Из посвятительной надписи марта 193 г. из Танаиса (КБН 1237) известно о блистательных победах Савромата II в конце 192 г. — начале 193 г. Одним из результатов этих побед стало присоединение к боспорским владениям по договору Таврики[23]. В результате Боспорское царство стало обладателем большей части юго-западного Крыма.

Есть ли основания отождествлять изображение быка на базе статуи Савромата II и область Таврику[24]? Как кажется, для подобного вывода есть основания. О происхождении этнонима «тавры» нет единого мнения[25]. Интересной представляется точка зрения Э. И. Соломоник о происхождении этнонима «тавры» от оронима «Тавр» — греческого названия горного хребта в Малой Азии[26]. Никандр Колофонской, автор II в. до н.э., в сочинении «Превращения», сохранившегося фрагментарно у Антонина Либералия, пересказывая миф об Ифегении в Тавриде, приводит интересную для нас мифологему: «Но Артемида вместо Ифегении представила к алтарю теленка, а ее унесла весьма далеко от Эллады, на так называемый Эвксинский Понт к Фоанту, сыну Борисфена, и туземный кочевой *народ назвала таврам (быками)*, потому что, вместо Ифегении представила к алтарю бычка, а ее — *именем Тавропoлы* (т.е. Волопаски)…»[27]. А. С. Русяева отмечает, что в основе мифологического рассказа Никандра лежит трагедия Еврипида, в значительной мере измененная с учетом новых веяний и каких-то местных храмовых легенд[28]. В приведенной цитате, как представляется, ясно просматривается зафиксированное Никандром восприятие греками жертвенного быка как образа

[22] Кузнецов 2006, 126, прим. 23.

[23] См., например, КБН, comment ad 1237.

[24] По мнению исследователей, тавры ко II в. до н.э. были полностью ассимилированы скифами и на основании этого этнокультурного симбиоза образовалась позднескифская археологическая культура (Буйских, Зубарь, Кравченко, Русяева 2005, 228–229). В первые века новой эры остатки тавров обитали в горной части Таврики и занимались пиратством (Буйских, Зубарь, Кравченко, Русяева 2005, 234 сл.).

[25] Краткий очерк этнической истории тавров: Храпунов 1995, 9–28. Обзор гипотез о происхождении этнонима «тавры»: Бондаренко 2010, 6–8.

[26] Бондаренко 2010, 7. Восприятие тавров как диких варваров сохранилось у многих античных авторов, которые акцентировали внимание на их жестокости, буйном нраве и человеческих жертвоприношениях: Herod. IV. 103; Ps.-Scym. 68; Diod. Syc. III. 43; Pomp.Mel. II.11 и др. В настоящее время можно считать доказанным, что в силу любви к мифам и желания приукрасить свои сочинения необычными историями некоторые древние историки пересказывали не всегда соответствующие реальности предания о таврах: Буйских, Зубарь, Кравченко, Русяева 2005, 51–52.

[27] Ant. Lib. Met. coll., 27; перевод: Латышев 1947а, 216–217.

[28] Русяева 2005, 88. О культе Артемиды Таврии и его политических истоках см.: Русяева 2005, 86–93.

тавров. В нумизматике Херсонеса Таврического известно изображение «бодающегося быка» на разных монетных номиналах, начиная с рубежа IV–III вв. до н.э. и до конца античной эпохи[29]. Обычно воспроизводились определенные монетные типы: на лицевой стороне изображалась Артемида Парфенос (голова божества в профиль или же её статуя, держащая подстреленную лань), а на оборотной — бодающийся бык[30]. Херсонесские монеты тип «Артемида Парфенос — бодающийся бык» являются одним из бесспорных образцов «религиозного» типа монетных легенд. Изображения на реверсе таких монет выступали, по определению А. Н. Зографа, дифференцирующим признаком, поскольку античные монетарии чеканили на обороте монеты животных или неодушевленные предметы, выступающие атрибутом божества, изображенного на лицевой стороне[31]. Поэтому изображения на оборотной стороне монет служат эмблемами, гербами городов, их отличительными признаками[32]. Таким образом, «бодающийся бык» на монетах Херсонеса выступает сакральным животным в культе Артемиды Парфенос — покровительницы и заступницы общины херсонеситов[33]. Этот образ представляет не столько городскую эмблему, которую в течение столетий воспроизводили на монетах, сколько Таврику, населенную враждебными полису племенами тавров, на землях которых располагался Херсонес[34]. В конечном счете, сказанное позволяет провести религиозно-политические, смысловые и художественные параллели между топонимом ἡ Ταυρική и изображением быка на постаменте царя-победителя из Фанагории. Поэтому возможна следующая трактовка рельефа: склонившийся бык, опоясанный венком, символизирует победу над Таврикой, поэтому бык изображен покорным, а не бодающимся[35]; кольцо и тянущаяся от него к шее быка веревка может рассматриваться не только как атрибуты жертвенного акта, но и как близкие по смыслу художественные приемы для передачи образа побежденного врага.

Итак, можно предложить следующую интерпретацию рассматриваемого памятника: Юлий Менестрат почтил военные победы царя Савромата II в Таврике установкой статуи правителя в Фанагории не позднее зимы 193 г., когда он уже был освобожден от должности царского посла в Танаисе. Факт возведения царской статуи в азиатской столице царства указывает на известность Юлия Менестрата в этом городе и вероятность проживания в нем. Особые отношения этого

[29] Зограф 1951, 147–148, 153, 158.

[30] Зограф 1951, 147–148, 153, 158; Анохин 1986, каталог монет № 8, 23, 200, 201 и др. О культе Артемиды Партенос в Херсонесе: Русяева 2005, 262–286.

[31] Зограф 1951, 58.

[32] Зограф 1951, 58.

[33] По мнению исследователей, херсонесские монетарии заимствовали образ бодающегося быка из монетной символики Гераклеи Понтийской, метрополии Херсонеса Таврического: Зограф 1951, 147; Анохин 1986, 19–20. Отмечу, что нередко бык изображался и с другими дифферентами, в частности, с палицей Геракла: Анохин 1986, каталог № 107–118, 147, 148 и др. Однако изображение палицы носит как бы подчиненный характер, оно меньше по размерам и занимает нижнее поле монетной стороны, тогда как бык изображен крупно и занимает почти все поле монеты. Существует также мнение, что бык на монетах символизирует богатые жертвоприношения общины херсонеситов: Шевченко 2011, 478.

[34] Буйских, Зубарь, Кравченко, Русяева 2005, 52. О взаимоотношениях Херсонеса и тавров см., например: Даниленко 1993, 235–238; Буйских, Зубарь, Кравченко, Русяева 2005, 53–56, 226–235.

[35] Венок на туловище быка в данном контексте следует понимать как символ победы.

боспорского аристократа с царем отразились в эпитетах, которыми он наделил Савромата II, называя его своим богом и господином (КБН 1043; Кузнецов, 2006, надпись № 2). Подобными эпитетами больше никто из подчиненных не именовал правящих боспорских царей (КБН 44, 53, 56 и др.). Принадлежность Юлия Менестрата в боспорской элите, по крайней мере, последней трети II в. порождает версию о его принадлежности к одному из аристократических родов царства. Поэтому небезынтересно рассмотреть вопрос о возможных родственных связях Юлия Менестрата. Обращает внимание то, что, по крайней мере, с правления Аспурга имя Менестрат числится в ономастиконе боспорской аристократии. Почетная надпись КБН 40, поставленная около 23 г., показывает, что такое же имя и отчество носил первый из известных царских наместников острова, то есть территориально-административного региона, центром которого была Фанагория. Резиденция наместника острова располагалась также в Фанагории[36]. Имя Менестрат было популярно среди танаисской знати, часть которой после разгрома города в середине III в. перебралась в Пантикапей[37]. В списке аристопилитов царя Тирана имя «Менестрат» встречается 7 раз (КБН 36). О возможности родства, пусть даже не прямого, между Менестратом, сыном Менестрата, наместником острова при царе Аспурге, и Юлием Менестратом, хилиархом, царским пресбевтом и архикойтонитом, свидетельствует три факта. Во-первых, одинаковое имя — Менестрат. В традиции аристократических семей в античности было называть детей и внуков в честь известных предков, родоначальников семьи. Второй факт — родовой имя Юлий, которое носит Менестрат архикойтонит, предоставлялось иностранцам в правление династии Юлиев[38]. Третий факт — высокое положение этих людей в боспорском обществе в разные временные периоды. Таким образом, можно предположить принадлежность Юлия Менестрата к знатному аристократическому роду Боспора первых веков, связанного с Фанагорией в первые века новой эры?

2. Хофразм, сын Фаргобака

В отличие от столичного аристократа Юлия Менестрата, Хофразм, сын Фаргобака жил в небольшом городке Танаис на северо-восточной окраине Боспорского царства примерно в первой половине III в. Он упоминается в восьми надписях (КБН 1278, 1279, 1245, 1246, 1248, 1250, 1252; Болтунова 1968, 44–55). Впервые мы встречаем имя Хофразма в посвящении синода Бога высочайшего 220 г. в звании жреца (КБН 1278). В 225 г. другой синод Бога высочайшего ставит своему божественному покровителю посвящение по обету, возглавлял синод в звании жреца Хофразм, сын Форгабака (КБН 1279). Имя Хофразма также упоминается в трех строительных надписях (КБН 1245, 1246, 1248). Надписи КБН 1246 и КБН

[36] В пользу этой версии свидетельствуют три надписи с упоминанием наместника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου): КБН 982, 1000, Кузнецов 2007, надпись 1. Надгробие КБН 697 свидетельствует только, что наместник острова Ульпий Антимах похоронил свою супругу в одном из склепов Пантикапея.

[37] Завойкина 2008, 102–105. Не исключено, что популярность имени Менестрат среди танаисской знати рассматриваемого периода является отражением покровительственных и отчасти товарищеских отношений царского легата Юлия Менестрата и отцов/дедов танаитов, носивших имя Менестрат.

[38] Этот факт был уже подмечен Л. А. Мацулевичем (1941, 71 сл.).

1248 идентичного содержания, различает их только материал, на котором они вырезаны: надпись КБН 1246 выполнена на известняковой плите, а надпись КБН 1248 — на мраморной. Надпись КБН 1245 поставлена в 220 г., в остальных двух календарные даты не сохранились. Судя по упоминанию в этих трех документах в эпонимной формуле наряду с именем царя Рескупорида, сына Савромата II пресбевта царя Зенона, сына Фана и эллинарха Басилида, сына Феоника, их датировка не должна сильно отличаться. Исходя из общегреческой практики, срок деятельности полисных магистратов ограничивался обычно 1 годом, поэтому не будет ошибкой думать, что надписи КБН 1246 и 1248 поставлены немного позднее надписи 220 г. (КБН 1245), в пределах 1–2 лет. Д. Б. Шелов аргументировано обосновал версию, что надписи КБН 1246 и КБН 1248 были изготовлены одновременно, но выставлены в разных частях города[39]. Соответственно, временной разрыв между ними незначительный. В строительной надписи 229 г. Хофразм, сын Форгабака выступает эвергетом родного полиса, оплачивает ремонт городских ворот и стены[40]. В 236 г., судя по надписи КБН 1250, Хофразм исполнял обязанности царского пресбевта в Танаисе. Д. Б. Шелов предположил, что надпись КБН 1250 была поставлена вскоре после назначения Хофразма на высокую должность пресбевта, поскольку существует другая надпись 533 г.б.э. (=236 г.), поставленная несколько раньше, в которой в должности пресбевта царя упоминалось другое лицо (КБН 1249). Имя его не сохранилось на камне, но вычитывается начало должности в царской администрации — ὁ ἐπὶ τή[ς βασιλείας] и окончание отчества на — νος, явно не принадлежащее имени Форгобак (Φοργοβάκου), отца Хофразма. В надписи КБН 1252, поставленной позднее документа КБН 1250, но в пределах правления царя Ининфимея (236–239 гг.), Хофразм в должности пресбевта царя опять-таки выступает эвергетом родного полиса и восстанавливает городские ворота[41].

Личность Хофразма вызывала интерес у исследователей. Первой описала его cursus honorum Т. Н. Книпович[42], ее выводы были уточнены Д.Б. Шеловым[43]. В итоге было сформулировано следующее представление о нем: Хофразм был выходцем из местной, варварской среды, и принадлежал к числу полисной элиты. Он был человеком богатым, влиятельным и смог достичь одной из высших ступеней в карьере в границах родного полиса — стать царским послом в Танаисе при царе Ининфимее. Прошло достаточно времени со времени написания этих кратких очерков о карьере Хофразма, сына Форгобака, а появление новых исследований и гипотез позволяет уточнить и расширить не вызывающие в целом возражений представления о cursus honorum Хофразма. В частности, остаются нерассмотренными вопросы о возможной этнической идентификации Хофразма, о причине руководства им синодов, впрочем, остается неясным и тип этих частных сообществ.

Имя и отчество нашего героя указывают, что он был выходцем из местной, сарматской среды. К такому заключению пришел Д. Б. Шелов, опиравшийся на исследования специалистов по древнеиранскому языку при анализе ономастико-

[39] Шелов 1972, 47 сл.
[40] Болтунова 1968, 46–47.
[41] КБН 1252. Дополнительные сведения и корректировка чтения: Болтунова 1965, 82, надпись 4.
[42] Книпович 1949, 94–95.
[43] Шелов 1972, 262–263.

на Танаиса[44]. Комплексное исследование источников по социально-политической истории Танаиса 2 — первой половины III в. позволило высказать следующую гипотезу: несколько сарматских кланов, а их было не меньше четырех, были подселены не ранее середины — третьей четверти II в. в этот небольшой город по велению правящего монарха, вероятно, Евпатора или Савромата II, и организованы в равноправную с эллинами политевму танаитов, которую возглавляла первоначально коллегия архонтов танаитов[45]. С этого периода представители этих кланов играют заметную роль в социально-политическом развитии Танаиса. По предположению Книпович и Шелова, впервые Хофразм, сына Форгобака, возможно, упоминается в звании парафилагата в посвятительной надписи КБН 1277, поставленной в правление Савромата II[46]. В 7 стк. этого документа ясно вычитывается [π]αραφιλάγαθο[ν] - - - - ιον Φορ[γ]αβά[κου][47]. Очевидно, что реконструкции имени Хофразм в винительном падеже Χοφράσμον препятствует сохранившаяся йота или простая вертикальная черта от предыдущей буквы перед аккузативной флексией[48]. Таким образом, вопрос о возможной реконструкции имени Хофразма, сына Фаргобака в надписи КБН 1277 снимается, в должности парафилагата в ней назван какой-то другой сын Фаргобака, не исключено, что родственник Хофразма, возможно, брат.

Итак, первые очевидные свидетельства о деятельности Хофразма приходится на 220 г. и 225 г. (КБН 1278, 1279). Это два посвящения синодов Бога высочайшего, которые Хофразм возглавляет в звании жреца. Упоминание среди членов правления этих синодов званий гимнасиарха и неанискарха позволяет относить их, с учетом аналогий из полисов Малой Азии синхронного времени, к группе возрастных сообществ, организованных взрослыми мужчинами[49]. Жрец, как показывают многочисленные надписи, выступал руководителем боспорских частных сообществ. Возрожденные Августом в греческих городах Востока возрастные сообщества являлись частью гражданской структуры полиса[50]. Известно, что в возрастных сообществах Пантикапея и Танаиса принимали участие только свободные полноправные жители этих полисов, в этом состоит их существенное отличие от аналогичных объединений в городах Малой Азии[51]. Одной из важных черт деятельности возрастных сообществ в греческих городах первых веков было участие в общественной и отчасти в политической жизни полиса, например, выступление на городских праздниках, в частности, в честь божества-покровителя[52]. Таким образом налаживались отношения и устанавливались разного рода связи между руководством сообщества и администрацией города, государственными чиновниками. Следовательно, для Хофразма руководство синодами Бога высочайшего

[44] Шелов 1974, 80–93.
[45] Шелов 1972, 265 сл.; Завойкина 2004, 167–168.
[46] Книпович 1949, 94; Шелов 1972, 262 сл.
[47] CIRB-Album, 1277.
[48] Эта вертикальная гаста не может относиться к остаткам буквы мю, поскольку в надписи КБН 1277 мю имеет слегка вогнутые, наклонные боковые линии (CIRB-Album, 1277). Скорее всего, сохранившаяся вертикаль принадлежит, как и предложено в КБН, йоте.
[49] Завойкина 2007, 299–314.
[50] Свенцицкая 1985, 53–55.
[51] Завойкина 2003, 125–126; 2007, 303–306.
[52] Сергеев 1938, 506–508.

являлось существенной вехой в его политической карьере: он обретал не только друзей, единомышленников и сторонников, которые поддерживали его, но также налаживал вертикальные связи с представителями центральной власти и повышал свой статус не только среди сородичей, но и внутри гражданского коллектива. Таким образом, руководство синодами следует рассматривать как одну из важных ступеней в политической карьере Хофразма. О важности этого этапа в его карьере свидетельствует тот факт, что спустя пять лет, в 225 г., он опять возглавил синод взрослых мужчин. В том же 220 г. наряду со званием жреца синода Бога высочайшего Хофразм также упоминается в списке важных чиновников города, правда, без указания должности. Местоположение имени Хофразма, сына Форгобака в трех строительных надписях КБН 1245, 1246, 1248 выглядит примечательным. Так, в надписи КБН 1245 он упомянут в эпонимной формуле, после имени царского посла и «коллегии» архонтов танаитов, но перед именем эллинарха Танаиса; в надписях КБН 1246, КБН 1248 Хофразм назван уже сразу после имени царского пресбевта перед именем эллинарха. В двух последних документах архонты танаитов не упоминаются. Примечательно, что после 220 г. имена архонтов танаитов в строительных надписях Танаиса не встречаются, их замещает имя нашего персонажа. Исследователи обращали внимание на специфическое местоположение имени Хофразма в этих трех строительных надписях и связывали это с особым социально-политическим статусом Хофразма в полисе[53]. А.И. Болтунова полагала, что рост могущества Хофразма напрямую зависел от роста его богатства[54]. Не оспаривая эти правомерные наблюдения, отметим, что в указанных надписях просматривается нарастание политической силы и административного ресурса Хофразма, которые и привели к тому, что он стал выступать, по всей видимости, как основной представитель общины танаитов в администрации города. Пиком карьеры Хофразма стало его назначение на должность пресбевта царя Ининфимея в Танаисе. Эта должность была высшей в административной иерархии региона Нижнего Дона в первой половине III в. Это событие пришлось на 236 г. (КБН 1250, 1252)[55]. Назначение на важный государственный пост богатого выходца из эллинизированной сарматской семьи отражает серьезные изменения, происходившие в Боспорском государстве в 30-е годы III в. Нарастание военной нестабильности на Нижнем Дону, а также развивающийся экономический кризис заставили царя изменить традиции назначать пресбевтов в Танаисе из числа своих придворных или должностных лиц, действовавших до этого в центральной администрации: на эту должность был избран представитель из среды местной знати.

А.И. Болтунова высказала предположение, что Хофразм, сын Форгобака имел двоих сыновей: Саванона, сына Хофразма — неанискарха синода Бога высочайшего 225 г., в котором жрецом выступает сам Хофразм, сын Форгобака (КБН 1279); и Евнона, сына Хофразма — участника «фиаса братьев» 230 г. (КБН 1284)[56]. Принимая это предположение А.И. Болтуновой, можно приблизительно

[53] Книпович 1949, 95.

[54] Болтунова 1968, 49–45.

[55] В посвятительной надписи КБН 1249, поставленной в 236 г., но несколькими месяцами раньше, чем надпись КБН 1250, в должности царского пресбевта упоминается другое лицо. Имя его не сохранилось на камне, но вычитывается окончание отчества на –νος и начало должности в царской администрации ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας.

[56] Болтунова 1968, 51.

определить годы жизни Хофразма. К 225 г. его старший сын Саванон был уже взрослым человеком, видимо, не младше 20 лет, о чем говорит его участие в возрастном сообществе, синоде почитателей Бога высочайшего. А второй сын достиг, скорее всего, этой возрастной категории (молодой мужчина) к 230 г. В 220 г. Хофразм в звании жреца возглавлял частное сообщество, и очевидно, что к этому времени он уже вышел за пределы возраста молодого человека, успел «наработать» авторитет и выстроить некоторые из необходимых ему для достижения высоких постов социальные связи. Соответственно, в период между 220–225 гг. Хофразму было не менее 35–40 лет. Исходя из этого, можно предположить, что Хофразм родился примерно в 80-е годы II в., и к 236 г., когда он получил пост царского наместника в регионе (пресбевта царя), ему было больше 50 лет. Сказать что-либо определенное о его предполагаемом брате пока источники не позволяют. Исходя из предполагаемых годов жизни Хофразма, можно думать, что его отец Фаргобак жил во второй половине II — начале III в. Он, вероятно, входил в число сарматских наемников, подселенных в Танаис по царскому распоряжению после разгрома города в середине II в.[57] Возможные годы жизни сыновей Хофразма приходятся на период не ранее первого десятилетия III в. и до середины — третьей четверти III в. Однако сведения о них исчерпываются упоминаниями их имен в двух надписях частных сообществ.

Семья Хофразма сына Фаргобака:

Фаргобак

(вторая половина II в. — начало III в.)

↓↓

Саванон Евнон

(неанискарх, 225 г.) (фиасот, 230 г.)

Итак, мы рассмотрели на основании имеющихся источников просопографию двух разных по происхождению и по положению представителей боспорской элиты римского времени. Юлий Менестрат выступает как представитель старой, условно говоря, эллинской аристократии в царском окружении. Его знатное происхождение послужило ему хорошим базисом для успешной карьеры при царе Савромате II. Юлий Менестрат исполнял различные государственные должности в разных городах. Особый пиетет к царю, выразившийся в ярких эпитетах, отражает не только соблюдение правил церемониала обращения к владыке в публичном документе, но и показывает Юлия Менестрата как опытного царедворца, умело лавировавшего в изменчивой атмосфере царского двора. Ведь подобострастные выражения, зафиксированные надписями, подчеркивали личную преданность владыке и выступали одним из очевидных способов поддержания административно-политического долголетия Юлия Менестрата. Ярким образцом социальной мобильности в границах провинциального даже по боспорским меркам города является просопография Хофразма, сына Форгабака. Негрек, потомок варваров-сарматов, он сумел сделать успешную карьеру и достигнуть высшей должности в царской администрации в регионе Танаиса. Он выступает представителем «но-

[57] Завойкина 2004, 175–182.

вой» боспорской аристократии, негреческие корни который очевидны. Одним из залогов успешной карьеры в чужеродной среде, которой выступал для сарматов греческий город с его особыми традициями в социально-политической и социально-религиозной сферах, было умение варваров адаптироваться в нем. Поэтому эллинизация, то есть восприятие негреком языка и некоторых культурно-бытовых норм поведения и образа жизни эллинов, являлась для них эффективным инструментом проникновения и закрепления в различных сферах жизни греческого города. Пример карьеры Хофразма, сына Форгобака, начавшего свой карьерный взлет с должности жреца возрастного религиозного сообщества, явления, порожденного особенностями корпоративной организации полиса, служит прекрасным подтверждением этому.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Херсонеса. Киев.

Болтунова А. И. 1968: Новая строительная надпись из Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / В.Ф.Гайдукевич (ред.). Ленинград, 46–55.

Буйских А. В., *Зубарь В. М.*, *Кравченко Э. В.*, *Русяева М. В.* 2005: Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н.э. Киев.

Даниленко В. Н. 1993: Херсонес и тавры Гераклейского полуострова // МАИЭТ. 3, 233–238.

Завойкина Н. В. 2003: Частные сообщества Пантикапея в первые века н.э. // ДБ. 6, 120–137.

Завойкина Н. В. 2004: Ταναεῖτα в истории Боспорского царства // ДБ. 7, 163– 198.

Завойкина Н. В. 2005: Об одном последствии готского разрушения в середине III в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. (Материалы VI международной конференции). Керчь, 102–105.

Завойкина Н. В. 2007: Частные сообщества Танаиса (104–244 гг.) // ПИФК. 17, 315–323.

Завойкина Н. В. 2011: «Tauros» для Савромата II Боспорского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. (Материалы XII международной конференции). Керчь, 125–131.

Завойкина Н. В. 2012: О варварах в боспорских городах во 2 - 3 вв. (на примере об одной карьеры) // XIII Чтения памяти проф. Н.Н.Соколова. Материалы международной конференции. Нижний-Новгород, 101–103.

Зограф Н. А. 1951: Античные монеты. МИА. 16.

Книпович Т. Н. 1949: Танаис. М.

Кузнецов В. Д. 2006: Новые надписи Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.

Кузнецов В. Д. 2007: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.

Латышев В. В. 1947: Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 3, 149–229.

Мацулевич Л. А. 1941: Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // ВДИ. VII, 61–79.

Русяева А. С. 2005: Религия понтийских эллинов античную эпоху. Киев.

Сапрыкин С. Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в.н.э. // ВДИ. 2, 45–81.

Свенцицкая И. С. 1985: Роль частных союзов в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 4, 43–61.

Сергеев В. С. 1938: Очерки по истории Древнего Рима, часть II. Империя. М.

Соколов Г. И. 1999: Искусство Боспорского царства. М.

Храпунов И. Н. 1995: Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь.

Шевченко Т. М. 2011: Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. Кіев.

Шелов Д. Б. 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Яйленко В. П. 2011: Тысячелетний боспорский рейх. М.

ON THE HISTORY OF BOSPORAN ELITE OF 2nd — 3rd CENTURIES AD: JULIUS MENESTRATUS AND KHOPHRASM, THE SON OF PHARGOBACUS

N. V. Zavoikina

The paper, based on epigraphy data, considers prosopography of two Bosporan aristocrats who lived in the second half of 2nd century — first half of the 3rd century AD. The first one is Julius Menestratus, the representative of the old Greek elite of the king's milieu. The reign of king Sauromates II witnessed the peak of his career. His life is connected with Phanagoria, a native place of Menestratus family. The second one personage is Khophrasmus, the son of Phorgabacus. He was a Sarmatian by birth from the Tanaites community in Tanais. He made a brilliant career due to his personal qualities and wealth, first as a priest of age communities and finally as King Ininthimeus's presbeut in AD 238–239.

Key words: Bosporus Kingdom, early ages of AD, elite, epigraphy, prosopography

© 2013

М. Д. Бухарин

К ДИСКУССИИ О ЯЗЫКЕ СКИФОВ: ПЕРЕХОД ДРЕВНЕИРАНСКОГО **XŠ-* > **S-* И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ

Рассмотрение некоторых иранских географических и этнических названий, а также ряда имен собственных, который, как представляется, начинались с **xš-*, показывает, что появление в начале их древнегреческих передач *сигмы* (**š-*/**s-*) вполне закономерно. Имена Σατραβάτης и Σάτραι, затронутые в дискуссии об исторической фонетике скифского языка, не имеют отношения к языку скифов. Имя Σατράκης демонстрирует передачу **xš-* сигмой, вероятно, через **ṣṣ-*: **xš-* > **ṣṣ-* > **s-* (σ). Имя Σαιταφάρνος также указывает на возможность рассматривать др.ир. **xš-* как **s-*/*š-* в языке некоторых кочевых иранских племен Северного Причерноморья, хотя этническое происхождение его носителя и точная языкова атрибуция остаются предметом дискуссий. Рассмотрение форм с начальным элементом **xšaθra-* > σατρα- (σατράπης) позволяет прдеположить влияние на его передачу в древнегреческом арамейского — *lingua franca* на древнем Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, древнеиранский язык, древнегреческий язык

Современное состояние дискуссии о скифском языке таково, что невольно вспоминаются слова Ч. Дарвина из предисловия к его «Происхождению видов путем естественного отбора»: «Я уверен, что в этой книге вряд ли найдется хоть один пункт, к которому нельзя подобрать факты, приводящие к прямо противоположным выводам, чем те, к которым пришел я. Точный результат может быть достигнут только путем утверждения и взвешенного анализа фактов и аргументов каждой из сторон; но это здесь невозможно»[1]. Действительно, решение актуальных вопросов скифского языкознания едва ли возможно в рамках одной журнальной статьи, а отдельное обращение к ним после появления в последнее время ряда специальных работ С. Р. Тохтасьева, А. И. Иванчика, С. В. Кулланды и ряда других исследователей должно быть соответствующим образом мотивировано. Тем не менее, рассмотрение причерноморской географической и этнической номенклатуры, а также некоторых имен собственных требует обращения к данным иранского языкознания, в частности – рассмотрения некоторых особенностей исторической

Бухарин Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий Центром истории Древнего Востока ИВИ РАН. E-Mail: misha_nina@mail.ru

[1] I am well aware that scarcely a single point is discussed in this volume on which facts cannot be adduced, often apparently leading to conclusions directly opposite to those at which I have arrived. A fair result can be obtained only by fully stating and balancing the facts and arguments on both sides of each question; and this cannot possibly be here done (Darwin 1871, 18).

фонетики языка причерноморских «царских скифов», в частности – начального древнеиранского кластера *xš- и его отражения в скифском и далее — в соответствующих древнегреческих передачах (Ἀκεσίνης, Χέσινος, *Sinus*, Σατραβάτης, Σάτραι, Σαιταφάρνος, Σαῖοι, Λιπόξαϊς, Ἀρποξάϊς, Κολάξαϊς).

Основным вопросом в данном контексте является допустимость трансформаций начального[2] *xš-, в частности — перехода *xš- > *s-/š- и его отражения через *s (σ). С одной стороны, этот переход в начале слова считается маркером отличия юго-восточноиранских языков от северо-восточноиранских (из первых группа *xš- удерживается мунджанском и йидга)[3] и выделения скифского языка из всего массива древнеиранских языков и диалектов. Как отмечает С. В. Кулланда, «в скифском в анлауте происходил переход *xš > s…, …эту особенность … можно проиллюстрировать такими примерами, как Σατραβάτης, имя собственное из фанагорийской надписи первой половины IV в. до н.э. (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское *xšaθra- «власть», Σαΐοι < *xšaya «правитель, царь», этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IosPE I^2 32A/34), повествующем о событиях конца III в. до н. э.)»[4].

С другой стороны, как полагает С. Р. Тохтасьев, «отражение начального *xš-* как σ- (точнее, *xš* > **s* > σ-) надежно засвидетельствовано только для переднеазиатского иранского…»[5].

В этом контексте весьма странно звучат заявления С. Э. Андреевой: «Исследователи смело передают иранское xš как греческую s, не приводя никаких аналогий…»[6]. Аналогии, как видно, приводятся. Основной вопрос состоит в их допустимости.

Переход **xš-* > **s-* надежно фиксируется для среднеиранских языков, ср.: хот. *ṣau* (др.ир. **xšavan(t)-*), согд. *xšāvan*, бактр. *šao* («могучий», «царь») и др. Древнейшие же предполагаемые переднеазиатско-иранские свидетельства перехода **xš-* > **s-* восходят к рубежу II–I тысячелетия до н.э. Так, Э. А. Грантовский отмечал, что уже на рубеже II–I тыс. до н.э. начальный **xš-*, вероятно, произносился с ослабленным **x-* или некоторой степенью ассимиляции в виде **xš(š)*, что для II тыс. до н.э. в частности подтверждается примером *-(š)šatar* < *kṣatra-*[7]. Показательно, что и *Satiriāia* — имя одного из правителей Наири конца IX в. до н.э. — этимологически восходит к **Xšaθriia*[8].

Эти примеры относятся к передачам в семитской языковой среде, которой биконсонатизм в анлауте в целом чужд. Так, сам Э. А. Грантовский подчеркивал: «К написаниям же древнеиранских имен и слов в других языках нужно подходить с большой осторожностью, так как многое здесь следует относить за счет передач

[2] Для обсуждения перехода **xš-* > **s-* в середине слова практически нет данных. Пример Ῥευσίναλος из КБН 698 II в. н.э. из Пантикапея (Керчь) является единичным, относится к сарматскому, а не скифскому этносу и вряд ли может быть показательным. Передача имени Артаксеркса как Αρθασασθα (II. Ezd. VII. 1) основана на искаженной семитской передаче. Кроме того, сигма в -σασθα является начальной во втором элементе сложного слова.

[3] Эдельман 1986, 116.

[4] Кулланда 2005, 220. Возражения см.: Иванчик 2009, 83–86.

[5] Тохтасьев 2007, 193.

[6] Андреева 2007, 231.

[7] Грантовский 2007, 85 (прим. 6).

[8] Об имени Satiriāia см.: Грантовский 2007, 237–238, а также примечание С. В. Кулланды на стр. 238, указывается на мнение о неиранской (урартской) этимологии этого имени.

и акустического восприятия в иноязычной среде»[9]. Тем большую осторожность следует проявлять при обращении к аккадским и другим семитским передачам, и отражение начального др.-ир. *xš- в аккадских (ассирийских и вавилонских) и эламских источниках не следует воспринимать «зеркально»[10].

Отражения начального др.-ир. **xš-* в аккадскских текстах была нерегулярной, но все эти передачи были нацелены на недопущение биконсонатизма в начале слова: начальный **xš-* передавался то через протетический гласный (который также варьировался), то с отпадением начального **x-*, то со вставным гласным. Так, например, в Бехистунской надписи встречаются следующая вавилонская передача др.-ир. начального **xš-*: *Ḫašatritti* (< **Xšaθrita*[11]*); в ассирийских же источниках это же имя передается как Kaštariti*, что наряду с ассирийским же *Satarpānu* (< **Xšaθrapāna-*; имя правителя мидийского города Barikānu) и *Satarēšu* (< **Xšaθraiš/sa-*[12]), а также вавилонским *Aḫšetī* (**Xšaita-*)[13] демонстрирует, как минимум четыре возможности передачи начального **xš-* в основных диалектах аккадского: через **s-*, *ḫaš-*, *kaš-* и *aḫš-*. Данное обстоятельство позволяет рассматривать передачу др.-ир. начального **xš-* через сибилянт как один из вариантов устранения начального биконсонатизма, а не как отражение стяжения начального **xš-* > **š-*/**s-*.

С другой стороны, нельзя не отметить и того, что аккадские передачи с начальным сибилянтом и биконсонантным сочетанием со вставкой дополнительного гласного в одном и том же тексте не встречаются. Кроме того, если исходная древнеиранская форма с начальным **xš-* известна, то она не передается в параллельных аккадских источниках через начальный сибилянт с утерей **x*. Однако едва ли будет оправданным вывод об аккадской передаче через начальный сибилянт древнеиранского **xš-*, перешедшего в **s-*/*š-*, отталкиваясь от регулярного соответствия начального др.-ир. **xš-* аккадским сочетаниям *ḫaš-*, *kaš-* или *aḫš-* и отсутствии передач с начальным сибилянтом там, где присутствуют и аккадская, и древнеиранская формы. *Argumentum ex silentio* едва ли может считаться достаточным доказательством. Кроме того, не выглядит объяснимым «исчезновение» аккадских передач начального др.ир. **xš-* через сибилянт в ахеменидский период. Таким образом, утверждение о передаче уже на рубеже II–I тыс. до н.э. и в первой трети I первого тыс. до н.э. начальным **s-* в аккадских передачах др.ир. форм с начальным **xš-* недоказуемо. Такая передача начального др.ир. **xš-*, скорее, являлась одним из вариантов устранения биконсонатизма, а не отражением тенденции перехода др.-ир. **xš-* > **š-*/**s-* в тех или иных диалектах.

Таким образом, нельзя с полным основанием утверждать, что начальный сибилянт является отражением начального др.-ир. кластера **xš-* наряду с биконсонантной передачей с дополнительным гласным, однако и показательными для анализа передачи начального др.ир. **xš-* примеры *Satarpānu*, *Satarešu*, *-(š)šatar*

[9] Грантовский 2007, 88 (прим. 8).

[10] О недопустимости буквального восприятия аккадских отражений на примере передач конечных гласных иранских имен писал Э. А. Грантовский: «Что же касается написаний иранских имен в аккадском, то они вряд ли могут что-либо дать…, так как случаи отпадения конечных иранских гласных следует относить прежде всего за счет особенностей аккадских передач» (Грантовский 2007, 82).

[11] О нем см.: Иванчик 1996, 84–90.

[12] См. подробнее: Грантовский 2007, 238, 362, 368.

[13] Примеры собраны Э. А. Грантовским (Грантовский 2007, 79–80).

< *kṣatra-* и *Satiriāia* не являются. Тезис о передаче начального др.-ир. **xš-* через **s-* (> σ) в переднеазиатских иранских языках нуждается, вероятно, в уточнении: этот переход возможно проследить на среднеиранской стадии.

* * *

Рассмотрим имеющиеся примеры возможного соответствия **xš* > **š* / **s* , которые могут иметь отношение к иранским (скифским) кочевникам Причерноморья и Средней Азии[14] и, соответственно, к формированию гидронима *Sinus*.

● Σατραβάτης

Имя Σατραβάτης явилось одним из пунктов дискуссии об историко-фонетических особенностях скифского языка. Этот Сатрабат упоминается в надписи КБН 1066 первой половины IV в. до н.э. из Гермонассы:

Убфсбвά-
της Σπιθά-
μεω.

По мнению В. И. Абаева и С. В. Кулланды, имя Σατραβάτης скифское[15]. С другой стороны, С. Р. Тохтасьев и А. И. Иванчик со ссылками на работы М. Фасмера и Л. Робера признают его персидским. При этом указывается на то, что аналогичное имя носил сатрап Экбатан, упоминаемый в «Пире мудрецов» Афинея (XII. 53 = 538a), и гиппарх в армии Дария III, упоминаемый Курцием Руфом под именем *Satropates* (IV. 9. 7, 25). При этом носители этого имени не тождественны друг другу, так как гиппарх Сатропат был убит Аристоном в 331 г. до н.э. в битве у Арбел.

Имя Σπιθαμης — отца причерноморского Сатрабата — также считается персидским[16]. Так, С. Р. Тохтасьев пишет об именах Σατραβάτης и Σπιθαμης: «Персидскими являются оба имени»[17]. А. И. Иванчик относительно имени Σατραβάτης отмечает: «В то же время персидская атрибуция этого имени, как и имени отца Сатрабата Σπιθαμης, надежно обоснована с лингвистической и исторической точки зрения и вряд ли может вызывать серьезные сомнения», — здесь следует ссылка на IosPE II 381 (КБН 1066), работы М. Фасмера, Л. Робера, С. Р. Тохтасьева и «Пир мудрецов» Афинея[18].

Обратившись к упомянутым в дискуссии исследованиям, нетрудно обнаружить, что ни в работе Л. Робера, ни в труде М. Фасмера какого-либо обоснования персидского происхождения имени Σατραβάτης нет. Так, Л. Робер пишет: «С другой стороны, речь не идет о перемещении населения в эпоху Митридата Великого, правившего на обоих берегах Понта Эвксинского. Движение населения имело

[14] Помимо имен, анализируемых в данном разделе, известно еще одно среднеазиатское иранское имя с основой **xšaθra-*, засвидетельствованное в монетной легенде как патронимик некоего правителя, правившего не ранее середины I в. до н.э.: НБУФЗНЗУ / [O]ДФСБННQY (Bopearachchi 1993, 610).

Этническая принадлежность этого исторического лица, однако, неизвестно, а чтение первого знака является предположительным. По этим причинам данное имя в ниже следующей дискуссии не задействовано.

[15] Абаев 1949, 189; Абаев 1979, 309; Кулланда 2005, 220.

[16] Тохтасьев 2007,193; Иванчик 2009, 83.

[17] Тохтасьев 2007, 193.

[18] Иванчик 2009, 83.

место. Но определенное количество типичных ономастических соответствий фиксируется и в надписях предшествующих периодов, датирующихся вплоть до IV в. до н.э.»[19]. Далее, на этой же странице, идет ссылка № 3: «При таком подходе невозможно объяснить наличие персидских имен в Южной России культурным влиянием при Митридате. Именно в IV в. до н.э. фиксируется некий Σατραβάτης Σπιθαμεω (IosPE, II, 381); в IV или в III — некий Λύσιππος Μιτραβάτου с некоей Ἀναίη Μιθραβάτου (SEG, II, 487)»[20].

Сорока годами ранее М. Фасмер отметил: «Σατραβάτης Phanagoreia L II 381. Из-за -tr- — не осетинское, а персидское; так уже Миллер в “Этнографическом обозрении” 1891, 191. Ссылки на персидскую традицию см. Justi № 292»[21]. Из этих ссылок следует, что и М. Фасмер, и Л. Робер принимали эти имена за персидские, не приводя никаких аргументов в пользу их персидского происхождения и не анализируя происхождение этих имен вовсе. Для Фасмера маркером персидского происхождения имени Σατραβάτης является сохранение сочетания *-*tr*-. Для доказательства этой точки зрения требовалось бы продемонстрировать на материале ахеменидских надписей как сохранение кластера -*θr*-, так и передачу кластера *xš*- без начального согласного.

Имя Σπιθαμης — гипокористик от имени Σπιταμένης. Его, точнее, его иранский прототип, носили как отец Заратуштры (этническая принадлежность которого едва ли определима), так и согдиец Спитамен[22], возглавивший в союзе со «скифами» (т.е. саками) восстание против македонцев в 329–327 гг. до н.э. и многократно упомянутый Аррианом в «Походе Александра» (III. 28. 10, 29. 6–7, 30. 1–2, 5; IV. 3. 6–7, 5. 2–4, 9, 6. 3, 16. 3–4, 7, 17. 4–7; VII. 4. 6), Страбоном (XI. 8. 8, 11. 6) и другими источниками. Имя Σπιταμᾶς, как свидетельствует Ктесий (Fr. 9)[23], носил муж Амитиды — дочери мидийского царя Астиага, однако его этническая принадлжность не указана. С другой стороны, имя Σπιθαμαῖος, фиксируемое в надписи IG XII. 8. 275 из Северной Эгеиды (о. Тасос), не родственно указанным именам, является собственно греческим в значении «размером в пядь» (от σπιθαμή). Во всяком случае, сохранение элемента **sp*- (из др.ир. **śu̯*) для юго-западноиранского (древнеперсидского) в отличие от восточноиранских языков не характерно.

Хотя отсутствие развернутой аргументации не исключает точности постулируемого тезиса, в цитированных работах М. Фасмера, Л. Робера и С. Р. Тохтасьева ее трудно обнаружить, по меньшей мере, в отношении происхождения начального **s*- из **xš*- в имени Σατραβάτης, к тому же «надежно обоснованную с лингвистической и исторической точки зрения».

Если под «персидским происхождением» понимать юго-западноиранскую языковую принадлежность, то утверждения о персидском происхождении имени Σατραβάτης вступают в противоречие не только с неперсидским происхождением имени Σπιθαμης, но и с особенностями передачи древнеперсидских имен в

[19] Robert 1963, 539.

[20] Надпись, в которой упомянуты Λύσιππος Μιτραβάτου и Ἀναίη Μιθραβάτου, классифицируется как КБН 245 (Пантикапей; 300–250 гг. до н.э.).

[21] Vasmer 1923, 51.

[22] О Спитамене см.: Holt 1994, 51–58.

[23] Анализ этого сообщения см.: Дандамаев 1985,17–18.

древнегреческий. Имена с начальным **xš-*, древнеперсидское происхождение которых не нуждается в дополнительном обосновании (напр., Ξέρξης < **Xšayāršā*[24]), в греческом всегда появляются с начальным ξ. Все персидские имена (Ξέρξης; ср. также персидское написание X-š-θ-r-i-t) или титулы (*xšāyaθiyā*) с **xš-* в анлауте или инлауте (например: Ἀρταξέρξης/Ἀρταξέσσης < **Ṛta-xšaça*[25] < **Ṛta-xšaθra*, Μεγάβυξος < **Bagabuxša*, Δίαιξις[26] и т.д.), а также мидийские с **xš-* в инлауте (Κυαξάρης < **^{h}Uvaxštra*) передаются с ξ. Так как обычная персидско-мидийская передача[27] состояла бы в сохранении ξ[28].

---

[24] Возникновение древнегреческой формы из древнеперсидской нельзя признать совершенно очевидным; см.: Schmitt 1978, 29; Mayrhofer 1979, II/30–31.

[25] Этимология дается по работе М. Майрхофера (Mayrhofer 1979, II/13)

[26] Вторая часть этого имени, вероятно, отражает др.ир. **xšaiạ-* («царь»), исходная форма первой неясна (Schmitt 1978, 67).

[27] Исходя из тезиса Э. А. Грантовского об отсутствии диалектальной монолитности в северо-западно- и юго-западноиранских языках (Грантовский 1998, 124–138), можно было бы предположить отсутствие такой монолитности и для языковой среды иранских кочевников Юга России и Средней Азии. Об этом же писал и сам Грантовский, ссылаясь на формы Σπαργαπείθης и Ἀριαπείθης (Грантовский 2007, 184).

Так, вполне «персидскими» (юго-западноиранскими) выглядят некоторые причерноморские и среднеазиатские этнонимы. Двойную сигму в этнониме Μασσαγέται (обитали в районе Восточного Прикаспия) можно было бы интерпретировать как традиционное «юго-западноиранское» отражение др.-ир. **-θr-*, а само наименование Μασσαγέται возводить к **māθr-* (краткий обзор предшествующих трактовок см.: Harmatta 2002, 58). Трактовка этнонима Μασσαγέται как основанная на **māθr-* (об этой основе см.: Эдельман 2009, 116) может свидетельствовать о наличии у них элементов материнского рода. На это должно указывать не столько наличие царицы Томирис в их главе — Томирис, по информации Геродота (I. 205), была вдовой покойного царя, – сколько «общность» владения женщинами и свобода общения с ними (Herod. I. 216).

Обращает на себя внимание и этноним Πίσσουροι – одна из подгрупп даев: Ἄπαρνοι οἱ δὲ Ξάνθιοι οἱ δὲ Πίσσουροι (Strabo. XI. 8. 2). В исследовательской литературе Ἄπαρνοι рассматриваются как параллельная форма к Πάρνοι (с «неясным а-») и ранее сопоставлялись с **farn-* (Соболевский 1921, 10), а в современной иранистике с ведийским *Paṇi* < **Prṇi, *Parṇaka* (Грантовский 2007, 86 (прим. 7)). Сведения античной традиции об апарнах и предпринятые ранее попытки их идентификации, а также предложения по отождествлению региона Апарна на основе иранской традиции систематизированы и кратко проанализированы П. Лекоком (Lecoq 1987, 151).

Этноним же Πίσσουροι определенно имеет то же окончание, что и скифские имена Γνοῦρος (Herod. IV. 76) и Σκίλουρος (Strabo. VII. 4. 3, 7, 17). Его основу Πίσσ- можно рассматривать как отражение др.-ир. **piθr-* (существование производных от основы **piθr-* отмечается в: Эдельман 2009, 37, 116). И если (Ἄ)παρνοι, в соответствии столкованием В. Н. Топорова (Топоров 1972, 23–37), можно толковать как «молодые» («парни»), то Πίσσουροι – как «отцы». При этом ксандии (< **xšaiạnt-*) занимают центральное положение «взрослых» между «молодежью» и «стариками».

Возможно, к этому же ряду названий следует отнести также Ἰσσηδόνες и Θυσσαγέται (обитали в верховьях Танаиса – Herod. IV. 123; от **čiθra-*?).

В данном контексте следует напомнить вывод, имеющий важное методологическое значение: «Факты подобного рода свидетельствуют, что “чуждые”, незакономерные для тех или иных иранских языков и диалектов черты следует во многих случаях объяснять не соприкосновением их носителей на тех территориях, где они известны в исторический период, а контактами их предков в значительно более раннюю эпоху» (Грантовский 2007, 184).

Впрочем, однозначной убедительной трактовки данные этнонимы не имеют, а предложенные интерпретации из-за отсутствия средств проверки гипотетичны.

[28] Ср.: «…сами древнеперсидские надписи при обозначении сатрапа … имеют свою <форму – М.Б.>, включающую чисто “персидское” слово *xšassa*» (Грантовский 1998, 138; эта же формулировка с небольшими стилистическими изменениями сохранена и в другой работе – Грантовский 2007, 370).

Кроме того, др.ир. *-*θr*- в древнеперсидском (юго-западноиранском) трансформировалось в **ss* (*ç*). Показательным в этом отношении является имя Τισσαφέρνης, которое носил ряд персидских высших должностных лиц от эпохи Ассархаддона до Дария II, первая часть которого восходит к др.ир. **Čiθra-* > др.-перс. **Čiça-*[29]. Этот пример можно дополнить др.-перс. **Čiça^{n}ta^{h}ma-*, мид. **Čiθra^{n}taxma-* (DB IV/20). Эти формы в свою очередь отражают др.-ир. **čiθram taxmam*[30]. Судя же по форме Τριτανταίχμης (Herod. I. 192; VII. 82, 121; VIII. 26), Геродот отразил мидийскую[31], а не персидскую форму.

Эти обстоятельства также дают основание предположить, что имя Satropates у Курция Руфа восходит[32] не к юго-западноиранскому языку: древнеперсидская форма этого имени была бы основана на **xšassa-pati-* и была бы передана в греческий через гипотетическое *Οβυυβνάφςτ (**Xassapates*), а в латынь — как **Sassapates*. Параллели с персидским языковым ареалом в форме Σατραβάτης могут быть обнаружены в именно озвончении **p* > **b*, ср.: топоним Ὀροβάτις (Arr. Anab. IV. 28. 5; Ptol. Geogr. VI. 4. 6), имена собственные Μιτροβάτης (Herod. III. 120, 126–127[33]), Μεγαβάτης (Herod. V. 32 и др.), Ἀρταβάτης (Herod. VII. 65). Однако именно этого озвончения форма *Satropates* не демонстрирует.

Имя *Satropates* / Σατραβάτης могло быть рождено языковой традицией, в которой сочетание *-*θr*- сохранилось и не перешло в **ss* (*ç*), а начальный **x*- отпал. Древнеперсидский язык не отвечает этим параметрам[34].

Показателен и тезис Л. Робера о том, что присутствие Сатрабата в Гермонассе в первой половине IV в. до н.э. не говорит о перемещении населения с юго-запада иранского мира в Причерноморье, т.е. носитель этого имени вполне мог быть местным жителем.

По всей видимости, тезис о переднеазиатско-персидском происхождении имени Σατραβάτης в гермонасской надписи КБН 1066 IV в. до н.э. следует признать не вполне точным, если ограничить его чисто языковым контекстом: начальный **s*- при таком подходе не находит себе объяснения. Вопрос об этнической принадлежности его носителя можно оставить открытым, однако допустимо предположение, что носитель этого имени не был сарматом (если языковая атрибуция имени совпадала с этническим происхождением его носителя), язык которых сохранял начальный **xš*-. Форма имени вне зависимости от этнической

[29] Об имени Тиссаферна см., в частности: Тохтасьев 2005а, 106.

[30] Mayrhofer 1979, II/17.

[31] См. подробнее со ссылками на предшествующую литературу: Schmitt 1967, 121–122 (Anm. 25).

[32] Сведения о походе Александра Курций Руф черпал из сочинений Аристобула и Клитарха (Пьянков 1994, 203).

[33] Э. А. Грантовский дает чтение Μιθροβάτης (Грантовский 2007, 377.)

[34] Возможно, исходя из этих соображений, высказывались предположения о связи имени Σατραβάτης не с др.ир. **xšaθra-pati-*, а с авестийским *šoiθra.pati* (Sprengling 1953, 32) – при такой трактовке снималась необходимость объяснять переход **xš*- > **s*- и, до некоторой степени, устранялись трудности с трактовкой значения самого термина сатрап как «защитник царства». Термин šoiθra обозначал в «Авесте» одну из областей, созданных Ахура-Маздой и упоминаемых в первой главе «Видевдата». Помимо собственно исторических трудностей – перенесения терминологии «Авесты» на историко-политические реалии иранской Передней Азии начала I тысячелетия до н.э., – эта теория наталкивается на необходимость объяснить передачу дифтонга *-oi-* через **a*, что едва ли возможно, а также соотнести *šoiθra.pāna* с греческими формами для обозначения сатрапий с начальным εξα-, εξαι-.

принадлежности его носителя не соответствуют классическим нормам древних переднеазиатских иранских языков.

Наиболее вероятной представляется восточноиранская языковая принадлежность обоих рассматриваемых имен: Σπιθαμης и Σατραβάτης. На этой указывают присутствие обоих признаков, характерных для восточноиранского ареала: сохранение **sp-* из **śu̯-* в имени Σπιθαμης и начальный **s-* вместо **xš-*, как в имени среднеазиатского скифа Σατράκης.

Углубляясь в дискуссию, нельзя не отметить и того, что чтение Σατραβάτης в указанном фрагменте сочинения Афинея рядом специалистов по истории походов Александра Македонского признается ошибочным. Считается, что вместо Σατραβάτης следует читать Ἀτροπάτης[35] (**Āturpāta-*, «защищенный огнем», ср. авест. *Atərəpāta*). Так, Ч. Б. Гулик — издатель и переводчик «Пира мудрецов» в серии «The Loeb Classical Library» отмечает: «This name of the Median prince whose daughter was married to Perdiccas occurs only here; the mss of Arrian *Anab*. have Ἀτροπάτης (the correct form). Diod. xviii. 3 ἀτράπης (=Ἀτροπάτης), Justin xiii. 4 Atropatos. The year of this event is 324 B.C.»[36].

Данное утверждение выглядит вполне правдоподобным с историко-географической точки зрения: сатрап Мидии вполне мог носить имя, родственное наименованию «подвластной» ему или его родной области, в данном случае — Атропатены, в свою очередь образованной от имени *Āturpāta-*. Кроме того, не только Арриан указывает имя мидийского сатрапа именно в этой форме[37], но и Курций Руф называет его иным образом — *Arsaces* (VIII. 3. 17). Предполагается, что и имя *Satropates*, упоминаемое Курцием Руфом, должно читаться аналогичным образом (*Atropates*)[38].

Таким образом, имя[39] мидийского сатрапа Атропата (или Арсака) к дискуссии об историко-фонетических особенностях скифского языка отношения не имеет.

- Σατράκης

Анализируя допустимость утери **x* в начальном др.ир. **xš-*, следует упомянуть имя одного из предводителей (εἷς τῶν ἡγεμόνων) среднеазиатских скифов Σατράκης (Arr. Anab. IV 4. 8)[40]. Анализ имени Σατράκης (< **xšaθra-* + **-ka*[41]) тем более важен для анализируемого сюжета, что оно засвидетельствовано практически синхронно с Σατραβάτης в регионе, значительно удаленном от Гермонассы. При

---

[35] Напр.: Berve 1926 (II), 92; Fredricksmeyer 1958, 200 (n. 86). В некоторых авторитетных публикациях это чтение дается как единственно приемлемое (напр.: Minorsky 1957, 63; Фрай 2002, 180, 197). В качестве такового оно упоминается и в наиболее солидных справочно-энциклопедических изданиях (Дьяконов, Неронова, Свенцицкая 1982, 412). О карьере Атропата см.: Дьяконов 2008,438-442.

[36] Gulick 1971, 432–433.

[37] ἐς Μήδους δὲ Ἀτροπάτην ἐπὶ σατραπείᾳ καὶ τοῦτον τῇ Μήδων (Anab. IV. 18. 3). На это указывается, в частности, Б. Якобсом (Jacobs 1994, 72 (Anm. 192)).

[38] Heckel 1992, 354.

[39] И. М. Дьяконов настаивает на том, что в данном случае имеется в виду именно имя, а не титул (Дьяконов, Неронова, Свенцицкая 1982, 412, прим. 5).

[40] Кулланда 2006, 200.

[41] О значении суффикса *-ka*, указывавшего на «подобие», принадлежность носителя имени к чему-либо (общественной группе, должности, профессии и т.д.) см.: Edgerton 1911, 1–16; в частности в западноиранских именах: Грантовский 2007, 300–306.

этом его носитель именуется «скифом» (ἔνθα λαμπρὰ ἤδη φυγὴ τῶν Σκυθῶν ἦν· καὶ πίπτουσι μὲν αὐτῶν ἐς χιλίους καὶ εἷς τῶν ἡγεμόνων, Σατράκης…).

Как указывает С. Р. Тохтасьев, «Σατράκης < *Šaθraka-*, имя царя “скифов”, т.е. саков[42] (Arr. An. IV. 4. 8), стало известно через персидское посредство или, по крайней мере, испытало влияние обычной передачи персидско-мидийских слов с *xš-* в греческом»[43]. Однако текстом «Анабасиса» Арриана тезис о персидском посредничестве подкреплен быть не может: персы не являлись посредниками при передаче информации автору этого фрагмента «Анабасиса». Источником информации Арриана о среднеазиатском походе Александра был Птолемей (сын Лага)[44], имел ли сам Птолемей персидских или иных посредников — неизвестно. «Обычное» же персидское влияние состояло бы в сохранении начального **xš-* в греческой передаче.

В исследованиях по хотаносакскому языку[45] и в соответствующих словарях[46] отмечается переход **xš > ṣṣ*, и, вероятно, именно на основе такой трансформации, свойственной самой сакской традиции и свидетельствующей о развитии среднеиранских черт в языке саков, может быть объяснено появление имени Σατράκης без необходимости прибегать к переднеазиатско-иранскому влиянию.

В данном контексте количество примеров перехода др.ир. **xš- > *s- / *š-* в языках иранских кочевников Средней Азии можно было бы увеличить за счет этнонима Σίρακες. Σιράκης — гиппофорб сакских царей эпохи Дария I – упомянут Полиэном (VII. 12). Его этническая принадлежность позволяет говорить об иранском происхождении как имени собственного, так и этнонима. По аналогии с Σατράκης можно было бы предположительно возвести этнонимы Σίρακες и к др.ир **xšīra* («молоко») в сочетании с суффиксом *-k* в значении «подобный», «похожий», «содержащий», «относящийся к чему-либо», и трактовать этноним Σίρακες как «молоко(еды?)»[47].

Контраргументация против обоснования перехода **xš- > *s- / *š-* в языке скифов на примере Σατράκης не выглядит полностью удовлетворительной, тем более что скифская этническая принадлежность Сатрака указана вполне определенно.

● Σάτραι

Этноним Σάτραι, согласно Геродоту (VII. 110), носили фракийцы. Его этимология Σάτραι < др.ир. **xšaθra-*[48] представляется естественной, если принять переход др.ир. **xš-* > скиф. **š-/*s-*.

---

42 Так же: Иванчик 2009, 84 (прим. 107).

43 Тохтасьев 2007, 194.

44 Пьянков 1994, 203.

45 Герценберг 1981, 247.

46 ṣṣavā- < *xšapā-; ṣṣäṇaumä < *xšnau-; ṣṣau < *xšāvan- (Bailey 1979, 407, 409, 412–413).

47 О значении др.ир. суффикса -k см.: Edgerton 1911, 1–16; Грантовский 2007, 287–310.

48 Кулланда 2005–2009, 143 со ссылкой на предшествующую литературу.

Нельзя не указать на иную возможность этимологизации данного этнонима. Г. С. Геман, анализируя иранские заимствования в «Книги Эсфири», предлагал соотносить רָתֵשׁ не с *xšaθra- от основы *xšā(y)-, а с авест. šōiθra от основы *šay- («обитать») (Gehman 1924, 324). Следуя этой точке, зрения сатров Геродота можно было бы рассматривать как «(оседлых) поселенцев» – наименование, противопоставленное «номадам». В данном случае, как и при попытке возвести имя Σατραβάτης

При такой трактовке придется констатировать различие в происхождении имени (в данном случае, этнического) и его носителей — судя по тексту Геродота, — фракийцев. Придется признать и то, что фракийское племя должно было получить свое наименование от доминирующего ираноязычного этноса. Во времена Ксеркса, поход которого через землю сатров описывает Геродот, таким этносом могли быть скифы. Иноназвания появляются, как правило, тогда, когда этнос дающий название, доминирует над название перенимающим. Согласно же Геродоту (VII. 111), сатры, жившие в заснеженных лесистых горах, никогда и никем не были покорены. Едва ли независимое воинственное горное племя, населявшее недоступные для скифов области, могло перенять скифское иноназвание. И едва ли скифы могли дать название «владык» племени, не зависимому от них.

Нельзя упускать из вида и того, что Σάτραι – греческая передача фракийского этнонима. Следовательно, любые попытки его интерпретации на основе иранского иноназвания должны исходить из возможностей фракийского языка передать те или иные иранские фонемы, в данном случае, – начальный **xš-*. Отсутствие во фракийском возможностей адекватного отражения др.ир. **xš-* снимает вопрос о предполагаемой исходной скифской форме: скифские начальные **xš-*, **š-* и **s-* были бы переданы схожим образом. На основе греческой передачи фракийской формы Σάτραι нельзя сказать, какая фонема лежала в основе начальной *сигмы*, даже если бы скифское происхождение данного этнонима было бы доподлинно установлено.

Кроме того, древнегреческая передача фракийского этнонима Σάτραι может быть интерпретирована на основе собственно фракийского языка, например: «…Тот же префикс присутствует и в образованном от “эгейского” корня *-tur-* со значением типа “владыка”… минойском теониме **Satur-*… – эпиклезе одной из главных фигур пантеона критян-минойцев, тем или иным образом послуживший прототипом для одноименных богов у греков (σάτυροι), этрусков (*Satres*, он же *Satros*, *Satrs*, *Satirias*), римлян (*Saturnus*), фригийцев (Сатр) и, возможно, фракийцев (ср. фрак. этноним Σάτραι)»[49].

Другой возможностью фракийской интерпретации данного этнонима является его возведение к инд.-евр. **kṣatrá* при передаче начального **kṣ* через **s-* во фракийском или сопоставление с лит. *šatrùs* («живой», «быстрый», «расторопный»)[50]. Предположение о соответствии Σάτραι инд.-евр. **kṣatrá* наталкивается, однако, на необходимость объяснить присутствие этой словоформы вне индо-иранского ареала, которым ограничена сфера употребления производных понятия **kṣatrá*[51]. Во всяком случае, Σάτραι — не единственное фракийское наименование, в котором присутствует элемент Σάτρ-. Известны имена собственные Σατρης (IGBulg. III. 1. 1516 a1/29 из Филиппополиса), Δι]σατραλις (IGBulg. II. 830 из Маркианополиса), Εισατραλις (IGBulg. II. 804 и 848; обе из Маркианополиса)[52], Σάτρειος (IMT Skam/Neb Taeler 266 из Трои), Σάτρια (IGBulg. III. 2. 1777 из Augusta Traiana), Σάτριος (I.

к авест. šδiθra, трудно обосновать переход *-oi- > α, а также необходимость и механизм переноса авестийского понятия на фракийцев.

[49] Молчанов 1987, 82.

[50] См. подробнее: Дечев 1952, 26, 86; Георгиев 1957, 52; Дуриданов 1976, 65, 69, 81.

[51] Дьяконов 2008, 253.

[52] В. Георгиев ссылается также на фракийский этноним Σατρακενται и личное имя Σατρευς. Имена Δισατραλις и Εισατραλις упоминаются им как Σατραλις (Георгиев 1957, 52).

Aeg. Thrace. 288 I–II вв. н.э. из Маронейи), и Σατρονείλος (Perinthos-Herakleia 310; после 212 г. н.э.), а также хороним Σατριανής (IK Byzantion 387; вторая половина III в. н.э., предположительно из Византия).

Все эти данные свидетельствуют не о живучести и плодовитости предполагаемого скифского иноназвания, а о распространенности основы **satr-* во фракийском ономастиконе. По этим причинам едва ли следует привлекать этноним Σάτραι для анализа исторической фонетики скифского языка.

● Σαιταφάρνος

Один из центральных памятников причерноморской эпиграфики – ольвийский Декрет в честь Протогена упоминает царя по имени Σαιταφάρνος. Результаты анализа этого имени также используются в иранистике при обсуждении исторической фонетики скифского языка.

Так, например, В. И. Абаев, считал Сайтафарна, упоминаемого в декрете в честь Протогена, скифским царем сайев; при этом этноним и имя царя, по его мнению, находились в прямой взаимосвязи[53], предлагая трактовать имя Σαιταφάρνος как «носитель фарна сайев». Однако он же указывал, что сайи — сарматское племя[54], т.е. получается, что скифский царь (или носитель скифского имени) стоял во главе сарматского племени. Таким образом, согласно В. И. Абаеву, основанием для отнесения сайев к скифам и трактовки этнонима Σαῖοι как **xšaiā* является скифская атрибуция имени Сайтафарна и его этимология.

Несколько осторожнее высказывался по этому поводу Э. А. Грантовский. Он считал скифской вторую часть имени, отражавшей собственно скифские представления и скифскую форму общеиранского понятия[55] (на первой части имени Σαιταφάρνος внимание не было заострено). Я. Харматта, придерживаясь мнения о сарматской этнической принадлежности сайев, этимологизирует данный этноним на основе **xšaia-* («царь»)[56]. Так или иначе, данные точки зрения исходят из наличия связи между этнонимом Σαῖοι и именем Σαιταφάρνος.

С. В. Кулланда рассматривает значение этого имени вне этнической составляющей как **Xšaitafarna-* — «(носитель) светлого/царского фарна», «(обладатель) яркого/царского сияния»)[57]. С. Р. Тохтасьев указывает, что первая часть имени царя рассматривается как отглагольное имя на **-to*[58]. Г. Якобсон вообще считал невозможным установить точное значение этого имени[59].

Бóльшую ясность в рассмотрение имен Σαῖοι и Σαιταφάρνος может внести анализ имен Σατιφέρνης (Plut. Artax. XI. 2), Σατιβάρας и, возможно, имени Σα-

[53] Ср.: «Имя скифского царя Σαιταφάρνης (III в. до н.э. в надписи из Ольвии) невозможно разъяснить вне связи с названием его племени Σαῖοι “сайи” (м.б. из *хшайи*). Это название, снабженное показателем множественности *-ta*, дало *saita*, имя *Saita-farna* может значить только “носитель f*arn'a* племени сайев”» (Абаев 1979, 340).

[54] Ср.: «Σαῖοι “сарматское племя” (О[львия]) вместо Ξαῖοι; для передачи xš через s ср. Σατράκης = Xšaθraka…» (Абаев 1979, 310). Далее (Абаев 1979, 314) переход **xšā(y)-* > Σαῖοι отмечается знаком вопроса.

[55] «Скифское *farnah (например, в царском имени Сайтафарн), безусловно, отражает именно скифское представление и является собственно скифской формой» (Гарнтовский 2007, 178).

[56] Harmatta 1970, 94.

[57] Kullanda 2007, 28.

[58] Тохтасьев 2005а, 74; Тохтасьев 2005б, 297.

[59] «Aber auch hier kann nicht die Rede davon sein, daß wir eine eindeutige Erklärung dieses Namens wüßten» (Jacobsohn 1927, 257).

τιβαρζάνης[60]. Σατιφέρνης — приближенный царя Ксеркса I (486–465 гг. до н.э.), определенно — не скиф. Первую часть имен Σατιφέρνης, Σατιβαρζάνης и Σατιβάρας едва ли можно рассматривать как восходящую к той же праформе, что и первая часть имени Σαιταφάρνος. Первые три, как указывает Э. А. Грантовский[61], должны восходить к основе с начальным *š- (или *s-), а не *xš-.

Сама форма Σαιταφάρνος указывает на точную передачу др.ир. дифтонга *-ai-. Как морфологически родственный данному имени следует рассматривать этноним Σαιτιανοί, упоминаемый Клавдием Птолемеем при описании карты Западной Скифии (VI. 14. 9–10). Едва ли появление дифтонга *-ai- можно связывать с i-эпентезой при передачи формы *š(i̯)ātifarnah-. Греческая форма в таком случае должна была бы выглядеть как *Σ(ι)αιτιφάρνος. Эти обстоятельства указывают на то, что исходной формой имени Σαιταφάρνος должна была являться *Xšaita-farnah- с передачей *xš- через *сигму*, что исключает интерпретацию Σαιταφάρνος как «царь сайев». Трактовку Σαιταφάρνος как *š(i)ātifarnah- («обладающий небесной благодатью, приносящей изобилие»)[62] следует отклонить как морфологически неточную. Как показывают имена Σατιφέρνης, Σατιβαρζάνης и Σατιβάρας, первая часть должна была бы оканчиваться в таком случае на *-i- и не заключать дифтонга.

Данные декрета в честь Протогена также не дают основания однозначно признать Сайтафарна ни сайем, ни скифом: и сайи, и скифы (B9) [63] упомянуты отдельно от Сайтафарна. Языковая атрибуция имени Σαιταφάρνος может и не совпадать с этнической принадлежностью его носителя.

Важным для анализа причерноморской гидронимии, в частности наименования *Sinus*, является тот факт, что в языке причерноморских иранских (несарматских) племен прослеживается переход начального *xš- > *š-/*s-.

I. 6. 2. 2. Передача начального *xš- в др.ир. основе *xšaθra-

Рассмотренные выше имена собственные, этнические и географические (Σατραβάτης / *Satropates*, Σατράκης), а также титул σατράπης в древнегреческой передаче, характеризуются одними и теми же особенностями: отпадением начального *x- при передаче др.ир. *xš-, сохранением др.ир. *-θr- в виде -τρ- и этимологическим единством — происхождением от одной основы *xšaθra-, восходящий в свою очередь к *xšā(i̯)-. При этом рассмотренные имена относятся к Причерноморью (Σατραβάτης), Средней Азии (Σατράκης) и Передней Азии (*Satropates*), а этническая принадлежность указана в источниках лишь в отношении Σατράκης (скиф). С одной стороны, хорошо известно значительное присутствие выходцев из скифо-сакских племен в армии ахеменидов, в которой они преимущественно являлись конными лучниками[64]. С другой стороны, одно лишь это обстоятельство не позволяет считать всякого гиппарха – носителя имени с начальным *s-, перешедшим из *xš-, скифом или само имя непременно скифским.

---

[60] Анализ имени Σατιβαρζάνης как < *Šātabarzana- см.: Грантовский 2007, 239; в целом ряде других работ рассматривается как медийское (*ЉātibṛZana-) соответствие др.-перс. *Šyātibṛdana- (Tavernier 2007, 318).

[61] Грантовский 2007, 224.

[62] Stonecipher 1918, 59; о значении *š(i̯)ātifarnah см.: Грантовский 2007, 228; о *šāta- < *šiyāta- см.: Грантовский 2007, 224.

[63] На это ранее уже указывалось: Тохтасьев 2005б, 295; Иванчик 2009, 83.

[64] Дандамаев 2009, 319.

Сходство имен с начальным Σατρα- и формы σατράπης делает вполне возможной и гипотезу об их появлении и последующем их распространении из одного источника в Причерноморье, Иран и Среднюю Азию. Контраст же формами с начальным **Xšaθra-* позволяет ставить вопрос о внешнем влиянии на их появление. При этом нельзя исключить и того, что та или иная форма, например, Σατράκης, несмотря на сходство с остальными, появилась самостоятельно, независимо от других форм.

В этом контексте представляются не вполне точными формулировки о «мидийском» или «персидском» происхождении др.гр. σατράπης (в конечном итоге от др.ир. **xšaθrapāvā — nom.sing.* от **xšaθrapāvant-*)[65]. Сохранение начального **xš-* в мидийском во второй четверти VII в. до н.э. (и в переднеазиатском иранском вообще до развития среднеиранских черт) контрастирует с его исчезновением в древнегреческих формах (за исключением некоторых малоазийских), по меньшей мере, с середины V в. до н.э., на что указывает повсеместное использование в древнегреческом форм от *xšaθrapāvan(t)-* без начального **x-*. В эпиграфике это изменение прослеживается с рубежа первой–второй четверти IV в. до н.э. — древнейшей надписью в этом контексте является, вероятно, IG IV 555 (375 г. до н.э.) из Аргоса; более ранние надписи с начальным σατρ- неизвестны. Однако, как свидетельствуют нарративные источники (Herod. I. 192; III. 89), это изменение должно было иметь место значительно раньше.

Примечательно, что ни в недавней монографии, в которой история титула «сатрап» рассмотрена во всей возможной полноте[66], ни в рецензии на эту монографию[67] вопрос о филологической стороне передачи начального др.ир. **xš-* *сигмой* в древнегреческом не анализируется.

В источниках не содержится ни одного слова с начальным *кси*, передающем начальный **xš-*, которое можно было бы бесспорно отнести к языку причерноморских скифов. Так как имя Σατράκης носил «среднеазиатский скиф», а сходство начального элемента имени Σατράκης с причерноморским Σατραβάτης абсолютное, то аргумент о «персидско-мидийском» языковом влиянии как факторе появления всех этих форм не представляется полностью убедительным, ибо не объясняет появление начального **s-* вместо **xš-* в имени Σατράκης. Этническая атрибуция носителя имени Σατραβάτης неизвестна (этот вопрос можно было бы решить, определив этническую принадлежность его отца Спитама), носители этнонима Σάτραι же были фракийцами. Имя Σατράκης — фактически единственный аргумент для признания возможности передачи начального др.ир. **xš-* через *сигму* маркером скифского языка (при признании того, что язык саков — среднеазиатских скифов – и причерноморских скифов развивался по одним и тем же законам), возникшим без внешнего воздействия. Интерпретация этнонима Σαῖοι как «цари», т.е. «царские скифы», наталкивается на необходимость

[65] «…греч. σατράπης и др., ликийское *kssadrapa*, инд. *kṣatrapa* и др., восходят, очевидно, к *xšaθrapa-* или *xšaθrapāvā*» (Грантовский 2007, 370); «Satrapes <corresponds> not to *khšaθrapavan*, but to *xšaθrapāvan*(t)- (moreover, that is the "Median" form, while the properly "Persian" one, xšaçapāvan(t)- was recorded in the Behistun inscription)» (Ivantchik 2008: 198); «So, wie der Titel auf den Königsinschriften bezeugt ist, ist er — dialektologisch betrachtet — die typisch persische (südwestiranische) Ausformung des Wortes» (Schmitt 1976, 373–374).

[66] Klinkott 2005.

[67] Dandamayev 2006, 67–70.

согласовать ее с указанием источников на неиранскую этническую атрибуцию носителей данного наименования.

Однако свидетельства Геродота по скифской генеалогии старше приблизительно на столетие данных источников об именах с начальным **s-*, передающим **xš-*. Возможно, процесс трансформации начального **xš-* в части языков причерноморских и иранских кочевников, ассоциируемых со скифами, а также в родственном бактрийском, начался именно в это столетие.

- Влияние языков Малой Азии

При объяснении перехода **xš-* > **s-* в др.гр. σατράπης Р. Шмиттом не исключается влияние малоазийских языков[68]. Однако поиск источника влияния на причину отпадения начального **x-* в производных от др.ир. **xša(i)-* вряд ли следует искать в автохтонных малоазийских языках, к тому же приведенные Шмиттом примеры (Σάντος, Πισώδαρος, Ἀλέσανδρος) передают не иранские слова.

Как показывают же малоазийские формы от др.ир. **xšaθram pā* («оберегать царство»), сохранявшие начальный **xš-* в форме ξ, собственно малоазийский путь для проникновения формы σατραπεία[69] в язык Геродота, уроженца Галикарнасса (дорийской колонии в Карии) едва ли представим, да и появление формы σατράπης в языке Ксенофонта не выглядит логичным: более ожидаемо было бы отражение арамейской или персидской (*xšaçapāvā* как в DB III/56) формы этого титула.

Известные малоазийские надписи говорят как раз о том, что др.ир. **xš-* при воспроизводстве титула «сатрап» сохранялся при передаче в древнегреческий, и сопровождался протетическим гласным и передавался как ξ или ζ. Эти формы были детально проанализированы самим же Р. Шмиттом[70]. Так, показательна форма ἐξσατραπεύοντος из надписей Tralles 138/3 (350 г. до н.э.) из Карии и IK Estremo Oriente 240 (353/352 гг. до н.э.) из Лидии. Более многочисленны формы с начальным εξαιθρ-[71]: их насчитывается более десятка — Amyzon 1, Mylaza 111–115, 157/7, IK Estremo Oriente 234, 236–239. Все эти надписи происходят из Карии и датируются первой половиной IV в. до н.э. Встречаются и варианты εξατραπ-, εξαιτραπ-, проанализированные Р. Шмиттом[72]. Показательна и малоазийская форма ἐξατράπης у историка IV в. до н.э. Феопомпа[73]. Начальному др.ир. **xš-* мог быть «предпослан» и другой протетический гласный в другой надписи из Малой Азии — TAM II 961/4 — из Олимпа (Ликия) римского времени: …καὶ ἔνγο̣γόν μου Ὀ̣ξά̣θ̣ρειαν… [74]. Данная передача с протетическим гласным и сохранеием ξ — **xšaθra-* > εξα(ι)θ(τ)ρα- — должна быть отнесена на счет особенностей карийского

[68] Schmitt 1967, 131 (Anm. 95); Schmitt 1976, 380.

[69] «Man wird eher an einen in Kleinasien verbreiteten Wandel ξ > σ(σ), also eine Vereinfachung der Gruppe /ks/ denken dürfen (vgl. Σάντος, Πισώδαρος, Ἀλέσανδρος für Ξάντος, Πιξώδαρος, Ἀλέξανδρος) und danach eine epichorische Sprache dieses Landes als Vermittler der Form σατράπης annehmen» (Schmitt 1976, 380).

[70] Schmitt 1976, 379–380.

[71] В одной карийской надписи (Labraunda 48) встречается форма ξαιτραπεύοντος.

[72] Schmitt 1976, 378.

[73] ὅπως τε ὁ βασιλεὺς Εὐαγόραι συνεπείσθη πολεμῆσαι, στρατηγὸν ἐπιστήσας Αὐτοφραδάτην τὸν Λυδίας ἐξατράπην, ναύαρχον δὲ Ἑκατόμνων (Fr. 103).

[74] При этом другая ликийская передача (ξαδράπης) из арамейско-греческо-ликийской трилингвы (358 г. до н.э.) из Ксантоса не содержит протетического согласного (Schmitt 1976, 377, 379).

(ликийского) восприятия др.ир. **xšaθra-*[75], а не продолжающегося влияния мидийского.

В карийских надписях встречаются, однако, и единичные написания, в которых передача начального др.ир. **xš-* отклоняется от более общей тенденции греческих надписей из Карии: σατράπας (Stratonikeia 193.5 — дата, однако, не определена) и ἀστραπας (Panamara 2 ок. 39 г. до н.э.). Известна и другая малоазийская форма с начальным **s* — σαδράπαν (IMT Adram Kolpos 732; 319–317 гг. до н.э. из Мизии и SEG XIX. 874 из Аранды, III в. до н.э. из Каппадокии). Эта форма повторяется и в надписи IG XII, 2. 644 (318–317 гг. до н.э.) с о. Наксос, и ее собственно «малоазийское» происхождение не выглядит убедительно доказуемым.

Написание **xšaθrapa-* с сохранением начального биконсонантного элемента в Малой Азии без протетического гласного (но с сохранением передачи **xš-*) можно рассматривать как исключение: оно известно из надписи Mylasa 420, в которой упомянут некий царь карийцев (имя утеряно) и ксатрап с именем на Σ-: ξατράπης Σ[—].

Кроме того, эти формы отличаются не только местом происхождения их источников, но и возрастом: сочинения Геродота и Ксенофонта существенно старше, чем зафиксированные малоазийские передачи. Определенно, проникновение форм с начальным элементом σατρα- в древнегреческий произошло еще раньше.

● Начальный **xš-* в бактрийском

Как указывает Р. Шмитт, титул сатрап в форме *šahrab* зафиксирован и в бактрийском. Он же указывает, однако, что эта форма изначально парфянская, и ее фиксация в бактрийском восходит ко второй половине IV в. н.э.[76]. Тем не менее, переходы начального **xš-* в **š* и **θ* > **h*[77] в бактрийском прослеживаются и на других примерах: þαο [< **xšaṵan-*], þαο(υ)ρο (< **xšaθra-*[78]), ποορο (< **puθra-*). Эта же форма восстанавливается и по данным неопубликованных бактрийских документов сасанидского времени, содержащих форму παρσαþαραβο («персидский сатрап»). Эта форма представляет собой соединение παρσαγγο [**parsāŋ(g)*] + þα(υ) ραβο [**xšaθrapāṵan(t)-*][79].

Греческая надпись IK Estremo Oriente 342 II в. до н.э. из бактрийского Ай-Ханума демонстрирует сохранение начального **xš-* и элемента **-θr-* в форме -τρ- в имени Ξατραννου [— — —]. Однако надпись эта именно греческая, и влияние бактрийского на указанную форму можно лишь предполагать. Происхождение бактр. *xšono* неясно — весьма вероятно, что эта форма была заимствована[80] или отражает неверное чтение, восходя к др.гр. χρόνος[81].

---

[75] Эта, высказывавшаяся и ранее, точка зрения оспаривается Р. Шмиттом со ссылкой на П. Кречмера, считавшего ее «не более, чем гипотезой» (Schmitt 1976, 381). С другой стороны, остается неясным, что в этой гипотезе говорит против ее правдоподобия.

[76] Schmitt 1976, 385.

[77] По мнению некоторых иранистов (Г. Хюзинг, В. Эйлерс), этот переход существовал в иранских говорах уже в V в. до н.э. (по мнению Э. А. Грантовского (Грантовский 2007, 283), эта дата сильно удревнена.

[78] Трактовку см.: Sims-Williams, Cribb 1995–1996, 95; Sims-Williams 1998, 81.

[79] Подробнее см.: Sims-Williams 1998, 81, 90. С. В. Кулланда (устное сообщение) восстанавливает первую часть как *pārsa.

[80] Стеблин-Каменский 1981, 341.

[81] Напр.: Humbach 1966, 24; Djelani Davary 1982, 294–295; Стеблин-Каменский 1981, 341; Эдельман 1986, 117; Sims-Williams 2000, s.v.; указано С. В. Кулландой.

В надписи Канишки I из Рабатака представлена, однако, и форма þατριαγγο, передающая др.инд. *kṣatriya* в сочетании с суффиксом *-*ānaka*-[82] с сохранением *-*θr*- в форме -τρ- и, соответственно, непереходом *θ в *h. Бактрийская форма обозначения кшатрия весьма точно соответствует греческой и причерноморско-иранской (по аналогии с переднеазиатско-иранской) форме обозначения сатрапа и едва и могла быть заимствована из среднеиндийских наречий: сочетание *-*tr*- не перешло в *-*tt*-.

Развитие др.ир. **xš*- > **š*- в бактрийском представлено также формами *šao* (< **xšavan*-), *šizogargo* (<**xšiǰa-karaka*-), þαορο (<**xšaθra*- с переходом *θ>*h). Однако при обращении к ним и сопоставлении их с причерноморско-, переднеазиатско- и среднеазиатско-иранскими формами V–IV вв. до н.э. с начальной *сигмой* встает вопрос о методологической оправданности обращения к формам, которые разделяет 5–7 столетий. С другой стороны, более ранние памятники бактрийского языка не засвидетельствованы, так как бактрийцы в середине I тысячелетия до н.э. не обладали письменностью. О формах передачи начального др.ир. **xš*- в бактрийском в тот период можно рассуждать лишь в гипотетической тональности.

Из литературных сочинений можно выделить «Historia sucessorum Alexandri», в котором производные от др.ир. **xšaθra*- постоянно передаются через ξατρα-. Происхождение этой формы именно в этом источнике остается без объяснения.

- Начальный **xš*- в сарматском

Начальный др.ир. **xš*- сохранялся и передавался через ξ в значительном количестве сарматских имен из Северного Причерноморья. Показательно, что античная традиция тесно связывала происхождение савроматов (сарматов) с Мидией. На это указывают примеры, собранные еще М. Фасмером[83]. В этом контексте неудивительно, что и в сарматском, и в мидийском (ср. титул мидийского самозванца Фраорта(*Fraṵartiš nāma Māda*), поднявшего восстание против Дария I и объявившего себя царем (*adam : Xšaθrita*… в DB II/15, 66; IV. 18–19) из мидийской династии Киаксара[84]) — X-š-θ-r-i-t[85]) начальный **xš*- не переходил в **s*-(**š*-).

- Предварительный вывод

В качестве предварительного итога можно констатировать, что предполагаемый переход начального **xš*- > **s/š* из всех древнеиранских языков, не перешедших в среднеиранскую стадию, оказывается свойственен лишь словоформам,

---

[82] О форме þατριαγγο см.: Sims-Williams, Cribb 1995–1996, 95.

[83] Vasmer 1923, 10:

··· Sarmatae, Medorum, ut ferunt, suboles [... сарматы, как говорят, потомки мидян (Plin. NH. VI. 19)]; ὑπὸ δὲ τούτων τῶν βασιλέων πολλὰ μὲν καὶ τῶν ἄλλων τῶν καταπολεμηθέντων ἐθνῶν μετῳκίσθαι, δύο δὲ μεγίστας ἀποικίας γενέσθαι, τὴν μὲν ἐκ τῶν ᾽Ασσυρίων μετασταθεῖσαν εἰς τὴν μεταξὺ χώραν τῆς τε Παφλαγονίας καὶ τοῦ Πόντου, τὴν δ᾽ ἐκ τῆς Μηδίας παρὰ τὸν Τάναϊν καθιδρυθεῖσαν, ἧς τοὺς λαοὺς Σαυρομάτας ὀνομασθῆναι [Именно при этих царях многие из покоренных народов были перемещены к другим местам обитания, и два из них стали крупными апойкиями: одна состояла из ассирийцев и была перенесена в область между Пафлагонией и Понтом, а другая была перенесена из Мидии, расположена вдоль Танаиса, а ее народ получил наименование савроматов (Diod. II. 43. 6); Ultra Sauromatas in Asia sitos, qui Mithridati latebram et quibus originem Medi dederunt… [За савроматами, которые дали приют Митридату и происхождение которых относят к Мидии… (Solin. De mirab. XV. 18)].

[84] Подробнее см.: Mayrhofer 1979, II/20; особ.: Иванчик 1996, 85–86.

[85] См.: Mayrhofer 1979, II/20; Грантовский 1998, 176.

ассоциируемым с языком среднеазиатских скифов и древнегреческим передачам некоторых иранских слов. Показательно, что в этом отношении указанные причерноморско- и среднеазиатско-иранские словоформы (Σατραβάτης, Σατράκης) не соответствуют «обычным» нормам северозападно- (мидийского[86]), югозападно- (древнеперсидского), и северовосточноиранских (алано-сарматских наречий) языков, если взять их особенности в комплексе. Единственное точное соответствие их начального элемента обнаруживается в юговосточноиранском — бактрийском — языке (ϸατριαγγο), родственным которому считается скифский[87]. Однако нет и не может быть уверенности в том, что надпись из Рабатака, датируемая временем правления Канишки I (начало II в. н.э.), передает формы, существовавшие в середине I тыс. до н.э. и свидетельствующие о параллельном развитии среднеиранских черт в бактрийском и причерноморско-иранском языковых пластах.

Выше было высказано предположение о том, что развитие таких среднеиранских черт в переднеазиатско-иранском, как отражение начального **xš-* в виде **s-*, может предположительно датироваться серединой IV в. до н.э.[88] С другой стороны, появление «скифской» формы *Sinus* (< **šin* < **xašin*), свидетельствующей об устранении начального биконсонатизма и стяжении **xš-* (или отпадении начального **xa-*) в I в. н.э. (если информаторы Плиния современны его информации) закономерно соответствует одновременным языковым процессам и в других группах иранских языков — северо-западной (парфянский) или юго-восточной (бактрийский).

Так как переднеазиатско-иранские формы середины I тыс. до н.э. не свидетельствуют о переходе начального **xš-* в **š-*, влияние же языка скифов или саков на древнегреческий, как и обратный процесс, в данном контексте едва ли доказуемо, в качестве гипотезы о факторах влияния на более раннее появление иранской формы σατράπης и ее производных с передачей начального др.ир. **xš-* через *сигму* уже у Геродота уместна постановка посредничестве третьей традиции — переднеазиатской (но не иранской), не допускавшей биконсонатизм в начале слова.

- Влияние арамейского (?)

---

[86] В парфянском переходы š < *xš и š < šxv представлены целым рядом бесспорных примеров (Расторгуева, Молчанова 1981б, 175–176). Эти примеры относятся, однако, к среднеиранской стадии и не могут быть поставлены в один ряд с явлениями древних языков.

[87] Грантовский, Раевский 1984, 50; Кулланда 2006, 196, 201; Кулланда 2008, 206. См. возражения: Иванчик 2009, 81. Скифский язык классифицировался также как северовосточноиранский (Эдельман 1990, 200; Hinge 2005, 90) или как «североиранский» (Nyberg 1938, 250).

Ср. также: «Зафиксированные единичными (и не всегда вполне достоверными) примерами бактрийские соответствия древнеиранской фонетической модели не позволяют установить основных направлений развития этого [бактрийского – М.Б.] языка и тем самым более точно определить его место в кругу иранских» (Стеблин-Каменский 1981, 341). Этот вывод заставляет относится с крайней осторожностью к глобальным сопоставлениям тех или иных языков с бактрийским на уровне групп внутри одной семьи.

[88] В иранистике датировка стяжения xš в юговосточно-иранских языках предлагается лишь относительная, возможна в сопоставлении с развитием иных историко-фонетических феноменов: «…*xš проецируется на общевосточноиранский уровень, а ее стяжение хронологизуется как более позднее, чем озвончение ир. *-*š*- в юго-восточном ареале» (Эдельман 1986, 116).

В данном контексте причерноморско- и среднеазиатскоиранские формы с начальным σατρ-, а также собственно древнегреческие [а передача др.ир. *-*θr*- в древнегреческий через -τρ- хорошо засвидетельствована языком Геродота (I. 110, 121, 132; III. 120, 126–127)], демонстрируют наиболее точное соответствие при передаче др.ир. *-*θr*- в древнеарамейской (в «официальной арамейской»[89]) и зависимой от нее древнеегипетской форме *ḥšatrapan* (*ḫšatrapan*). Эламская (*ša*-), аккадская, древнееврейская, малоазийская и библейско-арамейская (-*dr*-) менее точны при сопоставлении с древнегреческой и «скифской» и с меньшей вероятностью могли привести к появлению -τρ- в древнегреческой и причерноморско-иранской («скифской») передаче, а сирийско-арамейская форма была сама заимствована из греческого.

С другой стороны, вышеназванные традиции, за исключением арамейской, едва ли могли привести к передаче начального др.ир. **xš*- через *сигму* (и в сочетании с передачей др.ир. **θr* через -τρ-) — такие передачи в них не засвидетельствованы в качестве регулярных (σατράπας из надписи Stratonikeia 193.5 единственное исключение, к тому же не датированное) и хронологически предшествующих греческим и причерноморско-иранским (см. выше). Присутствие **xš*- в начале слова и *-*tr*- в середине указывает на то, что в основе древнегреческой формы должна была лежать мидийская, переданная через арамейское посредничество.

Биконсонатизм в начале слова был в целом чужд природе семитских языков, а сама фонема *ḥ* в арамейском была крайне неустойчива. В арамеистике указывается, что имперский арамейский «был письменным языком: у него были пользователи, но не было носителей. Пользователи говорили на различных языках, распространенных на территории Ахеменидской империи»[90]. В связи с этим можно предположить, что термин σατράπης и его производные были заимствованы из диалекта арамейского, в котором произношение начального глухого фарингального спиранта *ḥ* было практически низведено к придыханию или было вовсе утрачено, и в связи с этим заимствованное древнеиранское начальное сочетание **xš*-, скалькированное в официальной арамейской передаче в форме *ḥš*-, произносилось в форме **š*- или **s*-.

Присутствие этой особенности в арамейских диалектах может быть подтверждено среднеарамейским материалом — отмечается «ослабление» фарингальных и их переход в ларингальные, при этом *ʾ* (< *ʿ*) и *h* (< *ḥ*) часто опускаются[91] — и в частности данными иудейского вавилонского арамейского, в котором «исторические фарингалы и ларингалы в части позиций имели единообразную нулевую реализацию»[92].

Отпадение начального фарингального в некоторых семитских географических и этнических названиях и в частности в восточноарамейских — феномен, который может прослежен не только для периода доминирования среденеарамейских языков, но и для более ранней эпохи. Так, прасем. **ʾaḥad*- («один») в арамейском

[89] Термин «официальный арамейский» («Official Aramaic») не эквивалентен понятию «имперский арамейский» («Imperial Aramaic»), так как обозначает арамейский язык, употреблявшийся в официальной сфере уже в Ассирийской империи (с VII в. до н.э. или даже раньше) (Лёзов 2009б, 497).

[90] Лёзов 2009б, 499.

[91] Церетели 1991, 204.

[92] Лёзов 2009а, 455.

приобрело форму **ḥad-* с потерей начального ларингального. Для иллюстрации выпадения начального фарингального можно привести название порта Γέῤῥα, основанного еще в VIII в. до н.э., и упоминаемого также как *Carra*, и соответствующее арабскому названию al-ʻUqayr, а также этноним Μελαγγῖται (Ptol. Geogr. 151; VI. 7. 23) и его предполагаемую исходную форму ʻAmālīq[93]. Этот процесс можно объяснять влиянием аккадского на более поздние семитские языки и диалекты Ближнего Востока[94].

Принимая во внимание официальный статус арамейского в державе ахеменидов как языка придворной канцелярии, а также повсеместное на Ближнем Востоке распространение диалектов арамейского в качестве разговорной *lingua franca*, влияние его на языки, распространенные в Передней Азии, было неизбежным. Однако, если появление формы σατράπης под влиянием арамейского представляется вероятным, то развитие перехода **xš-* > **s-/š-* в иранских языках со второй половины I тысячелетия до н.э. должно связываться лишь с факторами развития самих иранских языков при переходе из древне- в среднеиранскую стадию.

Для анализируемого сюжета — попытки выделения географических и этнических названий, в которых присутствует начальный **s-*, восходящий к др.ир. **xš-* в глагольной основе **xšā(i̯)-*, не столь важно, являлась ли потеря начального согласного при передаче начального **xš-* маркером собственно скифского или шире — причерноморско- и среднеазиатско-иранских языков, т.е. был ли он присущ его природе «естественно» или был унаследован тем или иным путем извне. Более важным представляется сам факт **присутствия** этого феномена в языковой среде Северного Причерноморья.

Трудно сказать, переходило ли при предполагаемой трансформации сочетание **xš-* в **š* или в **s*. Древнегреческие передачи не могут дать точного ответа на этот вопрос, так как в самом древнегреческом языке аналог древнеиранского **š* отсутствовал, и **š* в любом случае передавался через *сигму*. Семитские же передачи, за исключением древнеарамейской («официальной» арамейской), точно воспроизводящей **xš-* через *ḥš*[95], *нерегулярны*[96]. *Поэтому, возможно, более корректной представляется формулировка не о переходе* **xš* > **s*, а о возможности отпадения начальных гортанных *x* и *ḥ* (а, может быть, и любых нешипящих, как в авестийском[97]) при сохранении начального **š* как среднеязычного шипящего.

---

[93] Более подробно о происхождении названий Γέῤῥα и Μελαγγῖται см.: Bukharin 2007, 80–85; Бухарин 2009, 166, 173.

[94] Ср.: «Dass in Ausnahmen und vor allem in Fremdworten ϩ, eventuell auch ḣ, entweder mit ḫ(-Zeichen) geschrieben oder durch ḫ ersetzt wurden, zeigt, dass insgesamt nicht nur von einer mangelnden Wiedergabe in der Schrift, sondern von einem Verlust dieser Phoneme ausgegangen werden kann» (Keetman 2004, 5–6). Это замечание в отношении Герры тем более актуально, что, как сообщает Страбон (XVI. 3. 3), Герра была основана беженцами из Вавилонии.

О влиянии аккадского на восточно-аравийские диалекты см.: Holes 2006, 31–32.

[95] Ср.: «In der Sprache der Reichsverwaltung war *ḥšatrapan* üblich, die genaue Umsetzung des medischen (nicht-persischen) **xšaθra-pā-na-*» (Schmitt 1976, 377). Староарамейской форме точно соответствуют древнеегипетские передачи: иероглифическая ḫšdrpn и демотическая ḫštrpn (Schmitt 1976, 378).

[96] Об опасности полагаться на семитские передачи при анализе древнеиранских имен в связи с неизбежными искажениями и ошибками см.: Грантовский 2007, 111.

[97] См., напр.: Harlez 1882, 28.

ЛИТЕРАТУРА

*Абаев В. И.*1949: Осетинский язык и фольклор. М.; Л.

Абаев В. И. 1979: Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 272–364.

Андреева С. Э. 2007: Еще раз к вопросу об этнической принадлежности сайев // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 227–233.

Бухарин М. Д. 2009: Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М.

Георгиев В. 1957: Тракийският език. София.

Герценберг Л. Г. 1981: Хотаносакский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 233–314.

Грантовский Э. А. 1998: Иран и иранцы до ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.

Грантовский Э. А. 2007: Ранняя история иранских племен Передней Азии. М. *Грантовский Э. А.*, *Раевский Д. С.* 1984: Об иранозычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья в античную эпоху. Лингвистика, история, археология. М., 47–66.

Дандамаев М. А. 1985: Политическая история ахеменидской державы. М.

Дандамаев М. А. 2009: Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб.

Дуриданов И. 1976: Езикът на траките. София.

Дьяконов И. М. 2008: История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. / С. Р. Тохтасьева, В. А. Якобсона (ред.). СПб.

*Дечев Д.*1952: Характеристика на тракийския език. София.

Дьяконов И. М., *Неронова В. Д.*, *Свенцицкая И. С.* 1982: История древнего мира. Т. II. Расцвет древних обществ. М.

Иванчик А. И. 1996: Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М.

Иванчик А. И. 2009: К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2, 62–88.

Кулланда С. В. 2005: Еще раз о скифском языке // Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып.VI, 215–223.

Кулланда С. В. 2005-2009: Thraco-Scythica denuo // Stratum-plus. Культурная антропология и археология. Скифские интерпретации. 3, 142–145.

Кулланда С. В. 2006: Lingua Scythica ad Usum Historici // Древности скифской эпохи. Памяти А. И. Мелюковой / В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский (ред.). М., 194–209.

Кулланда С. В. 2008: Scythica obsoleta (по поводу книги *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература, история. Москва–Берлин: Палеограф, 2005 (Pontus septentrionalis III)) // ВДИ. 1, 204–210.

Лёзов С. В. 2009: Арамейские языки // Языки мира: семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемие языки. М., 414–496.

Лёзов С. В. 2009: Имперский арамейский язык // Языки мира: семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемие языки. М., 496–531.

Молчанов А. А. 1987: Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 78-85.

Пьянков И. В. 1994: Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 4, 191–207.

Расторгуева В. С., *Молчанова Е. К.*1981б: Парфянский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 147–233.

Соболевский А. И. 1921: Русско-скифские этюды. I–XII // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 26, 1–44.

Стеблин-Каменский И. М. 1981: Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 314–346.

Топоров В. Н. 1970: О происхождении нескольких русских слов (К связям с индоиранскими источниками) // Этимология М., 21–45.

Тохтасьев С. Р. 2005: Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Excanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 59–108.

Тохтасьев С. Р. 2005: SAUROMATAE — SARMATAE — SYRMATAE // Херсонесский сборник. 14 (памяти М. И. Золотарева), 291–306.

Тохтасьев С. Р. 2007: Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1, 170–209.

Фрай Р. 2002: Наследие Ирана. М.

Церетели К. Г. 1991: Арамейский язык // Языки Азии и Африки. Т. IV. Афразийские языки. Кн. 1. Семитские языки. М., 194–249.

Эдельман Д. И. 1986: Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.

Эдельман Д. И. 1990: Иранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 200–201.

Эдельман Д. И. 2009: Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.

Bailey H. W. 1979: Dictionary of Khotan Saka. Cambridge.

Berve H. 1926: Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bde I–II. München.

Bopearachchi O. 1993 : Naptзn, un prince iranien inconnu entre Grecs et Kouchans (information) // CRAI. 137. 3, 609–611.

Bukharin M. D. 2007: Der zentralarabische Zweig der „Weihrauchstraße“ // AAE. 18, 80–85.

Dandamayev M. A. 2005: Rev.: HILMAR KLINKOTT. *Der Satrap*. Ein Achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspiegelräume. Frankfurt am Main.

Darwin Ch. 1981: On the Origin of Species by Means of Natural Selection or the Preservation of Favored Races in the Struggle for Life. 5th ed. New York.

Djelani Davary G. 1982: Baktrisch. Ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine. Heidelberg.

Edgerton F. 1911: The k-Suffixes of Indo-Iranian. Part I: The k-Suffixes in the Veda and Avesta. Leipzig.

Fredricksmeyer E. A. 1958: The Religion of Alexander the Great. Madison.

Gehman H. S. 1924: Notes on the Persian Words in the Book of Esther // Journal of Biblical Literature. 43. 3–4, 321–328.

Gulick Ch.B. (trans.) 1971: *Athenaeus*. Deipnosophists. Volume VII. Books 14.653b–15 London; Cambridge.

Harlez C. de 1882: Manuel de la langue de l’Avesta. Grammaire, Anthologie, Lexique. Paris.

Harmatta J. 1970: Studies in the History and Language of the Sarmatians. (Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antique et archaeologica. Tomus XIII).Szeged.

Harmatta J. 2002: Alexander the Great in Central Asia // *Harmatta J.* Selected Writings. West and East in the Unity of the Ancient World / L. Havas, I. Tegyey (eds.). Debrecen, 56–63.

Heckel W. 1992: The Marshals of Alexander’s Empire. London.

Hinge G. 2005: Herodot zur scythischen Sprache. Arimaspen, Amazonen und die Entdekkung des Schwarzen Meeres // Glotta. 81, 86–115.

Holes C. 2006: The Arabic Dialects of Arabia // PSAS. 36, 25–34.

Holt F. 1994: Spitamenes Against Alexander // Historikogeographika. 4, 51–58.

Humbach H. 1966: Baktrische Sprachdenkmäler. Bd. I. Wiesbaden.

Ivantchik A. 2008 : Review: D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella. A Commentary on Herodotus. Books I–IV // ACSS. 14. 1–2, 193–208.

Kullanda S. V. 2007: Scythian Wordstock in Cuneiform Sources // Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Barcelona.

Jacobs B. 1994: Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III. Tübingen.

*Jacobsohn H.*1927: Σκυθικά // ZFS. 54, 254–286.

Keetman J. 2004: Der Verlust der „Kehllaute" im Akkadischen und der Lautwandel a>e // Altorientalische Forschungen. 31. 1, 5–14.

Klinkott H. 2005: Der Satrap. Ein Achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspiegelräume. Frankfurt am Main.

Lecoq P. 1987: Aparna // Encyclopaedia Iranica. Vol. 2 / E. Yarshater (ed.). New York.

Mayrhofer M. 1979: Iranisches Personennamenbuch. Bd. 1. Die altiranischen Namen. *Fasc I.* Die altiranischen Namen. Fasc. 2. Die altpersischen Namen. Wien.

Minorsky V. 1957: Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan (Mongolica, 4) // BSOAS. 19/1, 58–81.

*Nyberg H. S.*1938: Die Religionen des alten Iran. (Mitteilungen des Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft. 43). Leipzig.

Robert L. 1963 : Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. Pt. 1. (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul. XIII). Paris.

Schmitt R. 1967: Medisches und Persisches Sprachgut bei Herodot // ZDMG. 117, 119–145.

Schmitt R. 1976: Der Titel "Satrap" // Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics Offered to *Leonard R.* Pamer / A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). Innsbruck, 373–390.

*Schmitt R.*1978: Die Iranier-Namen bei Aischylos. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 337. Veröffentlichungen der iranischen Kommission. Bd. 6. Iranica Graeca Vetustiora. I). Wien.

Sims-Williams N. 1998: Further Notes on the Bactrian Inscription of Rabatak, with an Appendix on the Names of Kujula Kadphises and Vima Taktu in Chinese // Proceedings of the Third European Conference of Iranian Studies Part 1: Old and Middle Iranian Studies / Sims-Williams (ed.). Wiesbaden, 79–92.

Sims-Williams N. 2010: Bactrian Personal Names (Iranisches Personennamenbuch. Bd II. Mitteliranische Personennamen. Fasz. 7). Wien.

Sims-Williams N., *Cribb J.* 1995–1996: A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. 4, 75–142.

Sprengling M. 1953: Third Century Iran, Sapor and Kartir. Chicago.

Stonecipher A. H.M. 1918: Graeco-Persian Names. (The Vanderbilt Oriental Series. IX). New York; Cincinnati; Chicago.

Tavernier J. 2007: Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.). Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts. Leuven; Paris; Dudley.

Vasmer M. 1923: Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Bd. I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig.

TRANSITION OF OLD IRANIAN *XŠ- > *S- AND ITS REFLECTION IN ANCIENT GREEK AS AN ISSUE OF DEBATE ON SCYTHIAN LANGUAGE

M. D. Bukharin

The study of some Iranian toponyms, ethnic names, and proper names which most likely began with **xš*-, shows that *sigma* at the beginning of their Greek versions is quite logical. Proper names Σατραβάτης and Σάτραι mentioned in the discussion of Scythian historical phonetics have nothing to do with the Scythian language. The name Σατράκης displays **xš*- rendering with sigma possibly through **ṣṣ-*: **xš*- > **ṣṣ*- > **s*- (σ). The name Σαιταφάρνος also makes it possible to regard Old Iranian **xš*- as **s-/š*- in the language of some nomadic Iranian tribes of northern Prichernomorye, though ethnic origin of the native speaker and precise linguistic attribution remain the subject of discussion. The study of forms with initial **xšaθra*- > σατρα- (σατράπης) suggests the influence of Aramaic, *lingua franca* in ancient Middle East, on its rendering in ancient Greek.

Key words: Northern Black Sea Region, the Old Iranian, ancient Greek

© 2013

В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко

ОТ ХОРЕЗМА ДО БОСПОРА: О «САРМАТСКОЙ» ПОСАДКЕ ВСАДНИКОВ

Авторы статьи обращаются к проблеме своеобразного способа атаки тяжеловооруженных всадников, которые сокрушали вражеский строй длинной пикой. При этом в момент атаки всадники бросали поводья и удерживали пику двумя руками. Такой способ атаки впервые был выявлен в исследованиях В. Д. Блаватского на боспорском материале. Эта проблема на протяжении нескольких десятилетий была объектом острых дискуссий. Авторы данной статьи собрали весь изобразительный материал, отображающий данный способ атаки всадников, и добавили к нему ранее не использовавшиеся материалы из Хорезма, видимо, относящиеся к самой ранней стадии в развитии этого способа сражения.

Ключевые слова: сарматы, Хорезм, Боспор, Центральная Азия, всадники, катафрактарии

В последние годы в специальной литературе (как в обычной, печатной, так и в электронной) развернулась довольно горячая дискуссия относительно одного, хотя и частного, но весьма важного вопроса — посадки сарматской конницы.

Впервые сама постановка этого вопроса была осуществлена В. Д. Блаватским в 1949 г.[1] Позднее он несколько раз возвращался к нему, уточняя свои наблюдения и выводы[2]. Отправной точкой в его концепции было убеждение, что военное дело Боспорского царства в первые века н.э. приобрело характер, резко отличный от того, который существовал ранее. Под влиянием сармат основой вооруженных сил Боспора стала кавалерия. Она была вооружена и экипирована по-сарматски и использовала сарматские же методы боя. Основным способом атаки был натиск тяжеловооруженных всадников, которые сокрушали вражеский строй. При этом в момент атаки всадники бросали поводья, с помощью которых они до этого управляли конями, поскольку длинная и тяжелая пика — их главное оружие — должна была быть удерживаема двумя руками. Этот метод атаки со всеми его характерными особенностями воспроизводится в живописи нескольких боспорских склепов и на терракотовых статуэтках первых веков н.э. При этом, естественно, корпус всадника изображался почти фронтально.

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

Гаибов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

[1] Блаватский 1949, 96–100.

[2] Блаватский 1954, 113–117; Блаватский 1968, 44–45.

Вывод В. Д. Блаватского был принят специалистами. Позднее эту проблему на более широком фоне рассмотрел А. М. Хазанов, привлекший материалы не только Боспора, но также Парфии, Сасанидского Ирана и некоторых других обществ Востока[3]. А. М. Хазанов подчеркивал, что сарматская посадка всадника и длинное копье — не единственные существенные особенности тактики всадников. Чрезвычайно важным элементом в ней был мощный защитный доспех всадника и, иногда, коня. Точно так же непременным условием успеха в бою являлся сам строй всадников — сплоченным отрядом, способным «разорвать» боевые построения противника. Он также показал, что данный метод вооружения и проведения боя сформировался на Востоке, но не уточнил место его появления. Данный метод был своего рода ответом на военные достижения Запада, связанные, в первую очередь, с успехом греческой и македонской фаланг и римского легионного строя.

Эти представления несколько десятилетий были общепринятыми (хотя и имелись некоторые расхождения по частным вопросам). Однако в самое последнее время против этой устоявшейся концепции началась усиленная атака. Первыми выступили В. А. Горончаровский и В. П. Никоноров[4], но настоящим «возмутителем спокойствия» стал А. В. Симоненко. Не углубляясь в раннюю литературу, он сосредоточил свое внимание на ряде работ относительно недавнего времени, созданных С. М. Переваловым[5], в которых рассматривались проблемы военно-политической истории аланов. Соответственно, важное место в них заняли вопросы, связанные с характером вооружения аланских воинов, их тактикой, методами атак и т.д. Поскольку эти вопросы рассматривались С. М. Переваловым в традиционном ключе, то А. В. Симоненко, критикуя С. М. Перевалова, стремится, по существу, разрушить всю устоявшуюся систему представлений[6]. Он полагает, что мощный удар пикой без стремян невозможен; управлять конем, не пользуясь уздой, чрезвычайно опасно; произведения искусства, в которых изображен этот метод атаки, отображают не реальную жизнь, а некую условную схему и т.д.

Естественно, что эти взгляды не нашли поддержки среди исследователей. С. М. Перевалов ответил статьей, в которой повторно дал исчерпывающий анализ свидетельств античных письменных источников, совершенно бесспорно указывающих на существование сарматской посадки и атаки с использованием длинной пики, удерживаемой двумя руками. Он же указал на полную несостоятельность предположения А. В. Симоненко об условности изображений таких всадников[7]. Д. А. Скобелев также решительно возражал А. В. Симоненко. Он прежде всего привлек значительный дальневосточный материал средневекового времени, а так-

[3] Хазанов 1971, 71–90.

[4] Горончаровский, Никоноров 1987, 201–213. Отметим, что В. А. Горончаровский повторил свою критику и в более поздней работе (Горончаровский 2003, 66). Однако нельзя не отметить любопытного нюанса: автор в тексте решительно возражает против существования упомянутого метода атаки сарматских (и боспорских) тяжеловооруженных всадников, но в иллюстрациях, приводя бой конника с пехотинцем (Илл. Д), абсолютно точно воспроизводит этот метод (брошенные поводья, копье, которое всадник держит двумя руками, слегка развернутые плечи).

[5] Перевалов 1997, 123–128; Perevalov 1998, 7–21; Перевалов 1999, 283–315; Перевалов 1999а, 65–77; Perevalov 2002, 7–21.

[6] Симоненко 2001, 161–166; Симоненко 2002, 107–122.

[7] Перевалов 2004; Перевалов 2007, 139–162.

же показал, что в боевых уставах российской императорской и германской кавалерии зафиксирован подобный метод атаки[8].

Наконец, авторы данной статьи, публикуя буллы парфянского времени из раскопок Гебеклы-депе (Маргиана), которые имеют изображения всадника, в сарматской манере атакующего пехотинца, также привлекли некоторые аргументы, направленные против взглядов А. В. Симоненко[9]. Наша критика была, в первую очередь, направлена против его утверждения, что невозможно управлять конем во время боя при брошенном поводе. Мы, помимо прочих доводов, приводившихся и другими исследователями, использовали, в частности, воспоминания проходивших обучение в лейб-гвардии кирасирском полку рядовых и вольноопределяющихся накануне Первой мировой войны: самые первые упражнения состояли в езде без стремян, затем осваивалась езда стоя на седле, наконец, следовало обучение вольтижировке. Следующая ступень обучения — прыжки через препятствие, при этом всадник бросает поводья и кладет руки на бедра. Еще более сложным является другое упражнение — такой же прыжок, но сидя на седле лицом к хвосту[10]. Таким образом, степень выучки рядовых солдат в регулярной кавалерии была достаточно высокой, явно позволявшей им управлять конем без поводьев, только шенкелями. В связи с этим мы напоминали, что создатель концепции сарматской посадки В. Д. Блаватский в начале 20-х гг. служил именно в кавалерии, которая тогда была еще «живым» родом войск, и он прошел, естественно, настоящую выучку в верховой езде и методах конного боя. Его концепция, таким образом, основывалась не на умозрительных построениях, а на опыте кавалериста, хорошо знающего пределы возможного и невозможного в конном бою.

Во всей литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, однако, насколько нам известно, не ставился вопрос о происхождении сарматской посадки. Не претендуя на исчерпывающее решение вопроса, мы хотели бы привести некоторые материалы, которые должны помочь рассмотреть эту проблему. Однако перед этим необходимо рассмотреть (самым кратким образом) весь фонд имеющихся материалов.

Естественно, что мы будем учитывать только те изображения, в которых отчетливо видна атакующая позиция всадника. Рассмотрим памятники по зонам их распространения. Отправной точкой в этом списке может быть Боспор Киммерийский.

Боспор Киммерийский. Здесь зафиксированы три живописных панно этого типа в некрополе Пантикапея: из так называемого Стасовского склепа[11] склепа

---

[8] Скобелев 2004.

[9] Gaibov, Koshelenko 2008, 99–107.

[10] Трубецкой 1966, 384–387.

[11] Ростовцев 1914/I, 293–345; Ростовцев 1914/II, табл. LXXVIII, 1, LXXIX; Rostovtseff 2003–2004/I, 389–392; Rostovtseff 2003–2004/II, pl. LXXVIII, 1; LXXIX, (Ростовцев 1914. I, 346–375; Ростовцев 1914. II, табл. LXXXVIII, 2; Rostovtseff 2003–2004. I, 444–445; Rostovtseff 2003–2004. II, pl. LXXXVIII, 2. В данном случае мы даем двойные сноски на работу М. И. Ростовцева (русское издание 1914 г. и французский перевод 2003–2004 г.), поскольку русское издание практически недоступно зарубежным исследователям, в то время как французский перевод так же малодоступен для большинства русскоязычных читателей.

Ашика[12] и склепа 1873 г.[13] Еще более показательным примером является небольшая терракотовая статуэтка всадника-катафрактария в пластинчатом доспехе из Керчи (?), хранящаяся в Государственном Историческом музее («Конь и всадник…» 2003, 18, рис. 19). Важным документом является и знаменитая стела Трифона из Танаиса[14]. В то же время, при рассмотрении мы не учитываем граффито из Илурата[15], поскольку воспроизведения его очень некачественные, а реконструкции — сомнительны.

Нижняя Волга. Единственным объектом, происходящим с собственно сарматских территорий, является знаменитая чаша (кубок) из Косики, в двух регистрах которой представлены сцены конной охоты на кабана и битвы двух всадников[16].

Дура-Европос. Помимо широко известного граффити с изображением атакующего катафрактария[17], необходимо упомянуть живописную сцену с изображением поединка всадников из синагоги[18], а также роспись в одном из домов, когда в бою один из противников уже выбит из седла[19].

Мидия. На скале Бисутун зафиксирован наскальный рельеф с именем Готарза Геопотроса (II в. н.э.), на котором представлена сцена сражения всадников[20].

Элимаида. Подобная сцена присутствует на наскальном рельефе в Танг-и Сарваке[21].

Маргиана. При раскопках Гебеклы-депе найдена серия из трех булл с изображениями всадника, атакующего пехотинца. Хват копья здесь передан в соответствии с данной схемой[22].

Персида (Фарс). Здесь имеется несколько наскальных рельефов с подобными сценами. Прежде всего необходимо указать на знаменитый рельеф в Фирузабаде, где изображена победа основателя государства Сасанидов Ардашира над последним парфянским царем Артабаном V[23]. В Накш-и Рустеме зафиксировано четыре таких рельефа, принадлежащих ранним Сасанидским царям, последним из которых, видимо, является Бахрам IV (самый конец IV в. н.э.)[24].

Согдиана. При раскопках могильника Орлат в одном из погребений были найдены костяные пластинки с изображениями битвы и охоты[25]. Для нашей темы важна та из больших пластин, на которой передано сражение. В нижнем регистре изображен поединок двух тяжеловооруженных всадников (наилучшую прорисовку, с нашей точки зрения, см. (Борисенко, Худяков 2005, рис. 5, 1–2)). Правый

---

12 Ростовцев 1914/I, 346–375; Ростовцев 1914/II, табл. LXXXVIII, 2; Rostovtseff 2003–2004. I, 444–445; Rostovtseff 2003–2004. II, pl. LXXXVIII, 2.

13 Ростовцев 1914/ I, 227–243; Ростовцев 1914/ II. LXIV, 1; Rostovtseff 2003–2004/I, 297–298; Rostovtseff 2003–2004/II, pl. LXIV, 1.

14 Блаватский 1954, 143, рис. 66.

15 Горончаровский, Никоноров 1987, 201–213.

16 Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 141–179; Трейстер 1994, 172–203; Галл 1997, 174–198.

17 Ghirshman 1962, fig. 223.

18 Kraeling 1956, 95–99; Бонгард-Левин, Гаибов, Кошеленко 2007, 15–32.

19 Ghirshman 1962, fig. 55.

20 Gall 1960, 11–13.

21 Vanden Berghe, Schippman 1985, fig. 12; Gall 1990, 13–19.

22 Gaibov, Koshelenko 2008, 99–107.

23 Gall 1990, 23.

24 Gall 1990, 30–35.

25 Пугаченкова 1989.

из них уже повержен, левый, являющийся победителем, изображен атакующим по-сарматски: в его руках очень длинное копье, которое он держит двумя руками, бросив повод, голова передана в профиль, туловище — в три четверти. Датируется данное погребение первыми веками н.э. (Ilyasov, Rusanov 1997/98, 123–130).

Бактрия. Видимо, из Бактрии происходит замечательная гемма из частной коллекции Джонатана Розена в Нью-Йорке[26], на которой изображен тяжеловооруженный всадник, атакующий пехотинца (цв. вкл. 15, рис. 1). Одетый в кочевнический костюм всадник пронзает длинной пикой, которую он держит двумя руками, припавшего на колено воина-эллина, вооруженного круглым щитом и коротким мечом. Сцену венчает богиня победы Ника. Данная сцена как нельзя более ярко подтверждает факт хвата пики во время атаки двумя при брошенном поводе.

В общий фонд материалов, видимо, надо также добавить сцены, где всадник нападает не на врага, а на зверя. При этом общая схема остается неизменной. Среди оттисков печатей на буллах из Старой Нисы имеется изображение всадника, атакующего ставшего на задние лапы льва[27]. Аналогичные изображения представлены и в монументальном искусстве несколько более позднего времени. Мы имеем в виду терракотовую плиту из Линден-Музея в Штутгарте[28], а также известную чашу из Вереино[29], которую, видимо, следует датировать IV–V вв.[30] Разновидностью этого варианта сюжета является изображение, где хищник не стоит на задних лапах, а находится в более естественной позе — стоящим на земле на всех четырех лапах. К числу подобных произведений относится плита из Британского музея[31], близкие изображения имеются среди граффити Дура-Европос[32], а также Хатры[33].

Подводя некоторые итоги данной сводке, мы должны будем обратить внимание на хронологию приведенных нами памятников. Практически все они датируются первыми веками н.э. Единственным возможным исключением является булла из раскопок Старой Нисы. Хотя точная датировка нисийских булл не была установлена, наиболее вероятно, что они могут быть датированы II–I вв. до н.э. Однако имеются два артефакта, датировка которых более надежна. Правда, эти памятники никогда, насколько нам известно, не привлекали внимания исследователей данной проблемы. Мы имеем в виду две рельефные фляги, полученные при исследовании археологических памятников Хорезма[34].

Одна из них происходит из раскопок Калалы-гыр 2[35]. На фляге всадник изображен скачущим на лошади влево. Сам всадник передан несколько схематично, но зато лошадь — очень тщательно и с большим знанием деталей (рис. 2).

---

[26] Иллюстрация и краткая информация об этой гемме была предоставлена авторам статьи А. Б. Никитиным, за что мы приносим ему искреннюю признательность

[27] Bader 1996, № 2; Никитин 1993, № 2.

[28] Il'jasov, Kalter 2005, 411–418.

[29] Смирнов 1909, № 68; Тревер 1940, 87–90, табл. 22–24.

[30] Lebedynsky 2003, 144.

[31] Ghirshman 1962, fig. 122.

[32] Goldman 1999, 38, № B. 5a,b.

[33] Venco Ricciardi 2005, 212, fig. 7.

[34] Наше внимание на них в этой связи обратила Н. Д. Двуреченская, за что мы приносим ей искреннюю благодарность.

[35] Калалы-гыр 2, 2004, 227–228, рис. 7/14 и 7/15.

По мнению Б. И. Вайнберг, изображена явно высокопородистая лошадь с маленькой головой и длинной шеей, которую она при движении держит высоко. Передние ноги вытянуты вперед — но данное утверждение автора не кажется твердо обоснованным (передние ноги практически не видны). Грива лошади подстрижена, между ушами виден «султанчик». Упряжь коня изображена достаточно подробно. Отмечается, в частности, раздвоенный повод. Внизу шею коня охватывает ремень, по мнению Б. И. Вайнберг, крепившийся к седлу. Штрихи на теле коня, видимо, представляют попону или украшения седла. На боку имеются изображения двух фаларов. В связи с этим автор указывает, что фалары совершенно не характерны для ранней культуры Хорезма. Всадник держит в правой руке длинное копье с выделенным наконечником. Левой рукой он держит заднюю часть копья. Ноги вытянуты вперед. Туловище всадника развернуто в фас, а голова дана в профиль. Б. И. Вайнберг считает, что здесь «выделены глаза, нос, рот и, очевидно, небольшая борода. Лоб закрыт волосами, спускающимися на плечи». Нам же представляется, что здесь, хотя и не очень точно, изображен беотийский шлем с высоким и длинным султаном. Такие шлемы очень часто встречаются на изображениях царей, представленных на греко-бактрийских монетах. Черно-белые фотографии «смазывают» это впечатление, но при визуальном обследовании и на цветных фотографиях сходство с таким шлемом резко усиливается.

Детали туловища и костюма видны не очень отчетливо. Хорошо заметен только пояс, к которому подвешен короткий меч типа акинака, закрепленный у бедра выше колена. Меч имеет навершие в виде полумесяца, на его ножнах есть округлая обойма, через которую пропущен ремень, закреплявший оружие на ноге.

Рис. 3

Вероятно, данный артефакт может быть включен в нашу общую сводку всадников с сарматской посадкой: у него длинная пика, которую он держит двумя руками, его тело, соответственно, передано в фас в соответствии с логикой позы. Однако имеются некоторые отличия от «классической» позы: голова дана в фас, а повод — в правой руке. Всадник в данном случае держит в руке одновременно и повод, и переднюю часть копья. Можно думать, что эти отличия от типичной посадки и позы объясняются тем, что здесь изображен не момент атаки, как на всех остальных изображениях этого класса, а простое движение вперед. Подтверждением этому служит и положение копья: оно не параллельно земле, как на всех изображениях батальных сцен, но передняя часть его приподнята вверх.

Более отвечает канону рельефное изображение на другой фляжке, происходящей с Кой-Крылган-кала[36]. Любопытно, что в первоначальной публикации воспроизведена только передняя часть рельефа, позднее же удалось подобрать еще один фрагмент, дополнивший сцену (рис. 3). На рельефе представлено грубовато исполненное изображение всадника на лошади, скачущей галопом. К сожалению, не сохранились изображения передних частей и полностью задних ног коня. На голове всадника головной убор, похожий на башлык, несколько свешивающийся вперед. Насколько можно судить, голова персонажа передана в три четверти, а туловище — в фас. Всадник держит копье двумя руками: левой впереди, правой — сзади. Повод, кажется, брошен. Хорошо видны седло и попона. В целом данный артефакт полностью укладывается в традиционную схему всадника, сидящего посарматски и атакующего врага (хотя враг здесь не виден).

[36] Толстов 1956, 176, рис. 72, 2; Воробьева 1967, 201, рис. 75, 6.

Рис. 4

Наконец, необходимо указать еще на одну фрагментированную рельефную флягу, происходящую с Джанбас-калы[37]. Здесь передан момент атаки вооруженного копьем конником какого-то животного[38] (рис. 4). К сожалению, сохранность этого фрагмента такова, что быть полностью уверенным в «каноничности» рассматриваемой схемы нельзя, однако расположение левой («передней») руки всадника перед крупом коня позволяет предположить хват копья двумя руками.

Из вышеприведенных примеров следует, что к числу регионов, в которых зафиксированы изображения всадников, использующих при атаке на врага (или на охоте) такой своеобразный метод, как сарматская посадка, с достаточно большой долей уверенности можно отнести и древний Хорезм. При этом хорезмийский материал позволяет сделать некоторые выводы относительно времени создания этих артефактов. Что касается фляги с Кой-Крылган-калы, то, как показала М. В. Воробьева, все аналогичные фляги (независимо от места их обнаружения) происходят из нижнего горизонта, датируемого обычно IV–III вв. до н.э.[39] К тому же самому времени относится и фляга из раскопок Калалы-гыр 2[40]. Рельеф на фляге из Джанбас-калы С. П. Толстов датирует по времени существования памятник в широком диапазоне: IV в. до н.э. — I в. н.э., т.е. «кангюйским» временем[41].

Таким образом, можно предположить, что в настоящее время наиболее ранние объекты, на которых представлены всадники, сидящие на коне и атакующие врага по-сарматски, происходят из Хорезма. Они относятся, как нам представляется, к раннеэллинистической эпохе. Конечно, безоговорочно утверждать, что именно Хорезм был родиной этого тактического приема, было бы несколько преждевременным. Скорее всего, будет более правильным говорить в настоящее время о Центральной Азии в целом.

---

[37] Толстов 1948, 202; табл. 82, 1.

[38] С. П. Толстов трактует это животное как кабана. На наш взгляд, следует говорить о каком-то хищнике семейства кошачьих, что, впрочем, в данном контексте непринципиально.

[39] Воробьева 1967, 201.

[40] Калалы-гыр 2, 2004, 240.

[41] Толстов 1948, 88, 202.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1949: О боспорской коннице // КСИИМК. XXIX, 96–99.

Блаватский В.Д. 1954: Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Блаватский В.Д. 1968: О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 44–46.

Бонгард-Левин Г.М., *Гаибов В.А.*, *Кошеленко Г.А.* 2007: Всадники в синагоге // Всадники в синагоге. Человек в культурной и природной среде. Труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М., 15–32.

Борисенко А.Ю. 2005: Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 56–69.

Воробьева М.Т. 1997: Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Кой-Крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма / С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг (ред.). М., 173–214.

Галл Х., фон. 1997: Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 2, 174–198.

Горончаровский В.А. 2003: Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М.

Горончаровский В.А., *Никоноров В.П.* 1987: Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1, 201–213.

Дворниченко В.В., *Федоров-Давыдов Г.А.* 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 3, 141–179.

Вайнберг Б.И. (ред.) 2004: Калалы гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М.

Конь и всадник. 2003: Взгляд сквозь века. Каталог выставки 21 марта — 29 сентября 2003 г., ГИМ. М.

Никитин А.Б. 1993: Парфянские надписи на буллах из Старой Нисы // Археологические вести. 2, 103–106.

Перевалов С.М. 1997: Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. Вып. 3, 129–134.

Перевалов С.М. 1999: «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // Древнейшие государства Восточной Европы 1996—1997 гг. Северное Причерноморье и Античность: Вопросы источниковедения / А. В. Подосинова (ред.). М., 283–315.

Перевалов С.М. 1999: Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 4, 65–76.

Перевалов С.М. Сарматская посадка: в продолжение темы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.history.pu.ru/biblioth/war/2004/013.htm.

Перевалов С.М. 2007: Сарматоведение: между историей и археологией // ВДИ. 3, 139–162.

*Пугаченкова Г.А.*1989: Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.

Ростовцев М.И. 1914: Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. Текст. Т. II. Атлас. СПб.

Симоненко А.В. 2001: «Сарматская посадка» — историческая реальность или исторический миф // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар; Анапа, 161–166.

Симоненко А. В. 2002: Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 1, 107–122.

Скобелев Д. А. 2004: Хочу возразить. О некоторых дискуссионных вопросах сарматоведения (Ответ на статью А. В. Симоненко в ВДИ № 1 за 2002 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.history.pu.ru/biblioth/war/2004/014.htm

Смирнов Я. И. 1909: Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.

Толстов С. П. 1948: Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.

Толстов С. П. 1956: Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II (Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953). М.

Тревер К. В. 1940: Памятники Греко-бактрийского искусства. М.; Л.

Трейстер М. Ю. 1994: Сарматская школа художественной торевтики. (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1, 172–203.

Трубецкой В. С. 1996: Записки кирасира // Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., 384–386.

Хазанов А. М. 1971: Очерки военного дела сарматов. М.

Bader A. 1996: Little-known materials of Parthian sphragistics and epigraphy (Sealings from Old Nisa, Turkmenistan) // Archives et Sceaux du monde hellénistique. Ed. par M.-F. Boussac et A. Invernizzi. Paris, 395–407.

Gaibov V., Koshelenko G. 2008: A horseman chairing a foot-soldier: a new subject in Parthian glyptic art // PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico. nº 10. Pisa;Roma, 99–107.

Gall H. von. 1990: Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflußten Kunst parthischer und sasanidescher Zeit // Teheraner Forschungen. Bd. VI. Berlin.

Ghirshman R. 1962: Iran. Parthes et Sassnides. Paris.

Goldman B. 1999: Pictorial graffiti of Dura-Europos // Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. nº 1. Pisa; Roma, 19–106.

Ilyasov J.Ya., Rusanov D. V. 1997/98: A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 5. 107–159.

Il'jasov J., Kalter J. 2005: Eine Terrakottaplatte mit Löwenjagd aus der Sammlung der Linden-Museums Stuttgart // Archaeologischer Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 35–36. 2003–2004. Berlin, 411–418.

Kraeling C. H. 1956: The Synagogue (The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. Pt. I). New Haven.

Lebedynsky J. 2003: Les Nomades. Les peoples nomads de la steppe des origins aux invasions mongoles (XIe siècle av. J.-C. — XIIIe siècle ap. J.-C.). Paris.

Perevalov S. M. 1998: Le kontos et le style de monte des cavaliers Sarmates. L'apport les Sarmato-Alains aux tactiques de cavalerie // *Perevalov S. M.*, Lebedynsky I. Les combatants Sarmates et Alains dans l'armée romaine. Saulcet. Gallia;Sarmatia, 1–70.

Perevalov S. M. 2002: The Sarmatian Lance and the Sarmatian Horse-Riding Posture // Anthropology and Archaeology of Eurasia. 41. 4, 7–21.

Rostovtseff M. I. 2004: La peinture décorative antique en Russie Méridionale. Saint-Pétersbourg 1913–1914. Vol. 1: Texte. Description et etude des monuments. Sous la direction d'Alix Barbet. Paris.

Vanden Berghe L., Schippman K. 1985: Les reliefs rupestres d'Elymaïde (Iran) de l'époque parthe. Gent.

Venco Ricciardi R. 2005: Immagini graffite dall'edificio A di Hatra // Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. no 6. Pisa; Roma, 203–225.

FROM KHWARESM TO THE BOSPORUS: SARMATIAN HORSEMAN POSTURE

V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko

The authors direct their attention to a specific attack carried out by heavy cavalry who shattered the enemy's army with long lances. In doing so they dropped reins and took hold of the lance with both hands. V.D. Blavatsky was the first to present this mode of attack in his studies that were based on Bosporus data. It has been a burning issue of numerous debates for several decades. The authors of the article collected all illustrative material displaying this mode of attack and added the material from Khwaresm that has not been used before and possibly dates as far back as the earliest stage of employing this method of attack.

Key words: Sarmatians, Khwaresm, the Bosporus, Central Asia, horsemen, cataphracts

© 2013

Г. В. Требелева, Г. Ю. Юрков, Ю. В. Горлов, И. И. Цвинария, А. С. Агумаа, Ш. Г. Кайтан

АБХАЗСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ: АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ*

Анализ химического состава связующего раствора в кладках средневековых крепостей и храмов позволяет уточнить их датировку. Более ранние сооружения возводились на растворе, содержащем преимущественно известь. В римский период здания возводились на 100% известковом растворе. В связующих растворах более поздней эпохи уже присутствуют незначительные примеси песка (до ¼). Это наблюдается в стенах Анакопийской крепости и базилики в Сухуме, где основой раствора остается известь, но количество песка возрастает до 1/3 от общей массы. Этот раствор присутствует в Анакопийском храме XI в. Содержание песка и извести в пропорции 1:1 наблюдается в связующем растворе строений XV–XVII веков. Особняком стоит тип раствора, где песок, существенно, превалирует над известью. Вполне возможно, что данный тип отражает не технологию, а лишь следы спешного ремонта, когда извести не хватало и приходилось замешивать много песка.

Ключевые слова: средневековые памятники Абхазии, технологии строительства, проблемы датировки

История Абхазии привлекала исследователей, начиная с давних времен. Богатство и красота края, его насыщенная история не могли остаться без внимания ученых. Историки прошлого сохранили немало важных свидетельств: бесценны

Требелева Галина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Археологии РАН. E-mail: trgv@mail.ru

Юрков Глеб Юрьевич — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова РАН. E-mail: ygy@mail.ru

Горлов Юрий Викторович — кандидат исторических наук, профессор Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовсого. E-mail: y_gorlov@mail.ru

Цвинария Игорь Иванович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа. E-mail: g_gis@mail.ru

Агумаа Анзор Семенович (06.01.1958 — 10.09.2012) — начальник Управления по охране культурно-исторического наследия республики Абхазия, заведующий научным архивом Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа.

Сангулия Гарик Анатольевич — начальник Управления по охране культурно-исторического наследия республики Абхазия, заведующий научным архивом Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д.Гулия.

Кайтан Шандор Геннадьевич — аспирант отдела археологии Института гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа. E-mail: shandorikkaitan@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-21-12001а(м), и РФФИ, проект № 13-06-00077

описания тех памятников, следы которых не сохранились до сегодняшнего времени; раскопки, проведенные в советское время в Пицунде, Анакопии, Сухумской крепости, замке Баграта дали богатый и важный для понимания истории края материал. Бесценна археологическая карта Ю. Н. Воронова, которая является, несомненно, важнейшим источником по археологии нашего края. Многолетние исследования Келассурской стены, проведенные им же, с одной стороны, наконец-то дали ответ об ее общей протяженности и количестве башен этого грандиозного сооружения, с другой — породили новые вопросы об ее датировке и назначении. Но в то же время еще много и много вопросов остается без ответов. Несмотря на в целом многолетние и многочисленные исследования, проводившиеся на памятниках, часть их не исследовалось совсем, многие исследовались лишь поверхностно и несистематично. До сих пор остаются спорными вопросы датировки многих памятников. Далеко не все памятники имеют точную географическую привязку, в том числе и упомянутые в археологической карте Ю. Н. Воронова — многие памятники на сегодняшний день не удается идентифицировать на местности по описаниям предшественников.

Однако уровень развития современных технологий, в том числе с привлечением методов естественных наук, геоинформационных технологий, раскрывает новые горизонты для ученых, дает возможности получить ответы на те вопросы, которые интересовали наших предшественников и на которые они не смогли найти ответов. Точная географическая привязка памятников с помощью приемников GPS помогает решить проблему с фиксацией памятников и дальнейшей их идентификации на местности. Вписывание в ландшафт местности помогает лучше понять функциональное назначение и технологии строительства. Пространственный анализ помогает решить вопросы назначений разных памятников, их возможных взаимоотношений и иерархии. Определение химического состава связующего раствора из кладок памятников помогает выявлять строительные технологии и на основании этого строительные периоды и относительную хронологию памятников.

Подобный комплексный анализ памятников на современном уровне развития науки нами и был начат в 2010 году. Территориально зона исследований была ограничена прибрежной зоной «западной Абхазии», что было обусловлено ее территориальной доступностью как непосредственно в физическом, так и в политическом плане. Было выделено два основных плана работ: исследование общей археологической топографии для оценки степени исследованности территории и выделения основных тенденций в процессе ее освоения и более подробное исследование средневековых памятников. Средневековый период был выбран по двум причинам.

Если с памятниками более ранних периодов относительно их хронологии имеется некоторая определенность, ибо выявлены они в процессе археологических исследований и датируются на основании археологического материала, то намного сложнее ситуация с памятниками средневекового периода. Сохранность этих памятников уникальна: сохранившаяся высота стен некоторых крепостей достигает 9 метров! Однако исследования на этих памятниках почти не проводились, поэтому их датировка имеет очень широкие границы (порой просто «средневековье») и весьма спорна (разные исследователи имеют разные, порой взаимои-

сключающие точки зрения). Естественно, что относительно точно датировать эти памятники до проведения в них более или менее масштабных раскопок не представляется возможным. Однако нам показалась интересной идея сгруппировать эти памятники по одновременности/разновременности построек на основе анализа используемой технологии кладки. С учетом того, что почти все сооружения возведены из почти одинакового камня, нам показалось интересным произвести анализ химического состава образцов связующего раствора в кладках крепостей и храмов. За основу взята идея, что априори одновременные на конкретной ограниченной территории вещи имеют одинаковый химический состав, а разновременные — разный. Т.е., к примеру, химический состав связующего раствора в кладке стен одновременных памятников будет **относительно** одинаковым, а разновременных — существенно отличатся друг от друга.

Вторая причина — это относительная легкодоступность этих памятников для исследований: так, большая часть архитектурных остатков этих памятников находится над дневной поверхностью, для их первичного исследования (фиксация точного географического положения, снятие плана, взятия образцов для анализа) не требуется проведения раскопок.

В 2010 г. Институт археологии РАН и Институтом гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа в рамках совместного российско-абхазского проекта РГНФ были проведены археологические разведки в прибрежной части Сухумского района респ. Абхазии и на приграничной к Сухумскому району части Гульрипшского района (вдоль реки Келасур). В ходе археологических разведок обследовано 19 объектов, из которых 11 памятников (2 участка «Келасурской стены», 8 башен, считающиеся частями «Келасурской стены», а также крепость Багмаран вдоль восточного берега реки Келасур) относятся к Келасурской стене. Позднее был проведен и опубликован подробный анализ полученных результатов[1].

В 2011 году разведки проводились в Гудаутском районе республики. Исторически, особенно если говорить о раннем периоде истории, данный район входил в иное государственное образование, нежели Сухумский район. Гудаутский район — это Абазгия, Сухумский — Апсилия. Несомненно, главной крепостью в Гудаутском районе была крепость Анакопия. Но кроме нее насчитывается еще 5 крепостей, а также ряд храмов и дворцов. В 2012 году были проведены обследования в Гагрском районе. К какому государственному образованию относить Гагрский район, однозначного ответа нет. Установить точную границу между Абазгией и Санигией ученым не удается, да и скорее всего, данная граница не была постоянной и «мигрировала». Но, так или иначе, в Гагрском районе расположено несколько крупных центров с крепостными сооружениями: Бзыбская крепость, Пицундское городище, Нитика (в г. Гагры), Хашупсинская крепость. Пицундское городище и Нитика существовали еще в античное время. Недалеко от Хашупсинской крепости также находится могильник античного времени, что скорее всего может служить подтверждением того, что и Хашупсинская крепость, если не как крепость, то как поселение могла существовать и в античное время.

[1] Требелева и др. 2012, 169–178.

Анализируя результаты определения химического состава связующего раствора из кладок оборонительных сооружений Гагрского и Гудаутского районов с учетом ранее полученных в Сухумском районе, мы выделели 5 типов растворов:

1. Меньше четверти песка, основа — известь
2. Примерно половина песок-известь
3. Треть песка, две трети — известь
4. Основа песок, известь около трети
5. 100% известь

Очень показательным и важным стал анализ данных, полученных с крепости Анакопия, как, во-первых, одной из главных крепостей, а во-вторых, частично археологически исследованной.

Археологическими раскопками, произведенными в 1950-е гг, в башнях южной стены второй линии обороны, установлены три основных разновременных культурных слоя. Первый слой может быть отнесен к X–XII вв. Второй же — к VIII–IX вв. Третий слой в целом является основным строительным слоем башен и стен второй линии обороны. Он относится к VII в. Внутри крепости была также изучена небольшая церковь XI в. зального типа с выступающей полукруглой абсидой[2].

Нами на данной крепости из разных ее участков было взято в общей сложности 15 образцов. В целом присутствует 4 из 5 выделенных типов (отсутствует только чистая известь). Но! Если обратить внимание на распределение этих типов, то видно: все образцы, взятые из стен крепости, не просто повторяют один и тот же тип раствора, но почти полностью его воспроизводят. Расхождение в соотношении между компонентами составляет всего один процент. Так, к примеру, образец 21, западный край цитадели: соотношение компонентов Ca 86% — Si 14%; образец № 18, вторая линия обороны, стена, перекрывающая вход за башней 1 на дорогу к цитадели: соотношение компонентов Ca 86% — Si 14%; образец № 15, стена второй линии обороны в районе первой бойницы между башнями 2 и 3: соотношение компонентов Ca 87% — Si 14%; образец № 20, стена второго уровня на стыке южной и западной стен: соотношение компонентов Ca 86% — Si 14%. Все эти образцы относятся к 1 типу раствора. А вот образцы из башен и внутрикрепостных строений уже относятся к иным типам. При этом отдельные корреляции между ними также наблюдаются, вплоть до 100% совпадения в соотношениях между компонентами (башни № 4 и башня № 5). Два типа раствора обнаружено и в храме — это типы 2 и 3.

В целом такое разнообразие типов на крепости было вполне ожидаемо: крепость однозначно возводилась в несколько строительных этапов — раз. Второе — нельзя исключать ремонтные работы, которые явно приходилось проводить защитникам крепости. Да и церковь однозначно в своей истории претерпевала те или иные перестройки. Подробный анализ и интерпретацию полученных результатов еще предстоит сделать. На данном этапе исследований нам интересен факт, который мы считаем очень важным: первый тип раствора (песок менее четверти в примесях) обнаружен в кладке всех основных стен, которые, по археологическим данным, датируются VII веком. Этот же тип раствора отсутствует в кладке Ана-

[2] Трапш 1975, 88-148; Бердзенишвили 2006; Бгажба и др. 2011, 5-17.

копийского храма, датируемого уже XI веком. Наличие двух разных типов в кладке храма вполне объяснимо возможными более поздними перестройками и/или ремонтными работами. И самое главное, в целом мы видим воспроизводимость типов растворов и их корреляции между собой, что еще раз подтверждает, что выбранный нами метод исследования оправдывает себя и вполне может характеризовать технологии строительства.

Нельзя обойти вниманием при интерпретации полученных результатов анализов выделенный нами тип 5 — раствор на чистой извести, без примесей песка. Этот образец получен в единственном числе и с единственного памятника, датируемого «римским» временем — из ворот крепости Нитика (крепость Абааанта в г. Гагры).

От другого античного городища, Пицундского, взять образцы связующего раствора из архитектурных остатков римского времени не удалось: все они находятся ниже дневной поверхности и без проведения раскопок (как минимум закладки шурфов) к ним добраться не представляется возможности. Открытого же листа на проведение земляных работ нами получено не было. Все образцы, взятые нами с Пицундского городища, относятся к периоду средневекового его существования. В целом на Пицундском городище нам удалось взять несколько меньшее количество образцов, нежели на Анакопийском. Связано это, во-первых, с худшей сохранностью крепостных сооружений и с большей степенью их реставрации и консервации современными растворами. На данном городище мы встречаем два основных типа раствора: 1 и 2 типов, что явно однозначно может маркировать разные этапы строительства и возможные ремонты. При этом хочется отметить, что образцы из стен, взятые у самого основания, фактически у самой дневной поверхности и даже чуть ниже, относятся к 1 типу. Второй тип присутствует на внутрикрепостных строениях и в образце из восточной стены, служащей оградой музея, взятом на высоте человеческого роста.

Еще одной ключевой крепостью Абхазии является крепость Хашупсы[3]. На ней нами также было взято несколько образцов: четыре с нижнего уровня и пять — с верхнего уровня, включая остатки церкви. Результаты анализа дают следующую картину: в нижнем уровне присутствуют типы растворов 1 и 3, в верхнем — типы 2 и 4.

Храмовый комплекс Алахадзы представлен тремя храмами[4]. Было взято четыре образца с храма № 1 (самого большого), с храма № 2, перекрывающего остатки храма №1, а также два образца — с восточной стены и с западной у входа в храм, и с храма № 3, расположенного севернее двух предыдущих храмов, на расстоянии около 50 метров от них. Результат анализов показал, что образец с храма № 1 относится к первому типу, с храма № 3 — ко второму типу, образец с восточной стены храма № 2 — ко второму типу, а с западной — к четвертому типу.

Хасант-Абаа, сторожевая башня или крепость. Небольшая шестиугольная крепость с четырехугольной цитаделью внутри, расположена левом берегу реки Бзыбь, на вершине холма. С крепости открывается прекрасный обзор за долиной реки. Как таковая крепость не исследовалась, взятые нами образцы показали принадлежность связующих растворов к 3 и 4-му типам.

[3] Шамба 1974, 65-66; Хрушкова 2002, 185-186.
[4] Хрушкова 2002, 119–136.

Отдельный интерес представляют собой две крепости: Абгархук и Мшварыабааху. Расположены они всего в двух километрах друг от друга, разделены небольшой речкой Убаарта. Крепость Абгархук имеет прекрасную степень сохранности, кладка ровная. Крепость Мшварыабааху значительно меньше по размеру, кладка неровная, сложенная как бы наспех, сохранность крепости плохая. Обе крепости археологически не исследованы. Связующий раствор из кладки крепости Абгархук относится первому типу. Связующий раствор из крепости Мшварыабааху относится к четвертому типу. Учитывая небольшие размеры крепости Мшварыабааху и то, что находится она на достаточно близком расстоянии от другой крупной крепости (Абгархук), кладка неровная, напрашивается вывод, что она была возведена непосредственно в ходе какого-то конфликта в очень сжатые сроки, как бы в спешке. Против кого и когда была она возведена, пока ответить возможности нет.

В целом характеризуя полученные результаты по анализу химического состава образцов, мы обратили внимание на то, что более половины их относится к первому типу, где примесь песка составляет менее ¼ от общей массы. Второе место по распространенности занимает тип № 2, где песок и известь находятся в примерно равном количестве. Третий тип — соответственно на третьем месте, четвертый — на четвертом, и пятый — представлен единственным образцом.

Еще анализируя результаты, полученные в первый год исследований, мы попытались продатировать, к какому же периоду могут относиться эти типы растворов. Тогда нам казалось, что первый тип относится к периоду VI–VII веков, третий тип — к периоду X–XII, второй тип — к XVII веку. Получив новые материалы, мы видим, что ранее сделанный вывод, может быть, не совсем верен. Да, тенденция того, что более ранние сооружения возводились на растворе, содержащем преимущественно известь, в целом сохраняется. Мы видим, что единственный античный памятник, датируемый римским временем, возведен на 100% известковом растворе, что в целом соответствует нашим знаниям о римских технологиях строительства. В связующих же растворах более поздней эпохи уже присутствует незначительные примеси песка. Так, к примеру, в стенах Анакопийской крепости, датируемых археологическими данными (раскопками), или в базилике в Сухуме, также датируемой по данным раскопок. Тип 3, когда основой раствора остается известь, но количество песка возрастает до 1/3 по общей массе. Этот раствор присутствует в Анакопийском храме, датируемом XI веком. Но кроме этого раствора, здесь же, в этой церкви, присутствует и раствор второго типа, где соотношение извести с песком примерно равное. Ранее мы относили этот тип к XVI–XVIII в., основываясь на том, что данный тип раствора мы встречали на остатках стен Сухумской крепости, датируемых по археологическим данным «турецким временем». Однако дальнейшие анализы показали, что этот тип присутствует и в «Замке Баграта», который, по археологическим данным, датируется XII–XIII веками, и в церкви «Отхара 10», тоже датируемой XII веком, и, как уже упоминалось, в Анакопийском храме, датируемом XI в., наряду с типом 3. Чем это можно объяснить? Более поздними ремонтами и/или перестройками? Или параллельным использованием двух типов? На этот вопрос окончательно ответа пока нет.

Анализируя образцы, полученные в 2011 году в Гудаутском районе, мы столкнулись с типом 4, где песок существенно превалирует над известью. Встречаются подобные образцы и на памятниках Гагрского района. Причем данный тип вы-

ступает не самостоятельным типом, а сочетается с другими типами: вторым или третьим. Вполне возможно, что данный тип может маркировать не как таковую саму строительную технологию, а лишь следы спешного ремонта, когда извести не хватало и приходилось замешивать много песка. Хотя не исключено, что это была определенная технология в некоторый период времени. Но данных, к какому периоду можно было бы его привязать, у нас нет. Также как нет данных, как разграничить между собой хронологически тип 2 и тип 3. Да и является ли столь существенной разница между соотношениями 1/3 к 2/3 и ½ к ½? Однако тип соотношения, когда примеси песка составляют менее четверти, однозначно можно датировать периодом с VI по VII вв. В продатированных археологическими данными строениях XI–XII века уже однозначно присутствуют только типы 2 и 3 и 4.

ЛИТЕРАТУРА

Бгажба О. Х., *Агумаа А. С.*, *Белицкий Д. В.*, *Виноградов А. Ю.*, *Ендольцева Е. Ю.* 2011: Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. СПб.

Бердзенишвили И. 2006: Вопрос о распространения христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII вв): автореф. дисс. на соис. уч. ст.канд. ист. наук. Тбилиси.

Трапш М. М. 1975: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т.4. Сухуми.

Требелева Г. В., *Юрков Г. Ю.*, *Горлов Ю. В.*, *Цвинария И. И.*, *Агумаа А. С.*, *Кайтан Ш. Г.* 2012: Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки// ПИФК. 4, 95-101.

Хрушкова Л. Г. 2002: Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М.

Шамба Г. К. 1974: Археологические разведки 1976 г. В Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии, Сухуми, 65-66.

ABKHAZIAN MEDIEVAL MONUMENTS CONSTRUCTION METHODS AND DATING

G. V. Trebleva, G. Yu. Yurkov, Yu. V. Gorlov, I. I. Tsvinaria, A. S. Agumaa, G. Ya. Sanguliya, Sh. G. Kaitan

Mortar chemical analysis of medieval fortress and temple masonry makes it possible to date them more precisely. The earlier constructions chiefly contained lime mortar. In the Roman period mortar was a hundred percent lime. Mortar of the later period contained a dash of sand (about one fourth) that is found in the walls of Anakopia stronghold and basilica in Sukhum where the mortar mainly based on lime contains about one third of sand. The same kind of mortar is found in Anakopia temple of the 11th century AD. Sand and lime content in the ratio of one to one is found in the mortar of 15th — 17th centuries constructions. The mortar with sand considerably prevailing over lime stands apart. It is quite possible that this type of mortar does not display some new technology but shows traces of hasty repair work when they were short of lime and to add much sand.

Key words: Abkhazian medieval monuments, construction methods, dating issues

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2013 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

Древняя Греция

© 2013

Э. В. Рунг

ПОНЯТИЕ «ПАТРИОТИЗМ» И ЕГО ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ*

В статье рассматривается применение термина «патриотизм» по отношению к древнегреческому обществу, также рассматриваются различные аспекты древнегреческого менталитета, которые могут подпадать под определение патриотизма. Делается вывод о том, что едва ли следует говорить о каком-то особенном патриотизме древних греков, который бы отличался от патриотизма как выражения общечеловеческих ценностных ориентаций.

Ключевые слова: патриотизм, греки, отечество, полис

Патриотизм является одной из основополагающих ценностей человеческого общества, имел свое значение во все эпохи исторического развития, во многом определяя возвышение или упадок того или иного государства. Между тем, сам термин «патриотизм», хоть и восходит к греко-латинским корням, возник только в новое время[1]. И хотя под патриотизмом практически единодушно понимают любовь и преданность по отношению к родине[2], все же причины возникновения и аспекты применения этого термина вызывают разногласия среди исследователей[3]. Так, часто патриотизм связывают с национализмом[4], хотя, по справедливому замечанию Г. Р. Джонсона, патриотизм является более широким понятием и более древним, чем национализм[5].

Рунг Эдуард Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–01–00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

[1] Об этом подробнее: Vincent 2009, 348–349.

[2] См.: Gilbert 2009, 322–324. О различных подходах к определению того, что следует понимать под «любовью» и «преданностью» в связи с патриотизмом: Nathanson 2009, 401–402.

[3] Так, например, в литературе проводят различия между «военным» и «гражданским» патриотизмом, псевдо-патриотизмом и истинным патриотизмом и т.п. (об этом см.: Schatz, Staub, Lavine 1999, 152).

[4] Miller 1997, 165–185; Audi 2009, 365–381.

[5] Johnson 1986, 135.

Сам Г. Р. Джонсон, например, принимает точку зрения, что патриотизм возникает из природных свойств человека и его социализации[6]: «Патриотизм является результатом взаимодействия между генетически основанными предрасположениями и процессами социализации, которые культивировали и направляли эти предрасположения». Далее исследователь замечает: «Патриотизм рационально может быть определен как поведение (вербальное и невербальное), которое отражают любовь и верность по отношению к какой-то политической общности». Г. Р. Джонсон связывает патриотизм с различными терминами родства, замечая, что, с одной стороны, само слово патриотизм является термином родства (производное от греческого слова «отец»), а с другой — иные термины родства встречаются в патриотической литературе[7].

Во многом похожее, хотя и несколько различающееся определение патриотизма присутствует в более новой работе К. С. Паркера: «Наша интерпретация патриотизма понимает его как единственную, безраздельную любовь к стране (single, undifferentiated love of country). Любовь, связанная с патриотизмом, включает верность и преданность конкретного человека политическим институтам и ценностям, которые поддерживают политическую общность (political community), так же как их соплеменникам (conationals), даже земле, на которой народ проживает (even the land on which the nation rests)»[8]. И если определение Г. Р. Джонсона может быть использовано для характеристики патриотизма как явления в целом, безотносительно к конкретному государству и историческому периоду, то определение К. Паркера выражает в большей степени представления о современном патриотизме. Но что общее в обоих этих определениях, это признание того, что патриотизм — это любовь к родине, которая подразумевает преданность и государству.

Как Г. Р. Джонсон, так и К. Паркер не являются специалистами по истории античного мира, но нетрудно убедиться, что их определения патриотизма вполне

---

[6] Собственно говоря, мысль эта не нова. Об этом писал еще в своем трактате 1802 г. великий русский историк и общественный деятель Н. М. Карамзин: «Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества… Но физическая и моральная привязанность к отечеству, действие натуры и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» (Карамзин 1964, 280, 282).

[7] Johnson 1987, 166, 168; 1986, 135. Заслуживают внимания наблюдения специалиста по древнегреческому полису Т. Х. Нильсена при изучении им концепта πατρίς, «отечество»: «Если спросить, что такое отечество, гражданин современного государства едва ли будет сомневаться с ответом. Его отечество – это объединение законов и институтов с единой политической волей, участником которого он является. Это объединение, как метафора с семьей, показывает то, с чем он естественным образом связан, и оно имеет эмоциональную силу, возбуждающую любовь и часто даже самопожертвование, также как и право требования таких жертв. На древнегреческом πατρίς и πάτρα, слова с похожими значениями, получены из того же корня, что и πατήρ, “отец”: точное значение “отечество”. Примечательно, кроме того, что πατρίς часто встречается в контекстах, которые связывают его с другими терминами родства, такими как “мать”, “родители”, “сестра”, “брат”, “дети”, “сын”, “жена”, “муж”, “предки”, “родственники” и genos» (Hansen, Nielsen 2004, 49). В развернутом виде эти положения представлены в статье автора (Nielsen 2004, 49–50).

[8] Parker 2010, 99.

применимы для характеристики древнегреческого и римского патриотизма[9]. Первый и будет в центре нашего внимания. За последние несколько лет появились работы, прежде всего в отечественной историографии, которые по-разному трактуют явление патриотизма древних греков[10].

С. Г. Карпюк в своей статье «Два патриотизма в Истории Фукидида»[11] прежде всего показывает отличие патриотизма современного от патриотизма античного, отмечая: «В современном понимании понятие патриотизма связано с национальными государствами, в античной же древности речь могла идти о патриотизме полисном»[12]. Остановимся подробнее на этом замечании. По нашему убеждению, различие между современным и античным патриотизмом в такой трактовке несколько искусственно заострено. Дело в том, что патриотизм как таковой не только связан с явлением государственности, но и с понятиями «родины», «отечества» (собственно говоря, семантика слова «патриотизм» на различных языках красноречиво свидетельствует именно об этом[13]). Любовь к отечеству, преданность ему были характерны для всех эпох и государств, независимо от того, был ли то греческий полис, римская *civitas*, средневековое королевство или же современное государство[14].

Между тем, в статье С. Г. Карпюка есть еще одно замечание, которое вызывает наше несогласие: заключение о существовании двух патриотизмов в трактовке Фукидида: традиционного, полисного, и новомодного, софистического[15]. Это мнение подверг критике Х. Туманс в своей статье «Сколько патриотизмов было в Древней Греции?» (краткий разбор данной статьи см. ниже), который заявлял, что не может быть двух патриотизмов, по крайней мере, в рамках одной культуры и

[9] Здесь сошлемся на интересное сравнение Т. Х. Нильсеном одного аспекта современного и древнегреческого патриотизма – самопожертвования за отечество: «Современные государства убеждали колоссальное количество граждан сложить свои жизни за отечество в войнах, и смерть за свою страну считается нравственным величием. Подобным образом тема смерти “за patris ” постоянно встречается в архаических и классических греческих текстах, и то, что смерть при защите patris считалась нравственным величием, ясно, например, из знаменитых строк Тиртея…» (Hansen, Nielsen 2004, 49).

[10] В зарубежной историографии работ, специально посвященных древнегреческому патриотизму, относительно немного. См.: Pusey 1940, 215–231; Chroust 1954, 280–288; Greenhalgh 1972, 528–537. Однако тема патриотизма греков часто так или иначе затрагивается в обобщающих работах по истории Древней Греции или по патриотизму в целом. См.: Herman 1987, 156–161; Berns 2008, 1–13.

[11] Карпюк 2010, 101–116.

[12] Карпюк 2010, 101.

[13] Как замечает Т. Х. Нильсен, современный патриотизм происходит из терминов, используемых для ссылки на его объект. Это fædreland на датском, Vaterland на немецком, patrie на французском, πατρίδα на греческом, fatherland на английском и т.д. Эта «метафора семьи», по мнению исследователя, подразумевает, что государство – это то, с чем человек связан естественным образом как один из членов семьи. На древнегреческом πατρίς и πάτρα, конечно, слова с очень похожими ассоциациями, полученные, как и другие, из того же корня, что и πατήρ, «отец»: они буквально означают «отечество» (Nielsen 2004, 50).

[14] Т.Х.Нильсен попытался обобщить все случаи употребления слова πατρίς. Он пришел к выводу, что греки архаического и классического периодов думали об их отечестве как о ближайшем родственнике. Это была сладчайшая вещь на земле, подходящее место для погребения, его они теряли, отправляясь в изгнание и восстанавливали по возвращению, за него они должны были отдавать свои жизни, это было объектом их любви, и греки испытывали гордость за свое отечество (Nielsen 2004, 74). Специально представлениям об отечестве у греков посвящена статья П. Функе (Funke 2010, 123–131).

[15] Карпюк 2010, 112–114.

одновременно. «Ведь если под патриотизмом понимать любовь к родине, то она либо есть, либо ее нет», — замечает Х. Туманс[16]. Впрочем, сам же автор довольно непоследователен в проведении этой своей идеи, практически сразу же делая от нее отступление: «Хотя, конечно, с другой стороны, вполне можно говорить о двух патриотизмах в Древней Греции, а именно о патриотизме полисном и патриотизме общегреческом»[17]. Последнее замечание еще будет в центре нашего внимания, а пока отметим тот факт, что то, что, по мнению С. Г. Карпюка, является второй разновидностью патриотизма, фактические является лишь его интерпретацией, то есть выражает не столько общегреческое понимание этого явления, но его понимание одним из «героев» фукидидова повествования — Алкивиада. Да и вообще, уместно заметить, что можно говорить применительно к древним грекам, с одной стороны, о традиционном патриотизме, а с другой, о его понимании различными политиками, историками, ораторами, драматургами и т.п., и таких интерпретаций может быть множество. Но традиционное понимание патриотизма, по нашему убеждению, оставалось неизменным как в Древней Греции, так и в настоящее время. Даже более того, едва ли может быть справедливым выделение патриотизма полисного и общегреческого, ибо это суть две стороны одного патриотизма: и полис, и вся Эллада в целом воспринимались греками как их родина (хотя, опять же, это не исключало и различных подходов, вплоть до противопоставления этих двух сторон патриотизма греков). Причем в случае с патриотизмом полисным на первый план выходят родственные и политические предпочтения, а в случае с патриотизмом общегреческим — этнические и социокультурные. В этом убедимся далее.

Х. Туманс, в свою очередь, стремится проследить эволюцию древнегреческого патриотизма. Он выделяет его первоначальную стадию, определяемую им как «предпатриотизм» (аристократический, уходящий корнями еще в гомеровскую эпоху), собственно классический, полисный патриотизм (сформулированный окончательно Периклом) и «постпатриотизм» (новый, софистический, который, по мнению автора, и вовсе патриотизмом не является, а маскирует собой период распада полисных ценностей). Можно вполне согласиться с автором статьи, что патриотизмом в строгом смысле этого слова можно назвать только второй его тип, олицетворением которого является фигура Перикла. Однако если исходить из того, что патриотические чувства присущи человеку уже по его природе и только в определенной степени являются результатом общественного развития, то не следует говорить о какой-то особой эволюции патриотизма, а все же предположить, что с течением времени могло меняться осознание людьми отдельных сторон патриотизма.

***

Далее мы рассмотрим основные проявления патриотизма как на эмоциональном уровне, так и на уровне «патриотического поведения». И первое, по-видимому, наиболее раннее проявление патриотизма заключается в прирожденной привязанности человека к своей земле, своим родственникам, своему «родному очагу». Этот мотив, выраженный уже в гомеровских поэмах, составляет важный аспект традиционного понимания патриотизма. Он присутствует уже в «Илиаде» в виде

[16] Туманс 2012, 3.
[17] Туманс 2012, 3–4.

тоски по родине и проявляется в гомеровском эпитете «милая / любимая родина» — φίλη πατρίς γαῖα / φίλη πατρίς[18].

Другой патриотический мотив, знакомый грекам со времен Гомера, — это необходимость в защите своего отечества от врагов. Некоторую подборку таких примеров из «Илиады», где этот мотив уже присутствует, приводит Т. Х. Нильсен[19], в том числе и знаменитое заявление Гектора (Il. XII. 243):

εἷς οἰωνὸς ἄριστος ἀμύνεσθαι περὶ πάτρης

Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!

Причем обострение патриотических чувств происходит особенно во время событий, в которых отечество оказывается в грозной опасности.

Приведем два хрестоматийных примера, которые отражают феномен древнегреческого патриотизма, причем один связан с полисом, а другой со всей Элладой. И оба примера ассоциированы с событиями такого решающего испытания для эллинов, каким были греко-персидские войны. В первом случае «гимном» патриотизма являются знаменитые строки пеана, который, согласно Эсхилу (Pers. 402–405), греки запели, идя на бой при Саламине. Причем в строфах Эсхила проявляются те самые термины родства, которые, по мнению Г.Р.Джонсона, являлись атрибутом патриотической литературы[20]:

‘Ὦ παῖδες Ἑλλήνων, ἴτε,
ἐλευθεροῦτε πατρίδ’, ἐλευθεροῦτε δὲ
παῖδας, γυναῖκας, θεῶν τε πατρῴων ἕδη,
θήκας τε προγόνων· νῦν ὑπὲρ πάντων ἀγών.’
О сыны эллинов! Идите,
освободите родину, освободите
детей, жен, богов отеческих храмы,
могилы предков, бой идет теперь за все.

Во втором случае это, конечно, речь афинян, обращенная к спартанцам, в которой, согласно Геродоту (VIII. 144), говорится о том, что препятствует афинянам заключить договор с Ксерксом после битвы при Саламине.

Особо обращает внимание в этом отрывке апелляция греков уже не к своим соплеменникам и / или родственникам, но к преданности стране в целом (и здесь мы видим правоту К. Паркера, который обратил внимание на эту особенность в своем определении патриотизма): «Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство. Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. Во-первых, самое важное препятствие к примирению — это сожженные и разрушенные кумиры и святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содеявшим это. Затем — наше кровное и языковое родство с другими

[18] См.: Hom. Il. 140, 158, 162, 174, 178, 454; III. 244, IV. 172, 180; V. 213, 687; VII. 335, 460; VIII. 359; IX. 27, 47, 414, 428, 691; XI. 14, 817; XII, 16; XIII. 645, 696; XV. 335, 499; XV. 505, 706, 740; XVI. 539, 832; XVIII. 101; XXII. 404; XXXII. 145, 150; XXIV. 557. О патриотизме гомеровских греков см. работу П. Гринхола (Greenhalgh 1972, 528–537).

[19] Nielsen 2004, 56.

[20] Кроме Эсхила, патриотическая риторика присутствует и у других поэтов периода греко-персидских войн, и прежде всего у Симонида Кеосского. Подробнее см.: Рунг 2007, 149–158; 2009, 149–157; MacFarlane 2002; Kowerski 2003.

эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это — позор для афинян» (перевод Г. А. Стратановского).

Однако, помимо уже упомянутых двух проявлений патриотизма греков, которые восходят своими истоками к природным свойствам самого человека, греки выработали еще и «гражданский патриотизм», который был результатом становления и развития полиса и полисной идеологии. Этот патриотизм, который был более сложным и неоднозначным явлением, должен был быть присущ каждому добропорядочному гражданину полиса. Он включал в себя и защиту полиса от врагов в случае необходимости, вплоть до самопожертвования, но не только. И результатом идеологического оформления «гражданского патриотизма» является появления соответствующей терминологии, которая, как это также весьма показательно, начинает встречаться в текстах древнегреческих авторов только лишь с классического периода.

Х. Туманс утверждает, что не было у древних греков ни нашего понятия патриотизма, ни термина соответствующего, ни даже текстов, поющих любовь к отечеству в привычном для нас смысле, да и вообще, похоже, что наши современные «сентименты» были им чужды[21].

Ситуацию с пониманием греческого патриотизма мы, кажется, уже прояснили, отметив, что патриотизм скорее принадлежал к категории общечеловеческих ценностей, чем этнических или политических, и потому вполне возможно соотносить современный патриотизм с древнегреческим. Что касается «патриотических текстов», то строфы «Персов» Эсхила наглядно показывает наличие таковых, да и любые поэмы о греко-персидских войнах могут считаться патриотическими произведениями. Но теперь обратимся к тезису о том, что у греков не было соответствующего термина, обозначающего патриотизм. Ошибочность такого утверждения очевидна.

В древнегреческом восприятии существовало несколько различных понятий, которые могут быть эквивалентами современного термина «патриотизм». В первом случае это термин τό φιλόπολι, дословно — «любовь к родному городу». Правда, в такой трактовке этот термин встречается только у Фукидида (VI. 92. 2). Другой термин, переводимый как патриотизм, φιλόπολις ἀρετή, встречается только у Аристофана (Lysistr. 546). Однако гораздо чаще у древнегреческих авторов применяется прилагательное φιλόπολις[22]. Это определение вполне закономерно следует переводить словом «патриот». Во втором случае применялись термин φιλοπατρία и прилагательное φιλόπατρις. Последние обозначения сравнительно редко использовались в древнегреческой литературе классического периода, но были более распространены в римский период для обозначения патриотизма и патриота соответственно[23]. Безусловно, древнегреческий патриотизм (как, соб-

[21] Туманс 2012, 4.

[22] Thuc. II. 65. 5; VI. 92. 2, 4; Ar. Lysistr. 546; Plut. 726, 900–901; Plato. Socr.24b; Leg. 694c; Dem. XX. 82; XXIV. 127; Isocr. II. 15; Din. I. 31; Xen. Ages. 7.1; Hiero. 5. 3; Lyc. in Leocr. 3, 43. Авторы LSJ. s.v. φιλόπολις видят два варианта перевода этого термина. С одной стороны, «любящий город» (loving the city), а с другой – «любящий город, патриотический» (loving one's city, patriotic), аристофановское же φιλόπολις ἀρετή – патриотизм.

[23] См.: Anth. Gr. VII. 235; Ar. Vesp. 1465; Polyb. I. 14; Plut, Fab. Max. 12. 3, Timol. 3.4, Pelop. 8. 5, Sert. 22. 7, Cic. 49. 5; Diod. XXVII. 7.

ственно, и патриотизм в иные исторические эпохи) воспринимался как несомненное достоинство.

В «Лисистрате» Аристофан называет патриотизм (φιλόπολις ἀρετή) среди других добродетелей — доблести (ἀρετή), природных свойств (φύσις), внешности (χάρις), справедливости (θράσος), мудрости (σοφόν), разума (φρόνιμος) (Ar. Lysistr. 546). Персонаж другой комедии Аристофана — «Богатство» (900), — сикофант, объявляет себя честным человеком и патриотом (χρηστὸς ὢν καὶ **φιλόπολις**) и за эти свои качества он готов переносить всяческие издевательства и глумления со стороны своих сограждан. Правда, другой персонаж, справедливый человек, сомневается в таких качествах сикофанта, переспрашивая его: «Ты патриот и честный?» (Σὺ **φιλόπολις** καὶ χρηστός;) (901).

Но обратимся к употреблению терминов патриотизма Фукидидом. Собственно, в отличие от примеров, которые можно классифицировать как проявление патриотизма[24], историк употребляет соответствующие термины только в двух случаях: в речи Перикла, обращенной к афинянам во второй год Пелопоннесской войны (II. 60. 5), и в речи Алкивиада в Спарте (VI. 92. 2, 4). В первом случае Перикл (II. 60. 5), среди прочего, сказал: «Вы раздражены против меня, человека, который, я думаю, не хуже, чем кто-либо другой, понимает, как следует правильно решать государственные дела, и умеет разъяснить это другим, *который любит родину и стоит выше личной корысти* (**φιλόπολίς** τε καὶ χρημάτων κρείσσων)» (пер. Г. А. Стратановского).

Итак, понятно, что здесь присутствует «периклово» понимание патриотизма, которое, таким образом, соответствует традиционному восприятию этого явления: интересы родины превалируют над личными. Во втором случае уже Алкивиад дает свое понимание патриотизма (Thuc. VI. 92. 2, 4): «И я надеюсь, что никто здесь не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе *патриотом* (**φιλόπολίς** ποτε δοκῶν εἶναι), теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него, или же объяснять мои слова озлоблением изгнанника. Правда, я — изгнанник, но бежал от низости моих врагов, а не для того чтобы своими советами оказывать вам услуги. Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, *я — уже не патриот* (**τό τε φιλόπολι** οὐκ ἐν ᾧ ἀδικοῦμαι ἔχω). Впрочем, я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь *истинный друг своей родины* (**φιλόπολις** οὗτος ὀρθῶς) не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее» (пер. Г.А. Стратановского). Итак, что мы узнаем из этой речи, приведенной Фукидидом. Во-первых, до своего изгнания Алкивиад, впрочем, как и любой добропорядочный афинянин своего времени, считался φιλόπολίς, во-вторых, после своей ссоры с согражданами и вынужденного изгнания он перестал быть φιλόπολίς, и это дало ему моральное право перейти в стан врагов своей родины — спартанцев. Все это пока хорошо укладывается в рамки традиционного патриотизма. Но

[24] Эти примеры см.: Карпюк 2010, 104–108.

вот далее то, что на первый взгляд не укладывается в эти рамки, — неожиданное заявление Алкивиада: «Ведь истинный друг своей родины не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее». Опять же, в традиционном понимании выступление против родины считается предательством, и действия Алкивиада имели все основания быть классифицированы именно таким образом. Однако, объявив о своем намерении вновь обрести родину, афинский политик на самом деле апеллирует к одному очень древнему аспекту «природного» патриотизма, который был присущ еще гомеровским грекам — тоске по родине, а это опять же укладывается в рамки патриотизма традиционного. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением, что в фукидидовом объяснении патриотизма Алкивиада уже просматривается принцип *ubi bene ibi patria*[25]. Алкивиад-то заявлял совсем другое: он не считал чужбину своей родиной, но говорил о возвращении назад в Афины[26].

Впрочем, те космополитические суждения древнегреческих авторов, на которые ссылаются исследователи[27], где провозглашается принцип *ubi bene ibi patria* (см.: Eurip. F. 777, 1047; Ar. Plut. 1151; Lys. XXXI. 5–6), на самом деле едва ли могут определяться как патриотизм или его разновидность, а скорее таковыми не являются вовсе. Ибо понятно, что в любом обществе можно найти примеры отсутствия или наличия патриотизма, под которым, как уже говорилось, следует понимать любовь и преданность родине.

Но обратимся к другим примерам употребления термина φιλόπολις в греческой литературе классического периода. На очереди — ораторы Искорат, Демосфен, Динарх, Ликург. Интересны рассуждения Исократа (II. 15) о патриотизме в речи-наставлении кипрскому царю Никоклу, которые показывают, что этот древнегреческий ритор считал патриотизм залогом успеха правителя: «Итак, тем, кто намерен достигнуть надлежащей цели, следует начинать с этого, но, кроме того, они должны относиться благожелательно к людям и *любить свой город* (φιλάνθρωπον εἶναι δεῖ καὶ **φιλόπολιν**)» (пер. Э. Д. Фролова). Таким образом, говоря современным

[25] Карпюк 2010, 114. А. Х. Круст даже на основании этого примера проводил различие между полисным патриотизмом и патриотизмом современным: «Также нельзя хорошо известный партикуляризм греческого города-государства идентифицировать с патриотизмом в современном и моральном смысле этого термина. Можно понять из утверждения Алкивиада, что он мог любить свой родной город, покуда последний предоставлял ему самый полный спектр всех привилегий, на которые он претендовал, до тех пор пока, выражаясь другими словами, он и те люди, которые разделяли его убеждения, полностью контролировали город» (Chroust 1954, 288).

[26] Вообще, это место речи, где Алкивиад говорит о намерении возвратить себе родину взамен утраченной, на наш взгляд, не предполагает однозначной интерпретации. В одном случае афинский политик утверждает, что он не идет против отечества, которого у него более нет, но пытается возвратить его (οὐδ’ ἐπὶ πατρίδα οὖσαν ἔτι ἡγοῦμαι νῦν ἰέναι, πολὺ δὲ μᾶλλον τὴν οὐκ οὖσαν ἀνακτᾶσθαι). В другом случае он замечает, что истинный патриот не тот, кто, несправедливо лишившись отечества, не идет против него, а тот, кто любым способом из-за своего желания пытается возвратить его (φιλόπολις οὗτος ὀρθῶς, οὐχ ὃς ἂν τὴν ἑαυτοῦ ἀδίκως ἀπολέσας μὴ ἐπίῃ, ἀλλ’ ὃς ἂν ἐκ παντὸς τρόπου διὰ τὸ ἐπιθυμεῖν πειραθῇ αὐτὴν ἀναλαβεῖν). Поскольку речь была произнесена перед спартанцами, то надо думать, что Алкивиад под «новым отечеством» имел в виду именно Спарту. Но допустимо и другое предположение: «новое отечество» Алкивиада не относилось непосредственно к Спарте, а политик подразумевал желание любого изгнанника вернуть себе свое отечество, и, таким образом, его замечание должно относиться к Афинам. Впрочем, неоднозначность истолкования здесь не вызывает сомнения, и удивительно, почему оно не было отмечено авторами комментариев к труду Фукидида, А. Гоммом и С. Хорнблауэром.

[27] Карпюк 2010, 112–114; Туманс 2012, 28–29.

языком, правитель, согласно Исократу, должен был быть первым патриотом своего государства.

Демосфен использует термин φιλόπολις в двух своих речах. В речи «Против Лептина об ателии» (XX. 82) оратор называет патриотом афинского военачальника Хабрия, который был предан чувству долга и чести: «Он был, как мне представляется, *патриотом* до такой степени (οὕτω γὰρ ὡς ἀληθῶς ἔμοιγε φαίνεται βεβαίως πως ἐκεῖνος **φιλόπολις**), что заботился о безопасности других больше всех остальных стратегов — таково общее мнение о нем, и оно соответствует действительности. Такие качества он проявлял, когда командовал вашими войсками. Сам он, находясь в строю и подвергаясь смертельной опасности, о себе забывал, предпочитая скорее лишиться жизни, чем оказаться недостойным тех почестей, которые вы ему оказали». В другой своей речи «Против Тимократа» (XXIV. 127) Демосфен обвиняет афинянина Лахета в отсутствии у него патриотизма. Последний не был способен пожертвовать даже своим сыном, принесшим много вреда отечеству: «… если бы Лахес был по настоящему честным человеком и *любил свою родину* (χρηστὸς καὶ **φιλόπολις**), он сам бы заключил в тюрьму своего сына, ставшего таким негодяем, навлекшего на него такой позор и бесчестье». Таким образом, в обоих примерах Демосфен демонстрирует восприятие патриотизма близкое к пониманию этого явления Периклом / Фукидидом.

Динарх же в своей речи «Против Демосфена» (I. 31) противопоставляет патриотизм афинских граждан отсутствию такого у Демосфена, заявляя: «Наконец там, где всякий гражданин, *любящий свой город* и заботящийся о нем (τις **φιλόπολις ἀνήρ**), постарался бы что-нибудь сделать, этот демагог… не только сам не провел успешно никакого дела, но даже других, пытавшихся что-то сделать в ваших интересах, он заразил своим примером» (пер. Э. Д. Фролова). В этом месте речи Ликург говорит о бездействии Демосфена после поражения афинян при Херонее и во время экспедиции Александра в Азию, а его поведение противопоставляет далее действиям других афинян, в частности Харидема и Эфиальта, которые с намерением принести пользу своему отечеству и всем эллинам отправились к персидскому царю (I. 32–33).

И завершит наш обзор случаев употребления термина φιλόπολις пример своеобразного противопоставления патриотизма и предательства в речи Ликурга «Против Леократа» (43–44): «Поэтому, граждане, того, кто во время таких ужасов и таких опасностей и такого позора покинул город и не взялся за оружие, защищая отечество, не встал в строй по приказу стратегов, но бежал и предал спасение народа, — какой судья, *любящий государство* и почитающий богов (δικαστὴς **φιλόπολις** καὶ εὐσεβεῖν βουλόμενος), захочет его оправдать? Какой оратор, призванный на суд, пожелал бы оказать помощь человеку, предавшему свое государство (**τῷ προδότῃ** τῆς πόλεως)? Человеку, который не решился оплакивать вместе с другими несчастья отечества и не сделал ничего для спасения города и народа, когда сама страна отдавала леревья, мертвые — свои гробницы, храмы — оружие. Ведь в то время не было такого возраста, который не принял бы участия в спасении государства. Ибо одни заботились об укреплении стен, другие — о выкапывании рвов, третьи — об изготовлении частокола. Никто из живущих в городе не оставался праздным. Ни в чем из этого не принял никакого участия Леократ» (пер. Т.В. Прушакевич). Парадоксально, хотя и ничего удивительного не было в том,

что Ликург вменял Леократу в вину, приравнивая это к предательству (I. 1–2), не конкретную деятельность, а наоборот, оставление отечества в трудной ситуации и, как следствие этого, неучастие в мерах по обороне города после поражения афинской армии в сражении при Херонее в 338 г. до н.э.

Итак, мы рассмотрели наиболее показательные случаи употребления термина φιλόπολις древнегреческими авторами классического периода, и к каким выводам мы можем прийти? Прежде всего, еще раз отметим, что для греков патриотизм был добродетелью, причем достаточно значимой и обязательно долженствующей присутствовать у добропорядочного гражданина, и авторы фиксируют примеры как проявления этой добродетели, так и ее отсутствия и даже противопоставления патриотизма и предательства.

Однако, что удивительного, в такой добродетели, как патриотизм, мы не усматриваем ничего того, что было бы присуще только древним грекам и не было бы проявлением общечеловеческих ценностных ориентаций. И любовь к родине, выраженная в ностальгии по родному очагу, и в стремлении приносить пользу своим согражданам и отечеству, и даже готовность сражаться за них — все это принадлежит к тем основополагающим принципам, которые характеризуют патриотизм, в том числе и в современном мире.

И даже складывающееся на первый взгляд впечатление, что патриотизм греков был в значительной степени более выраженным по сравнению с патриотизмом современным (что как раз обычно объясняют полисным менталитетом древних эллинов) на самом деле может быть весьма обманчивым. Выраженность патриотизма греков, как и патриотизма в современном мире, в конечном итоге могла зависеть от множества факторов: от восприятия патриотических ценностей конкретным человеком в определенной исторической ситуации и до идеологического мотивирования этого самого патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

Карамзин Н. М. 1964: Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.

Карпюк С. Г. 2010: Два патриотизма в «Истории» Фукидида // Вестник РГГУ. 10, 101–116.

Рунг Э. В. 2007: Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила // Вестник СпбГУ. Сер.2. История. 4, 149–158.

Рунг Э. В. 2007: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань.

Туманс Х. 2012: Сколько патриотизмов было в древней Греции? // Studia historica. 12, 3–32.

Audi R. 2009: Nationalism, Patriotism and Cosmopolitanism in an Age of Globalization // The Journal of Ethics 13. 4, 365–381.

Berns W. 2008: Patriotism and Multiculturalism // The Many Faces of Patriotism / Ph. Abbot (ed). Lanham, 1–13.

Chroust A. H. 1954: Treason and Patriotism in Ancient Greece // Journal of the History of Ideas. 15. 2, 280–288.

Hansen M. H., Nielsen T. H. 2004: An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford.

Herman G. 1987: Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge.

Funke P. 2010: Was ist der Griechen Vaterland? Einige Überlegungen zum Verhältnis von Raum und Politischer Idetität im antiken Griechenland // Geographia Antiqua 18, 123–131.

Gilbert M. 2009: Pro Patria. An Essay on Patriotism // The Journal of Ethics. 13.319–346.

Greenhalgh P.A.L. 1972: Patriotism in the Homeric World // Historia. 21. 4, 528–537.

Johnson G.R. 1986: Kin Selection, Socialization, and Patriotism: An Integrating Theory // Politics and the Life Sciences. 4. 2, 121–154.

Johnson G.R. 1987: In the Name of the Fatherland: An Analysis of Kin Term Usage in Patriotic Speech and Literature // International Political Science Review. 8. 2, 165–174.

Kowerski L.M. 2003: Simonides on the Persian Wars: A Study of the Elegiac Verses of the "New Simonides". PhD Diss. New Brunswick; New Jersey.

MacFarlane K.A. 2002: «To Lay the Shining Foundation…»: The Tradition of the Persian Wars in Classical Greek Poetry. PhD Diss. Edmonton, Alberta.

Miller R.W. 1997: Killing for the Homeland: Patriotism, Nationalism and Violence // The Journal of Ethics. 1. 2, 165–185.

Nathanson S. 2009: Patriotism, War and the Limits of Permissible Partiality // The Journal of Ethics. 13. 4, 401–422.

Nielsen T.H. 2004: The Concept of *Patris* in Archaic and Classical Greece // Once Again: Studies in Ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Center 7 / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart.

Schatz R.T., Staub E., Lavine H. 1999: On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 20. 1, 151–174.

Parker C.S. 2010: Symbolic Versus Blind Patriotism: Distinction without Difference // Political Research Quarterly. 63. 1, 97–114.

Pusey N.M. 1940: Alcibiades and τό φιλόπολι // Harvard Studies in Classical Philology. 51, 215–231.

Vincent A. 2009: Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic patriotism // The Journal of Ethics. 13. 4, 347–364.

PATRIOTISM AND ITS ANCIENT GREEK CONNOTATIONS

E. V. Rung

The paper deals with the notion of patriotism in reference to ancient Greek society, and different aspect of ancient Greek mentality that comply with patriotism definition. The author infers that one can hardly speak about specific patriotism of ancient Greeks, which could differ from patriotism as an expression of universal values.

Key words: patriotism, Greeks, native land, polis

© 2013

В. С. Ленская

ЖРЕЦ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ*

Статья посвящена роли древнегреческого жреца в процедуре совершения жертвоприношения. Автор рассматривает разные виды жертвоприношений: кровавые, бескровные, очистительные, гадательные, — в каждом случае определяя роль жреца при совершении этих жертвоприношений. Далее автор переходит к рассмотрению общественных жертвоприношений и выясняет, как разграничивались функции жрецов и магистратов при совершении общественных жертвоприношений. Автор приходит к заключению, что, несмотря на имевшие место на практике «домашние» жертвоприношения, а также на встречающиеся в источниках формулировки о жертвоприношениях магистратов, в общественном сознании обязанность совершения жертвоприношения связывалась именно со жрецом и лишь в исключительных случаях эту обязанность могли исполнять другие люди.

Ключевые слова: Древняя Греция, культ, жрец, жертвоприношение, жертва

Одной из главных функций жреца было совершение жертвоприношения. В одном из поздних глоссариев читаем: ἱερευς· ὁ τὰς θυσίας ἀναπέμπων τῷ θεῷ «жрец: совершающий жертвоприношения богу» (Et. Magn. s.v.); у Эсхина: Οἷον τοὺς ἱερέας καὶ τὰς ἱερείας ὑπευθύνους εἶναι κελεύει ὁ νόμος, καὶ συλλήβδην ἅπαντας καὶ χωρὶς ἑκάστους κατὰ σῶμα, τοὺς τὰ ἱερὰ μόνον λαμβάνοντας καὶ τὰς εὐχὰς ὑπὲρ ὑμῶν πρὸς τοὺς θεοὺς εὐχομένους, καὶ οὐ μόνον ἰδίᾳ, ἀλλὰ καὶ κοινῇ τὰ γένη, Εὐμολπίδας καὶ Κήρυκας καὶ τοὺς ἄλλους ἅπαντας. «Так, закон предписывает требовать отчет у жрецов и жриц, у всех вместе и у каждого в отдельности, хотя они получают только жертвенные подношения и возносят за нас молитвы богам; и они отвечают не только каждый за себя, но и сообща, всем родом, например, Евмолпиды, Керики и все остальные». (Aeshin. In Ctesiphon. 18, пер. Л. М. Глускиной). Древнегреческие жертвоприношения можно разделить по разным категориям: существовали жертвоприношения общественные и частные, экстраординарные, кровные и бескровные, обычные, гадательные, клятвенные, очистительные, благодарственные и другие, совершаемые по самым разным поводам[1]. Без жертвоприношения не обходилась ни одна

Ленская Валерия Серговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. E-mail: lenskaya@yandex.ru

* Выражаю благодарность Французской Археологической Школе в Афинах (École française d'Athènes), любезно предоставившей мне возможность работать в фондах ее библиотеки.

[1] В недавно вышедшем специальном исследовании проведен анализ некоторых терминов, которыми в источниках именуются разные виды жертвоприношений: например, жертвоприношения при

общественная процедура, ни одно более или менее значительное дело, как государственное, так и частное; и даже такие обычные и повседневные занятия, как спортивные тренировки в палестрах, также начинались с обряда жертвоприношения (Plato. Lys. 206a). Лицом, ответственным за совершение жертвоприношения, был жрец, и хотя, как мы увидим ниже, правило его присутствия не всегда соблюдалось, тем не менее, основная масса жертвоприношений (как и сопутствующих им богослужений) совершалась все-таки в храмах или на публичных алтарях жрецами и ассистирующими им лицами. Прежде чем определить роль жреца при совершении жертвоприношений, общественных и частных, необходимо рассмотреть саму процедуру жертвоприношения.

Жертвоприношение всегда состояло из двух частей — принесения богам жертвы и молитвы (Aeshin. In Ctesiphon. 18). Жертва могла быть различной: это могло быть принесение в жертву животного или бескровная жертва, состоявшая из плодов, печений, благовоний и других подношений или возлияний. Наиболее сложным видом жертвоприношения, требовавшим участия жреца и помощников, было принесение в жертву животных. Впервые подробное описание этого ритуала встречается у Гомера (Hom. Od. III. 439sq.); в дальнейшем он практически не изменяется. В комическом виде обряд жертвоприношения описан у Аристофана: Тригей, добившись мира для себя самого, самостоятельно приносит жертву, пользуясь только помощью раба (Aristoph. Pax. 940–1040). Перед жертвоприношением жрец обязан был проверить (δοκιμάζειν) жертвенное животное: оно должно было быть целым, невредимым, без изъянов и недостатков: τὸ δὲ ἀπὸ τῶν βωμῶν ἀπορρέον πνεῦμα, κνῖσα καὶ ἀτμός. προσακτέον δὲ θύσιμα ἱερεῖα ἄρτια, ἄτομα, ὁλόκληρα, ὑγιῆ, ἄπηρα «исходящее от алтарей — аромат, тук и пар, приводимое — отборные жертвенные животные, невредимые, целые, неповрежденные, здоровые, без увечий» (Poll. I. 29; ткж. Luc. De sacrif. 12; Plut. De def. or. 437b). В надписи из Андании говорится, что жрецы проверяли жертву и, если находили ее достойной жертвоприношения, ставили на ней специальный знак τοῖς δὲ δοκιμασθέντοις σαμεῖον ἐπιβαλόντω οἱ ἱεροί, καὶ τὰ σαμειωθέντα παριστάτω ὁ ἐγδεξάμενος «на проверенных пусть жрецы поставят знак, и принимающий пусть выставляет помеченных» (IG V. 1. 1390, 80–82, 92/91 г. до н.э.). После этого начинался сам обряд. Сначала вокруг алтаря слева направо обносили кропильницу (χέρνιψ) и корзину (κανοῦν),, в которой лежали нож (μάχαιρα), венок (στέμμα) и жертвенное зерно (οὐλόχυται, προχύται) (Schol. Aristoph. Pax. 948; Eurip. Iph. Aul. 1472, 1563sq; Aristoph. Av. 958)[2]. Совершавшие жертвоприношение погружали в кропильницу факел, зажженный на алтаре, и этой водой окропляли жертвенное животное, зерно и всех присутствующих (Od. III. 445: χέρνιβα τ′ οὐλοχύτας τε κατήρχετο «приступил к окроплению и осыпанию зерном»; комментарий в Schol. Hom. Od. III. 445: τὸ ἀπὸ τῶν χερνίβων περιρραίνειν τῷ ἱερείῳ καὶ τὰς κριθὰς προβάλλειν «окропление из кропильниц и бросание зерен»), затем посыпали жертву и алтарь зернами (Hom. Od. III. 445–448; Eurip. Iph.A. 1111, 1470, El. 803) срезали с животного клок шерсти и раздавали присут-

вступлении в должность именовались εἰσητήρια, εἰσαγώγεια, при введении мальчиков во фратрию – κούρειον, жертвоприношения в благодарность за добрую весть εὐαγγέλια, за спасение жизни – ζωάγρια, и т.д. (Suk Fong Jim 2012, 310–337).

[2] Об иконографии перечисленных предметов см. Durand 1986, 123–133.

ствующим, чтобы они бросили его в огонь (Bekk. Anecd. I. 52: μετωπιδία θρίξ· ἡ τῶν θυομένων ἱερείων, ἣν πρὸ τοῦ θύεσθαι ἀποκειρόντες εἰς τὸ πῦρ ἐμβάλλουσιν «лобная шерсть: шерсть приносимых в жертву животных, которую срезав перед жертвоприношением, бросают в огонь»; Hom. Od. III. 445–446; IV. 422; Eur. El. 811–812). После этого жертву убивали — убиением занимался и сам жрец, который обычно изображается держащим нож[3] (Eur. Herc. 451f: τίς ἱερεύς, τίς σφαγεὺς τῶν δυσπότμων; «кто жрец, кто убийца несчастных?», Luc. De sacrif. 13: «а жрец сам стоит обагренный кровью, как киклоп разрезая жертву, вынимая внутренности, извлекая сердце, кровью омывая алтарь», пер. Р. В. Шмидт), и помощники жреца (Suid. s.v. βουθύτης· ὁ τοὺς βοῦς βάλλων πελέκει «ударяющий быков топором»; s.v. βουτύπος· βουθύτης ὁ τοὺς βοῦς βάλλων πελέκει; иногда он именовался общим названием σφαγεύς: ἐπεὶ δέ κα σπονδὰς ποιήσωνται, αἱρέσθω ὁ ἱαρεὺς σφαγῆ τῶν ἱαροποιῶν βοὸς τοῦ θυομένου — «когда совершат возлияние, пусть жрец выберет из иеропеев закалывателя жертвенного быка» (LSCG 151. 40–41) — в данном случае, тот, кто убивал быка выбирался жрецом среди иеропеев[4]. Возможно, в больших храмах существовали специальные μάγειροι - повара, рубщики мяса, которые были необходимы, когда приносились в жертву крупные животные (Athen. XIV, 659d, 660a; Plut. Symp. VI. 10. 1)[5]. Упоминания о μάγειροι, нанимаемых для обслуживания жертвоприношений, нередко встречаются в источниках[6]. Тригей, обращаясь к рабу, призывает его зарезать жертву μαγειρικῶς — «по-поварски» (Aristoph. Pax. 1018). В комедии Менандра «Самиянка» герой велит рабу купить на рынке для жертвоприношения жертвенное животное (ἱερεῖον), венки и кунжут и нанять повара (Men. Sam. 190–195). Μάγειρος также фигурирует в комедии Менандра «Брюзга», где мать главного героя, обходившая все святилища в деме и приносившая там жертвы, отправила раба нанять повара, который говорит о себе διακονῶ γὰρ μυρίοις ἐν τῆι πόλει — «обслуживаю многих в городе» (Men. Dyskol. 490). Жрица Артемиды в Тавриде Ифигения замечает: «Но я начатки лишь бросаю в пламя, / А нож обряда страшного другой / Заносит…» (Eur. Iph. Taur. 40–41, пер. И. Анненского; ткж. 621–622).

Кровь собирали в чашу (σφαγεῖον Aristoph. Thesmoph. 754–755; Eur. El. 800, Iph. Taur. 335; у Гомера ἀμνίον Od. 3. 444; IG II^2. 1542. 18; 1543. 10)[7] и обрызгивали ей алтарь (Poll. I. 27: αἱμάσσειν τοὺς βωμούς; Luc. De sacrif. 13; Bacchyl. X. 111sq; Eur. Alc. 121–122; Aeschyl. Sept. contr. Theb. 275). С убитого животного снимали шкуру, разрезали мясо, отделяя части для сожжения, распределения между избранными лицами (эти порции, состоявшие из лучших кусков, часто клали на стол, о котором речь пойдет ниже) и для оставшихся участников жертвоприношения, и затем сжигали части, предназначенные богу, поливая жертвенник маслом и совершая возлияния и воскурения благовоний (Hom. Il. I. 462; Od. III. 459). Принято считать, что для сожжения предназначались несъедобные части (кости, завернутые в жир — ὀστέα, или μηρία [Hesych. μηρία· τὰ ἐκ τῶν μηρῶν ἐξαι-

[3] См., напр., Thes. CRA 2005, Pl. 2a, Gr. 87, 88, Pl. 4, Gr. 136.
[4] О иеропеях см. Ленская 2012, 179–191.
[5] Rankin 1907, 59–61.
[6] Berthiaume 1982, 17–40.
[7] Анализ термина см. Casabona 1966, 180.

ρούμενα ὀστᾶ «извлеченные из бедер кости»], желчный пузырь — χολή, нижняя часть бедра — ὀσφύς и хвостовая кость — κέρκος)[8]. Вместе с мясом сжигали и часть остальных принесенных богу даров — плоды, печенья, каши и т.п. (Paus. VII. VIII. 7; Schol. Aristoph. in Plut. 661. 9: πέλανον ἐν τῷ πυρὶ ἔρριπτον). «Тук божественный и благовонный поднимается кверху и в небе спокойно рассеивается» — пишет Лукиан в трактате «О жертвоприношениях». Одновременно жарили σπλάγχνα — внутренние органы, предназначенные для немедленного поедания теми, кто присутствовал при жертвоприношении[9], жарка σπλάγχνα сопровождалась возлияниями и молитвой (Schol. Aristoph. Ran. 479; Eur. Androm. 1103–1107; Aristoph. Av. 863sq. — пародия на молитву). В иконографии часто встречаются изображения жрецов с чашей для возлияний, стоящих над горящим алтарем в сопровождении помощников, держащих корзину (κανοῦν) и вертел (ὀβελός), с помощью которого поджаривалось подготовленные порции[10] (рис. 1). Оставшееся мясо, иногда в сыром виде, иногда вареное, делили на равные порции и раздавали всем присутствующим; в зависимости от праздника, его могли употребить прямо в храме, во время священного пира, или унести домой[11].

Рис. 1. Изображение на краснофигурном кратере из Кум (Beazley 1963, с. 551, № 15). Рис. из книги Himmelmann 1997, Abb.1.

[8] Van Straten 1995, 119–127; Ekroth 2008, 260–264.
[9] Van Straten 1995, 131; Ekroth 2008, 272.
[10] Metzger 1965, 108, 4; 109, 12; Himmelmann 1997, Abb.1; Van Straten 1995, fig.146–147; Durand 1986, fig. 62–66.
[11] Ekroth 2008, 272–281. Описание обряда жертвоприношения см., напр., Eitrem 1915, Stengel 1910, Durand 1986, 89–143, Van Straten 1995, 104–192.

Возможно ли было совершить такое жертвоприношение без участия жреца? Геродот пишет, что персам не разрешалось совершать жертвоприношения без мага (Hdt. I. 132), что наводит на мысль о том, что у греков такие жертвоприношения совершались. И, действительно, в принципе такое было возможно, о чем свидетельствуют некоторые примеры из источников: эпизод из «Одиссеи» Гомера, где благочестивый свинопас Евмей, угощая Одиссея, фактически выполняет упрощенный обряд жертвоприношения: он отрывает от свиньи кусок шерсти и бросает в огонь, читает молитву, забивает свинью, затем первый кусок от каждой части кладет в жир и бросает в огонь, посыпанный ячной мукой (Hom. Od. XIV. 420–429); пример аристофановского Тригея (правда, скорее комический, чем реальный — Aristoph. Pax. 940–1040); свидетельство клиента Исея, например, о том, что его дед самолично приносил жертвоприношение Зевсу Ктесию, «к каковому жертвоприношению он относился особенно ревностно и ни рабов не привлекал поэтому, ни чужих свободных, но сам лично все делал; мы принимали участие в этом жертвоприношении, вместе с ним подготовляли жертвы, вместе возлагали их на алтарь и все прочее делали вместе» (Is. VIII. 16, пер. Г. А. Тароняна). У Платона читаем: «Пусть никто не сооружает святилищ в частных домах. Если же у кого явится намерение принести жертву, пусть он идет в общественные храмы и там приносит ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам, которые заботятся о чистоте жертв…Так должно быть по следующим причинам: учреждать святилища и богослужения нелегко; правильно это можно делать только по зрелом размышлении» (Plato. Leg. 909). Высказав это пожелание, Платон тут же замечает, что на практике дело обстоит иначе и что многие люди «сооружают…алтари и святилища в качестве средства для своего спасения; они наполняют этими святилищами все дома и поселки, сооружая их и на чистых местах и где придется» (Plato. Leg. 910). Таким образом, мы имеем очевидные свидетельства того, что нередко жертвоприношения совершались и без присутствия жреца, самими людьми у себя в доме или на участке (по крайней мере, так обстояло дело в Аттике). Тем не менее, жертвоприношения в храме было более традиционно и, судя по словам Платона, общественно одобряемо. Жрец руководил всем обрядом и придавал ему сакральный характер; согласно Платону, «род жрецов, как считают обычно, сведущ в том, чтобы путем жертвоприношения делать наши дары угодными богам, а у них с помощью молитв испрашивать для нас различные блага» (Plato. Pol. 290c). Традиция требовала освящения обряда присутствием сакрального лица, в противном случае, никто не мог быть уверен, что его жертва принята богами. Г. Экрот высказывает справедливую, по нашему мнению, точку зрения, согласно которой высокую оценку обществом роли жреца в совершении ритуала подчеркивает установленное для него декретами большое количество жертвенного мяса, которое он получал после совершения этого ритуала; вряд ли такая доля могла предназначаться для лица второстепенного, без которого можно было легко обойтись[12].

Согласно надписи с Хиоса, в исключительных случаях, когда жрец отсутствовал, жертвователь мог сам принести жертву в храме, совершив ритуал троекратного призывания жреца — ἢν ὁ ἱέρεως μὴ πάρῃ, βωσάτω ἐς τρὶς ὁ θέλων γεγωνεῖν καὶ αὐτὸς ποείτω τὰ ἱερὰ ἄλωι δὲ παρεχέτω μηδενί «если жрец

[12] Ekroth 2008, 269.

отсутствует, пусть желающий принести жертву трижды его позовет и сам совершит жертвоприношение, больше же никому не разрешается» (Chios 3, 7–12). Однако очевидно, что такие случаи были редки и нехарактерны, поскольку тут же оговаривается, что больше самостоятельные жертвы не разрешаются никому. В надписи из Амфиарайона в Оропе также говорится, что жрец читает молитву и возлагает жертвы на алтарь, но в случае его отсутствия частную жертву можно принести и самостоятельно; публичную же приносит только жрец: κατεύχεσθαι δὲ τῶν ἱερῶν καὶ ἐπὶ τὸν βωμὸν ἐπιτιθεῖν, ὅταν παρεῖ, τὸν ἱερέα, ὅταν δὲ μὴ παρεῖ, τὸν θύοντα καὶ τεῖ θυσίει αὐτὸν ἑαυτοῖ κατεύχεσθαι ἕκαστον, τῶν δὲ δημορίων τὸν ἱερέα «жрец молится о жертвах и возлагает на алтарь, когда он присутствует, когда же не присутствует, каждый приносит жертву и при жертве молится о себе, об общественных же жертвах жрец» (Epigr. tou Oropou. 277. 25–29). Помимо мотивов соблюдения благочестия присутствовали и более «земные» мотивы — экономические: как уже говорилось выше, жрецы получали немалую долю от жертвы и не склонны были от нее отказываться[13]. В другой хиосской надписи говорится, что в случае отсутствия жреца жертву может принести тот, кто командует воинами, т.е. боевой командир (речь идет о святилище Геракла, где, по всей видимости, приносили жертву воины), однако причитающиеся жрецу части (которые перечислены в начале надписи) он обязан отдать жрецу ἐὰν δὲ ὁ ἱερεὸς μὴ παρῆι προιερητευέτω τις ὧν αἱ λόγχαι εἰσίν, τὰ δὲ γινόμενα ἀποδιδόναι τὸν θύοντα τῶι ἱερεῖ «если жрец не присутствует, пусть священнодействует тот, чьи воины, необходимое же жертвователь должен отдать жрецу» (Chios 7, 10–15).

Иногда в небольших святилищах (νυμφαῖον — Men. Dyskol. 400) для частных лиц во время отсутствия жреца могли приносить жертвы и неокоры[14]. Мы думаем, что именно о таком случае идет речь во фрагменте комедии Махона, где пришелец видит на священном участке Зенопосейдона в Карии неокора, приносящего жертву (θύοντα τὸν νεωκόρον — Machon. Comic. Fr. 8. 57, Gow). В надписи из храма Амфиарая в Оропе говорится, что неокор в отсутствии жреца мог приносить жертву (LSCG 1969. 69, 25–27). Известно еще несколько примеров, когда неокор приносит жертву: в IV миме Герода это очевидно (речь идет о некоем храме Асклепия, всегда переполненном посетителями, желавшими принести жертву богу-целителю), во фрагменте Автомедонта из Кизика можно предположить, что упомянутый «неокор потухшего алтаря» ἀκνίσου βωμοῖο νεωκόρος (речь идет об алтаре Аполлона), отличающийся исключительной жадностью и присваивающий себе все жертвы, самостоятельно совершает жертвоприношение

[13] Ср. Pirenne-Defolge 2005, 16. Кроме частей от жертвы, жрецы нередко получали за каждое жертвоприношение фиксированный взнос в деньгах: так, в надписи из Галикарнасса говорится, что приносившие жертву давали 2 обола за взрослое животное и 1 обол за молочное (LSAM 73, 31–35); морские воины, делавшие остановку на Косе и приносившие жертвы Афродите Понтийской, должны были принести в жертву быка или дать 15 драхм жрице и драхму в сокровищницу от каждой стоянки (SEG 50:766, 10–12); см. ткж. IG II2. 1356, 16–19; SEG 21:527, 28–29, 34–35 etc. Кроме того, В. Розивач выдвигает гипотезу, согласно которой общественные жертвоприношения в Греции играли немалую роль в экономической жизни Афин: по его мнению, все оставшиеся от общественных жертвоприношений мясные продукты продавались перекупщикам и шли на рынок; он даже полагает, что в Афинах не существовало иных мясных рынков, кроме тех, которые сбывали остатки жертвенного мяса (Rosivach 1994, 85–88).

[14] О неокорах см. Ленская 2011, 322–336.

(Anth. Pal. XI. 324). Однако упоминаемые в источниках случаи жертвоприношений, совершаемых неокорами, единичны.

К бескровным жертвам относились принесения в жертву плодов и, прежде всего, начатков сбора (ἀπαρχαί), печений и пирогов, сыра, молока и других продуктов. Согласно традиции, растительные жертвы были у греков древнейшими: так, Плутарх сообщает, что «большинство эллинов для самых древних своих жертвоприношений употребляли ячмень» (Plut. Aetia Graeca. 292c). У Ксенофонта читаем, что, построив в Скиллунте храм Артемиде, он всегда выделял десятую часть плодов с полей и приносил ее богине в жертву (Xen. Anab. 5. 3. 9). Павсаний пишет, что в Фигалии в Аркадии «не приносят в жертву ничего другого, кроме садовых фруктов, особенно винограда, медовых сотов, овечьей шерсти» (Paus. VIII. XLII. 5). Матери богов часто приносили в жертву блюда, на котором были разложены зерна пшеницы, ячменя, горох, вика, чечевица (Athen. XI. 476f), Посейдону в Афинах приносили в жертву начатки плодов (Plut. Tes. 6), Гераклу в афинском деме Мелите и в Беотии — яблоки (Hesych. Μήλων Ἡρακλῆς; Pollux. I. 30), Лето в Дельфах — луковицы (Athen. IX. 372a), Ириде на Делосе — пшеничную кашу, сваренную в меду, в которую добавляли смокву и орехи (Athen. XIV. 645b), Владычице в Аркадии — плоды всех плодовых деревьев, кроме граната (Paus. VIII. XXXVII. 7). Перед Эрехтейоном в Афинах стоял жертвенник Зевса Всевышнего, на котором, по Павсанию, «не приносят в жертву ничего живого и даже возложив печенья, считают недозволенным употреблять вино» (Paus. I. XXVI. 6, пер. С. С. Кондратьева; Paus. VIII. II. 1). У Афинея читаем, что афиняне приносили в пританей и клали на стол перед Диоскурами ячменные лепешки, сыр, спелые маслины и лук-порей (Athen. IV. 137e). Отдельным видом бескровной жертвы были пироги, имевшие разные виды и форму и носившие разные названия: πέμμα, πόπανον, πελανός, πλακοῦς, φθοῖς, ἐλατήρ, ἐλλύτης, ψαιστόν, ἀμφιφῶν, ἀρεστήρ и др. Упоминания о таких пирогах часто встречаются в источниках, причем нередко регулируется их количество, размер и даже качество ингредиентов (LSAM 24, 22; 37, 11; 43, 2; LSS 80, 5–8; LSCG 21; 109, 4–5; 135, 71–88 etc.; Aristoph. Plut. 138, 677, Equit. 1182; Men. Dyskol. 450; Athen. 4. 27. 45, 14. 53. 4, 14. 57. 17; Schol. Aristoph. in Plut. 661. 9; Polyb. 6. 25. 7 etc.)[15].

Все эти продукты приносились в святилище и складывались в определенном месте, чаще всего на специальном жертвенном столе — τράπεζα, отчего обычно назывались τραπεζώματα. Еще в эпоху архаики появился обычай предлагать богу жертву в двух частях: первая состояла в сожжении отдельных частей закалываемого жертвенного животного, другая часть (съедобные сырые куски мяса — ноги, бедра, ребра, языки — и другие продукты) клалась на стол; τράπεζαι служили для складывания продуктов, не подлежавших сожжению, тогда как βωμοί (алтари) использовались преимущественно для сожжения[16]. Упоминания о частях, складывавшихся ἐπὶ τὴν τράπεζαν, и выражение τράπεζαν κοσμεῖν

[15] Kearns 1994, 65–70, Kearns 2011, 89–103; о πελανός – Stengel 1910, 66–72.

[16] Иногда в источниках встречаются упоминания о том, что съедобные части, которые обычно складывались на столе и не подлежали сожжению, клались на алтарь (IG II2. 1366; LSAM 21, 23), однако это являлось исключением (при этом Жиль полагает, что в данных случаях алтарь служил простой заменой стола – там, где его по каким-то причинам не было Gill 1991, 24, Димитрова считает, что эти части все-таки иногда сжигались Dimitrova 2008, 255).

встречаются во многих надписях (IG II^2. 704, 14–15; 776, 12; 1245, 6; 1363, 12–13; LSCG 20, 14–15 etc., рис. 2)[17]. Столы для бога накрывали как служители культа из храмовых средств[18], так и сами верующие[19]. Поскольку расходы на украшения столов иногда идут в финансовых отчетах отдельным пунктом и очевидно, что иногда бог мог получить только τράπεζα без жертвоприношения (IG I^3. 234, 18–19: Σεμέλει : τράπεζα ; II^2. 1358), можно предположить, что служители храмов могли τράπεζαν κοσμεῖν и без жертвоприношения, т.е. просто покупая мясо и другие продукты на рынке. Археологические раскопки обнаружили в некоторых храмах кости животных, которые не упомянуты в источниках как жертвенные, однако, по мнению современных исследователей, могли быть использованы в качестве дополнительного резерва мяса для подношения богу и последующего распределения: оленей, косуль, медведей, лис, волков, собак и др[20]. Мы думаем, что такое «накрывание столов» для бога являлось еще одной (помимо фактического жертвоприношения) важнейшей функцией греческого жреца.

В понятие τραπεζώματα входили как мясные, так и немясные продукты, приносимые в храм верующими и складываемые на столе. Существовал обычай приносить в храм продукты по торжественным случаям, которые бывали в каждой семье — рождение, бракосочетание, смерть и др.: так, Аристотель пишет, что Гиппий «велел приносить жрице Афины на Акрополе за каждого умершего хойник ячменя, столько же пшеницы и обол, и каждому, у кого родится ребенок — то же самое» (Arist. Oik. II. 2. 4, пер. Г. А. Тароняна). Кроме того, продукты приносились и посвящались богам по самым разным поводам. Верующие приносили и складывали на жертвенном столе мясо, лепешки, фиги, виноград, молоко и т.д. Фактически все это считалось собственностью бога, однако обычно жрецы могли брать себе сложенные на столе продукты вполне законно, что иногда прямо отражено в надписях: ὅσα δὲ επὶ τὴν τράπεζαν παρατεθῆι ταῦτα εἶναι γέρα τῶι ἱρεῖ «сколько положил на стол — это вознаграждение жрецу» (LSAM 24A, 23-25, 380–360 до н.э.), τῶν δὲ παρατιθεμένων τῆι θεῶι ἐπὶ τὴν τράπεζαν ἔστω τὸ μὲν ... μέρος τῆς ἱερείας «из положенного богу на стол пусть будет... часть жрицы» (IG XII. 7, 237, 18–20)[21]. Артемидор пишет о жрецах, что «обычай позволяет им брать себе начатки жертвенных приношений (τῶν θεῶν ἀπαρχάς), и они в какой-то мере кормятся от богов, а кое-что берут себе и тайком» (Artemid. Oneirocr. III. 3, пер. Э. Г. Юнца). Вероятно, этот последний случай обыгрывает Аристофан в «Плутосе», когда пишет: «Но тут, глаза поднявши, вижу я, что жрец / Утаскивает фиги и пирожные / От трапезы священной. После этого / Стал обходить проворно алтари кругом — / Не пропустил ли где лепешки жертвенной. / Потом все это посвятил в мешок...к себе!» (Aristoph. Plut. 676 sq., пер. В. Холмского). Тем не менее, «кормление от богов», по выражению Артемидора, было вполне обычным явлением; когда в комедии «Плутос» наступает момент всеобщего бла-

[17] См. Gill 1974, 117–137.

[18] IG II2. 776. 10–12: «жрица Полиады заботилась хорошо и ревностно об украшении стола (τῆς τε κοσμήσεως τῆς τραπέζης)»; в надписи IG II2. 1358, представляющей собой финансовый отчет о расходах на жертвоприношения в Тетраполисе, расходы на τράπεζα□учитываются отдельным пунктом.

[19] LSAM 24A. 13–20 (см. выше).

[20] Ekroth 1988, 275–276.

[21] Ekroth 1988, 128–133.

годенствия и изобилия, жрец Зевса жалуется на то, что ему нечего есть: «С тех самых пор, как Плутос снова зрячим стал, / От голода я гибну, есть мне нечего, / И это мне — жрец Зевса я спасителя!../ Жертв приносить никто не хочет!../ А то, что все богаты стали! Прежде же, / Хоть бедны были, жертву приносили в храм / Спасенный путешественник или следствия / Удачно избежавший. Если кто хотел / Счастливое услышать прорицание, / То и меня, жреца, он звал. Никто теперь / Жертв больше не приносит, не приходит в храм...» (Aristoph. Plut. 1071 sq., пер. В. Холмского). Правда, иногда такие приношения оставались в храме нетронутыми в течение долгого времени: например, Павсаний пишет, что в храме Геракла в Микалесе перед ногами статуи Геракла клались «плоды, которые земля приносит в осеннюю пору, и они в течение целого года остаются свежими» (Paus. IX. XIX. 5). В любом случае, многое из того, что приносилось в храм богу, могло быть взято жрецами вполне легально и составляло часть их доходов. Нужно заметить, что бескровные жертвоприношения часто совершались дома, на домашнем алтаре, и в таких случаях присутствие жреца не являлось необходимостью (Aristoph. Ach. 240sq. etc.).

Жертвоприношение обычно сопровождалось пиром, на которую приглашали родственников, соседей, друзей, а также нередко и жрецов. У Аристофана читаем: ὁ δ᾽ ἂν ἐκαλλιερεῖτό τις κἀμέ γ᾽ ἐκάλει τὸν ἱερέα «если кто-то получил доброе предзнаменование на жертвоприношении, то приглашал меня, жреца» (Aristoph. Plut. 1181–1182). Пиры после жертвоприношения описаны еще у Гомера (Hom. Il. I. 458sq; Od. III. 445sq.). У Исея Клеоним после жертвоприношения Дионису приглашает на трапезу «всех домашних...и многих сограждан» (Is. 1. 31). В «Брюзге» Менандра мать героя, часто приносившая жертвы в разных святилищах своего дема (Men. Dyskol. 260–264)., приглашает многих знакомых разделить с ней трапезу (Men. Dyskol. 393–418). Теофраст называет бессовестным человека, который «после жертвоприношения богам обедает у другого, а жертвенное мясо солит впрок» (Theophr. Char. IX). Иногда части жертвенных животных отсылались друзьям (Xen. Hell. IV. 3. 14; Plut. Ages. 17). Ксенофонт, построивший храм богине на своем участке в Скиллунте, совершал жертвоприношения Артемиде, причем «все местные граждане и окрестные жители...принимали участие в празднестве. Участников празднества на средства храма снабжали ячменем, пшеничным хлебом, вином, плодами и долей мяса как от жертвенных животных со священных пастбищ, так и от зверей, убитых на охоте» (Xen. Anab. 5. 3. 9, пер. М.И. Максимовой). Археологические раскопки свидетельствуют о том, что нередко при храмах существовали специальные помещения для священных пиров — ἑστιατόρια и δειπνιστήρια, оборудованные столами и ложами для трапезы (κλίναι), а также вспомогательные помещения-кухни — такие постройки найдены во многих греческих храмах в Аттике, Элевсине, Мегарах, Коринфе, на Паросе, Делосе и др. местах[22]. Кроме того, во время фестивалей, продолжавшихся несколько дней, часто при храмах сооружались временные палатки, в которых можно было совершать совместные трапезы после священных ритуалов[23].

[22] Goldstein 1986, 8–100.
[23] Goldstein 1986, 113–321.

Рис. 2. Прорисовка изображения на краснофигурном кратере из Апулии (Van Straten 1995, V149 Naples MN 2411, inv. 82922). Рис. из книги Gill 1991, fig. 1).

Такие виды жертвоприношения как возлияние (σπονδή, νηφάλια — возлияние без вина)[24] и воскурение (λιβανωτός, σμύρνα) были весьма распространены у греков и не требовали участия жреца. Каждое возлияние сопровождалось молитвой или призывом к богу (Aristoph. Pax. 435; Xen. Cyr. VII. 1. 1; Dem. XIX. 130). Для возлияний использовались вино, мед, молоко (Hom. Od. X. 518–26; Aeschyl. Pers. 607–22 etc.), в некоторых случаях масло (Plut. Aristid. 21; Theophr. Char. 16. 5), для воскурений ладан и восточные специи. Возлияния и воскурения часто происходили в соединении с другими жертвоприношениями в святилищах, однако не менее часто они совершались в бытовых ситуациях, например, перед началом пира (Hom. Il. IX. 177; Od. III. 342, 395; VII. 184, 228 etc.; Athen. IV. 143e) или просто утром и вечером в каждой семье (Hes. Op. 338–339). Афиней сообщает, что эфебы совершали возлияние перед тем, как обрезать волосы (Athen. XI. 494f). Согласно Платону, жертвоприношения происходили перед началом занятий в палестре (Plato. Lys. 206e); Платон не уточняет, какие именно, однако можно догадаться, что это должны были быть простейшие виды, какими и являлись возлияния или воскурения.

Наконец, еще одним видом жертвоприношения были вотивные посвящения в храм — ἀναθήματα[25]. Это были разнообразные предметы, начиная с одежд, сосудов и оружия и заканчивая небольшими произведениями искусства (Hom. Il. VII. 81; X. 458–64; Eur. Iph. Taur. 1464–7; Plut. Cim. 5. 2; Paus. II. XXXIII. 1; I. ILIII. 4; Theophr. Char. XXI. 3 etc.; Poll. I. 28). В принципе, в дар богу могло приноситься все, хотя обычно приношения делались в соответ-

[24] См. анализ греческих терминов, связанных с возлиянием (σπένδω, λείβω, χέω, σπονδή) в: Casabona 1966, 231–290. О возлияниях: Stengel 1910, 178–186; Graf 1980, 209–221; о νηφάλια, «трезвых возлияниях» (возлияниях без вина) Pirenne-Delforge 2011, 117–147.

[25] Rouse 1902; Van Straten 1981, 65–151; Van Straten 1992, 247–284; Karoglou, 2010, 1–4: «в архаической и классической Греции как θυσίαι так и ἀναθήματα были составной частью τὰ ἱερά»

ствии со «специализацией» святилища: так, храмы богов-целителей изобиловали фигурками частей тела, храмы Геры — статуэтками беременных и кормящих женщин, детей, украшениями и т.д.[26] Вотивные приношения, как правило, приносились по обету и выставлялись напоказ, украшая храмы; однако в тех случаях, когда решалось, что то или иное приношение ненужно храму, жрец мог взять его себе: τῶν δὲ ἀναθημάτων ὅσα μὲν ἀργὰ ἢ ἄχρηστα αὐτῶν, ἔστω τοῦ ἱερέως, τὰ δὲ ἄλλα ἀναθήματα τοῦ θεοῦ ἔστω «какие из приношений непригодные или бесполезные, те пусть будут (собственностью) жреца, остальные же — бога» (LSAM 59, Ясос).

Как мы говорили выше, существовали разные виды жертвоприношений: обычные, очистительные, гадательные и другие. Ритуалы очищения были очень распространены в Греции, и могли совершаться не только жрецами, но и рядовыми гражданами[27]. Однако в некоторых случаях вмешательство жрецов было необходимо; так, Плутарх описывает очищение Тесея от убийства Фиталидами, афинским жреческим родом, которые «исполнили все требуемые законом очистительные обряды и принесли умилостивительную жертву» (Plut. Tes. 12. 1, пер. В. Алексеева). Элевсинские жрецы проводили очищение с помощью овечьих шкур (Suid. s.v. Διὸς κῷδιον). В надписи из Кирены подробно описываются ритуалы очищения в святилище Аполлона для разных категорий населения (LSCG 1962. 115). Очищения проводились в различных храмах, особенно часто в храмах Аполлона[28] и Зевса[29]. Ритуал очищения от убийства у алтаря Зевса подробно описан в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Apoll. Argon. IV. 700sq.). В Аттике существовали специальные жрецы-очистители общественных мест — перистиархи (Suid. s.v. со ссылкой на Истра: περιστίαρχος, ὁ περικαθαίρων τὴν ἑστίαν καὶ τὴν ἐκκλησίαν καὶ τὴν πόλιν... οἱ τὰ ἱερὰ καθαίροντες περιστίαρχοι· ἔξωθεν γὰρ περιέρχονται, μαχαιροφοροῦντος ἑκάστου τῶν ἱερῶν, οἰκίαις περιειλημμένοι δημοσίαις, καὶ περίδρομον ἔχοντες «перистиарх, очиститель очага, народного собрания и города...святилища очищают перистиархи: обходят снаружи, каждый касаясь мечом святилищ, обходя общественные постройки, совершая круг»). Вне храмов, известных своими очистительными ритуалами, возможно, не все жрецы занимались этими обрядами: так, Сократ у Платона после не очень «благочестивого» поступка — вмешательства в божественное провидение — предлагает принести искупительную жертву (ἀποδιοπομπησόμεθα) и совершить очищение (καθαρούμεθα), отыскав кого-нибудь, «кто горазд это делать» ἐξευρόντες ὅστις τὰ τοιαῦτα δεινὸς καθαίρειν (Plato. Cratyl. 396e–397a). У Феофраста суеверный человек, испугавшись плохой приметы, зовет жриц для очищения морским луком или щенком (Theophr. Char. XVI); о последнем Плутарх пишет, что «все эллины для очищения приносили в жертву собаку и...наряду с

[26] См., напр., Aleshire 1989, 37–51 и passim; Baumbach 2004, 1–3.

[27] Parker 1983, 34–35, 52, passim.

[28] Dyer 1969, 44. Дельфы в историографии издавна считались одним из главных очистительных центров в Греции; Р. Диер выдвигает гипотезу, согласно которой в самих Дельфах ритуалы очищения не проводились; дельфийский Аполлон, в случае обращения к нему за советом, только предлагал способ очищения (καθαρμός), само же очищение происходило в другом месте (Dyer 1969, 45, 50 etc.).

[29] Parker 1983, 138.

прочими очищениями, в жертву Гекате приносят собаку или прикасаются щенками к тем, кто нуждается в очищении» (Plut. Aet. Rom. 68, пер. Н. В. Брагинской).

Гадательные жертвоприношения были распространены не менее, чем очистительные; при этом существовали жертвоприношения только для гаданий, которые обычно проводили специалисты-гадатели, и гадания по жертвам, происходившие практически при каждом жертвоприношении. Прорицатель (μάντις) отличался от обычного жреца своим искусством и долгой практикой; наиболее известные прорицатели принадлежали к родам, где искусство прорицания переходило от отца к сыну на протяжении многих поколений (самые знаменитые — Меламподиды, Иамиды, Клитиады, Теллиады)[30]. Особенно необходимыми греки считали гадания по внутренностям животных перед началом важных предприятий, главным образом, военных кампаний и сражений (ἱερά и σφάγια[31]): в каждом войске были свои прорицатели, и бывали случаи, когда из-за неблагоприятных знамений походы прерывались (Xen. Hell. III. 4. 15), а сражения откладывались (Herod. IX. 38). Обычный жрец не имел такой подготовки и практики, как прорицатель, однако и он обязан был уметь провести элементарное гадание по жертвам, которое заключалось в наблюдении за поведением животного, которого вели к алтарю, за горением жертвенных частей (ἐμπυρομαντεία) и в гадании по внутренностям (ἱεροσκοπία). Жрец следил, добровольно ли животное шло алтарю или упиралось, быстро ли загорался огонь, как горел хвост животного и в какую сторону скручивался (Eurip. Phoeniss. 1256sq.: «гадатели ж, проливши кровь ягнят/дым жертвенный прилежно наблюдали/ развеется или столбом пойдет/и по тому, высоко ль пламя жертвы/ и на кипящей влаге пузыри/ грядущего исход вещали боя», пер. И. Анненского; Schol. Aristoph. Pax. 1054: ἔθος εἶχον τὴν ὀσφῦν καὶ τὴν κέρκον ἐπιτιθέναι τῷ πυρί, καὶ ἐξ αὐτῶν σημείοις τισὶ κατανοεῖν, εἰ εὐπρόσδεκτος ἡ θυσία, καὶ ἄλλα τινὰ πρὸς τὰ νεύματα σημεῖα λαμβάνειν, περὶ ὧν τὴν θυσίαν ἐποίουν «был обычай класть бок и хвост на огонь и из полученных от них знаков решать, благоприятна ли жертва, и получать всякие другие в соответствии со знаками знамения о том, о чем совершали жертву»). После убийства жертвенного животного отделяли и рассматривали его печень, сердце, легкие, селезенку (Eurip. Electr. 824 sq.; Xen. Hell. III. 4. 15; Paus. VI. 2. 2; IX. 39. 5; Plut. Cim. 18). Если знамения были благоприятны, то возвещали, что τὰ ἱερὰ

[30] Flower 2008, 189–192.

[31] Разница между ἱερά и σφάγια не вполне ясна: большинство исследователей считает, что термином ἱερά именовались жертвоприношения в лагере, близкие к обычным жертвоприношениям, тогда как σφάγια проводились прямо перед полем сражения; они полагают, что σφάγια – это технический термин, обозначавший приношение богу крови жертвы: поскольку сражения всегда сопровождались пролитием крови, постольку именно этот вид жертвы применялся перед битвой. (Casabona 1966, 317–321; Jameson 1991; Parker 2000). Например, Ксенофонт, говоря о гаданиях перед битвой, употребляет эти два термина рядом: καὶ τὰ ἱερὰ καλὰ καὶ τὰ σφάγια καλά «жертвы и предзнаменования прекрасны» (Xen. Anab. I. 8. 15); τά τε ἱερὰ ἡμῖν καλὰ οἵ τε οἰωνοὶ αἴσιοι τά τε σφάγια κάλλιστα «жертвы нам благоприятны, птицы предвещают удачу, предзнаменования прекрасны» (Xen. Anab. VI. 5. 21, пер. М. И. Максимовой). Однако, говоря о жертвоприношении, совершенном утром в лагере, он употребляет термин ἱερά: «Ксенофонт, встав рано утром, принес жертву (ἐθύετο) по поводу выступления, и священные знаки (τὰ ἱερά) оказались благоприятными» (Xen. Anab. VI. 5. 2, пер. М. И. Максимовой), а жертвоприношение в походе, в 15 стадиях от врага, именует σφάγια: «Жрец эллинов Аррексий тут же принес жертву (σφάγια... σφαγιάζεται), и она (τὰ σφάγια) с первого раза оказалась благоприятной» (Xen. Anab. VI. 5. 8, пер. М. И. Максимовой).

καλά или употребляли глагол καλλιερεῖν, сопровождавшийся обычно формулой δέχεσθε τὰ ἀγαθά: так, один из героев Феофраста, выступая в качестве притана, объявляет народу: «Мы, пританы, принесли жертвы Матери богов и справили Галаксии. Жертвы благоприятны. И вы принимайте ее дары!» τὰ ἱερὰ καλά, καὶ ὑμεῖς δέχεσθε τὰ ἀγαθά (Theophr. Char. XXI. 11, пер. Г. А. Стратановского). В одном из отрывков из Демосфена некто объявляет о результатах жертвоприношения: ἐθύσαμεν τῷ Διὶ τῷ σωτῆρι καὶ τῇ Ἀθηνᾷ καὶ τῇ Νίκῃ, καὶ γέγονεν καλὰ καὶ σωτήρια ταῦθ' ὑμῖν τὰ ἱερά. ἐθύσαμεν δὲ καὶ τῇ Πειθοῖ καὶ τῇ Μητρὶ τῶν θεῶν καὶ τῷ Ἀπόλλωνι, καὶ ἐκαλλιεροῦμεν καὶ ταῦτα... δέχεσθ' οὖν παρὰ τῶν θεῶν διδόντων τἀγαθά «мы совершили жертвоприношение Зевсу Сотеру, Афине и Нике и жертвы были для нас хорошими и благополучными. Совершили жертвоприношения также Пито, Матери богов и Аполлону и удачными были и они. Принимайте же от покровительствующих богов дары» (Dem. Exordia. 54). Подобная формула повторяется во многих надписях[32]. При неблагоприятном исходе жертвоприношения использовались формулировки οὐκ ἐκαλλιέρεε, τὰ ἱερὰ οὐ γίγνεται (Herod. IX. 38; Xen. Anabas. VI. 4. 14). Нужно отметить, что иногда дивинационными познаниями обладали люди, не имевшие жреческих полномочий — например, по внутренностям животных гадал, будучи полководцем, Ксенофонт, о чем он нередко упоминает в своих повествованиях — но это скорее было исключением. Как правило, подобные обязанности исполняли жрецы.

Наконец, рассмотрим вопрос о жрецах и жертвоприношениях в иной плоскости, а именно, поставим вопрос о «заказчике» жертвоприношения. Жертвоприношение могло быть частным, исполняемым по просьбе одного или нескольких частных лиц, и общественным, совершаемым от имени и во благо какого-либо сообщества: государства, района, культового объединения, рода[33]. Частные жертвоприношения производились по заказу одного человека или группы лиц (родственников, друзей и т.д.) за свой счет (или, как мы видели выше, иногда совершались ими самими без участия жреца). Общественные жертвоприношения совершались за общественный счет, отличались большим количеством участников и жертв и сопровождались публичными трапезами. Так, неизвестный автор «Афинской политии» пишет: «Государство совершает на общественный счет жертвоприношения в большом числе, а народ и пирует, и получает по жребию мясо жертвенных животных» ([Xen]. Ath. Pol. 2.9, пер. С. И. Радцига). Например, в Афинах на Панафинеях ежегодно убивалось 100 быков и мясо распределялось между всеми афинянами — в первую очередь, между должностными лицами и участниками процессии, а затем между всеми остальными (IG II^2. 334, 8–16). В день чествования Марафонской битвы ежегодно Артемиде приносилось в жертву 500 коз (Xen. Anab. III. 2. 12). На больших государственных праздниках в Афинах все шкуры убитых животных шли в пользу государства и их продажа составляла отдельную

[32] IG II2. 950: ὁ ἱερεὺς τοῦ Ἀσκληπιοῦ... ἀπήγγελλεν ἐν αἷς πεποίηται θυσίαις γεγονέναι τὰ ἱερὰ καλὰ καὶ σωτήρια πᾶσιν Ἀθηναίοις «жрец Асклепия…возвестил, что в проведенных им жертвоприношениях знамения хороши и благоприятны всем афинянам»; SEG 29:116, 15: ἔθυσαν δὲ καὶ τὰς θυσίας τοῖς θεοῖς καὶ ἐκαλλιέρησαν «принесли жертвы богам, и жертвы были благоприятны»; SEG 22:110, 56–57: ἔθυσαν δὲ καὶ τοῖς Διογενείοις ἐν τῶι τεμένει καὶ τὰς ἄλλας θυσίας ἐπετέλεσαν τὰς καθηκούσας καὶ ἐκαλλιέρησαν ἐμ πάσαις «принесли жертвы и богам, рожденным от Зевса, на священном участке и совершили другие надлежащие жертвоприношения, и во всем жертвы были благоприятны» etc.).

[33] Rosivach 1994, 11–14.

статью государственного дохода — δερματικός (некоторые суммы, полученные ἐκ τοῦ δερματικοῦ, перечислены в IG II^2. 1496)[34]. Подготовку таких общественных жертвоприношений осуществляли, как правило, иеропеи, специально избираемая для таких случаев коллегия. Иеропеи готовили торжественные процессии и жертвоприношения, надзирали за порядком во время праздников, закупали жертвенных животных (часто в сотрудничестве с βοῶναι, специальными должностными лицами для закупки жертвенных животных[35]) и руководили разделом мяса после жертвоприношений, продавали шкуры или сдавали их в городскую сокровищницу[36]. Могли ли иеропеи самостоятельно приносить жертвы? Трудно ответить на это вопрос: с одной стороны, иеропеи как хозяйственные лица всегда были тесно связаны с общественными жертвоприношениями, однако нигде прямо не указывается, что именно они проводили их. В одной афинской надписи сказано, что иеропеи избирались Советом в святилища «которые приносят жертвы Дионису и другим богам, которым положено приносить жертвы о Совете и народе афинском» (IG II^2. 410, 3–6), однако далее уточняется, что они ἐπεμελήθησαν τῆς παραστάσεως τῶν ἱερέων καὶ τῶν θυσίων «заботились о нахождении рядом со жрецами и жертвами» (l. 24–25). На Косе иеропеи иногда приносили жертвы вместе со жрецом — ὅ τε ἱερεὺς καὶ τοὶ ἱεροποιοὶ συντελῶντι τὰς θυσίας κατὰ τὰν ἱερὰν διαγραφάν «жрец и иеропеи совместно приносят жертвы согласно священному предписанию» (Paton-Hicks 383, 14–15, III в. до н.э.). В статье, посвященной иеропеям, мы писали, что в особо важных случаях косские иеропеи приносили жертвы самостоятельно τοὶ ταμίαι διδόντω ἐς τὰς θυσίας ὑπὲρ τᾶς πόλιος τοῖς ἱεροποιοῖς…δραχμὰς χιλίας πεντακοσίας «пусть казначеи дадут на жертвы за полис иеропеям...тысячу пятьсот драхм» (HGK 15, 5)[37], однако сейчас мы усомнились в верности этого нашего высказывания: скорее всего, речь идет не о самом принесении жертвы, а о подготовке жертвоприношения (закупке жертвенных животных и т.п.). Наше предположение подтверждается выдержкой из другой косской надписи ὁ ἱερεὺς ἐπὶ πᾶσαν τὰν θυσίαν ἂν θύει τῶι Ἑρμαιεῖ ὁ μόναρχος καὶ τοὶ ἱεροποιοὶ συμπομπευέτω «пусть жрец участвует во всяком жертвоприношении, которые приносят Гермесу монарх и иеропеи» (Iscr. di Cos. ED 145, l. 18-20, II в. до н.э.). В связи с этим встает более широкий вопрос: могли ли вообще магистраты приносить жертвы самостоятельно, в отсутствие жреца?

В источниках нередко встречаются формулировки, указывающие на то, что различные должностные лица (пританы, иеропеи, демархи) принесли жертву (Theophr. Char. XXI. 11; IG II^2. 890; IG II^2. 334; IG II^2. 1194). В Афинах всеми «отчими жертвоприношениями» заведовал архонт-басилевс (τὰς πατρίους θυσίας διοικεῖ – Arist. Ath. Pol. 57. 1). У Аристотеля читаем: «Затем следуют отдельные должностные лица, выделенные для совершения тех государственных жертвоприношений, которые по закону не поручены жрецам, но имеют особое значение, как

[34] В данном случае речь идет о т.н. ἐπίθεται θυσίαι в Афинах, «новых жертвоприношениях», в отличие от πάτριαι θυσίαι, т.е. «отчих жертвоприношениях», которые возглавлялись архонтом-басилевсом и были более «закрытыми»: жертвы были небольшими, мясо жертвенных животных распределялось между малым количеством участников, жрецов и магистратов (Rosivach 1994, 46f, 121f; Isocr. Areop. 29–30).

[35] Rosivach 1994, 108–114.

[36] Ленская 2012, 179–191.

[37] Ленская 2012, 188.

совершаемые на государственном очаге. Таких должностных лиц одни называют архонтами, другие царями, третьи пританами» (Arist. Pol. VI. 1322b 26). Значит ли это, что они сами могли приносить жертву, не нуждаясь в посредничестве жреца? На первый взгляд, создается впечатление, что слова «не поручены жрецам» означают отстраненность жрецов. Однако в данном предложении Аристотеля присутствует противопоставление μὴ τοῖς ἱερεῦσιν ... ἀλλ᾽ἀπὸ τῆς κοινῆς ἑστίας — «не жрецам... но на государственном очаге», то есть имеются в виду жертвоприношения не в отдельных храмах, но у общественного очага за государственный счет и имеющие государственное значение; таким образом речь идет не о жрецах как исполнителях, но о жрецах как администраторах различных храмов. Ж. Марта отвечает на вопрос, могли ли магистраты сами приносить жертвы, отрицательно, и мы присоединяемся к его мнению. Слово θύειν, как отмечает французский исследователь, имело широкое значение и могло означать не только сам акт жертвоприношения, но и подготовку к нему, поставку жертвенного животного, выделение средств и т.п.; любой человек, подготовивший и субсидировавший жертвоприношение, мог сказать θύω, при этом лишь присутствуя при его исполнении (Aristoph. Aves. 848–849; Xen Anab. V. 3. 9). Поэтому вышеупомянутые формулировки не означали, что магистраты собственноручно совершали жертвоприношение, но лишь указывали на них как на лиц, ответственных за его исполнение от имени полиса или другого объединения; присутствие жреца (в данном случае, вероятно, хранителя общественного очага τῆς κοινῆς ἑστίας, где совершались эти жертвоприношения[38]) при этом могло подразумеваться само собой[39].

Мы рассмотрели основную функцию греческого жреца — совершение жертвоприношения. В торжественной церемонии жертвоприношения жрец был главной фигурой; административные и финансовые функции он мог разделять с другими служителями и должностными лицами — неокорами, иеропеями, казначеями и прочими магистратами, имевшими отношение к делам храма, однако честь совершения жертвоприношения в храме принадлежала только ему одному. Лишь в исключительных случаях, как мы видели выше, эту обязанность могли исполнять другие люди. Жертвоприношение было частью ритуала, знатоком которого должен был быть жрец; каждое святилище в Греции имело свои особенности исполнения ритуала, поэтому желающие принести жертву в храме нуждались в посредничестве жреца этого храма; за исполнение литургических обязанностей жрец получал часть от жертвы, что фактически являлось для него платой за службу. Знание жрецом ритуала в одних случаях могло быть номинальным, в других глубоким и доскональным[40], однако любой жрец должен был обладать этим знанием, детали которого сохранялись и передавались от служителя к служителя в каждом храме. Совершение жертвоприношения в соответствии с ритуалом было основной обязанностью греческого жреца. Другой его обязанностью являлась забота о содержании храма и принадлежавшей храму собственности в надлежащем

[38] Государственный очаг Афин располагался в пританее (Туманс 2002, 188–189, Латышев 1997, 24) однако мы не думаем, что именно там совершались эти жертвоприношения – для этих целей должен был существовать отдельный, специальный алтарь.

[39] Martha 1882, 75–79.

[40] Chaniotis 2008, 33.

порядке, и эту его административную функцию мы намереваемся рассмотреть в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

Латышев В. В. 1997: Очерк греческих древностей. Т.2. СПб.

Ленская В. С. 2011: Младший культовый персонал в древней Греции // ПИФК. 4, 322–336.

Ленская В. С. 2012: Иеропеи в древней Греции // ПИФК. 4, 179–191.

Суриков И. Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.

Туманс Х. 2002: Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб.

Aleshire S. B. 1989: The Athenian Asklepieion. The People, their Dedications and the Inventories.

Baumbach J. D. 2004: The Sagnificance of Votive Offerings in Selected Hera Sanctuaries in the Peloponnese, Ionia and Western Greece. Oxford.

Beazley J. D. 1963: Attic Red-Figures Vase-Painters. Oxford.

Berhiaume G. 1982: Les rôles du mágeiros: étude sur la bucherie, la cuisine et la sacrifice dans la Grèce ancienne. Leiden.

Casabona J. 1966: Recherches sur le vocabulaire des sacrifices en Grec des origins à la fin de l'époque classique. Aix-en-Provence.

Chaniotis A. 2008: Priests as Ritual Experts in the Greek World // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus. Harvard, 17–34.

Dimitrova N. 2008: Priestly Prerogatives and Hiera Moira // Μικρός Ιερομνήμων. Μελέτες εις μνήμην M. H. Jameson. Athinai, 251–257.

Durand J.-L. 1986: Sacrifice et labour en Grèce ancienne. Essai d'anthropologie religieuse. Paris; Rome.

Dyer R. 1969: The Evidence for Apolline Purification Rituals at Delphi and Athens // JHS. 89, 38–56.

Eitrem S. 1915: Opferritus und Voropfer der Griechen and Römer. Kristiania.

Ekroth G. 2008: Meat, Man and God. On the Division of the Animal Victim at Greek Sacrifices // Μικρός Ιερομνήμων. Μελέτες εις μνήμην M. H. Jameson. Athinai, 259–290.

Flower M. 2008: The Iamidae: A Mantic Family and its Public Image // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus. Harvard,187–206.

Gill D. 1974: Trapezomata: A Neglected Aspect of Greek Sacrifice // Harvard Theological Review. 67. 2, 117–137.

Gill D. 1991: Greek Cult Tables. New York; L.

Goldstein M. S. 1986: The Setting of the Ritual Meal in Greek Sanctuaries: 600–300 B. C. Ann Arbor. PhD.

Graf F. 1980: Milch, Honig und Wein // Perennitas. Studi in onore di A. Brelich. Roma, 209–221.

Himmelmann N. 1997: Tieropfer in der griechischen Kunst. Opladen.

Jameson M. H. 1991: Sacrifice before Battle // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience. L., 197–228.

Karoglou K. 2010: Attic Pinakes. Votive images in Clay. Oxford.

Kearns E. 1994: Cakes in Greek Sacrifice Regulations // Ancient Greek Cult Practice from the Epigraphical Evidence. Stockholm, 65–70.

Kearns E. 2011: Ὁ λιβανωτὸς εὐσεβές καὶ τὸ πόπανον : the Rational of Cakes and Bloodless Offerings in Greek Sacrifice // "Nourrir les dieux?" Sacrifice et représentation du divin. Liège.

Martha J. 1882: Les sacerdoces Athéniens. Paris.

Metzger H. 1965: Recherches sur l'imagérie Athénienne. Paris.

Parker R. 1983: Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxford.

Parker R. 2000: Sacrifice and Battle // van Wees H. War and Violence in Ancient Greece. L., 299–314.

Pirenne-Delforge V. 2005: Prêtres et prêtresses // Thesaurus cultus et rituum antiquorum. V. Los Angeles, 3–31.

Pirenne-Delforge V. 2011: Les codes de l'adresse rituelle en Grèce: le cas des libation sans vin // "Nourrir les dieux?" Sacrifice et représentation du divin. Liège, 117–147.

Rankin E. M. 1907: The Role of the Mageiroi in the Life of the Ancient Greeks. Chicago.

Rosivach V.J. 1994: The System of Public Sacrifice in Fourth-Century Athens. Atlanta.

*Rouse W.H.*D. 1902: Greek Votive Offerings. An Essay in the History of Greek Religion. Cambridge.

Stengel P. 1910: Opferbräuche der Griechen. Leipzig; Berlin.

Suk Fong Jim Th. 2012: Naming a Gift: the Vocabulary and Purposes of Greek Religious Offerings // GRBS. 52? 310–337.

Van Straten F. 1981: Gifts for the Gods // Faith, Hope and Worship. Aspects of Religious Mentality in the Ancient World. Leiden, 65–151.

Van Straten F. 1992: Votives and Votaries in Greek Sanctuaries // Le Sanctuaire Grec. Vandoeuvres-Genève, 247–290.

Van Straten F. 1995: Hiera kala: Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece. Leiden; New York; Koeln.

PRIEST AND SACRIFICIAL OFFERING IN ANCIENT GREECE

V.S. Lenskaya

The author considers the role of an ancient Greece priest in sacrificial offering. The author considers different types of offerings such as blood, non-blood, purgatorial, and fortune-telling. Then the author passes over to public offerings and identifies the roles of priests and magistrates in public offerings. The author concludes that despite so called home offerings and magistrates' offerings mentioned in some sources, public conscience linked sacrifice duties with priests, which in exceptional cases could be performed by other people.

Key words: Ancient Greece, cult, priest, offering, sacrifice

Древний Восток

© 2013

В. А. Гаибов

ОБ ИСТОКАХ ОДНОГО МОТИВА В ПАРФЯНСКОМ МОНЕТНОМ ДЕЛЕ*

В статье рассматривается реминисценция идеи связи с небесными силами верховного правителя гуннов — шаньюя — в Парфянском царстве в конце I в. до н.э. Особенно наглядно эта идея отражена в парфянском монетном деле, начиная со времени правления Орода II. Анализируется группа монет этого царя, в которой изобразительными средствами воспроизводится идея «родства» правителя с небесными светилами — Солнцем и Луной.

Ключевые слова: Парфия, монетное дело, Ород II, гунны, шаньюй, сакрализация

В современной науке, насколько нам известно, общепринятым является мнение, что самой ранней кочевнической империей в Центральноазиатском регионе была империя, созданная гуннами (сюнну). Соответственно, институты, обычаи, общественный строй и т.п. этого государственного образования во многих случаях стали нормативными для последующих кочевых государств региона[1]. Т. Дж. Барфилд даже утверждал, что «имперская конфедерация», созданная сюнну, оставалась ведущей формой политической организации кочевых обществ вплоть до Чингиз-хана[2].

Эта идея является настолько общепринятой, что она никогда не подвергалась проверке и никогда специально не исследовалась. В данной статье автор также не собирается ни опровергать, ни подтверждать эту концепцию. Наша задача — попытаться проследить историю одного религиозного мотива, который, кажется, появился в гуннской среде и позднее нашел дорогу в совершенно иное общество.

Гунны впервые упоминаются в китайских источниках под 318 г. до н.э. (исследователи называют и другие даты), но уже в последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских родов, возглавлявшийся выборным военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал ломку традиционных отношений,

---

Гаибов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта № 11–01–00141

[1] Кычанов 2010, 48.

[2] Барфилд 2009, 20.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

что закончилось возникновением примитивного государства[3]. Естественно, что этот факт привел к изменениям и в идеологической сфере: потребовались новые формы легализации власти правителей, в частности ее сакрализация. Важным этапом на этом пути явилась деятельность шаньюя Цзисюй, который правил под титулом Лаошаншаньюй (174–127 гг. до н.э.). Он изменил формулировку, которая связывала его с небесными силами, и стал зваться «Порожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной великий шаньюй сюнну»[4].

Характерно, что именно эта форма сакрализации императорской власти не зафиксирована у народов, наследовавших ранним гуннам. Мы знаем только одно общество, в котором присутствует очень близкая форма сакрализации царской власти, — Парфию. Аммиан Марцеллин пишет о том, что «знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем (основателе Парфянской державы Аршаке — *В.Г.*) и его первого присоединили к сонму звезд, как они это полагают в своих религиозных представлениях. Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны…» (Amm. Marcel. XXIII. 6. 4–5)[5]. С нашей точки зрения, этот факт имеет принципиальное значение[6], хотя он не нашел должной оценки в литературе, посвященной парфянской религии и политической теории[7].

Особое значение этому факту придает то обстоятельство, что в парфянском монетном деле присутствует несколько типов монет, воспроизводящих эту идею изобразительными средствами. Мы имеем в виду прежде всего тот тип, в котором по одну сторону головы царя была помещена многолучевая звезда (так изображалось солнце), а по другую — полумесяц. Этот тип находит достаточно широкое распространение в чекане парфянского царя Орода II (57–38 гг. до н.э.)[8] (рис. 1). Появление этой иконографической схемы не было спонтанным. Необходимо отметить, что отдельные элементы этой сюжетной композиции зафиксированы на некоторых типах монет Митридата III (непосредственного предшественника Орода II и его соперника в борьбе за царскую власть)[9] и на более ранних выпусках

[3] Кляшторный 1982, 173.

[4] Кычанов 2010, 13, 39. Необходимо отметить, что данная формула похожа на ту, которая описывает взаимоотношения между Небом и китайским императором, но это сходство чисто внешнее, по своему генезису они очень сильно различаются. См. Кычанов 2010, 14.

[5] Необходимо указать, что описание власти Аршакидов вставлено в описание военных действий между Сасанидским Ираном и Римской империей. Очевидно, автор, не очень хорошо представлявший более раннюю историю, взял из какого-то более раннего сочинения целый раздел и вставил его в свой труд.

[6] См. Кошеленко, Гаибов 2010, 191–192 (№ 4).

[7] См., например, Neusner 1962, 40 — 59; Кошеленко 1971, 212–218; Colledge 1986, 14–26; Boyce 1990, 540–541; Колледж 2004, 93–110.

[8] Sellwood 1980, тип 47.5 — 47.34 — драхмы; тип 47.35 — 47.38 — дихалки; тип 47.39 — 47.47 — халки; Кошеленко, Гаибов 2010, 192 (№ 4).

[9] Следует, например, указать на присутствие солярного символа на кафтане Митридата III (Sellwood 1980, тип. 41.1 — тетрадрахма; Рис. 2). Кроме того, на одном из типов драхм этого царя имеется изображение солнца справа от бюста (Sellwood 1980, тип 41.12 — 41.15; Рис. 3), так же как и на его тетрахалках (Sellwood 1980, тип. 41.20) и дихалках (Sellwood 1980, тип 41.21). При этом на драхмах данного царя типов Sellwood, 41.16 — 41.17 представлены расположенные один над другим за головой царя символы полумесяца и солнца (Рис. 4) — вариант, предшествующий вышеупомянутой схеме на монетах Орода II. Однако нам кажется, что придавать серьезное значение чекану Митридата III в данном контексте не следует, так как его типы восстанавливаются на основе перечеканенных Ородом монет (Sellwood 1980, 127), что может быть причиной многочисленных

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Орода II: полумесяц за головой царя представлен на ряде монет 46-го типа[10]. Имеются также и выпуски с усложненной иконографической схемой: слева от головы звезда/солнце, справа полумесяц над звездой/солнцем[11] (рис. 8).

ошибок. В свою очередь, монеты Митридата также могли быть перечеканом царя Фраата IV (как это показывает тип Sellwood 1980, тип 41.17, где в составе легенды присутствует имя Фраата).

[10] Sellwood 1980, тип 46.8 — 46.24 — драхмы; 46.25 — 46.27 — тетрахалки; 46.28 — 46.29 — дихалки) (Рис. 5); солярный знак присутствует на кафтане царя (тип 47.1 — тетрадрахма) (Рис. 6); полумесяц изображен на реверсе перед головой царя в сцене инвеституры царя пальмовой ветвью богиней Тюхе (Sellwood, тип. 47.4) (Рис. 7).

[11] Sellwood 1980, тип 48.6 — 48.12 — драхмы; тип 48.18 — 48.23 — дихалки; тип 48.24 — 48.32 — халки. Отметим, что аналогичное расположение дополнительных элементов монетного типа фиксируется уже в чекане Митридата III. См. Sellwood 1980, тип 41.16 — 41.17.

Рис. 8

Естественной в данной ситуации будет постановка вопроса, чем было вызвано появление этого дополнительного символа сакрализации царской власти в монетном чекане парфянских царей, поскольку с самых первых моментов существования Парфянского царства идея покровительства правителям со стороны богов уже существовала. Нам представляется, что причина этой «дополнительной харизмы» кроется в обстоятельствах раннего периода царствования Орода II. Именно в это время, кажется, Парфянская держава достигла наивысшего могущества: тогда произошла знаменитая битва при Каррах, тогда же парфяне совершали свои походы в Сирию и Малую Азию[12]. Показательно, что формирование этой схемы наблюдается и в монетном деле Митридата и Орода. Они оба претендовали на наследование славы своего родителя.

Рис. 9

Характерно, что эта иконографическая схема исчезает со смертью Орода II, его преемник Пакор возвращается к более ранней схеме — с изображением Ники позади бюста правителя. Еще несколько позднее (в чекане Фраата IV) вновь появляется другой старый символ — орел. Наконец, в монетном деле этого же царя представлена «гибридная» схема: слева от бюста звезда, полумесяц или полумесяц и звезда, справа — орел [13] (рис. 9). В монетном деле Фраатака представлен другой вариант «гибридной» схемы: слева от бюста изображения звезды и полумесяца под ней, справа же — Ники[14] (рис. 10).

[12] Подробнее см. Дибвойз 2008, 85–108.
[13] Sellwood 1980, типы 53.5–6; 54.14; 54.7–13.
[14] Sellwood 1980, тип 56.6–14.

Рис. 10

Таким образом, можно полагать, что культурные импульсы, шедшие от гуннской державы, оказались востребованными в парфянской среде в период наивысших военно-политических успехов и постепенно сошли на нет в последующее время, когда эти успехи ушли в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

Барфилд Т. Дж. 2009: Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; научн ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб.

Дибвойз Н. К. 2008: Политическая история Парфии. Перевод с английского, научная редакция и библиографическое приложение В. П. Никонорова. СПб.

Кляшторный С. Г. 1982: Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира: упадок древних обществ. М.

Колледж М. 2004: Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. М.

Кошеленко Г. А. 1971: Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 212–218.

Кошеленко Г. А., *Гаибов В. А.* 2010: Новые поступления в нумизматическую коллекцию Государственного Исторического музея (Парфянские монеты) // ВДИ. 1, 190–194.

Кычанов Е. И. 2010: История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.

Boyce M. 1990: Arsacid Religion // EI. I, 540–541.

Colledge M. A. R. 1986: The Parthian Period (Iconography of Religions. XIV, 3). Leiden.

Neusner J. 1963: Parthian Political Ideology // Iranica Antiqua. III. 1, 40–59.

Sellwood D. 1980: An Introduction to the Coinage of Parthia. London.

SOURCES OF A MOTIF IN PARTHIAN COINAGE

V. A. Gaibov

The paper presents reminiscences of the idea of the Hun ruler, Chanyu, connection with heavenly powers, which was current in Parthian kingdom in the late 1st c. BC. The idea is most vividly reflected in Parthian coinage starting with the reign of Orodes II. The paper also analyzes a number of coins of the king depicting the idea of the ruler's kinship with celestial bodies — the Sun and the Moon.

Key words: Parthia, coinage, Orodes II, Huns, Chanyu, sacralization

© 2013

Н. Д. Двуреченская

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ ФОРТИФИКАЦИИ КРЕПОСТИ КАМПЫРТЕПА
(башня и входной комплекс–пристань)

В результате археологических исследований юго-восточной части нижнего города Кампыртепа был обнаружен усиленный фортификационными сооружениями входной комплекс на крепость со стороны реки Окс. Он включал в себя снивелированную площадку, отделенную от края оврага мощной стеной, постройки портовой инфраструктуры на двух уровнях искусственно созданной террасы, а также юго-восточную башню, с которой осуществлялся контроль над всем входным комплексом. Впервые на территории древней Бактрии был получен целостный образец обустройства речного порта.

Ключевые слова: Бактрия, Кампыртепа, узел фортификации, входной комплекс, терраса, перепланировка материка, порт

В 2009 году Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН в рамках исследования восточного сектора «нижнего города» Кампыртепа поставил задачу вскрыть угловую юго-восточную башню и примыкающий к ней участок крепостной стены и тем самым завершить изучение внешних фортификационных сооружений крепости кушанского периода, построенных по единому генеральному плану.

Анализ ранее открытого северного отрезка крепостной стены позволял предполагать, что восточная линия фортификационных сооружений, включающая крепостную стену, также должна была завершиться угловой башней и быть с ней связанной так называемой «военной улицей».

Протяженность оборонительных сооружений на востоке составляет 80 м, на всем этом отрезке были возведены всего две угловые башни, тогда как на северном отрезке крепостной стены башни расположены в интервале от 12 до 30 м. В первую очередь это различие объясняется тем, что северный более протяженный отрезок стены возведен с напольной стороны, а восточный окаймляет довольно глубокий и сегодня обводненный овраг с крутыми бортами (рис. 1–3). В общем плане крепости исследуемый нами юго-восточный сектор представляет собой правый борт восточного оврага у самого своего устья. Линия борта здесь резко изменяет направление с юго-западного на юго-восточное и нешироким языком

Двуреченская Нигора Давлятовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail: nigoradvur@mail.ru

выступает на восток и юго-восток. Этот материковый выступ имеет два уровня. Верхний — в виде несколько обособленно возвышающегося округлого в плане холма, а на 10 м ниже расположена небольшая площадка первой надпойменной террасы (рис. 1–3).

Таким образом, месторасположение юго-восточной башни было изначально рельефно обособлено относительно ровной площадки основной застройки восточного сектора «нижнего города» Кампыртепа (рис. 1–3). Так, к югу от вершины холма к нижней террасе наблюдается сильное падение под углом до 45°, с востока почти отвесный обрыв оврага, к западу также наблюдается существенное, более 1 м, понижение, несмотря на наличие здесь культурного слоя и остатков архитектурных сооружений. Небольшое понижение отмечается и к северу. В какой степени рельеф исследуемого участка был изменен размывами и эрозией, сказать трудно, но, очевидно, основной его рисунок сформировался еще в древности и существенный перепад высот был и до начала строительства башни[1].

Предварительная рекогносцировка в районе юго-восточной башни позволила установить незначительную ее сохранность — не более чем 1–3 кирпича в высоту (рис. 1–4). Холм, который использовался под возведение башни, имел округлую форму и, как уже упоминалось, располагался на самом краю оврага, возвышаясь над его устьем (рис. 4). Вероятно, он был либо слишком высок, либо маловат по площади для размещения на его верхней площадке изначально задуманного оборонительного сооружения, так как была проведена масштабная перепланировка рельефа. По оси восток-запад холм был подрублен на глубину более двух метров. Под один уровень была снивелирована вся его северная половина, тогда как южная половина осталась нетронутой. На месте подрубленной части была выровнена горизонтальная площадка шириной около 5 м и длиной по оси восток — запад не менее 10 м.

В этот прямоугольник была впущена мощная стена в 3 м толщиной и 4,5 м длиной из сырцового кирпича размером 32–34 х 32–34 х 8–10 см. Стена сохранилась в своей южной части максимально на высоту до 2,2 м, в северной — до 1,14 м. Необходимо отметить, что стену поставили перпендикулярно к сохраненной южной половине холма, отступив более чем на 4 м к западу от края оврага (рис. 5). Такой отступ, видимо, был осуществлен в целях предотвращения обрушения, а также в целях удобства строительства.

С севера стена была впущена также в подрубленный более чем на 0,8 м в глубину материк (рис. 6). Никакой связи башенного сооружения с крепостной стеной не прослежено. Это было зафиксировано стратиграфией ряда заложенных разрезов, которые продемонстрировали отсутствие каких-либо остатков крепостной стены на расстоянии более 10 м. Разрезами № 1 и 2 были выявлены лишь плотно утоптанные слои отвалов из старых раскопов, расположенные прямо на материке, ранее принимавшиеся за гребень стены, соединяющей обе восточные башни (рис. 1, 7, 8).

Расположенная к востоку от стены снивелированная площадка имела подтреугольную форму. Назначение ее не совсем ясно, никаких дополнительных конструкций, очагов и находок здесь не было обнаружено (рис. 9). Возможно,

[1] В отличие от северного отрезка крепостной стены, где она сохранилась на высоту более чем 3 м, на всем юго-восточном отрезке сохранность стены не более 0,5 м высоты.

защищенная с двух сторон, она могла использоваться как смотровая площадка. Расчистка стены с восточной стороны продемонстрировала, что после некоторого времени ее функционирования стена была укреплена дополнительной подпорной или ремонтной стенкой толщиной в один кирпич, приставленной с наружной стороны или со стороны оврага. Эта стена была возведена не от материкового пола, а на подсыпном слое с материковой крошкой, мощностью на разных участках от 0,35 до 1 м (рис. 10).

С запада от впущенной в материк стены, т.е. с внутренней стороны городища, было устроено помещение № 1 (рис. 4, 11). Установить изначальные его размеры не удалось в полном объеме, т.к. западная его часть неоднократно перестраивалась и на сегодня практически утрачена. Но в целом помещение имело в длину 5,5 м. Из них 4,5 м это была собственно впущенная в материк фортификационная стена, а остальной участок в 1 м длиной в северо-восточном углу помещения был вырублен в материке. С юга стена помещения имела комбинированный характер: нижняя часть в виде материкового останца южной половины неподрубленного холма, а выше — сырцовый кирпич, кладка которого велась ступеньками в виду неровности материкового останца. Южная стена помещения сохранилась в длину на 2 м, мощность ее — один кирпич. Северная стенка помещения №1 была вырублена в материке на глубину до 0,8 м, следов какой-либо кладки из сырцовых кирпичей выше не сохранилось. Однако нельзя на сегодняшний день исключить возможность полного размытия стены на этом участке, чему мог способствовать небольшой уклон, усиливавший эрозийные процессы.

Судя по мощности стены более 3 м толщины, сооружение имеет монументальный характер, а строительные работы, включавшие подруб холма и нивелировку горизонтальной площадки более чем в 50 квадратных метров, были масштабными. Для кушано-юэчжийского периода освоения Кампыртепа характерны такие объемные строительные работы. В это время ведутся массивные строительные работы на цитадели, возведена массивная насыпная платформа на «нижнем городе» и др.[2]

Выбор места — стратегически важной высоты, контролирующей устье оврага и возможный вход на городище со стороны Окса, — также позволяет утверждать, что в целом открытое сооружение изначально имело фортификационный характер и выполняло роль отдельно стоящей башни. Однако открытое нами сооружение может быть названо башней лишь условно, так как оно представляет собой небольшое помещение, защищенное с двух наружных по отношению к территории крепости сторон. С востока его прикрывала возведенная из кирпича мощная в 3 м толщиной стена, а с юга намеренно оставленный материковый останец, облицованный изнутри 1 рядом кирпича. Поскольку в помещении нет никаких бойниц, а наличие второго этажа установить невозможно, можно предположить, что собственно боевое охранение могло производиться либо с крыши помещения, либо с площадки, расположенной к востоку от него, откуда открывается прекрасный обзор вверх по течению реки не на один километр.

[2] Ртвеладзе 2001, 7; Двуреченская 2005, 118.

В ходе исследований было установлено три хронологических периода обживания башенного сооружения. Первый характеризуется керамическим комплексом, полученным с материкового пола помещения 1. В нем представлены формы кушано-юэчжийского времени, включающие фрагмент бокала характерного абриса «с подкосом», кубок с цилиндро-коническим туловом, небольшой тонкостенный горшочек с плавно отогнутым наружу венчиком, фрагмент кувшина, а также фрагменты стенок сероглиняных сосудов (рис. 12).

Форма бокала (рис. 12, 1) довольна своеобразна, находит наиболее близкие аналогии в комплексе городища Мирзакултепа, который датируется концом I в. до н.э. — первой половиной I в.н.э. Автор отделяет этот тип от так называемых рюмкообразных бокалов, которые не обладают такой устойчивой и широкой ножкой (поддоном), как у рассматриваемого нами экземпляра[3]. Помимо этого, аналогичная форма бокалов наблюдается в керамическом комплексе первого хронологического периода городища Тепаи-шах, который датируется монетами Сотер Мегаса. Упомянутые бокалы относятся авторами к типу колоколовидных с «подкосом»[4] .

Кубок (рис. 12, 2), сохранивший археологически полную форму, находит близкие аналогии в комплексе X яруса пристани Кампыртепа[5] . Такой же сосуд из Бабашовского могильника А.М.Мандельштам относит к кубкам с цилиндро-коническим туловом[6] .

Необходимо отметить также находку монеты — подражания драхме Гелиокла, к сожалению, найденную в подъеме, неподалёку от юго-восточной башни. На лицевой стороне монеты — погрудное изображение правителя вправо, за головой два конца диадемы, на оборотной — стилизованное изображение Зевса с перуном (см. приложение 1).

Второй период обживания зафиксирован в помещении № 1 на 0,6 м выше первого материкового пола. В это время, по всей видимости, помещение уже имело выраженный жилой характер, о чем свидетельствует размещение вдоль фортификационной стены на указанной высоте следов прокала от расположенных ранее двух очагов. На этом же уровне в промазке стены была обнаружена монета Сотер Мегаса (рис. 13, 1) (см. приложение 1).

Керамика второго периода обживания юго-восточной башни по набору форм преимущественно столовой посуды характерна раннекушанскому комплексу, однако включает в себя и сосуды более раннего времени. Так, фрагменты орнаментированного кувшина (рис. 14, 7) находят себе наиболее близкие аналогии в комплексах Тулхарского могильника, где типичны кувшины на широких и плоских днищах[7].

Среди индивидуальных находок можно отметить наличие стеклянных цветных бусин шаровидной формы с гладкой и рифленой поверхностью, диаметром до 1 см, а также раковину каури со спиленной спинкой (рис. 13, 2–4). Здесь также был найден фрагмент медной серьги в виде овальной петли, изготовленной из тонкой проволоки.

---

[3] Пидаев 1978, 37, 93, табл. I, 28.
[4] Литвинский Седов 1983, 139, 217, табл. XII, 15–17.
[5] Дудаков, 2002, рис. 3, 16
[6] Мандельштам 1975, 46, 111, табл. XXV, 8; XXVI, 1.
[7] Мандельштам 1966, 134, табл. XVI, 7.

В слое второго периода обживания помещения №1 был обнаружен железный черешковый наконечник стрелы крупных размеров. Общая длина наконечника 6 см, с учетом того, что завершающая его часть обломана, длина боевой трехлопастной головки с опущенными жальцами — 4,7 см, максимальная ширина наконечника до 1,8 см (рис.13, 6). Такого типа и размера наконечники стрел в материалах Средней Азии появляются на рубеже эр — I в. н.э. Представлены они в материалах могильника Тилля-тепа в погребении 4[8]. По типологии Б.А.Литвинского, рассматриваемый наконечник относится к классу черешковых трехлопастных с треугольным контуром пера[9]. По типологии А. В. Симоненко, этот наконечник относится ко второму отделу — черешковых наконечников, к типу 1 — «с лопастями, срезанными под острым углом». Автор считает, что крупные наконечники, скорее всего, появляются с луками «гуннского» типа[10].

К разряду нерядовых находок можно отнести фрагмент терракотового изделия, более всего напоминающего собой завершение архитектурного украшения типа антефикса. К сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент от изделия размером 4 на 3,5 см, при максимальной толщине в 0,9 см (рис. 13, 5). Фрагмент с обеих сторон аккуратно заглажен. Тесто тонкой отмучки, светлого оранжевого оттенка, с включениями растительного происхождения. Подобные элементы известны у терракотовых антефиксов и пальметт с различных сооружений Ай-Ханума, в частности, из теменоса Кинея и пропилей[11].

Третий хронологический этап функционирования башни представлен новым строительным горизонтом. Поверх кушано-юэчжийской стены, впущенной в материк, в этот период было возведено сооружение, расположенное также и на южной половине холма, которая не была затронута перепланировками рельефа. Сохранность этого сооружения крайне низкая, не более 1–3 кирпичей в высоту. Под кирпичной кладкой на южной стороне холма не отмечено ни какой-либо предварительной нивелировки поверхности, ни каких-либо цоколей или фундаментов. По форме сооружение представляло собой Т-образную конструкцию. Ось стены, впущенной в материк, сверху была перекрыта сохранившимися 1–2 рядами кирпича и вытянута на юг еще на 3,5 м. К ней перпендикулярно в направлении запад-восток выложена стена с максимально прослеживаемой длиной до 8 м и толщиной до 1 м. Восточная часть этой стены, идущая перпендикулярно в направлении к оврагу, более протяженная составляет 4,5 м, а западная — 1 м (рис. 4). Важно отметить, что сооружение, надстроенное поверх кушано-юэчжийской фортификационной стены, а также на неподрубленной южной части холма, по всей видимости, было возведено несколько позднее. Об этом косвенно свидетельствует несколько измененное направление самых верхних рядов кирпича, не совпадающих с направлением кладки кирпичей нижней фортификационной стены, кладка которой выглядит монолитно. Описанная надстройка, очевидно, увеличивала общую высоту башенного сооружения, создавая дополнительную оборону для смотровой площадки, теперь уже расположенной на вершине холма за Т-образной стеной.

---

[8] Sarianidi 1985, 251, илл. 37; Сарианиди 1989, 86, 110.
[9] Литвинский 2001, 92, 96.
[10] Симоненко 2010, 96–98.
[11] Bernard 1973, 93, pl.101, a, b; Guillaume 1983, 39, pl.24.

Необходимо отметить в нумизматическом материале сочетание монет Сотер Мегаса и подражания Гелиоклу (с изображением Зевса на об.с.). Подобное отмечалось в комплексах Мирзакултепа, по всей видимости, хронологически синхронных с открытым нами комплексом фортификационного сооружения в юго-восточном углу «нижнего города» Кампыртепа[12].

Таким образом, исходя из анализа стратиграфии, керамических комплексов и находок вновь вскрытого сооружения, можно говорить о том, что оно было возведено раньше и функционировало задолго до начала единовременной застройки «нижнего города» кушанского периода, осуществлявшегося по одному плану, и в том числе — задолго до начала возведения системы оборонительных сооружений по всему периметру крепости. Продолжавшая функционировать с I в. до н.э. юго-восточная башня была в это время подвергнута реконструкции и усилена надстройкой поверх кушано-юэчжийской стены и на южной половине холма. При этом помещение 1 продолжало функционировать в том же значении, что и предыдущие два периода.

Сохранившаяся часть фортификационного сооружения кушано-юэчжийского периода на юго-восточной окраине Кампыртепа оказалась нетипичной по сравнению с ранее открытыми кушанскими башнями Кампыртепа с прямоугольным или овальным, как у угловой северо-восточной башни, планом. Очевидно, что строители кушанского времени столкнулись на юго-восточном участке с уже существующим фортификационным сооружением и вынуждены были отступить от типичной схемы возведения башен и лишь несколько модифицировали ее старый план, усилив надстройкой.

Раскопками 2010 года предполагалось выяснить наличие или отсутствие каких-либо построек на нижней террасе к югу, юго-востоку от юго-восточной «башни» и соответственно установить возможность наличия входного комплекса в этой части городища. Обнаруженный С. Дудаковым на противоположной стороне оврага участок с напластованиями культурного слоя, ранее интерпретировавшийся как пристань, также требовал осмысления. В частности, необходимо было выяснить, каким образом или посредством чего он был связан с территорией собственно крепости. Тем самым предполагалось завершить целостное исследование генерального плана системы оборонительных сооружений крепости Кампыртепа, в частности, его юго-восточного сектора.

В рамках решения этой задачи был заложен новый раскоп на юго-восточной окраине городища на нижней террасе на отметке — 13 м. Первоначальный раскоп размером 10 х 5 м был заложен на самом южном краю террасы. Позднее он был расширен до размера 15 х 12 м (рис. 15, 16). На вскрытом участке был обнаружен комплекс с выходом к правому борту обводненного оврага, с которого осуществлялся вход на городище. Было выявлено два строительных горизонта и три хронологических этапа освоения этого участка. Первый хронологический период и 1 строительный горизонт относятся к кушано-юэчжийскому периоду и синхронны времени возведения юго-восточной башни. Он маркируется особыми строительными приемами, характерным керамическим комплексом, индивидуальными находками, а также монетой подражания драхме Гелиокла (рис. 19, цв. вкл. 16, 20, 21).

[12] Пидаев 1978, 88–89.

При строительстве исследуемого входного комплекса, расположенного на нижней террасе к югу, юго-востоку от башни, так же как и при ее строительстве, была проведена масштабная работа по перепланированию рельефа местности. Склон материкового холма был подрублен по линии восток-запад на значительную длину, которую не удалось проследить полностью, так как она уходит за пределы раскопа. Размеры раскопа по этой линии ограничены 15 м. Можно отметить, что если на восток линия подруба может быть продолжена еще на несколько метров до края террасы, то в западной части она обрывается, т.к. еще в древности край холма был размыт рекой и обрушен.

В профиле подруб материка имел террасный характер и состоял из двух ступеней (рис. 17). Перепад высоты между ними в 1,2 м. Первая, более высоко расположенная ступень террасы на уровне 14,40 м, имела в длину не менее 15 м, а ширина ее, по предварительным данным, не менее 3 м (значительная часть ширины ступени уходит за северный борт раскопа). Эта верхняя ступень террасы была поделена материковыми останцами (стенами) на прямоугольные отсеки различной длины. Возможно, такие отсеки использовались под оборудование торговых лавок. Аналогичные сооружения были вскрыты ранее у подножия северного склона цитадели Кампыртепа.

На нижней террасе, расположенной на уровне -15,64 м, никаких поперечных или дополнительных стен не было обнаружено, и, по сути, она представляла собой площадку или широкий двор, ограниченный с севера подрубленными материковыми останцами, общей площадью не менее 150 квадратных метров. К сожалению, западная часть площадки была подмыта и обрушена, скорее всего, еще в древности. Восточная окраина не была докопана, т.к. ее перегородила более поздняя стена кушанского периода, которая в целях консервации и сохранения, не разбиралась.

Культурный слой первого строительного горизонта входного комплекса сохранился в непотревоженном состоянии лишь на небольшом участке за северным торцом более поздней кушанской стены (рис. 17). Его мощность говорит об интенсивности обживания этого участка, т.к. она составляла более 1,3 м. С небольшого участка происходит богатый керамический комплекс кушано-юэчжийского периода, а также большая серия индивидуальных находок.

Керамический комплекс включал в себя фрагменты сероглиняной столовой посуды (миски, чаши), а также колоколовидные бокалы (рис. 19). В материалах Кампыртепа наиболее близкий керамический комплекс, в частности, включающий сероглиняные миски и чаши, происходит из помещения 1 на западе цитадели, с уровня 3 и 4 полов[13]. Наиболее близкие аналогии бокалам с колоколовидным туловом мы находим в материалах погребально-культовых сооружений, расположенных к востоку от цитадели Кампыртепа[14], а также в материалах Бабашовского могильника[15].

В слое было обнаружено несколько миниатюрных сосудиков. Наибольший интерес представляет горшочек на трех лепных ножках, украшенный орнаментальным пояском из ряда наколов пуансоном, а также с четырьмя сквозными

[13] Восковский 2002, 16, рис. 6, 6; рис. 7, 1–4.
[14] Ртвеладзе 2001, 74, рис.11, 12.
[15] Мандельштам 1975, табл. XXI, 17; XXIII,4.

отверстиями, расположенными под венчиком на равных расстояниях (рис. 19, 8). Крупные и миниатюрные горшки на трех лепных ножках являются характерной формой сосудов в комплексах Тулхарского, Аруктаусского могильников. А. М. Мандельштам эти сосуды относит ко второй группе горшков с шаровидным туловом[16].

Среди индивидуальных находок отметим несколько терракотовых статуэток, в том числе уникальную — в виде фантастического двухголового зооморфного существа. Статуэтка лепная, тесто светлоглиняное без видимых примесей, хорошей отмучки, обжиг равномерный. Снаружи следы пребывания статуэтки в огне. Туловище статуэтки короткое, ноги толстые конические, передняя пара сохранилась целиком, задние большей частью отбиты. Размеры 80 х 89 мм. Круп широкий, с мощным хвостом, сохранившимся только у основания. На спинке след крепления всадника в виде левой лепной ножки. Две головы повернуты в противоположные стороны, глаза выполнены наколами, пасть обозначена прочерченной еще по сырой глине широкой полосой, загривок оформлен несколькими рядами глубоких наколов. Уши округлые, как у животных из семейства кошачьих, также с круглым глубоким наколом посередине (цв. вкл. 16, рис. 20, 2).

Серией более чем в два десятка представлены сырцовые заготовки пирамидальных и дисковидных грузил, последние диаметром 6–8 см (рис. 21). Две крупные каменные зернотерки овальные в плане с довольно сработанной рабочей поверхностью.

В комплексе первого строительного горизонта была обнаружена медная монета — подражание драхме Гелиоклу с погрудным изображением правителя на лицевой стороне и шагающим влево конем — на оборотной (см. приложение 1) (рис. 20, 1).

За первый период на нижней ступени, т.е. во дворе, было накоплено культурного слоя мощностью не менее 1,2 м, на верхней ступени террасы не менее 0,6 м.

На втором этапе обживания уже в кушанское время был совершен подруб культурного слоя, накопленного во дворе в кушано-юэчжийское время практически на полную его высоту (1 м), слой был выбран почти целиком до уровня первого материкового пола кушано-юэчжийского двора (рис. 17, 23).

На уровне выше пола кушано-юэчжийского двора на 0,2 — 0,1 м была возведена мощная стена из сырцового кирпича форматом 32–34х32–34х8 см, которая имела длину в 6,5 м, ширину до 2,1 м и сохранилась максимально на высоту до 1,3 м. Направление ее юго-восток — северо-запад, почти перпендикулярно линии верхней ступени террасы. Стена кушанского периода отделяла участок нижней ступени террасы (кушано-юэчжийского двора-площадки) со стороны устья оврага. Неширокий, в 0,9 м, проход отделял ее от подрезанного материкового холма с южной стороны и вел на площадку у восточного края устья оврага, где, по всей видимости, и происходил непосредственно процесс приема кораблей и грузов с них (рис. 15, 16).

Датировка второго периода и второго строительного горизонта основана, помимо стратиграфии, на богатом керамическом комплексе, а также на находке в слое у стены трех монет Канишки I. Среди индивидуальных находок этого эта-

[16] Мандельштам 1966, 134, табл. XVI, 9–11, табл. XVII, 3–4; Мандельштам 1975, 46, табл. VI, 12–14; VII, 3, 4.

па необходимо также отметить терракотовые статуэтки. В частности, фрагмент лошадки с коротким туловом, высокой стоячей гривой, с отбитыми ножками и большей части морды. Статуэтка изготовлена ручной лепкой из теста хорошей отмучки, без видимых включений, равномерно обожжена, имеет светлый оттенок, не ангобирована. Размеры ее 0,8х0,8 см (рис. 24, 2).

Несмотря на фрагментарность, интерес представляет также верхняя половина антропоморфной статуэтки с изображением стоящей женской фигуры, с поднятой к груди правой рукой без атрибутов. Статуэтка выполнена оттиском с односторонней матрицы, однако контуры ее не четкие, сохранили часть излишков глины в области правой руки, образовавшихся при формовке. Оборотная сторона заглажена. Фигурка изготовлена из теста хорошей отмучки, без видимых включений, светлого оттенка, имеет следы перекала, в углублениях неглубокого в целом рельефа на лицевой стороне сохранились следы красного ангоба. Размеры статуэтки — 9,0х5,5 см. Изображена женщина с крупными чертами лица, большими глазами с проработанными верхними и нижними веками, сильно выступающим носом, полными губами и округлым тяжеловатым подбородком. Ввиду нечеткости рельефа сложно точно утверждать, что изображено поверх головы — головной убор или невысокая прическа с убранными волосами. Также нечетко прослеживается изображение тики (круглой точки) в середине лба. На шее низка круглых бус, идущая непосредственно под подбородком от одного уха к другому, и три ряда округлых рельефных складок, передающих либо мягкие складки ворота платья, либо украшения. Статуэтка довольно крупная, ее полный размер реконструируется в пределах не менее 14 см. Изображение выполнено в автохтонном стиле с нарушением пропорций, поза иератична, уровень проработки и обобщения деталей разный, внимание сконцентрировано на предметах статуса. Прямых аналогий рассматриваемой статуэтке найти не удалось (рис. 24, 1).

Двумя экземплярами представлены зооморфные ручки сосудов в виде кабанчиков. Изготовлены ручной лепкой из теста хорошей отмучки, без видимых включений, равномерно обожжены, бежевого оттенка, снаружи покрыты методом погружения плотным красным ангобом, который местами отслаивается. Обе ручки передают образы хорошо узнаваемых кабанчиков, выполнены в экспрессивной манере с использованием наколов острой палочкой для передачи щетины и пуансонов для передачи глаз (рис. 24, 3, 4). Этому виду находок посвящена обширная литература[17].

Третий хронологический этап функционирования входного комплекса на юго-востоке крепости Кампыртепа связан с периодом накопления культурных слоев уже поверх описанной выше стены, т.е. в период, когда она утратила свое первоначальное назначение. От этого периода никаких следов строительной деятельности не сохранилось, вследствие чего не выделен и строительный горизонт.

На участке, расположенном прямо напротив вновь обнаруженного входного комплекса, с противоположной стороны оврага, была проведена предварительная рекогносцировка. Здесь был зафиксирован плотный конгломерат культурного слоя, сохранившегося более чем на трехметровую высоту. На всем пространстве первой надпойменной террасы, так называемой пристани, ничего подобного не фиксируется, только здесь по самому краю устья оврага шла какая-то жизнь и, как

[17] Болелов 2006, 50–52 , рис.7, 7–13.

представляется, связана она была как раз с устьем обводненного оврага и работала на обслуге погрузки, разгрузки кораблей.

Ранее исследованиями С. Дудакова на этом участке также была выявлена стратиграфия культурных напластований мощностью более 3 м с сопутствующими керамическими комплексами из XIII ярусов. Несмотря на отсутствие в стратиграфических слоях нумизматического материала, в отвале раскопов были обнаружены две монеты подражания Гелиоклу с изображением Зевса на реверсе. Анализ полученных материалов из шурфа и разреза позволил автору отнести освоение данного участка к периоду рубежа II-I вв. до н.э.[18].

С точки зрения планировки кушанской крепости, расположенной на переправе, вскрытый в 2010 году участок имеет большое значение, так как он раскрывает устройство одного из важнейших в функциональном плане входных комплексов на крепость, причем входных со стороны реки, т.е. портовых.

За два археологических сезона нам удалось вскрыть весь юго-восточный узел оборонительных сооружений и в том числе включенный в него входной комплекс. Анализ стратиграфии, строительных приемов, вновь полученных археологических комплексов и хронологии вскрытых объектов позволил понять стратегию решения архитекторами основной задачи по функционированию и охране входного комплекса и выявить последовательные этапы развития этого стратегически важного участка крепости.

Кушано-юэчжийский период обживания Кампыртепа еще недостаточно изучен. Однако на сегодняшний день твердо установлено, что за пределами крепостной стены цитадели в это время жизнь концентрировалась с восточной стороны. Так, масштабные исследования, вскрывшие до 70% площади кушанских жилых кварталов, расположенных к северу от цитадели, показали, что никаких более ранних построек под ними не было[19]. Исследованиями 2004–2005 годов в восточном секторе «нижнего города» была выявлена целая серия кушано-юэчжийских построек. Жилые и складские помещения располагались непосредственно под кушанской застройкой жилого блока-квартала V (Бл.V, пом. 29–30). Среди открытых сооружений юэчжийского периода необходимо также упомянуть мощную платформу, которая укрепляла и расширяла площадь для обживания к востоку от цитадели в верховье малого восточного оврага на его левом склоне. В это время, по всей видимости, ведется перепланировка рельефа, овраг утрачивает роль оборонительного рубежа, засыпается и используется под возведение дополнительных площадей для жилой застройки и организации улиц[20]. Очевидно, что крепость, возведенная на переправе и обслуживавшая ее, и в юэчжийский период продолжала функционировать. Более того, необходимо констатировать расширение площадей, освоенных под жилую застройку. Причем это расширение отмечается не только за пределами крепости, но и на самой цитадели, где широко ведется строительство и в том числе возводятся крупные дома в западной ранее неосвоенной части. В соответствии с этим расширением можно предположить, что к этому времени потребовалось увеличение пропускной способности портовой части крепости. Именно с этой необходимостью мы считаем возможным связать организацию

[18] Дудаков 2002, 22, 23.
[19] Болелов 2006, 15–80; Ильясов 2006, 73–104.
[20] Двуреченская 2006, 118.

нового входного комплекса и связанного с ним фортификационного узла на берегу Окса в 50 м к востоку от первоначальной пристани.

Для решения этой задачи, по всей видимости, в I в. до н.э. был выбран наиболее удобный участок к юго-востоку от цитадели. Несмотря на наличие небольшой по площади нижней террасы, выходящей к устью восточного оврага и правому берегу реки, годной для организации пристани, и наличие холма, возвышающегося над этой площадкой, где можно было возвести башню, строителям потребовалось провести масштабную перепланировку рельефа. В первую очередь это потребовалось для расширения площади входного комплекса, а также для усиления оборонительных свойств башни. То, что все постройки юго-восточного комплекса были возведены в одно время и с применением сходных методов перепланировки рельефа, говорит в пользу того, что они были возведены по одному плану.

Этот план предполагал расположения построек на двух уровнях. На нижней террасе у самого устья оврага на обоих его бортах располагалась пристань. Причем на левом, более отдаленном от городища крае оврага, по всей видимости, выполнялась основная часть разгрузки и погрузки товаров, чему способствовало большое открытое пространство. На правом же крае оврага располагался входной комплекс. Он имел ограниченное пространство для организации инфраструктуры пристани и состоял из выровненной открытой площадки, защищенной с юга и севера материковыми останцами, и, возможно, торговых лавок, расположенных на искусственно созданной верхней ступени террасы. Важно отметить, что прием кораблей осуществлялся не со стороны правого берега Окса, а с обоих бортов обводненного оврага. К западу от площадки входного комплекса, по всей видимости, располагался ступенчатый проход, ведущий к юго-восточной башне и далее на территорию «нижнего города».

Второй уровень построек возвышался над нижним более чем на 10 м. Здесь был частично спланирован и использован под возведение башни естественный холм. С башни производился контроль и основное военное охранение всего входного комплекса и пристани, расположенной на обоих бортах оврага.

Необходимо подчеркнуть, что на сегодня нам неизвестно на территории Бактрии и прилегающих регионов использование сходных приемов строительства с использованием перепланирования рельефа и материковых останцов в возведении крупных фортификационных сооружений и в организации пристаней.

Весь исследуемый юго-восточный участок непрерывно функционировал вплоть до конца обживания крепости. Об этом свидетельствует стратиграфия культурных напластований и археологические комплексы. В период возведения на крепости единой системы обороны, скорее всего в конце I в. н.э., юго-восточная башня и входной комплекс подверглись реконструкции и на них были возведены дополнительные, усиливающие обороноспособность фортификационные сооружения.

Так, на нижней террасе входного комплекса был подрублен на высоту более метра культурный слой, накопившийся за столетие, и выровнен на уровне чуть выше первоначального пола. На нем была возведена мощная стена, которая теперь уже и с востока со стороны оврага прикрывала входной комплекс. Был оставлен лишь узкий проход шириной всего в 0,9 м, который вел к небольшой площадке на правом борту оврага.

На башне также была проведена реконструкция, возможно, именно в это время появляется ремонтная стена с восточной стороны. Основное помещение № 1 продолжает функционировать в старых рамках, но на более высоком уровне (+ 0,6 м от уровня первоначального пола). Для усиления обороноспособности башни надстраивается «второй этаж», для возведения которого используется помимо старых конструкций башни, южная неподрубленная половина холма.

Эти преобразования свидетельствуют о том, что значении данного стратегически важного участка сохранялось на протяжении всего кушано-юэчжийского и кушанского периодов развития крепости. Все это время неусыпным было также и внимание к улучшению обороноспособности юго-восточного входного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Болелов С. Б. 2002: Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа// МТЭ. Вып. 3. / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 41–66.

Болелов С. Б. 2006: Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.). МТЭ. Вып. 6 / Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев (ред.). Елец, 15–80.

Восковский В. 2002: Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 9–18.

Двуреченская Н. Д. 2006: Итоги археологических работ 2004–2005гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа. МТЭ. Вып. 6 / Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьев (ред.). Елец, 110–136.

Дудаков С. 2002: Раскопки пристани Кампыртепа. МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 19–25.

Ильясов Д. Я. 2006: Раскопки в Нижнем городе у башни №7 // МТЭ. Вып. 5 / Э. В. Ртвеладзе, Д. Я. Ильясов (ред.). Ташкент, 73–104.

Литвинский Б. А. 2001: Храм Окса в Бактрии. Т 2. М.

Литвинский Б. А., *Седов А. В.* 1983: Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.

Мандельштам А. М. 1966: Кочевники на пути в Индию / МИА. 136. М.

Мандельштам А. М. 1975: Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.

Массон М.Е. 1950: Происхождение безыменного «царя царей — великого спасителя» // Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3. Археология Средней Азии. Ташкент.

Пидаев Ш. А. 1978: Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.

Ртвеладзе Э. В. 2001: Погребально-культовые сооружения Кампыртепа// МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 65–94.

Ртвеладзе Э. В., 2001. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 г. // МТЭ. Вып.2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 3–11.

Симоненко А. В. 2010: Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.

Шагалина Н. Грузила с Кампыртепа и их классификация // МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 109–117.

Bernard P. 1973: Fouilles d`Ai Khanum. I-II. (Campagnes 1965, 1966, 1977, 1968) // MDAFA T.XXI. Paris.

Cribb J. 1996: The Rabatak Inscription, its Historical Implications and Numismatic Context. Part II / Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. Vol. 4. Kamakura.

Göbl R. 1993: Donum Burns. Die Kušānmünzen im Münzkabinett Bern und die Chronologie. Vienna.

MacDowall D. W. 2002: The Rabatak Inscription and the Nameless Kushan King // From Cairo to Kabul. Afghan and Islamic Studies Presented to Ralph Pinder-Wilson. London.

Guillaume O. Rougeulle A. 1983: Fouilles d`Ai Khanum. Les propylees de la rue principale II // MDAFA T. XXVI. Paris.

SOUTH-EASTERN UNIT OF KAMPYRTEPA FORTIFICATION (THE TOWER AND THE ENTRANCE-PIER)

N. D. Dvurechenskaya

Archeological study of the south-eastern part of lower Kampyrtepa revealed a fortified entrance complex off the Oks River. It consisted of a leveled area separated from the edge of the ravine by a strong wall, port infrastructure construction on two-levels of an artificial terrace, and a south-eastern tower to control the whole entrance complex. It is the first all-of-a-piece model of sea-port facilities in ancient Bactria.

Key words: Bactria, Kampyrtepa, fortification unit, entrance complex, terrace, continent redevelopment, port

Приложение I. Монетные находки с юго-восточного входного комплекса Кампыртепа (2009–2010 гг.) Составлено А. Гориным (Институт искусствознания АН республики Узбекистан)

№ №	Особенности изображений и легенд		Вес, г	Размер, мм	Оси, ч.	Место и обстоятельства находки		
						Объект	Пом.	Слой
2009 г.								
1	**Подражание драхмам Гелиокла (рис. 25, 1)** Зеймаль 1983, с. 112, группа IV		3,57	20,3x20	XII	«Нижний город»	Ю.-В. башня	Подъем
	Погрудное изображение правителя вправо, за головой два конца диадемы. Изображение стилизовано. Штемпель смещен вправо и вверх, кругом ободок из «бусин» (точек и длинных черточек).	Стилизованное изображение Зевса с перуном. Штемпель смещен влево. Легенда сохранилась частично, справа в поле первое слово легенды: ΒΑϹΙΛΕΩϹ						
2	**Сотер Мегас (рис. 25, 2)** Массон 1950, с. 18−24, класс 1, 1-я группа; Cribb 1996, p. 114−115, type 5, variety a−b. Fig. 12, d−e; Göbl 1993, s. 118, no. 58−66, 72. Taf. 40; MacDowall 2002, p. 168−169, type SM 5.		6,60	23x21,6	XII	«Нижний город»	Ю.-В. башня	В кладке крепостной стены
	Погрудное изображение правителя вправо	Всадник на коне вправо. Круговая легенда неразличима.						
3	**Сотер Мегас (рис. 25, 3)** Массон 1950, с. 18−24, класс 1, 1-я группа; Cribb 1996, p. 114−115, type 5, variety a−b. Fig. 12, d−e; Göbl 1993, s. 118, no. 58−66, 72. Taf. 40; MacDowall 2002, p. 168−169, type SM 5.		7,29	20,8x20,5	XII	«Нижний город»	Ю.-В. башня	Подъем
	Погрудное изображение правителя вправо	Всадник на коне вправо. Круговая легенда неразличима часть букв третьего слова легенды (с VIII по X ч.): …ΣΩΤΗΡ…						
4	**Сотер Мегас (рис. 25, 4)** Массон 1950, с. 18−24, класс 1, 1-я группа; Cribb 1996, p. 114−115, type 5, variety a−b. Fig. 12, d−e; Göbl 1993, s. 118, no. 58−66, 72. Taf. 40; MacDowall 2002, p. 168−169, type SM 5.		6,31	20,1x20,6	XII	«Нижний город»	Ю.-В. башня	Подъем
	Погрудное изображение правителя вправо	Всадник на коне вправо. Круговая легенда неразличима.						
2010 г.								
5	**Подражание драхмам Гелиокла (рис. 25, 5)** Зеймаль 1983, с. 112, группа VI		2,57	16,9x16,8	XII	«Нижний город» ю.-в. часть	входной комплекс.	1 строительный горизонт
	Погрудное изображение правителя вправо. Изображение стилизовано.	Шагающий конь влево с трех сторон от изображения искаженная легенда.						

Рис. 1. Юго-восточная башня Кампыртепа. Вид с севера до начала работ. Фото.

Рис. 2. Юго-восточная башня Кампыртепа. Вид с запада до начала работ. Фото.

Рис. 3. Топографический план Кампыртепа 2010 г.

Рис. 4. Топографический план юго-восточной «башни».

Рис. 5. Юго-восточная башня Кампыртепа. Вид с севера на торец, впущенной в материк стены. Фото.

Рис. 6. Юго-восточная башня Кампыртепа. Северо-восточный угол помещения 1. Фото.

Рис. 7. Разрез №1 на месте предполагаемой крепостной стены. Вид с юга. Фото.

Рис. 8. Разрез № 2 на месте предполагаемой крепостной стены. Вид с юга. Фото.

Рис. 9. Площадка к востоку от впущенной в материк стены. Вид с севера. Фото.

Рис. 10. Юго-восточная башня Кампыртепа. Ремонтная стена. Вид с востока. Фото.

Рис. 11. Помещение 1. Вид с севера. Фото.

Рис. 12. Керамический комплекс башни с нижнеого материкового пола.

Рис. 13. Комплекс индивидуальных находоки монета с пом. №1 кушанского периода.

Рис. 14. Керамический комплекс пом. №1 периода Канишки I.

Рис. 15. Топографический план юго-восточной башни с входным комплексом на нижней террасе.

Рис. 16. Вид с высоты юго-восточной башни на входной комплекс. Фото.

Рис. 17. Архитектурный разрез ю-в башни и входного комплекса.

Рис. 18. Первый строительный период кушано-юэджийского периода с видом на первую террасную ступень на фоне юго-восточной башни

Рис. 19. Керамический комплекс I хронологического периода юго-восточного входного комплекса

Рис. 21. Грузила I хронологического периода юго-восточного входного комплекса.

Рис. 22. Стена 2 строительного горизонта

Рис. 23. Стена 2 строительного горизонта. Вид с юго-запада

Рис. 24. Индивидуальные находки кушанского периода (женская статуэтка, статуэтки зооморфных ручек, керамический алтарик)

Рис. 25. Нумизматический материал из юго-восточного входного комплекса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АМА — Античный мир и археология. Саратов
БИ — Боспоские исследования. Керчь; Симферополь
БС — Боспорский сборник. Москва
БЧ — Боспорские чтения. Керчь
ВВ — Византийский временник. Москва
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ДА — Донская археология. Ростов-на-Дону
ДБ — Древности Боспора. Москва
ИАК — Известия Археологической Комиссии. Санкт-Петербург; Петроград
ИЗ АН УССР — Институт зоологии АН УССР
КБКАМ I — Абрамзон М.Г., Фролова Н. А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Suppl. 2. 2007–2008.
КБН — Корпус Боспорских Надписей. Москва; Ленинград
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МНМ — Мифы народов мира Т. I–II / С.А. Токарев (ред.).Москва, 1987.
МТЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции
НА ИА НАНУ— Научный архив Института археологии НАН Украины
НА РО ИИМК РАН — Научный архив рукописный отдел Института истории материальной культуры
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НВА ГИМ — Научно-ведомственный архив Государственного исторического музея
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОР ГМИИ — Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов
РА — Российская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва
СА — Советская археология. Москва
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
СГМИИ — Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
СЭ — Советская этнография. Москва
ТОИИКАМГЭ— Труды Отдела истории и культуры античного мира Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь
ЭВ — Эпиграфический вестник. Москва
AAE — Arabian Archaeology and Epigraphy. Köpenhagen
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden; Boston; Köln
ADelt — Αρχαιολογικόν Δελτίον. Athens

AEphem	—	Ἀρχαιολογικῆ Ἐφημερίς. Athens
AJN	—	American Journal of Numismatics. New York
AM	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Berlin
BAR	—	British Archaeological Reports. Oxford
BCH Suppl.	—	Bulletin Correspondence Hellenec. Supplementum. Paris
BCH	—	Bulletin de correspondance hellénique. Athens
BMC 1	—	A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Italy. London, 1873.
BMC 2	—	A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Sicily. London, 1876.
BMC 15	—	Wroth W. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of the Greek coins of Mysia / Ed. R. S. Pool. London, 1892.
BMC 17	—	Head B. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of the Greek coins of Troas, Aeolis and Lesbos. London, 1894.
BMC 18	—	Head B. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes, etc. London, 1897.
BSA	—	Annual of the British School at Athens
Chios	—	McCabe D.F. Chios Inscriptions. Texts and List. The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia. The Institute of Advanced Study. Princeton, 1986
CIRB-Album	—	Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginum. Санкт-Петербург, 2004
CRAI	—	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-Rendus. Paris.
Epigr. tou Oropou	—	Petrakos V.Ch. Hoi Epigraphes tou Oropou. Vivliotheke tes en Athenais Archailogikes Hetaireias. 170. Athens, 1997.
HGK	—	Herzog R. Heilige Gezetze von Kos. Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1928.
IGCH	—	An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. M. Thompson, O. Mørkholm, C.M. Kraay. New York, 1973.
Iscr. di Cos	—	Segre M. Iscrizioni di Cos. Monografie della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. 6. Rome, 1993.
LGPN	—	Lexicon of Greek Personal Names
LIMC	—	Lexikon iconographicum mythologiae classicae. Zürich, München
LSCG	—	Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969.
LSS	—	Sokolowski W. Lois sacrées des cités grecques. Supplément. P., 1962.
MDAFA	—	Memoires de la delegation archeologique Francaise en Afghanistan
Naville IV	—	Monnaies grecques antiques provenant des collections de S. A. J. le Grand-Duc Alexandre Michailovitch, de sir Arthur J. Evans. Geneve, 1922.
Naville XII	—	Catalogue. Monnaies grecques et romaines. Génève, 1926.
NC	—	The Numismatic Chronicle. London.
Paton-Hicks	—	Paton W.R., Hicks E.L. The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891.
PSAS	—	Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London.
RIC X	—	Roman Imperial Coinage. Vol. X: Kent J.P.C. The Divided Empire and the Fall of the Western Parts. AD 395-491. London, 1994.
RN	—	Revue Numismatique. Paris.
RPC I	—	Burnett A., Amandry M., Ripolles P.-P. Roman Provincial Coinage. Vol. I–II. London–Paris, 1992.
SNG Aulock	—	Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor. Vol. I-IV. New Jersey, 1987.
SRAA	—	Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
Thes. CRA	—	Thesaurus cultus et rituum antiquorum.
ZDMG	—	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig–Wiesbaden.
ZFS	—	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. Neue Folge. Vereint mit Beiträgen zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. Göttingen.
ZPE	—	Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

“Вольное Дело” — “начальнику Фанагории” 3
Юбилей Владимира Дмитриевича Кузнецова..... 5

ИСТОРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНАГОРИИ

Трейстер М. Ю. (Берлин) — Золотые украшения из слоя пожара 63 г. до н.э. на акрополе Фанагории 12
Абрамзон М. Г. (Магнитогорск) — Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок..... 22
Кузьмина Ю. Н. (Москва) — Керамический комплекс второй четверти V в. до н.э. из раскопок на южной окраине Фанагории 44
Застрожнова Е. Г. (Санкт-Петербург) — Из истории археолого-топографического изучения Фанагории в 1921–1929 гг. 50
Голофаст Л. А., Ольховский С. В. (Москва) — Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани 55
Шавырина Т. Г. (Москва) — Бронзовый медальон из женского захоронения № 27 (восточный некрополь Фанагории) 79
Шавырина Т. Г. (Москва) — Бронзовое зеркало с рельефным орнаментом из Фанагории 106
Добровольская Е. В. (Москва) — Опыт археозоологических исследований взаимодействия скотоводства и охоты в Северном Причерноморье: Фанагория и Мысхако 1 123

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Dupont P. (Lyon) — Note Sur un Rechaud Portatif Archaïque De Berezan 131
Буйских А. В. (Киев) — Хиосский кубок стиля Grand из Борисфена 135
Мордвинцева В. И. (Симферополь) — Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные клады» Северного Причерноморья III–I вв. до н.э. 144
Журавлев Д. В. (Москва) — Пронизи в виде фигуры стоящего скифа из кургана Куль-Оба (по материалам собрания собрания Государственного исторического музея) . 157
Сапрыкин С. Ю., Пыслару И. (Москва) — Новые данные о культе императора Августа в Каллатисе 168
Зинько В. Н. (Керчь) — Позднеархаическая история европейского Боспора в свете новейших археологических исследований 183
Завойкин А. А. (Москва) — Союз коня и всадника (заметки о «Боспорской Федерации» Периода Ранних Спартокидов) 194
Молев Е. А. (Нижний Новгород) — О титулатуре Левкона I..... 208
Масленников А. А. (Москва) — От хижин к «дворцам» и «казармам» (к эволюции домостроительства на хоре античного Боспора) 214
Виноградов Ю. А. (Санкт-Петербург) — Основные итоги изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове 233

Абрамзон М. Г. (Магнитогорск), *Карпов Д. А.*, *Сударев Н. И.* (Москва) — Золотой статер Асандра с магическим граффито и лабрис из жертвенника на античном поселении Цемдолинское 1 242
Завойкина Н. В. (Москва) — Из истории боспорской элиты II–III вв.н.э.: Юлий Менестрат и Хофразм, сын Фаргобака 250
Бухарин М. Д. (Москва) — К дискуссии о языке скифов: переход древнеиранского **xš- > *s-* и его отражение в древнегреческом 263
Гаибов В. А., *Кошеленко Г. А.* (Москва) — От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников 286
Требелева Г. В., *Юрков Г. Ю.*, *Горлов Ю. В.* (Москва), *Цвинария И. И.*, *Агумаа А. С.*, *Кайтан Ш. Г.* (Сухум) — Абхазские средневековые памятники: анализ технологии строительства и вопросы датировки 297

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Рунг Э. В. (Казань) — Понятие «Патриотизм» и его древнегреческие коннотации 304
Ленская В. С. (Москва) — Жрец и жертвоприношение в Древней Греции 315

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Гаибов В. А. (Москва) — Об истоках одного мотива в парфянском монетном деле 332
Двуреченская Н. Д. (Москва) — Юго-восточный узел фортификации крепости Кампыртепа (башня и входной комплекс–пристань) 338

CONTENTS

Volnoe Delo Foundation to Phanagoria Chief 3
Jubilee of Vladimir Dmitrievich Kuznitsov 5

HISTORY

PHANAGORIAN STUDIES

M. Yu. Treister (Berlin) — Gold Jewelry from Phanagorian Acropolis Fire Layer of 63 BC 12
M. G. Abramzon (Magnitogorsk) — Gold Antique and Byzantine Coins from Phanagorian Finds 22
Yu. N. Kuzmina (Moscow) — Ceramic Complex of the Second Quarter of the 5th century BC from the Excavation in the Southern Suburb of Phanagoria 44
Ye. G. Zastrozhnova (St.-Peterburg) — Archaeological-topographic History of Phanagorian Studies in 1921–1929 50
L. A. Golofast, S. V. Ol'khovskiy (Moscow) — Amphorae from Underwater Excavations in the Harbour of Phanagoria 55
T. G. Shavyrina (Moscow) — The Bronze Medallion from a Woman's Grave no. 27 (The East Necropolis of Phanagoria) 79
T. G. Shavyrina (Moscow) — The Bronze Sarmatian Mirror with a Relief Ornament from Phanagoria 106

Ye. V. Dobrovolskaya (Moscow) — Comparative Archaeozoological Studies of Cattle-Breeding and Hunting in the Northern Black Sea Region: Myskhako I and Phanagoria 123

THE BLACK SEA REGION

P. Dupont (Lyon) — Note Sur un Rechaud Portatif Archaïque De Berezan 131
A. V. Buiskikh (Kiev) — Chian Grand Style Goblet from Borysthenes 135
V. I. Mordvintseva (Sympheropol) — The Assemblage of Artefacts from Bulakhovka and the "Ritual Hoards" of the North Pontic Region of the 3rd — 1st centuries BC..... 144
D. V. Zhuravlyov (Moscow) — Pendants in the Form of a Standing Scythian from the Burial Mound Kul Oba (Based on State Historical Museum Collection)..... 157
S. Yu. Saprykin, I. Pyslaru (Moscow) — New Evidence on Emperor Augustus Cult in Callatis..... 168
V. N. Zinko (Kerch) — Late Archaic History of the European Bosporus in the Context of Recent Archeological Studies 183
A. A. Zavoikin (Moscow) — The Alliance of the Horse and the Rider (Notes on "The Bosporan Federation" of the Early Spartokid Period) 194
Ye. A. Molev (Nizhny Novgorod) — Leukon's Titles 208
A. A. Maslennikov (Moscow) — From Huts to Palaces and to Military Barracks (House-Building Evolution on Ancient Bosporan Chora) 214
Yu. A. Vinogradov (St.-Peterburg) — Basic Results of study of the Artyushchenko I Settlement (Taman Peninsula)..... 233
M. G. Abramzon (Magnitogorsk), *D. A. Karpov, N. I. Sudarev* (Moscow) — Asahder's Gold Stater with Magic Graffito and a Labrys Found in the Sanctuary at the Ancient Settlement of Tsemdolinskoe 1 242
N. V. Zavoikina (Moscow) — On the History of Bosporan Elite of 2nd — 3rd centuries AD: Julius Menestratus and Khophrasm, the Son of Phargobacus..... 250
M. D. Bukharin (Moscow) — Transition Of Old Iranian **xš-* > **s-* and Its Reflection in Ancient Greek as an Issue of Debate on Scythian Language..... 263
V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko (Moscow) — From Khwaresm to the Bosporus: Sarmatian Horseman Posture 286
G. V. Treveleva, G. Yu. Yurkov, Yu. V. Gorlov (Moscow), *I. I. Tsvinariya, A. S. Agumaa, Sh. G. Kaitan* (Sukhum) — Abkhazian Medieval Monuments Construction Methods and Dating 297

ANCIENT GREECE

E. V. Rung (Kazan) — Patriotism and Its Ancient Greek Connotations..... 304
V. S. Lenskaya (Moscow) — Priest and Sacrificial Offering in Ancient Greece..... 315

ANCIENT ORIENT

V. A. Gaibov (Moscow) — Sources of a Motif in Parthian Coinage..... 332
N. D. Dvurechenskaya (Moscow) — South-Eastern Unit of Kampyrtepa Fortification (The Tower and The Entrance-Pier) 338

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2013

На 1-ой стр. обложки: Оборотная сторона серебряной драхмы Фанагории. 90–80 гг. до н.э.

На 2-ой стр. обложки: Оборотная сторона обола Агриппии (Фанагории) 13–12 гг. до н.э.

Сдано в набор 10.05.2013. Подписано в печать 25.06.2013.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Владимир Дмитриевич Кузнецов

К Юбилею Владимира Дмитриевича Кузнецова оборот пустой.

Цветная вклейка № 1 к статье Трейстера

Рис. 1. Общий вид находок. Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер.

Цветная вклейка № 2 к статье Трейстера

Рис. 2. Перстни. Кат. № 1–2. Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер.

Цветная вклейка № 3 к статье Трейстера

Рис. 3. Серьга. Кат. № 3. Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер

Цветная вклейка № 4 к статье Трейстера

Рис. 4. Серьга. Кат. № 4. Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер.

Цветная вклейка № 5 к статье Трейстера

Рис. 5. Постамент подвески (?) (кат. № 6) и часть щитка серьги (?) (кат. № 5). Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер.

Цветная вклейка № 6 к статье Трейстера

Рис. 6. Полурасплавленные предметы кат. № 7–8. Фанагория, 1999 г. Раскоп «Верхний город» Объект 85. Москва, Институт археологии РАН. Фото М. Ю. Трейстер.

Цветная вклейка № 7 к статье Абрамзона

Золотые монеты из Фанагории

Цветная вклейка № 8 к статье Шавыриной

Бронзовый медальон из Фанагории

Цветная вклейка № 9 к статье Шавыриной

Бронзовое зеркало из Фанагории

Цветная вклейка № 10 к статье Буйских

Рис. 2. 1 — Фрагмент 1. № АМ 2370/6601; 2 — Фрагмент 2. № 2369/6600; 3 — Фрагмент 3. № 2368/6599. Рис. 3. Фрагмент 4. № 2371/6602.

Цветная вклейка № 11 к статье Мордвинцевой

Рис. 7. Фалары из клада у Булаховки.

Цветная вклейка № 12 к статье Журавлева

Рис. 1. Пронизи с изображение скифа. Государственный исторический музей, Москва. Фото И. А. Седенькова.

Цветная вклейка № 13 к статье Абрамзона, Карпова, Сударева

Вотивные предметы из жертвенника (Цемдолинское)

Цветная вклейка № 14 к статье Завойкиной

Рис. 1. Фанагорийский постамент. Перевод надписи: «В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя Тиберия Юлия Савромата (его статую), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, любящего отечество, пожизненного первосвященника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, архикойтонит, своего бога и владыку почета ради

Цветная вклейка № 15 к статье Гаибова и Кошеленко

Рис. 1. Гемма из частной коллекции Джонатана Розена в Нью-Йорке

Цветная вклейка № 16 к статье Двуреченской

Рис. 20. Индивидуальные находки и монета I хронологического периода юго-восточного входного комплекса